

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Collins

1937

ENT

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί' αἰσχρὸν, τοῖς τέρας μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γνῶναι μήτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυγνομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ СТО-ВТОРОЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙНА.

1850.

253629

EP

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по окончаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ указанное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 18 Июля 1859.

Ценсоръ И. Срезневскій,

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ

o

СИРИИ и ПАЛЕСТИНЫ

1844 — 1847.

=

Четырнадцатаго апрѣля 1844 года рано утромъ нашъ военный бригъ «Неаркъ» бросилъ якорь противъ Бейрута, въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ берега. Съ борта корабля видъ города, при совершенно ясной погодѣ, болѣе чѣмъ прекрасенъ: окрестности его — живая, величественная картина. Проплававъ девять сутокъ по безпредѣльной пустынѣ водъ, мы съ невыразимымъ восторгомъ увидѣли оживленную пристань торговаго города, его древнія крѣпостныя стѣны и башни, бѣлые загородные домики, которые цѣлымъ архипелагомъ возвышались надъ волнистою зеленью садовъ, окружающихъ Бейрутъ. Въ то же время снѣжный хребетъ облачныхъ Ливановъ привлекъ на себя наши взоры, — мы благоговѣли передъ грозною красотою этого вѣковѣчнаго исполина: стоглавый, въ вѣнцахъ ледяныхъ, онъ царственнымъ величіемъ своимъ заставляетъ робѣть взоръ непривычный. Лучистое солнце Востока выходитъ изъ-за его вершинъ и, какъ смѣлая мысль, паритъ въ безкопечной синевѣ небесъ; а потомъ, какъ усталый отъ зноя путникъ,

погружается вечеромъ въ холодныя волны Средиземнаго моря.

Четверка снушена,—мы вышли на берегъ и жалѣли, что нельзя было долѣе оставаться на гостепріимномъ бригѣ. Едва успѣли мы сдѣлать шагъ на твердую землю, и половина нашего очарованія уже исчезла:—прибрежье мелководно и устьяно большими острыми камнями, такъ что простая рыбацья лодка не можетъ безъ опасности пристать къ берегу, на который также должно взбираться по обломкамъ разрушенной лѣстницы, быть-можетъ, иѣкогда прекрасной набережной. Пройдя иѣсколько улицъ, извилистыхъ и душныхъ, мы были въ самомъ началѣ разочарованы совершенно. Мы спѣшили за городскія ворота, чтобы отдохнуть душою и тѣломъ въ садахъ, которые такъ обворожили насъ издали; но напрасно искали на берегу того, что видѣлось намъ съ моря, чѣмъ такъ восхищались на кораблѣ. Домики въ садахъ, казавшіеся намъ восхитительными обителями счастливыхъ Сирійцевъ, вблизи походятъ скорѣе на огромныя улья, на груды камней, собранныхъ случайно въ одно мѣсто, чѣмъ на произведеніе рукъ человѣка — существа разумнаго, мыслящаго; однако въ этихъ бѣдныхъ домишкахъ живутъ люди, слѣдовательно и мы принуждены въ нихъ жить! Сады — безъ дорожекъ, со вспаханымъ грунтомъ, заняты исключительно тутвыми деревьями (шелковицами), не дающими ни малѣйшей тѣни, потому что жители здѣшніе, собирая листья для шелковичныхъ червей, срубаютъ вмѣстѣ и вѣтви: но щедрая природа Востока, черезъ два, три мѣсяца снова снабжаетъ вѣтвями и одѣваетъ роскошною зеленью обнаженные короткіе стволы деревъ, которымъ люди не дадутъ подняться выше четырехъ, пяти аршинъ.

Вотъ вамъ впечатлѣнія перваго дня: увидя берегъ съ моря, пораженные величественною красотою природы, мы думали найти «рай земной, страну благословенную!» а послѣ, пожалѣли, зачѣмъ она, прекрасная, попала въ руки певъждъ! Здѣсь человѣкъ безсовѣстно искажилъ свою богатую красоту и дарами отчизну.

Когда-то мы читали краснорѣчивыя описанія волшебнаго Востока, его роскоши, его дворцовъ, гаремовъ и садовъ; теперь, повѣряя эти восторженныя сказанія опытомъ, думаемъ, что большая часть путешественниковъ-описателей смотрѣли на берега Востока только съ бортовъ кораблей, и въ день нашего прибытія, или увлеченные зара

нѣе поэтическія преданія о странѣ солнца и чудеса, не хотѣли, не могли отказаться отъ любимой мечты, влелеблѣнной годами ожиданій. Страна эта прекрасна въ-самомъ-дѣлѣ, но сколько невѣрныхъ понятій обыкновенно сообщаютъ намъ о всемъ, что она производитъ, или лучше — что портитъ въ ней рука человѣка! Въ Петербургѣ, холодною зимою мы сами мечтали у каминна:

«Востокъ, Востокъ — страна счастливая», и проч.

Въ городѣ также нѣтъ красивыхъ зданій; впрочемъ, безобразіе и неудобство жилищъ не лишали насъ удовольствія любоваться картинною природою Сиріи, — стоить только передъ захожденіемъ солнца взойти съ открытой галлерей или залы безъ потолка, занимающей обыкновенно середину дома, на его плоскую, каменную кровлю; оттуда видны, какъ съ борта корабля, и грозные Ливаны, и восхитительныя окрестности Бейрута. Городъ у ногъ вашихъ опять рисуется, опять льститъ воображенію, и вы снова увлечены его своеправнымъ беспорядкомъ!... Какъ живописна издали его нестройность! Вы видите множество небольшихъ садовъ и цвѣтниковъ въ самыхъ стѣнахъ города; а пройдите по улицамъ и не найдете ни одного; они, какъ восточныя красавицы, прячутся подъ бѣлымъ покрываломъ каменныхъ стѣнъ. Тамъ вѣчно шумная набережная торговаго города, заселена большими домами, на которыхъ развѣваются флаги консульствъ иностранныхъ державъ. Далѣе за городскими стѣнами, опять великолѣпная картина роскошныхъ садовъ, съ обольстительными домиками; — они восходятъ по исполинскимъ ступенямъ берега отъ моря къ Ливанамъ. Къ сѣверу разстидается Средиземное море волнистою голубою равниной. Видъ безграничной пустыни моря стоить великаго Ливана! Они оба вмѣстѣ составляютъ изумительную картину: гигантскіе размѣры двухъ противоположныхъ стихій самовластно поработаютъ ваше вниманіе.

Жители Бейрута не довольствуются, для своего развлеченія, плоскими кровлями и открытыми галлерейми домовъ; для живаго огненнаго характера Араба домашняя, вялая жизнь Турка была бы невыносима. Обыкновенно мужчины здѣсь съ ранняго утра до поздняго вечера не заглядываютъ домой: одни трудятся, другіе дѣлаютъ кейфъ; особенно любятъ они посѣщать кофейни, гдѣ днемъ дожорощенные

артисты или даютъ концерты, или передразниваютъ римскихъ гладиаторовъ; а по захожденіи солнца является разскащикъ былей и небылицъ съ толстою книгою. Чтеніе продолжается два часа, пока музизинъ не запоетъ на минаретѣ *Намазъ*—*Икинды вакъетъ*, вторую вечернюю молитву. Часто рукоплесканія или хохоть,—громкія изъявленія благосклонности толпы, прерываютъ чтенца; но награда положительная ожидаетъ его въ концѣ, когда всякій изъ слушателей, по силамъ и средствамъ, благодаритъ парами и пиастрами за доставленное удовольствіе. Загородныя кофейни и мейхане (трактиръ, путевый домъ), кладбища и сады, лежащіе по берегу моря также по цѣлымъ днямъ наполнены посѣтителеми то гуляющими, то трудящимися. Европейцы, занятые днемъ перепискою и счетами въ своихъ кабинетахъ и конторахъ, передъ закатомъ солнца отправляются верхомъ или пѣшкомъ гулять за городъ. Самая приятная, ближайшая и удобная прогулка для пѣшеходовъ — *Растъ-Бейрутъ*, къ западу отъ города, куда надобно пробираться по узкой тропинкѣ между садами и обрывами крутаго берега. Тамъ на большомъ пространствѣ обломки, а по мѣстамъ цѣлыя гранитныя колонны, поверженныя и вросшія въ землю, кучи камней, доселѣ сохранившіе правильность четырехугольниковъ и крѣдкіе своды, — остатки смѣлыхъ зданій, возносившихся надъ водою и разрушенныхъ желѣзною рукою времени и яростными валами моря — достаточно свидѣтельствуютъ, что древній *Беритъ* занималъ гораздо большее пространство, чѣмъ нынѣшній Бейрутъ, съ этой стороны.

Тотчасъ же за воротами города есть довольно большая и круглая площадь, посреди которой стоитъ огромное дерево, раскинувшее далеко вокругъ себя вѣтви въ видѣ обширнаго шатра; у подножія его въ жаркіе дни всегда можно найти нѣсколько человѣкъ праздныхъ богачей, пришедшихъ сюда изъ душнаго города кейфствовать и наслаждаться чистою, благоуханною прохладою, и бѣдняковъ, утомленныхъ трудомъ и зноемъ, отдыхающихъ въ его живительной тѣни и забывающихъ здѣсь на минуту своего горе. Когда жаръ спадаетъ, арабская молодежь выходитъ толпами играть и рѣзвиться. Тогда въ разныхъ мѣстахъ вы увидите нѣсколько почтенныхъ наружностью мусульманъ, которые, разостлавъ на лугу ковры, совершаютъ всенародно свой вечерній намазъ (молитва); другіе только что приготовляются къ нему, омы-

вая по обычаю Востока лицо, руки и ноги свѣтлою водою невсякающаго фонтана. На концѣ площади, противоположномъ городу, есть небольшое мусульманское кладбище, болѣе всего посѣщаемое женщинами, которыя здѣсь одѣваются одинаково, безъ различія исповѣданій: всѣ закутаны съ головы до ногъ въ бѣлыя широкія мантии, такъ что иногда ихъ можно принять за надгробныя мраморныя статуи, воздвигнутыя надъ могилами; лица завѣшены совершенно черными платками, испещренными бѣлыми арабскими буквами, набранными болѣею частью безъ всякаго значенія. Во всѣ часы дня вы встрѣтите также арабскихъ женщинъ, сидящихъ праздно по нѣскольку часовъ у моря, по уступамъ утесистаго берега. О чемъ ведутъ онѣ свои нескончаемые разговоры, — догадаться трудно. Ужели о модахъ? Но отъ протцевъ-пастырей до нашихъ временъ здѣсь очень мало измѣнились обычаи и одежда. Созерцаютъ ли онѣ безоблачное, темноглубое небо своей священной родины? дивятся ли ея величію, ея вѣчнымъ красотамъ? или въ разногласномъ гулѣ морскихъ волнъ, приходятъ подслушать любимый звукъ, гармонирующій съ тайною струною сердца, съ завѣтною мыслью? Сколько могли мы проникнуть въ тайны наряда Арабовъ, намъ извѣстно, что и онѣ, въ свою очередь, бываютъ жертвами модъ; а непроницаемая покрывала, скрывая женщинъ отъ ревнивыхъ взоровъ, нисколько не стѣсняють женской свободы, по папротивъ, предоставляютъ огненному воображенію красавицъ болѣе пространное поприще для штригъ.

Берегъ съ правой стороны города на дальнее разстояніе, еще явственнѣе сохранилъ доказательства прежняго цвѣтущаго состоянія одного изъ главнѣйшихъ пунктовъ торговли Востока въ древности. Далѣе, по тому же направленію, за часъ ѣзды отъ города къ Ливанамъ — Нагр-уль-Бейрутъ (рѣка Бейрутъ), а тамъ опять на разстояніи двухъ часовъ — Нагр-уль-Кяльбъ (Собачья рѣчка). Не доходя первой, есть православное кладбище въ природномъ великолѣпномъ саду померанцевъ и оливъ; тамъ же церковь Святаго Димитрія, до половины изсѣченная въ скалѣ; а по обѣимъ сторонамъ рѣки до горнаго хребта опять разстилаются сады и долины, покрытыя волшебными рощами жасмина, маслинъ и другихъ богатыхъ растеній Юга.

Нагр-уль-Кяльбъ вырывается изъ отеческихъ вѣдръ Ли-

вана, и широкимъ, бурнымъ потокомъ несетса въ море, гдѣ губить свою свѣтлую прѣсную воду.

Берега обѣихъ рѣкъ, не смотря на свою роскошную и разнообразную красоту, посѣщаются рѣдко по причинѣ дурныхъ дорогъ, какъ и песчаные холмы и Хуршъ-Бейрутъ (сосновая роща на песчаной же долинѣ къ югу, за полчаса отъ города, разведенная Ибрагимомъ-Пашею). Многіе изъ Европейцевъ проводятъ лѣтніе жаркіе мѣсяцы на дачахъ въ горахъ. Отсюда виды измѣняются: угрюмая важность Ливановъ исчезаетъ, а живая равнина моря и долины блещутъ жизнью и радостью; вообще природѣ здѣсь разнообразна: то свѣтла и весела, то печальна, величава.

Климатъ Сиріи, прекрасной сосѣдки земли обѣтованной, вообще пріятенъ и здоровъ. Воздухъ, освѣжающійся моремъ, довольно чистъ и пріятенъ; но въ немъ нѣтъ упругости, облегчающей дыханіе и умѣряющей слишкомъ быстрое развитіе жизненныхъ силъ; развитіе, которое, способствуя къ преждевременному совершенству тѣла, также скоро старить его, уничтожаетъ силу и красоту. Здѣсь двадцати-пяти-лѣтнему мужчинѣ, вы всегда дадите лѣтъ тридцати-пять и сорокъ; женщины двадцати-пяти и тридцати-лѣтъ нисколько не моложе нашихъ сорока и пятидесяти-лѣтнихъ; у дѣтей какъ тѣло, такъ и нравственные способности развиваются очень быстро и никакъ нельзя по одному виду опредѣлить ихъ возрастъ даже приблизительно. Въ браки здѣсь вступаютъ очень рано, особенно Евреи, потомъ мусульмане; христіане позже другихъ. Бываютъ примѣры въ первыхъ двухъ исповѣданіяхъ, что мальчикъ тридцати и пятнадцати лѣтъ супругъ девяти и одиннадцати-лѣтней жены.

Точнѣе опредѣлить климатъ каждаго участка въ особенности можно по успѣхамъ растительности; но почва здѣсь также не вездѣ одинакова; во внутреннихъ и нагорныхъ округахъ она гораздо плодороднѣе, чѣмъ въ приморскихъ; особенно окрестности Бейрута и Триполи не отличаются богатствомъ и качествомъ своихъ произведеній. Растенія садовъ ихъ однообразны; цвѣты рѣдки и бѣдны, развѣ случайно кто-нибудь выделѣетъ нѣсколько букетовъ; окрестности же Кайфы и Сайды могутъ спорить съ плодородными долинами Антиохіи и Дамаска. Горы Ливанскія и Антиливанскія богаты произведеніями всякаго рода и растительности и жив-

ности; поэтому не должно судить о Сириѣ и ея климатѣ по безплодности нѣкоторыхъ приморскихъ мѣстъ, гдѣ почва или каменная, или песчаная, или солончаки, притомъ ничѣмъ не защищенная отъ вліянія палящаго солнца, опустошительныхъ вѣтровъ и вредныхъ испареній моря, которыя, губительно дѣйствуя на человѣка и животныхъ, неблагоприятствуютъ также и растительности. Но чѣмъ далѣе углубляетесь во внутренность страны, гдѣ возвышенность почвы, изобиліе въ прѣсной водѣ и оградительное положеніе горъ умѣряютъ дѣйствіе жару, сырости и вѣтровъ, благо-растворенность климата постепенно дѣлается очевиднѣе по возрастающему развитію царства прозябаемаго. Дамаскъ напримѣръ, не смотря на отдаленность моря, закрытаго передъ нимъ двойною цѣпью горъ, славится благотворною умѣренностью своего климата. Вообще Сириѣ, со включеніемъ Палестины, есть великолѣпный садъ земнаго шара; здѣсь растутъ многочисленными семьями роскошные цвѣты, спѣютъ разнообразныя и рѣдкія плоды, которыхъ запахъ и вкусъ доходятъ иногда и до нашего Сѣвера, вмѣстѣ съ разказами о чудесахъ ихъ отчизны.

Лучшимъ временемъ года почитаются здѣсь мѣсяцы апрѣль и май; потомъ жары усиливаются и становятся несносными въ іюль, августъ и сентябрь; это время года нездоровое для туземцевъ, особенно вредно для иностранцевъ; иногда съ мая до ноября, воздухъ не освѣжается ни одною каплею дождя; иногда облака, сгущаясь, закрываютъ солнце на цѣлый день. Западный вѣтеръ, прилетая съ моря, также благотворенъ.

На Востокѣ, лѣтомъ лучшая часть сутокъ — ночи; пріятно наслаждаться ихъ прохладою, послѣ долгаго, утомительно-знойнаго дня; пріятно смотрѣть на синее безоблачное небо, на серебряную луну, затмѣвающую своимъ сіяніемъ блескъ прочихъ свѣтилъ, а въ ночи безлунныя — на яркое золото звѣздъ, которыя сіяютъ здѣсь необыкновенно ярко. По южная ночь — красавица коварная; берегитесь заснуть подъ ея чарующія ласки богатырскимъ сномъ Самсона, — она какъ Далида измѣнивически обрѣжетъ крылья вашихъ силъ; — ея роковыя ножницы — вредная сырость отъ испареній земли и моря, а также по закатѣ солнца роса, хотя мгновенная, но сильная, проникающая до костей. Старожилы говорятъ, что жаркое лѣто стоитъ до половины октября; тогда начи-

наютъ перепадать дожди, которые въ ноябрѣ и декабрѣ дѣлаются почти непрерывными и проливными; сопровождаются страшными бурями и на морѣ и на сушѣ. Въ то же время на горахъ идетъ сильный снѣгъ, который не успѣваетъ стаять до новой зимы, а привозится лѣтомъ въ Бейрутъ горцами для продажи за дорогую цѣну, какъ лакомая вещь. Январская погода, говорятъ, та же, что и въ октябрѣ: эти два мѣсяца почитаются лучшими послѣ апрѣля и мая. Въ февралѣ и мартѣ опять являются дожди, грозы и бури. Впрочемъ, говорить о сирійской зимѣ, мы можемъ не прежде будущей весны, когда сами испытаемъ ее, когда будемъ свидѣтелями этихъ тропическихъ дождей и бурь равноденствія.

Теперь же каждый день, передъ захожденіемъ солнца, мы гуляемъ по берегу моря; далеко кругомъ видимъ сады, зеленыя рощи, цвѣтушія долины до подножія горъ, а тамъ, выше половины ихъ, разбросаны по живописнымъ скатамъ деревни, окруженныя рощами и плодоносными пажитями; но вѣчные снѣга вѣнчаютъ бѣлыми чалмами доступныя лишь взору вершины Ливана, и мы, среди лѣгняго жара, тщетно прося у моря прохлады, вперемъ жадно глаза на заоблачныя льды, озаренныя лучами заходящаго солнца, видимъ зиму какъ въ панорамѣ, и всякой разъ вдыхаемъ невольно — сердце русское вспоминаетъ про русскую зиму.

Хотя Бейрутъ уступаетъ, можетъ-быть, въ благорастворенности своего климата прочимъ мѣстамъ Сиріи, но, находясь въ центрѣ береговой линіи, останется всегда главнымъ портомъ страны, богатой всѣми произведеніями природы.

Послѣ человека, первое мѣсто въ Сиріи между животными, по справедливости должно принадлежать осламъ и лошадкамъ, раздѣляющимъ съ нимъ всѣ труды. Здѣшніе лошади славятся своею силою, легкостью и красотою; притомъ онѣ довольно дешевы, но употребляются только туземною знатью, Европейцами и путешественниками. Рогатый скотъ хорошей крупной породы, но разводится въ небольшомъ количествѣ и не составляетъ другой выгоды, какъ только продовольствіе края; жители обрабатываютъ свои поля волами, а изъ молока коровъ дѣлаютъ довольно хорошее масло и маленькіе бѣлые комки дурнаго пересоленнаго сыра. Овцы здѣшнія не уступятъ мериносамъ; вну-

три страны и въ горахъ большія стада ихъ находятъ богатая пастбища; шерсть изъ нихъ отправляютъ въ большіхъ тюкахъ въ Европу, откуда она часто возвращается на родину въ разныхъ видахъ, дорогихъ и дешевыхъ тканей, раззорять и стыдить лѣвивыхъ туземцевъ. Изъ овечьяго молока жители дѣлаютъ также масло и сыръ.

Шелкъ, собираемый въ изобиліи, имѣетъ одну часть съ шерстью. Верблюды хотя водятся въ множествѣ, но дороги, потому что они въ общемъ употребленіи для перевоза тяжестей и товаровъ; а въ долгихъ путешествіяхъ они необходимы, какъ надежный и помѣстительный экипажъ.

Изъ дикихъ звѣрей: кабаны водятся во множествѣ въ горахъ и лѣсахъ Сиріи; есть много зайцевъ, кроликовъ и другихъ мелкихъ животныхъ. Хамелеоны не рѣдкость во всякомъ саду, — это вовсе не красивое животное, родъ ящерицы безъ хвоста, походить на лягушку, только не прыгаетъ, а бѣгаетъ очень быстро, легко взбирается на деревья и принимаетъ свободно разные цвѣта, измѣняя ихъ мгновенно. Стада газелей могутъ почестъся временными посѣтителями палестинскихъ роскошныхъ пастбищъ. Шакаловъ здѣсь очень много; иногда встрѣчаютъ барсовъ. Жители Сиріи не любятъ трудной и опасной охоты; впрочемъ нужда родитъ въ чловѣкѣ отвагу: многіе бѣдняки, болѣею частью изъ Бедуиновъ, которыхъ все достояніе заключается въ конѣ, да въ гибкой, длинной пикѣ, иногда пускаются на смѣлый промыселъ и достаютъ маленькихъ тигренковъ, которыхъ продаютъ потомъ въ городахъ довольно дорого. Подмѣтивъ сперва логовище тигрицы, Бедуины часто по нѣскольку дней и всегда въ одиночку ждутъ въ засадѣ, пока она отлучится на поискъ пищи; тогда смѣлый охотникъ овладѣваетъ ея дѣтьми, кладетъ ихъ въ мѣшокъ, на коня, и несетъ домой. Часто тигрица, какъ бы предчувствуя бѣду, возвращается скоро домой и съ отчаяннымъ ревомъ бросается въ погоню по горячимъ слѣдамъ похитителя, и настигаетъ его: тогда онъ бросаетъ ей одного тигренка. Обрадованная мать спѣшитъ отнести его въ свое логовище и возвращается за другимъ; такимъ-образомъ она успѣваетъ иногда спасти отъ неволи нѣсколько своихъ дѣтенышей, иногда всѣхъ; слѣдуетъ только, чѣмъ менѣе охотникъ найдетъ ихъ въ логовищѣ, тѣмъ сомнительнѣе успѣхъ, тѣмъ опаснѣе побѣгъ, потому что тигрица, выручивъ послѣдняго, возвратится отщипать врагу.

Домашнее птицеводство въ совершенномъ упадкѣ; вся живность привозится въ Сирію бѣльшую частью изъ Кипра, Палестины и Египта. Изъ дичи, лѣтомъ встрѣчаются въ садахъ множество бекъ-фигъ; это маленькая птичка, съ воробья, но вкусъ мяса ея, пріятный и нѣжный, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравненъ. Зимой — куропатки, которыхъ многіе изъ жителей держатъ въ клѣткахъ за красоту перьевъ; мясо ихъ нѣжно и очень бѣло. Бекасы, прогоняемые холодомъ съ горъ, прилетаютъ во множествѣ въ тамошніе сады.

Безчисленные, разнообразныя плоды здѣсь вкусны и дешевы; изъ нихъ бананы, совершенно незнакомыя намъ въ Россіи, можно предпочесть всѣмъ прочимъ: дерево это растетъ въ видѣ травы, выводя стволъ изъ листьевъ очень длинныхъ и широкихъ; въ три года оно достигаетъ трехъ и четырехъ сажень вышины, на четвертый годъ приноситъ плодъ и потомъ умираетъ, а отъ корня идетъ новый отпрыскъ, наследникъ отцовскаго поприща. Плоды банана имѣютъ форму огурцовъ, кожу тонкую, но довольно твердую и зеленоватую; когда же они совершенно поспѣваютъ, то кожа принимаетъ цвѣтъ темно-лиловый, почти черный. Внутренность банана желтая прозрачная, нѣжна, чрезвычайно вкусна и ароматна, какъ ананасъ. Сирія богата фигою, виноградомъ, гранатами, померанцами и многими другими плодами Юга. Цѣлыя роши масличныхъ деревьевъ, неисчислимое богатство страны, могутъ одни удовлетворить всѣ потребности жителей, производящихъ ежегодно сборъ масла на нѣсколько милліоновъ, которое бѣльшую частью отправляютъ во Францію, гдѣ изъ него приготавливаютъ мыло. Яблоки растутъ въ Дамаскѣ, но дурны и дороги: о вишнѣ, клубникѣ, малинѣ и другихъ ягодахъ здѣсь не имѣютъ и понятія. Кедровыя орѣхи (по-арабски снубаръ) собираются въ избытокъ. Утверждаютъ, что плодъ древнихъ ливанскихъ кедровъ былъ не орѣхъ, а совсѣмъ другаго рода, и нынче уже не существуетъ, какъ и самое дерево, употреблявшееся іудейскимъ царемъ Соломономъ на построеніе знаменитаго храма. Теперь не болѣе трехъ, четырехъ старыхъ деревьевъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія, почитаются настоящими кедрами; — къ нимъ благоговѣтъ народъ и указываетъ иностранцу какъ на диковину; но за дряхлостью они уже не приносятъ плодовъ. Многія мѣста Сиріи, особенно нагорныя сады, долины Дамаска и Антиохіи, богаты розами разныхъ ро-

даль и цвѣтовъ; большія красныя и очень душистыя, шибють вкусъ горьковатый и нѣсколько ядовитый; жители извлекають изъ нихъ немного масла и воду; а изъ листочковъ сладкихъ красныхъ и бѣлыхъ розъ дѣлають превосходное варенье. Арбузы и дыни привозять въ Бейрутъ изъ Палестины, Кипра и Египта, Сирія чрезвычайно богата также и прочими овощами; но всѣ прекрасные произведенія страны, общіе и Сѣверу и Югу, здѣсь далеко уступаютъ въ качествѣ нашимъ. Сахарный тростникъ растетъ также на равнинахъ Сиріи: особенно богатъ имъ округъ Сайды, но безопасность или невѣжество Арабовъ, дѣлають это драгоценное произведеніе почти бесполезнымъ; только въ жаркіе дни здѣшніе жители любятъ высасывать изъ него сладкій сокъ.

Объ ископаемыхъ нельзя сказать ничего положительнаго. Арабы и Турки довольствуются тѣмъ, что находятъ на поверхности земли; впрочемъ, достоверно извѣстно, что въ правленіе Ибрагима-Паши былъ открытъ каменный уголь и даже производилась ломка его; но турецкое правительство еще не обращаетъ вниманія на этотъ новый источникъ доходовъ. Въ горахъ у Друзовъ, говорятъ, былъ когда-то открытъ случайно въ южной части ливанскаго хребта мѣдный рудникъ; но они, боясь, чтобы это открытіе не привлекло на нихъ стѣснительнаго вниманія паши, поспѣшили закрыть всѣ слѣды его; теперь слухъ объ этомъ ходитъ въ народѣ какъ сказка. Горы обонхъ хребтовъ, какъ первозданныя, заключаютъ въ себѣ граишь, мраморъ, иногда порфиръ; были примѣры, что случайно находили и драгоценныя камни.

Первое мѣсто между народонаселеніемъ Сиріи по справедливости должно принадлежать разноплеменнымъ инверпамъ, обитателямъ хребтовъ ливанскаго и антиливанскаго. Они душа и жизнь страны; на нихъ устремлено вниманіе турецкаго правительства, съ которымъ они если не навсегда, то еще очень надолго останутся въ страннхъ отношеніяхъ непріязненности и взаимной недоувѣрчивости; на нихъ устремлены также взоры европейскихъ державъ.

Горцы чрезвычайно трудолюбивы и преданы душою и тѣломъ своей отчизнѣ, но всѣ бѣдны до невѣроятности, потому что дѣятельность ихъ мало прибыльна, частью отъ невѣжества, а болѣе оттого, что раздѣляясь на многія разнорѣчныя поколѣнія, они безпрестанно враждуютъ между собою, сеорятся съ своими властями, гражданскими и духов-

ными, не покоряются правительству, безсильному привести въ исполненіе свои безчисленные противъ нихъ угрозы, на которыя оно не скупится. Отъ спокойствія же горцевъ зависитъ благосостояніе цѣлаго края.

Спустя нѣсколько дней по нашемъ прибытіи, междуособная брань загорѣлась въ горахъ. Друзы и Марониты — сосѣди и враги непримиримые. Недавно также Порта прислала сюда своего великаго адмирала Галиль-Пашу разобрать ихъ ссоры и успокоить умы.

Сирія, отъ сотворенія міра — безсмѣнный театръ переворотовъ и событій разнообразныхъ; по высокимъ горамъ, по обширнымъ степямъ ея странствовали то вдохновенные пророки, святые проповѣдники предвѣчнаго Слова, а потомъ то грубые и жадные обманщики сѣяли плевелы на божественной нивѣ, то образованіе и промышленность оживляли прекрасный Востокъ, край солнца, отчизну розъ, лавра и оливы; то дикіе и нищіе пастухи, вонны, пришельцы заливали ее кровью, и новые владѣтели на пеплѣ старыхъ жилищъ, на костяхъ побѣжденныхъ, строили себѣ новые пріюты. Нынѣ кто сочтетъ, кто разберетъ родословныя многочисленныхъ и перемѣшанныхъ племенъ Сиріи, различныхъ вѣрою и происхожденіемъ, но сходныхъ страстями, обычаями и языкомъ? Кто отличитъ бѣдныхъ потомковъ богачей Финикіянъ отъ осрубѣлыхъ поколѣній просвѣщенныхъ Римлянъ и Грековъ? Кто отличитъ пришельцевъ съ песчаныхъ степей аравійскихъ, выходцевъ изъ внутренней Азіи, отъ сыновъ огненной Африки?

Одни только кочующіе пастухи — разбойники, Бедуины, хотя также раздѣленные на множество поколѣній или большихъ семействъ, но всѣ единовѣрцы, могутъ доказать свое происхожденіе, сохранивъ неизмѣнно языкъ, вѣру и обычаи своихъ древнихъ предковъ; всѣ они съ колыбели до могилы живутъ на верблюдахъ и коняхъ, трубка у нихъ не гаснетъ, ружье всегда заряжено, кривая сабля отпущена; но самое любимое ихъ оружіе, которымъ они дѣйствуютъ съ невыразимою ловкостью и быстротою, это длинное, гибкое копье или пика.

Имя Бедуиновъ сдѣлалось славно въ нашихъ рассказахъ и басняхъ; мы привыкли представлять ихъ себѣ осуществленными идеалами чистоты сердечной, великодушія и благородства, притомъ самыми пламенными блюстителями

алкорана, грозною опорю Ислама и строгими исполнителями всѣхъ обрядовъ, завѣщанныхъ имъ Мугаммедомъ. Здѣсь же они не пользуются ни особеннымъ уваженіемъ, ни даже большою извѣстностью; имя ихъ рѣдко произносится и въ рѣчахъ правителей страны и въ устахъ народа. Они ко-чуютъ въ песчаныхъ степяхъ Сиріи, пограничныхъ съ Каменистою Аравіею, и дальше Дамаска ни одинъ изъ нихъ не бывалъ; только разъ небольшой отрядъ этого племени, и то давно, посѣтилъ Сен-Жанъ-д'Акръ, древнюю столицу Птолемея, по приглашенію знаменитаго эмира Дагера, котораго также давно забыла Сирія, забыли друзья — Арабы, забыли и враги — Турки. Бедуины, увидѣвъ тогда великую картину безбрежнаго моря, были поражены страшнымъ видомъ измѣлчивой водной пустыни, то бурной, покрытой громадами пѣнистыхъ валовъ, то свѣтлой и спокойной. Они съ любопытствомъ и удовольствіемъ смотрѣли на корабли, окрыленные бѣлыми парусами: но городъ имъ не нравился, — они не могли понять удобствъ и пріятности жить въ каменныхъ, неподвижныхъ домахъ, извѣковать всю жизнь на одномъ мѣстѣ, какъ живутъ рѣдкія пальмы ихъ степей. Однако они же съ гордостью и почтеніемъ рассказываютъ, что среди ихъ песчаныхъ степей стоятъ остатки великаго города Тадмора, воздвигнутаго мудрымъ Соломономъ, котораго они признаютъ за своего древняго царя.

Всѣ племена Сиріи, занимающіяся земледѣліемъ, подраздѣляются еще на многія поколѣнія, такъ что жители каждой деревни ведутъ свою родословную чуть не отъ всемірнаго потопа, часто враждуютъ между собою, или за святость вѣры, или за кровь родныхъ и друзей, или за выгоды земныя. Теперь самая замѣтная отличительная черта племенъ есть вѣроисповѣданіе, по которому можно иногда опредѣлить съ достовѣрностью и происхожденіе народа, не примѣняя, впрочемъ, этого правила къ многочисленнымъ расколамъ разныхъ вѣръ, которые подъ деспотическимъ правленіемъ Порты не только укрѣпляются, уже освященные давностью времени, но непрерывно возникаютъ и развѣтвляются новые, влекущіе за собою неисчислимыя бѣдствія для родной страны, для народа, для семействъ.

И такъ, если допустить раздѣленіе жителей страны по различію вѣръ, то Сирію занимаютъ два господствующіе народа: христіане и мусульмане; первые замѣчательны по своей

многочисленности, вторые по единовѣрью съ Турками. Каждое изъ двухъ совершенно различныхъ вѣроисповѣданій подраздѣляется опять на множество сектъ и расколовъ. Изъ христіанъ многочисленнѣе всѣхъ Арабы православные: потомъ Марониты, послѣдователи монаха Марона, въ концѣ шестаго вѣка принявшаго догматы католицизма; наконецъ Яковиты, Сиріане, Армяне и отъ нихъ также расколы, присоединившіеся къ римской церкви. Каждое изъ этихъ племенъ имѣетъ своего духовнаго главу, который въ то же время и гражданскій представитель своихъ единовѣрцевъ въ глазахъ правительства.

Изъ мусульманскихъ племенъ самые многочисленные Арабы-сунниты и Друзы; послѣдніе только въ городахъ исполняютъ наружные обряды исламизма, чтобы пріобрѣсти расположеніе правительства, но настоящее ученіе своей совершенно особенной вѣры тщательно скрываютъ отъ глазъ любопытныхъ, отъ всякаго посторонняго вниманія. Сирійскіе же христіане и мусульмане обвиняютъ ихъ въ идолопоклонствѣ, увѣряя, что они приносятъ жертвы въ честь быка. По первымъ извѣстіямъ объ ихъ вѣрѣ, можно согласиться съ предположеніемъ, что они африканскаго происхожденія. Арабы-шииты, называются здѣсь Мутуали—прежде сильное племя. Ансаріе,—послѣдователи какого-то сумасшедшаго старика изъ деревни Назаръ, въ окрестностяхъ Куфы, выдававшего себя за Іоанна Предтечу, и разрѣшившаго правовѣрнымъ вино.

Двѣ послѣднія секты разбросаны по разнымъ мѣстамъ Сиріи и вообще презираются какъ и Евреи, которые мытарствуютъ больше по городамъ.

Къ народонаселенію горъ и вообще всей внутренности страны нельзя причислять безразлично жителей городовъ, особенно приморскихъ, которые хотя родня первымъ по языку, иногда по происхожденію и вѣрѣ, но, ограпичиваясь незначительными торговыми съ ними сдѣлками, въ политическія дѣла ихъ управленія, въ ихъ ссоры никогда не вмѣшиваются и избѣгаютъ невыгоднаго сближенія съ ними.

Горожане столько же чужды горцамъ и вообще народу, сколько и Европейцамъ, живущимъ между ними, которымъ они служатъ рабами, пользуясь за то ихъ могущественнымъ покровительствомъ отъ воображаемаго притѣсненія правителей; а въ-самомъ-дѣлѣ только для того, чтобы не

исполнять даже и законныхъ, незначительныхъ повинностей. Они-то за звонкую монету готовы предать не только родню, но и родню; это счетныя косточки, оживленные злымъ волшебникомъ — корыстью. — Всѣ горожане безъ исключенія лѣнны къ тяжелой работѣ, но одаренные отъ природы рѣдкою способностью памяти, проворствомъ и сметливостью, скоро выучиваются говорить, хотя плохо, на разныхъ европейскихъ языкахъ; многіе изъ нихъ служатъ при консулахъ и иностранныхъ купцахъ драгоманами, повѣренными въ дѣлахъ и политическихъ и торговыхъ, также кавасами, сенсами (конюхами) и лакеями; многіе, зажиточные, владѣтели домовъ и лавокъ, живутъ праздно, довольствуясь доходами отъ этихъ недвижимостей; другіе занимаются мелочною торговлею и немногими ремеслами; мастеровыхъ собственно Арабовъ очень мало и то самыя плохіе и очень лѣнныя. Бѣдные люди иногда отдають своихъ дѣтей на выучку къ какому-нибудь ремесленнику, бесплатно, на пѣсколько лѣтъ и обязываются честнымъ словомъ или контрактомъ, не вмѣшиваться нисколько во все продолженіе условленнаго времени, ни въ образъ воспитанія ихъ дѣтей, ни въ побудительныя средства противъ лѣни и къ скорѣйшему наученію мастерству; обязываются также ни въ какомъ случаѣ не искать на учителя, когда бы тотъ въ порывѣ ревнистаго усердія или гнѣва изуродовалъ своего ученика; такимъ-образомъ родители добровольно отказываются отъ священныхъ правъ своихъ. Принимающіе же на себя трудъ безвозмездно учить ремеслу, лѣтятъ сами, но корыстолюбцы, и желая носкорѣе пріобрѣсти въ своихъ ученикахъ полезныхъ себѣ помощниковъ, требуютъ отъ нихъ прилежанія и дѣятельности, несвойственныхъ ихъ лѣтамъ и часто обходятся съ ними слишкомъ строго, даже позвѣрски.

Въ Бейрутѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, въ тутовыхъ садахъ, считается не болѣе двадцати и двадцати-двухъ тысячъ жителей, по это небольшое количество людей не довольствуется туземными произведеніями: — плоды, овощи, хлѣбъ, масло, все до послѣдней потребности, даже соль, которой осадки покрываютъ всѣ берега моря довольно густыми слоями, привозятъ или изъ другихъ отдаленныхъ округовъ Сиріи и Палестины или изъ Египта, Англіи и Франціи; поэтому на всѣ сѣстные припасы цѣны здѣсь ужасно высокія. Но кто причиной этого? — климатъ, почва, жители, правители? Кажется, всѣ по немногу. Что

могла бы производить природа съ помощью трудовъ чело-
вѣка, о томъ люди не хотятъ заботиться; съ другой
стороны мелочныя, но безконечныя взысканія отпи-
мають у жителей охоту трудиться. Бейрутцы и вообще
горожане всегда рады торговать готовымъ, но рабо-
тать сами не любятъ; занятія ихъ — съ утра до вечера
пить кофе, курить наргилэ, гулять, пировать, го-
ворить и слушать розказни. Врожденная сметливость и
быстрое соображеніе дѣлаетъ ихъ очень способными ко вся-
кому роду дѣлъ коммерческихъ, но равнодушіе къ судьбѣ
единоземцевъ, недостатокъ безкорыстной любви къ отече-
ству, отсутствіе народной гордости, возвышающей чело-
вѣка въ глазахъ другихъ, лишаютъ ихъ законнаго права быть
основою народа, быть оплотомъ родной земли; самозабвеніе
для счастья друзей, самопожертвованіе для выгоды и славы
родины—эти слова и выраженія не совершенно имъ знакомы.

Другая тысяча лѣтъ послѣ Муггамеда идетъ печально
надъ разрушеннымъ Востокомъ, и заря возрожденія еще не
восходила надъ нимъ; другая тысяча лѣтъ, какъ дикіе уче-
ники самозванца-пророка, Абу-Обейда и Халедъ въ правле-
ніе перваго халифа Абу-Бекра, смѣнивъ посохъ пастуха
на мечъ воина, завладѣли Сирією; тогда образованіе и про-
мышленность, испуганныя широкими потоками крови, со-
провождавшими новое ученіе, бѣжали съ родины; съ-тѣхъ-
поръ изгнанники не возвращались, хотя на мигъ одушевить
прекрасную, но одичалую страну. Хотя арабскіе историки,
а по ихъ слѣдамъ и новѣйшіе Европейцы окружаютъ вѣкъ
послѣднихъ халифовъ на Востокѣ блесномъ просвѣщенія, но
кажется, что этотъ золотой вѣкъ наукъ и промышленно-
сти — вѣкъ баснословный. Если же онъ и существовалъ,
то просвѣщеніе не было нисколько народнымъ; при пыш-
ныхъ дворахъ извѣженныхъ халифовъ праздные льстецы
занимались сочиненіемъ похвальныхъ словъ и одъ своимъ
владыкамъ. Другіе, отъ нечего дѣлать, вздумавъ заниматься
астрономіей, дѣлались пустыми астрологами; философы бы-
ли бесполезными метафизиками; богословы ограничивались
толкованіемъ корана; медицина шла объ руку съ кабалис-
тикой. Во всякомъ случаѣ, если просвѣщеніе оживляло
счастливый Востокъ подъ мудрымъ правленіемъ халифовъ,
то отъ блистательнаго зданія не осталось теперь никакихъ
слѣдовъ, ни обломковъ наукъ,—въ пустынѣ кочуютъ лѣнь и
корысть, нищета и преступленія.

Доселѣ потомки этихъ аравійскихъ пастуховъ, преобразенныхъ кораномъ въ грозныхъ завоевателей, составляютъ главную часть мусульманскаго народонаселенія Сириі, коренные жители которой, слившись съ пришельцами, приняли ихъ языкъ и взаимно передали другъ другу нравы, привычки и одежду. Древній сирійскій языкъ, какъ и еврейскій, сохранился только въ немногихъ книгахъ; у нѣкоторыхъ христіанскихъ племенъ на немъ отправляется Богослуженіе, хотя одно только духовенство нѣсколько понимаетъ этотъ мертвый языкъ, занимаясь изученіемъ его по необходимости.

Нынѣ Арабы-христіане имѣютъ средства къ образованію своихъ дѣтей въ училищахъ, находящихся при монастыряхъ, учрежденіемъ которыхъ они обязаны почтительному вниманію Европы къ Святой Землѣ.

Первые, подавніе благой примѣръ, были католическіе монахи іезуиты, лазаристы, францисканы; они, селясь въ Сириі, приобрѣли постепенно, съ помощью набожныхъ благотворителей, во всѣхъ городкахъ мѣста для построенія монастырей и завели при нихъ школы, куда принимаются бесплатно дѣти всѣхъ исповѣданій и сословіій, богатыхъ и бѣдныхъ; ихъ обучаютъ закону Божию, ариметикѣ, языкамъ: арабскому, французскому, итальянскому; даютъ имъ нѣкоторое понятіе объ исторіи и другихъ наукахъ; самыхъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ безвозмездно кормятъ и одѣваютъ; всѣхъ же вообще снабжаютъ необходимыми книгами, изъ которыхъ арабскія печатаются въ Сириі, въ монастырскихъ типографіяхъ. Иногда встрѣчаются очень образованные молодые люди изъ туземныхъ богатыхъ фамилій, получившіе воспитаніе въ этихъ благотворительныхъ заведеніяхъ. Наконецъ православное духовенство съ горестію замѣтило, что отцы римской церкви, недовольствуясь славою быть наставниками юношества, быть просвѣтителями полу-дикаго народа, внушаютъ своимъ иновѣрнымъ воспитанникамъ правила католицизма и многихъ вырываютъ изъ нѣдръ ихъ прадѣдовской вѣры. Вслѣдствіе этого, главы Православной Церкви въ свою очередь устремили все свое вниманіе на учрежденіе при монастыряхъ училищъ на томъ же основаніи относительно бѣдныхъ людей, и положили принимать только дѣтей греческаго исповѣданія, обучать ихъ закону Божию, арабскому и греческому языкамъ, ариметикѣ и исторіи. Съ помощью русскихъ благотворителей, они съ

успѣхомъ продолжаютъ начатое дѣло ; а въ Бейрутѣ заведенъ уже типографія стараніями господина Базили, русскаго генеральнаго консула съ Сиріи и Палестинѣ.

Американскіе миссіонеры также завели въ нѣкоторыхъ городахъ школы, но онѣ очень мало привлекаютъ учениковъ и едва ли протестантизмъ сдѣлается когда-нибудь съ пламеннымъ характеромъ Арабовъ.

Мусульмане имѣютъ свои училища при мечетяхъ, но рѣдкіе посѣщаютъ ихъ и всегда ограничиваются умѣньемъ читать и писать ; самые любознательные нейдутъ далѣе толкованій корана. Сколько могли мы замѣтить — всѣ Арабы вообще расположены къ полезнымъ нововведеніямъ и способны къ принятію основательнаго образованія.

Средиземное море могло бы доставить Сиріи неисчислимыя выгоды, которыми умѣли такъ хорошо пользоваться въ древности всесвѣтные финикійскіе купцы ; нынѣ же, ихъ наслѣдники погружены нравственно въ убійственный сонъ лѣни и, уступивъ свое законное право Европейцамъ, довольствуются честью быть ихъ музыкантами, почти рабами, за самую ничтожную плату. Сирія теперь — достояніе иностраннѣхъ вупцовъ, жертва взяточниковъ пашей и другихъ чиновниковъ Порты ; неразсчетливая ихъ алчность губитъ въ жителяхъ чувство народной гордости ; неумѣренными и часто несправедливыми налогами истребляется въ нихъ всякое расположеніе къ промышленности и къ самостоятельной торговлѣ. Между Турками лихоимство не преступленіе ; напротивъ, они считаютъ глупостью, чуть не порокомъ, кто не умѣетъ, униженно сгибаясь передъ сильнымъ, оскорблять и грабить слабого.

Нельзя придумать, для чего бы Бейрутъ былъ обнесень тонкою стѣною, разрушающеюся вмѣстѣ съ десятью своими башнями, которымъ Арабы даютъ громкое названіе крѣпостей, и которыя недавно, по распоряженію совѣта пашей, назначены въ продажу съ публичнаго торга, какъ частныя дома. Сомнительно, чтобы стѣна и башни могли долѣе часа сопротивляться дѣйствию самыхъ легкихъ полевыхъ орудій ; слѣдовательно прямое назначеніе этихъ стѣнъ — не защита города, а чтобы ничего нельзя было пронести, не заплативъ безчеловѣчной пошлины въ таможду, даже за туземныя произведенія наравнѣ съ иностранными, которыя уже очищены отъ пошлины при выгрузкѣ на берегъ. Сборщики этой несправедливой повинности сторожатъ у всѣхъ город-

скихъ воротъ, такъ что бѣднякъ изъ мѣстныхъ и окрестныхъ обывателей, рыболовъ или зеленщикъ и другіе обязаны платить пошлину прежде, чѣмъ продадутъ свой товаръ, который также не смѣютъ сами сбывать на рынкѣ и улицахъ, а должны сдавать въ лавки, откупившія у пашей это право. При такомъ стѣсненіи торговли туземцевъ, удивительно ли, что между ними не существуетъ и тѣни промышленности, оживляющей и страну и народъ, которому при всей грубости и жестокости его нравовъ, нельзя отказать въ рѣдкихъ умственныхъ способностяхъ, — это алмазь въ корѣ, и какъ мало нужно, чтобы огранить его въ блистательный блескъ на благо человѣчеству.

Лѣнь и безвѣчность не суть отличительныя и врожденныя черты Арабовъ; они очень трудолюбивы и любознательны, но дѣятельность ихъ, не поощряемая снисходительнымъ вниманіемъ турецкаго правительства, весьма мало прибыльна; послѣднее не хочетъ утруждать себя неизбѣжными и многосложными заботами при всякомъ полезномъ нововведеніи, особенно когда оно сопряжено съ необходимостью отиѣнить какія-нибудь повинности, или только уничтожить доходныя злоупотребленія. Всѣ таможни отдаются обыкновенно на откупъ, какъ-будто за недостаткомъ добросовѣстныхъ чиновниковъ, но на-самомъ-дѣлѣ для избѣжанія прямыхъ сношеній съ иностраннымъ купечествомъ, которое, хозяйничая въ Турціи подъ покровительствомъ своихъ державъ, посмѣялось бы безсиальной алчности ея владѣтелей. Откупщикъ же, какъ промышленникъ, платя вдругъ за нѣкоторое время, старается потомъ всѣми средствами выручить втрое откупную сумму, нисколько не заботясь о пользѣ общественной; такимъ-образомъ вся тяжесть неумѣренной повинности лежитъ на жителяхъ.

Порта равнодушно смотритъ, какъ Англія, вмѣсто того, чтобъ быть гостею на Средиземномъ морѣ, невозбранно хозяйничаетъ на немъ, воздвигая на его зыбкой поверхности цѣлые города изъ своихъ кораблей, купеческихъ и военныхъ; и какъ вообще иностранцы, пользуясь стѣсненіемъ промышленности туземцевъ, слетаются тучами толстѣть и наживаться, скупая отъ нихъ почти за ничто богатства всей страны. Ужасная бѣдность народа столь очевидна, что самому невнимательному взору трудно не замѣтить горестнаго положенія жителей, окруженныхъ всѣми благами природы; довольно сказать, что нищета водить ихъ въ лохмотьяхъ по-

лунагами отъ колыбели до гроба. Женщины едва имѣютъ тряпки для того чтобъ закрывать свои лица отъ взоровъ мужчинъ; а многія лишены и этой возможности сохранять ненарушимо древній обычай своихъ прародительницъ и принуждены оставлять на позорище любопытнымъ свои смуглыя, иногда прекрасныя лица.

Горцы и вообще поселяне вовсе не занимаются ремеслами; ихъ искусство обрабатывать землю такъ ничтожно, что еслибъ не производительность самой природы, то они навѣрно умирали бы съ голоду; вся ихъ промышленность ограничивается собираемъ плодовъ земли и даровымъ доходомъ отъ домашнихъ животныхъ. Сборы шелку, шерсти, вина, оливковаго масла, за нѣсколько лѣтъ принадлежать иностраннымъ купцамъ, ссужающимъ поселянъ деньгами за жестокіе проценты отъ 20 до 24. Владѣльцы садовъ и земель, неся тяжелыя повинности, принуждены покупать дорогою цѣною возможность удовлетворять безвременныя взысканія правительства, и за это прославляютъ иноземцевъ своими покровителями. Фабрикъ и заводовъ, принадлежащихъ собственно туземцамъ, очень мало и тѣ весьма еще далеки отъ совершенства.

Въ Дамаскѣ ткутъ шелковыя, полушелковыя и бумажныя матеріи, также немного шерстяныхъ; сверхъ-того почти въ каждомъ городѣ находятся мастера, приготовляющіе шелковые кушаки; въ Яффѣ есть два мыльныхъ завода. Но всѣ эти произведенія туземцевъ большею частью грубыя, очень рѣдко посредственныя, продаваясь по низкой цѣнѣ, потребляются исключительно на мѣстѣ.

Неумѣренность множества податей есть главная причина жалкаго состоянія промышленности въ народѣ, который владѣя прекрасною, богатѣйшею странною міра, могъ бы быть образцомъ дѣятельности, котораго предки были первыми просвѣтителями человѣчества, учителями мореплаванія и торговли.

Теперь, кромѣ поголовной подати, называемой *хараджъ* и тяготящей только надъ подданными-иноувѣрцами, кромѣ общей поземельной и подати со всѣхъ недвижимостей, доставляющихъ доходъ и называемой *салинъ*, собирается *усуль* со всѣхъ произведеній растительности и животности, съ поселянъ, земледѣльцевъ и пастуховъ; потомъ еще *ресмъ* — со всѣхъ издѣлій; съ ремесленниковъ же особенно взымаетъ десятину по оцѣнкѣ ихъ трудовъ; наконецъ

таможня взимаетъ пошлину $\frac{1}{100}$ со всякаго произведенія природы или рукъ человѣка, при перевозѣ изъ одного мѣста въ другое, хотя бы это было въ предѣлахъ одного и того же округа. Сверхъ-того всѣ вообще ремесленники обязаны брать отъ паши потребные имъ матеріалы, если они находятся въ казенныхъ кладовыхъ; выбирать не дозволяется, торговаться тоже; за отказъ наказываютъ и даютъ насильно, а потребное для покупки количество назначается продающимъ.

Всѣ иностранцы въ Турціи свободнѣе вольныхъ птицъ въ поднебесьѣ; а потому вся торговля Сиріи, какъ внѣшняя такъ и внутренняя, находится въ ихъ рукахъ. Немногіе изъ мѣстныхъ жителей, подъ именемъ повѣренныхъ, принимаютъ участіе въ ихъ обширныхъ торговыхъ дѣлахъ; еще меньшее число туземцевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ иностранныхъ консуловъ, пускаютъ свои капиталы въ отдѣльные обороты; и тѣ и другіе трудятся съ успѣхомъ, потому что находятся внѣ притѣсненій; иностранецъ можетъ все, а туземецъ—ничего; христіане и мусульмане равно не могутъ считать своего трудового имущества неотъемлемою собственностью.

Хотя въ Сиріи, кромѣ пашей да войскъ, нѣтъ ничего турецкаго, но все же она составляетъ провинцію Оттоманской Порты и должна бы наслаждаться спокойствіемъ и процвѣтать наравнѣ съ прочими областями государства, если тѣ въ-самомъ-дѣлѣ находятся въ этомъ счастливомъ положеніи подъ покровительствомъ благотворительныхъ новыхъ узаконеній; но съ Арабами и въ особенности съ горцами справляться было бы не легко и не Туркамъ, которые очень храбры и сильны курить нарглэ въ мирныхъ кофейняхъ, или кушать пивавъ въ своихъ грязныхъ казармахъ, а на неприступныя твердыни Ливана взираютъ съ невольнымъ трепетомъ и искренною мольбою, да не пошлетъ имъ судьба мѣяться силами съ орлами поднебесными. За то въ стѣнахъ города, защищеннаго батареями, они не только гордые властелины, но и притѣснители. Они не пойдутъ разорять гнѣзда Арабовъ въ ущеліяхъ, не пойдутъ туда собирать подати, но бѣда горцамъ, спускающимся долу: правители не дремлютъ и производятъ съ нихъ поборы гдѣ и какъ могутъ, законные и не законные, а потому приносящіе болѣе нравственнаго вреда чѣмъ существенной пользы государству.

Заботиться о спокойствіи и благосостояніи жителей стра-

ны была бы прямая обязанность наши, живущаго въ Сиріи съ титуломъ генераль-губернатора Сиріи и Палестинны; но по причинѣ страннаго смѣшенія новыхъ постановленій съ безпорядками прежняго управленія страны, онъ носитъ только одно громкое названіе безъ всякаго значенія. Статья разныхъ государственныхъ доходовъ совершенно отъ него независима и принадлежитъ дефтердару. Всѣ турецкія войска въ Сиріи находятся подъ непосредственнымъ начальствомъ сердара, также отъ него независимаго. Правосудіе, сообразно понятіямъ и древнимъ народнымъ обыкновеніямъ, входитъ въ составъ богословія, а потому судебная часть по всѣмъ дѣламъ, духовнымъ и гражданскимъ, по дѣламъ брака, наслѣдства, законнаго пріобрѣтенія или хищенія чужой собственности, находится въ рукахъ духовныхъ лицъ Ислама. Шейхъ-уль-исламъ константинопольскій назначаетъ ежегодно троихъ муллъ: въ Дамаскъ, Алеппъ и Іерусалимъ; они взносятъ раздавателю этихъ должностей значительныя суммы и, въ свою очередь, продаютъ подвѣдомственныя имъ мѣста кадиевъ и накибовъ въ городахъ и селеніяхъ, а тѣ уже безъ всякаго зазрѣнія торгуютъ правосудіемъ и совѣстью; достоинство муфтія принадлежитъ по наслѣдству исключительно нѣкоторымъ семействамъ изъ мѣстныхъ обывателей. Кнесчастію, всѣ эти люди, оставленные безъ руководства, на произволь собственнаго разумѣнія, чужды всякаго образованія.

За всѣмъ этимъ, на долю правителя страны остается одна исполнительная власть, въ городахъ онъ начальникъ тюрьмы, раздаватель наказаній, попечитель рынковъ и другихъ общественныхъ мѣстъ; въ округахъ, въ горахъ, власть его еще незначительнѣе, потому что управленіе ихъ совершенно отдѣлено и ввѣрено шейхамъ (начальникамъ племенъ); тамъ онъ только увѣщатель возмутителей общественнаго спокойствія, расточитель угрозъ, которыхъ никогда не можетъ привести въ исполненіе, лишенный всѣхъ необходимыхъ средствъ для дѣйствій быстрыхъ и рѣшительныхъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ суммъ, ни военныхъ силъ, кромѣ своего огромнаго жалованья, да полсотни кавасовъ*. Онъ бываетъ принужденъ или ограничиваться дѣйствіемъ своего рѣдко убѣдительнаго краснорѣчія на умы и сердца обитателей горныхъ высотъ, или просить помощи

* Поллицейскіе служители, въ національномъ нарядѣ.

собрать и содѣйствию дефтердара, а въ случаѣ отказа ожидать распоряженій изъ Константинополя.

Когда Ибрагимъ-Паша, воинственный сынъ и правая рука Мегмета-Али Египетскаго, правилъ Сиріею во имя и пользу своего отца, первую его заботою было водвореніе тишины и порядка въ горахъ, отъ чего зависѣло спокойствіе городовъ, благосостояніе цѣлаго края. Но, понимая всю трудность подчинять жителей горъ, почти недоступныхъ, общему управленію страны, онъ избралъ изъ среды же ихъ фамилію Шаабъ, знаменитѣйшую и древнѣйшую изъ благородныхъ мусульманскихъ эмировъ и предоставилъ старшему члену ея главной линіи наследственное право, вмѣстѣ съ титуломъ князей ливанскихъ, управлять всѣмъ народонаселеніемъ горъ, и подчинилъ ихъ непосредственно одной своей личной власти. Мѣра, глубоко обдуманная, оправдала надежды Ибрагима, какъ и эмиръ Шаабъ оправдалъ его довѣренность.

Перевороты 1840 года измѣнили совершенно ходъ дѣлъ на Ливанѣ. Когда Ибрагимъ-Паша, принужденъ былъ уступить Портѣ ея давнишнее право на владѣніе Сиріею и Палестиною, то и фамилія Шаабъ, за ревностное участіе въ этой борьбѣ въ пользу Ибрагима, лишилась правъ своихъ, предоставленныхъ ей послѣднимъ. Низведенный эмиръ Беширъ-Шаабъ живетъ въ Константинополѣ подъ строгимъ присмотромъ, но не перестаетъ домогаться своего возвращенія на родной Ливанъ съ прежними правами и титуломъ, а между тѣмъ съ помощью своихъ друзей волнуетъ умы горцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить прежнее спокойное состояніе страны подъ наследственнымъ и почти независимымъ управленіемъ фамиліи Шаабъ съ настоящими бурями, то по неволѣ должно желать, чтобы Порта избрала, если не эту фамилію какъ ненадежную и подозрительную, то какую-нибудь другую фамилію испытанной преданности правительству, но не менѣе уважаемую народомъ и, вручивъ старшимъ членамъ ея по наследству главное управленіе нагорными округами, облекла бы ихъ полною властью и доставила силы и средства употреблять ее на пользу государству и странѣ. Пока Шаабы управляли Ливаномъ, пока на него были устремлены орлиные глаза Ибрагима, въ горахъ все было мирно и спокойно; минутныя вспышки тушились мгновенно хладнокровнымъ благоразуміемъ эмира; неотразимая строгость его правосудія заставляла трепетать самую безстрашную волюн-

цу, оцѣпяла ужасомъ самыя отчаянныя головы, самыя сильныя руки нарушителей общаго спокойствія страны.

Теперь прежняя наследственная власть фамилии Шаабъ на Ливанѣ раздѣлена между тремя каймакамами: христіанскимъ, друзскимъ и мусульманскимъ; первый эмиръ Гайдеръ, салимскій маронитъ, живетъ постоянно въ Бейрутѣ и управляетъ заочно вѣренной ему частью горъ къ востоку отъ Бейрута; второй, Ахмедъ-Россалаанъ, живетъ въ своемъ помѣстьѣ Шьюсфатѣ; вѣдомству его подчинены также многія деревни маронитовъ, находящіяся по раздѣлу Порты въ участкѣ Друзовъ къ юго-западу отъ Бейрута до Сура. Послѣдній, Мустафа-Бей, прежній муръ-алай (полковникъ) гвардіи въ Константинополѣ, управляетъ незначительною частью Ливана по береговой линіи между Бейрутомъ и Триполи, и живетъ въ приморскомъ городкѣ Джибайлѣ.

Всѣ прочія высоты Ливана, какъ и нагорные округа Анти-ливана, заселены мирными племенами Арабовъ, православныхъ и мусульманъ; они также управляются народными шейхами, эмирами, или своими духовными главами, которые всѣ подчинены пашамъ или дамаскому или алеппскому, какъ и первые три каймакама состоятъ въ отчетной зависимости отъ бейрутскаго пашы. Сверхъ-того всѣ они, стѣсненные въ средствахъ денежныхъ и силахъ военныхъ, ограничены еще въ управленіи совѣтомъ, составленнымъ изъ первостепенныхъ шейховъ ихъ племенъ, гордыхъ, буйныхъ и равносильныхъ имъ, въ мнѣніи народа, по благородству древняго происхожденія и по преданности къ нимъ жителей ихъ участковъ и селеній. Бейрутскому пашѣ нѣтъ ни минуты покоя: то онъ долженъ мирить, уговаривать, обѣщать, то грозить и требовать, потому что всѣ эти шейки, хотя въ родствѣ между собою, однако не смотря на то, взаимные враги или за выгоды — за права сильнаго, или за славу первородства; будучи ближайшіе родственники каймакамовъ, они ненавидятъ ихъ за предпочтеніе, оказанное имъ Портою, и непрерывно ссорясь между собою, безъ вѣдома ихъ заставляютъ драться жителей своихъ деревень. А каймакамы, лишеныя средствъ наказывать непокорныхъ, подлежатъ отвѣтственности предъ правительствомъ за безпорядки въ ихъ областяхъ. Особенно друзскіе шейки немилосердно притѣсняютъ и грабятъ подвластныя имъ деревни маронитовъ; послѣдніе, въ свою очередь, не легко сгибаются предъ насиліемъ и не хотятъ безъ боя, безъ

крови отдавать и должного. Не проходитъ двухъ недѣль, чтобы въ горахъ не было безпорядковъ.

Первое мѣсто между турецкими властями по громкому званію генералъ-губернатора приморскихъ пашалыковъ Сиріа и всей Палестины, принадлежитъ Эссадъ-Пашѣ, сѣдому старику лѣтъ шестидесяти-пяти, если не больше. Онъ еще очень свѣжъ и крѣпокъ; сухое, угрюмое выраженіе лица съ перваго раза не располагаетъ къ нему; но его неговорливая важность, неизмѣнное спокойствіе нахмуреннаго чела, сѣдины усовъ и бороды невольно вселяютъ къ нему почтеніе. Эссадъ-Паша былъ храбрымъ подвижникомъ Махмуда, перваго султана, отважившагося наступить на невѣжественныя предразсудки своего полудикаго народа, на предразсудки убійственныя, но уважаемые его предками; на гибельныя злоупотребленія власти и правъ, но которыми незапятнанная давность придавала видъ законности; перваго султана, сознавшаго необходимость преобразованія государства въ обширнѣйшемъ значеніи слова, — преобразованія войскъ, правительства, народа. Эссадъ-Паша, подвизуясь съ честью на бравномъ поприщѣ и въ совѣтѣ, хотя былъ всегда точнымъ и ревностнымъ исполнителемъ воли своего государя, добылъ славу личными достоинствами и заслугами, но доселѣ остался приверженцемъ старины, когда по одному мавовенію полномочнаго паша, безъ всякаго суда, сотни буйныхъ головъ слетали съ плечъ непокорныхъ; по его мнѣнію, нарушители общественнаго порядка не стоятъ судебного приговора.

Образъ частной жизни Эссадъ-Паши, его домашнія привычки, все неизмѣнно тѣже, какія были у его праотцевъ; онъ любитъ барствовать, молчать и не слушать; любитъ роскошь и восточную вѣгу (турецкій кейфъ), что по нашему, просто лѣнь, отсутствіе всякой мысли, совершенное бездѣйствіе тѣла, спокойно расположеннаго на мягкомъ диванѣ среди цѣлаго легіона подушекъ. Какъ бы ни были важны представляемая ему дѣла, какъ бы ни былъ оживленъ и даже жарокъ разговоръ, онъ упорно сохраняетъ свое обыкновенное хладнокровіе, отвѣчаетъ сухо, коротко и неопредѣлительно; одна рука его лѣниво поддерживаетъ длинный чубукъ, другая тихо ласкаетъ завѣтныя сѣдины бороды; кажется, что онъ совершенно равнодушенъ къ пользамъ и ущербамъ государства, не радѣетъ нисколько о благосостояніи страны, вѣтренной его управленію и заботамъ; а между-тѣмъ онъ еще одинъ изъ

лучшихъ, разумныхъ правителей въ Турціи; онъ умѣетъ отличить правду и добрые совѣты отъ вредныхъ умысловъ своекорыстія. Многие представители европейскихъ державъ приходять къ нему съ гордою увѣренностью убѣдить его въ чемъ-нибудь и, обманутые увѣренностью отвѣтовъ старика, уносятъ съ собою обратно ту же увѣренность въ побѣдѣ, пока дѣйствительность не разоблачитъ истинныхъ его нахвѣровъ.

Эссадъ-Паша былъ также однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ въ истребленіи янычаръ; посланный для этого султаномъ Махмудомъ въ Адрианополь, онъ исполнилъ порученіе съ такою благоразумною быстротою, что на другой день его прибытія, этого буйнаго и страшнаго до-гѣхъ-поръ войска, какъ-будто и не бывало ни въ Адрианополѣ ни въ его окрестностяхъ: этотъ случай, любимый предметъ его восторженныхъ разказовъ о быломъ.

Галиль-Паша, великій адмиралъ, теперь временной житель Бейрута, присланъ въ Сирію для водворенія тишины и порядка на Ливанѣ, для разбора вѣковыхъ ссоръ Маронитовъ съ Друзами, для потушенія вламной вражды и безпрестаннаго междоусобія. Высокое званіе непосредственнаго начальника всѣхъ морскихъ силъ Оттоманской имперіи, заставляеть предполагать въ немъ человека съ обширными свѣдѣніями, моряка, наученнаго долговременнымъ опытомъ не только повелѣвать людьми и парусами, но и спорить успѣшно съ мятежною стихіею; а настоящее его призваніе къ рѣшенію столь важныхъ и запутанныхъ дѣлъ на горахъ Ливанскихъ съ полномочіемъ дѣйствовать на благо племенамъ, уже давно отвыкшимъ отъ счастья спокойной жизни, даетъ право видѣть въ немъ просвѣщеннаго политика, твердаго поборника истины, занятаго исключительно дѣлами своего высокаго назначенія.

Галиль-Паша обязанъ всѣми почестями и титуломъ «свѣтлости» покойной теткѣ нынѣшняго султана, которой онъ имѣлъ счастье быть мужемъ. Теперь ему лѣтъ за пятьдесятъ, но на-взглядъ трудно дать и сорокъ; ростъ его, между небольшимъ и среднимъ, скрадывается еще тучностью. Онъ былъ когда-то во Франціи, потомъ въ Петербургѣ, а потому въ образѣ его жизни, въ его обращеніи вы замѣчаете пріятную смѣсь азіятской роскоши съ утонченнымъ вкусомъ Европы. Съ прїѣздомъ его, Бейрутъ нѣсколько оживился безпрестанными парадами, праздниками, фейерверками; его военная музыка доведена до совершенства. Галиль-Паша, ка-

жется, привыкъ обѣдать, засыпать и просыпаться подъ ея звуки; можетъ—быть надѣялся онъ также тронуть ими грубый слухъ горцевъ, усыпить бурныя страсти ихъ....

Галлы-Паша выстроилъ себѣ за городомъ лѣтній домикъ, гдѣ отдыхаетъ послѣ прогулокъ, которыя также часты и пышны, какъ и поѣзды по улицамъ города. Кромѣ многочисленной свиты, ему обыкновенно предшествуетъ толпа кавасовъ съ оркестромъ музыки, а шествіе заключается ротою солдатъ въ парадныхъ мундирахъ. Его свѣтлость можно принять скорѣе за частнаго путешественника-богача, обладателя волшебнаго непустѣющаго кошелька, чѣмъ государственнаго сановника, которому ввѣрена судьба народа, на которомъ лежитъ отвѣтственность передъ правительствомъ, за благосостояніе страны, за счастье ея жителей, за выгоды своего государя.

Немникъ-Паша и Решидъ-Паша, въ вѣдѣніи которыхъ состоитъ турецкая армія въ Сиріи, извѣстны своимъ блестящимъ (парижскимъ) образованіемъ, храбростью въ полѣ и остроумною любезностью въ модныхъ гостиныхъ; со вторымъ изъ нихъ мы недавно имѣли случай познакомиться у нашего консула, и военачальникъ вполне оправдалъ наши ожиданія.

Али-Паша, генераль-губернаторъ дамасскій, занялъ болѣе своею кухнейю, чѣмъ дѣлами области, ввѣренной его управленію; за то его каймакамъ одинъ изъ рѣдкихъ плутовъ. Али-Паша живое изображеніе баснословнаго Сердара, нашего Крылова.

Велжибъ-Паша, генераль-губернаторъ алеппскій, зять Эсадъ-Паши, вѣрный отпечетокъ древнихъ турецкихъ вельможъ. Суровый видъ его, говорятъ, соотвѣтствуетъ почти звѣрскому его характеру.

Уважаая въ Сирійцахъ потомковъ славныхъ Финикіянь, древнихъ просвѣтителей человѣчества, мы не назовемъ ихъ дикими; но справедливость требуетъ сказать, что всѣ племена, населяющія нынѣ Сирію, очень давно уже огрубѣли. Не смотря на то, въ ихъ нравахъ замѣтна одна неискоренимая черта, издревле общая всѣмъ народамъ—это глубокое почтеніе къ древности и благородству происхожденія; но на Востоцкѣ, гдѣ всѣ страсти человѣческія проявляются сильнѣе, эта черта отмѣчена на сердцахъ и умахъ рѣзко и ярко. Народъ высоко цѣнитъ свои родныя знаменитости, съ подобострастіемъ смотритъ на своихъ вождей единоземцевъ и

считаетъ волю ихъ закономъ; одна необходимость заставляетъ оказывать наружное уваженіе къ ненавистнымъ турецкимъ властямъ. Наконецъ богачи и иностранцы пользуются также особеннымъ вниманіемъ Сирійцевъ, здѣсь какъ и вездѣ, первенство между знатію страны опредѣлять трудно; потому что каждое племя, каждое подраздѣленіе племени имѣетъ своихъ шейховъ или эмировъ, благородныя и многочисленныя семейства которыхъ, выводя свое родословіе чуть не отъ внуковъ Исмаила или Пигмаліона, пользуются безграничнымъ почтеніемъ въ народѣ. Богатство, занимая второе мѣсто, имѣетъ сильное вліяніе на сидящихъ выше; на третьей ступени стоятъ личныя достоинства человѣка не знатнаго, не древняго происхожденія; никакія услуги отечеству не могутъ вознести его на первую степень; нужны вѣка, чтобы народъ, забывъ его ничтожное происхожденіе, почтилъ въ достойныхъ правнукахъ его незабвенную память.

Всѣ благородныя арабскія фамиліи каждаго племени раздѣляются на три степени по древности происхожденія; должно предполагать, что вторая и третья изъ нихъ произошли отъ соединенія черезъ браки членовъ первостепенныхъ фамилій съ простолюдинами, потому что и нынѣ благородный бѣднякъ, отдавая дочь въ супружество богатому простолюдину, или жеясь самъ на дочери богача не знатнаго рода, нисколько не роняетъ своего достоинства, напротивъ выигрываетъ въ народномъ мнѣніи.

Первое мѣсто между благороднѣйшими эмирами на горахъ Ливана и Антиливана занимаютъ двѣ вѣтви многочисленной фамиліи Шаабъ. Антиливанскіе шейхи, члены младшей линіи, всегда отдаютъ всѣ должныя и употребительныя знаки почтенія и покорности ливанскимъ, какъ старшимъ въ родѣ. Эти-то эмиры старшей линіи долгое время были полновластными и почти независимыми правителями всего народонаселенія обоихъ горныхъ хребтовъ. По свидѣтельству однихъ, весь этотъ домъ былъ всегда христіанскимъ, а по увѣренію другихъ, только послѣдніе изъ этихъ владѣтельныхъ князей тайно приняли отъ маронитовъ христіанскую вѣру, но соблюдаютъ рамазанъ и праздники мусульманскіе; въ дворцѣ же своемъ имѣютъ домашнюю церковь. Послѣдній изъ нихъ эмиръ, Беширъ-Шаабъ, лишенный Портою всѣхъ правъ за предавность Ибрагиму-Пашѣ, живетъ теперь изгнанникомъ въ Константинополѣ. Эмиръ Абдалла Газиръ

скій, членъ той же фамиліи, близкій родственникъ эмиру Беширу, славится личною храбростію и благородствомъ въ поступкахъ; по наружности онъ мусульманинъ, а по увѣреніямъ католическаго духовенства, тайный христіанинъ. Изъ племянниковъ эмира Бешира двое ослѣплены имъ по подозрѣнію въ возмущеніи, — одинъ изъ нихъ самый ревностный мусульманинъ, — третій — Эссадъ, шейхъ абейскій, добрый и честный человекъ.

Изъ второстепенныхъ шейховъ намъ извѣстны: эмиръ Саадъ-Эддинъ Хасбейскій, славящійся благоразуміемъ, безкорыстіемъ и рѣдкимъ здѣсь неліцепріятіемъ. Эмиръ Гайдеръ, тоже Хасбейскій, человекъ съ продажною душою, густъ и сверхъ-того честолюбецъ. Нынѣшній каймакамъ мусульманскій, Мустафа-Бей, уроженецъ ливанскій, былъ прежде муръ-алаемъ въ Константинополѣ.

Между благородными шейхами Друзовъ, первостепенными считаются двѣ обширныя фамиліи Джемблатіе и Узбекіе, спорящія за первенство; а оттого и все племя Друзовъ раздѣляется на двѣ партіи, получившія отъ нихъ свои названія. Старшій членъ одной благороднѣйшей линіи, изъ колѣна Джемблатіе, былъ отправленъ въ Лондонъ для полученія европейскаго образованія; можетъ-быть, Англія хотѣла упрочить за нимъ въ послѣдствіи власть на горахъ ливанскихъ; можетъ-быть, хотѣла создать для него полу-зависимое государство; кнесчастью, онъ возвратился на родину безумнымъ и живетъ въ окрестностяхъ Бейрута, не имѣя никакого вліянія на дѣла Ливана. Братъ его не такъ давно зазвалъ къ себѣ на пиръ своихъ двоюродныхъ братьевъ и угостилъ самъ себя родственною кровью, вѣроломно перерѣзавъ ихъ; была ли то месть за какую-нибудь обиду, или они мѣшали ему въ какихъ-нибудь честолюбивыхъ замыслахъ? скорѣе первое, потому что тотчасъ послѣ этого злодѣянія онъ удалился въ помѣстье своего тестя и теперь ни во что болѣе не вмѣшивается. Нынѣшній друзскій каймакамъ Ахмедъ-Рассаланъ, также изъ фамиліи Джемблатіе — человекъ суроваго нрава, но не одаренный способностями необходимыми для правителя, ни твердою волею, ни быстрымъ соображеніемъ, ни хладнокровіемъ; его вліяніе слабо, даже ничтожно. Шейхи Насифъ-Абу-Накедъ и Саидъ-Джемблатіе также славные происхожденіемъ, богатствомъ и личными достоинствами; они считаютъ себя достойными соперниками Ахмеда-Рассалана на каймакамство.

Арианъ Шибли, извѣстный въ горахъ своими воинственными способностями, съ горетью храбрыхъ товарищей долго боролся съ волками султана и уступилъ наконецъ только хитрости; — друзья Англичане призвали его въ Бейрутъ, подъ предлогомъ переговоровъ и поручась за безопасность его личности, а потомъ выдали нашъ; теперь онъ содержится въ Константинополѣ подъ стражею. Эмиръ Шаабъ, остерегаясь употребить съ нимъ строгость, ограничивался дружественными отношеніями; самъ Ибрагимъ-Паша уважалъ его и не стыдился заключать съ нимъ условія. Шейха Тальхукамы мы знали лично. При стройномъ высокомъ ростѣ и серебристой бородѣ, его наружность, нося отпечатокъ благодетельства и ума, вселяетъ къ нему почтеніе и довѣріе.

Нынѣшній маронитскій каймакамъ, эмиръ Гейдеръ Салижскій, славенъ столько же древностью своего знатнаго происхожденія, сколько и богатствомъ. Очень образованною и чрезвычайно богатою фамліею въ Бейрутѣ считается большее православное семейство Бистросъ; одинъ изъ его членовъ, Хабибъ Бистросъ, служитъ драгоманомъ при тамошнемъ русскомъ консульствѣ. Должно еще замѣтить, что во всѣхъ христіанскихъ племенахъ, хотя и есть много богатыхъ семействъ благородныхъ шейховъ, и притомъ много получившихъ прекрасное образованіе, но они будучи цвѣтомъ народонаселенія Сиріи, не такъ замѣтны въ его бурныхъ волнахъ, потому что первыя представительныя мѣста принадлежатъ духовенству, какъ по безпредѣльному къ нему уваженію народа, такъ и по довѣрію къ нему правительства.

Первосвященники сильны словомъ въ народѣ, пользуются безусловнымъ повиновеніемъ и совершенною довѣренностью каждаго члена ихъ паствы, желающаго сохранить благословеніе и милость пастыря, чтобы именемъ добраго христіанина пріобрѣсти въ народѣ всеобщее почтеніе и любовь.

Патріархъ Православной Церкви, нося титулъ «антіохійскаго», избралъ себѣ Дамаскъ постояннымъ мѣстопробываніемъ. Нынѣшній патріархъ Меодій почти столѣтній старецъ, чрезвычайно любимъ и уважаемъ народомъ.

Въ маронитскіе патріархи всегда возводятся заслуженные епископы синодальными выборами и утверждаются въ Римѣ папою; постоянное мѣстопробываніе этихъ первосвященниковъ есть монастырь Канабино, построенный въ неприступномъ ущельи горъ къ востоку отъ Бейрута.

Когда полетина Европы сочла праличнымъ, итгнавъ изъ Сиріа Ибрагима-Пашу, возвратитъ ее въ непосредственное владѣніе турецкаго султана, то и себѣ усвоила право покровительства и безграничнаго вліянія на всѣ дѣла этой провинціи, на взаимныя отношенія всѣхъ племенъ ее населяющихъ къ правительству и между собою, сколько по часте гражданскаго управленія, столько и по исповѣданіямъ, въ первомъ случаѣ, чтобы сохранить и упрочитъ страну за законными владѣтелями; во второмъ, изъ пламеннаго участія къ судьбѣ христіанства въ Святой Землѣ.

Западныя европейскія державы, покровительницы Сиріи, избрали ее болѣе поприщемъ вѣчной политической брани. Заботясь столько же о благосостояніи ея жителей, сколько Японцы о торговлѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, они устремляютъ все вниманіе исключительно на свои частныя выгоды, какія только можно извлечь изъ почтительной преданности къ нимъ племенъ и принужденнаго снисхожденія мѣстнаго правительства. Соперничая между собою, эти просвѣщенные человеколюбцы избираютъ полудикихъ туземцевъ невольнымъ орудіемъ своихъ видовъ и интригъ, принимая подъ свое особенное покровительство разныя племена, безпрерывно нарушаютъ между ними миръ и согласіе, раздуваютъ пламя взаимной вражды и вомышляютъ только господствовать въ странѣ, первенствовать во мѣстѣ народа и властей.

Одна только православная Россія идетъ путемъ правды, и изъ уваженія къ правамъ собственности, руководствуется благородною умѣренностью. За то Арабы глубоко уважаютъ имя русское. Единовѣрцы преданы исполинской державѣ Сѣвера, какъ заступницѣ отъ враговъ, какъ своей представительницѣ у законныхъ властей. Всѣ прочія племена Сиріи, какъ христіанскія такъ и мусульманскія, чтутъ и благоговѣютъ Россію, за строгое безпристрастіе, за непоколебимую преданность истинѣ.

Если Франція, имѣя особенные виды на Сирію, надѣется найти когда-нибудь въ маронитахъ, которымъ она оказываетъ покровительство, твердую опору своего владычества въ странѣ, то тщетная надежда! Племя маронитовъ въ Сиріи, какъ капля въ морѣ; а всѣ прочія христіанскія племена въ лицѣ посланниковъ Рима ненавидятъ Французовъ, за возмутительныя рѣчи и дѣйствія ихъ проповѣдниковъ противъ церквей иновѣрныхъ, за раздоры, за соблазны,

вносимые ими въ нѣдра семействъ. Для мусульманъ, Французъ и злой духъ одно и тоже; а всякое правительство только при единодушномъ уваженіи народа можетъ быть увѣрено въ силѣ своей власти, въ преданности подданныхъ.

Англія, вѣчная соперница Франціи въ силѣ, славѣ и богатствѣ, покровительствуя Друзамъ и поддерживая ихъ въ несправедливыхъ нападкахъ на маронитовъ, не имѣетъ, кажется, другой цѣли, кромѣ невиннаго желанія противопоставить что-нибудь своей непріятельницѣ, и доказать всѣмъ, что дружба Англіи стоитъ расположенія Франціи, а иногда можетъ цѣниться и дороже. Въ этомъ случаѣ цѣль достигнута совершенно, успѣхъ положительный вѣщаетъ лондонскую политику. Но если Англичане, подъ личиною покровительства, таятъ стремленіе сдѣлать когда-нибудь Сирію своею рабою подобно Индіи, и надѣются на непоколебимую преданность и содѣйствіе Друзовъ, то очень ошибаются; ничто не можетъ сравниться съ лживостью и коварствомъ Друза. Эти свойства онъ всасываетъ съ молокомъ матери. Всѣ же христіанскія племена безъ исключенія, вмѣстѣ съ мусульманами, не только не признаютъ Англичанъ членами христіанства, но въ простотѣ сердецъ принимаютъ ихъ за гошителей, за опаснѣйшихъ враговъ святой вѣры; боятся ихъ какъ чумы и сильно ненавидятъ американскихъ проповѣдниковъ протестантства, которымъ Англія не отказываетъ въ свое покровительствѣ. По этому можно думать, что Сирійцы скорѣе пойдутъ въ огонь, чѣмъ примутъ законъ отъ Англичанъ.

То Друзы бунтуютъ, и ослушники верховныхъ властей набѣгаютъ кровожадными тиграми на сосѣднія деревни маронитовъ, истребляютъ людей и ихъ домашнихъ животныхъ, губятъ сады и нивы, сожигаютъ жилища и анбары; то марониты возстаютъ отмщать старья, но не забытыя кровавыя обиды; всякій разъ и тѣ и другіе надѣются легковерно на своихъ покровителей, увѣряютъ другъ друга въ скорой помощи, которую будто бы спѣшатъ имъ подать флоты ихъ союзниковъ, чтобы дружнымъ напоромъ истребить до тла ненавистныхъ враговъ. Эти слухи быстрѣе падучей звѣзды пробѣгаютъ по горамъ, волнуютъ, подстрекаютъ народъ, и тощутъ въ развязкѣ плачевныхъ драмъ; гдѣ они родятся, какъ умираютъ про то мы не знаемъ. Вотъ слѣдствія просвѣщеннаго вниманія великихъ западныхъ державъ Европы къ Сиріи и къ Святой Землѣ. Австрія идетъ

по слѣдамъ Франціи, Пруссія примкнула къ Англіи. Австрійцы извѣстны народу подъ именемъ «Нѣмца»; наши добрые сосѣди, осторожные Нѣмцы, вообще не пользуются расположеніемъ отважныхъ Арабовъ.

Спустя нѣсколько недѣль по нашемъ прибытіи въ Бейрутъ, въ одно майское утро, мы были удивлены отдаленнымъ гуломъ частой ружейной перестрѣлки; мы жили тогда въ одномъ изъ садовъ Растъ-Бейрута, и намъ казалось, что дѣйствіе происходило въ садахъ, по другую сторону города, очень недалеко отъ стѣны; но мой сеисъ (конюхъ) Арабъ, отлучавшійся всегда рано въ городъ для закупокъ, по возвращеніи принесъ намъ вѣсть, что Друзы и марониты открыли другъ противъ друга непріязненные дѣйствія въ горахъ, часовъ за шесть ѣзды отъ Бейрута. Велѣвъ осѣдлать коня, я поспѣшилъ въ городъ. Господа консулы, запершись въ кабинетахъ, никого къ себѣ не принимали, но пересылались записками; чиновники работали въ канцеляріяхъ, не поднимая головы, драгоманы бѣгали и суетились. Миѣ, не посвященному въ тайны политики, казалось очень страннымъ такое безпокойное участіе Европейцевъ. Когда вечеромъ я вѣбировался домой, подстрекнутое любопытство заставило меня нѣсколько разъ пріостановиться на улицахъ съ знакомыми; всѣ толковали о прогулкахъ, вечеринкахъ, ужинахъ, о торговлѣ, барышахъ, убыткахъ, а на вопросы о воюющихъ горцахъ отвѣчали не хотя, будто желая показать, что о подобныхъ пустякахъ не стоитъ и говорить. Мы ничего не понимали въ этой страшной противоположности дѣятельнаго вниманія однихъ и холодной безпечности другихъ.

Спустя нѣсколько времени завѣса тайнъ была приподнята и для нашихъ глазъ, загадки были разрѣшены.

Эти смуты такъ часты въ смѣшенныхъ нагорныхъ округахъ, что приморскіе горожане привыкли къ слухамъ о кровавыхъ схваткахъ горцевъ, какъ къ пошлымъ возгласамъ о вестерпимомъ жарѣ лѣтомъ, о проливныхъ дождяхъ зимою. Купечество не удостоиваетъ вниманія междуособія маронитовъ и Друзовъ, потому что они не имѣютъ никакого вліянія на ходъ торговыхъ дѣлъ. Паша, генералъ-губернаторъ страны, сознавая ничтожность своего вмѣшательства безъ сильныхъ вспомогательныхъ средствъ, сидитъ спокойно въ своемъ дворцѣ, придумываетъ двусмысленные отвѣты на докучливые вопросы своихъ друзей, представителей иностранныхъ державъ-покровительницъ, которые одни и принима-

ють живое участіе въ этикъ шагубныхъ раздорахъ торцевъ, одни изъ тщеславныхъ или корыстныхъ видовъ своей политики, другіе въ качествѣ друзей человечества и защитниковъ притѣсненныхъ единовѣрцевъ; третии какъ поборники христіанства и правды, какъ блюстители порядка и общаго спокойствія жителей Земли Обѣтованной.

Друзы занимаютъ теперь юго-восточную и южную части хребта отъ древняго Бальбека почти до Сура и считаются потомками африканскихъ переселенцевъ, которые ушли въ Сирію отъ завоевателей Египта и укрылись въ неприступныхъ твердыхъ Ливанскихъ горъ; здѣсь взаимныя выгоды и общая необходимость защищать свою свободу и свои вѣровсповѣданія, сдружили тѣсно разноплеменныхъ разновѣрцевъ, маронитовъ и Друзовъ, дѣтей и приемышей страны. Богъ знаетъ, долго ли продолжались ихъ братство и дружба подъ патриархальнымъ правленіемъ шейховъ, когда и за что, въ первый разъ поссорились они; извѣстно только, что эти два племени издавна были уже во враждѣ между собою. Марониты занимаютъ высоты Ливана къ востоку отъ Бейрута до верховья рѣки Эль-Аккаръ, впадающей въ Средиземное море, близъ приморскаго городка Ортоза, но многія ихъ селенія разбросаны также между друзскими въ округахъ бейрутскомъ и сайдскомъ, а какъ эти участки земли признаны собственностью шейховъ послѣдняго племени, то и жители ихъ, марониты, необходимо должны были остаться подъ управленіемъ друзскихъ властей. Шаабы невольно усилили взаимную ненависть этихъ двухъ племенъ предпочтеніемъ, оказаннымъ ими маронитамъ въ избраніи себѣ совѣтниковъ, секретарей, повѣренныхъ воли и дѣйствиіи, потому что марониты, покровительствуемые Римомъ и Франціею, имѣя при своихъ монастыряхъ училища, имѣютъ способы къ нѣкоторому образованію, что даетъ имъ большой перевѣсъ надъ Друзами въ дѣлахъ управленія и тяжбъ. Между-тѣмъ маронитское духовенство, всегда окружая особу князя, то какъ секретари и совѣтники, то въ званіи наставниковъ его дѣтей, съ пламеннымъ усердіемъ внушали своимъ воспитанникамъ правила христіанской вѣры, и ихъ похвальныя старанія не остались безъ плодовъ. Къ дикой враждѣ за различіе вѣрованій, присоединилась зависть за раздѣлъ мѣстъ и выгодъ земныхъ; вотъ двѣ достаточныя причины, возбудившія въ Друзахъ неутолимую жажду мщенія. Но при грозныхъ князьяхъ Шаабъ, звѣрскія страсти рѣдко осмѣливались выйти наружу и ток-

часъ умирали, раздавленныя желѣзной рукою мудрой и могучей власти, не успѣвъ еще оставить и царапины на лицѣ родной земли, не только изрыть ее глубоко, какъ нынѣ, костями ея сыновъ, обнажить топоромъ, обезобразить пожаромъ. Теперь враги, едва примиренные угрозами и обѣщаніями правительства, снова уже бунтуютъ, снова возстаютъ другъ на друга, обманутые въ надеждѣ верховнаго суда, въ ожиданіи праведнаго рѣшенія неразрѣшимыхъ ссоръ; снова влутъ замѣненъ, ружьемъ въ рукахъ хлѣбопашца, снова пламя по горамъ истребляетъ все на пути своемъ.

Относительно этой народной войны, можно сказать утвердительно, что сами горцы сражаются совершенно безъ всякой цѣли: они одушевлены только стремленіемъ жечь и сгарать, убивать и умирать. Другіе, пользуясь этою тѣловою ненавистью, основываютъ свои надежды на непрерывныхъ смутахъ и несчастіяхъ: одни, чтобы доказать невозможность благосостоянія страны, спокойствія ея жителей подъ правленіемъ Турціи; другіе стремятся увѣрить, что эмиръ Бешаръ-Шаабъ для Ливана необходимѣе воздуха и солнца; третьи, подъ личиною друзей правды и человечества, таятъ какіе-то туманные, отдаленные виды, которыхъ мы не понимаемъ.

Первый лавръ, первая пальма христіанской проповѣди въ новѣйшее время принадлежитъ католическимъ монахамъ; вътъ уголка на земномъ шарѣ, забытаго ихъ благочестивымъ усердіемъ: лишенія, труды, смерть, продолжительныя, ужасныя страданія не сильны остановить святой ихъ ревности, торжествующей надъ всѣми препятствіями.

Первые изъ римско-католическихъ монаховъ, которые завели монастыри и училища въ Палестинѣ и Сиріи, были, кажется, изъ ордена святаго Франциска и капуцины, потомъ іезуиты, которымъ наслѣдовали лазаристы. Покровительство европейскихъ державъ, особенно Франціи, доставляетъ латинской церкви на Востокъ неисчислимыя выгоды и преимущества; почтеніе турецкаго правительства къ духовнымъ лицамъ римскаго исповѣданія даетъ имъ большой перевѣсъ въ глазахъ народа надъ православнымъ греческимъ священствомъ. Во время же гоненій, воздвигнутыхъ на православіе, они пріобрѣли множество послѣдователей, которые, толпами покидая родную Церковь, убѣгали подъ ихъ защиту. И нынѣ въ христіанскомъ мірѣ Сирія мы видимъ съ прискорбіемъ непрерывныя волненія и пре-

ступленія, то обращенія въ новыя секты, то возвращенія къ прежней вѣрѣ; все это надобно приписать предосудительной ревности нѣкоторыхъ посланниковъ Рима, а еще болѣе американскихъ миссіонеровъ въ новѣйшее время, которые пришли, кажется, сюда съ добрымъ намѣреніемъ, просвѣтитъ *сидящихъ во тьмѣ и тѣни смертной*, но, увлеченные непростительнымъ фанатизмомъ, измѣняютъ своему истинному призванію. Довольно робкіе, чтобы рѣшиться на великій подвигъ врачеванія умовъ, зачумленныхъ ложнымъ ученіемъ алкорана, не довольно вдохновенные, чтобы привлечь къ себѣ сердца силою слова, — они покупаютъ себѣ учениковъ въ христіанскомъ племени. Полудикіе бѣлняки, сребролюбцы, богатые рабы страстей, наконецъ святотатцы, бѣгутъ, впрочемъ очень не многіе, подъ знамена другихъ церквей: одни, чтобы питаться не трудясь; другіе, чтобы угодить минутной прихоти сердца; третьи, страшась преслѣдованія и заслуженной кары. Миссіонеры принимаютъ всѣхъ ихъ ласково въ число своихъ учениковъ.

Одною изъ главныхъ причинъ сокрушительной вражды между маронитами и Друзами можно также считать американскихъ миссіонеровъ, которые съ помощію Друзовъ своевольно заводили училища въ маронитскихъ селеніяхъ, набирали учениковъ между послѣдними силою и обольщеніями, внося съ новымъ ученіемъ соблазны и раздоры въ семейства; за то марониты до-того ненавидятъ этихъ проповѣдниковъ, что при первой удачѣ противъ своихъ враговъ, они непременно сожгли бы и ихъ самихъ и ихъ дома въ окрестностяхъ Бейрута. Друзы въ свою очередь говорятъ, что дружба ихъ съ Англичанами основана на томъ только, что послѣдніе не христіане; и это мнѣніе о протестантахъ равно раздѣляютъ всѣ грубыя племена Сиріи.

Просвѣщенные и челоувѣколюбивые сыны Европы и Новаго Свѣта много способствуютъ къ развращенію Сирійцевъ, покровительствуя измѣнникамъ вѣры прадѣдовъ, измѣнникамъ не по убѣжденію, а по расчету земныхъ выгодъ, которые, не понимая важности преступленія, не предвидя гибельныхъ слѣдствій, предаются обольщенію, какъ наличнаго золота такъ и несбыточныхъ обѣщаній самозванныхъ апостоловъ; во спустя нѣсколько дней, уже ждуть нетерпѣливо удобнаго случая опять возвратиться подъ покровъ родной Церкви съ раскаяніемъ, менѣе притворнымъ, чѣмъ отпаденіе. Такъ эти отцы-проповѣдники, хранители божественныхъ завѣтовъ, ху-

до понимая свои священныя обязанности, соперничаютъ между собою, грабятъ взаимно свои духовныя паствы и, обращая въ христіанство христіанъ же, величаются другъ передъ другомъ своими подвигами и успѣхами. Какъ были бы почетны и святы труды ихъ, если бы они ограничились проповѣдью Божественнаго Слова къ необращеннымъ еще на истинный путь жизни.

Говоря выше, что христіане, по своей многочисленности могутъ считаться вторымъ господствующимъ народомъ въ Сиріи, мы принимали страну не въ нынѣшнихъ ея границахъ — отъ Александретты до Газы, отъ Средиземнаго моря до Аравійской пустыни. Подъ именемъ Сиріи мы разумѣли только береговую линію, отъ устья рѣки Оронта до Сень-Жанъ д'Акра или древней Птолемаиды, также исключая весь алеппскій пашалыкъ и большую половину дамасскаго; мы включали въ границы страны долины и хребты горъ до равнинъ и степей, заселенныхъ дикими племенами Арабовъ-мусульманъ, или занятыхъ кочующими Бедуинами; и тѣ и другіе, какъ потомки аравійскихъ завоевателей, не могутъ быть приняты за поколѣнія древне-сирійскія.

И такъ, если христіане разныхъ исповѣданій составляютъ главную часть земледѣльческаго народонаселенія береговой и нагорной Сиріи, то Православная Церковь считаетъ въ своихъ приходахъ болѣе половины Арабовъ-христіанъ. Кромѣ того, во всѣхъ почти приморскихъ городахъ около трети всего разновѣрнаго народонаселенія составляютъ жители греческаго исповѣданія; высоты и долины Антилявана въ дамасскомъ пашалыкѣ, плодоносныя поля Антиохіи исключительно заняты деревнями и городками Арабовъ православныхъ. Патріархъ ихъ, нося титулъ «антиохійскаго», вмѣстѣ востоянное мѣстопробываніе въ Дамаскѣ, заключающемъ также въ стѣнахъ своихъ около тридцати тысячъ православныхъ въ числѣ ста тысячъ жителей разныхъ исповѣданій.

Всѣ первыя степени монашествующаго православнаго духовенства заняты болшею частью Греками, изъ которыхъ многіе, поселившись въ Сиріи еще въ юности, совершенно усвоили себѣ языкъ своихъ духовныхъ дѣтей, сдружились съ ихъ обычаями. Всѣ сирійскіе пастыри отличаются строгою нравственностью, истиннымъ смиреніемъ, примѣрною енисходительностью къ слабостямъ другихъ. Будучи отвѣтственными представителями своихъ единовѣрцевъ передъ правительствомъ, они обращаютъ отеческое вниманіе на свою

паству, не щадя ни имущества церковныхъ, и монастырскихъ, ни самой своей жизни, чтобы видѣть ее всегда свободною, чтобы оградить ее отъ смутъ и бурь разрушительныхъ; они не вмѣшиваются въ дѣла гражданскаго управленія, ограничиваются посредничествомъ, благими совѣтами, утѣшительными и вспоможеніями одной стороны, просьбами и предстательствомъ у другой. При всемъ томъ наши сирійскіе единоувѣрцы не могли совершенно укрыться отъ зоркихъ глазъ миссіонеровъ, которые, подкрадываясь извѣстными, похищаютъ иногда легковѣрныхъ, отравляютъ ядомъ обольщеній счастье семействъ и нарушаютъ спокойствіе Церкви. Только въ этомъ случаѣ можно пожалѣть, что пастыри нашего исповѣданія, обращая все вниманіе на существенное благосостояніе Церкви, пренебрегаютъ образованіемъ юношества своей паствы, что могло бы служить имъ крѣпчайшимъ оплотомъ отъ заразительныхъ соблазновъ удаленія, хотя временнаго, отъ родной Церкви. Хотя при множествѣ монастырей вездѣ заведены училища, но отцы-иноки и наставники, не довольно просвѣщенные сами, могутъ только научить своихъ воспитанниковъ читать, писать и главнымъ догматамъ вѣры. Недавно въ Хосбеѣ общее спокойствіе было нарушено осемнадцатью или двадцатью негодаями, обращенными въ протестантство американскими миссіонерами и дерзнувшими общенародно нанести оскорбленіе Церкви въ лицѣ старца пастыря. Народъ изгналъ ихъ камнями вмѣстѣ съ учителями. Благоразумныя и кроткія мѣры патріарха вскорѣ возвратили отступниковъ въ нѣдра прежней Церкви, исключая трехъ, четырехъ корыстолюбивыхъ вольнодумцевъ. Таково состояніе православія въ Сиріи.

Сколько удовольствія доставляютъ здѣшнимъ жителямъ плоскія кровли домовъ и открытыя галереи въ самой ихъ срединѣ, окруженныя со всѣхъ сторонъ жилыми комнатами. Часто утромъ мы встрѣчаемъ на кровлѣ восходъ солнца, когда оно торжественно появляется надъ снѣжными вершинами Ливана, и его блистательный ликъ отражается въ зеркальной поверхности моря. Въ ясные вечера изъ открытыхъ галерей мы любуемся явленіями звѣднаго неба.

Недавно, въ ночь съ 12 на 13 ноября, въ Бейрутѣ видѣли совершенное и продолжительное затмѣніе полной луны. Предувѣдомленные заранѣе, мы ждали его на нашей галерей; погода была: тихая и довольно теплая, небо: чистое;

началось затмѣніе ровно въ полночь. Луна вдругъ утратила половину своего обыкновеннаго блеску: и на серебряномъ диске ея ясные обозначились черныя пятна. Кругъ луны началъ медленно исчезать подъ находящею тѣнью, что продолжалось около получаса, пока свѣтло не скрылось совершенно подъ чернымъ покрываломъ. Только звѣзды заблестали ярче, какъ завистливые глаза торжествующаго соперника. Наконецъ луна, оставшаяся на небѣ темнымъ пятномъ, начала постепенно краснѣть и рдѣться, и за полупрозрачною дымкою тѣни, казалось, жарко горѣла кровавоцвѣтнымъ пламенемъ, но безъ лучей, безъ сіянія. Эта чудесная картина, продолжалась съ минутою; послѣ чего тѣнь начала сходить, освобождая по немногу изъ своихъ объятій красавицу ночей Востока, и она еще свѣтлѣе, еще радостнѣе прежняго, заблестала надъ своей печальной подругой, какъ бы утѣшая—обвила ее ласково своими золотистыми лучами, облила ее волнами свѣту. Звѣзды опять сдѣлались незамѣтны, опять померкли передъ яснымъ сіяніемъ царицы ночи.

Здѣсь, кстати, расскажемъ о смятеніи жителей Бейрута, происшедшемъ по причинѣ затмѣнія луны, продолжавшагося болѣе часу. Турки и Арабы-мусульмане имѣютъ повѣріе, что воздушное чудовище — *Гуть*, родъ кита, непрерывно дѣлаетъ поочередный смотръ небеснымъ свѣтиламъ и, замѣтивъ неисправность одного изъ нихъ, тотчасъ засудитъ и проглотитъ. Въ полночь, муэдзинъ, вставъ на минеретахъ провозгласилъ обычныя молитвы надъ усыпленнымъ городомъ, замѣтили бѣдную луну, пожираемую этимъ чудовищемъ и отчаянными воплями дали знать о постигшемъ ее несчастіи жителямъ, которые убѣждены, что *Гуть*, услышавъ горестное смятеніе на землѣ, смягчаетъ свой гнѣвъ и изрыгаетъ назадъ провинившееся и проглоченное имъ свѣтило; вслѣдствіе такого предположенія, въ городѣ поднялся ужасный шумъ, одни кричали, другіе стрѣляли, третьи били въ бубны и ибидую посуду; артиллерія, полагая, что *Гуть* не слышитъ ружейной пальбы, зарядила пушки и приготовлялась просить его по-громче, но чудовище умлостивилось и отдало луну, — народъ успокоился, начались молитвы.

Между множествомъ племенъ, тысячи различныхъ народовъ земнаго шара, нѣтъ и двухъ совершенно сходныхъ въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрхяхъ. Изъ этого хаоса противоположностей въ помятихъ, направленіи умовъ, влеченіяхъ

души и сердца, можно извлечь, однако, возможность сравненія, можно для всякаго народа найти параллель въ одномъ изъ прочихъ, если не по сходству, то по рѣзкому отличію характеровъ, обыкновеніи, дѣятельности духа, направленія и степени силы страстей.

Обитатели одной страны, не смотря на различіе происхожденій, вѣроисповѣданій,—все это братья по родинѣ, и хотя характеръ каждаго племени всегда отмѣченъ какою-нибудь отличительною чертою, но она едва замѣтна и часто ускользаетъ отъ наблюденія въ общей суммѣ народныхъ понятій, обычаевъ, предразсудковъ и стремленій, которыми племена одной страны обмѣниваются взаимно. Такъ всѣ Арабы-Сирійцы, хотя враги между собою за различіе вѣрованій и мнѣній, за славу древности происхожденія, за первенство по праву сильнаго, являютъ намъ примѣръ разительнаго сходства въ нравахъ, обычаяхъ, силѣ умственныхъ способностей и увлеченій чувственныхъ, а также и замѣчательныя особенности въ духѣ повѣрій и преданій, въ направленіи желаній и страстей.

Общія, отличительныя черты характера Сирійцевъ — воинственность, гостепріимство и наклонность къ торговлѣ; два первыя свойства, вѣроятно, они заимствовали отъ коренныхъ Арабовъ, а послѣднее — наслѣдовали отъ Финикіянь. Почтеніе къ лѣтамъ такъ велико, что не только на сѣдимы стариковъ-отцовъ смотрятъ здѣсь съ большимъ уваженіемъ, но даже младшій братъ уважаетъ старшаго, хотя бы этотъ своимъ поведеніемъ не заслуживалъ никакого вниманія; юродивые и калѣки также пользуются здѣсь особеннымъ уваженіемъ и снисходительностью; грубый *тамаль* (носильщикъ), который съ своею ношею не своротитъ предъ поѣздомъ блистательнаго паши, всегда дастъ дорогу увѣчному; любовь родителей къ дѣтямъ, какъ и вездѣ, также безграницна, какъ почтеніе послѣднихъ къ первымъ.

Судя по послѣднимъ чертамъ народнаго характера, можно бы предполагать, что женщина занимаетъ здѣсь высокое мѣсто, какъ въ своемъ семействѣ такъ и въ обществѣ, что первое видитъ въ ней свое земное провидѣніе, а послѣднее, уважая ея физическую слабость, оказываетъ ей почтительное вниманіе; напротивъ того, здѣсь участь женщины очень незавидна: лишенная физической и нравственной свободы, она не пользуется ни священными правами матери, ни должнымъ уваженіемъ супруги; во мнѣніи общества она — полезное

животное и только; мужъ видитъ въ ней рабу, обязанную исполнять безпрекословно его прихоти, — онъ купилъ ея существованіе. Должно замѣтить, что здѣшніе христіане, грубые дикари, держатся мусульманскаго обыкновенія покупать себѣ женъ, но платятъ за нихъ гораздо меньше.

Здѣсь женщина живетъ одною физическою жизнью; прекрасная идеальная сторона жизни для нея закрыта, и если она ощущаетъ въ себѣ присутствіе души безсмертной, то вѣроятно въ послѣднюю только минуту жизни, когда ангелъ смерти, сорвавъ грубое покрывало невѣжества, которое обвиняло ее со дня рожденія, внезапно раскрываетъ передъ нею свѣтлое познаніе духовнаго міра.

Всѣ вообще Сирійцы горячо любятъ свою прекрасную отчизну, и каждое племя въ особенности высоко цѣнитъ свое баснословное происхожденіе и гордится своими часто вымысленными предками, имя которыхъ уважается какъ заветная святыня народа. Сверхъ-того жители каждой деревни, какъ древніе Римляне, любя безпредѣльно родную долину, отцовскую хату, считаютъ за честь быть гражданами родимаго селенія и стараются присообщить къ своему имени его названіе, не менѣе любимое и уважаемое ихъ дѣтьми.

Арабы-Сирійцы всѣ вообще славолюбивы, но не понимаютъ условій чести. Другъ коваренъ и измѣнчивъ, но маровитъ всегда перехитритъ его; первый требуетъ не должнаго повиновенія, второй всегда жалуется громко какъ обиженный бѣднякъ. Мусульманинъ хочетъ казаться покровителемъ всякому богатому иновѣрцу, питаясь крошками его стола; Арабъ-христіанинъ православнаго исповѣданія не столько вабоженъ, сколько преданъ своей Церкви, цѣня высоко честь, что сынъ ея всегда веселъ, всегда поетъ, никому не потворствуетъ, никого не обижаетъ; хочетъ быть со всѣми въ дружбѣ, никому не помогая ни дѣломъ ни словомъ. Всѣ Сирійцы смѣлы, но скромны, обходительны, уклончивы и учтивы. Арабъ всегда избѣгаетъ ссоры, но не проститъ нанесенной обиды, хотя бы неумышленною; не вѣдается надъ слабымъ, но не испугается силы врага. Друзы, какъ поколѣніе Африканцевъ, много отстали въ похвальныхъ качествахъ характера отъ другихъ племенъ арабскаго происхожденія. Другъ способенъ на всякое преступленіе, не уважаетъ даже правъ гостепріимства; онъ мо-

жоты быть удамъ разбойникамъ, но мужественнымъ рязанцамъ или просто храбрымъ солдатамъ, — ииовда. Вотъ не много отличительныхъ замѣтны характеровъ разныхъ племенъ одного народа. Теперь мы снова возвратимся къ общему взгляду на нравы: Сирийцевъ, или дѣтей одного семейства.

Если ваше терпѣнiе не разбилось о неописанную опасность, медлительность, о грубую необходимость Турковъ, то вы смѣло можете имъ похвалиться какъ испытаннымъ, желѣзнымъ; Турки во всемъ находятъ препятствiя, не любятъ бороться съ трудностями, тѣмъ неудачи смущаетъ ихъ, а ничтожный успѣхъ счастливитъ и дѣлаетъ гордыми. Напротивъ того Арабы, народъ пламенный, добрый, дѣятельный: ничто ихъ не останавливаетъ, ничто не затрудняетъ, ничто не устрашаетъ; неудача еще болѣе подстрекаетъ къ упорству, а самый успѣхъ рѣдко удовлетворяетъ ихъ желанiя. Турокъ, особенно чиновный, или зажиточный или грамотей, похожъ на индiйскаго пѣтуха, начиная отъ походки до смышлености. Арабъ смотритъ соколомъ, остроуменъ, ловокъ, проворенъ; ему недостаетъ только образованiя. Способности души его пробуждены не всѣ и ни одна не развита достаточно; здѣсь самый разумъ челоука не ясно отличается отъ высшей понятливости животнаго, которая обращается къ небу только для того, чтобы вымаливать подаянiе на нужды земныя.

Арабы-Сирийцы любятъ, также какъ Турки, посѣщать мѣста народныхъ сборищъ, любятъ нѣжиться за чашкою горькаго кофе и вѣчнымъ наррилѣ. Но шумные, живые, занимательные разговоры одушевляютъ ихъ общество, которое ни сколько не похоже на скучныя турецкiя собранiя, гдѣ царствуетъ угрюмое безмолвiе, только изрѣдка прерываемое однообразными вопросами о здоровьи и условными отвѣтами, гдѣ все мертво какъ въ фантастическихъ бесѣдахъ отжившихъ душъ.

Сириецъ дѣйствуетъ, производитъ, никогда не размышляя о послѣдствiяхъ опрометчивости сдѣланнаго шага. Онъ отважно идетъ на встрѣчу опасностей, равнодушно сноситъ превратности судьбы, въ трудахъ войны забываетъ нужду отдыха, забываетъ томительный голодъ и жажду. Но онъ скорѣе умѣетъ гордо страдать, чѣмъ быть умѣреннымъ въ счастья и милосердымъ къ побѣжденному врагу.

Арабы охотники до музыки и пѣнія, но законы благозвучія имъ совершенно не знакомы; звуки же, производимые оружіемъ, особенно пріятны ихъ слуху.

Первое страница въ книгѣ—предисловіе, въ правахъ и обязанностяхъ невѣстнаго народа—одежда первая занимаетъ шпора иностранца. Огромныя чалмы или тюрбаны въ общемъ употребленіи у всѣхъ Сирійцевъ, поборниковъ дорогой старины, съ однимъ различіемъ цвѣтовъ, присвоенныхъ личностей, какъ права вѣроисповѣданія. Такъ мусульманина можно узнать по бѣлой чалмѣ и краснымъ башмакамъ, которыхъ люди другихъ исповѣданій не вѣютъ права носить, какъ и зеленыхъ тюрбановъ, присвоенныхъ только не доказаннымъ потомкамъ Мугаммеда. Всѣ вообще хрістіане усвоили себѣ цвѣта черныи и темносиній. Евреи избрали пестроту, но желтый и розовый цвѣту нихъ въ особенномъ предпочтеніи, а на чалмы они употребляютъ бумажныя англійскіе платки, затканныя мелкими цвѣтами; подобныя же шали, только полосатыя, употребляются на кушаки вообще всѣми Сирійцами средняго, скромнаго сословія; богачи и молодые фрауты носятъ шелковыя издѣлія туземныхъ фабрикъ.

Цвѣта остальной одежды разрѣшены всѣмъ безъ всякаго разбора; такъ Сирійцы лѣтомъ предпочитаютъ легкую бѣлую куртку и того же цвѣту широкіе красивыя шальвары, которыхъ безчисленныя складки, какъ лавины снѣгу падаютъ отъ пояса до пятъ, бѣлый жилетъ съ длинными узкими рукавами и отворотами, на-глухо застегивающійся блестящими пуговицами, а сверхъ него такая же распашная куртка съ прорѣзными рукавами. На головѣ красная феска съ темно-синюю длиною густою кистью, доходящею до плечъ; на боку сабля, повѣшенная черезъ плечо и часто за туго перетянутымъ кушакомъ—два пистолета. Нѣтъ ничего восхитительнѣе простаго лѣтняго наряда молодого, стройнаго Сирійца. Лица княжескихъ и благородныхъ фамилій выхватываютъ на плечи бурнусъ темнозеленаго, фіолетоваго и бѣлаго цвѣту. Зима вмѣняетъ немного видъ одежды, ноги прячутся въ толстыя шерстяныя чулки, а иногда въ сапоги; черныя и вообще темныхъ цвѣтовъ шальвары закрываютъ бѣлые; куртка подбивается мѣхомъ; феска обвязывается вебольшимъ платкомъ; однѣ огромныя чалмы остаются все тѣми же глупыми, толстыми чалмами зимой,

какъ лѣтомъ. Толстый ягмурлукъ (капотъ отъ дождя) чернаго и желтосѣраго цвѣтовъ, закутываетъ человѣка отъ ушей до пятъ.

Теперь остается познакомить васъ съ арабскою женщиной въ полномъ ея нарядѣ; а это и есть самая трудная вещь, которая не всякому путешественнику можетъ быть доступна, потому что здѣсь женщины, какъ мусульманки такъ равно и христіанки всѣхъ исповѣданій, являются въ свѣтъ подъ одинакимъ непроницаемымъ бѣлымъ покрываломъ. Все лицо завѣшено у нихъ платкомъ съ бѣлыми арабскими буквами по черному фону. Бродя по улицамъ и общественнымъ садамъ Константинополя, мы были поражены одеждою турецкой женщины: на ней развѣваются выкроенныя лоскутками суконныя мантии темныхъ цвѣтовъ; бѣлый платокъ, обвивая лобъ, щеки и носъ, оставляетъ на свободѣ одни любопытные глаза сомнительной красавицы. Безвкусіе этой одежды оскорбляетъ взоръ. Напротивъ того, мы ручаемся, что вамъ очень понравилась бы широкая, бѣлая мантия стройной высокой Арабки, расходящаяся волнами съ головы до полу и взъ подъ нея чуть выглядывающая ножка въ желтомъ или черномъ полубашмакѣ. А черный платокъ, совершенно скрывающій лицо, дѣлая всѣхъ равно прекрасными, имѣетъ свою занимательную сторону; родные, знакомые, могутъ встрѣтиться на улицѣ, поговорить и разойтись, не узнавъ другъ друга; за то здѣсь смѣло можно обращаться съ вопросами и къ незнакомымъ. Намъ кажется, что не одна цѣломудренная стыдливость прародительницъ этого пламеннаго народа, была изобрѣтательницею волшебной бѣлой мантии и чернаго таинственнаго платка; по-крайней-мѣрѣ главнымъ совѣтникомъ ихъ въ этомъ дѣлѣ было желаніе укрыться въ обществѣ отъ преслѣдованія ревнивыхъ взоровъ. Эта одежда какъ магическимъ жезломъ разбиваетъ тяжелыя оковы и выпускаетъ какъ птицу изъ клѣтки огненныя страсти восточныхъ фей. Домашняя одежда арабскихъ женщинъ не много разнится отъ мужской: тѣ же шальвары, не такъ широкіе и того же красиваго покроя, почти всегда пестрые бумажные и одноцвѣтные, шелковые; жилетъ съ открытою грудью и безъ рукавовъ; шелковая прозрачная рубашка закрываетъ крестъ-на-крестъ грудь и руки широкими рукавами; разшитая золотомъ куртка —

также съ прорѣзными рукавами. Па головѣ красная феска съ синею кистью и всегда обвязана легкимъ шелковымъ платкомъ; волосы, расплетенные на мелкія косы, закрываютъ всю спину до пояса, а передніе локоны выются на груди и по плечамъ. Сверхъ-того арабскія женщины любятъ унизоваться золотыми монетами. Для обуви всѣ вообще употребляютъ въ домахъ желтые и черные полусапожки на мягкой подошвѣ, а выходя на улицу, надѣваютъ сверхъ остроконечные башмаки, безъ задка, тѣхъ же цвѣтовъ.

Одежда простыхъ бѣдныхъ горцевъ отличается отъ наряда горожанъ только грубостью и однообразіемъ матерій, которыхъ степени доброты и цвѣту часто нельзя опредѣлить въ мелкихъ лохмотьяхъ и въ грязи; мы удивляемся только искусству надѣвать безъ ошибки подобныя платья; впрочемъ, Арабы не очень любятъ заниматься своимъ уборомъ, и чтобы напрасно не трудиться, не тратить на пустяки времени, они, надѣвъ разъ новую куртку или что другое, до тѣхъ-поръ не скидаютъ ея, пока сама не спадетъ съ плечъ; невѣстоплотность простаго народа и въ такомъ жаркомъ климатѣ — ужасна; женщины отъ бани до бани не чешутъ головы, не плетутъ косы. Ложась въ постель, они освобождаютъ только ноги отъ башмаковъ и голову отъ повязки и чалмы, оставляя всегда феску. Горянки всѣ вообще прибавляютъ къ своему наряду очень странный головной уборъ: — это длинный серебряный рогъ, идущій отъ середины лба наизкось трубою кверху; у покрывала съ верху дѣлается для него чахолъ; мы находимъ это очень безобразнымъ. Подобные рога всегда бываютъ тонкіе, дутые и испещрены странными фигурами; браслеты и наноженки, золотые и стеклянные, во всѣхъ сословіяхъ сводятъ женщинъ съ ума и употребляются ими съ излишествомъ и безъ вкуса. Сверхъ-того мужчипы и женщины клеймятъ руки отъ плеча до ногтей священными письменами, именами любезныхъ, названіями храмовъ, родныхъ городовъ и деревень или вымышленными рисунками, похожими на знаки зодіака.

Женщины и дѣвушки красятъ ногти въ разные цвѣта, сурмятъ брови, а подъ глазами мажутъ синькой; румяна и бѣлѣла знакомы и въ Сиріи.

Мы сами совершенно убѣждены, что обычай, преданія

старинны и творья народа, вѣрно замѣченныя во всѣхъ подробностяхъ и разсказанныя отчетливо, могутъ дать вѣрное понятіе о народномъ характерѣ. Но, к сожаленію, мы еще недавно живемъ въ описываемой странѣ и, не посвященные во многія тайны важныхъ и смѣшныхъ, занимательныхъ и пустыхъ предрасудковъ, общихъ всему народу, и частныхъ, усвоенныхъ каждымъ племенемъ, не надѣемся своимъ разсказомъ вполне удовлетворить ожиданія читателей.

Чтобы представить себѣ ясно характеръ Востока, надобно всё наши понятія вывернуть на-изнанку; съ чего мы начинаемъ, тѣмъ тамъ кончаютъ. Это вы замѣтите отъ письма и самаго содержанія писемъ, до малѣйшей черты въ жизни общественной и частной.

Первое, что сильно поразило насъ при вступленіи на волшебный берегъ цвѣтстаго Востока—это кладбище. Почтеніе, которое отдають здѣсь живые усопшимъ братьямъ и прадѣдамъ, не имѣя ничего общаго съ нашими европейскими нравами, достойно во всѣхъ отношеніяхъ удивленія и послѣдованія; оно смутитъ непривычные взоры какъ укоръ совѣсти, какъ неотразимый доводъ на ничтожество блестящаго образованія предъ величіемъ и силою свободнаго ума—небеснаго дара. Встрѣчая въ народѣ полудикомъ священное благоговѣніе къ могилѣ и почившему въ ней, умиленно душѣ; оновосхищаетъ ее, краснорѣчиво удостовѣряя въ безсмертіи; пророча ей свѣтлую будущность. Самая страшная, самая оскорбительная клятва Араба—клятва гробомъ отцовъ и бороною; самое почтительное увѣреніе того, съ кѣмъ имѣють честь говорить,—его дѣтми и близкими.

Неопредѣленный и непреоборимый страхъ, поселяемый кладбищемъ въ сердцахъ нашихъ простолудныхъ и часто образованныхъ женщинъ, вовсе не знакомъ Сирійцамъ; у насъ покойникъ и страшное пугало почти одно и то же; здѣсь усопшій—святыня. Здѣсь, высоко уважая память отжившихъ, почитаютъ отрадою скронить прахъ милый подъ лучшимъ деревомъ домашняго сада или по-крайней-мѣрѣ какъ можно ближе къ жилищамъ, на любимомъ мѣстѣ вечерней прогулки. Поэтому здѣсь

покази сдѣлать шату ни въ городѣ, ни выѣзго, чтобы не вспомнить о смерти, и это такъ обыкновенно, что безпрерывныя встрѣчи старинныхъ надгробныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ благочестивыми рунами также уже почившими поди въ свѣжихъ могилахъ, не только безсильны выгнать содрогнуться живаго, шуметь грознымъ пророчествомъ о неизбежномъ собственномъ разрушеніи, но напротивъ, дѣлать его воображеніе мыслями о будущности, сулятъ ему вѣчную дорожную память въ сердцахъ любимыхъ и любящихъ.

Не станемъ распространяться о частныхъ семейныхъ кладбищахъ, въ садахъ богатыхъ домовъ; это обыкновеніе общее всѣмъ жителямъ Сиріи, безъ различія вѣроисповѣданій, исключая Евреевъ, которые предпочитаютъ отдаленныя, глухія мѣста и горныя пещеры для могилъ; они избираютъ ночь для своихъ погребальныхъ шествій, соблюдаютъ предразсудокъ, что по обмытіи усопшаго, ни прахъ его ни несущіе гробъ не должны прикоснуться къ иновѣрцу, если желаютъ чтобы душа отжившаго собрата была принята въ вѣчныя селенія рая. Для избѣжанія опасныхъ встрѣчь, очень рѣдко бывають днемъ еврейскія похороны, и то рано на зарѣ.

Однажды, возвращаясь съ прогулки, мы видѣли ужасный и вмѣстѣ смѣшной погребальный обрядъ:—это были похороны одного друзскаго старшины, убитаго въ схваткѣ съ маронитами. Тѣло покойника, лежавшее на доскѣ и покрытое мантией, было привязано на верблюдѣ; одинъ челоуѣкъ впереди велъ его на длинной веревкѣ, вылъ и вопилъ отчаяннымъ образомъ; позади шли двѣ женщины, которыя какъ фуріи въ орискачку коверкаясь и размахивая обнаженными саблями, провозглашали дикимъ голосомъ въ припадѣхъ любезныя подвиги усопшаго. Шествіе заключалось полсотнею родныхъ и знакомыхъ, также дѣлавшихъ непрерывно странныя движенія всѣмъ тѣломъ и испускавшихъ во временахъ выгнаны, пронзительные крики.

Христіане любѣ исповѣданій погребаютъ усопшихъ при своихъ загородныхъ церквахъ; обиліе мрамора даетъ всѣмъ средства власть надъ могилами огромныя плиты съ изображеніемъ креста и съ надписями на родныхъ языкахъ. Эти

надгробные памятники служат столами при поминальных обѣдахъ. Католики устраиваютъ свои кладбища за высокими стѣнами въ уединенныхъ мѣстахъ, которыя развѣ только случайно могутъ быть посѣщаемы. — Мусульмане заселяютъ могилами возвышенности береговъ и вообще всѣ живописныя мѣста. Ихъ мраморные памятники, въ видѣ остроугольной доски, исписанной золотыми и цвѣтными письменами, или колонны, увѣнчанной чалмою, — возвышаются надъ головою почившаго.

Наканушъ торжественныхъ праздниковъ всѣ мусульмане считаютъ священнымъ долгомъ, посѣтить гробницу родныхъ, помолиться Богу, прочитать имъ похвалы и обновить свои надежды на жизнь вѣчную.

Христіане въ дни своихъ торжествъ, рано утромъ, посѣщаютъ гробницы отцевъ, и помолясь о дорогихъ и милыхъ сердцу, располагаются весело обѣдать на могилѣ, вспоминая почившаго въ ней.

Арабы, всегда умѣренные въ пищѣ, не большіе охотники до крѣпкихъ напитковъ; поэтому ихъ праздники вовсе не отличаются ни объяденіемъ ни пьянствомъ; все тотъ же горкій кофе, все тотъ же плавъ и жирная баранина, приправленные разною зеленью и плодами; только множество цвѣтовъ и сластей разнообразятъ столъ, а кофе непрерывно смѣняется шербетамы. Но за то гулянья здѣсь безконечны; наряды богаты, музыка и пѣсни не умолкаютъ ни на минуту, смѣлыя игры живы и веселы, старшій и малшій не утомимы: одинъ на все смотритъ, все слушаетъ; другой рѣзвится и поетъ.

Сожалѣемъ, что намъ не удалось попить пива ни на одной арабской свадьбѣ; изъ рассказовъ мы знаемъ, что христіане имѣютъ одинаковое обыкновеніе съ мусульманами — покупать себѣ женъ.

За нѣсколько дней до брака, женихъ въ сопровожденіи друзей и предшествуемый музыкантами, торжественно проходитъ по улицамъ въ домъ отца своей невѣсты, которую выводятъ и ставятъ у притоки, гдѣ она и пребываетъ съ закрытыми глазами и сомкнутыми устами по нѣскольку часовъ, въ продолженіе всего посѣщенія нареченнаго.

Впрочемъ и невѣста не лишена возможности рассмотреть своего жениха на улицѣ или сквозь прозрачную ткань своей юбки или сквозь частую рѣшетку окна, или наконецъ въ замочную щелку двери обязательной свахи, заманившей къ себѣ молодца подъ предлогомъ какого-нибудь важнаго совѣщанія о предстоящемъ брачномъ пирѣ.

Рожденіе младенца мужескаго пола есть одно изъ радостныхъ и самыхъ продолжительныхъ семейныхъ празднествъ; поздравительныя посѣщенія родныхъ, друзей и знакомыхъ, съ приношеніями подарковъ новорожденному, продолжаются до осьми дней; съ утра до вечера, кофе и шербетъ, пирогъ и сласти смѣняются непрерывно другъ друга. Рожденіе дѣвочки не производитъ такого восторгу, ни шуму и празднуется только въ кругу женщинъ; мы находимъ, что эта дерзкая и возмутительная несправедливость заслуживаетъ вполне самаго горькаго, ѣдкаго упрека. Но Впрочемъ намъ имѣть дѣла до Арабовъ, мы уже должны быть совершенно довольны, считая себя строго справедливыми въ этомъ отношеніи.

Относительно воспоминаній, страна полна народныхъ преданій. Изъ нихъ можно составить цѣлыя десятки книгъ. Многія преданія сохранились понынѣ въ безчисленныхъ рукописяхъ, переходящихъ по наследству отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ правами на ученое званіе сказочника. Мы уже имѣли случай говорить вамъ объ уличныхъ ежедневныхъ литературныхъ вечерахъ, передъ дверьми кофейни, куда арабскій сказочникъ приноситъ, тотчасъ по закатѣ солнца, свою дѣдовскую книгу, въ листъ, въ которой широко расписаны — «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой». Ровно два часа, громкимъ и звонкимъ голосомъ прочитываетъ онъ изъ нея нѣсколько завѣтныхъ страницъ, дѣлая на многія мѣста длинныя собственныя замѣчанія, пересыпанныя остротами слова, которыя въ случаѣ удачи могутъ упрочить за нимъ славу, и слѣдственно удвоить его обыкновенный доходъ умноженіемъ слушателей, въ ущербъ ученому собрату-чтецу сосѣдней улицы. Арабы страстные охотники слушать рассказы.

Въ Растъ-Бейрутѣ, на разстояніи болѣе часу отъ городскихъ стѣнъ, есть пещера надъ моремъ, называемая голуби-

ною, отъ множества голубей, вьющихся въ ней свои гнёзда; промѣ этихъ птицъ никто не входилъ въ нее, никто не извѣрля ея глубины. Народъ боится проходить ночью мимо пещеры, вѣря простодушно преданію, что будто въ глубокой древности нечистый духъ или злой волшебникъ, укравъ у одного изъ беритскихъ царей дочь красавицу, отнесъ ее въ безызнѣстную пропасть этой пещеры и приставилъ неусыпными стражами плотоядныхъ птицъ чудовищной величины и страшнаго безобразнаго вида; многіе вѣрятъ и увѣряютъ другихъ, что царевна до-сихъ-поръ жива, но заключенная вѣчно покоится въ непробудномъ снѣ на золотомъ ложѣ, украшенномъ дорогими каменьями, освѣщающими блескомъ своимъ, какъ солнцемъ, стѣны зачарованной спальни въ подземномъ дворцѣ. Арабы-мусульмане высоко чтутъ память одного стариннаго шейха Негра, котораго гробница, за высокими каменными стѣнами, находится въ Растъ-Бейрутѣ, недалеко отъ города, на крутой скалѣ, нависшей надъ моремъ. По сказаніямъ, этотъ шейхъ, встаетъ въ полночь и выростая до облаковъ, часто пугаетъ проходившихъ; впрочемъ, въ этомъ увѣряютъ только его поклонники.

Есть преданіе, будто недалеко отъ Триполи донынѣ существуетъ небольшая зачарованная хата; она полна серебра и золота, жемчуга и изумруда; дверь свободно ходитъ на петляхъ, никакое чудовище не стережетъ входа, и желающій можетъ войти и выйти не боясь, что невидимая сила захлопнетъ за нимъ навѣки тяжелыя врата гробовой неволи. Но сколько бы кто не обременилъ себя дорогою ношею, по выходѣ изъ хаты его руки, карманы, мѣшки опять мгновенно пустѣютъ, а покусившійся на кражу лишается разсудка. Знакомый намъ Арабъ, рассказывая объ этой волшебной хижинѣ, прибавляетъ, что когда-то одинъ мудрый правитель Сиріи, видя, сколько это обольщеніе губить ежедневно людей, приказалъ заложить на глухо двери, и съ-тѣхъ-поръ зданіе представляетъ только скудную гробницу богатства.

Ко всему этому прибавляютъ, что древній владѣтель сокровища былъ царь-волшебникъ; побѣжденный случайно другимъ, онъ зачаровалъ свои богатства и оставилъ ихъ открыто, въ надеждѣ погубить соперника, но доблестный остался чуждъ обольщенія: онъ искалъ только славы.

Въ Сиріи, какъ и вездѣ, предразсудки ходятъ понавѣ

ными болѣзнями въ народѣ. Необразованные, но пламенные суевѣры составляютъ цѣлую науку изъ нелѣпыхъ повѣрій, которыя въ своемъ основаніи совершенно схожи съ нашими простонародными повѣрьями, но производятъ болѣе тревоги, потому что здѣсь воображеніе изобрѣтательнѣе и, не подчиненное разуму, глупо облекаетъ ихъ въ яркіе цвѣты. Такъ напримѣръ вой собака вводитъ ужасъ на жителя дома, подлѣ котораго она приютилась; онъ не будетъ ѣсть, не будетъ спать нѣсколько ночей, съ фонаремъ изъ окна украдкой посматриваетъ на собаку и, горе ей, если замѣтитъ, что она, вой, наклоняетъ голову къ землѣ. Онъ немедля заряжаетъ ружье, приговаривая: «на твою да будетъ голову, окаянная!» и свинець разорветъ дерзкую гортань, которая будто осмѣлилась выть ему къ скорой его смерти. Если же, вой, она поднимаетъ морду къверху, то на утро ее ждетъ вкусный завтракъ, за то, что она предварила хозяина дома о приближеніи какого-нибудь несчастія или губительнаго пожара, но бѣдный мученикъ предразсудка опять беспокоится, опять не спитъ ночи двѣ, три. Такъ затмѣніе небесныхъ свѣтилъ, особенно луны, бываетъ всего страшнѣе для мусульманскаго народонаселенія Сиріи. Неожиданное появленіе разныхъ птицъ на домахъ и ихъ нечаянное отбытіе предвѣщаетъ несчастіе. Аистъ, истребитель змѣй и другихъ гадинъ, есть желанный гость каждаго дома; народъ чтитъ его какъ добраго генія, мальчикъ, метнувшій въ аиста камнемъ, подвергается строгому наказанію родителей.

Рѣвая касатка также пользуется всеобщимъ уваженіемъ, за истребленіе саранчи и другихъ вредныхъ насѣкомыхъ; вгдѣ не любятъ эту милую птичку? кому не служила она примѣромъ чистой красоты, правственнаго совершенства? И у насъ, въ Россіи, какой счастливый женихъ, лаская свою невѣсту, не называлъ ее касаткой? Здѣсь всякій считаетъ небеснымъ благословеніемъ, если милая гостья удостоитъ поселиться и завестись дождкомъ и дѣтками въ комнатѣ надъ окномъ или надъ брачнымъ ложемъ счастливаго супруга молодой и прекрасной жены. Этого достаточно, чтобы молодая чета, пройдя безмятежно многіе годы, вѣрвала отъ души въ доброе предзнаменованіе и передала дѣтямъ сладкое воспоминаніе несомнѣннаго пророчества счастья, посланнаго свыше черезъ рѣвую птичку. Голубей здѣсь разводятъ

и ѣдятъ какъ куръ. Ворона и сорока не могутъ носѣтить безнаказанно чье-нибудь жилище. Если чей-нибудь конь бьетъ сердито ѡ-земь копытомъ, то его хозяинъ, опасаясь встрѣчи съ врагомъ, принимаетъ мѣры предосторожности; а если конь заржетъ и вытянетъ шею, это означаетъ къ вечеру свиданіе съ роднымъ или съ другомъ. Крысы почитаются здѣсь повѣренными чумы.

Арабы простодушно вѣрятъ въ превращеніе простой воды, чрезъ наговоры знахарей, и въ цѣлительную и въ зловредную. Заговорщики зубовъ и змѣй, нищіе кудесники, пользуются всеобщимъ удивленіемъ и расположеніемъ.

НЕДОУМЪНІЕ.

=
ПОВѢСТЬ.

=
I.

Городъ Красные-Верхи — пожалуй, что и не городъ, однако же и не село. Подъезжая къ Краснымъ-Верхамъ, вы подумаете, не выросли-ль они какъ-нибудь случайно изъ одного домика, забытаго когда-то въ степи? Такъ точно оброненное или занесенное вѣтромъ зерно выбѣгаетъ стеблемъ и наливается въ колось среди голой степи, однообразно зеленѣющей травой. Ровный скатъ горы ограждаетъ ихъ съ одной стороны; по другую сторону далеко раскинулась отлогая степь и теряется неразличимою отъ горизонта, синѣющею полосой. Бѣлая каменная церковь, какъ высшій предметъ между низенькими домиками, виднѣется за нѣсколько верстъ, и позолоченный крестъ ея ярко горитъ на солнцѣ. Темный зеленый садъ столпился около пруда, подернутаго сѣтчатой зеленью, и доставляетъ прохладу и тѣнь на всѣ Красные-Верхи, въ которыхъ не найдете другаго убѣжища въ раскаленные дни почти полу-годоваго лѣта.... Всего лучше

вотъ прудъ ночью; вообще, въ Красныхъ—Верхахъ лучшее—ночь у пруда, съ его серебряною водяною поляной, съ его неподвижными вербами и съ прохладой воздуха еще болѣе неподвижнаго; чѣмъ самыя вербы и самыя воды, залитыя сплошь сіяніемъ ночи, какъ серебряное блюдо.

Въ одну изъ подобныхъ ночей, въ Красные—Верхи въѣхала почтовая телѣга, туго набитая чемоданами и разною клажей. На тюфякъ, покрытомъ ковромъ на изнанку, чтобъ въ лицевую сторону не набилось пыли, сидѣлъ запыленный мужчина, въ сѣрой форменной шинели и въ фуражкѣ съ отличкой на передѣ. Рядомъ съ ящикомъ качалась дремлющая фигура лакея въ нанковомъ сюртукѣ и картузѣ, который обнаруживалъ на себѣ явные слѣды нерѣдкаго паденія съ головы хозяина, имѣвшаго обычай не просыпаться на самыхъ злыхъ толчкахъ, а только усердно съ ними раскланиваться. Колокольчикъ прерывисто звенѣлъ, пуская послѣ cadaго удара протяжный гулъ, который чисто раздавался въ тихомъ воздухѣ ночи: лошади спускались съ горы....

Глаза протѣжаго разсѣянно скользили по бѣлѣвшимъ внизу домикамъ, исчезавшимъ по краямъ необъятно—широкихъ улицъ. Видно было, что, глядя на нихъ, онъ занятъ былъ чѣмъ—то другимъ. Южная ночь, яснѣя матовымъ свѣтомъ луны, и небо, все покрытое звѣздами, которыя упестрили его синеву,— широко простиравшееся надъ гладкою, безпредѣльною какъ оно, степью, — напомнили ему иную ночь, безлунную, но свѣтлую какъ день, и беззвѣздное, бѣдое небо, въ которомъ высоко возносились блестящіе куполы и шпицы, облитые голубоватымъ сіяніемъ ночи.... Нева спокойно плещется о свои гранитныя, изсѣченныя узорами стѣны, или зеленые острова купаются въ неогражденной ея влагѣ. А прогулка послѣ чудно—проведеннаго вечера и глаза, все еще горящіе передъ вмѣстившимъ ихъ взоромъ, не замѣчающимъ болѣе ни ночи, ни Невы, ни всего холоднаго великолѣпія картины!...

Почти не подлежитъ сомнѣнію, что пріѣзжій былъ занятъ именно этими воспоминаніями, и что онъ не замѣтилъ, какъ очутился посерединѣ Красныхъ—Верховъ. Передъ нимъ, въ изгибѣ необъятной площади, возвышался и ярче другихъ бѣлѣлъ при свѣтѣ луны двухъ—этажный домъ — истнаго Лукулла, что легко

было угадать каждому приѣзжему. Вырученный кое-какъ изъ объятій крѣпкого сна, лакей пошелъ въ просонкахъ стучаться въ окна незнакомыхъ домовъ, стараясь какъ-нибудь набрести на востояднѣй! Не скоро, въ одномъ изъ строеній, отличающагося отъ другихъ своею несприятностью, отворилась пѣвучая шалетка, и кривой Жидъ, разсмотрѣвъ сперва экипажъ и сидѣвшаго въ немъ охлнера, медленно отперъ ворота, которые печально закрипѣли на своихъ петляхъ, можетъ-быть давно уже не исполнявшихъ такой службы. Потомъ онъ проводилъ приѣзжаго въ низенькую комнату. Приѣзжій безнадежно осматрѣлся кругомъ и освоился съ атмосферою комнаты. Увидѣвъ кровать весьма ненадежную, онъ велѣлъ постлатъ свой тюфякъ на полъ, завѣсилъ шинелью окно, раздѣлся при помощи соннаго лакея, котораго помышленія успѣли давно сосредоточиться на заманчивомъ углу успокоительныхъ темныхъ сѣней, — и улегся, крехтя.

На другой день, около полудня, мирные жители Красныхъ-Верховъ внезапно встревожены были появленіемъ на улицѣ незнакомаго человѣка.

Максимъ Макарычъ, — такъ назывался Лукулъ Красныхъ-Верховъ, — былъ человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, но тучный, что придавало ему не мало важности. Волосы у него были цѣту несовершенно выбѣленнаго полотна, глаза очень маленькіе, нѣсколько темнѣе цѣта волосъ; говорилъ онъ отрывисто. Кабинетъ Максима Макарыча былъ украшенъ картинами. Посреди комнаты стояли пирамидой черешневые чубуки невоптрной величины. Въ прихожей торчалъ швейцаръ, въ вѣчнокъ перывѣ отворить двери, хоть бы къ тому не представлялось никакой видимой необходимости. У Максима Макарыча жила племянница — Авдотья Алексѣевна, дѣвица довольно зрѣлыхъ лѣтъ, которая, по смерти жены его, занималась хозяйствомъ въ домѣ, и принимала гостей. Старикъ былъ хлѣбосоль и любилъ пожить нескупо и весело.

Свѣтлорусая головка ея, влажные голубые глаза, тонко горѣвшіе потухающею зарею молодости, и нѣжный овалъ ея полу-германскаго личика, странно гармонировали съ толстою сѣрою головою дяди и его маленькими, того же цѣту глазами. Правда, у этой толстой головы оказывалось подчасъ пренягкое, пряное сердце; и такое открытіе ободряло

его слабую племянницу. За его доброе сердце она охотно прощала въ душѣ и суровый голосъ, и суровый взглядъ, которыми сопровождалась, по его натурѣ, самыя нѣжныя выраженія и даже рѣдкія минуты ласки дяди. Иногда ей приходило на мысль: отчего выпало ей на долю скучное одиночество въ степной глуши, тогда какъ подруги ея дѣтства давно замужемъ и наслаждаются жизнью въ шумныхъ городахъ. Однако же всѣ говорили, что она счастлива, что *ей ли не жизнь!* такое довольство! и невѣсть что за жизнь ея благодатная!... И ей приходилось вѣрить; и за минутный ропотъ она готова была признать себя неблагодарною, безчувственною, — пожалуй злою!

Общее мнѣніе Красныхъ-Верховъ рѣшило, что Авдотья Алексѣевна избалована счастьемъ; — это было дознано всѣми.

Не было къ ней ни сочувствія, ни теплаго слова отъ льстившихъ ей безъ отбою обитательницъ Красныхъ-Верховъ. Онѣ, по своей натурѣ, льстили ей въ глаза до такой степени, что ей становилось за нихъ стыдно. А ей бы хотѣлось хоть одного задушевнаго слова. Принялась было бѣдная Авдотья Алексѣевна читать. Дядя ее балуетъ: выписалъ ей и книгъ изъ губернскаго города, сказавъ напередъ, что всѣ нынѣшнія книги — зараза и только портятъ нравственность, между-тѣмъ, отъ романовъ затрещали полки его библіотеки. Авдотья Алексѣевна начиталась всласть и вскорѣ набила оскомину; душа потребовала лучшей пищи. И тутъ ее невзначай посѣтила короткая, но такъ давно незнакомая ей радость: къ ней пріѣхала погостить какая-то Надежда Васильевна — подруга юности и сотрудница всѣхъ создававшихся тогда о будущемъ балладъ... Надежда Васильевна, ставъ барыней, ѣхала теперь куда-то, везя съ собою и мужа. Она-то затѣяла посвятить Дунюшку новому служенію, подаривъ ей изорваннаго „Жака“, съ необходимою, по ея мнѣнію, надписью на первомъ листкѣ, гдѣ подчеркнутымъ словамъ „jusqu'au tombeau“ особенно ярко предназначено было выразить всю мѣру ихъ пожизненной дружбы; и за тѣмъ уѣхала, взявъ съ собою мужа. Но и Надежды Васильевны давно не было; только вторично изорванный „Жакъ“ былъ крѣпко перечитанъ, когда пріѣхалъ въ Красные-Верхи молодой человекъ Камеевъ, явившійся такъ удачно на ихъ ули-

нѣ и наконецъ у Максима Макаровича, который принялъ его довольно хорошо.

Уже прошло нѣсколько недѣль съ-тѣхъ-поръ, какъ ловко сшитоенный петербургскимъ портнымъ сюртукъ и новая каска прѣзжаго, начали показываться на улицѣ Красныхъ-Верховъ и по воскресеньямъ въ домъ Максима Макарыча. Красивое молодое лицо, удачно отбѣненное преждевременною задумчивостью,—а можетъ-быть и просто недавнею скукой,—непринужденный видъ и рѣчь, которые обличали привычку къ обращенію въ томъ обществѣ, гдѣ наружная политура сгладила нѣсколько шероховатую чопорность нравовъ; густые черные волосы, глаза, исполненные особой заманчивости молодыхъ, блестящихъ черныхъ глазъ: все это не могло оставить появленіе Камеева не замѣченнымъ, и не въ Красныхъ-Верхахъ, гдѣ какое угодно появленіе, даже мужикъ, перекинувшій возъ съ соломой, или явившійся на улицѣ Жидь, равно снискивали вниманіе и участіе публики.

Третій разъ, въ назначенное для гостей воскресенье, Камеевъ являлся въ домъ Максима Макарыча; и третій разъ онъ оставался съ Авдотьей Алексѣевною, дольше нежели съ другими. Разговоры ихъ шли сначала довольно сухо и вяло, потомъ немного поживѣй, наконецъ совершенно свободно. Только она, по-видимому, болѣе дорожила разговорами и лучше сохраняла ихъ въ памяти. Они были для нея какъ-будто рѣдкостью. А онъ — говорилъ и острилъ, даже увлекался изрѣдка; но тутъ же и позабывалъ чему за минуту смѣядся, или отчего только-что было призадумался.

Теперь, онъ блуждалъ болѣе получаса между ломберными столами, стойко выдерживавшими удары игроковъ и ихъ, порой, задорные ходы съ козыря. Отъ скуки, онъ съѣлъ наконецъ къ открытому окошку и разсѣянно вперилъ глаза въ безлюдную улицу. Ночь только-что сгущалась. Луна заигала едва замѣтно красноватое зарево на далекомъ краю неба—тамъ, гдѣ оно въ мракъ сливалось съ темною степью. На небѣ было мутно, какъ и на землѣ... Съ другого конца города отзывался лай собакъ; да на прудѣ собрались лягушки и затянули свой нескончаемый концертъ. Мысли прѣзжаго мигомъ упеслись далеко отъ окружавшаго его собранія; глаза, блуждая въ пустотѣ, не видѣли уже ни

потемнѣвшей степи, ни неба, на которомъ поочередно и ярко выбѣгали звѣзды: онъ весь былъ гдѣ-то — но только не здѣсь и не передъ лицомъ этой засыпавшей въ нѣгѣ природы.

Вдругъ около него внятно раздался шелестъ женскаго платья. Онъ оглянулся: подлѣ него стояла Авдотья Алексѣевна, внимательно остановивъ на немъ свои глаза — голубые, какъ это ночное небо.

— „Вы все о чемъ-то задумываетесь“, говорила она, качая шутливо головкою: „а знаете ли что? мнѣ бы хотѣлось знать, о чемъ именно вы задумываетесь, господинъ Камеевъ?“

— Зачѣмъ? Вѣдь это не можетъ быть для васъ занимательно. Притомъ же...

— „Притомъ?...“ подсказала она, видя что Камеевъ остановился — „притомъ и не стоить — хотите вы сказать? не такъ ли?“

— О, совсѣмъ не то... напротивъ. А просто, я увѣренъ, что васъ не займетъ....

— „А можетъ и займетъ, какъ знать? Попробуйте только — скажите!“

И она быстро сѣла и пододвинула кресло къ Камееву. Онъ отрицательно покачалъ головою и только улыбнулся. Ненадобно отвѣта болѣе понятнаго: ему просто не было охоты разговаривать.

— „Что вы сегодня дѣлали?“ начала опять Авдотья Алексѣевна, желая, вѣроятно, во что бы ни стало, завязать разговоръ.

— То же, что дѣлалъ вчера, и вѣрно буду дѣлать завтра и послѣ-завтра: скучалъ... ходилъ отъ скуки изъ угла въ уголь. Вечеромъ скитался около пруда, восхищался вербами... потому-что здѣсь больше нечѣмъ восхищаться....

Въ послѣднихъ словахъ онъ вѣрно раскаялся бы, если бѣ только удостоилъ замѣтить, какимъ обидливымъ румянцемъ загорѣлось вдругъ бѣлое личико его собесѣдницы. Но онъ ничего не замѣчалъ; даже не слышалъ этого мгновеннаго, но такого невольна-несдержимаго вздоха, выпорхнувшаго изъ ея груди — безъ малѣйшаго на то съ ея стороны согласія. Онъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ, потомъ посмотрѣлъ на небо, успѣвшее все забыть и разрядиться сплошь сія-

ющими звѣздами, и замѣтилъ, что его часы съ нѣкоторыхъ поръ начали отставать. Время шло, какъ видите, хоть и вельзя сказать, чтобы особенно пріятно, но по-крайней-мѣрѣ покойно,—когда въ сосѣдней комнатѣ неожиданно показалась, выхтя, тучная фигура Максима Макарыча. Мелькнуло и хлопотново зашептало нѣсколько женскихъ юбокъ.... Авдотья Алексѣевна встала и подошла къ играющимъ. Одинъ партнеръ, изъ уваженія, поверотилъ тотчасъ къ ней свои карты, лишивъ себя такимъ образомъ послѣдней возможности что-нибудь въ нихъ видѣть.

Камеевъ между-тѣмъ отыскалъ фуражку и, не оглядываясь назадъ, пустился скорѣе по направленію къ прихожей, помышляя о томъ, что возвращеніе домой, — вещь во всякое другое время сколько ему противная, — теперь сдѣлалось лучшею завязкою вечера. На-бѣду, однакожь, въ подобную минуту неизбѣжно найдется добрый человекъ, который прійметъ въ васъ самое живѣйшее участіе и постарается удержать во что бы то ни стало. Благодѣтелемъ на этотъ разъ явился мосье Терехинъ, считавшій обязанностью просвѣщать недогадливаго пріѣзжаго, и не допускать его ни до какого нарушенія приличій.

— Ну, какъ это можно? до ужина! Вѣдь это неприлично! до ужина-ужъ ни какимъ образомъ нельзя! говорилъ почти перепугавшійся Терехинъ.

— Я никогда не ужинаю.

— Да нѣтъ, какъ это возможно! И, въ заключеніе спектакля, хозяевамъ покажется обидно.

Выраженіемъ „въ заключеніе спектакля“ Терехинъ скрѣплялъ только самыя убѣдительныя мѣста своей рѣчи, и самъ говорилъ, что надѣялся на него какъ на каменную гору.

— Вѣдь не вы хозяинъ, — замѣтилъ Камеевъ; значить, вамъ нѣтъ нужды обижаться.

Мосье Терехинъ поспѣшилъ переменить рѣчь.

— Я, знаете-ли, люблю Максима Макарыча, за то, что здѣсь совсѣмъ свободно. Милый человекъ — правда! за то и люблю. А то мнѣ бы какое дѣло? посудите сами....

Камеевъ все это выслушалъ, но посудить рѣшительно отказать; и, потерявъ послѣднее терпѣніе, вырвалъ наконецъ

руку у Терехина и опрометью бросился домой. А мосье Терехинъ возвратился въ комнату.

Утромъ слѣдующаго дня, прїѣзжему офицеру принесли письмо, на конвертѣ котораго красными буквами мутно вытиснуто было „Санктпетербургъ“. Камеевъ присмотрѣлся къ почерку адреса и, какъ-будто понявъ уже на половину содержаніе письма, сломалъ поспѣшно печать; потомъ принялся за чтеніе, пробѣгая строки, или скорѣе отыскивая въ этомъ строку строкъ какое-то одно слово, въ которомъ заключался на этотъ разъ весь смыслъ письма, довольно многословнаго. Письмо, по обыкновенію, приступило не прямо къ дѣлу, но сдалека, трактуя сначала о разныхъ постороннихъ вещахъ, какъ это обыкновенно водится.

„Другъ мой Александръ! (говорило письмо) странное дѣло! съ кѣмъ я ни сходился въ жизни, со всѣми разставался, не успѣвъ сказать даже прощай или до-свиданія! И не испыталь я всей тоски, всей тягости, видѣть друзей сающихся въ экипажъ и отправляющихся въ путь“.

— Да, помню, мы не успѣли проститься. Точно! Онъ былъ въ то время въ должности.... помню. Ну, что же дальше? ну!

И онъ перескочилъ глазами страницу, быстро перевернулъ письмо, и глаза его вдругъ остановились — будто теперь только отыскиали они то мѣсто, съ котораго слѣдовало приняться за чтеніе.

„Я ѣздилъ вчера нарочно къ нимъ (говорило мѣсто) на дачу, гдѣ и провелъ цѣлый день. Какъ тамъ все стало грустно, Александръ! Михайла Григорьичъ старался всѣми силами уничтожить неотступную мысль о твоёмъ отсутствіи, которая такъ и тяготѣла надъ всѣми. У нихъ не было никого, и Михайла Григорьичъ не переставалъ удивляться такому обстоятельству, хотя оно, какъ знаешь, повторялось довольно часто и прежде. Былъ, правда, какой-то Мякишевъ—ты можешь поминишь: одинъ изъ тѣхъ, которыми восхищаются матушки.... еще надъ нимъ всегда хохотала Нечочка вмѣстѣ съ нами.“

„Нечочка, Александръ, была грустна; глаза ея были красны. Мнѣ удалось перебросить съ ней два слова. Она, сказала мнѣ: Посмотрите, какъ я кашляю.... А сколько я плакала!—„Полноте, Анна Михайловна, сказалъ я, — будьте

тверды; берегите себя; Богъ поможетъ, все измѣнится. Надо пережить это тяжелое время.“— Да, хорошо вамъ говорить, а каково мнѣ! „Она убѣжала, и я слышалъ, какъ она плакала въ другой комнатѣ. Впрочемъ, я въ ней не замѣтилъ отчаянія: она, кажется, надѣется. Я спросилъ еще у нея, то писать къ тебѣ? Она отвѣчала: пусть онъ только помнить меня, любить меня,—я буду этимъ счастлива...“

Камеевъ бросилъ письмо на столъ. „Любить меня!... вторилось у него на губахъ и въ памяти: помнить меня!... Я буду этимъ счастлива!...“ И онъ принимался опять за чтеніе, и опять задумывался, и не понималъ наконецъ ни слова въ письмѣ. А письмо говорило, по обыкновенію, очень о многомъ, позабывъ, какъ водится, о главномъ. Однакожъ, приписанное съ боку P. S. разомъ возвратило нашего героя къ сознанию, — и онъ очень ясно разобралъ слѣдующее:

„Зизи Пюнова тебѣ кланяется. Я встрѣтилъ ее въ Павловскѣ; повѣришь-ли—я даже удивился!—она не скрывается отъ меня! Она принялась рассказывать о тебѣ, и мнѣ показалось, что голосъ ея дрожалъ отъ восторга. Ты лучше всѣхъ знаешь этотъ голосъ“.

И Камеевъ снова бросилъ письмо на столъ; и снова на губахъ его и въ памяти повторились слова—только на этотъ разъ уже слова изъ P. S.!

Въ эту минуту со стукомъ отворилась дверь, и Терехинъ, сбросивъ уже въ комнатѣ свою молодецки заломленную фуражку, швырнулъ ее съ отиѣнной ловкостью на столъ, подъ самый носъ Камееву. Камеевъ вздрогнулъ и почти готовъ былъ проговориться... довольно неосторожно проговориться... Только гость устроилъ все самымъ наилучшимъ образомъ.

— Ха, ха, ха, ха! перепугалъ воображеніе! кричалъ онъ, оставшись совершенно доволенъ своею фразою. Знаю даже о комъ думали. Хотите скажу о комъ? Объ Авдотѣ Алексѣевнѣ! Вѣдь правда объ ней, объ Авдотѣ Алексѣевнѣ?... А! что, вѣдь угадалъ?... Ну то-то-же. А въ заключеніе спектакля, прибавилъ онъ—вовсе не приготовивъ слушателей къ такому заключенію, — набей-ка мнѣ, любезный, трубочку! и съ этимъ просунулъ голову въ прихожую, что подало поводъ знакомому уже намъ лакею, любившему при слу-

чаѣ раскланиваться, войти, на этотъ разъ, безъ поклона, съ набитою трубкой и спичкою, которая до того надгорѣла, что огонь доходилъ уже до нальцевъ.

— „Сан-ктпе-тер-бургъ“ прочиталъ на конвертѣ Терехинъ съ разстановкою, — закуривая трубку однимъ угломъ рта и поглядывая на нее искоса, не криво ли она закуривалась.

— Сегодня жарко, кажется, сказалъ Камеевъ, замѣтивъ что до-сихъ-поръ не сказалъ еще гостю ничего любезнаго.

— Тепло — сказалъ рѣшительно гость и усялся на столъ. Потомъ онъ погладилъ усы кончикомъ чубука.

— А вѣдъ Авдотья-то Алексѣевна того, любезнѣйшій! хороша вѣдъ...того.... чертовски, Авдотья Алексѣевна, милый! Въ заключеніе спектакля, просто сказать — душечка! При этомъ онъ поцѣдовалъ довольно громко кончики собственныхъ пальцевъ. И сверхъ-того... прибавилъ онъ, уже совершенно неизвѣстно съ какою цѣлью и подошелъ къ зеркалу поправивъ свою прическу.

— Видя, что хозяинъ никакимъ-образомъ не выходитъ изъ задумчивости, Терехинъ почелъ не лишнимъ предаться въ свою очередь размышленію; вслѣдствіе чего, принявъ озабоченный видъ и началъ густыми клубами пускать дымъ, поочередно, изъ носу, изъ рта и изъ ушей; а иногда, съ особепнымъ искусствомъ, изъ всѣхъ отверстій разомъ; наконецъ, выколотилъ трубку на полъ и, поставивъ ее съ рѣшимостью въ уголъ, прошолся по комнатѣ.

— Да, все оно какъ-то располагается того.... какъ-то. И чортъ его знаетъ, какъ оно всегда странно какъ-то располагается.... примолвилъ онъ съ разстановкою, — какъ будто великая идея съ трудомъ выходила изъ его головы. Но Камеевъ и этой идеей не убѣдился. Тогда Терехинъ попробовалъ снова завести разговоръ.

— А! заревѣлъ онъ, подходя къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ итальянскихъ пѣвцовъ: а! ревялъ посѣтитель необыкновенно радостно, будто встрѣтилъ старыхъ знакомыхъ. Послѣ такого удачнаго приступа, онъ остановился однако жъ надолго передъ картинами, тщетно стараясь разобрать подпись. Но сколько онъ ни сидѣлъ прочесть по-русски итальянскія буквы, ничего не выходило. Выбившись

изъ смѣль, онъ обратился наконецъ къ хозяину: чьи это портреты? спросилъ онъ, какъ-будто мимоходомъ.

— Рубини... и Тамбурины.... отвѣчалъ машинально Камеевъ, не поднимая глазъ.

Терехинъ, одобрительно кивнулъ головою, прибавивъ:

— Я такъ и думалъ! А впрочемъ, знаете-ли? продолжалъ онъ, помолчавши минуту: я полагаю, что они лучше. Физиономія неважныя—право! (Терехинъ былъ вообще склоненъ къ отрицанію и отвергалъ многое, что признавалось *петербургскими*, — такъ онъ называлъ всѣхъ, не судившихъ по его мѣркѣ). Подумаешь, продолжалъ онъ: денегъ-то сколько получаютъ! А за что, я васъ спрашиваю (вопросъ былъ обращенъ все туда же — въ сторону портретовъ)? Потомъ какой-нибудь Тамбурины поди-ка, проѣдетъ туда, въ Парижъ, тамъ гдѣ можетъ прежде, Нѣмцемъ съ шарманкой по улицѣ таскался, да выстроитъ себѣ домъ въ три этажа. Ей-ей-ну! Что мнѣ до этого? Я мѣдной-бы копѣйки не далъ; ей-ей-ну не далъ бы копѣйки! что мнѣ они? фитъ!...

И Терехинъ съ негодованіемъ отошелъ отъ портретовъ.

Камеевъ улыбнулся и одобрительно кивнулъ головою. Замѣчанія этого героя подѣйствовали однако жъ на него болѣе отрицательно, и навели совсѣмъ на иныя слова и звуки, безъ того уже навѣянные письмомъ. Недавнее прошлое живо выступило передъ нимъ — и голоса пѣвцовъ запѣли ему свои мотивы: какъ-будто напомнилось только вчера происходившее представленіе. Настоящее было точно усталость послѣ сильной оркестровки. Камеевъ не зналъ, какъ поступить съ Терехинымъ. Прошло полчаса, а онъ все-еще молчалъ и не сказалъ гостю ничего обязательнаго....

Но Терехинъ, давно позабывъ непріятность, нанесенную ему возможностью будущаго благосостоянія Тамбурины, уже прилаживалъ къ пуговицѣ какую-то дрянъ, валявшуюся на столѣ. Онъ безпрестанно то подходилъ къ зеркалу, то, прищуриваясь, отступалъ назадъ, чтобы посмотреть: хорошо-ли такъ будетъ?

Вотъ какимъ образомъ шло у Камеева время въ Красныхъ-Верхахъ. Правда, ему все казалось, что оно болѣе стоитъ на мѣстѣ нежели идетъ; и онъ тащилъ его какъ лѣнкую лошадь, которая упирается и натягиваетъ поводья.

Каждый день Терехинъ непременно изумлялся, заставая Камеева, въ двѣнадцатомъ часу утра, „за чайнымъ столикомъ“, какъ говорилъ онъ, и каждый разъ негодованіе его воскресало при взглядѣ на Тамбурины. Камеевъ тутъ же кое-какъ одѣвался и выходилъ изъ дому, каждый день одинаково извиняясь.

— Да что-жь? развѣ и мнѣ не пойти ли съ вами? Вы куда? говорилъ обыкновенно Терехинъ.

— Не знаю, право. Такъ, пойду ходить куда-нибудь....

— Можеть не зайдете ли къ Дребезжалкинымъ? Зайдете? а?

— Нѣтъ, ни къ кому не зайду.... Да я пойду лучше одинъ. Прощайте!

И онъ ускорялъ шагъ, чтобы отдѣлаться отъ своего навязчиваго товарища, который обнаруживалъ сначала рѣшимость догонять его и не давать безъ себя соскучиться. Но, видя, что Камеевъ, миновавъ улицы, направлялся въ степь и пропадалъ тамъ, — онъ оставлялъ его съ улыбкой состраданія.

— Просто, сочинитель, выходитъ! говорилъ онъ: и какой онъ офицеръ? поэтъ, выходитъ, просто, а не офицеръ! Офицеръ не полѣзеть чортъ знаетъ куда: онъ пройдетъ по городу. А степь... ну что такое степь? Совсѣмъ не прилично. Я лучше пойду пройтись по городу, между публикой. А въ степь я ни за что! Ей-ей-ну ни за что не пойду въ степь. Пусть его хоть что хочеть, не пойду! Я между публикой стану прогуливаться.... вотъ!

И въ столь благой рѣшимости, онъ отправлялся назадъ — по главной улицѣ — заглядывать во всѣ окна.

Камеевъ, между тѣмъ, ощущалъ странную тревогу, очутившись одинъ посреди степи, которая покойно разстилалась кругомъ, сливаясь по краямъ въ неясную синеву, — въ которой глазъ уже не умѣлъ отличить: гдѣ небо и гдѣ земля?... Горячій воздухъ струился надъ степью и блестялъ на солнцѣ.... да вѣтеръ, изрѣдка пробѣгая по травѣ, издавалъ неполные звуки, какъ ослабѣвшая струна, бьющаяся о грифъ инструмента. Далеко — желтыя полосы хлѣба отливали золотомъ на вѣтрѣ.... И кое-гдѣ бѣлѣли избушки, видныя можеть-быть за десятки верстъ. Какая-нибудь одинокая тучка,

набѣжавъ на ровную синеву неба, переходный пятномъ волокла и означала слѣдъ свой по блистающей степи. Канеевъ ходилъ далеко и скоро. Растрескавшаяся отъ зноя земля не гудѣла подъ его ногами; потому-что степь не повторяетъ въ своемъ безконечномъ резонансѣ этакихъ звуковъ. Уставъ, онъ сваливался на курганъ. Тутъ воздухъ былъ свѣжѣе и еще далѣе было видно кругомъ. По дорогѣ, узкой какъ лента, медленно тянется обозъ чумаковъ и кажется издали стоящимъ на мѣстѣ. Только сѣрая пыль поднимается отъ воевъ и косвеннымъ столбомъ останавливается на время въ воздухѣ, не разносимая вѣтромъ.... Горизонтъ дотога необъятенъ, что сидя подъ небесами, синини какъ бываютъ только небеса юга, и чувствуя всю силу солнечныхъ лучей надъ головою, видишь въ сторонѣ фіолетовыя тучи и цѣлый ландшафтъ, затопленный дождемъ; отъ него вѣетъ даже свѣжестью, когда кругомъ все горитъ отъ солнца. Мужикъ на вольномъ вѣтру вѣетъ тутъ же вымолоченное зерно; другіе трое молотятъ, и крѣпкій ударъ цѣповъ о твердую, уколоченную почву не долетаетъ до слуха. Пасущаяся далеко лошадь машетъ хвостомъ и оглаживается, выростая исполиномъ на окраинѣ кругозора.... Переходъ тоновъ отъ дождеваго ландшафта до кургана, озареннаго полнымъ солнцемъ — поразителенъ! Мало красотъ въ мирѣ, равныхъ красотамъ нашей южной степной природы!

А герой нашъ оставался равнодушенъ даже при созерцаніи подобной красавицы-природы! И его помышленія отъ озаренной, какъ невѣста дѣвственной степи, уносились въ ярко освѣщенную залу. Онъ думалъ: зачѣмъ убиваетъ онъ время въ степи, когда могъ бы сѣять въ обществѣ, посреди его легкихъ и шумныхъ увеселеній! Неужели ему придется еще долго пробыть въ этой глуши, гдѣ нѣтъ даже итальянской оперы!... И не шутя досадовалъ онъ на Красные-Верхи за то, что въ нихъ не было итальянской оперы, и съ горя затягивалъ фальшиво известную арію Эдгара. — Все въ его костюмѣ напоминало ему объ оставленномъ имъ свѣтѣ. Онъ глядѣлъ на свои лакированные сапоги, и ему становилось обидно, зачѣмъ имъ приходится топтать встрескавшуюся степь, когда они созданы, какъ онъ, для того, чтобы скользить всегда по паркету. Эти перчатки, те-

перъ запыленныхъ и грязныхъ, сколько разъ сжимали ручку, трепетавшую упрugo въ лайковой перчаткѣ. Рука обвивалась около стройной талии, и какъ можно крѣпче, чтобъ не уронить перхажущей дамы... Въ этомъ сюэтукѣ наконецъ, онъ дѣлалъ утренніе визиты — эти легкіе набѣги на пять минутъ, для пяти намекающихъ словъ, которые разовьются, спустя нѣсколько дней, въ мазуркѣ или десяти номерованныхъ кадрилияхъ. Иногда нечаянно протягивалъ онъ руку къ карману: и рука вынимала оттуда, будто желая зло подшутить надъ нимъ, визитную карточку, которую онъ не успѣлъ еще отдать ливрейному лакею въ Петербургѣ... И ему становилось больно, досадно, грустно!... Всѣ продолжаютъ тамъ жить этою скорою жизнью, — онъ одинъ выключенъ изъ ряду, гдѣ мѣсто его, казалось ему, должно остаться замѣтнымъ пробѣломъ. Онъ одинъ! И никто изъ прежнихъ его vis-à-vis въ кадрилѣ или сосѣдей въ партерѣ Михайловскаго театра и не воображаетъ его положенія... можетъ-быть и вовсе не думаетъ о немъ!... До того-ли имъ? Камеевъ готовъ былъ плакать, и часто даже плакалъ, украдкой отъ самаго себя, упавъ на сухую траву кургана. — Потомъ, ясныѣ и ясныѣ выступали передъ нимъ отдѣльно цѣлыя сцены — и онъ переселялся въ нихъ: онъ видѣлъ прощанье и заплаканные дорогіе глаза, которые цѣдовалъ такъ нѣжно. Онъ проходилъ малѣйшія подробности разлуки... А тутъ же тотчасъ и другое разставанье рыдало и врывалось ему въ уши. И полная повѣсть разнообразныхъ воспоминаній ожила въ беспорядкѣ, толкаясь наружу. Подошла осень, съ своими желтыми впалыми щеками; вечера затянулись безконечныѣ самыхъ дней... Что тутъ оставалось предпринять неутѣшному затворнику, непосвященному даже въ идею преферанса? Лежать отъ обѣда и до глубочайшихъ сужерокъ на диванѣ, устремивъ глаза въ вовсе не заслуживающую особеннаго вниманія стѣну? или заслушиваться какъ за этою стѣной, по складамъ и на распѣвъ, вычитывается Никитой какая-нибудь сѣро-бумажная эпопея, во вкусѣ „Юной Казачки или Самоотверженія за гробомъ“? Развѣ внимать завыванію скучающаго еще болѣе его самаго вѣтра, который то стучится въ окно и дергаетъ ставень, то ударяется съ досадою въ трубу — все для того, чтобы только разсѣяться, а потомъ убѣгаетъ назадъ еще съ большею

досадой, оттого что не удастся ему разсѣяться... Зажечь ли поскорѣ свѣчу туземнаго происхожденія и до того занять-ся ею, что не замѣтишь какъ нагорить на ней и свѣсится на сторону тяжелая круглая шапка — примѣта скорого письма, по увѣренію людей тоже очень веселыхъ. Можетъ-быть! какая-нибудь полусонная, черезъ-чуръ зажившаяся, муха влетитъ съ-дуру на огонь, затѣявъ погрѣться, и сжарится, хлопая крыльями; — это уже составитъ въ нѣкоторомъ родѣ событіе вечера. А времени предвидится впереди куда еще какъ много! Часовой маятникъ стучитъ, будто сверчокъ, безъ отдыха. Только стрѣлка не торопится и плыветъ то-мительно долго, словно прилипаетъ къ циферблату.... Надобно чѣмъ-нибудь заняться непременно! Можетъ-быть иной, ма-стеръ на изобрѣтенія, и точно выдумалъ бы сейчасъ, чѣмъ именно надобно заняться! Но Камеевъ думалъ, думалъ, во-рочался и переворачивался на диванѣ, а останавливался все-таки на томъ заключеніи, что волей или неволей, а прихо-дится дружить съ ипохондріей бури и разочарованіемъ добровольно сжаривающейся мухи, и что глубоко изучить методу чтенія Никиты и самоотверженіе Казачки во всякомъ случаѣ чего-нибудь да стоитъ!...

Такъ шло для Камеева время въ Красныхъ-Верхахъ....

II.

Письмо отъ Надежды Васильевны къ Авдоть Алексеевнѣ.

„Вотъ уже скоро полгода, что я уѣхала изъ „мѣста добро-вольнаго изгнанія“, какъ прозвали мы съ тобою милое за-холустье ваше, безцѣнная моя Дуня! а обѣщаніе твое часто писать ко мнѣ исполнено только на половину. Скажи, ради Бога, что съ тобою дѣлается? и отчего длинныя письма, ко-торыя ты писала прежде каждую субботу, теперь вдругъ пре-кратились? Съ кѣмъ ты отсылаешь ихъ на почту, Дунечка? Прикажи относить ихъ какому нибудь вѣрному человѣку. — Если жъ тебѣ наскучили мои посланія, то дай мнѣ это замѣтить какъ-нибудь иначе, а такъ я, право, не пойму и стану продол-

жать тебя мучить. Еще объясни мнѣ, сдѣлай милость, что значить твое странное последнее письмо? Ты начала его такими восторженными похвалами своему дядѣ, а кончила тѣмъ, что этотъ третій годъ твоего пребыванія у дяди, кажется, будетъ для тебя роковымъ годомъ! Откуда и отъ кого ты ждешь такой перемены въ своемъ покоѣ? Ты плачешь, что ты не заужемъ и что тебѣ некому отдать себя всю, какъ предметъ ни для кого изъ окружающихъ тебя не нужный?... Еще разъ, я ничего во всемъ этомъ не понимаю! Отчего вдругъ вся эта тревога въ твоемъ покоѣ? что съ тобой? Заклинаю тебя, утѣшь меня и увѣрь, что ты не больна! Нервы твои такъ раздражительны, что я боюсь за тебя каждую минуту — особенно за двѣ тысячи верстъ отъ тебя!...

„Прощай же! Поцѣлуй своего дядю, котораго я уважаю какъ твоего лучшаго друга. Мой мужъ проситъ тебѣ поклониться.

„Твоя Надежда А.“

Р. С. „Я забыла побранить тебя еще за одно: въ хандрѣ своей, ты не упомянула мнѣ даже о новомъ лицѣ, которое послѣ меня прибавилось въ вашихъ Верхахъ. И если бъ не восторженные германскія описанія тонкой его талии и черныхъ волосъ, которыми такъ надобла мнѣ въ своемъ посланіи скучная твоя наперсница Минхенъ, то я и не знала бы, пожалуй, самого интереснаго персонажа вашей верховской труппы. — А ну, попробуй-ка ты, опусти свои хорошенькіе глазки на эти волосы и на эту талию: и, я тебя увѣрю, тебѣ сдѣлается гораздо веселѣе; а тамъ, можетъ-быть, честнымъ пиркомъ и за свадебку, если вы понравитесь другъ другу. Попробуй, займись этимъ заметнымъ Донъ-Жуаномъ!

„Гуляй чаще подъ нашими заветными вербами, Дуня, и вспоминай наши вечера надъ прудомъ. А, главное, пиши ко мнѣ и будь умницей — это всего лучше.“

Отъ Авдотьи Алексѣевны къ Надеждѣ Васильевнѣ.

„Я писала къ тебѣ не рѣже прежняго, мой ангелъ утѣшитель, моя счастливая Надин! Я писала къ тебѣ чаще; но не

вспылала того, что диктовалъ мнѣ мой помутившійся разсудокъ.... Я рвала листы бумаги, исписанные въ бреду. Я не рѣшилась бы допустить ихъ до тебя. Я и теперь боюсь, что не хватить мнѣ силъ дописать до конца мое письмо. Да, и мени подстерегло несчастье, это несчастье, которымъ ты одна утѣла всегда шутить, и котораго я боялась какъ смерти.... которое явилось еще страшнѣе въ существенности, нежели представлялось моему воображенію!... Это любовь безъ взаимности. Я.... но какимиъ словомъ опредѣлить тебѣ то, чего я даже тебѣ не хотѣла бы сказать никогда.... чего я себѣ самой не называю; чему я не рѣшаюсь вѣрить!... Но мнѣ такъ грустно! я такъ привыкла въ тебѣ одной находить прощеніе всѣмъ моимъ слабостямъ!... Да, я скажу тебѣ все.

„Если захочетъ судьба наказать женщину за ея гордость, она пропуститъ въ уголъ ея мира, втолкнетъ въ самое сердце, до того покойное и чистое, — образъ демона — искусителя въ тѣлѣ мужчины: съ волосами, мягкими какъ шелкъ, съ таліей какъ у женщины, и съ холодностью мужчины въ сердцѣ, — съ холодностью и спокойной улыбкой, которая одна отвѣчаетъ на наши трудно скрываемыя и такъ дерзко отгадываемыя ими мученія.... Да, да, — нынѣ посланъ судьбою подобный челоуѣкъ!... Онъ даже не повѣритъ — если бы ему кто-нибудь сказалъ — что провинціальная *барышня*, какъ онъ называетъ насъ, здѣшнихъ дѣвицъ, осмѣлилась обидѣть его своею.... нѣтъ, не любовью!! я не говорила этого! Клянусь тебѣ, я не люблю его! я его ненавижу! Всѣ его слова, дѣйствія, всѣ его поступки, взгляды его — все, будто нарочно имъ направлено не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось. Все онъ дѣлаетъ какъ-будто мнѣ въ досаду. И онъ не хочетъ даже замѣтить этого.... Я иной разъ не могу его терпѣть....—Но отчего жъ у меня такъ тяжко на душѣ, вокуда не настанетъ вечеръ? почему такъ замираетъ вдругъ и дыханіе, и сердце, когда я услышу шаги его въ залѣ, или когда мелькнетъ на фуражкѣ его серебряная кокарда между вербъ? И отчего именно я всегда слышу и угадываю эти шаги?... Отчего не хочу я идти къ пруду, зная, что навѣрно встрѣчу его тамъ?... Отчего жъ, отчего все это?... я не понимаю! И зачѣмъ слушаю я его рассказы о томъ, какъ

онъ любимъ и какъ онъ весь преданъ этой любви?... Зачѣмъ я его допрашивала?... Желала бы я видѣть эту женщину: какъ она должна не походить на насъ съ тобою, бѣдная, бѣдная моя Надина!... А онъ, повѣришь ли? завидуешь моему спокойствію и тому, что я никогда еще не любила. „Это истощаетъ наши силы“ — говоритъ онъ мнѣ часто: тогда вы будете веселѣе глядѣть на окружающее и будете менѣ несчастны...“ Онъ говоритъ мнѣ много. Минхенъ говоритъ, что она все это читала въ книгахъ. Не знаю, точно ли онъ чувствуетъ это, или только такъ притворяется?... но зато онъ твердо увѣренъ, что я его слушаю съ спокойствіемъ друга.... онъ въ этотъ увѣренъ! Надо чтобъ онъ былъ слишкомъ занятъ своими чувствами, чтобъ не замѣчать моихъ.... Но онъ ко мнѣ привязывается, и, кромѣ меня, не говоритъ почти ни съ кѣмъ. Это еще питаетъ мою безыбную неосторожность. Но это же и убиваетъ меня. Если бъ я не слушала его такъ часто, я избѣжала бы, можетъ-быть, горькаго опыта: видѣть, какъ легко можно завладѣть сердцемъ женщины, не только не дѣлая усилій, но даже не подозрѣвая въ себѣ возможности согласиться на нихъ.... Я вся его! и потребуй онъ отъ меня, чтобъ я кинулась въ прудъ, надъ которымъ сидимъ мы вечеромъ съ моею Минхенъ, а прежде такъ весело сживали съ тобою! — вели онъ туда броситься: и я сдѣлала бы эту глупость, лишь бы его не послушаться.... О, Боже! да что же онъ наконецъ со мною дѣлаетъ!!! Я должно быть больна. У меня плачутъ глаза сами собою; у меня мутится въ головѣ, когда онъ выйдетъ изъ-за деревьевъ и сядетъ на скамью подлѣ меня.... Иной разъ, онъ молчитъ и чертитъ палочкой на землѣ, потомъ скажетъ два, три слова, и то о томъ, что не пришла почта и что не привезли ему письма.... иной разъ и ничего не скажетъ, пока его не затронешь. Когда я надобимъ ему, онъ принимается шутить надо мною: увѣряетъ, что мнѣ вѣрно смерть какъ хочется быть героиней романа Занда, но что Терехина у Занда нѣтъ, а кромѣ Терехина здѣсь нѣтъ ни одного мужчины. А какъ онъ золъ, когда разшутится! И между-тѣмъ, какъ хочется, чтобъ онъ не переставалъ, и все бы шутилъ... все бы его слушать! Ты не знаешь, что у него голосъ удивительно музыкаленъ, особенно, когда онъ говоритъ надъ водою. Онъ говоритъ протяжно; иной разъ подогнала бы его,—

и подсказешь ему слово: онъ улыбается и поидеть пошибче. Тогда опять жаль, что онъ не тянетъ медленно, какъ-будто не-хотя. Онъ все дѣлаетъ будто не-хотя; и все это, тоже какъ будто не-хотя, удивительно идетъ къ нему! А во всякомъ другомъ оно было бы скучно! Право, онъ не похожъ на другихъ. Досадно мнѣ только, что онъ, какъ и всѣ, такъ любить этотъ Петербургъ! Дядя говоритъ, что онъ еще молодъ и не наплясался: ты знаешь, онъ не вѣрять въ возможность грусти.... Но, Боже! Боже! какъ я передъ нимъ виновата, скрывая свою любовь!...

Ты видишь, я рассказала тебѣ все: и мнѣ стало полегче! Пни скорѣе, если ты еще любишь прежнюю твою Дуню.

Р. S. Мнѣ хочется, чтобъ у тебя было хоть что-нибудь отъ Камеева. Я попрошу его, какъ онъ прійдетъ, написать къ тебѣ адресъ на конвертѣ своею рукою: ты увидишь хоть его почеркъ....

Отъ той же къ той же.

О, какъ я счастлива, моя баловница Надина, что ты меня прощаешь! Право, не слишкомъ ли ужъ ты снисходительна ко мнѣ? А между-тѣмъ твоя слабость только дальше вовлекаетъ меня. Покажи Камеевъ только видъ, что онъ понимаетъ несчастное состояніе моего духа — и тогда я сама, кажется, упаду передъ нимъ на колѣни и, закрывъ лице руками, безстыдная, бессильная, выскажу ему все.... Вотъ уже пятый мѣсяць, Надина, какъ я страдаю. Слышишь, бѣдная Надина! пятый мѣсяць!! И я молчу.... и я буду вѣчно молчать; потому-что онъ того не замѣчаетъ, потому-что онъ видитъ только себя и говорить только о себѣ!

Впрочемъ, я благодарна ему за это. Когда онъ начинаетъ говорить, и глаза его оживляются, и цѣлые потоки рѣчей горятъ на устахъ его и текутъ такъ гармонически: онъ такъ недоступно хорошъ въ эти мгновенія, что всякій помыселъ подняться до него утихаетъ, и его только слушаешь. Совершается въ тебѣ что-то непостижимое — и ты довольствуешься тѣмъ, что дается тебѣ.... Еще не много больше — и счастье переполнилось бы, полились бы по щекамъ слезы, и я упала бы къ его

ногамъ съ рыданіями.... Притомъ же, когда онъ говоритъ, онъ не смотритъ на меня тѣми нестерпимо-покойными глазами, которые обдають тѣло то холодомъ, то огнемъ, когда онъ меня просто слушаетъ.

Но я говорю тебѣ все одно и то же... Прощай на сегодня! можетъ-быть, что-нибудь придумаю потомъ 'написать тебѣ. А нынче у меня такъ болитъ и грудь, и голова!.... Я кашляю; говорятъ, что я простудилась. У пруда такой сырой воздухъ.... Но онъ любитъ эту осеннюю пору. Если бъ ты знала, какъ онъ всегда доволенъ, когда сухія листья посыплются на насъ съ деревьевъ, и какъ онъ пугаетъ Минхенъ тѣмъ, что стряхнетъ вдругъ на нее цѣлую тучу росы съ яблони въ нашемъ садикѣ.... Кажется, однако жъ, я опять.... Ну, прощай, прощай, ради Бога, моя единственная Надичка! пожалѣй меня! плачь обо мнѣ, Надя.... Я заслуживаю твоей жалости!.... молись обо мнѣ пресвятой Богородицѣ, Надя!....“

„(На другой день). Боже мой! что говорятъ про насъ съ нимъ, Надя! Я сегодня въ первый разъ услышала все это. Они сплетничаютъ изъ-за угла, шопотомъ. Я перестану бывать съ нимъ вмѣстѣ поминутно и постараюсь говорить съ нимъ не иначе какъ при свидѣтеляхъ; они не догадываются, что я оттого не менѣе несчастна!....—И что я имъ такое сдѣлала? скажи ты мнѣ, Надинька! за что они меня такъ не любятъ?“

„Все это меня убиваетъ, видишь ли, Надя! Такъ бы я и убѣжала, кажется, отсюда, — и прямо бы къ тебѣ, подъ твое крылышко.... Авось бы тамъ я никому не колола глазъ и меня хоть тамъ оставили бы въ покоѣ.... Я три дня его не видала. Пожалѣй обо мнѣ, Надичка! Надя! дружочекъ мой! пожалѣй обо мнѣ: вѣдь я его три дня не видала!....“

III.

Минулъ годъ, и степямъ улыбнулось обновленіе. Въ Красныхъ-Верхахъ собственно обновленіе прошло незамѣченнымъ. Терехину довелось переимѣнить предметъ своего удивленія, потому-что и Камеевъ уже не выходилъ по-преж-

нему далеко въ степь, а сидѣлъ больше дома или гулялъ только по саду. Податливая натура нашего героя въ одну непродолжительную зиму успѣла уступить бездѣйственной лѣни своего новаго положенія. И вотъ уже однообразіе окружающаго оттискомъ легло на образъ мыслей, и на провозженіе дня, — даже на самое лицо Камеева, нѣсколько обрюзгшее и притомъ очень рѣдко поддававшееся бритвенному обряду; наконецъ его одежда, постушь, — все что недавно было такъ свѣжо и такъ изысканно-пріятно, — все это разомъ обносилось или устало, получивъ видъ какой-то апатіи и неодолимой скуки... Если бъ онъ могъ посмотрѣть на себя въ зеркало и рядомъ увидѣть свое же изображеніе, годъ назадъ оставленное случаемъ на стеклѣ, онъ самъ бы испугался.

Вообще надо сказать, что натуры людей, подобныхъ Камееву, воспримчивы до крайности. Ихъ впечатлительность принимаетъ предметы съ мягкостью воска, готоваго черезъ минуту уступить новому давленію и принять новый оттискъ. Какая-то женственность манеры и, нерѣдко, красивая наружность, выдвигаетъ людей этого рода на первый планъ въ гостиныхъ. Въ дѣтствѣ баловство и лесть какой-нибудь старой теткой выжившей изъ толку, даютъ направленіе ихъ врожденной кокетливости. Нервы ихъ, отъ образа воспитанія, раздражались съ ранняго возраста. И случается подъ узенькимъ мундиромъ прапорщика или подъ вышивной рубашкой юноши, услышать уже не въ первый разъ застучавшее сердце... Раннее проявленіе жизни необходимо бываетъ вредно: силы бродятъ удвоеннымъ ходомъ; уже предвидится скорая усталость, а силы работаютъ все съ тою же отвагой! Въ такой періодъ жизни подобная натура покажется чуть ли не исключительной натурой чувства. Но все это — пока бьетъ горячая кровь въ жилахъ и покуда не отупѣло воображеніе. Дайте срокъ, — и изъ этого теперь такъ ловко танцующаго юноши, выйдетъ или тотъ усатый, вѣчно-молодой человекъ, который до шестидесяти лѣтъ носитъ шнуровку и посѣщаетъ маскарады, или помѣщикъ-увалень, отдающій послѣобѣденному сну половину изъ двѣнадцати часовъ дня, ненаполненныхъ безъ остатка обѣдомъ, чаемъ и завтракомъ, въ ожиданіи чая и полдника съужиномъ. Можетъ-быть,

устройся обстоятельства иначе, онъ и не дошелъ бы до дѣ-
нивой праздности; но обстоятельства иначе не устроились — и
онъ дошелъ до нея: мелочи жизни одолѣли, не хватило здо-
ровыхъ силъ — сознаниемъ переломить себя, и повалило
человѣка на бокъ; отъ прежняго живаго юноши не осталось
и признака подъ кожею заспавшаго свою природу человѣка...

Почтовые дни сдѣлались единственными предметами ожи-
данія и тревоги для Камеева. Каждый звонокъ, раздававшійся
за городомъ, или у пруда простучавшая въ почтовый день
тельга, приводили въ движеніе его сердце. Почтальонъ су-
дилъ уже однимъ появленіемъ своимъ ту неотступную вѣсть
о переимѣнѣ, которая не приходила.. Возвращаясь откуда-ни-
будь домой, Камеевъ засыпалъ Никиту вопросами о письмѣ,
на чтѣ апатическій по своей натурѣ Никита обыкновенно на-
ходился въ невозможности отвѣчать такъ скоро, какъ того
хотѣлось барину.

Въ одинъ-то изъ подобныхъ дней, Камееву мелькнулъ
сквозь зеленія вѣтви садика почтальонъ. Черезъ двѣ мину-
ты, онъ уже былъ дома; и черезъ тѣ же двѣ минуты
на ускоренные его вопросы встревоженный Никита уже уви-
дѣлъ себя въ совершенной невозможности дать какой-ни-
будь отвѣтъ.

— Есть письмо? приносили съ почты письмо? Письмо изъ
Петербурга приносили-ль, я тебя спрашиваю! кричалъ нашъ
герой, отнимая у Никиты послѣднюю надежду собраться
какъ-нибудь съ духомъ и дать удовлетворительный отвѣтъ.

— Письма?... Да-съ, были письма-съ.... — проговорилъ
онъ наконецъ, добывъ себѣ кое-какъ нѣсколько словъ для
обихода. — Письма были точно-съ, да только я ихъ стало-
быть.... какъ-нибудь.... того-съ....

— Чего *того-съ*? чего? Ты стало-быть просто потерялъ?
а?... кричалъ Камеевъ, перерывая вверхъ дномъ всю комна-
ту. — Такъ, что-ли? потерялъ ихъ? а?...

— Да какъ же можно, чтобъ я ихъ потерялъ? да онѣ
сейчасъ вотъ тутъ лежали-съ.... И онъ показалъ на мѣсто,
гдѣ не лежало писемъ. Онѣ должно-быть куда-нибудь дѣ-
вались....

— Да куда онѣ могли дѣваться?....

— А кто ихъ знаетъ, куда? Только онъ, ей-ей-ну,

вотъ побей меня Богъ, сейчасъ здѣсь лежали. Видно какъ-нибудь запропастились....

И Никита принялся шарить въ десятый разъ тамъ, гдѣ за минуту никакіе поиски не въ состояніи были открыть писемъ, и неуспѣхъ въ десятый разъ приводилъ его въ недоумѣніе. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, письма нашлись именно тамъ, гдѣ отыскать ихъ было всего легче, и гдѣ ихъ, какъ водится, не искали....

— Какъ можно, чтобъ я ихъ потерялъ? стало быть не потерялъ! сказалъ про себя Никита:—стало тутъ онѣ и лежали....

Первое распечатанное Камеевымъ письмо было отъ Михайлы Григорьича.

„Съ особеннымъ душевнымъ удовольствіемъ (писалъ онъ) берусь я за перо, чтобы сообщить тебѣ новость.

“На нашу семью, — потому-что и тебя почитаю я семейникомъ, — низошла также благодать Провидѣнія: моя дочь Анюта вступаетъ въ бракъ съ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ, который кажется, нравится Анютѣ. Впрочемъ, ты его можешь и знаешь; онъ бывалъ у насъ при тебѣ: скромный и весьма почтительный молодой человѣкъ. Его фамилія Мякишевъ. Когда ты получишь письмо мое, то у насъ будетъ уже однимъ добрымъ семьяниномъ богъте. И такъ, сбылось пламенное желаніе всей моей жизни! Я исполнилъ долгъ свой; теперь пускай они стараются устроить себѣ счастье....“

Другое письмо — того самаго почерка какъ и полученное Камеевымъ годъ назадъ первое письмо изъ Петербурга, — извѣщало его съ своей стороны по-своему о той же новости, которую не спѣшилъ сообщить Михайла Григорьичъ.

„Съ грустью начинаю теперешнее письмо мое (говорилъ писавшій). Неточку выдаютъ замужъ, и за кого, Боже мой! за кого выдаютъ ее? Стоило-ли начать свою молодость такимъ прекраснымъ эпизодомъ любви; отдаться чувству всей—полно и беззаботно; такъ свѣтло улыбаться, завидѣвъ милый образъ, и, разставаясь, такъ „кудри наклонять и плакать“ — плакать дѣтски, всхлипывая и съ ручьями слезъ.... и все это для того, чтобъ завершить молодость выходомъ замужъ за

Мякишева,—за того самого, котораго всё мы и она вѣстѣ съ нами, называли мякишемъ! Развязка, слишкомъ неожиданна!

„Разскажу тебѣ все по порядку. Это было *en ихъ день*; танцовали, какъ водится. Вхожу, и еще въ передней А. и М. предупреждаютъ меня, чтобы я поздравилъ всю семью съ этимъ несчастьемъ. Мякишевъ былъ тутъ же, и его рекомендовали уже какъ жениха. Свадьба эта была рѣшена утромъ того же дня. Идемъ. Въ кабинетъ, первая встрѣча—Михайла Григорьячъ за картами, я кланяюсь и поздравляю; въ отвѣтъ конвульсивно-радушное пожатіе руки и поклонъ до ручки кресла, на которомъ сидѣлъ. Далѣе, Алена Сергѣевна въ чепцѣ, дышащемъ счастьемъ, и съ невыразимой улыбкою; и опять поздравленіе, на которое отвѣчаютъ вопросомъ: „*Vous devez être étonné en apprenant la nouvelle de ce mariage?*“ Хорошо, видно, матушка, и сама ты цѣнишь его! Я отвѣчалъ, что удивительно это только потому развѣ, что Мякишева очень рѣдко видѣли у нихъ. Еще далѣе.—Неточка, къ стулу которой прилипъ довольно неловко мякишъ. Здѣсь я не успѣлъ еще поклониться, какъ уже летитъ вопросъ: „*Pourquoi ne me félicitez-vous pas?*“ Ей хотѣлось видно, бѣдняжкѣ, скорѣе вытерпѣть это необходимое поздравленіе. Танцуя со мною, она нѣсколько разъ повторяла: „Я буду съ нимъ счастлива“. Говорилось это тономъ вопроса, на который отвѣчать у меня не стало духу.... И что же я могъ отвѣчать ей? Лгать въ такую минуту было бы подло; пошлостей я не говорю,—и потому только упорно отпалчивался. Какую перспективу могъ я ей указать?

„Къ ней подошелъ Мякишевъ; они заговорили о чемъ-то—и я ихъ оставилъ“.

Камеевъ долго сидѣлъ опершись локтями на столъ, и не переставалъ глядѣть на давно прочитанныя письма. Мысли его разомъ разбѣжались, какъ-будто угадавъ, что теперь-то имъ и предстоитъ работа. Ни одно ощущеніе не выступило живо; всё перемѣшалось, и нескладный говоръ тысячи разомъ заговорившихъ голосовъ наполнилъ звономъ и оглушилъ голову Камеева. Опершись руками на столъ, онъ не переставалъ до сумерекъ глядѣть на письма; и уже упала ночь своимъ южнымъ мигомъ на землю, когда опомнился Камеевъ; въ комнатѣ уже было темно и за стѣною храпѣлъ

Никита, какъ опоенная лошадь. Герою моему вдругъ сдѣла-
лось какъ-то возмутительно-больно. И странно, что первое
пробудившееся въ немъ чувство была досада на Нечочку!
Разомъ она была обвинена во всемъ: и въ томъ, что
осмѣлилась разговаривать съ женихомъ, и въ томъ, что
она танцуетъ и общается еще себѣ съ Микишевымъ сча-
стье, — когда умеръ бы онъ на ея мѣстѣ (онъ не шутя не
сомнѣвался въ томъ, что умеръ бы на ея мѣстѣ). Неужели
она дотога измельчилась въ одинъ годъ, что видить въ Ми-
кишевѣ что-нибудь кромѣ безотрадной посредственности?
Или хочется ей просто замужъ? и стало-быть она его, Ка-
меева, никогда не любила!

Назначенъ и день для совершенія обряда. Послѣ него не
разойтись уже во всю жизнь двумъ приведеннымъ теперь
къ налою людямъ. Ихъ руки связаны мягкой перевязкой
изъ атласа; и тяжелые вѣнцы, при пучкахъ свѣчей, свер-
каютъ золотомъ на головахъ новобрачныхъ. Что дѣлается съ
невѣстой во время обряда? Лицо ея полу-закрыто воалью и
голова опущена; легкая лихорадка пробѣгаетъ по обнажен-
нымъ ея плечамъ.... Когда повели вокругъ налоя, она каза-
лась покойною и не плакала, хотя глаза еще были красны.
Была-ли на ту пору хотя одна минута для далекаго преж-
няго друга — минута воспоминанія о милой порѣ любви,
такой полной, такой недавней? Никто о томъ не спраши-
валъ невѣсты. А золотой вѣнецъ сіялъ перебѣгающимъ бле-
скомъ на головѣ ея, сверкая ослѣпительно всякій разъ, какъ
она оборачивалась около налоя....

Пріѣхали изъ церкви; пили много шампанскаго за здо-
ровье — теперь уже жены и мужа, желая имъ счастья....

На улицѣ было темно, и мягкій весенній воздухъ входилъ
и выходилъ въ окна, освѣжая лицо нашего героя. Онъ
перевѣлся за окно и вперилъ глаза тоже въ темныя
окошки сосѣдняго дома. Максимъ Макарычъ отлучился видно
изъ Красныхъ-Верховъ, и во всемъ домѣ, казалось, ни-
кого не было. Но вдругъ два или три невнятные аккорда
пробѣжали по клавишамъ; за ними еще разъ промчались зна-
комыиъ приѣмомъ по роялю быстрые пальцы.... и, послѣ вол-
нующихся какъ золотая нива звуковъ, полились въ невозму-
тительномъ ночномъ резонансѣ горячіе мотивы, то взбиваясь гу-

стою пѣною *adagio*, то сыпаясь пылью и брызгами *allegro*, то перескакивая трелями и умирая примирительнымъ *andante*, съ которымъ въ этотъ разъ хотѣло бы умереть самое сердце Камеева, переполненное волненіемъ... Вотъ, понеслись, заблестѣли, какъ молоды... точно надежды его молодой жизни, прелюдіи за прелюдіями, нетверды и переиѣнчивы, какъ его стремленія въ то время... Вотъ бѣлая, продолжительная нота, съ такою простою мелодіей, модулируетъ и повторяется, и нѣтъ конца ея однообразному переливу. А сколько прелести въ однообразіи этой простой природной гармоніи! И вотъ онъ перенесся далеко въ пріютъ своей родной деревеньки. Теперь онъ еще ребенокъ, и длинные годы повторенія одного и того же ему не кажутся скучными... А бѣлая нота гудитъ; и кажется, давно пора бы заслушаться ея однообразіемъ! Сколько нѣги въ этомъ новомъ переходѣ, ступающемъ такъ тихо и такъ успокоительно! Вотъ онъ растетъ и развивается... но до бури еще далеко! Все дѣтство маленькаго Камеева спокойно течетъ между женщинами. Отца онъ не помнилъ, оставшись по третьему году на рукахъ у матери, и строгость мужчины была чужда его воспитанію. Онъ развивался легко... какъ эта хроматическая гамма рояля... Но, чу! диссонансъ оборвалъ и остановилъ ея теченіе. Клавиши заплакали, и грустный ихъ переливъ уже не сулитъ веселаго *allegro*....

Пріѣхалъ въ деревню Камеевыхъ изъ Петербурга богатый человекъ, старинный другъ покойнаго Камеева, и упросилъ мать—поручить ему на воспитаніе сына. Мать сперва не рѣшалась. Но имѣніе было разстроено и жить становилось трудно; учить ребенка и того труднѣе! И вотъ, со слезами и горемъ, она отпустила ребенка, который прыгалъ отъ радости, не понимая еще вовсе смысла разлуки. — „Смотри же, не жалѣй послѣ, Сашечка, говорила она, благословляя сына: ты самъ этого хотѣлъ; я не хочу тебя принуждать, другъ мой! Твое счастье — мое счастье! Я только для тебя и живу еще на свѣтѣ... Я во всю жизнь съ тобою не разлучилась бы...“ И она рыдала и плакала. И вотъ ребенокъ уже и самъ рыдалъ—рыдалъ громко... А она прижимала его голову къ своей груди и обливала ее слезами. Онъ не понималъ: зачѣмъ онъ ѣдетъ? и куда везутъ его? хорошо ли

еще ему будетъ тамъ, куда везутъ его? Потому онъ радъ былъ отдѣлаться и, пожалуй, совсѣмъ даже не ѣхать, только уже было поздно.... — „Будетъ вамъ! Саша, будетъ! полно тебѣ! гремѣлъ совершенно веселый голосъ благодѣтеля: вѣдь не хоронить везутъ! ворѣтитесь офицеромъ: тогда сами же будете плакать — только отъ радости....“ Ихъ развели и Сашу посадили въ сани. Колокольчикъ зазвенѣлъ.... А ребенокъ все-еще оборачивался назадъ, пока и домикъ, гдѣ они жили и гдѣ онъ выросъ, и широкій дворъ, и садъ, весь бѣлый отъ инея и занесенный снѣгомъ, и вся убогая деревушка ихъ — не скрылись позади, вѣстѣ съ дымомъ, высоко поднимавшимся надъ нею....—И клавишей не стало болѣе слышно. Въ окнахъ дома Максима Макарыча заблестѣли свѣчи. Видно было, какъ Минхенъ опускала шторы.... Камеевъ думалъ, что и окна затворятся. Но сквозь растворенныя какъ прежде рамы послышалась новая мелодія и опера Беллини посыпала и распустила далеко по садамъ и къ пруду свои разнообразныя мотивы. Красные-Верхи исчезли передъ Камеевыми, и въ одинъ голосъ съ заговорившими аккордами заговорили ему опять воспоминанія....

Прошло много лѣтъ для маленькаго Камеева, и юноша успѣлъ свыкнуться съ отчужденіемъ, которое было такъ тяжело ребенку; онъ пересталъ искать въ семействѣ благодѣтеля желаннаго роднаго привѣта. Михайла Григорьичъ, старинный другъ его отца, любившій нѣсколько часто повторять о томъ, какииъ образомъ они когда-то хлебали вѣстѣ щи, былъ челоуѣкъ не изъ самыхъ нѣжныхъ. Внушить къ себѣ страхъ было конькомъ Михайлы Григорьича; а какая ему была изъ этого польза — угадать можно изъ того, что цѣлый домъ поддавался дружному трепету отъ случайнаго гнѣва Михайлы Григорьича. Алена Сергѣевна была женою Михайлы Григорьича, женщина недалновидная, занятая чтеніемъ романовъ.

Но что за неожиданное томленіе вдругъ проникло насквозь и взволновало звуки среди невозмутимаго покоя южной ночи? Какая новая сила затронула впервые сердце и заронила въ него новыя обаятельныя призывы? Отчего такъ сладостно томатся эти влюбленные аккорды каватинны.... и съ ними рука хватается за грудь, словно желая удержатъ тамъ что-то.... И можетъ-быть рука, вызвавшая изъ клавишей эту

каватину, трепещетъ тоже и рада бы смирить поднимающее грудь волненіе.... Можетъ-быть, прихлынула къ сердцу кровь и глаза помутнились.... А! это свѣтлый лепетъ любви, которая не говорить еще сердцу своей горькой повѣсти.... Это первое желаніе сердца, дожившаго до желаній.... Каватина кончилась. И новые звуки уже слагаются отчетливѣй.... И видится Камееву яснѣе — точно въ минуту происшествія—и домъ Михайла Григорьича, и появившаяся на порогѣ, вся въ длинныхъ локонахъ, темно-каштановая головка его семнадцати-лѣтней Неточки....

Камеевъ не видитъ передъ собой Красныхъ-Верховъ, и воспоминаніе говоритъ ему безъ умолку свою непрерывную повѣсть....

Говоритъ ему оно о томъ, какъ, послѣ долгихъ отлагательствъ со стороны Михайлы Григорьича, постоянно удрученнаго болѣзнію, которой никто не видѣлъ, и занятіями, которыхъ у него не было, — какъ училась его Неточка. Онъ видѣлъ ребенка-Неточку, выходящую въ жизнь съ понятіями ребенка о жизни. Онъ видѣлъ, какъ, вскочивъ на колѣни къ отцу, она, съ довѣрчивостью дитяти, обвиняла ему шею своими нѣжными ручонками и звучно цѣловала его въ губы и въ глаза, и разглаживала ему бокенбарды пальцами.... Какъ Михайла Григорьичъ, видя рѣшительное покушеніе со стороны дочери вывести его изъ львиного его положенія въ семействѣ, — чувствовалъ себя нехорошо и поддавался новому обращенію неловко и съ досадой.... какъ наконецъ онъ счелъ за лучшее отъучить ее разомъ отъ неприличнаго поведенія, и своевременно обьяснилъ ей, что она уже не дитя, что ей пора идти за-мужъ, а не дурачиться.... Дочь вопросительно посмотрѣла на него и принявъ папашины наставленія за шутку, кинулась цѣловать папашу еще больнѣе.... Какъ Михайла Григорьичъ вырвался тогда у дочери и оттолкнулъ ее, говоря, что она мѣшаетъ ему заниматься.

— Да развѣ вы, папаша, занимались? лепетала та, добродушно удивляясь, какимъ-образомъ она этаго не замѣтила?

Весенній воздухъ дышалъ всѣмъ своимъ апрѣльскимъ холодомъ, когда увезли Анну Михайловну въ подгородную деревню ея отца. Деревня разстилалась грустно на невоздѣланныхъ еще болотахъ, обильныхъ только мохомъ да

вечерними густыми испарениями. Господскій домъ, съ полосатымъ флагомъ надъ крышею, видѣлся издали, наводя уныніе своими опущенными маркизами и вѣчными своимъ одиночествомъ. Тошная аллея хвойныхъ деревьевъ правильно протягивалась въ поле; къ ручью, который назывался рѣкою, сбѣгалъ жиденькій садъ, называвшійся въ свою очередь; англійскимъ. Въ сторонѣ чернѣлъ и колыхался сосновый лѣсъ, издавая въ знойные дни сильный запахъ смолы.... Здѣсь-то, въ скучномъ однообразіи природы и жизни, суждено было Аннѣ Михайловнѣ увидѣть въ первый разъ жизнь лицомъ къ лицу и вкусить первые соки этой однообразной жизни!

А тамъ, — сквозь опущенную штору сосѣдняго дома, видно было, какъ утомленные пальцы блуждали по клавишамъ словно отыскивая пытливыми аккордами той необрѣтаемой мелодіи, которой хотѣли вспоминать Камееву.... И вотъ, они стали слагаться, эти аккорды, и мало-по-малу сложились въ мотивъ, то неожиданно и ребячески веселый, то снова такъ безпричинно грустный, что повѣсть воспоминаванія снова заговорила Камееву:

Заговорила ему: что однообразно катились дни въ домъ у Михайлы Григорьича, будто по утвержденной программѣ, что кромѣ двухъ стариковъ, сверстниковъ Михайлы Григорьича, не появлялось сторонняго существа въ домъ; что пріѣхалъ одинъ разъ какой-то Мякишевъ — созданіе очень мягкое и по одеждѣ щеголеватое, — съ лицомъ и волосами подъ одинъ неукоризненно-желтоватый цвѣтъ.... да неизгладимо являлся въ извѣстные дни, какъ стрѣлка сѣнной хронометра, показывая собою иныяны, отъѣздъ или иное событіе въ домъ, какой-то Платонъ Семенычъ, дальній родственникъ Михайлы Григорьича. О Платонѣ Семенычѣ, можно было сказать то же, что объ адресъ-календарѣ, во многихъ случаяхъ необходимомъ для справокъ. Еще можно сказать о немъ и то, что, не принадлежа никогда самъ ни къ какому рода вѣдомствамъ, онъ съ совершенной основательностью изучилъ составъ всѣхъ департаментовъ. Послужной списокъ Михайлы Григорьича былъ насущной пищей для горячихъ воспоминаній Платона Семеныча; и если случалось, что заходилъ за обѣдомъ споръ, или возникало недоразумѣ-

ніе о чинѣ, то Михайла Григорьичъ уже обращался къ своему родственнику, — и родственникъ, съ поражающимъ значіемъ дѣла, разъясшалъ сомнѣніе и выводилъ на свѣтъ истину. Въ другихъ случаяхъ Михайла Григорьичъ и не обращалъ къ нему рѣчи. При Платонѣ Семенычѣ, Алень Сергѣевнѣ никогда не удавалось уменьшить года дочери: Платонъ Степанычъ уничтожалъ ее цыфрами.

Только Аннѣ Михайловнѣ все это могло казаться восхитительнымъ, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль сряду. Она загорѣла и ярко ожила красками новаго здоровья. И только спустя эти двѣ первыя недѣли, она изрѣдка стала вдругъ задумываться: то вдругъ ея любимая бесѣдка, вся одлетенная плющомъ, становилась ей неприятною и темной; то посреди солнечнаго поля казалось ей какъ-то неприязненно-пусто... или звонкіе отвѣты лѣсу на ея шаловливыя слова вдругъ пугали ее, и ей тогда хотѣлось опять куда-то: въ иное, болѣе знакомое ей мѣсто, на которое она могла положиться, какъ на давно извѣстную дорожку, которая непременно выведетъ, куда душа захочетъ....

И грустные аккорды полились отвѣтно. И видно было, какъ исторгали ихъ блуждавшія по клавишамъ руки....

Припомнились Аннѣ Михайловнѣ: толпа подругъ, съ которыми ей бывало такъ весело, и съ которыми она такъ подружилась, и которыя вдругъ всѣ разлетѣлись.... какъ эти исторгнутые звуки.... А давно-ли онѣ были всегда и неразрывно связаны? Теперь, она оставалась болѣею частью одна или съ Англичанкой. Мать была постоянно занята: она читала романы Павла Февая.... И вотъ, первыя слезы сожалѣнія уже висѣли на глазахъ Нечочки, какъ на травѣ первая роса внезапно охладѣвшаго вечера. Ей не съ кѣмъ было подѣлиться ни чѣмъ — и даже тѣми смѣшными маленькими тайнами, безъ которой невозможно существованіе ни одной семнадцати-лѣтней дѣвочки, и которыя имѣютъ такую важность въ ея понятіяхъ.

Была глубокая осень, когда Камеевъ пріѣхалъ какъ-то на одинъ день въ деревню къ Михайлѣ Григорьичу; въ саду оброшенные деревьями послѣдніе листья хрустѣли на дорожкахъ и переносились кучами отъ дуновенія вѣтра.... а среди двора стояли широкія лужи, и дождь продолжалъ въ нихъ падать съ такою отчаянною поспѣшностью, какъ-буд-

то боялся, что не успеет вылиться весь посреди двора Михайлы Григорьевича. На всежъ была тоска; и Нечочка глядѣла теперь на Камеева гораздо тоскливѣе, нежели въ тѣ праздничные дни, когда онъ, бывало, придетъ и сѣдется вѣстѣ съ нею, и протягиваетъ ей руку черезъ рѣшетку институтской залы.

— Отчего вы такъ измѣняетесь? спросилъ онъ Анну Михайловну: васъ узнать нельзя, такъ вы перемѣнились въ эти мѣсяцы. *Тогда* вы были ребенокъ, и такойъ веселый!

— Тогда мнѣ было лучше! отвѣчала она. Я все почти одна! прибавила Нечочка: никому до меня нѣтъ дѣла. Я такъ не привыкла....

Въ это время сентябрьскій вѣтеръ застоналъ въ саду такъ отчаянно болѣзненно, что поневолѣ стали ясны жалобы бѣдной Нечочки. Камеевъ просидѣлъ съ нею дольше обыкновеннаго. Такое грустное утро молодой жизни напомнило ему начало его жизни. И между ними прибавилась новая связь.

— Вы къ намъ больше не прѣдете? сказала Нечочка, прощаясь и протягивая Камееву руку, по какому-то совершенно новому побужденію.

— Прѣйду, отвѣчалъ онъ. И вѣрно въ его голосѣ была правда, потому-что дѣвушка такъ крѣпко и признательно сжала его пальцы, что потогъ и сама испугалась; и, высвободивъ поскорѣе свою руку, убѣжала вонъ безъ оглядки.

— Вѣчно ты шалишь, Анюта! загремѣлъ Михайла Григорьевичъ, когда та бѣжала мимо. Стыдно, матушка! только другимъ мѣшаешь!

Ни Михайла Григорьевичъ, ни другіе не были ничѣмъ заняты. Но Анна Михайловна пошла послѣ этого тихонько и опустила голову, будто и въ-самомъ-дѣлѣ она одна помѣшала вдругъ занятіямъ цѣлаго дома.

Унылые отголоски роая несутся по улицамъ и умираютъ далеко въ степи. Веселые переходы музыки мелькаютъ изрѣдка: и тогда шепчется Камееву рядъ легкихъ вечеровъ и визитовъ, кружившихъ ему голову; пышетъ на него душнымъ воздухомъ гостинныхъ, воздухомъ, которымъ онъ дышалъ; видятся десятки обнаженныхъ и сверкающихъ плечъ... слышатся ему слова, все одни и тѣ же слова, когда къ нимъ прислушивается ухо! Видятся конѣ другихъ обнаженныхъ плечъ

чи и слышится разговоръ Зизи Пюновой.... Зизи — высокой, стройной царицы бала, съ поразительно-бѣлыми плечами и поразительнымъ пламенемъ въ глазахъ. Пышныя густыя волосы щедро убираютъ ея голову своимъ золотистымъ шелкомъ.... Зизи Пюнова одна изъ тѣхъ красавицъ, которыхъ природа надѣлила всѣмъ, отчего кидается въ голову кровь и прибываетъ потомъ къ сердцу, отнимая дыханіе у чловѣка. Въ широкой груди ея звучитъ голосъ какъ бронза; и Донъ Жуанъ гостиныхъ, какъ на гремушку змѣи, бѣжитъ на крошечный куплетъ ромansa...

Вотъ въ отъявленной музыкальной залѣ собрался концертъ любителей. На розовой афишкѣ, писанной мелкимъ красивымъ почеркомъ, чернѣютъ крупныя имена, и между ними пропадаетъ фамилія дебютантки.

Съ розовой афишкой, подъѣзжаетъ Камеевъ къ дому, у подъѣзда котораго перегоняются, сталкиваются и разъѣзжаются экипажи. Зала наполнена до такой степени, что возможность помѣщенія для вновь прїѣзжающихъ уже дѣлается сомнительною. Спустия однако жъ полчаса, она добавляется на столько же, и для всѣхъ очевидно достаетъ мѣста: это по извѣстному закону концертныхъ помѣщеній. По тому же закону, представленіе обыкновенно открывается не ранѣе какъ черезъ часъ послѣ сѣзда, что позволяетъ ожидающимъ освоиться съ температурою залы. Потомъ, на возвышеніи показывается какой-то старичокъ и принимается перебирать губами, ударяя пальцами по клавишамъ рояля. Ему признательно захлопали. Это значитъ: старичокъ исполнилъ свое дѣло честно. На слѣдующій день, газета, не умѣющая себя до-сихъ-поръ представить — какимъ-образомъ возможно говорить неправду, — объявить о необыкновенномъ, звучномъ, какъ молодецкій гикъ, удаломъ, какъ наше русское разгулье, — пѣніи *нашего ветерана* (слѣдуетъ имя, отчество и фамилія ветерана). Потомъ, стали выступать, одинъ за другимъ, на возвышеніи: то господинъ съ длинными волосами и подбородкомъ, нарывающимъ въ галстукъ, то господинъ въ усахъ и съ волосами, направляющимися прямо въ глаза; то смѣлая рука поднимаетъ богатырскія ноты и развертываетъ ихъ для поразительнаго пѣнія; то трепетная женская ручка едва находитъ въ себѣ достаточно силъ, что-

бы удержать летучій листокъ.... Короче сказать, все происходитъ порядкомъ — первымъ условіемъ успѣшнаго веселья.

Очередь все ближе и ближе подступаетъ къ дебютанткѣ. Имя ея никому не извѣстно, и многіе уже указываютъ на него съ ропотомъ. Соображенія всякаго рода начинаютъ занимать людей, которые, по правдѣ, не занимаются нисколько новымъ явленіемъ, пробирающимся въ область искусства. А Элиаида Пюнова пробирается нерѣшительно, блѣдная, какъ красное изваяніе, къ грозному помосту.... И, не удержи „ветеранъ“ ее за руку, она убѣжала бы вонъ изъ залы, вмѣсто того, чтобы вступивъ на возвышеніе, взяться грюнуть съ него эту залу, съ которою справиться нетрудно только въ извѣстныхъ случаяхъ.... и, поднимаясь, два раза оступается.... Едва слышное, условенное хлопанье ладоней прѣвѣтствуетъ ея появленіе. Рука ея, держа ноты, дрожитъ, какъ лепестки бѣлой розы, приколотой у ней на груди. Другою она подноситъ платокъ ко рту и сдерживаетъ занимающееся въ груди дыханіе.... Увидѣвъ въ толпѣ Камеева, она показываетъ глазами, что ей дѣлается дурно. Многіе разочли за лучшее уйти, чтобы не уронить себя присутствіемъ при такомъ робкомъ дебютѣ. Еще одинъ лишній ригурнель на «ортеньяно» — и она уронить ноты.... Но очередь пришла: ровная, звучная, едва трепеща, какъ металлическая струна инструмента, полилась длинная бѣлая нота и прокатилась по залѣ.... Ближніе ахнули. Тѣ, которые были подалѣе, надвинулись еще сильнѣе на сосѣдей, думавшихъ, что сильнѣе на нихъ надвинутся не было никакой возможности.

— *Mais qui est-elle?*— Да что, она не изъ этихъ ли, которыя....— *Ce n'est pas la cousine de....* и далѣе такого же рода вопросы, по истинѣ мало разрѣшающіе дѣло, возникаютъ въ толпѣ, съ которою въ одинъ мигъ управилась эта дрожавшая передъ нею за мигъ ученица.... При выходѣ изъ залы, сознание слушателей уже таково, что „*la petite Pionoff a enfoncé le concert tout entier*“, новизна дарованія, открытого вдругъ слушателями, добродушно польстила имъ, которая утѣшена мыслью, что вся заслуга успѣха лежитъ на ихъ сторонѣ.... Подъ громъ рукоплесканій и крика: „*Charmante! délicieuse!* ай да голосъ! славная женщ-

на!" и так dalje, Камеевъ пробирается къ торжествующей madame Пионовой, виновницѣ дней отличившагося дарованія. Онъ несетъ свою дань восторговъ и похвалы... Мать, съ своей стороны, призываетъ Камеева къ сознанію: que jamais la pauvre Zénaïde n'a chanté moins bien. Зинаида, еще все пылающая пожаромъ перваго быстрого успѣха, улыбается восторженною улыбкой на похвалы Камеева, и отрицаніемъ матери вѣрить плохо, какъ и сама мать плохо вѣрить своимъ отрицаніемъ. На щекахъ ея разгорѣлся радостный румянецъ; и о прежней блѣдности, ступавшей на помость Зинаиды намекаетъ одна бѣлая роза, но прежнему блѣдная, трепещущая лепестками.... Камеевъ провожаетъ до кареты и поддерживаетъ ручку героини. Его дарятъ улыбкой, которую онъ до этого вечера любитъ воплощать....

А въ маленькой своей комнаткѣ, подверши голову подобожеными отъ ночной одежды руками, — сидитъ влюбленная Нечочка, и голова ея горитъ, а руки, ее поддерживающія, слабы, руки ея худы.... На столикѣ свѣтится лавовымъ сіяніемъ бѣлая лампадка и сверкаетъ золото иконы, озаренное лампадкой. Лоскуты взорванной бумаги валяются на столѣ и по полу. Исчерченный листъ блеститъ еще омыши своимъ почеркомъ и омеченное чернилами перо свѣнилось концомъ со столика. Ударилъ мѣрнымъ, гудящимъ звукомъ одинъ часъ и засеръ, протонавъ въ воздухъ. Кругомъ всѣ спать въ доиѣ. И только прихотливое хранѣніе Михайлы Григорыча прорывается изъ-за дверей сосѣдней спальни, да отъ времени до времени прогремитъ отдаленный стукъ экипажа, можетъ-быть ѣдущаго изъ концерта.

„Боже мой! какъ мнѣ скучно! (ишетъ Нечочка, — перочеркиваетъ, и снова принимается писать). Право, у меня не достанетъ больше терпѣнія переписать все это! Что мнѣ дѣлать съ собою? Боже мой! да за что жъ я такъ мучусь! Это все за то, что я такъ люблю его.... Онъ никогда не узнаетъ, какъ я люблю.... потому-что я не могу высказать всего, что у меня есть на сердцѣ.... Да онъ и не поверитъ бы мнѣ: онъ все еще думаетъ, что я дитя. А дитя вѣрно любить его больше, чѣмъ онъ меня!... Я хотѣла бы быть такою красавицей, какъ mademoiselle Piouffe, потому-

что онъ любить ее — я въ этомъ увѣрена! Можетъ-быть, онъ тогда полюбилъ бы меня!

„Что если бѣ когда-нибудь Александръ прочиталъ это? Я воображаю, какъ бы онъ сердился на меня!..“

„Мнѣ сегодня что-то необыкновенно скучно. Всѣ спать; мнѣ одной не хочется спать. А уже третій часъ ночи. Александръ вѣрно теперь ужъ давно спитъ, и не думаетъ, что его Аннета такъ скучаетъ. Бѣдная, бѣдная Аннета! когда-то кончатся твои мученія!..“

„Я вчера начала писать этотъ листокъ: моему сердцу было такъ больно! Но только, чѣмъ больше я говорила бумагѣ то, чего не сказала бы никому, тѣмъ легче становилось душѣ.“

„Мнѣ иногда хотѣлось бы даже умереть.... Жаль будетъ мнѣ родныхъ и бѣднаго моего Александра! вѣдь онъ и за это какъ бы на меня не сердился!“!..“

Такъ изливается жалоба души Нечочки, и никто ее не слышитъ. Утомительныя четверти одна за другою ударяютъ на башнѣ. Ихъ покрываютъ тяжелые удары, возвѣщающіе новый часъ. И гулъ ихъ волнуется въ воздухѣ. Въ спальнѣ хранитъ Михайла Григорьичъ....

Но грустные аккорды утихаютъ разомъ, и игривый лютневъ уже гонитъ прочь заботу съ души, утомленной воспоминаніемъ....

Нечочка улыбнулась и протянула руку Камееву, который пришолъ поутру такой же улыбающійся, какъ и то рѣдкое въ Петербургѣ утро. Даже Михайла Григорьичу понравилось почему-то веселое ихъ свиданіе, и онъ приказалъ имъ тутъ же начать говорить *ты* одинъ другому, припомнивъ, на этотъ разъ довольно кстати, какимъ-образомъ онъ, Михайло Григорьичъ, хлебалъ со старикомъ Камеевымъ щи, но упустилъ совершенно изъ виду молодость его сына. Помня первое обстоятельство уже черезъ-чуръ твердо, онъ никакъ не догадался, что семнадцатилѣтняя его Нечочка могла стать нѣсколько иначе въ сердцѣ молодого Камеева, нежели стояла когда-то онъ, Михайло Григорьичъ, въ сердцѣ своего стариннаго товарища.

— Мнѣ съ тобою весело!.. говоритъ, бывало, Камеевъ, просиживая цѣлые вечера съ Анной Михайловной.

— А на балахъ веселѣе?..

— Нѣтъ; веселѣе съ тобой. Съ тобою только и бываетъ мнѣ весело....

И онъ принимался развѣдывать пальцами ея чудесные темныя локоны.

— Пожалуйста! Не троньте моихъ локоновъ!

И она оборонялась отъ него, играя ручкой.

— Ты уморительное дитя, Нечочка!

— Вы вѣчно мнѣ собьете только локоны! кричала она, мотая головой. — Поѣзжайте въ концертъ! поѣзжайте къ Зизи; она васъ дожидается.... Ступайте, портите ея локоны!...

— Меня Зизи не дожидается. А я тебѣ за это спутаю локоны. Ага!

— Александръ! миленькій! Не трогай! Александръ!!

И она съ пискомъ бѣгала по комнатѣ, натыкаясь непременно на Михайлу Григорьяча, который какъ-то всегда попадался подъ руку.

— Аннета! дуришь! опредѣляя Михайло Григорьячъ. И бѣдное дитя принималась подбирать свои длинные потоки волосъ, на-силу сдерживая запыхавшуюся грудь и грозя Камееву изподтишка пальцемъ....

Весенняя полночь ступила надъ окрестностью. Въ окошкахъ низенькихъ домиковъ гаснутъ краснѣвшіе кое-гдѣ огоньки, и Красные-Верхи погружаются въ сонъ—до недалекаго разсвѣта. Деревья въ садахъ стоятъ неподвижны, и зелень ихъ листьевъ уснула на вѣтвяхъ, склоняющихся подъ бременемъ своей одежды.... Кругомъ молчаніе. Только задвигается рояль—и мотивы беллиниевской музыки сыплются золотыми снонами звуковъ въ непробудную окрестность....

Камеевъ, перевѣсившись за окно, не спускаетъ глазъ съ сосѣдняго дома, и свѣжесть весенней ночи обвивается вокругъ его лица и падаетъ на грудь черезъ распахнутуюся одежду.

Въ домѣ у Михайлы Григорьяча балъ—первый жизненный праздникъ для Нечочки. Алена Сергѣевна бросила, не дочитавъ, романъ Павла-Феваля, и суетится.... гости давнымъ-давно созваны. Только Михайла Григорьячъ любопытствуетъ узнать: кто будутъ кавалеры на балѣ?

— Кого ты навербовалъ въ кавалеры-то? скажи мнѣ,

спрашиваетъ онъ у Камеева, которому выпала на долю вербовка кавалеровъ. Камеевъ принимается называть ихъ поголовно, при чемъ Михайло Григорьичъ не упускаетъ освѣдниться о каждомъ: военный онъ или статскій? и затѣмъ вдается въ подробности: не полковникъ ли? начальникъ своей части? капитанъ? и такъ далѣе. Но послѣ всѣхъ отвѣтовъ въ такомъ родѣ: прапорщикъ, младшій помощникъ того-то, или подпоручикъ, — лицо Михайлы Григорьича помрачается; и наконецъ, онъ объявляетъ положительно, что между всѣми ими нѣтъ ни одного, который годился бы въ женихи его дочери.

— Что мнѣ въ нихъ толку, матушка! говоритъ онъ, обращаясь къ женѣ; и въ голосѣ его столько неудовольствія, что возможность возвращенія къ Павлу Февалю уже мелькаетъ въ головѣ Алены Сергѣевны. — Вы сами знаете, что надо торопиться пристроить Нечочку — продолжаетъ голосъ съ приговоромъ: „и то она, вотъ уже годъ стоить издержекъ. Ей осьнадцать лѣтъ: въ ея годы пора быть матерью!

И Михайло Григорьичъ сердится.

— Михайло Григорьичъ! вѣдь безъ молодыхъ людей нельзя же обойтись въ танцахъ, — жалобно замѣчаетъ Алена Сергѣевна. — А нынче кто же танцуетъ, кромѣ молодыхъ людей?

— А развѣ безъ танцевъ ужъ такъ вотъ нельзя и обойтись? отрываетъ Михайло Григорьичъ. Я вамъ говорилъ, сдѣлать обѣдъ.... Вы все хотите по своему.... А я этого не хочу! я этого не позволю!

— Ну, ну, не надо! только не сердись, Михайло Григорьичъ! Ты будешь, мой другъ, нездоровъ въ свои именины.

— Да что мнѣ именины? Что вы это, матушка, лѣзете съ именинами? Какое мнѣ дѣло до именинъ? я знать не хочу вашихъ именинъ! завершаетъ Михайло Григорьичъ. И такимъ-образомъ, не только вечеръ уничтоженъ, но и самые именины признаны уже именинами не Михайлы Григорьича. Обращеніе къ Февалю дѣлается для Алены Сергѣевны неизбежнымъ. Ночь проходитъ въ тревогахъ всякого рода, подъ желѣзной крышею собственнаго дома Михайлы Григорьича....

Утро принесло неожиданное успокоеніе: или, лучше ска-

зять, двое степенныхъ молодыхъ людей, на которыхъ почти нельзя было на этотъ разъ и рассчитывать, — принесли своимъ неожиданнымъ приходомъ успокоеніе въ душу имянинника. Когда они ушли, имянинникъ не умѣлъ отказать себѣ въ удовольствіи прикинуть мысленно прозваніе и должность каждаго изъ нихъ къ дѣвственному имени своей дочери.... Поэтому, согласитесь, что Михайло Григорычъ былъ совершенно правъ, не желая лучшаго жениха для своей Аннеты.

Одежду одного изъ нихъ составлялъ просто капитановый фракъ съ такого же цвѣта бархатнымъ воротникомъ; нѣсколько полинялымъ, что не особенно отиѣнно шло къ бѣлокурой головѣ, плотно выстриженной и гладко причесанной. Нельзя впрочемъ сказать утвердительно, что бы особенно шло къ бѣлокурой головѣ такъ гладко причесанной? Она была вообще состроена какъ-то неудачно, и особенно странно были утверждены глаза, разбѣгавшіяся въ стороны.

Эти молодые люди, какъ сказано, принесли успокоеніе въ разстроенную душу Михайлы Григорыча. И вотъ, вслѣдъ за этими завидными господами, повалили молодые прапорщики, въ блестящихъ сапогахъ, и молодые помощники разныхъ начальниковъ, тоже предназначенные быть начальниками и возбуждать къ себѣ со временемъ зависть.

Балъ у Михайлы Григорыча не отличался ничѣмъ отъ другихъ баловъ и, слѣдовательно, былъ хорошій балъ. Руки, шеи и плечи дѣвицъ и барынь на сколько слѣдуетъ были обнажены; станы перетянуты; наружности разныя, болѣею частью не пѣвительныя. Кавалеры отличались только своими воротниками, да матеріей на жилетахъ; все прочее — умы, приемы, лица, не отступаютъ отъ общей формы сплошнаго бальнаго ума, лица и приема. Макишевъ совѣстливѣе другихъ приличенъ, неукоризненно и сплошно баленъ! Изрѣдка, почтенный господинъ витивается въ танцы и выдѣляется своей старательной поддержкой изъ небрежной массы дансеровъ, шаркающихъ по паркету. Такимъ-образомъ, все происходитъ какъ нельзя лучше. Петочка убѣждена даже, что немогло такъ хорошо происходить нигдѣ рѣшительно.

Въ толпѣ дѣвицъ, танцующихъ около Петочки, блестить

и блѣзеть Зинаида Пюнова своими круглыми плечами и шеей.... Камеевъ уже въ нечотный разъ въ этотъ вечеръ стоять съ нею въ парѣ.... Неточка не хотѣла бы смотрѣть на нихъ немолотно, да темже не собереть силъ оторвать горячаго взора отъ танцующей пары.... Камеевъ подошелъ къ Неточкѣ и посмотрѣлъ ей пристально въ глаза. Она старалась выдержать его вопросъ, но губки ея надулись и дрожатъ, во взглядѣ исчезла послѣдняя сила притворства.... еще минуть — и она непременно заплакала бы....

Кончился танецъ и начался другой. Неточку позвали танцевать. Камеевъ ушелъ изъ залы и пробрался въ удаленную комнату Анны Михайловны, куда въ другое время давало ему пропускъ только личное порученіе отъ Михаила Григорьевича. Очутившись одинъ, онъ бросился въ кресла, полу-закрытыя занавѣской. До него доходили стенанья утомленныхъ скрипокъ, заглушаемая шарканьемъ танцующихъ. Гулъ разговоровъ, какъ отдаленное жужжанье, доносился до его слуха. И только *насъ* или *кулю* ясно раздавались въ соседней комнатѣ и заставляли его вздрагивать. Онъ слышалъ, какъ слѣдовали одна за другою фигуры кадрили въ своемъ однообразномъ теченіи. Вотъ загремѣлъ галопъ — и перебилъ собою церемонію....

Неточка проворно и задыхаясь вошла въ комнату. Увидѣвъ Камеева, она остановилась на минуту въ нерѣшимости, и потомъ вдругъ бросилась къ нему.

— Александръ! я пришла просить тебя.... душенька Александръ! не люби, пожалуйста, Пюновой.... Сдѣлай одолженіе, Александръ, не люби ея! Знаешь, мнѣ все хочется плакать, когда ты съ нею разговариваешь.... Право, я не знаю сама: отчего мнѣ дѣлается такъ скучно, когда ты танцуешь съ нею....

Грудь ея, взволнованная и недавнимъ танцемъ, и этимъ порывомъ долго сдерживаемой и невыдержанной страсти, — зарыдала.... И онъ прижалъ свои горячія губы къ ея пылающему лбу.

А галопъ съ неумолкающимъ весельемъ несея по залѣ, и суета его, какъ равнодушная чужая радость въ тяжелую минуту, только добавляла горя бѣдной Неточкѣ.

Въ дверяхъ появился Михаила Григорьевичъ.

— А что вы здѣсь дѣлаете? — говорилъ онъ тѣмъ самымъ

голосомъ , который слышалъ надъ собою Камеевъ въ дѣтствѣ.

И зарыдали плачущіе звуки , застонавъ надъ ролюю... И весенній влажный воздухъ слезами пахнулъ на Камеева въ окошко....

Перекладная телега стоитъ посреди двора. Никита подмещиваетъ для барина подушку на сѣнѣ.... довершается укладыванье.... Лошади, вытянувъ шею, неохотно вступаютъ въ построики.... Наконецъ, вотъ и лошади заложены.

Камеевъ ходитъ по залѣ съ Аленой Сергѣевной, которая напитанная Февалемъ, выражаетъ сомнѣніе на счетъ того, чтобы Камееву удалось проститься *просто* съ Пюновой. Камеевъ, настроенный какинъ-то тупымъ отчаяніемъ, не противорѣчитъ Аленѣ Сергѣевнѣ. Аннета сидитъ въ углу и плачетъ, всхлипывая, и впадаетъ по временамъ въ какое-то оцѣпеніе. Неподвижными глазами смотритъ она на паркетъ, по которому ходитъ Камеевъ; и глаза ея льютъ потоки слезъ на грудь... Платонъ Семенычъ подсѣлъ къ ней и принявъ твердое намѣреніе утѣшить ее цифрами. Аннета плачетъ еще пуще, слушая его, а онъ удивляется ея чувствительности. Камеевъ продолжаетъ ходить съ Аленой Сергѣевной по залѣ, въ тупомъ отчаяніи.

-- Пора! пора! сказалъ Михайла Григорьичъ выходя изъ кабинета. Платонъ Семенычъ встаетъ со стула и только рѣшается обдернуть на себѣ жилетъ. Аннета выходитъ въ другую комнату...

— Сядемъ! говоритъ Михайла Григорьичъ, когда она воротилась. Всѣ сѣли. По залѣ пронеслось то чуткое молчаніе, которое отдается въ ухъ какъ тяжелый звукъ. Аннета сидитъ на стулѣ, стараясь не обнаруживать своихъ чувствъ. Никто не смѣетъ вымолвить слова.... Въ эту минуту, оно показалось бы святотатствомъ!

— Съ Богомъ! произноситъ Михайла Григорьичъ; и Аннета, вздрогнувъ, ухватилась за сердце. Михайла Григорьичъ крестится и цѣлуетъ трижды Камеева въ губы, наблюдая очередь для каждой стороны рта, какъ велитъ обычай. — Потѣжай съ Богомъ, говоритъ онъ своему воспитаннику: это для твоей же пользы, любезнѣйшій! бѣдному человѣку, мой милый, надобно самому хлопотать о своихъ дѣлахъ.

Твое личное присутствіе въ Красныхъ-Верхахъ, какъ говорить писью, которое я тебѣ читалъ, скорѣе покончить спорное дѣло о твоёмъ имѣніи, затѣянное твоею покойною матерью. Если судъ не совсѣмъ въ твою пользу рѣшилъ дѣло, то постарайся покончить его мировою сдѣлкою съ другою тяжущею стороною.

— Дай Богъ вамъ счастья... — присовокупляетъ Платонъ Семеновъ, цѣлуя къ Камееву тѣмъ же порядкомъ:—воротитесь богатымъ человѣкомъ...—говоритъ онъ; и на глаза его набѣгаютъ слезы... по какому побужденію? кто ихъ знаетъ!

Аннета подходитъ къ Камееву; взявъ руками его голову, наклоняетъ ее и цѣлуетъ его въ лобъ. Потомъ креститъ его и надѣваетъ ему на шею золотой крестикъ.

— Прощай, Александръ!!—можетъ она только сказать—и разливается на его груди слезами.. Камеевъ обнимаетъ ее, и цѣлуетъ крѣпко въ губы. Она не хочетъ отнять своего ротика отъ поцѣлуя Камеева...

— Полно! ты не женщина, Александръ Ивановичъ! какъ тебѣ не стыдно! говоритъ Михайла Григорьичъ... И руки Михайлы Григорьича отрываютъ Камеева отъ Нечочки.

Сходятъ съ лѣстницы. Кромѣ Михайлы Григорьича, всѣ спускаются медленно, какъ будто провожаютъ покойника. Аннета задыхается отъ рыданій на рукахъ Алены Сергѣевны... Камеевъ садится въ телѣгу... Аннета бросается къ колесу и хочетъ еще разъ обнять Камеева...

— „Пошелъ!“ закричалъ голосъ, оторвавшій наконецъ Камеева отъ всѣхъ его привязанностей въ жизни. И Никита повисъ на ступенькѣ. Телѣга покатила. Ящикъ принимается весело увѣщевать лошадей, какъ будто ѣдетъ на свадьбу. Домъ скрывается за угломъ.... уже и платковъ не видно болѣе....

И замелькали знакомые дома, тротуаръ, фонари на улицѣ, парикмахеръ, у котораго столько разъ украшалась рассыпчатыми кудрями голова Камеева; вывѣска портнаго, который сшилъ ему мундиръ на славу; театръ; знакомый, снимающій съ удивленіемъ шляпу; прохожій, равнодушно провожающій телѣгу глазами, что столько разъ случалось дѣлать самому Камееву. И все осталось позади! А лошади мчатъ дальше и дальше, и ящикъ увѣщеваетъ ихъ, будто его ожидаетъ

свадьба. Вотъ и триумфальныя ворота мелькнули своими щитами и надписями. Часовой, придерживаясь рукою сѣдла, вручилъ Камееву подорожную.... И черезъ минуту телега катится по ровному шоссе. Лошади ичатъ еще быстрее и лицикъ, вприсвистнувъ пронзительно, увѣщеваетъ ихъ, будто боится какъ бы не опоздать на свадьбу...

Холодная ночь давно врывается въ окно и обвивала Камеева своими холодными руками. Окна соседняго дома потемнѣли... и послѣдній звукъ беллиньевскаго мотива утонулъ въ прудѣ, замолчавшемъ до разсвѣта...

— Александръ Ивановичъ! Радѣваться не изволите? — произнесъ, наклоняясь, Никита. И Камеевъ увидѣлъ, что короткая дрема у окошка оставила въ немъ по себѣ только насморкъ; да можетъ-быть еще лихорадку на недѣлю...

IV.

Время и одиночество похожи нѣсколько на наставника, наиболѣе заставляющаго думать. И вотъ, набираются одинъ за другимъ, одинъ угрюмѣе другаго, вопросы, голоса которыхъ невозможно было разслушать въ танцахъ и театральныхъ креслахъ, какъ не разберешь разговора на мещеной улицѣ, гремящей экипажами. Но пронеслись черезъ всю эту стукотню и колоть вертлявыя колеса; улицы пропали за улицами, и грохотъ убѣжалъ назадъ, продолжая угощать своею музыкой оставшихся... Мелькнула полосатая черта шлагбаума, — и покотился экипажъ тихо, по гладкой землѣ, едва обозначая свое движеніе. Только мутная боль въ головѣ напоминаетъ еще о грохотавшемъ городѣ и пестротѣ его толпы, съ ея жизнью и магазинами.... Зелень давно разостлалась широкимъ полемъ по сторонамъ; а въ ушахъ еще то прогремитъ карета, то блеснетъ въ глаза куполь или буква выѣски — какъ воспоминаніе въ сердцѣ.... Наконецъ и все позабыто. Сырыя деревеньки пробѣгаютъ мелькомъ и оживляютъ на мгновеніе пустыню; глаза слѣдятъ за ними снисходительнѣе — и ровное поле зеленеетъ уже почти отрадой взору, и на душѣ пропала вся забота... Въ головѣ нѣтъ тревоги; грудь отдыхаетъ и уливается новой

для нея свѣжестью воздуха. Дрема то смежить на полчаса слегка воспаленные дорожною бессонницей глаза, то убѣжить прочь, чтобы дать посмотреть на сияющуюся вдаль окраину лѣса или мелькнувшее село, съ деревянной церковью и барскимъ домомъ. И убаюкаетъ дорога, далекая, — если хотите, скучная, — но приводящая наконецъ къ ночлегу, какъ и дорога жизни...

Минулъ снова годъ и степямъ улыбнулось обновленіе, но въ Красныхъ-Верхахъ обновленіе прошло незамѣченнымъ; только у нашего героя отдалось оно въ душѣ жизнью... Едва пригрѣвшее съ неба солнце осушило грязь, какъ уже Терехину тотчасъ представился случай привѣтствовать обычнымъ изумленіемъ Камеева, направлявшагося въ поле. Ноги поплелись сами собой въ знакомыя мѣста, гдѣ встрѣтила его когда-то тоска одиночества. Сердце заранѣе сжималось страхомъ воспоминаній... Но какъ же удивился Камеевъ, когда, очутившись въ степи, увидѣлъ передъ собою спокойно, будто вчерашнюю прогулку, свое позабытое прошлое и рядомъ съ нимъ эту обновленную степь, которая раскрывалась ему теперь такою новой прелестью... Онъ вспомнилъ и себя — свѣтскаго пришельца въ эту степь, и свои дѣтскія сожалѣнія и жалобы... и ему чуть не смѣшно стало все прежнее! Тутъ онъ лежалъ — на этомъ курганѣ — и глаза его смотрѣли равнодушно на разстилающуюся кругомъ картину. Надъ нимъ горѣло и блестѣло солнце; а мысли его были въ освѣщенной залѣ: ему гремѣли въ уши мотивы польки и кадрили, — и онъ не постигалъ своимъ испорченнымъ слухомъ этой чудной гармоніи степнаго молчанія, этого рѣдкаго, но музыкальнаго аккорда, какимъ проносился мимо него вѣтеръ, теряясь вѣсть съ глазомъ далеко въ голубой безпредѣльности... Нужно человѣку пройти черезъ чистилище одиночества и грустныхъ погруженій въ жизнь и въ самого себя, чтобы уразумѣть всю прелесть этихъ непередаваемыхъ словами картинъ; тогда онъ увидитъ иѣжную мать, и друга, и при- бѣжище въ безмолвной, но исполненной мысли и сочувствія, природѣ...

Камеевъ, самъ того не сознавая, увидѣлъ вдругъ, какая высокая тайна наслажденія хранится въ этомъ непосредственномъ общеніи съ природой! И онъ не захотѣлъ бы никого ви-

дѣть подлѣ себя въ эту минуту, — чтобъ всю свою душу отдать заговорившей съ нимъ въ первый разъ понятнымъ языкомъ степи.... Ему казалось, что онъ неожиданно настигъ желаннаго друга: и теперь-то, съ лихорадочнымъ дрожаніемъ всѣхъ нервовъ, упалъ онъ на траву, и заплакалъ тихо, легко, благородно, — какъ блудный сынъ въ объятіяхъ прощающаго его отца....

И вотъ, какъ первому напору апатіи, назадъ тому одинъ годъ, — отдался теперь Камеевъ весь этому новому наслажденію природой. Столица, со своею жизнью, начала мало-помалу уходить въ забвеніе, — какъ осенью уходятъ въ туманы золотые куполы ея церквей и башенъ. Съ мѣстами дальними и покинутыми, забывалась и покинутая любовь. Лежа одинъ на покатоности кургана, Камеевъ засматривался по часамъ на синѣющую безпредѣльность; или, откинувъ назадъ голову, впивался взоромъ въ небеса, и смотрѣлъ какъ голубое дно ихъ уходило дальше и дальше, и какъ пропадало наконецъ, совсѣмъ разсѣваясь, будто дѣтское мечтанье. Проносился ли гудящею нотою степной вѣтеръ, Камеевъ отдавалъ теплой его ласкѣ и свои волосы, и свою одежду.... и ухомъ ловилъ нескончаемую ноту.... приносила-ль она, эта нота, далекое слово дорогаго голоса? и оттого лѣнивая душа Камеева такъ отдавалась ея гармоніи? Можетъ-быть, подобный этому звукъ летѣлъ мимо уха въ иную счастливую минуту, и заговорилъ теперь сердцу голосомъ счастливой минуты.... А можетъ-быть просто одно безотчетное удовольствіе, понятное душѣ, соприкасавшейся съ природой, заставляло Камеева любить эти выходки со стороны природы. И мысли его, можетъ-быть, тоже лѣнились, поддаваясь вліянію одной проникавшей ихъ на-сквозь нѣги....

А задумчивая русая головка всякій разъ появлялась у одного изъ оконъ завѣтнаго дома, — и, спрятавшись, провожала глазами уходившаго въ степь Камеева. Иногда онъ нечаянно ловилъ изображеніе ея на стеклѣ, и тогда уходилъ и самъ задумчивѣе: неясная мольба какого-то новаго чувства, словно просясь въ душу, проносилась передъ нимъ въ гудящемъ движеніи воздуха... и вся степь наполнялась такимъ задумчивымъ одушевленіемъ, и степные цвѣты кивали ему, будто живые люди, головами.... Въ груди, остановясь,

тяжелѣло дыханіе, сердце переполнилось кровью, и на глазахъ сами собою набѣгали слезы.... Камеевъ возвращался торопливѣе домой.

Въ тотъ день было особенно хорошо въ степи. Подъ вербою у пруда Камеевъ засталъ Авдотью Алексѣевну, уже загорѣвшую слегка весеннимъ розовымъ загаромъ. На обратномъ пути невыбѣленная голова Максима Макарыча выставилась изъ окошка и объявила, что имѣетъ сообщить ему радость. Камеевъ, не зная положительно, на чей счетъ появленіе этой гостьи было вѣроятнѣе, рѣшился уже на всякій случай прѣтствовать Максима Макарыча поздравленіемъ; но тотъ, не говоря ни слова, развернулъ передъ нимъ листъ бумаги и, казалось, дожидался только неизбежнаго взрыва восторга. На зрѣлище это онъ, по-видимому, сильно рассчитывалъ, и потому удивленіе его было почти неприятное, когда Камеевъ, прочитавъ бумагу, замѣтилъ съ сожалѣніемъ, что по этому ему придется скоро и выѣхать?

— Конечно. Дѣло ваше покончено хорошо и противникъ вашъ радешенекъ на мировую сдѣлку, которую завтра же напишутъ и подпишутъ. Притомъ же Петербургъ, — присовокупилъ онъ съ рѣдкой проницательностью: вѣдь я то очень хорошо знаю, что васъ тянетъ въ Петербургъ! а? Только признаться не хочется, молодой человекъ! такъ вѣдь?... Ну то-то же!... а?...

А молодой человекъ странно принялъ свалившуюся на него, какъ снѣгъ на голову, радость! Сердце его такъ больно сжалось, словно ему возвѣстили разлуку съ существомъ незамѣнно милымъ! И эта ожившая кругомъ природа, подъ небесами, какъ яхонтъ распахнувшимися надъ міромъ, и тѣнь склоненныхъ къ пруду свѣтло-зеленыхъ вербъ, и эта степь, разрядившаяся цвѣтами, и даже успѣвшее загорѣть весеннимъ загаромъ, слабо отбѣненное русыми волосами, какъ весна, свѣжее личико Авдотьи Алексѣевны; все это съ такою прощальною тоской глянуло разомъ ему въ душу, — что годъ назадъ оплаканный имъ Петербургъ, и рыдавшая громко на прощанъ темно-каштановая головка, падавшая доконами на его рыдавшую грудь, — и вся эта жизнь, давно смѣненная иную жизнью, — могли справедливо упрекнуть теперь извѣтчивое въ своихъ привязанностяхъ сердце моего героя.

Камеевъ поблагодарилъ Максима Макарыча за участіе въ его дѣлѣ, и объявилъ, что черезъ три дня соберется въ дорогу....

Новость эта пронеслась вдоль Красныхъ-Верховъ съ быстротой. Понадобилось не болѣе одного часу времени для того, чтобъ лоновидѣніе верховскихъ барынь получило разомъ все свое пареніе.

— Давно бы пора! говорятъ онѣ. Хорошо вишь Камеевъ. Ферлакурить кому вздумалъ? Авдотьи Алексѣевнѣ! а?

— А она-то! она! подхватываютъ онѣ, давая восторгу радушное помѣщеніе на своихъ широкихъ физиономіяхъ! Другія присовокупляютъ съ своей стороны, что это вѣрно! Находятся и такія, которыя почти готовы ѣхать утѣшать свою знакому. Одна помѣщица старушка и совсѣмъ было выѣхала, — только на дорогѣ встрѣтился волкъ, и ей по этому пришлось воротиться.

— Герой нашего времени! договаривалъ Терехинъ, понимая какъ-то по-своему смыслъ извѣстнаго выраженія. Но его не послушались: отложили на этотъ разъ въ сторону даже самого Терехина!

А Терехинъ, между-тѣмъ, носилъ въ себѣ поразительную новость, которая озарила бы на долго жизнь какихъ угодно Красныхъ-Верховъ. Терехинъ привезъ ее еще на-кануѣ, отъ сосѣдки-помѣщицы, гдѣ прогостилъ достаточное число дней для того, чтобы во всякое другое время безпокойная прозорливость верховскихъ барынь получила все свое пареніе въ сторону сосѣдки. Но отбытіе Камеева затмило умы и задернуло глаза въ Красныхъ-Верхахъ на все, что только было не Камеевъ.

И Терехину, вмѣсто заготовленныхъ и восхитительно обдуманыхъ намековъ на свое продолжительное отсутствіе, пришлось отдѣлаться, какъ мы видѣли, сухою фразою, которой даже никто не дослушалъ.

А новость, носимая Терехинимъ, была дѣйствительно стоящая новость, — какъ выразились бы въ Красныхъ-Верхахъ, если бъ только Краснымъ-Верхамъ было до того, чтобъ выражаться! Терехинъ воротился отъ сосѣдки женихомъ, и, значить, онъ воротится мужемъ отъ сосѣдки, спустя въ-

которое приличное время, и, значитъ: въ Красные-Верхи придет новая обитательница.... И ничего этого не знают Красные-Верхи, забытые Камеевыиъ — и только однимъ Камеевыиъ забытые Красные-Верхи!...

Сосѣдка-пошвица, отъ которой Терехину опредѣлено было въ известное время выѣхать съ госпожею Терехиной, — была одною изъ тѣхъ коротко знакомыхъ Красныиъ-Верхашъ окрестныхъ пошвицъ, которыя надѣвали свои лучшіе чепцы, собиравсь на мяннины къ какой-либо изъ угловскихъ баринъ чиновницъ. Владѣя десятью ревижскими мужеска поладушами, она воспитала, какъ могла, свою племянницу, Машу, и жила съ нею вѣсть въ маленькомъ своемъ имѣньицѣ.

Перекладная телѣга стоитъ посреди двора. Никита привязываетъ чемоданъ и колотитъ при этомъ очень больно по его поверхности, желая убѣдить двухъ зѣвающихъ у телѣги лакеевъ въ томъ, что они врутъ, и что *чумайданъ* дойдетъ, если они того хотятъ только, дальше самаго Питера, а не то что до станціи. Лакеи, непреклонные въ сомнѣніи, не уступаютъ убѣжденіямъ Никиты.... Ямщикъ возится около телѣги и втаскиваетъ въ оглобли коренную лошадь, которая не хочетъ понять, что ея сопротивленія напрасны и что ее во всякомъ случаѣ заложать. Пристяжны привязываются веревками къ болтающимся у самыхъ заднихъ ногъ валькамъ, сосѣдство которыхъ они осуждены ощущать своими костлявыми ногами, при малѣйшемъ ослабленіи построжокъ.

Камеевъ выходитъ отъ Максима Макарыча и садится на подощенную подушку, покрытую ковромъ на изнанку, чтобъ въ индую сторону не понабилось пыли.

— Все-ли? спрашиваетъ онъ, утѣвшись.

— Все-съ, отвѣчаетъ Никита, слабо увѣренный въ непогрѣшности своего отвѣта. И телѣга, подскакивая въ воротахъ, выѣзжаетъ на улицу. На ней, подскакивая, хмурится фигура Камеева, и апатическое лицо Никиты выставляется съ облучка....

Проѣхали, и заворотивъ, обогнули домъ Дукула. Толстая страя голова Максима Макарыча опустилась на градусъ и приподнялась до своего нормальнаго положенія, въ знакъ невзвѣннаго поклона. Свѣтлорусая головка, изъ-за плеча владельца первой головы, кивнула отправляющейся телѣгѣ съ

такую желающую любовью, что отправлявшаяся телѣга не должна бы встрѣтить по видимому ни одного неприятнаго случая въ дорогѣ.... Камеевъ снялъ фуражку и, обернувшись назадъ, увидѣлъ, какъ поднималась на цыпочки позади стѣрой головы Максима Макарыча его блѣдная племянница, боясь, чтобы не пропала для нея хоть шагъ этой почтовой тройки, уносившей изъ Красныхъ-Верховъ телѣгу.... Провѣхали и церковь. И Красныхъ-Верховъ скоро не станетъ на пути: только перескочатъ лошади и простучитъ колесами телѣга по деревянному мостику.... на которомъ на этотъ разъ дожидала Камеева послѣдняя неминуемая встрѣча. Терехинъ, въ фуражкѣ посаженной уже на самое ухо, предсталъ передъ нимъ, сіяющій и восхищенный своими собственными достоинствами....

— А! уже! кричалъ онъ, подходя къ телѣгѣ.

— Прощайте, дружище! не поминайте лихомъ! заревѣлъ въ свою очередь Камеевъ, думая тѣмъ отъ него и отдѣлаться. Но ямщикъ уважалъ Терехина, и потому, снявъ шапку, остановилъ передъ нимъ лошадей, какъ ямщикъ, знающій приличія.

— Да, то-есть, оно бы слѣдовало по настоящему. Какъ это, вы и уже того... Да и что дѣлать вамъ въ Петербургѣ? право, я бы, то-есть, просто даромъ не захотѣлъ бы,—правда!.. А не замѣчаете вы однако чего-нибудь эдакого во мнѣ? а? прервалъ онъ вдругъ самого себя.

— Какого?

— Да этакъ, выходить, особеннаго какого-нибудь, что-ли? веселаго? а?

— Вы, кажется, всегда веселы....

— Ха, ха, ха!... Нѣтъ, а теперь-то?...

— Ничего не замѣчаю.

— Такъ я же васъ могу поздравить: я жениусь! Да! Такъ вѣдь, что-ли? а?

Камеевъ сказалъ, что ему это лучше знать, и спросилъ: на комъ онъ однако жъ женится?

— Дѣвушка предостойная, — отвѣчалъ Терехинъ: полная такая! Вѣрите ли, право не солгалъ тутъ, вотъ ни-ни-ни!... Одно меня только не много, знаете-ли, конфузить: квар-

гера-то у меня странная такая, поѣститься никакъ нельзя — конатому, выходить....

— Что жъ она, мала, что-ли?

— Она-то и не мала бы, да знаете-ли, прислугѣ, то-есть, людямъ, выходить, нѣтъ совсѣмъ никакой комнаты; негдѣ совсѣмъ жить, окромѣ развѣ какъ на крыльцѣ. Ну, лѣтъ бы оно, пожалуй, и ничего; да зимой-то, можете повѣрить, нѣсколько неудобно. Ужъ на что Иванъ мой, — и тотъ, вѣрите-ли, жалуется....

Камеевъ постарался скорѣе согласиться, что квартира неудобна, посоветовалъ другую взять и приказалъ было вѣхать. Но Терехину еще казалось мало.

— Пойдите, пожалуйста! Неѣдь! держи, братецъ, лошадей-то того.... Экая ты, братецъ, того, тетеря! кричалъ Терехинъ и волновался какъ человекъ, поставившій на карту свое состояніе. — Вотъ еще тоже не могу никакъ придумать, обратился онъ къ Камееву, когда Неѣдь остановилъ лошадей и, скинувши снова шапку, отканился, готовый принести свое оправданіе, въ случаѣ, если Терехину вздумается настаивать на томъ, что онъ тетеря. — Ни коня образомъ не могу придумать, чтобы, то-есть, такое подарить невѣсть? Вы вотъ знаете лучше моего; скажите: клокъ ли какой тамъ, пальто, выходить, что-ли, — шали какое-нибудь, что будетъ приличнѣе?...

— Право, не знаю. Да подарите хоть салопъ.

— А пальто не хорошо развѣ? У Жирехина есть преотличныя....

— Пожалуй, и пальто хорошо. Вы такъ называете бурнусъ, не правда ли? Только....

— Салопъ лучше? перебилъ Терехинъ, вовсе не подзѣвая, что Камеевъ хотѣлъ сказать ему: только смотрите.

— Да, салонъ, пожалуй, лучше.

— Ну, а сережки?

— И сережки можно. Все что хотите; это право все равно. Пошолъ!

Но Терехина ничто не удовлетворяло.

— Стой! стой!... Еще одно! стойте! кричалъ онъ: вѣри-

те ли, во всемъ городѣ не могу найти такого гребешка, — знаете-ли, маленькаго, съ зеркальцемъ, — вотъ какой былъ у васъ-то.... помните, что еще вы въ прудѣ-то, кажись, не обронили ли, купаясь; въ нѣмецкомъ родѣ, выходитъ, — усм-то расчесывать, того.... знаете?... Въ лавкахъ все больше: зонъ эдакіе! И онъ вытащилъ гребень изъ кармана: право, другихъ нѣту, хоть сами поищите!

Но герою нашему было вовсе не дотога, чтобъ искать гребней.

— Да на что вамъ гребенка-то? произнесъ онъ съ досадою.

— Оно, та-есть, видите ли, если бъ я былъ въ ваши лѣта, такъ мнѣ оно и вовсе, выходитъ, не надобны гребенки. Я прежде, доложу вамъ, и знать не зналъ никакой гребенки: пять пальцевъ на рукѣ—вотъ была моя гребенка! (Терехинъ разставилъ передъ Камеевымъ пять пальцевъ, бывшіе гребенкой). А смѣю похвастать—заглядывался на мои волосы, да на усики.... ха! ха! ха! Да смѣю похвастать-съ... прибавилъ онъ и прошолъ по усамъ рукою, какъ бы благодаря ихъ за прошлую ихъ услугу.

— Ну, я вамъ пришлю гребенку, хотите? — заключилъ Камеевъ. — Прощайте! Пошолъ!

— Точно пришлете? вѣрно? горланилъ Терехинъ вслѣдъ дребезжавшей по мосту телегѣ: Ну, прощайте! прощайте! счастливаго пути!... Смотри ты у меня, Нефедъ, того.... не звать у меня съ бариномъ; а лихо — такъ! Ну, того-же, смотри у меня! Слышалъ ты? ну!.. и далѣе, въ томъ же увѣщательномъ родѣ горланилъ Терехинъ вслѣдъ быстро уезжавшей телегѣ.

Когда телега ускакала и пыль высокими столбами оставалась между ней и Терехинимъ, — мысли послѣдняго получили большую усидчивость, и онъ, обращаясь уже къ своему собственному положенію, принялся соображать ожидающее его будущее: — Пришлетъ! говорилъ онъ почти въ полголоса. Общался, такъ стало быть пришлетъ! маленькую пришлетъ, аккуратъ въ нѣмецкомъ родѣ....

И Терехинъ воображаетъ уже свое будущее въ радужныхъ цвѣтахъ маленькой гребенки, въ нѣмецкомъ родѣ, которой

предназначено было убить нынѣшнюю верховскую его грѣшнику...

И выехала изъ Красныхъ Верховъ туто набитая чемоданами телѣга, покрытая ковромъ на-изнанку, какъ два года назадъ, когда въ одну, на этотъ разъ действительно прекрасную, ночь въезжала она въ Красные Верхи, также точно набитая чемоданами и покрытая тѣмъ же самымъ ковромъ на-изнанку... И зашумѣла опять, рядомъ съ ямщикомъ, та же апатическая фигура Никиты, сулящая на второй станціи облегчить свою голову отъ «уражки»... былъ пѣснольно нынѣ только олдѣвшій оицерь...

Выѣхали въ степь. И поскакала телѣга, пользуясь подгорѣшкѣ, какъ безумная... Нефѣдъ, почитавшій, вѣроятно, прямою своею обязанностью сломить барину шею, — еще поевистывалъ кнутомъ надъ тройкою; и колокольчикъ едва звенѣлъ, заливаясь отъ лошадиного бѣга... Одинъ апатическій Никита оставался непричастенъ общему одуревающему движенію, и уже заблаговременно дремалъ, толкаясь носомъ чуть не въ самый хвостъ коренной лошади...

Письмо Авдотьи Алексѣевны къ Надеждѣ Васильевнѣ.

„Онъ уѣхалъ... и я не измѣнила себя! Онъ уѣхалъ въ той же увѣренности, что я съ нимъ разсталась не болѣе какъ съ добрымъ знакомымъ!... Правда, мнѣ показалось, что онъ какъ-то особенно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и потомъ покачалъ головою, когда вставши со стула, чтобы ѣхать, увидѣлъ лихорадку во всѣхъ моихъ членахъ. Но я увѣрена, что онъ тутъ же позабылъ объ этомъ. Можетъ-быть, мнѣ это только показалось... Онъ поцѣловалъ и крѣпко стиснулъ мою руку въ своей... Онъ желалъ чего-то... Я ничего не слышала. Не помню, что со мною происходило!...

„Но я пересилила себя... И онъ уѣхалъ.

„А онъ бы полюбилъ меня — я это чувствую!... Онъ можетъ-быть даже любилъ меня немножко, только одна гордость не позволяла ему это показать.

„А странное дѣло: этотъ взглядъ Камеева такъ и слѣдить

за мной! знаешь, какъ эти портреты, которые, куда не повернешься, — все глядятъ на тебя.... Онъ теперь уже далеко, въ дорогѣ! А я все вижу его передъ собою, и все такимъ, какъ въ послѣднюю минуту.... Онъ говорилъ мнѣ, что я чахну, и говорилъ, что надо беречь себя: отъ этого дурнѣютъ! Ты знаешь, у него всегда какая-то холодность при-
нѣшивается и къ радушному, новидимому сосѣду...

„Прощай! Если я не слягу въ постель до завтра, то пре-
веду вечеръ у пруда: тамъ мнѣ будетъ плакаться! это те-
перь мое счастье, Надичка!... День дождливъ, и вечеромъ
появится роса.... на деревьяхъ.... Только никому будетъ стра-
хать ея на насъ сегодня.... Минхенъ находитъ, что это го-
раздо лучше, и что къ ней не придетъ насморкъ: Ты знаешь,
какъ она уморительно выражается“...

Е. Г—ВА.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРЕВЕРСЪ.

=

РОМАНЪ ЭДУАРДА ЛИТТОНА БУЛЬВЕРА.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

I.

Увѣрю васъ, намѣренія мои относительно этой дѣвушки, были совершенно чисты.

Шекспиръ. «Конецъ дѣло вѣнчаетъ».

Имяхъ въ четырехъ отъ одного изъ мануфактурныхъ городовъ Англии, находилась еще въ 18... году, обширная, невоздѣланная пустошь, самое печальное, самое бесплодное мѣсто, какое только можно вообразить.

Клочки тощей, безцвѣтной травы изрѣдка только прерывали однообразіе черной, каменистой почвы. Пигдѣ не видать было ни деревца; природа, казалось, покинула этотъ край, испуганная безпрестаннымъ шумомъ кузницъ и машинъ, и само искусство, изъ всего умьющее

извлечь пользу или удовольствие, отказалось от этого неблагодарнаго уголка земли, на которомъ безплодіе и запущеніе лежали будто волшебнымъ запрещеніемъ. Особенно поражало это въ длинныя зимнія ночи, когда отдаленные огни бороздили мракъ длинными, неправильными, красными чертами. Среди такого угрюмага уединенія не вѣрилось, чтобы причудливые огни, освѣщавшіе его, были зажжены человеческою рукою. Можно было пройти нѣсколько миль по тощему вереску, не выдавъ даже слѣдовъ человеческого жилья; только по приближеніи къ окраинѣ, со стороны города, показывалась низкая и бѣдная хижина, въ небольшомъ разстояніи отъ большой дороги, пересѣкающей пустошь.

Въ то время, когда начинается мой разсказъ, два лица сидѣли въ этомъ бѣдномъ и уединенномъ жилищѣ. Одинъ изъ нихъ былъ чловкъ лѣтъ пятидесяти, въ платьѣ, носившемъ на себѣ разрушительныя слѣды времени и бѣдности, но вмѣстѣ съ тѣмъ показывавшемъ нѣкоторыя притязанія на щегольство. Исхудалая, но жилистая шея его была повязана шелковымъ платкомъ, на которомъ блестяла огромная булавка изъ поддѣльныхъ каменьевъ; короткіе брюки, всѣ въ заплаткахъ, были застегнуты подъ коленями разрезанною паркою пряжекъ. Ростъ и складъ этого чловчка показывали необыкновенную силу и гибкость; лицо его было глубоко изрыто преждевременными морщинами, а густыя волосы, съ просѣдью, насупились надъ низкимъ, отталкивающимъ лбомъ, съ котораго злобая хмура не сходила даже тогда, когда на губахъ являлась улыбка, а улыбаясь онъ очень часто. Физиономія его носила печать порока, многолѣтняго, закоснѣлаго порока; прошедшее было написано на ней неизгладимыми чертами: клеймо палача не могло бы запечатлѣть его явственнѣе, не могло бы болѣе несомнѣнными знаками возбуждать подозрѣніе людей честныхъ или робкихъ.

Онъ считалъ и пересчитывалъ небольшое количество мелкихъ монетъ, какъ-будто надѣялся этимъ увеличить сумму, которую сосчитать было слишкомъ не трудно.

— Я не досчитываюсь своихъ денегъ, Алиція, сказалъ онъ наконецъ, слабымъ голосомъ и съ нѣкоторымъ колебаніемъ. Ты знаешь, что въ прошлый понедѣльникъ у меня въ ящикъ было двѣ гинеи, а теперь... Алиція, ты непременно украла у меня нѣсколько денегъ...

Та, къ которой относились эти слова, сидѣла по другую сторону

вещальнаго каминна; она робко подняла глаза; ея фizioномія представила рязкую противоположность съ фizioномією мужчины.

Ей, казалось, не было еще и пятнадцати лѣтъ; цвѣтъ лица ея былъ изумительной чистоты и нѣжности, не смотря на легкій загаръ, которымъ суровая жизнь и трудъ подернули ея атласистую кожу; золотисто-каштановые волосы падали вольными, необыкновенно густыми, даже въ ея лѣта, кудрями; правильныя, но мягкія, даже нѣсколько дѣтскія черты ея были прекрасны; но выраженіе ихъ возбуждало состраданіе; въ немъ было что-то неопредѣленное, что-то похожее на отсутствіе мысли. Когда лицо ея было совершенно спокойное, ее можно было принять за дурочку; однако же, когда она начинала говорить, когда одинъ мускулъ ея лица приходилъ въ движеніе, тогда ея глаза, губы, румянецъ на щекахъ, оживали и показывали, что въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ была душа, хотя и погруженная въ дремоту.

— Я ничего не украда у васъ, сказала она спокойнымъ голосомъ, хотя и желала бы взять нѣсколько денегъ, если бъ не знала напередъ, что меня ожидаютъ за это.

— А на что тебѣ деньги?

— Купить что-нибудь повстѣ, когда я голодна.

— А еще на что?

— Не знаю.

Дѣвочка помолчала съ минуту и потомъ продолжала: — Не знаю, зачѣмъ вы не позволите мнѣ итти на фабрику работать, какъ другія дѣвушки? я заработала бы денегъ для васъ и для себя.

Дарвилъ улыбнулся, но какою улыбкою! въ ней заиграли всѣ зловащія черты его фizioноміи.

— Дитя, отвѣчалъ онъ, тебѣ только что пошелъ пятнадцатый годъ, ты глупенькая дѣвочка. Если я пушу тебя работать на фабрику, ты еще, пожалуй, забереешь себѣ въ голову бросить меня, а что стану я дѣлать одинокій? Нѣтъ, не пушу.

Дѣвочка еще разъ повторила съ грустнымъ разсвѣніемъ: — Мнѣ такъ хотѣлось бы итти работать на фабрику.

— Вздоръ, крикнулъ Дарвилъ, сердито; мнѣ очень хочется....

Стукъ въ дверь прервалъ его на этомъ словѣ; онъ поблѣднѣлъ.

— Кто бы это могъ быть, въ такую позднюю пору? сказалъ онъ вполголоса. — Вотъ опять! Спроси, кто тамъ стучится, Алиція.

Дѣвушка постояла нѣсколько мгновѣній неподвижно передъ дверью, будто одержимая какими-то чарами. Въ эту минуту ея стройный, округленный станъ, ея напряженное вниманіе, быстрые переходы въ ея лицѣ отъ румянца къ блѣдности и отъ блѣдности къ румянцу, необыкновенная прелесть ея позы и движеній, представили бы художнику идеаль сельской красоты.

Послѣ нѣкотораго молчанія, она приложила губы къ дверной щели и повторила вопросъ Дарвіля.

— Простите меня, сказалъ за дверью сильный и звонкій, но кроткій и възливый голосъ; увидѣвъ огонь въ вашемъ окнѣ, я осмѣлился спросить, не согласится ли кто изъ жителей этой хижины проводить меня до ***? Я не поскуплюсь наградить за услугу.

— Отвори, Алиція, сказалъ хозяинъ.

Дѣвушка отдернула толстую деревянную задвижку и человекъ большаго росту ступилъ черезъ порогъ.

Пришелецъ казался въ полномъ цвѣтѣ молодости, и мужественный видъ его сильно поразилъ хозяина и его воспитанницу. Онъ пришелъ пышкомъ, а между-тѣмъ его нельзя было принять за простолудина, не смотря на его простой нарядъ и на дорожный мѣшокъ, который онъ несъ за спиной. Входя, онъ снялъ шляпу съ възливостью, въ которой проглядывало что-то иностранное, и густые темпорусые волоса разсыпались по обѣ стороны его высокаго и величественнаго лба. Черты его были благородны, хотя и не особенно замѣчательны по красоте, а физиономія смѣла и въ то же время привѣтлива.

— Очень благодаренъ вамъ за учтивость, сказалъ онъ, развязно подходя къ хозяину, который осматривалъ его испытующимъ взоромъ; и будьте увѣрены, добрый человекъ, что я еще болѣе буду вамъ благодаренъ, если вы меня проводите до ***.

— Здѣсь вамъ нельзя сбиться съ дороги, отвѣчалъ хозяинъ грубо, огня укажутъ путь.

— Они-то меня и сбили съ дороги, они окружаютъ пустошь со всѣхъ сторонъ, а между-тѣмъ я не вижу ни одной тропинки. Я попрошу васъ только довести меня до прямой дороги, болѣе я васъ беспокоить не стану.

— Позднечко, сказалъ хозяинъ, угрюмо и съ двусмысленнымъ взглядомъ.

— Потому-то и желаю я поскорѣе быть въ ***. Ну, вѣроятно, рывайтесь; берите шляпу; я дамъ вамъ за труды полгвинен.

Хозяинъ сдѣлалъ шагъ, и остановился, взглянувъ еще разъ на незнакомца, и сказалъ: — Вы совершенно одни, сударь?

— Совершенно одинъ.

— У васъ, вѣроятно, есть знакомые въ ***?

— Нѣтъ; но къ чему этотъ вопросъ? я совершенно чужой въ этой сторонѣ.

— До *** еще четыре мили.

— Четыре мили! а я и такъ уже едва передвигаю ноги отъ усталости! вскричалъ молодой человекъ съ нетерпѣніемъ; потомъ вынувъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ, прибавилъ: — Уже двенадцатый часъ.

Взоры хозяина невольно обратились на часы; глаза его засверкали чѣмъ-то недобрымъ; онъ повелъ рукою по лбу.

— Я думаю, сударь, сказалъ онъ болѣе привѣтливымъ голосомъ, что когда вы такъ устали, на дворѣ же такая глухая ночь, такъ не лучше ли бы вамъ....

— Что не лучше ли? вскричалъ путникъ, топнувъ ногою.

— Не знаю, прилично ли мнѣ предлагать вамъ ее, но моя бѣдная хижина къ вашимъ услугамъ, а какъ скоро настанетъ утро, я отведу васъ въ ***.

Молодой человекъ пристально взглянулъ на хозяина, потомъ осмотрѣлъ ветхія стѣны хижины. Онъ уже хотѣлъ отказать отъ гостеприимнаго предложенія; но взоръ его вдругъ остановился на лицѣ Алицы, которая стояла съ полураскрытымъ ротомъ и блестящими глазами, и любовалась на прекраснаго незнакомца. Видъ ея измѣнилъ на мѣрение путешественника. Онъ задумался на минуту, пробормоталъ что-то сквозь зубы, потомъ сбросилъ свою дорожную сумку на полъ, сѣлъ на стулъ противъ огня, и сказалъ веселымъ голосомъ: — Будь во вашему, хозяинъ. Заприте дверь. Дайте мнѣ стакавъ пива и корку хлѣба, этого будетъ съ меня на ужинъ; а этотъ стулъ послужитъ мнѣ постелью.

— Мы, пожалуй, дадимъ вамъ постель покойнѣе этого стула, сказалъ хозяинъ, хотя, конечно, не такую, къ какой ваша милость привыкли....

— Не беспокойтесь обо мнѣ, отвѣчалъ путешественникъ, разбивая головою въ каминъ, я не избалованъ, привыкъ вести жизнь довольно суровую; мнѣ случилось спать еще хуже, чѣмъ на стулѣ; только бы быть у честныхъ людей, а хотя вы очень бѣдны, но я увѣренъ, что вы честный человекъ.

Хозяинъ нахмурился и, обратившись къ Алиціи, приказалъ ей подать на ужинъ все, что найдется въ домѣ. Нѣсколько кусковъ хлѣба, немного картофеля, и довольно крепкое пиво составляли ужинъ, предложенный путешественнику.

— Не смотря на свои кляушечья уверенія, что съ него будетъ отпущена пища и корки хлѣба, молодой человекъ вѣжливости ради, придвинувъ стулъ къ столу и увидѣвъ таковую отпущенническую трапезу. Но взоръ его прояснился, встрѣтившись со взоромъ Алиціи; между-тѣмъ какъ она стояла у стола и бормотала какія-то извиненія, онъ взялъ ее руку, вѣжливо сжалъ ее и, устремивъ на дѣвушку взоръ полный чисто-сердечнаго удивленія, сказалъ: — Прелестное дитя, проскитавшись дѣльный дець по самому скверному краю, какой найдется между трехъ морей, путникъ, вечеромъ, забудетъ всѣ трудности пути, увидѣвъ такое очаровательное личико.

Алиція торопливо отдернула руку и съѣла въ углу комнаты, не спуская однако же съ постояльца своего безпокойнаго, безсмысленнаго взгляда, сопровождаемаго теперь полуулыбкою. Дарвилъ строго взглянулъ на молодыхъ людей.

— Кушайте, сударь, сказалъ онъ съ ироническою ужимкою, и не тратьте по-пусту льстивыхъ словъ. Бѣдная Алиція честная дѣвушка, какъ вы сами изволили говорить.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ путешественникъ, усердно прилагая къ черствой коркѣ два ряда крепкихъ и бѣлыхъ какъ слоновою кость зубовъ. — Я въ этомъ ни сколько не сомнѣваюсь, и во-все не имѣлъ намеренія оскорбить васъ; дѣло въ томъ, что я полуиностронецъ, а вы знаете, что въ нѣкоторыхъ чужихъ краяхъ можно оказать вѣжливость хорошенькой дѣвушкѣ, не оскорбляя ни ея скромности, ни горячности ея отца.

— Полуиностронецъ, говорите вы? а между-тѣмъ говорите по-англійски не хуже меня! возразилъ хозяинъ, тономъ и выраженіями, которыя казались выше его званія.

Путешественникъ улыбнулся. — Благодарю васъ за complimentъ,

сдѣлать онъ; если я называю себя полуннностранцемъ, то только потому, что я долго былъ за границею. Я возвращаюсь изъ Германіи, родомъ я однако же Англичанинъ.

— И теперь возвращаетесь домой?

— Домой.

— Далеко отсюда?

— Милыхъ, я думаю, въ тридцати.

Гость не докончилъ свой незаманчивый ужинъ и придвинулся къ огню. Полагая, что достаточно удовлетворилъ любопытство хозяина, чтобы имѣть право въ свою очередь сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ, онъ сказалъ: — Вы, впрочемъ, работаете на фабрикѣ?

— Такъ точно, сударь.... но время нынче тяжело.

— А ваша прелестная дочь?

— Нѣтъ сударь, Алиція мнѣ не дочь, а сиротка воспитанница моя, она ведетъ хозяйство.

— Такъ у васъ нѣтъ дѣтей?

— Нѣтъ, слава Богу. Я едва могу прокормить ее да себя, и то еще скудненько. Но вамъ, сударь, я думаю, пора отдохнуть; вы устали. Я отдалъ вамъ свою постель, а самъ проведу ночь здѣсь.

— Нѣтъ, я этого не потерплю, сказалъ путешественникъ съ живостью! подсыпьте только уголья въ каминъ, больше мнѣ ничего не нужно.

Хозяинъ не повторилъ предложенія, всталъ и вышелъ за угольемъ. Алиція все сидѣла въ своемъ углу.

Алиція нахмурила брови, помотала своими густыми кудрями и сказала, или скорѣе пробормотала: — Если у васъ есть деньги, то говорите хозяйнн и старайтесь не засыпать. Я боюсь.... тише!... онъ идетъ!

Молодой человекъ, встревоженный, сѣлъ на прежнее мѣсто, и когда хозяинъ возвратился, онъ въ первый разъ началъ разсматривать его со вниманіемъ. Слабый свѣтъ единственной, колеблющейся свѣчи, бросалъ густую тѣнь на его грубые, свирьпыя черты, и взоръ молодого человека, переходя съ лица на ростъ и складъ тѣла, убѣдился, что такому тѣлу не трудно будетъ исполнить все, что задумаетъ душа.

Путешественникъ погружлся въ мрачную думу. Внтеръ вылъ, дождь

оставалъ въ стѣны; въ окно не видно было ни одной звездочки, кругомъ былъ непроходимый мракъ. Отправляется ли ему опять въ путь? не подвергнется ли онъ еще бѣльшимъ неприятностямъ, скитаясь одинъ, въ ненастную ночь, по этой дикой странѣ? Хозяинъ могъ слѣдовать за нимъ и напасть на него въ темнотѣ; а у него не было никакого оружія, кромѣ толстой палки. Оставаясь въ хижинѣ, онъ могъ по-крайней-мѣрѣ отбиваться тяжелою кочергою, стоявшею передъ нимъ, у каминна. На всякій случай, онъ счелъ благоразумнѣе подождать, что будетъ даже; тѣмъ болѣе, что, оставшись одинъ, онъ могъ во всякое время отдернуть задвижку и тихонько убраться изъ хижины, не бывъ никѣмъ примѣченъ.

Между-тѣмъ какъ онъ размышлялъ такимъ-образомъ, хозяинъ подсыпалъ уголья въ каминъ и поправлялъ огонь.

— Вы крѣпко уснете нынче ночью, сказалъ хозяинъ, улыбаясь.

— Не знаю; я ужасно усталъ, и едва ли засну ранѣ третьяго или четвертаго часу; но когда разъ засну, такъ ужъ просплю до утра какъ сурокъ.

— Пойдемъ, Алиція, пора намъ дать гостю отдохнуть. Доброй ночи, сударь.

— Доброй ночи, отвѣчалъ путешественникъ, звая.

Дарвилъ и Алиція скрылись въ небольшую дверь, бывшую въ углу комнаты, и постоялецъ слышалъ, какъ они стали всходить по лѣстницѣ и какъ ступени скрипѣли подъ ихъ ногами. Затѣмъ все утихло, и въ хижинѣ водворилось глубокое молчаніе.

— Безумецъ я! сталъ думать путешественникъ; никогда не исправлюсь онъ глупой страсти пѣнеходныхъ странствій и приключеній, которыя они ведутъ за собою. Если бы не остался здѣсь, я былъ бы теперь цѣлъ и невредимъ въ ***. Впрочемъ, еще можно разстроить его замыслы. Черезъ полчаса, я буду на дворѣ, а на всякой случай, вотъ мое оружіе; одинъ на одного, авось справлюсь. Только молодчина, кажется, здоровъ какъ быкъ.

Какъ ни старался нашъ путешественникъ ободрить себя этими размышленіями, однакоже сердце его билось гораздо смѣлье обыкновеннаго; глаза его не могли оторваться отъ двери, въ которую скрылись хозяева, а рука судорожно сжимала кочергу.

Между-тѣмъ Алиція, вмѣсто того, чтобы идти въ свой чуланчикъ,

лила въ комнату Дарвиля. Онъ сидѣлъ въ ногахъ кровати и вполголоса разсуждалъ самъ съ собою, вперивъ неподвижные взоры въ землю. Дѣвушка стала противъ него, устремивъ ему въ лицо испытующій взоръ и сложивъ руки на груди.

— Гиней двадцать стѣять.... непременно стѣять! бормоталъ онъ.

— Какое вамъ дѣло до того, что стѣять часы этого господина, Дарвиль вздрогнулъ.

— Вы замышляете что-то недоброе противъ этого молодого человека, продолжала Алиція твердымъ и спокойнымъ голосомъ; но я вамъ говорю, что вы его не тронете.

Лицо Дарвиля сдѣлалось мрачнѣе ночи. — Какъ! вскричалъ онъ сердито; но потомъ, опомнившись, остановился и продолжалъ тихо: — Какъ смѣешь ты такъ говорить со мной? ступай спать, здѣсь тебя ничего дѣлать; ступай.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Не пойдешь?

— Нѣтъ, не выйду отсюда до разсвѣта.

— А вотъ увидимъ, сказалъ Дарвиль, пробормотавъ проклятіе.

— Если вы тронете меня, я позову путешественника, и скажу ему....

— Что жъ ты ему скажешь?

Дѣвушка приложила уста къ уху Дарвиля, и шепнула: — Я скажу ему, что вы хотите его ограбить.

Дарвиль задрожалъ всѣмъ тѣломъ, закрылъ глаза и тяжело вздохнулъ.

— Алиція, сказалъ онъ наконецъ, стараясь смягчить голосъ; Алиція, какъ часто мы едва не умираемъ съ голоду....

— Я, а не вы.

— Несчастный! правда, что когда мнѣ случится выпить лишнюю чарку, я стараюсь наверстать пропитыя деньги съ обѣда слядующаго дня. Но будь спокойна и иди спать; я ничего не замышляю противъ этого молодого человека; дуракъ я, что ли, совать голову въ петлю! Нѣтъ, нѣтъ, не бойся ничего, и иди спать.

Лицо Алиція, одушевленное и почти умное въ продолженіе этого разговора, снова погрузилось въ свое обычное выраженіе безсмыслия и апатія.

— Конечно, если бы его не обидели, вамъ не мѣшало бы вѣрѣ. Не забывайте этого.

Съ этими словами, она отправилась въ свой чуланъ, противъ комнаты хозяина.

Оставшись одинъ, Дарвиль крѣпко сжалъ себя лобъ руками, и въ полчаса сидѣлъ неподвижно въ этомъ положеніи. Наконецъ онъ поднялъ голову, обратилъ ее къ окну и сталъ разсуждать вполголоса: — Можно бы все свѣрить мигомъ. За книжною глубокой шудъ, а утромъ скажу, что нашъ путешественникъ ушелъ, но скажешь. Онъ въ этомъ краю, кажется, чужой, некому будетъ его отыскивать и развѣдывать о немъ.... А карманъ у него долженъ быть также набитъ довольно туго, когда ему ни почему случится полгнѣе за то только, чтобы его проводили за четыре мили....

Разсуждая такимъ-образомъ, онъ едва переводилъ дыханіе; ему было душно въ комнату, воздухъ давилъ ему грудь. Онъ отворилъ окно и высунулся на дворъ. Крупный дождь капалъ ему на голову; онъ затворилъ окно съ досадою, снялъ башмаки, тихонько прокрался на порогъ своей комнаты и, закрывая свѣчу вполонину рукою, осмотрѣлъ противоположную дверь. Она была заперта. Тогда онъ наклонился впередъ и сталъ прислушиваться. — Ничего не слышно, подумалъ онъ, онъ верно спитъ. Сойду тихонько. Зашелъ бы нынче ночью Джакъ Вальтерсъ, и дѣло было бы слажено мигомъ.

Онъ сѣнулъ тихонько внизъ. Въ углу подъ лѣстницею былъ брошенъ разный хламъ, нѣсколько полѣнъ и топоръ. Онъ взялъ топоръ, и сказалъ: — Хорошо, молотъ долженъ быть также дома, для Вальтерса. — Потомъ, прислонившись къ двери, приставилъ глазъ къ щели, въ которую видна была вся комната, слабо освѣщенная отъ времени до времени всыхивающимъ огнемъ каминна.

III.

Чего вы испугались?

Элиота.

Около того самого времени, молодой путешественник разсудилъ, что пора подумать объ отступленіи. Глухой говоръ голосовъ, который онъ слышалъ наверху во время бесѣды отца съ дочерью, умолялъ. Онъ тихонько подошелъ къ наружной двери и осторожно отдернулъ задвижку; но дверь была заперта на ключъ, который былъ вынутъ изъ замка. Онъ не замѣтилъ, какъ въ то время когда онъ ужиналъ и не имѣлъ еще никакого подозрѣнія, хозяйка, смирая дверь, замкнула ее и взяла ключъ. Теперь опасеніи его вполне подтвердились. Первою мыслью его было выйти въ окно; ставни были только притворены; но окно, какъ обыкновенно бываетъ въ кростьянскихъ избахъ, раздвигалось только до половины, и отверстіе было слишкомъ мало, чтобы пролезть въ него. Оставалось одно средство: выломать оконный перемычекъ; но этого шельзя было одвадать безъ шума и, следовательно, безъ опасности.

Онъ нѣсколько времени стоялъ у окна, въ отчаяніи. Онъ былъ отъ природы мужественъ, однако же въ эту минуту почти совсѣмъ упалъ духомъ. Глубокая тишина томилъ его душу; холодный нощъ выстушалъ у него на лбу. Въ этомъ состояніи сомнѣнія и унынія, слухъ его, которому напряженіе всѣхъ душевныхъ силъ придавало необыкновенную чуткость, былъ пораженъ сдерживаемымъ звукомъ легкихъ и осторожныхъ шаговъ; онъ явственно слышалъ, какъ скрипѣли ступени лѣстницы. Этотъ шумъ мгновенно разсвѣялъ очарованіе.

Близость опасности воскресила его мужество; онъ бросился къ камину, схватилъ кочергу и принялся разбивать уголь и громко кашлять, чтобы показать, что онъ не спитъ.

Онъ чувствовалъ, что его подкарауливали, что ему угрожала неминуемая опасность, что первый признакъ сна будетъ знакомъ кровавой развязки. Время шло, а кругомъ была все та же тишина. Уже прошло съ полчаса послѣ того, какъ онъ слышалъ шаги на лѣстницѣ. Положеніе его начинало уже болѣзненно раздражать, потрясать его нервы; оно становилось невыносимо.

Будучи не въ состояніи переносить долже это мучительное чувство,

путешественникъ всталъ, вперилъ взоры въ роковую дверь и готовъ былъ уже закричать подслушивающему, чтобы онъ вошелъ, когда ему послышался легкій стукъ въ окно, другой, третій разъ, и при послѣднемъ ударѣ тихій голосъ произнесъ, почти шопотомъ, имя Дарвила. Онъ затамилъ дыханіе и сталъ прислушиваться; въ ушахъ его шумѣло отъ прилива крови; однако же онъ могъ слышать шаги по размокшей землѣ; они, казалось, удалялись, и скоро все опять затихло.

Нѣсколько минутъ простоялъ онъ неподвижно; потомъ пошелъ твердымъ шагомъ къ внутренней двери, за которою, онъ полагалъ, стоялъ хозяинъ; смѣло ухватился за замокъ и хотѣлъ отворить, но дверь была заперта снаружи.

— И такъ, сказалъ онъ, стиснувъ зубы, я въ ловушкѣ какъ крыса.

Онъ возвратился на прежнее мѣсто, и сталъ ждать, съ поднятою вочергою, готовый на все, и не безъ нѣкоторой надежды на свою ловкость, силу и неустрашимость. Прошло нѣсколько минутъ; послышался опять шорохъ за внутреннюю дверь; кто-то приблизился къ ней и осторожно отдернулъ задвижку; онъ бросился на встрѣчу самому врагу, — но это была Алиція. Она вошла босая, блѣдная какъ мраморъ и приложивъ палецъ къ губамъ.

Она приблизилась къ незнакомцу, дернула его слегка за руку, и шепнула такъ тихо, что только его изощренный сильнымъ волненіемъ слухъ могъ уловить слова ея: — Они въ сараѣ, за избою. Бѣгите, — скорѣе, — скорѣе!

— Куда же бѣжать? дверь заперта на ключъ.

— Ключъ у меня, я утащила изъ его комнаты.

Она вложила ключъ въ замокъ и дверь отворилась. Путешественникъ поспѣшно набросилъ на плечо свою дорожную сумку, и въ одинъ прыжокъ былъ уже за порогомъ. Тутъ дѣвушка остановила его: — Не говорите ни слова о случившемся, шепнула она; онъ мой покровитель и его повѣсятъ.

— Нѣтъ, не стану говорить. Но ты, Алиція.... надѣюсь, что ты не подвергаешься никакой опасности? Будь увѣрена, что я не забуду, чѣмъ тебѣ обязанъ.... Какой же дорогой мнѣ идти теперь?

— Держите все вѣзю.

Путешественникъ былъ уже довольно далеко ; онъ бѣжалъ въ темноту и подѣ дождемъ со всею быстротою своихъ молодыхъ ногъ.

Алиція постояла нѣсколько на порогѣ, вздохнула, потомъ громко захохотала. Затѣмъ она заперла дверь и хотѣла тихонько удалиться въ свою комнату, но въ то же мгновеніе изъ внутренней двери появился Дарвилъ съ другимъ человѣкомъ, небольшого роста, но смѣлымъ и повидимому необыкновенно сильнымъ. Его жилистыя руки, обнаженные по локти, махали тяжелымъ молотомъ.

— Это что значить? вскричалъ хозяинъ ; Алиція здѣсь. Чтобъ тебѣ провалиться въ преисподнюю, чортово изчадіе ! Какъ смѣла ты его выпустить !

— Я говорила тебѣ, что вы его не тронете !

Злодѣй бросился къ ней съ неистовымъ проклятіемъ, повалилъ ее на землю однимъ ударомъ кулака, перескочилъ черезъ нее, отверъ дверь и пустился съ своимъ сообщникомъ въ погоню за жертвою, ускользнувшюю изъ рукъ ихъ.

III.

Вамъ извѣстно, и лучше чѣмъ кому-либо, все что касается побѣга моей дочери.

Шекспиръ. «Венеціяскій купецъ».

Время было на разсвѣтъ, утро было довольно теплое, но сырое и пасмурное ; ноги вязли въ землю, растворенной дождемъ, лившимъ цѣлую ночь : дороги были непроходимы отъ грязи ; на каждомъ почти шагу стояли огромныя лужи. Подѣ городомъ начинали встрѣчаться фуры, телеги, толпы пѣшеходовъ ; отъ времени до времени раздавался рѣзкій рожокъ и съ громомъ и трескомъ катилъ ранній анжикансъ, котораго наружныя мѣста были набиты пассажирами, кутавшимися въ шинели и шубы, а въ окнахъ торчали головы въ ночныхъ колпакахъ.

Въ это время молодой человѣкъ перелѣзъ черезъ заборъ, отдѣляв-

пий его отъ большой дороги, противъ военнаго пикета, отъ котораго онъ узналъ, что оставалось еще около мили до***.

— Благодарю тебя, Боже! сказалъ онъ почти вслухъ. Наконецъ-то, проплутавъ цѣлую ночь по болотамъ, какъ блудящій огонь, подхожу я къ городу.... Уфъ! легче стало на груди!

Онъ шелъ торопливымъ шагомъ и скоро обогналъ тяжелую фуру, потомъ толпу работниковъ, потомъ стадо барановъ, и нагналъ наконецъ женщину, которая шла одна передъ нимъ. Это была молодая крестьянка въ бѣдномъ и изношенномъ платьѣ; она, казалось, была чрезвычайно утомлена и съ трудомъ передвигала ноги. Онъ прошелъ мимо ея, не обративъ на нее вниманіе; но едва слышимый крикъ заставилъ его обернуться и онъ узналъ ту, которая спасла его въ предыдущую ночь.

— Ты ли это? сказалъ онъ; я едва глазамъ вѣрю.

— Я шла къ вамъ, сударь, сказала дѣвушка робкимъ голосомъ. Я тоже бѣжала оттуда, и никогда не посмѣю вернуться назадъ; мнѣ негдѣ теперь пріютить голову.

— Бѣдняжка! что же тамъ случилось? онъ вѣрно наказалъ тебя за то, что ты спасла меня?

— Дарвилъ такъ ударилъ меня, что я упала на полъ; потомъ, когда возвратился съ поисковъ, опять началъ бить меня.... Это бы еще ничего, но.... продолжала она, понизивъ голосъ.

— Что же еще?

Дѣвушка покраснѣла, потомъ поблѣдѣла, крѣпко стиснула зубы, и вдругъ остановилась; потомъ пошла скорѣе, и продолжала: — Чтобы ни было, а я уже никогда не возвращусь домой, теперь я совершенно одна на свѣтъ... Чтѣ мнѣ теперь дѣлать, куда я двнусь?...

И несчастная съ отчаяніемъ ломала себѣ руки. Путешественнику стало жаль ея.

— Послушай, моя милая, сказалъ онъ съ участіемъ; ты спасла мнѣ жизнь, я этого не забуду. Вотъ, возьми — и онъ вложилъ ей въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ, — это тебѣ на квартиру и на пропитаніе; отдохни, тебѣ нуженъ отдыхъ, а потомъ мы поговоримъ о судьбѣ твоей.

Дѣвушка равнодушно взяла деньги и не спускала глазъ съ лица незнакомца, пока онъ говорилъ. Въ невнятныхъ взорахъ ея было

своѣю скромности, столько дѣвственной чистоты, что если бѣ послѣднiя слова путника были внушены какимъ-нибудь дурнымъ помысломъ, онъ отступилъ бы со стыдомъ и страхомъ передъ этимъ дѣтскимъ, всеннымъ взглядомъ.

— Бѣдное дитя, сказалъ онъ съ смущенiемъ, послѣ нѣкотораго молчанiя, ты еще такъ молода, и притомъ такъ хороша ... такъ удивительно хороша! Въ городъ ты будешь окружена тысячею искушенiй. Будь осторожна въ выборѣ себѣ пристанища. Конечно, у тебя есть друзья въ городѣ?

— Друзья? .. что такое друзья? спросила Алиса.

— Нѣтъ ли у тебя родныхъ, кого-нибудь изъ семейства твоей матери?

— Нѣтъ никого.

— Знаешь ли, гдѣ тебѣ искать пристанища?

— Не знаю, сударь; мнѣ нельзя идти туда, гдѣ бываетъ Дарьяль; онъ меня, пожалуй, увидитъ.

— Такъ возьми номеръ въ какой-нибудь скромной гостинницѣ. Я поужаю между-тѣмъ, какъ тебя пристроить... Но ты совершенно вышла изъ силъ, ты едва можешь ходить: тебѣ, можетъ-быть, слишкомъ трудно будетъ идти такъ далеко сегодня; не лучше ли, я думаю, тебѣ сегодня отдохнуть?

— О нѣтъ, нѣтъ, сударь! Мнѣ будетъ такъ прiятно видѣться съ вами.

Взоры молодого человека встрѣтились съ ея взорами, и она не погасила глазъ. Чистая лазурь ихъ была увлажнена слезами; эти слезы проникли въ самое сердце незнакомца.

Онъ быстро отвернулся, и замѣтилъ, что они уже сдѣлались предметомъ любопытства прохожихъ. — Не забудь же, шепнулъ онъ молодой дѣвушкѣ, и поспѣшно пошелъ по дорогѣ. Черезъ четверть часа онъ былъ уже въ городѣ и входилъ въ лучшую гостинницу съ тѣмъ видомъ гордаго самодовольствiя, который путешественникъ почерпаетъ изъ сознанiя своего превосходства, изъ сознанiя, что онъ будетъ дорогимъ гостемъ вездѣ, гдѣ только гостепрiимство добывается и продается за деньги. Тутъ, передъ ярко пылающимъ каминомъ, за вкуснымъ завтракомъ, онъ забылъ весь ужасъ ночи, или скорѣе, вспоминалъ о немъ съ невыразимымъ удоволь-

ствіемъ , радуясь новой главѣ , которую онъ могъ прибавить къ прежнимъ приключеніямъ Эрнеста Мальтреверса.

V.

Велъ пріятную бесѣду съ даною.

Моратинъ.

Мальтреверсъ первый явился на мѣсто свиданія. Характеръ его отличался силою воли, рышностью, раннимъ развитіемъ во всемъ, включая въ отношеніи къ женщинамъ. Съ ними онъ покорялся влеченію минуты, отдавался совершенно на волю прихотливыхъ страстей, порожденныхъ безпокойнымъ и поэтическимъ воображеніемъ. Мальтреверсъ былъ поэтъ, хотя самъ того не подозревалъ, поэтъ дѣйствія, а женщина была его музою.

Онъ не имѣлъ еще никакой опредѣленной мысли на-счетъ поведенія своего съ молодою дѣвушкою, которая такимъ страннымъ образомъ встрѣтилась на его пути. Онъ не имѣлъ никакого дурного умысла. Будь она и не такъ хороша, онъ былъ бы не менѣе благодаренъ ей.

Наступила зимняя ночь. Былъ довольно сильный морозъ; воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, звезды ярко блистали на небѣ, длинныя тѣни спокойно дремали по окраинамъ широкой дороги и по голымъ, бѣляющимся полямъ, которыя окружали ее со всѣхъ сторонъ. Мальтреверсъ вышелъ гулять и шелъ очень скоро, напѣвая вполголоса старинныя нѣмецкія и англійскія баллады, и останавливаясь безпрестанно, чтобы полюбоваться на безмолвное, усѣянное звездами небо. Онъ не замѣтилъ, когда Алиція подошла къ нему.

— А, это ты, прелестное существо, сказалъ онъ, невольно, по привычкѣ, начиная бесѣду пошлымъ комплиментомъ; еще прекраснѣе

стала ты при этомъ ночномъ полусвѣтѣ! Какъ я благодаренъ тебѣ за то, что ты не забыла меня!

Алиція безъ сопротивленія отдала ему руку.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ, наклонясь къ лицу дѣвушки.

— Алиція Дарвилъ.

— А этотъ ужасный человекъ, дѣйствительно твой воспитатель?

— Да, ограбить.

— Чтò заставило тебя предполагать, что онъ хотѣлъ меня убить? развѣ ему уже случалось покушаться на подобныя злодѣйства?

— Нѣтъ; но въ последнее время онъ безпрестанно заговаривалъ о воровствѣ. Когда же я увидѣла его разгорѣвшіеся глаза, когда увидѣла, какъ онъ взялъ ключъ въ то время, какъ вы были къ нему спиною, я почувствовала... почувствовала, что вы въ опасности.

— Добрая душа!... продолжай.

— Я сказала ему это, когда мы пошли на-верхъ. Не знаю, какъ мнѣ это понимать, но только онъ увѣрялъ меня, что не замышлялъ противъ васъ ничего дурнаго. Однако же я все-таки утащила ключъ отъ двери, который онъ бросилъ на столъ, и ушла въ свою комнату. Я стала слушать за дверью; слышала, какъ онъ сошелъ внизъ; когда онъ остановился подъ лѣстницею, я все видѣла сверху. Подъ лѣстницею есть выходъ въ поле. Черезъ полчаса я услышала, что кто-то съ нимъ говорилъ. Я тотчасъ узнала голосъ, это былъ Джонъ Вальтерсъ; они вышли оба изъ дому въ заднюю дверь, я прокрѣпалась за ними и подслушала. Вы молоды, горячи, могли не возомнить себя ограбить, могли получить удары. Тутъ я увидѣла, сэръ, что медлить некогда, и... но вы знаете остальное, сэръ?

— Но какъ же ты убѣжала оттуда?

— Дарвилъ, возвратившись и поговоривъ съ Вальтерсомъ, вошелъ въ мою комнату, долго билъ меня и выгналъ изъ дому; ужасъ свѣдало, и я шла не останавливаясь до того мѣста, гдѣ встрѣтила васъ.

— Бѣдное дитя, въ какомъ вертепѣ порока выросла ты!

— Что вы изволите говорить, сэръ?

Т. СІІ. — Отд. ІІ.

— Она не понимает! Учили тебя по-крайней-мэръ читать, писать!

— Нѣтъ.

— Учили тебя закону Божию? учили молиться Богу?

— Что такое молиться Богу*?

Мальтреверсъ отступилъ въ ужасъ отъ этого глубокаго невѣжества; ему никогда не приходило въ голову, чтобы могло быть человѣческое существо, не имѣющее понятія о Богѣ.

— Бѣдное дитя, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, бѣдное дитя! Мы не понимаемъ другъ друга. Ты знаешь, что есть Богъ?

— Не знаю, сэръ.

— Неужели тебѣ никогда не говорили, что Онъ создалъ звѣзды, которыя ты видишь на небѣ; землю, на которой ты стоишь?

— Нѣтъ.

Мальтреверсъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ты видишь это большое зданіе, съ высокою колокольнею?

— Вижу, сэръ.

— Знаешь, какъ оно называется?

— Это церковь.

— Ходила ли ты когда въ церковь?

— Нѣтъ, сэръ; Дорвилъ меня не пускалъ изъ дому.

— Твой воспитатель ... не будемъ вспоминать о немъ.... Что же стану я дѣлать съ этою несчастною?

— Вы правы, сэръ, я очень несчастна: сказала Алиція. И крупныя слезы безмолвно струились по ея щекамъ.

Мальтреверсъ никогда еще не чувствовалъ себя растроганнымъ до такой степени. Его признательность, его участіе въ Алиціи имѣли характеръ братней любви.

* Эта черта и иногда кругилъ въ очеркѣ Алиціи совсѣмъ съ натуры. Архивъ англійской палаты свидѣтельствуетъ, что подобное невѣжество и совершенное отсутствіе понятія о добрѣ и злѣ, нѣтъ-то въ нѣкоторыхъ классахъ и округахъ Англіи. Въ 1815 году я былъ свидѣственнымъ судьей и помню, хотя не могу въ точности опредѣлить время, что снималъ допросъ съ молодой дѣвушки, которая отвѣчала почти въ тѣхъ же словахъ, какія я влагаю въ уста Алиціи. *Примѣчаніе составлено мнѣ.*

— Ты знаешь, по-крайней-мѣрѣ, продолжалъ онъ, что такое школа?

— Знаю; мнѣ много разъ случалось говорить съ дѣтми, которымъ ходили въ школу.

— Хочешь сама ходить въ школу?

— О нѣтъ, сэръ, ни за что.

— Чѣмъ же ты хочешь дѣлать? говори, моя милая. Я многіе объ-
мѣлъ тебя, и желалъ бы сдѣлать тебя счастливою, по твоему со-
стоінію.

— Я буду совершенно счастлива, живя съ вами.

Мальтреверсъ вздрогнулъ, улыбнулся и покраснѣлъ; но взглянувъ
въ устремленные на него глаза дѣвушки, онъ понялъ изъ ихъ крот-
каго, певняваго выраженія, что она не понимала, какой смыслъ мо-
жно было приписать ея простодушному призванію.

Я говорилъ уже, что Мальтреверсъ былъ человекъ причуд-
ливый, восторженный; голова его была полна романтическихъ
идеаловъ. Онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ взаперти, изучая астро-
логію; подозрѣвали даже некоторое время, что онъ не на шутку
хотѣлъ искать философскаго камня. Словомъ, въ немъ не было
ничего похожего на положительный, разсудительный характеръ Англи-
чанина. Все странное, необычайное, чуждое, увлекало его невредо-
дливую душу. При такомъ характерѣ онъ съ восторгомъ хватился
за новую мысль, которая обворожила его безпокойную, заносчивую
самолюбивую душу. Онъ ринулся самъ воспитать это дитя природы.

— И такъ, сказалъ онъ послѣ некотораго размышленія, ты хо-
чешь жить со мною; только, Алиція, чтобы намъ не влюбиться другъ
въ друга!

— Я васъ не понимаю, сказала Алиція.

— Такъ и не нужно, отвѣчалъ Мальтреверсъ.

— Мнѣ всегда хотѣлось поступить въ услуженіе.

— А!

— А вы будете такимъ добрымъ господиномъ!

Мальтреверсъ былъ вполнѣ разочарованъ.

— Такое предпочтеніе еще не очень лестно, подумалъ онъ. Хорошо,
Алиція, твое желаніе будетъ исполнено. Довольна ли ты своею новою
карьерою?

— Нѣтъ.

— Отчего? Развѣ тебя кто обидѣлъ?

— Нѣтъ; но тамъ безпрестанно такой шумъ, а мнѣ хотѣлось бы быть спокойной.

Мальтреверсъ началъ опять съ удовольствіемъ помышлять о своемъ планѣ. — Хорошо, Алиція, сказалъ онъ; теперь ступай назадъ въ свою гостинницу, а завтра я найму хижину, и ты будешь пристроена. Я научу тебя читать, писать, молиться; ты узнаешь, что у тебя есть на небесахъ милосердый Отецъ. Приходи завтра сюда, около этого же времени, я буду здѣсь.... Но ты плачешь, Алиція? о чемъ?

Полно, дитя, перестань, и иди домой, сказалъ Мальтреверсъ торопливо. Онъ удалился.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ обернулся и увидѣлъ, что Алиція еще провожала его взоромъ; онъ сдѣлалъ ей знакъ рукою, и она медленно пошла въ городъ.

Хотя Эрнестъ Мальтреверсъ и не былъ старшій сынъ, однако же онъ имѣлъ въ виду довольно богатое наследство и получалъ ежегодное содержаніе, вполне достаточное для удовлетворенія потребностей и прихотей молодого человека, который не имѣлъ безразсудной расточительности, столь обыкновенной Англичанамъ его лѣтъ и состоянія. Съ самаго дѣтства онъ былъ баловнемъ своихъ родныхъ; никто не ожидалъ его преждевременнаго возвращенія на родину, слѣдовательно ничто не могло удержать его отъ искушавшей его прихоти. Онъ нанялъ по сосѣдству одинъ изъ тѣхъ домиковъ, крытыхъ соломою, съ итальянскимъ балкономъ, почти скрытымъ за густыми кустами мѣсячныхъ розъ, съ зеленою лужайкою передъ балкономъ, съ небольшою теплицею, примыкающею къ самому дому, словомъ одно изъ тѣхъ жилищъ, которыми, кажется, оправдываютъ англійскую поговорку: любовь и хижина. Домикъ этотъ былъ выстроенъ однимъ богатымъ купцомъ, холостякомъ, для одной прекрасной Розамунды, и дѣлалъ честь его вкусу. Старуха, нанятая вмѣстѣ съ квартирою и мебелью, которая были поручены ей присмотру, должна была готовить кушанье и исправлять всю домашнюю службу. Алиція была такимъ-образомъ пристроена. Ни старуха, ни самъ хозяинъ дома, не понимали платоническихъ намѣреній Мальтреверса; но онъ платилъ впередъ за квартиру и жалованье, и они не пускались въ лишніе разспросы. Однако же Эрнестъ счелъ

необходимымъ утаить свое имя, которое не могло быть неизвѣстнымъ въ городѣ, находившемся близко отъ мѣстопробыванія его отца. Онъ назвался Бутлеромъ, именемъ, встрѣчающимся очень часто, и которымъ назывался одинъ изъ его родственниковъ по матери; только подъ этимъ именемъ былъ онъ извѣстенъ и Алиціи и всѣмъ его окружающимъ. Онъ не имѣлъ никакого повода скрыватьсь отъ молодой дѣвушки; однако же оттого ли, что никогда не представлялся къ тому случай, или по чѣму другому, но онъ ни разу не говорилъ ей ни о своемъ званіи, ни о родственныхъ связяхъ.

V.

Странно, что было такъ; странно было бы, если бы и шваче было.

Дуреевъ.

Мальтреверсъ поселился въ сосѣдствѣ Алиціи, приходилъ постоянно учить ее и нашелъ въ ней самую внимательную и послушную ученицу, какую только можетъ пожелать благоразумный наставникъ. Однако же учить и учиться читать, писать, вещь очень незанимательная. Когда почва уже приготовлена, тогда пріятно воздвигать волшебные чертоги знанія; но рыть основаніе, строить своды, на которыхъ должно покоиться зданіе, — трудъ очень тягостный. Мальтреверсъ, вѣроятно, почувствовалъ это; потому что едва прошло нѣсколько дней, и Алиція была сдана, для первоначальнаго обученія, самому старому и некрасивому учителю чистописанія, какого только можно было приискать въ околodкѣ. Мальтреверсъ особенно заботился о нравственности своей воспитанницы. Дѣвушка, въ первый день, очень плакала при этой переменѣ; но потомъ, увѣщанія и убѣжденія Мальтреверса принудили ее дать слово учиться прилежно, и со вниманіемъ слушать наставленія стараго учителя. Не стану однако же утверждать, что скука была единственною причиною, побудившею нашего мечтателя отказаться отъ предпринятаго труда. Не мудрено и то, что онъ почувствовалъ опасность своего положенія; а при всѣхъ увѣченіяхъ его фантазій, при всѣмъ его сумасбродномъ молодечествѣ, въ немъ было благородное, возвышенное сердце. Онъ любилъ удовольствія, и — успѣлъ свискать любовь не одной чувствительной Пэмочки; но онъ былъ слишкомъ мечтателемъ, слишкомъ востор-

женъ, чтобы совершенно предаться чувственности; онъ не могъ смотрѣть на хорошенькое личико, на невинную улыбку, на невыразимую прелесть женскихъ формъ испытующимъ взоромъ торговца, который осматриваетъ скотъ, чтобы купить его. Онъ, правда, былъ склоненъ влюбляться, или скорѣе воображать себя влюбленнымъ; но въ любви его всегда было что-то идеальное; онъ не понималъ страсти, въ которой не участво вали бы сердце и воображеніе. Алиція была очень хороша, обворожительна; однако же онъ не былъ въ нее влюбленъ, и даже не имѣлъ намѣренія въ нее влюбиться.

Первый вечеръ послѣ того, какъ онъ сложилъ съ себя должность наставника, показался ему ужасно долгимъ и скучнымъ. Но онъ имѣлъ много средствъ сокращать время. Онъ положилъ передъ собою на столъ Шекспира; закурилъ свою пѣмецкую трубку и читалъ до-тѣхъ-поръ, пока чтеніе не вдохновило его; тогда онъ сочинилъ нѣсколько строфъ и успокоился не прежде, какъ спѣвъ ихъ на мелодію своего сочиненія. Онъ любилъ пѣніе и музыку со всею энтузіазмомъ Нѣмца, имѣлъ очень пріятный голосъ и пѣлъ съ большимъ чувствомъ. Какъ солнце затмѣваетъ звѣздочку, такъ точно яркое пламя фантази затмило на нѣкоторое время слабый огонекъ, зажженный красотою его воспитанницы.

Уже было довольно поздно, когда онъ вышелъ изъ своей комнаты. Проходя узкій корридоръ, онъ слышалъ легкіе шаги, послышнно удалявшіеся передъ нимъ, и женскій образъ быстро мелькнулъ въ противоположной двери. Проказница, подумалъ онъ, тотчасъ угадавъ, кто было это привидѣніе, она приходила подслушивать меня; надо ее строго побранить.

Но черезъ полчаса намѣреніе это было уже забыто.

Прошло нѣсколько дней, а Мальтреверсъ почти не видѣлъ своей воспитанницы. Правда, ему не было охоты слѣдить за успѣхами Алиціи, потому что онъ боялся разочароваться ихъ медленностью; вѣдь какъ ни хороша, какъ ни мила дѣвушка, а въ одинъ день читать и писать не научится; но онъ былъ счастливъ, чувствуя себя наединѣ съ своими мыслями. Жизнь его достигла одной изъ тѣхъ эпохъ, когда мы желаемъ спокойнымъ взоромъ осмотрѣться на однообразномъ пути, по которому идемъ до могилы. Онъ хотѣлъ обозрѣть то, что онъ успѣлъ скопить, измѣрить средства своего ума, прежде чѣмъ пуститься снова въ практическую жизнь. Зима

была суровая; но онъ былъ неустрашимый любитель природы, и ни снѣгъ, ни морозъ не пугали его и не останавливали его ежедневныхъ прогулокъ. Около полудня, онъ бросалъ книги и бумаги, надѣвалъ шляпу, бралъ палку и отправлялся, насвистывая или напѣвая свои любимыя мелодіи, снитаться по пустыннымъ улицамъ, вдаль замерзшей рѣки или по обнаженному лѣсу, смотря по тому, куда влекла его прихотливая фантазія. Мальтреверсъ не былъ какой-нибудь Эдвинъ или Гардльдъ, избравшій единственнымъ предметомъ своихъ размышленій уединенный ручей или живописный холмъ; напротивъ, онъ любилъ созерцать природу въ людяхъ. Самый скромный переулокъ многолюднаго города имѣлъ въ его глазахъ нѣчто поэтическое; онъ любилъ мѣшаться въ толпу, хотя бы она собралась вокругъ шарманки или ученой собаки, любилъ прислушиваться къ тому, что въ ней говорилось, наблюдать, что въ ней дѣлалось. Это, по-моему и есть настоящій признакъ поэтической души, необходимой каждому художнику, не желающему быть просто маляромъ. Но всего болѣе занимало его развитіе страстей; онъ любилъ изучать сердце въ неподдѣльномъ его состояніи, какъ оно проявляется у простаго, необразованнаго бѣдняка. Можетъ-быть, болѣею частью своего глубокаго знанія челоуѣческаго сердца и вліянія, которое онъ имѣлъ впоследствии на людей, онъ обязанъ былъ своему убѣжденію, что нѣтъ такой развращенной души, въ которой нельзя бы отыскать хоть одну свѣтлую черту.

Однакоже и на Мальтреверса находили иногда припадки нелюдимости, и тогда онъ искалъ, для своихъ прогулокъ, самыхъ уединенныхъ мѣстъ. Зима и лѣто, роскошная зелень и безцвѣтные верески, все въ его глазахъ сіяло красотою, потому что эта красота заключалась въ возврѣніи его на предметы. Поздно уже возвращался онъ домой, гдѣ его ожидалъ скромный обѣдъ; а потомъ чтеніе и сочиненіе наполняли его длинныя вечера, перемежаясь обаятельными мечтами, какія представляются челоуѣку, видящему передъ собою цѣлую жизнь удовольствія и блаженства. Счастливецъ Мальтреверсъ! молодость, дарованія, — блага, которыхъ не могутъ купить все Ротшильды на землѣ. А ты еще недоволенъ, Мальтреверсъ! жизнь, по твоему мнѣнію, тянется слишкомъ медленно; ты желалъ бы погонять время, венасытннй безумецъ? ты поэтъ, чего тебѣ еще?

Однажды утромъ, Эрнестъ, вставъ ранѣе обыкновеннаго, лѣниво прохаживался по теплицѣ, и съ спокойнымъ любопытствомъ разсматривалъ собранныя въ ней растенія. Онъ занимался нѣкогда ботаникою, и имѣлъ странныя мысли на-счетъ растительной жизни, видѣлъ въ ней тайны, которыхъ ни одинъ ботаникъ не могъ ему объяснить. Вдругъ послышалось ему въ нѣкоторомъ разстояніи тихое, пріятное пѣніе. Вслушавшись, онъ узналъ собственные свои стихи, къ которымъ онъ же самъ сочинилъ и мелодію, и такъ былъ ею доволенъ, что повторилъ ее нѣсколько разъ сряду.

Когда пѣніе умолкло, Мальтреверсъ тихонько прошелъ черезъ теплицу, отворилъ дверь въ садъ и увидѣлъ Алицію, которая сидѣла у отвореннаго окна отведенной ей комнатки. Домъ былъ построенъ неправильно, какъ всѣ живописныя хижины, и эта комнатка образовала выступъ. Алиція не видѣла Мальтреверса и не прежде вышла изъ своего задумчиваго положенія и обернулась къ нему, какъ тогда, когда онъ называлъ ее по имени въ другой или въ третій разъ.

— Алиція, сказалъ онъ пріятливо, надѣнь шляпку и иди гулять со мною по саду. Ты что-то блѣдна, моя милая, свѣжій воздухъ будетъ тебѣ полезенъ.

Алиція покраснѣла и улыбнулась; черезъ нѣсколько минутъ она была уже подлѣ него. Между тѣмъ Мальтреверсъ закурилъ свою трубку, которая была обыкновеннымъ его прибѣжищемъ каждый разъ, какъ онъ ощущалъ безпокойство или смущеніе, или просто когда его мысли не вязались. Съ этимъ вѣрнымъ союзникомъ ждалъ онъ Алицію на дорожкѣ, окружавшей лужайку, среди густыхъ зеленыхъ кустовъ.

— Алиція, сказалъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія, и остановился.

Алиція смотрѣла на него съ почтительнымъ вниманіемъ.

— Можетъ-быть, сказалъ Мальтреверсъ, табачный дымъ безпокоитъ тебя? Въ-самомъ-дѣлѣ, это прескверная привычка, вѣчно имѣть трубку въ зубахъ.

— Нисколько, сэръ, отвѣчала Алиція, и личико ея нахмурилось; она ожидала чего-нибудь позанимательнѣе.

Мальтреверсъ остановился, сорвалъ подснежникъ, и подаль его Алиціи. Посмотри, какой прелестный цвѣтокъ, сказалъ онъ; любишь ты цвѣты, Алиція?

— Еще бы не любить цвѣтовъ ! отвѣчала дѣвушка съ жаромъ ; они такъ хороши. Никогда я не видала такого множества цвѣтовъ, какъ здѣсь.

— Теперь можно продолжать, подумалъ Эрнестъ ; но что продолжать ? я, право, не знаю.

И точно, онъ самъ не зналъ хорошенько, къ чему хотѣлъ вести рѣчь. Послѣ нѣкотораго размышленія, онъ продолжалъ :

— Алиція, ты прелестно пѣла въ своей комнатѣ.

— Ахъ, сэръ, вы... И она остановилась, не договоривъ, и задрожала.

— Да, я слышала, Алиція.

— И вы сердитесь ?

— Сохрани Богъ ! за что стану я сердиться ? Это прекрасный талантъ, — но ты не понимаешь, что такое талантъ ! Я хочу сказать, что прекрасная вещь — имѣть слухъ, хорошій голосъ и любить музыку ; а въ тебѣ я нахожу все это.

Онъ остановился, почувствовавъ прикосновеніе къ своей рукѣ ; Алиція схватила ее съ необыкновенною живостью, и прижала къ губамъ. Эрнестъ затрепеталъ, какъ-будто электрическая искра пробѣжала по всѣмъ его жиламъ съ ногъ до головы ; но лицо дѣвушки показывало, что ей на умъ не вспадало, чтобы въ поступкѣ ея было что-либо неприличное.

— А я такъ боялась, что вы будете сердиться на меня, сказала она, отирая слезы. Теперь я вижу, что вы все знаете.

— Что я знаю ?

— Какъ я подслушивала васъ каждый вечеръ, и какъ потомъ я не могла уснуть во всю ночь, потому что музыка все звучала въ моихъ ушахъ. Наконецъ я попыталась пѣть сама, сначала вполголоса, а потомъ и громко. Это гораздо пріятнѣе, чѣмъ учиться читать.

Все это приводило Мальтреверса въ восторгъ. Дѣвушка затронула одну изъ самыхъ чувствительныхъ струнъ его сердца. Однако же онъ молчалъ, и она продолжала :

— Теперь, сэръ, я надѣюсь, что вы позволите мнѣ по вечерамъ слушать васъ. Я не буду шумѣть ; буду сидѣть за вашею дверью такъ смиренно, такъ смиренно, что вы и не услышите.

— Какъ, въ холодномъ корридорѣ, въ теперешнія морозныя ночи !

— Мнѣ не привыкать къ холоду ; Дарвилль никогда не позволялъ мнѣ разводить огня, когда его не было дома.

— Итъ, Алиція, ты можешь приходить сидѣть въ моей комнатѣ каждый разъ, какъ я занимаюсь музыкою, и я даже дамъ тебѣ нѣсколько уроковъ. Я очень радъ, что у тебя есть голосъ и музыкальное ухо ; это, можетъ-быть, доставить тебѣ средство кормиться въ послѣдствіи честнымъ образомъ.

— Когда... вскричала Алиція испуганнымъ голосомъ ; но потомъ продолжала спокойно : — Да я никогда не думала оставлять васъ.

Эрнестъ опять прибѣгнувъ къ трубкѣ. Въ эту минуту явился мистръ Симкоксъ , старый учитель чистописанія. Алиція пошла въ свою комнату, приготовить книги и тетради, а Мальтреверсъ, положивъ руку на плечо старому учителю, сказалъ : — Ну что, довольны ли вы своею ученицею, мистръ Симкоксъ ?

— О, чрезвычайно доволенъ, мистръ Бутлеръ ; не надивлюсь ея успѣхамъ ; она много работаетъ одна, и я не щажу труда.

— Успѣли ли вы, спросилъ Мальтреверсъ торжественно, внушить ей тѣ первыя священныя понятія, о которыхъ я вамъ говорилъ въ первой нашей бесѣдѣ ?

Какъ же, отвѣчалъ учитель ; дѣйствительно, можно сказать, что она до-тѣхъ-поръ была настоящею язычницею, хуже магометанки ; но теперь она начинаетъ уже понимать.

— Научилась она молиться ?

— О, на этотъ счетъ, Господь благословилъ ее, сказалъ старый учитель. Какъ скоро я объяснилъ ей , почему она должна молиться Богу , она не дала мнѣ покою до-тѣхъ-поръ , пока я не повторилъ ей два раза одну изъ молитвъ нѣкихъ учебныхъ книгъ ; и съ двухъ разъ она запомнила ее.

— Хорошо, мистръ Симкоксъ ; я не хочу долѣе отвлекать васъ отъ занятія.

И забывъ отъ радости, что еще не завтракалъ, Мальтреверсъ продолжалъ курить и ходить по саду въ размышленіи. Результатъ этого размышленія былъ тотъ, что надлежало необходимо стараться о развитіи прекраснаго таланта, которымъ природа одарила Алицію,

ж который могъ обезпечить ее на будущее время. Онъ думалъ этимъ сложить съ себя бремя ответственности, которое часто беззаконно его. Съ помощью этого таланта, Алиція могла имѣть средство прокормить себя честнымъ трудомъ, и даже приобрести независимое состояніе. Мысль казалась ему прекрасною.

И каждый вечеръ, когда окна были затворены, и яркій огонь пылалъ въ каминѣ, когда вѣтеръ завывалъ между деревьями и дождь хлесталъ объ стѣны, Эрнестовы мелодіи исполнялись голосомъ Алиціи, въ который природа влила еще болѣе мягкости и задушевности, чѣмъ въ его голосъ.

Алиція имѣла дѣйствительно изумительныя способности къ музыкѣ. Мальтреверсъ, энтузіастъ во всемъ, за что онъ ни принимался, не могъ надиваться быстрымъ успѣхамъ своей ученицы. Въ короткое время онъ выучилъ ее играть на фортепіано, на память, и при этомъ замѣтилъ, что руки ея совершенно утратили цвѣтъ и грубость, приданныя имъ тяжелою работою, которая прежде искажала ихъ вѣжныя, прелестныя формы.

Пристроивъ Алицію, Мальтреверсъ просилъ старую служанку одѣть Алицію чисто и прилично. Теперь же, старушка купила для *хорошенькой барышни* новое платьѣ, столь же простенькое, но не изъ такой грубой ткани и болѣе изящнаго покрою. Прекрасныя волосы Алиціи были завиты въ роскошныя локоны; здоровье и счастье зардѣлись на ея бархатныхъ щекахъ живымъ румянцемъ, полуоткрыли обольстительною улыбкою ея каралловыя губы, которыя только въ минуты горести сходились совершенно и закрывали ея бѣлыя, ровныя зубы; но она уже не знала грусти съ-тѣхъ-поръ, какъ не была удалена изъ присутствія Эрнеста.

Не говоря уже о дивной красотѣ Алиціи, во всемъ ея существѣ было то врожденное благородство, принадлежность ея пола, которое встрѣчается, въ большей или меньшей степени во всѣхъ молодыхъ женщинахъ, даже самыхъ низшихъ классовъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ предаются между собою шумному веселью. Въ этомъ отношеніи мужчины могутъ позавидовать ихъ способности принимать этотъ наружный лоскъ, который съ такимъ трудомъ ложится на нашу угловатую поверхность. Сколько труда, сколько усилій требуется для того, чтобы мальчика простаго званія научить сдѣлать три шага, не говоря какъ благовоспитанный человекъ, но какъ существо, одаренное животою

душою. А дѣвчнкъ того же званія дайте только тѣнь образованія, дайте ей только приглядѣться къ порядочному обществу, и смѣло можете держать закладъ на тысячу противъ одного, что она скорѣе усвоитъ себѣ всѣ приемы хорошаго общества, чѣмъ мальчикъ научится только поклониться, не опрокинувъ за собою стула. Всѣ женщины чувствительны, а чувство изощряетъ умъ и придаетъ изящество обращенію. У мужчины чувство, по бѣльшей части, не есть врожденное, а приобретенное, источникъ его умственной способности; у женщинъ оно врожденное свойство души.

Во время уроковъ музыки, Эрнестъ не пропускалъ ни одного случая, чтобы поправлять ошибки Алиціи противъ грамматики или въ произношеніи. У нея была изумительная память, она легко запоминала все, и разъ запомнивъ, никогда не забывала. Самый звукъ ея голоса измѣнился.

VI.

Молодой человекъ, боюсь я, что кровь у тебя слишкомъ горяча, а сердце слишкомъ мягко.

Чтеніе и письмо не единственные начала воспитанія; и если успѣхи прекрасной Алиціи были довольно медленны въ этихъ двухъ предметахъ, то она достигла многихъ важнѣйшихъ ихъ результатовъ, благодаря бесѣдѣ и наставленіямъ Эрнеста. Она приобрѣтала знаніе, такъ сказать, посредствомъ привитія, самаго вѣрнаго способа ученія; въ-самомъ-дѣлѣ, въ тонкостяхъ образованнаго ума и изящества приемовъ есть нѣчто заразительное. Ободреннѣй способностями, которыя Алиція выказывала къ музыкѣ, Мальтреверсъ не упускалъ случаевъ къ развитію ея понятій и обогащенію ея ума, которые представлялись въ ихъ бесѣдахъ; а бесѣда гораздо лучшая школа, чѣмъ вообще полагаютъ родители и воспитатели. Было время, когда люди не знали другаго способа преподаванія, кромѣ изустнаго; и Лейбнице, безъ-сомнѣнія, болѣе почерпалъ изъ бесѣдъ Аристотеля, чѣмъ мы изъ чтенія его сочиненій. Нашъ мечтательный поэтъ и его прекрасная ученица, бесѣдуя въ саду передъ своею живописною хижи-

ною, возобновляли въ маломъ, но прелестномъ видѣ, академію, въ которой образовалось все греческое юношество. Онъ говорилъ ей простымъ языкомъ древняго мудреца, которому пришлось бы учить молодого, понятливаго и кроткаго дикаря, о звездахъ и ихъ движеніи, о животныхъ и растеніяхъ, о всѣхъ богатствахъ природы, о могуществѣ и милосердіи ихъ Творца, объ исторіи и развитіи человечества.

Любознательность и понятливость ученицы съ каждымъ днемъ восхищали его болѣе и болѣе. Наконецъ онъ перешелъ къ поэзи; онъ повторялъ ей самыя простыя и удобопонятныя отрывки изъ своихъ любимыхъ поэтовъ, сочинялъ для нея стихи, принаровленные къ ея понятіямъ, и эти-то стихи она обыкновенно предпочитала и всего легче удерживала въ памяти. Никогда еще, можетъ-быть, молодой поэтъ не имѣлъ при себѣ такого обворожительнаго источника вдохновенія; никогда суровый міръ не подчинялся такъ безусловно его вѣжнѣмъ мечтамъ.

Съ нѣкотораго времени, теплица съ ея цвѣтами была совершенно передана на попеченіе Алиціи. Утромъ, когда Эрнестъ заглядывалъ сюда проходя мимо или возвращался съ прогулки, онъ находилъ все нѣ только въ порядкѣ, но именно въ томъ порядкѣ, какъ желалъ. Казалось, будто всѣмъ распоряжалась волшебница, которой каждая мысль, каждое желаніе его были тотчасъ извѣстны. Любимыя его цвѣты украшали столъ; его любимыя кресла стояли въ томъ углу камина, который, какъ скоро отворялась дверь, первый бросался въ глаза, и, казалось, приглашала его отдохнуть на ихъ мягкихъ подушкахъ. Во всемъ были замѣтны слѣды женской заботливости; а при первомъ ударѣ осьми часовъ, являлась сама Алиція, такая хорошенькая, съ такою сладостною улыбкою на устахъ, и такимъ выраженіемъ счастья во взорахъ, что неудивительно если одинъ часъ, назначенный первоначально для урока, вскорѣ разросся до трехъ или четырехъ часовъ.

Алиція любила Эрнеста, но признаки этого чувства проявлялись въ ней совсѣмъ не такъ, какъ бываетъ обыкновенно. Она не сдѣлалась оттого ни робче, ни застычивѣе; также мало дичилась его и была также спокойна, какъ прежде. Никакой червь не точилъ этой славной, едва распускаящейся розы. Напротивъ того, хотя она съ самыхъ первыхъ уроковъ была довольно смѣла, однако же теперь дѣлалась еще съ каждымъ днемъ свободнѣе въ обращеніи, до-

взрешнее и развешнее. Да ей ни разу и не приходило въ голову, чтобы могла быть иначе; въ ней не было и следа той условной безликой совѣстливости, которую мы видимъ иногда въ молодыхъ девицахъ, которыя уже научились, что въ любви есть тайна. Все чувства ея были чисты! Могла ли она не ощущать удовольствія, слушая своего благодѣтеля? А все, что она чувствовала, она высказывала съ такимъ невиннымъ простодушіемъ, такъ чистосердечно! И перазъ у собесѣдника ея путили въ глазахъ и въ сердцахъ отъ ея навной откровенности. — Натъ, размышляя оиъ, она не можетъ любить меня, она не могла бы говорить мнѣ объ этомъ такъ откровенно; это одна благодарность, она любитъ меня какъ брата.... Милое существо, это успокоиваетъ и радуетъ меня.

— Алиція, сказалъ однажды вечеромъ Мальтреверсъ, послѣ продолжительнаго молчанія и размышленія съ обѣихъ сторонъ, между-тѣмъ какъ она разсѣянно потворяла на фортепiano послѣднюю выученную ею мелодію; — Алиція, — вѣтъ, не вставай, сиди, гдѣ теперь сидишь, и только выслушай меня до конца. Намъ нельзя вѣчно заниматься такимъ-образомъ.

Но Алиція не послушалась: она обернулась къ нему и устремила на него свои большіе голубые глаза съ такимъ выраженіемъ испуга, что ему не осталось другаго прибѣжища, какъ встать и искать своей трубки по всѣмъ угламъ, куда даже ей вовсе нельзя было попасть. Но Алиція, привыкшая угадывать каждое его желаніе, подала ему трубку, въ то время, какъ онъ искалъ ее въ противоположномъ концѣ комнаты. Трубка была уже передъ нимъ, набитая душистымъ салониккимъ зельемъ, среди котораго золотилась лепешка, которая можетъ-быть не очень здорова, но смягчаетъ крѣпкій ароматъ табаку; потому что Мальтреверсъ былъ эпикуреецъ даже въ наименѣе изящныхъ своихъ привычкахъ. Трубка была передъ нимъ, и онъ долженъ былъ, принимая ее, коснуться хорошенькой ручки, которая ее подавала; долженъ былъ опять трепетать и краснѣть передъ этими большими голубыми глазами, раскуривая благовонное зелье.

— Благодарю, Алиція, сказалъ онъ, благодарю; садись вотъ тамъ, подалѣе.... чтобы тебе не падало; я открою окно, сегодня такая чудесная ночь!

Онъ отворилъ окно; взошедшее растеніе прикотливо обвивало его снаружи; спокойный, ровный свѣтъ луны серебрилъ гладкій лугъ. Таинственное спокойствіе ночи усмирило, возвысило мыслямъ, тревожившія его душу; взоры Алиціи уже не встрѣчались съ его взорами, и онъ продолжалъ твердымъ, но кроткимъ голосомъ:

— Милая Алиція, намъ невозможно долѣе оставаться такимъ-образомъ; ты теперь уже довольно разумна, чтобъ понимать меня и выслушать терпѣливо до конца. Молодая дѣвушка никогда не останется безъ защиты, безъ средства пропитанія при добромъ имени; но безъ добраго имени она всегда будетъ бѣдна и предметомъ общаго презрѣнія. Въ свѣтъ же также легко лишиться добраго имени отъ одной неосторожности, отъ легкомыслія, какъ и проступкомъ, и если ты долѣе останешься здѣсь, это будетъ непростительная неосторожность, отъ которой твоѣ доброе имя можетъ такъ пострадать, что тебѣ закроются все пути къ честному занятію. Допустивъ до этого, я былъ бы тебѣ не благодѣтелемъ, а злодѣемъ. Однимъ словомъ, намъ не должно оставаться въ настоящемъ положеніи! Я долженъ возвратиться къ своимъ роднымъ; они будутъ имѣть право сердиться на меня, если я еще нѣсколько недѣль буду скрываться отъ нихъ въ этомъ удивеніи. Тебѣ же, милая Алиція, нужны лучшія наставленія, лучшее образованіе, чѣмъ тѣ, которыя мы съ мистромъ Симкоксомъ можемъ дать тебѣ. Я думаю отдать тебя въ одно почтенное семейство, въ которомъ тебѣ приличнѣе будетъ жить, чѣмъ здѣсь; тамъ ты окончишь свое образованіе и получишь возможность въ свою очередь учить другихъ. Съ твоею красотою, Алиція, — тутъ онъ глубоко вздохнулъ; — съ твоими способностями, съ твоимъ прекраснымъ нравомъ, тебѣ стоитъ только вести себя честно и благоразумно, и ты непременно найдешь себѣ достойнаго мужа и будешь жить счастливо. Ты слышала, Алиція? вотъ чтó я намѣренъ сдѣлать, чтобы пристроить тебя.

Мальтреверсъ действительно намѣренъ былъ поступить такъ какъ говорилъ. Искреннее участіе, благородное чувство чести руководили имъ. Но если онъ и былъ человекъ съ шаловливыми страстями, то въ немъ все же было вгонено; онъ чувствовалъ, говоря собственными его словами, не трансфертивными, но выразительными, что такъ имъ оставаться было невозможно.

Она встала, блѣдная и дрожа всѣмъ тѣломъ, подошла къ нему и съ покорностью положила руку на его руку.

— Я пойду, куда и когда вы прикажете.... чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... хоть завтра, да, завтра!... Вы хотите оставить бѣдную Алицію, и съ моей стороны очень дурно, что я была такъ счастлива!

Съ минуту боролась она съ волненіемъ, которое обуревало ея сердце, и потомъ продолжала: — Вы знаете, что Богъ услышитъ меня; когда я буду далеко отъ васъ, сдѣлаюсь умнѣе, научусь лучше молиться; и Богъ благословитъ васъ, сэръ, пошлетъ вамъ счастье, потому что это одно, о чемъ я буду молить его.

Выговоривъ съ трудомъ эти слова, она отвернулась и пошла твердо и гордою поступью къ дверямъ; но ступивъ на порогъ, она остановилась. Всѣ воспоминанія, связанныя съ этимъ жилищемъ, съ этими нѣмыми свидѣтелями ея мимолетнаго блаженства, разомъ хлынули на ея бѣдное сердце: дыханіе сперлось въ ея груди, ноги ея подкосились, и она упала безъ чувствъ на полъ.

Мигомъ Мальтреверсъ былъ уже подлѣ нея. Онъ осторожно приподнял ее на рукахъ и говорилъ: — Алиція, о моя милая Алиція, прости меня!... Я не уѣду, я не оставлю тебя!

И онъ отогрѣвалъ ея ручки въ своихъ рукахъ, прижималъ ея головку къ своей груди.

VII.

На слѣдующее утро Мальтреверсъ вышелъ изъ своего дома пасмурный, печальный, желая и въ то же время страшась встрѣтиться съ Алиціею. Онъ услышалъ шаги ея въ теплицѣ, и послѣ минутнаго колебанія, пошелъ къ ней. Она спросила едва слышнымъ голосомъ: — Должны мы разстаться? — Нѣтъ другъ мой! отвѣчалъ Мальтреверсъ я не оставлю тебя, другъ мой. Лицо Алиціи засіяло такою чистою радостью, что и у него на душѣ стало легче.

Алиція платила Эрнесту искренною любовью и преданностью за умъ, который почерпала въ его свѣдѣніяхъ. Весь день они гуляли по саду, и Мальтреверсъ примирялся нѣсколько съ самимъ собою.

Между-тѣмъ, время шло своимъ чередомъ, зима прошла, наступила весна съ своимъ яркимъ солнцемъ. Алиція не сопровождала Эрнеста въ его дальнихъ прогулкахъ, потому что боялась встрѣтиться съ Дорвильемъ; да и самъ Эрнестъ не желалъ этого, стараясь избѣгать огласки. Но ихъ небольшой садикъ, съ своею лужайкою, съ фонтаномъ, съ купою деревь, былъ для нихъ цѣлымъ міромъ; а Алиція и знать не хотѣла, былъ ли за предѣлами его другой міръ? Она уже сдѣлалась, по свидѣтельству самого мистра Сямкокса, совершенно ученою: могла бѣгло читать вслухъ; переписывала стихи Эрнеста мелкимъ и довольно четкимъ, хотя нетвердымъ почеркомъ; и онъ уже не имѣлъ надобности рыться въ своемъ словарѣ за самыми короткими и общепонятными словами, чтобы передавать ей свои мысли.

VIII.

Быстро несутся тучи.... Небо утратило свое лазурное отдѣвленіе, звѣзды — свой лучезарный свѣтъ.

Байронъ. «Небо и земля».

Былъ прекрасный апрѣльскій вечеръ; погода стояла такая ясная и теплая, какъ рѣдко бываеетъ въ это время года въ сѣверныхъ частяхъ Англіи. Капли недавно выпавшаго дождя блестяли на почкахъ сирени и канрифоли, окружавшихъ хижину Мальтреверса. Небольшой фонтанъ, бившій среди круглаго бассейна, на чистую поверхность котораго водяныя капли бросали свои причудливыя тѣни, придавалъ еще болѣе свѣжести лужайкѣ, исцѣщенной ранними цвѣтами. Утренній дождь оживилъ молодыя растенія, и легкій восторокъ приносилъ Алиціи и Мальтреверсу ароматъ; похищенный со множества градь вѣялокъ, и игралъ въ золотистыхъ окнахъ двушки. Мальтреверсъ и Алиція сидѣли на простой скамьѣ, поставленной передъ домомъ, котораго створенныя окна показывали уютную комнату Алиціи съ полкою книгъ и съ музыкальными инструментами, такъ краснорѣчиво говорившую о познѣ домашней жизни.

Мальтреверсъ былъ разсвѣтъ и молчалъ. Его игривое и впечатли-

тельное воображеніе создавало тысячу призраковъ и видній въ этомъ прозрачномъ воздухѣ и надъ этими грядями благоухающихъ фіалокъ. Умъ его погружался въ тихое раздумье, въ спокойномъ и сладостномъ сознаніи своего счастья. Мысли Алиція были не совсѣмъ одинаковы съ его мыслями; но она придавала особый колоритъ его мыслямъ, и если бъ она въ эту минуту отошла отъ него, мечты его мгновенно бы разлетѣлись. Алиція не имѣла воображенія поэта, и думала только объ одномъ, думала о Мальтреверсѣ. Образъ его, будто въ граненомъ зеркалѣ, отражался въ тысячу видахъ во всемъ, что тѣсный міръ, окружавшій ее, представлялъ прекраснаго и пріятнаго. Она не думала о будущемъ; она чувствовала только настоящее, жила настоящимъ, удовольствіе дышать, жить, поглощало все ея чувства. Это исключительная принадлежность двухъ крайнихъ эпохъ нашей жизни: юности и старости. Средній возрастъ никогда не живетъ въ настоящемъ; онъ всегда уносится къ слѣдующему дню; вѣчно безпокоенъ, озабоченъ, думаетъ объ исполненіи того или другаго плана, объ осуществленіи той или другой надежды, между-тѣмъ какъ каждая волна забытаго времени приближаетъ его къ концу всего. Половина нашей жизни проходитъ въ желаніи быть ближе къ гробу.

— Алиція, сказалъ наконецъ Мальтреверсъ, выходя изъ задумчивости; ты въ эту минуту также счастлива, какъ я.

— О, нѣтъ, гораздо счастливѣе!

— Счастливѣе меня! почему же?

— Потому что я думаю о васъ, а вы, можетъ-быть, думаете о самомъ себѣ.

Это было въ субботу, а съ нѣкотораго времени Мальтреверсъ каждую субботу вечеромъ получалъ мѣстную провинціальную газету. Это было единственное его средство сообщенія съ вѣнскимъ міромъ, и онъ всегда съ жадностью хваталъ листокъ и прочитывалъ его до конца. Графство, въ которомъ находилось помѣстье его отца, было смежно съ тѣмъ, въ которомъ онъ жилъ самъ, а газета заключала въ своихъ сжатыхъ столбцахъ извѣстія обоихъ графствъ. Эрнестъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ родныхъ, и у него отлегалось отъ души, совѣсть его успокоивалась, когда онъ читалъ отъ времени до времени: у мистра Мальтреверса было многочисленное собраніе дру-

зей и знакомыхъ въ его прекрасномъ помѣстьѣ Лайлькортъ ; или : мистръ Мальтреверсъ въ такой-то день охотился съ многочисленнымъ обществомъ за лисицами ; или : мистръ Мальтреверсъ, съ обычною своею щедростью, пожертвовалъ двадцать гиней на постройку новой темницы. Такъ и на этотъ разъ, Мальтреверсъ, увидѣвъ подлѣ самовара съ такимъ нетерпѣвнымъ ожиданнымъ листокъ, поспѣшнѣ вынулъ его изъ куверта и взглянулъ на столбецъ, посвященный тому графству. Первые слова, поразившія его взоры, были слѣдующія :

Опасная болѣзнь мистра Мальтреверса.

«Мы получили прискорбное извѣстіе, что этотъ почтенный и образованный помѣщикъ опасно захворалъ въ прошлую среду. Докторъ***, который былъ немедленно призванъ, объявилъ, что болѣзнь его кодагра желудка ; первые лондонскіе врачи приглашены пользоваться больнаго.

А въскольکو строкъ далѣе :

«Намъ вѣстуетъ изъ Лайлькорта, что почтенному владельцу этого помѣстья гораздо хуже ; врачи имѣютъ мало надежды спасти его. Капитанъ Мальтреверсъ, его старшій сынъ и наследникъ, находится въ Лайлькортъ. Нарочный посланъ для отысканія втораго его сына, мистра Эрнеста Мальтреверса. Полагаютъ, что онъ, послѣ долговременнаго путешествія, долженъ быть въ настоящее время въ Парижѣ».

Листокъ выпалъ изъ рукъ Эрнеста ; онъ тяжело опустился въ кресла и закрылъ лицо руками.

Алиція подбѣжала къ нему ; онъ поднялъ на нее глаза и встрѣтилъ ея испуганный взоръ. — О Алиція, Алиція, вскричалъ онъ, до какихъ угрызений совѣсти ты довела меня!

Съ этими словами онъ вскочилъ и поспѣшнѣ вышелъ изъ комнаты.

Скоро весь домъ Эрнеста пришелъ въ движеніе. Садовникъ, всегда возвращавшійся къ ужину, былъ посланъ въ городъ за лошадью. Служанка Эрнеста была въ отчаяніи, бѣсилась на неисправность прачки и

укладывала бѣлье своего господина. Эрнестъ заперся въ своей комнатѣ. Бѣдная Алиція!

Черезъ двадцать минутъ, почтовая карета была уже у подъезда. Эрнестъ блѣдный какъ мертвецъ, пришелъ къ Алиціи. Она сидѣла на полу и держала въ рукахъ роковой листокъ, но тщетно искала, что могло такъ сильно поразить Мальтреверса; она не знала настоящаго его имени, и потому грозная статья не могла обратитъ на себя ея вниманія.

Эрнестъ взялъ газету, чтобы еще разъ прочесть статью и убѣдиться, не просмотрѣлъ ли онъ, въ своемъ волненіи, нѣсколькихъ словъ надежды, утѣшенія. Алиція бросилась къ нему и прижалась головкою къ его груди.

— Не плачь, Алиція, сказалъ онъ, довольно съ меня и моего горя. Отецъ мой при смерти, отецъ, который былъ всегда ко мнѣ такъ добръ, такъ снисходителенъ! О, да проститъ меня Богъ!... Успокойся, мой другъ, успокойся; дня черезъ два, много три, получишь ты отъ меня извѣстіе.

Онъ простился съ нею. Онъ спыналъ вѣхать. Она слышала, какъ колеса застучали по камню; побѣжала къ окну; но Мальтреверса было уже не видно. Онъ опустилъ шторы и забился въ уголъ кареты, чтобы на свободѣ предаться своему горю. Еще минута, и самая карета исчезла, и передъ бѣдною Алиціею остались только цвѣты, лужайка, освѣщенная луною, фонтанъ и скамья, на которой они за полчаса такъ спокойно наслаждались природою. О, сколько разъ Алиція вспоминала, что послѣдніе слова его были произнесены совсемъ не тѣмъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ съ нею прежде.

IX.

Ты ждешь отъ меня слезъ и жгучей скорби, о мой возлюбленный отецъ; природа и сыновья любовь, обильно воздадутъ тебѣ эту дань.

Максимъ.

Уже была поздняя ночь, когда карета Мальтреверса остановилась передъ воротами парка. Нѣсколько минутъ, прошедшія прежде тѣмъ

мужикъ, исправлявшій должность сторожа и дворника, проснулся изъ глубокаго сна здоровья и труда, показались Эрнесту цѣлымъ въкомъ.

— Что отецъ ? вскричалъ онъ, когда ворота заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ ; лучше ли ему ? живъ ли еще ?

— Да благословить Богъ ваше доброе сердце, сэръ ; барину вышче вѣчеромъ было полегче.

— Благодарю тебя, Господи ! — Пошелъ ящикъ, скорѣе.

И лошади, едва успѣвшія перевести дыханіе, помчались опять по аллеѣ, извивавшейся между вѣковыхъ деревьевъ. Лучи луны играли на зеленыхъ полянахъ ; встревоженные жители роши пробуждались на деревьяхъ и смотрѣли съ удивленіемъ на поздняго постьтителя.

Прекрасенъ и величественъ, въ своей полусельской, полудикой простотѣ видъ стариннаго англійскаго парка въ полночь, при свѣтѣ луны, съ своими рощами и лощинами, своими холмами и полянами, поросшими мохомъ и верескомъ, съ своими вѣковыми деревьями, пережившими, можетъ-быть, рожденіе и смерть цѣлой сотни поколѣній. Это послѣдніе грустные остатки нормандскаго рыцарства, уцѣлвшіе среди веселыхъ ландшафтовъ воздѣланной Англій. На человека, которому не совсѣмъ чуждъ вѣкъ, который они напоминаютъ, они производятъ такое же впечатлѣніе, какъ видъ древняго священнаго зданія. Величественны эти лѣса съ своими таинственными простѣками, съ колоннадами изъ министыхъ стволовъ, съ густою зеленою. Въ другое время это мрачное величіе показалось бы Эрнесту во сто разъ лучше открытыхъ, обработанныхъ равнинъ нашего времени ; но теперь эти густыя тѣни наводили на него уныніе ; ему казалось будто надъ ними витала смерть, и въ каждомъ шелестѣ вѣтра слышался ему ея зловѣщій стонъ.

Карета опять остановилась у подъезда. Въ окнахъ нижняго этажа господскаго дома яркіе огни безпрестанно переходили съ одного мѣста на другое ; только одинъ огонекъ, въ верхнемъ этажѣ, стоялъ неподвижно и разливалъ блѣдный свѣтъ въ комнату больнаго. Раздался серебрястый звукъ колокольчика подъ густымъ плющемъ, обивавшемъ подъездъ, тяжелая дверь отворилась, и Мальтреверсъ ступилъ уже на порогъ отчаго дома. Отецъ его былъ живъ, ему стало лучше, и сынъ былъ въ объятіяхъ старика.

X

Прошло нѣсколько дней. Алиція была все одна, но она получила уже два письма отъ Мальтреверса. Письма его были коротки, и писаны наскоро. Въ первомъ онъ извѣщалъ ее, что отцу его было легче, и что оставалась еще нѣкоторая надежда спасти его; во второмъ, что врачи не думали, чтобы онъ могъ прожить еще недѣлю. Это были первыя письма, которыя Алиція получала отъ него. Эти первыя письма составляютъ всегда памятное событіе въ жизни молодой дѣвушки; но въ жизни Алиціи онъ были печальнымъ событіемъ. Эрнестъ не просилъ ее писать къ нему. Въ-самомъ-дѣлѣ онъ никакъ не могъ рѣшиться открыть ей свое имя въ настоящихъ обстоятельствахъ и не хотѣлъ получать тайныхъ писемъ подъ кровомъ умирающаго отца. Онъ могъ бы дать вымышленный адресъ, въ какую-нибудь сосѣднюю почтовую контору; но ему пришлось бы ходить за письмами, и для того покидать на нѣсколько часовъ изголовье больного; это было невозможно. Онъ не объяснилъ Алиціи этихъ затрудненій.

Сначала ей показалось страннымъ, что онъ не желалъ имѣть извѣстій отъ нея; но она была очень смиренна; что такое могла бы она писать ему, чѣмъ стоило бы беспокоить его въ такое время? Но какъ онъ добръ, что писалъ къ ней! какъ драгоценны были ей эти письма, хотя она проливала надъ ними очень горькія слезы! онъ былъ такъ коротки, такъ печальны! Выраженіе *милая Алиція*, которое было такъ нѣжно, когда онъ произносилъ его своимъ выразительнымъ голосомъ, казалось ей холоднымъ на этой мертвой бумагѣ. Еслибъ она знала, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ онъ, и то было бы ей нѣкоторымъ утѣшеніемъ; но она знала только, что онъ уѣхалъ въ глубокой горести, и хотя былъ отъ нея въ какихъ-нибудь тридцати миляхъ, однако же ей казалось, будто ихъ рѣдѣяло неизмѣримое пространство. Однако жъ она старалась ободряться и сокращать свои грустные дни, повторяя пѣсни, которыя

онъ особенно любилъ, читая въ книгахъ мѣста, которыя онъ ей отъ-мѣтилъ. Каждое утро деревья и кустарники украшались новою улыбкою весны. Конечно, придетъ еще время, когда они опять будутъ вмѣстѣ, и счастливы въ этомъ очаровательномъ убѣжищѣ! Алиція научилась жить въ будущемъ; но ея юное сердце не научилось еще не доверять единственному прогону этого будущаго, надеждъ.

Ухвативъ къ отцу, Эрнестъ не подумалъ, что у Алиціи не было денегъ. Нѣсколько дней спустя, онъ вспомнилъ объ этомъ, и предвидя, что отсутствіе его будетъ довольно продолжительно, поспѣшилъ исправить свою ошибку. Онъ зналъ, что нужно было заплатить нѣкоторые долги по хозяйству, за квартиру, и послалъ Алиціи банковый билетъ, написавъ ей, чтобы она послала служанку размѣнять его и уплатила всѣ мелкіе долги. Она тотчасъ исполнила это; въ тотъ же вечеръ, служанка возвратилась къ ней съ деньгами, совершенно разстроенная и напуганная. Она была блѣдна, какъ полотно, и дрожала какъ листъ; ее, по собственному ея выраженію, такъ ужасно пришибло, что и сказать нельзя.

— Чѣмъ это, мистрисъ Джонсъ? Не получила ли ты вѣсть о немъ... о твоёмъ господинѣ?

— Господь съ вами, мисъ! откуда мнѣ получать о немъ вѣсти? Совсѣмъ другое, — какъ бы только не напугать васъ! Однако же надо сказать; вотъ въ чемъ дѣло: говорятъ о двухъ ужасныхъ кражахъ, случившихся здѣсь по сосѣдству.

— И только? тутъ еще нечего такъ пугаться?

— Не говорите, мисъ, что нечего пугаться. Легкое ли дѣло двумъ женщинамъ быть однимъ въ домѣ, какъ мы? и окна-то вровень съ землею, и почти не затворяются. Вотъ какъ это было. Я была у Гарриса, въ овощной лавкѣ, чтобы размѣнять банковый билетъ, и какъ разъ въ то время какъ бѣдный народъ закупалъ водку на завтрашній день — (это было въ субботу вечеромъ, вторую субботу послѣ Эрнестова отъезда, съ котораго Алиція вела счетъ времени); — и всѣ въ лавкѣ толковали о покражахъ прошлой ночи. Вотъ видите ли, мисъ, воры привязали старуху Бетти, — вѣдь вы знаете старуху Бетти? препожтенная женщина, много потерпѣла несчастій въ жизни, и заходитъ ко мнѣ каждую недѣлю на чашку чаю; — такъ вотъ, мисъ, привязали — рассказывать даже страшно, — привязали ее,

старуху, къ кровати, да не одѣтую, просто въ рубашкѣ, какъ вытаскивали съ постели. И въ то самое время, мнѣ, какъ Гаррисъ отсчитывалъ мнѣ деньги, — да пересчитайте, мнѣ, всѣ ли тутъ? — пока онъ отсчитывалъ деньги, и я попросила, чтобы мнѣ поднесли рюмочку, какъ слѣдуетъ, вижу вдругъ, стоитъ противъ меня огромный и здоровый мужчина, и съ такимъ страшнымъ лицомъ, и смотритъ на деньги такими глазами, какъ бы хотѣлъ ихъ тутъ же схватить и унести. Я скорѣе припрятала деньги и пошла домой. Но повѣрите ли, мнѣ, какъ я вошла въ маленькую аллею, что ведётъ къ калиткѣ, да какъ-то нечаянно оборотилась назадъ, вижу, бѣжитъ за мной тотъ же страшный мужчина какъ сумасшедшій! Я какъ вскрикну, да такъ громко, что маленький Доббингъ, гнавшій домой свою корову, выскочилъ черезъ заборъ, да и корова тутъ же выставила черезъ заборъ свои рога. Злодѣй остановился, и я поскорѣе отворила калитку, да и вотъ. Ну разсудите сами; чего добраго, еще натъ съ вами здѣсь обокрадутъ, пожалуй и зарѣжутъ!

Алиція едва выслушала половину этой рѣчи; но то, что она изъ нея поняла, не произвело большаго впечатлѣнія на ея мужественное сердце; гораздо болѣе обезпокоилъ ее шумъ, который подняла мистрисъ Джонсъ, забывая и заставляя окна и двери всѣмъ, что нашлось въ домѣ годнаго для отпора нападенія. Это приведеніе дома въ оборонительное положеніе продолжалось часа два.

Наконецъ спокойствіе возстановилось, мистрисъ Джонсъ улеглась и забыла свой страхъ въ объятіяхъ сна. Алиція пошла тихонько наверхъ, въ свою комнату, раздѣлась, помолилась, поплакала, и съ слезами на глазахъ стала думать объ Эрнестѣ. Было уже давно за полночь; часы внизу пробили часъ, но никто не обратилъ вниманія на эготъ ударъ. Мелкій дождь накрапывалъ на цвѣты, густыя тучи быстро тянулись со всѣхъ концовъ неба.

Въ это время, за тонкими ставнями гостиной послышался глухой, продолжительный, мѣрный шорохъ, похожій на взаимное треніе двухъ твердыхъ предметовъ; этому шороху предшествовалъ другой, рѣзкій, но очень тихій, какъ бы стекло падало въ дребезги на песокъ. Черезъ нѣсколько времени шумъ умолкъ, и въ ту же минуту полузакрытый свѣтъ фонаря ударилъ въ потолокъ. Еще минута, и два человека были въ комнатѣ.

— Тшь! шепнулъ одинъ; открой фонарь, и осмотришь вокругъ себя.

Глухой фонарь былъ открытъ, но ничего не указалъ ворами такого, что могло бы удовлетворить ихъ корыстолюбію. Книжки, ноты, стулья, столъ, коверъ, каминный приборъ; все это могло быть очень высоко оценено въ описи мебели, но не имѣло рѣшительно никакой цѣны въ глазахъ двухъ воровъ. Они дружно прошептали ужасное проклятіе.

— Джакъ, сказалъ первый, прежде всего надо пронюхать, гдѣ лежатъ серебро, а потомъ деньги. У старой двки тридцать золотыхъ, да сверхъ того еще не мало мелкихъ.

Товарищъ его знаками одобрилъ предложеніе; фонарь былъ опять заслоненъ вполонину, и воры вышли изъ комнаты мърнымъ, украдчивымъ шагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ раздающій вопль разбудилъ Алицію. Она вздрогнула; но опять послѣдовало глубокое молчаніе, и она разсудила, что ей это приснилось. Сердце ея билось съ чрезвычайною силою, но мало-по-малу оно улеглось и возвратилось къ обычному движенію. Однако же она встала, потому что жалость дѣйствовала на нее сильнѣе страха; она подумала, что мистрисъ Джонсъ, вѣроятно, вдругъ не поздоровилось, и хотѣла сойти къ ней. Съ этою мыслью она поспѣшно накинула на себя платье; въ то же мгновеніе она ясно разслышала въ другой комнатѣ тяжелые шаги и незнакомый голосъ. На этотъ разъ ея не на шутку овладѣлъ страхъ. Первою ея мыслью было бѣжать изъ дому; второю — запереть дверь на задвижку и звать на помощь. Но кто услышалъ бы ея крикъ? Колеблясь между этими двумя средствами, блѣдная, трепещущая, сидѣла она въ ногахъ своей постели, какъ вдругъ яркая полоса свѣту проникла въ ея комнату, черезъ щель въ двери, и прежде чѣмъ она успѣла оглянуться, сильная рука схватила ее.

— Полно, моя голубушка, не пугайся; мы не хотимъ сдѣлать тебѣ никакого зла; скажи намъ только, гдѣ у тебя хранится золотая пыль, деньги? старая колдунья клянется, что онъ у тебя. Подавай ихъ сюда, что имъ прятаться отъ свѣту!

— Сжальтесь, сжальтесь!... Джонъ Вальтерсъ, это вы?

— Проклятіе! прокричалъ злодѣй, заскрежетавъ зубами и отступивъ не твердымъ шагомъ. — Такъ ты меня знаешь? но не безпокойся, голубушка, не донесешь на меня! мы примемъ свои мѣры!

Съ этими словами, онъ опять схватилъ ее, крѣпко сжалъ одною рукою. Въ то самое мгновеніе явился въ комнату его товарищъ, оставшійся до-тѣхъ-порѣ внизу, чтобы держать въ страхъ старуху. Онъ слышалъ восклицаніе Алиція и угрозу Вальтерса, бросился къ кровати, и оттолкнулъ его въ другой конецъ комнаты, говоря :

— Съ ума ты, что ли, сошелъ, Вальтерсъ! развѣ не узнаешь ее? это Алиція, моя воспитанница!

Между-тѣмъ Алиція встала на ноги; взоры ея съ ужасомъ остановились на отвратительныхъ чертахъ ея избавителя.

— О Боже!... Дарвиль! простовала она и повалилась безъ чувствъ на полъ.

— Воспитанница или нѣтъ, заревѣлъ Джопъ Вальтерсъ, а я не хочу, чтобы жизнь моя была въ рукахъ этой дѣвки. Вспомни, какъ перепугала она насъ, когда ты съ горяча прогналъ ее, не воображая, что она можетъ не воротиться.

Дарвиль задумался. Между-тѣмъ какъ онъ стоялъ неподвижно, въ сильномъ волненіи, сообщникъ его подкрался къ дѣвушкѣ съ такимъ свирѣпымъ, такимъ кровожаднымъ взглядомъ, что самъ Дарвиль не могъ смотрѣть на него безъ содроганія.

— Ты правъ, сказалъ онъ наконецъ, она не должна оставаться здѣсь. Мы покинемъ этотъ край; фура у насъ закрытая; я имѣю право взять ее съ собою, какъ свою воспитанницу; она поѣдетъ съ нами. Прежде всего соберемъ деньги, вотъ онъ на столъ; серебро у тебя, — отправимся.

И въ то же время Дарвиль взялъ Алицію на руки, накинулъ на нее платокъ и салонъ, случившіеся подъ рукою, и поспѣшно вынесъ ее изъ дому.

Когда Алиція почувствовалась, первые лучи солнца начинали освѣщать вершины дикихъ холмовъ. Она лежала на соломѣ и чувствовала тряску тяжелой фуры по неровной, каменистой почвѣ, а подлѣ себя увидѣла мрачное лицо своего грознаго покровителя.

XI.

Взоръ его мысленно созерцаетъ ее; онъ видитъ образъ, который не суждено ему болѣе увидѣть... Она явилась ему и исчезла, какъ мечта, между тѣмъ какъ свѣтлый ручей рѣзво журчитъ у его ногъ.

Элиотъ.

Три недѣли спустя послѣ страшной ночи, описанной въ предъидущей главѣ, почтовая карета опять остановилась передъ хижиною. Все ставни были затворены, и никто не откликнулся на многократный зовъ ящика. Мальтреверсъ, изумленный, встревоженный, вышелъ самъ; онъ былъ въ глубокомъ траурѣ. Онъ съ безпокойствомъ побѣжалъ къ заднему входу, но и тамъ было заперто, и окна гостиной, которыя всегда, даже зимою, оставались полуотворенными, и тѣ были затворены. Онъ закричалъ голосомъ, дрожащимъ отъ страху: — Алиція, Алиція! — Но нѣжный голосъ ея не откликнулся; не дошли до него заглушенные радостью звуки этого милаго голоса; не вышла она ему на встрѣчу шагомъ легкимъ, какъ поступь сильфиды. Однако же онъ увидѣлъ садовника, который проходилъ въ это время черезъ лугъ. Разсказъ былъ не дологъ; домъ былъ разграбленъ; однажды утромъ нашли старуху привязанную къ кровати, а Алиція пропала. Объ этомъ происшествіи было немедленно объявлено мѣстнымъ властямъ, и имѣлось сильное подозрѣніе на бѣглянку. Никто, не исключая самой служанки, не зналъ ни кто она, ни откуда. Весьма естественно, что Мальтреверсъ настрого запретилъ Алиціи открывать эту тайну, кому бы то ни было; а сама она слишкомъ боялась попасть опять въ руки Дарвила, чтобы послушаться этого приказанія. Известно было, однако же, что она явилась въ домъ въ крестьянскомъ платьѣ и почти нищею; а такіе случаи бывають зачастую, что особы нѣкотораго класса убѣгаютъ отъ своихъ покровителей, и уносить по недосмотру все ихъ добро. Чего было ждать добраго отъ

такой особы, какую могли считать Алицію! Судья многозначительно улыбнулся, а констебли расхохотались. Славную штуку сыграла съ молодцом! Немудрено и то, что мѣстное начальство, не видя никакого ходатайства со стороны Мальтреверса, и не зная даже гдѣ искать его, да и полагая притомъ, что ему едва ли будетъ охота начать такое дѣло, вело свои разыски довольно вяло. Но за ночь передъ тѣмъ, были ограблены другіе два дома, а икъ хозяева усиленнѣе хлопотали объ отысканіи виновныхъ. Подозрѣніе пало на одного человека, пользовавшагося очень недоброю славою, по имени Джона Вальтерса; онъ скрылся изъ края. Незадолго передъ тѣмъ часто видали его съ однимъ отъявленнымъ пьяницею и негодяемъ, о которомъ носился слухъ, что онъ когда-то жилъ въ довольствѣ, былъ отличнымъ работникомъ, и зарабатывалъ хорошія деньги, но потомъ такъ испился, что ни одинъ хозяинъ не хотѣлъ болѣе держать его. Въ послѣдствіи былъ онъ обвиненъ въ сообщничествѣ съ шайкою дѣлателей фальшивой монеты и ушелъ отъ висѣлицы только по недостатку явныхъ уликъ. Этотъ человекъ былъ Лука Дарвилъ. Тотчасъ былъ сдѣланъ полицейскій осмотръ въ его домъ; но Дарвилъ также успѣлъ скрыться, его нигдѣ не могли отыскать. Слѣды фуры, замѣченные у дома Мальтреверса, дали слабое указаніе къ преслѣдованію виновныхъ, а черезъ нѣсколько дней было дознано, что два человека, которыхъ, по примѣтамъ ихъ, можно было признать за отыскиваемыхъ воровъ, останавливались въ одной бѣдной кѣрчмѣ на берегу моря, известной за притонъ контрабандистовъ. Но тутъ и слѣдъ прѣсѣкъ.

Мальтреверсъ съ удивленіемъ выслушалъ всѣ эти подробности, переданныя ему словоохотнымъ садовникомъ, который не ожидалъ разспросовъ, радъ былъ дать волю своему языку и выболтать все, что ему было известно. Имя Дарвила открыло Мальтреверсу то, что было загадкою для другихъ. И на Алицію пало подозрѣніе въ такомъ гнусномъ злодѣйствѣ! Ни ея затворническая жизнь, ни его покровительство ей не могло удалить отъ бѣдвяжки злобной клеветы, отъ которой онъ надѣялся защитить ее на всю жизнь! Но самъ онъ, раздвѣляя ли тоже общее подозрѣніе? Нѣтъ, онъ имѣлъ слишкомъ возвышенную душу и слишкомъ свѣтлый умъ.

Старуха, которая послѣ той страшной ночи клялась, что часу не пробудеть въ домъ послѣ такого переполоху, приближала, какъ скоро

до нее донеслась вѣсть, что Мальтреверсъ возвратился и подошла въ то самое время, какъ онъ сердился на садовника за его глупыя предположенія объ Алиціи.

— По двомъ ему, сэръ, онъ это заслужилъ. Я сама всегда твердила ему тоже. Чтобы ей, бѣдняжкѣ, ограбить домъ, да бѣжать! вѣтъ, это невозможно, я положу руку въ огонь, что они ее убили и искрошили тѣло ея въ куски.

Мальтреверсъ задыхался. Не говоря ни слова, онъ сѣлъ въ карету и поехалъ къ судѣ. Этотъ судья былъ человѣкъ умный, добрый и честный. Эрнестъ открылъ ему кто была Алиція, и онъ согласился съ нимъ, что дѣвушка, по всемъ вѣроятностямъ, была узлана и увезена Дарвилемъ. Сдѣланы новые розыски, на которые Мальтреверсъ не жалелъ денегъ и самъ давалъ наставленія сыщикамъ. Но всѣ эти розыски привели къ прежнимъ результатамъ, и даже ни на шагъ. Однако же, по описанію лица, одежды, глубокой горести молодой женщины, сопровождавшей подозрѣваемыхъ людей, онъ убѣдился, что Алиція жива, и возымѣлъ надежду, что она опять успеетъ вырваться изъ рукъ злодѣевъ и возвратится сюда. Въ этой надеждѣ онъ не думалъ, мыслилъ жилъ въ этомъ краю; но время шло, а объ ней не было ни слуху, ни духу. Наконецъ онъ принужденъ былъ оставить это печальное гетеръ для него мѣсто. Но онъ приобрѣлъ въ почтенномъ судѣ ревностнаго и преданнаго друга, который обѣщалъ сообщать ему немедленно все, чтѣ ему удастся узнать объ Алиціи или о Дарвилѣ. Мистрисъ Джонсъ, которая одна противъ всѣхъ защищала доброе имя Алиціи, Мальтреверсъ наградила порядочною суммою денегъ, съ которою она могла жить въ довольствѣ. Онъ обѣщалъ богатую награду за малѣйшее свѣдѣніе о несчастной, и убитый горестію и униженіемъ, повиновался третьему приглашенію добраго друга своего отца, на попеченіе котораго онъ былъ порученъ съ самаго дѣтства.

XII.

Конечно есть поэты, которые никогда не мечтали о Парнасе.

Дурасъ.

Мистръ Фредерикъ Кливлендъ, былъ младшій сынъ лорда Бирнгема и, следовательно, принадлежавшій къ аристократіи. Ему было около сорока-трехъ лтъ; онъ былъ литераторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ человекъ свѣтскій. Получивъ прекрасное образованіе и имѣя отъ природы довольно замѣчательныя способности, онъ въ молодости мечталъ о литературной славѣ; писалъ легко и правильно; но успѣхъ, un succès d'estime, какъ говорятъ Французы, не оправдалъ его ожиданій. Въ публикѣ, не смотря на ратованія критиковъ, преобладала новая литературная школа, несколько не похожая на ту школу, въ которой Кливлендъ образовалъ свою плавную, округленную, холодную рѣчь. Рассказываютъ объ одномъ вельможѣ, сколько могу припомнить о графѣ Норвичскомъ, что онъ при дворѣ Карла-Перваго считался первымъ умникомъ и остроумцемъ, а царедворцы Карла-Второго находили его слишкомъ глупымъ даже для того, чтобы онъ могъ служить предметомъ ихъ остротъ; такъ точно литературный чеканъ одного вѣка совершенно теряетъ свою цѣну въ глазахъ слѣдующаго вѣка, и произведенія, носившія на себѣ печать старины, считаются годными только для кабинета ученаго или библіографа. Кливленду никакъ не удавалось попасть въ разрядъ любимыхъ публикою писателей, не смотря на то, что друзья и знакомые расточали ему похвалы, журналы благоговѣли передъ нимъ, а знатныя дамы и любители литературы считали долгомъ покупать каждый томъ его мѣрной прозы и гладкихъ стиховъ, чтобы переплестъ его въ роскошный переплетъ и поставить на самомъ видномъ мѣстѣ своей библіотеки. Но Кливлендъ принадлежалъ къ хорошей фамиліи и былъ довольно богатъ, обладалъ въ высшей степени всеми тонкостями свѣтской жизни, бесѣдовалъ пріятно и изящно, отличался столько же

кроткимъ и любезнымъ нравомъ; какъ и образованностью. При этихъ условіяхъ не удивительно, что онъ сдѣлался кумиромъ общества; всѣ искренно любили и уважали его. Если у него не было выпренняго ума, то взамѣнъ было много здраваго смысла; онъ не далъ озлобиться своему кроткому и обходительному нраву, не далъ очерствѣть своему любящему сердцу въ погоню за пустымъ призракомъ. Довольствуясь тѣмъ, что снискалъ славу почтеннаго и умнаго чловѣка, онъ оставилъ мечту о болѣе высокой славѣ, которой онъ ясно видѣлъ, что ему не достигнуть ни при какихъ усиліяхъ; онъ не жаловался на свѣтъ, не косился на него за свои неудачи, хотя въ глубинѣ души осуждалъ его непостоянство въ дѣлѣ литературы. Онъ былъ холостъ и жилъ попеременно то въ Лондонѣ, то въ Темплгровѣ, прелестной виллѣ близъ Ричмонда. Тутъ, окруженный превосходною бібліотекою, великолѣпнымъ садомъ и паркомъ, преданными друзьями, которые любили его и уважали его умъ, и въ числѣ которыхъ были всѣ замѣчательнѣйшіе и образованнѣйшіе члены такъ называемаго хорошаго общества, онъ жилъ гораздо спокойнѣе и счастливѣе, можетъ быть, чѣмъ если бы мечты его юности осуществились и судьба бросила его на бурное и трудное поприще литературы.

Впрочемъ, если природа и не одарила Кливленда особенно глубокимъ творческимъ умомъ, однако же онъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ несравненно выше бѣльшей части писателей своего сословія. Отказавшись отъ этого поприща, онъ съ тѣмъ бѣльшимъ рвеніемъ принялся за изученіе мыслей и образцовыхъ твореній другихъ. До-тѣхъ-поръ онъ былъ только образованнымъ чловѣкомъ, тутъ онъ сдѣлался искренно ученымъ. Къ прежнимъ его свѣдѣніямъ присоединились науки, требующія размышленія, и придали болѣе отчетливости, обширности и возвышенности уму, который безъ того могъ бы сдѣлаться нѣсколько поверхностнымъ, мелочнымъ и изнѣженнымъ. Постоянная жизнь въ обществѣ и прямое, но не злобное сужденіе, дѣлали Кливленда самымъ совершеннымъ судьей всѣмъ тѣмъ необъяснимымъ мелочамъ, тѣмъ пустякамъ, которыхъ совокупность составляетъ знаніе большаго свѣта. Я говорю большаго свѣта, потому что Кливлендъ имѣлъ очень недостаточное понятіе о свѣтѣ, существующемъ внѣ предѣловъ той сферы, въ которой движутся великіе

мира; но онъ глубоко изучилъ все, что относится къ этой высокой сферѣ. Почитатели его имѣли заманку сравнивать его съ Горасомъ Вальполемъ. Однако же, если въ некоторыхъ наружныхъ чертахъ его характера и было сходство съ этимъ автораторомъ-дипломатомъ и царедворцемъ, то во всякомъ случаѣ, въ Кливлендѣ не было той тонкости ума, но зато было болѣе душевной доброты.

Покойный мистръ Мальтреверсъ, самъ человекъ мало ученый, но зато питавшій безграничное уваженіе къ учености, былъ образецъ добраго помѣщика, водившагося съ короннымъ обществомъ и усвоившаго себѣ его локсъ, гостепримнаго и щедраго. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ друзей Кливленда, который состоялъ подъ его покровительствомъ въ Итонъ, а потомъ, при первомъ вступленіи своемъ въ свѣтъ встрѣтилъ своего школьнаго товарища Галя Мальтреверса уже драматургомъ Генри Мальтреверсомъ, постояннымъ посвѣтителемъ и любимцемъ клубовъ. Годъ или два они были неразлучны; когда же Мальтреверсъ, женившись и полюбивъ сельскую жизнь, нашелъ, что онъ будетъ гораздо болѣе значить въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, чѣмъ среди лондонской аристократіи, и поселился въ Лайлькортъ, другъ его Фредерикъ былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ и исправно пріѣзжалъ погостить у него два раза въ годъ. Мистрисъ Мальтреверсъ умерла, родивъ втораго сына, Эрнеста, и мужъ ея былъ такъ огорченъ, что не могъ почти видѣть невиннаго виновника этой тяжелой утраты. Кливлендъ былъ въ это время въ Лайлькортъ съ своею сестрою, леди Юлією Данверсъ; послѣдняя, сжалившись надъ шевиннымъ младенцемъ, вызвалась продержатъ его нѣсколько мѣсяцевъ у себя, съ своими дѣтьми. Предложеніе было принято, и маленькій Эрнестъ только черезъ два года возвратился подъ родительскій кровъ. Большую часть этого времени, то-есть, весь періодъ своего дѣтскаго развитія, Эрнестъ пробылъ въ домѣ колостика Кливленда. Сладостіемъ этого было, что Кливлендъ полюбилъ его какъ роднаго сына; первый лепетъ Эрнеста приветствовалъ его сладостнымъ именемъ отца, а когда малютку наконецъ отвезли въ Лайлькортъ, Кливлендъ привелъ всѣхъ нянекъ и мамокъ въ изумленіе такими совѣтами, наставленіями, приказаніями, угрозами и обещаніями, передъ которыми многія матери, слышущія необыкновенно заботливыйи, принуждены были признаться, что онъ и понятія не имѣютъ о материн-

своей заботливости. Это обстоятельство еще более скрѣпило старинную дружбу Мальтреверса и Кливленда, который сталъ уже прѣзжать въ Лайлькортъ не два раза, какъ прежде, а три раза въ годъ. Ничего не дѣлалось для Эрнеста, безъ предварительнаго совѣщанія съ Кливлендомъ; едва ли даже не потребовалось разрѣшенія его на то, чтобы снять съ ребенка длинный балахонъ и одѣть его въ панталончики и курточку. Кливлендъ выбралъ школу, въ которую слѣдовало отдать Эрнеста, самъ отвезъ его, и въ вакаціонное время бралъ его на недѣлю къ себѣ. Нашалили ли Эрнестъ въ школѣ, получалъ ли награду, изъявлялъ ли желаніе имѣть ту или другую книгу, первому доносилось объ этомъ Кливленду. Къ счастью, въ Эрнестъ рано начали показываться наклонности, сходившіяся съ юношескими наклонностями отставнаго литератора. Онъ имѣлъ рѣдкія способности и удивительную въ его лѣта охоту учиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ стало проявляться столько жизненной силы, столько смѣлости, твердости и силы воли, что Кливлендъ сталъ призадумываться; все это казалось ему несогласнымъ съ задумчивостью и угрюмою недоверчивостью невылупившагося еще генія, или съ мирнымъ трудолюбіемъ будущаго ученаго.

Между-тѣмъ взаимныя отношенія отца и сына были самыя странныя. Мистръ Мальтреверсъ успѣлъ мало-по-малу преодолѣть свое естественное враждебное чувство къ безвинному виновнику горестной утраты. Онъ даже гордился этимъ сыномъ, какъ гордился всѣмъ, что принадлежало ему. Онъ баловалъ, лелѣялъ его можетъ-быть еще болѣе Кливленда; но нисколько не мѣшался въ его воспитаніе. На Робертъ, старшемъ его сынѣ, сосредоточивались, если не все его сердце, то всѣ его попеченія; въ Робертъ видѣлъ онъ преемника своего имени и прадѣдовскихъ владѣній. Робертъ былъ человекъ далеко не выпреннаго ума, и не гонялся за нимъ; но онъ соединялъ въ себѣ все, что нужно, чтобы быть отличнымъ дворяниномъ, помѣщикомъ съ вѣсомъ. Отецъ понималъ Роберта, онъ могъ дать себѣ отчетъ въ его характерѣ, могъ предугадывать его будущее. Поэтому онъ ни минуты не колебался принять на себя заботу объ образованіи его ума и сердца. Съ Эрнестомъ онъ не посмѣлъ бы этого сдѣлать, потому что не понималъ ни характера, ни объема его способностей. Онъ чувствовалъ себя съ нимъ какъ-то неловко, и никогда не могъ

совершенно освободиться отъ того страннаго ощущенія, съ которымъ онъ принялъ своего сына изъ рукъ Кливленда, съ подробнымъ наставленіемъ о томъ, какъ пещись о здоровьи, о физическомъ благосостояніи и нравственномъ развитіи этого маленькаго человѣчка, который, можно было подумать, отдавался на руки не отцу, а чужому человѣку. Послѣ этого мистру Мальтреверсу какъ-то неволью казалось, что Кливлендъ имѣлъ такія же права на ребенка, какъ онъ самъ, и не считалъ себя даже въ-правѣ побранить Эрнеста, между-тѣмъ какъ съ Робертомъ, въ минуты вспыльчивости, онъ иногда забывался до того, что переходилъ мѣру приличія. Какъ бы то ни было, но чѣмъ болѣе меньшей сынъ подросталъ, тѣмъ очевиднѣе было, что Кливлендъ понималъ его лучше чѣмъ отецъ, и послѣдній съ удовольствіемъ сложилъ на своего друга отвѣтственность за окончательное воспитаніе юноши.

Можетъ-быть мистръ Мальтреверсъ былъ бы менѣе равнодушенъ на этотъ счетъ, еслибъ виды Эрнеста должны были ограничиваться одною законною долею младшаго сына; тогда онъ позаботился бы по крайней-мѣрѣ о приготовленіи его къ какому-нибудь званію. Но Эрнестъ наследовалъ послѣ матери помѣстье, дававшее четыре тысячи фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи былъ независимъ отъ отца. Мистръ Мальтреверсъ сталъ наконецъ смотреть на Эрнеста не какъ на сына, которому онъ долженъ былъ напутствовать въ жизни совѣтами, выговорами, наставленіями, а какъ на любезнаго молодаго человѣка, который, по счастливымъ обстоятельствамъ, предшествовавшимъ его рожденію, могъ сдѣлать честь своему семейству и удовлетворять свои прихоти изъ ежегоднаго дохода въ четыре тысячи фунтовъ.

ХІІІ.

Можете бесѣдовать съ музами въ прохладной тѣни рощъ, или любоваться цвѣтами, уборомъ юнаго года.

Томсонъ.

Домъ Кливленда былъ итальянская вилла, принаровленная къ климату Англій. Арка ювическаго ордена служила възводомъ въ имѣніе, занимавшее тридцать или сорокъ десятинъ, но такъ хорошо усаженные и такъ искусно расположенныя, что взорамъ гуляющаго, не ви-

длинный забора, пространство это казалось несравненно больше. Дорога шла через большую зеленую поляну, на которой мрачность ее маслистныхъ деревьевъ смягчалась кустарничками и цвѣтами, то собранными въ корзинахъ, переплетенныхъ вьющимися растеніями, то пышно красовались въ этрусскихъ вазахъ, разставленныхъ съ удивительнымъ вкусомъ именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дополняли гармонію цѣлага. Ни одинъ дубъ, обвитый плющемъ, ни одна скромная ива не выросли здѣсь, не получивъ отъ руки хозяина особеннаго характера, но въ то же время нигдѣ не видно было изысканности или слишкомъ щепетильнаго труда, недостатковъ, обыкновенно встрѣчающихся въ загородныхъ домахъ богатыхъ людей. Самый воздухъ принималъ почти другой ароматъ, смотря по различнымъ родамъ растеній, мимо которыхъ вы проходили; краски цвѣтовъ, цвѣтъ листьевъ на деревьяхъ измѣнялись при каждомъ поворотѣ большой аллеи. Наконецъ, когда, надъ небольшою площадкою, слегка склонявшеюся къ прозрачному озеру, являлся домъ, осыенный липами, каштановыми деревьями, и прислоненный задомъ къ небольшому холму, покрытому лѣсомъ, картина получала послѣдній штрихъ, штрихъ опредѣлявшій ее характеръ.

Домъ былъ не высокъ, но очень обширенъ. Вдоль всего фасада тянулся широкій портикъ, поддерживавшій крышу, а какъ подъ нимъ былъ довольно высокій фундаментъ, то онъ походилъ на крытую террасу. Прекрасныя лѣстницы, съ тяжелыми балюстрадами, на которыхъ разставлены были алоэ, апельсинныя и лимонныя деревья, вели къ большой полянѣ передъ домомъ, а между колонами стояли статуи, изображавшія древнихъ Римлянъ и рядкія, тропическія растенія. По другую сторону озера, на самомъ краю его, будто для контрасту съ пологостью противоположнаго берега, была большая терраса, украшенная по мѣстамъ изваяніями и вазами; съ нея, сквозь просѣки, шедшія черезъ весь паркъ, открывались вдаль живописныя ландшафты, среди которыхъ змѣялась величественная Темза.

Внутренняя отделка дома соответствовала его наружности. Въ главные покои, даже спальни, были расположены въ одномъ этажѣ. Отъ небольшой прихожей шло четыре комнаты подъ рядъ. Первая была столовая; плафонъ былъ копія съ картины Гвидо Рени «Часы»; во стѣнамъ, вмѣсто обоевъ красовались очень недурные пейзажи, работы

самого хозяина. Одно скульптурное превращение, Фавнъ, играющій на свистѣ, стояло въ углубленіи большого круглаго окна, и резко выделялось на прозрачномъ стеклѣ; пыльные занавѣсы, оранжевые и малиновые, бросали на него отливъ, подходящій къ цвѣту живаго тела. За стекломъ была небольшая картинная галлерей; тутъ не встрѣтили бы вы тѣхъ бессмертныхъ сокровищъ, которыя обнаруживаютъ государи, потому что состояніе Кливленда только при благоразумной экономіи могло хватить на удовлетвореніе его утонченныхъ прихотей. Но все обранныя здѣсь картины имѣли другой интересъ, и были доступны любителю съ неслишкомъ громадными средствами. Это было собраніе портретовъ, частью въ оригиналахъ, частью въ копіяхъ, иногда лучше самихъ оригиналовъ, любимыхъ писателей Кливленда. Посрединѣ, на почетномъ мѣстѣ, будто царь надъ всеми остальными, было задумчивое, истощенное лицо Попе; это одно могло уже дать полное понятіе о характерѣ и направленіи хозяина. Эта комната служила и прихажею къ библиотекѣ, самой обширной и богатой комнатѣ въ домѣ. Она имѣла футовъ шестьдесятъ въ длину. Шкапы изъ розоваго дерева съ золотою резьбою, на которыхъ стояли бронзовые бюсты, были отдѣлены зеркалами, которые издали казались другими галереями, примыкавшими къ этой, какъ къ главной, и придавали ей такую то легкость и воздушность. Окна соответствовали этимъ прожектрамъ; они выходили на перистиль, и изъ нихъ видны были цвѣты, статуи террасъ и озеро, и все это представлялось въ такомъ очаровательномъ видѣ, что казалось, будто передъ вами одна изъ новѣйшихъ римскихъ виллъ; а золотистый полусвѣтъ, разлитый на все отъ густаго и темнаго цвѣта занавѣсовъ и отъ матовыхъ верхнихъ стеколъ, довершалъ оптическій обманъ.

Кливлендъ особенно любилъ скульптуру, и понималъ какъ не много, движеніе, сообщенное этому искусству въ послѣдніе полустолѣтія во всей Европѣ, и особенно въ Англии. Онъ даже способенъ былъ утверждать, что Флакманъ выше Кановы, и можетъ-быть былъ не совсемъ не правъ. Онъ любилъ скульптуру не только ради собственной ея красоты, но и ради той чудной, возвышенной жизни, которую она разливаєтъ повсюду, гдѣ допущены ея произведенія.

— По моему, говорилъ онъ, это большая ошибка противъ эстетическаго вкуса, ставить статуи длинными, однообразными рядами.

Одинъ барельефъ, одна статуя, одинъ бюстъ, прилично поставленныя въ небольшой жилой комнатѣ, восхищаютъ во сто разъ болѣе; чѣмъ огромные музеи, въ которыхъ статуи нагромождены одна на другую, въ безпорядкѣ, въ балахъ, куда ходишь только изъ любопытства, и гдѣ дрожешь отъ холоду. Сверхъ-того, это обыкновенное, прославляемое столь многими, имѣетъ еще ту новыюду, что удаляется отъ искусства вниманіе и покровительство публики. Въ большомъ городѣ едва найдется десятокъ людей, живущихъ достаточными средствами, завести большую галерею; между-тѣмъ каждый зажиточный человѣкъ можетъ купить статую или бюстъ. А постоянно созерцаніе произведеній скульптуры, единственныхъ предметовъ, созданныхъ изъ тѣлннхъ матеріаловъ, которые не подвержены разрушительному дѣйствію времени, должно имѣть сильное вліяніе на образованіе ума. Изучая то, что дошло до насъ отъ греческой скульптуры, мы нечувствительно знакомимся съ характеромъ, нравами и литературою древнихъ Грековъ. Этотъ Аристидъ, этотъ геній смерти, этотъ дивный обломокъ Психеи, лучшіе комментаріи, чѣмъ тысячи Саллигеровъ.

— Читая Эсхила, заглядывали ли вы иногда въ латинскій переводъ? спрашивалъ Кливленда одинъ ученый.

— Вотъ мой латинскій переводъ, отвѣчалъ Кливлендъ, указывая на группу Лаокоона.

Къ библиотекъ примыкала, все по той же линіи, длинная стеклянная галерея, оканчивавшаяся круглымъ летнимъ павильономъ, который, благодаря крутому повороту озера, находился почти надъ самою водою, и котораго тонкія колонны и куполъ были такъ легки и воздушны, что издали казалось, будто онъ висѣлъ на воздухѣ. Изъ библиотекъ же, другая дверь отворялась въ корридоръ, который велъ въ спальни; первая дверь по корридору вела въ кабинетъ Кливленда, имѣвшій внутреннее сообщеніе съ его уборною и свальнею, всѣ остальные комнаты были назначены его друзьямъ, и имена ихъ были написаны надъ дверьми.

Министръ Кливлендъ былъ уже предупрежденъ нѣсколькими строчками о скоромъ пріѣздѣ своего питомца, и вышелъ къ нему на встрѣчу съ ласковою улыбкою, хотя глаза его были влажны и губы дро-

шли; Эрнестъ былъ вылитый портретъ своего отца! Для Кливленда начиналось новое поколѣніе.

— Добро пожаловать, любезный Эрнестъ, сказалъ онъ; я такъ радъ видѣть тебя, что не стану бранить за твое отсутствіе. Вотъ твоя комната; видишь, и имя твое написано на дверяхъ. Она побольше той комнаты, которую ты занималъ прежде, но и ты самъ теперь уже не юноша, а взрослый человекъ. Вотъ мѣсто для твоего Шиллера и трубки. Прескверная вещь, трубка; но пожалуй, что не хуже Шиллера. Ты видишь, что отъ тебя выходъ прямо подъ перисталь. Табачный запахъ, говорятъ, не вреденъ цвѣтамъ, следовательно ты можешь курить сколько душѣ угодно, не стѣсняясь.... Но, любезный другъ, какъ ты блѣденъ! не поддавайся такъ унынію, старайся преодолѣть горестъ! Видишь, вотъ я и самъ совершенно разстроенъ, того и смотри, что глядя на тебя, и я расплачусь.

И онъ поспѣшно удалился. Печаль Эрнеста расшевелила въ его памяти недавнюю утрату друга. Оставшись одинъ, Эрнестъ опустился въ первыя попавшія кресла, и закрылъ лицо руками. Камердинеръ Кливленда вошелъ, развязалъ чемоданъ, приготовилъ ему одѣваться; но Эрнестъ не поднялъ глазъ, не вымолвилъ слова. Пробилъ первый звонокъ, потомъ второй, Эрнестъ ничего не слышалъ. Онъ былъ совершенно убитъ горестью и волненіемъ. Первые звуки дружескаго голоса Кливленда тронули чувствительную струну его сердца, которую нѣсколько мѣсяцевъ горестнаго ожиданія и лихораочнаго безпокойства напрягли до болѣзненнаго состоянія, никогда не ударяя ее такъ, чтобы произвести взрывъ, и облегчить удрученную душу слезами. Его молодья, упругія силы, были истощены этою продолжительною борьбою. Первый взглядъ на Кливленда напомнилъ ему отца; потомъ, когда онъ, осматриваясь вокругъ себя, увидѣлъ все это попеченіе о его удобствахъ, увидѣлъ съ какою нежною заботливостію вспоминали даже самыя мелкія его привычки и склонности, ему предсталъ образъ Алиціи, кроткой, покорной, заботливой, любящей Алиціи. Удивляясь невякъ Эрнеста, Кливлендъ вошелъ въ его комнату и засталъ его все въ томъ же положеніи, забившагося въ кресла и съ лицомъ закрытымъ руками. Кливлендъ нежно развелъ его руки; Эрнестъ рыдалъ какъ ребенокъ. Немного нужно было, чтобы заставить его прослезиться; нежная или трогательная

мелкая, старинная пѣсня, самая протонькая мелодія приводила въ немъ въ движеніе эту первобытную струну души. Но тутъ, въ первый разъ послѣ тѣхъ глубокихъ, вѣмыхъ страданій души, составляющихъ принадлежность сильнѣйшаго пола, и нерѣдко одолавающихъ его, горсть его разряжалась и облегчалась слезами.

XIV.

Музыка звучала уныло его угрюмой душѣ.

Сценаръ.

Кливлендъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы прямо напрашиваться на доверіе молодаго человека. Однако же мало-по-малу онъ такъ ловко опуталъ сердце Эрнеста, что однажды вечеромъ Эрнестъ самъ разсказалъ ему всю свою исторію. Какъ человекъ свѣтскій, Кливлендъ почти радовался, что положеніе дѣла было не хуже; онъ боялся какой-нибудь существующей еще связи и, можетъ-быть, съ замужнею женщиною. По какъ человекъ, — человекъ вообще лучше свѣта, — онъ искренно жалелъ о двушкѣ, которую Эрнестъ описалъ ему въ самомъ върномъ свѣтѣ, и долго не покушался утѣшать его, зная какъ это бесполезно. Онъ былъ убѣжденъ, что Эрнестъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ помрачить лѣто жизни подъ сѣнью миртовъ, онъ зналъ, что въ душѣ его было слишкомъ много силы и упругости. Однако же скоро онъ началъ серьезно опасаться за здоровье своего молодаго друга. Казалось, будто мрачная тоска должна была свести его въ могилу. Тщетно Кливлендъ, желавшій, чтобы онъ вступилъ на общественное поприще, старался возбуждать въ немъ честолюбіе: прежній огонь его совершенно угасъ; какъ скоро являлось лицо, игравшее роль въ политикѣ, или заходила рѣчь о новомъ сочиненіи, онъ поспѣшно убѣгалъ въ свою уединенную комнату. Вся занятія, которыми онъ прежде предавался съ такою любовью, теперь казались ему скучными. Однимъ словомъ, можно было опасаться, что Эрнестъ Мальтреверсъ умретъ въ домѣ

ума ~~недостатки~~ или, по крайней мере, дойдя до ~~предела~~ ~~недостатка~~ ~~ума~~ Коуэра, без его ссылок ~~идеи~~.

XV.

Умъ бойкій, сильный, отважный, безпokoйный, не могущій остановиться ни на одномъ предметѣ, ни на одномъ понятіи.

Драйденъ.

Когда недугъ Мальтреверса дошелъ до того, что казалось, ничего уже не могло быть хуже, призвалъ въ Темпльгровъ гость. Онъ назывался Лумлеемъ Феррерсомъ, имѣлъ тридцать лѣтъ отъ роду и осемь-сотъ фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, и не посвящалъ себя еще никакому званию. Лумлей не былъ одаренъ тѣмъ, что называютъ обыкновенно гениемъ, онъ былъ неспособенъ къ энтузіазму; но если слово талантъ означаетъ способность дѣлать что-либо лучше другихъ, то Феррерсъ не могъ похвалиться, что обладалъ этимъ преимуществомъ въ значительной степени. Онъ не имѣлъ способности ни къ литературѣ, ни къ ораторству, ни къ музыкѣ, ни къ живописи, ни къ тѣмъ мелочамъ, которыми человекъ можетъ иногда прослыть великимъ въ большомъ свѣтѣ; а на болѣе суровомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе полезномъ поприщѣ общественныхъ обязанностей, онъ въ то время еще не испытывалъ своихъ силъ. Но Феррерсъ имѣлъ то, что ему приносило гораздо болѣе пользы, чѣмъ гений и талантъ; чрезвычайно тонокій и хитрый умъ; съ этимъ онъ соединялъ пріятныя манеры, остроумную, занимательную, разнообразную и оригинальную бесѣду, дерзость, не смущавшуюся ни передъ чѣмъ, и безграничную увѣренность въ своихъ способностяхъ и уменияхъ. Интрига, хитрости, мистификаціи не только доставляли ему удовольствіе, но были необходимою пищею для его ума. Онъ имѣлъ также способность необыкновенно ловко выставлять на видъ слабыя стороны чужихъ мнзій и выводить свои мысли съ неотразимою логикой. Этимъ онъ приобреталъ сильное влияние на всѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Его живость и какая-то откровенность и прямота въ обращеніи прикрывали его главные недостатки. Онъ могъ назваться че-

демократическим, хотя далеко ему было до глубокой, основательной образованности Мальтревера. Он набрасал по-прежнему много и много, довольствуясь общими понятиями о них, бросил же, будучи вполне уверенъ, что не забудетъ того, что зналъ, потому что память у него была действительно изумительная, и утѣрился такъ, что дальше ему никогда не пойти. Кроме того, онъ читалъ въ книги, которыя вообще считаются высшими проявленіями современной литературы; книгу, которую восхищаются только немногіе, Лумей ни за что не взялъ бы въ руки. Онъ жилъ среди этихъ мелочей, жилъ ими и умѣлъ придавать имъ интересъ и новизну своимъ образомъ возвращенія на нихъ и своимъ сужденіемъ. Въ этомъ, должно сознаться, онъ являлъ действительный талантъ, талантъ общенія, талантъ наслаждаться какъ можно болѣе съ какъ можно меньшею долею личныхъ заботъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, о которыхъ всѣ говорятъ, что они чрезвычайно умны, и никто не можетъ объяснить, въ чемъ именно они такъ умны. Наконецъ въ немъ была та сила обаянія, сопровождающая умъ и талантъ, которая заставляетъ насъ признавать человека великимъ въ цѣломъ, хотя, разбирая его подробно, мы не находимъ въ немъ ничего замѣчательнаго. Гёте, кажется, сказалъ, что читая жизнь величайшихъ гениевъ, мы находимъ ихъ всегда въ связи съ людьми, которыхъ они превосходили выше себя, и которые, однако же, не достигли известности. Лумей Феррера можно было отнести къ разряду этихъ таинственныхъ великихъ людей. Последний журналистъ былъ выше его во всемъ отрасляхъ литературы; но не многіе гениальные люди поставили бы себя выше его въ отношеніи силы постиженія и обширности и тонкости взглядовъ. Чтобы докончить портретъ этого страннаго молодого человека, котораго характеръ, впрочемъ, не былъ еще вполне развитъ, остается только прибавить, что онъ уже зналъ свѣтъ подъ многими изъ его формъ, и сходился со всякимъ родомъ общества: охотники, ученые, законники, поэты, вельможи, люди выслужившіеся изъ ничего, всѣ классы были равно годны для Лумей Феррера.

Эрнестъ сидѣлъ, по обыкновенію, въ своей комнатѣ, когда въ корридорѣ раздавался тотъ непріятный шумъ, который обыкновенно возвращаетъ пріездъ гостей. За этимъ шумомъ послѣдовалъ громкій хо-

хоть, и голосъ, свѣтлый, звонкій, сильный, взвзалосякъ поѣтъ въ уши Эрнеста. Мальтреверсъ тотчасъ всталъ, и отправился на террасу портика, чтобы отдѣлаться отъ новаго докучливаго посѣщенія. Тутъ онъ опять погрузился въ свою мрачную, нестройную думу, расхаживая назадъ и впередъ по той части перистилля, которая была болѣе удалена отъ жилыхъ частей дома, сложивъ руки, потупивъ взоръ, нахмуривъ брови. Вдругъ онъ принужденъ былъ остановиться, на пути его была преграда, которой онъ прежде не встрѣчалъ. Онъ вздрогнулъ, поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою молодаго человека, одѣтаго просто, но со вкусомъ, благородной наружности и съ физиономією, бросающеюся въ глаза.

— Мистръ Мальтреверсъ, безъ-сомнѣнія! сказалъ незнакомецъ, и Эрнестъ узналъ тотъ же голосъ, который заставилъ его бѣжать изъ комнаты. Очень радъ встрѣтиться, продолжалъ голосъ; мы можемъ взаимно представить себя другъ другу; потому что, сколько я могъ замѣтить, Кливлендъ надѣялся, что мы скоро будемъ короткими друзьями. Мистръ Лумлей Феррерсъ, мистръ Мальтреверсъ. И затѣмъ я, первый подаю вамъ руку, съ надлежащею гримасою; какъ же не поморщиться, заключая новое знакомство? Вотъ и всѣ формальности исполнены. Въ какія стороны направляете вы свою прогулку?

Мальтреверсъ, умѣлъ, когда хотѣлъ, принимать такой холодно-достойный видъ, какъ бы никогда не выѣзжалъ изъ своего отечества. Онъ выпрямился съ удивленіемъ и вмѣстѣ досадою, высвободилъ руку и сказалъ очень сухо: — Извините меня, сэръ, у меня есть дѣло! — и возвратился въ свою комнату. Онъ опустился въ кресла, и начиналъ уже забывать неприятную встрѣчу, какъ вдругъ, къ великому его изумленію и неменьшему гнѣву, рѣзкій и свѣтлый голосъ опять раздался надъ его ушами.

Феррерсъ послѣдовалъ за нимъ кратчайшимъ путемъ, въ окно. Вы говорите, что у васъ есть дѣло, сэръ? Мнѣ самому надо также написать нѣсколько писемъ; слѣдовательно мы не помынаемъ другъ другу, не обращайтесь на меня вниманія, какъ бы меня здѣсь вовсе не было.

И безъ дальнѣйшихъ церемоній, онъ сѣлъ къ письменному столу, положилъ передъ собою дѣсть бумаги, придвинулъ чернилицу и при-

нелзя восписывать страницу за страницю самыми скорыми и неразборчивыми каракулями, какія когда-либо пытали терпзніе и раблнн въ глазахъ свѣтскаго щеголя или модной женщины.

— Глушій фатъ! пробормоталъ Мальтреверсъ довольно вяло; однако же эта наглость, прикрывавшаяся такою личною добродушіемъ, невольнo возбудила его вниманіе; онъ началъ съ любопытствомъ осматривать лицо, такъ нецеремонно поселившееся въ его комнату, и принужденъ былъ сознаться, что Феррерсъ вовсе не походилъ на фата.

Гладкій и плотный какъ мраморъ лобъ осыпалъ блестящія и умные свѣтло-каріе глаза. Черты лица были прекрасны, хотя слишкомъ острый носъ придавалъ лицу нѣкоторое сходство съ лисицою; оно не было черезъ-чуръ румяно, но имѣло тотъ сильный, теплый колоритъ, который показываетъ крѣпкое сложеніе и избытокъ жизни; подбородокъ былъ полонъ и ливнн его, по системѣ Лафатера, означалъ силу воли и рѣшимость; но губы, толстыя и резко обрисованныя, изобличали въ немъ человека чувственнаго, а ихъ безпрестанное движеніе, постоянная полуулыбка выражали веселость и оригинальность; по временамъ однако же, въ минуты спокойствія, было въ нихъ что-то хитрое, уклончивое и чрезвычайно непріятное.

Мальтреверсъ разсматривалъ его въ угрюмомъ молчаніи, но когда Феррерсъ дописалъ четвертую страницу такъ скоро, что другой въ это время едва успѣвалъ бы дописать первую, онъ въ свою очередь взглянулъ на Мальтреверса такимъ пронизательнымъ взоромъ и съ такою сообщительною веселостію; въ выраженіи лица наглого почитателя и во всей сценѣ было нѣчто столь комическое и странное, что Мальтреверсъ принужденъ былъ закусить губы, чтобы удержаться отъ улыбки, — первой улыбки, мелькнувшей на его лицѣ послѣ нѣсколькихъ ведѣль упорной хандры.

— Я вижу, что вы много читаете, Мальтреверсъ, сказалъ Феррерсъ, небрежно перелистывая книги, лежавшія на столѣ. Мы должны начинать жизнь чтеніемъ; книги умножаютъ наши средства къ дѣйствию. Это родъ капитала; но вы сами знаете, что капиталъ ни къ чему не ведетъ, если мы не пользуемся его процентами. Книги хламъ, ни къ чему не годная бумага, если мы не переносимъ въ дѣйствию мудрости, которую приобретаемъ размышленіемъ. Дѣйствию,

Мальтреверсъ, дѣйствио—вотъ наша жизнь. Въ наши лѣта, мы обладаемъ страстью, воображеніемъ, чувствомъ; грѣшно тратить все это на чтеніе или бумагомараніе; это капиталъ, который должно жить, не скупясь на него, но въ тоже время и не расточая его по-напрасну.

Мальтреверсъ былъ пораженъ. Такъ не могъ говорить скучный, пошлый фатъ, какимъ онъ представлялъ себѣ своего гостя. Онъ льдиво всталъ съ креселъ, и началъ: — Жизнь, мнстръ Феррерсъ....

— Постойте, любезный другъ, постойте; не величайте меня злостроумъ. Мы должны быть друзьями; я не люблю отгадывать того, что должно быть, даже на одно пустое слово. Я для васъ — просто Феррерсъ, а вы для меня—Мальтреверсъ. Но вы заговорили о жизни, не лучше ли бы, въ настоящее время, попользоваться ею на дѣлѣ, чѣмъ разсуждать о ней? Намъ остается одинъ часъ до обѣда, пойдете прогуляться по саду: мнѣ нужно придать себѣ аппетиту; притомъ, я люблю природу, когда не нужно забираться на швейцарскую гору, чтобы видѣть ея красоты.

— Извините.... началъ Мальтреверсъ.

— Ну, ужъ сердитесь не сердитесь, а я васъ не оставлю. Пои-дите.

Феррерсъ подалъ Мальтреверсу шляпу, взялъ его подъ руку, и они уже были на террасѣ, надъ озеромъ, прежде чѣмъ Эрнестъ успѣлъ опомниться отъ этого новаго роду любезности.

Какъ жива, одушевлена, разнообразна, поразительна была болтовня Феррерса! это именно была болтовня, а не бесѣда, потому что онъ говорилъ все время, не давая другому почти слова вымолвить. Книги, люди, дѣйствія, мысли, все проходило въ ней, какъ въ волшебномъ фонарѣ, онъ касался всего, всемъ игралъ будто въ мячъ. Онъ разсказывалъ тѣмъ приключеній, которыхъ онъ былъ героемъ, и разсказывалъ ихъ такъ, что невозможно было не смѣяться ему и вмѣстѣ съ нимъ; а женщина, блестящая свѣтская женщина всегда была предметомъ, около котораго вращались эти разказы.

XVI

Ясная утренняя звезда, предвѣстница дня, весело засіяла съ востоку.

Милтополь.

Мальтреверсъ никогда еще не встрѣчалъ человека, который умѣлъ бы приобрести сильное вліяніе на его умъ. Въ отцовскомъ домѣ, въ школѣ, въ университетѣ и путешествіяхъ вездѣ въ ему попорялись, вездѣ онъ нервничалъ, даже надъ головами ностарше его; самъ Кинландъ всегда уступалъ ему, хотя онъ этого и не замѣчалъ. Очень пльзняетъ и увлекаетъ насъ человекъ, старше насъ отъ двухъ до десяти лѣтъ. Онъ стремится къ тѣмъ же цѣлямъ, ищетъ тѣхъ же удовольствій, но искуснѣе и опытнѣе насъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ идетъ тѣмъ путемъ, на который мы вступаемъ, противъ тѣхъ опасностей, отъ которыхъ предшествовавшее поколѣніе тщетно старается насъ оградить. Притомъ тамъ, гдѣ нѣтъ полного сочувствія, не можетъ быть и значительнаго вліянія. Такимъ-образомъ, встреча съ существомъ, которое могло имѣть власть надъ нимъ, было событіемъ въ жизни Мальтреверса. Можетъ-быть самое состояніе его души, разстроенной и больной, дѣлало его неспособнымъ оградиться отъ грубоватаго, но всегда веселаго и забавнаго самовластія Феррерса.

Съ каждымъ днемъ Мальтреверсъ болѣе и болѣе подчинялся власти своего новаго знакомаго; но какъ Феррерсъ былъ эгоистъ въ высшей степени, то онъ никогда не старался войти въ довѣріе своего друга, узнать его сердечныя тайны; потому что чужія тайны были для него тринъ-трава, когда не могли послужить средствомъ къ достиженію какого-либо личнаго его плана. Однако же онъ говорилъ съ такимъ удовольствіемъ и такъ увлекательно о себѣ, о женщинахъ, о бурной, обольстительной жизни городовъ, что юный умъ Эрнеста вышелъ изъ своего усыпленія безъ всякаго усилія съ чьей-либо стороны. Мрачныя видѣнія исчезли, разсудокъ освободился отъ помрачавшихъ его покрововъ.

Можетъ стать никто другой, кромѣ Феррерса, не могъ бы такъ удачно выключить Мальтреверса отъ его болѣзненнаго фанатизма. На-

смысливаго скептика онъ не сталъ бы слушать, Феррерсъ же, съ своею желзною логикою, которою онъ былъ, какъ молотомъ по наковальнѣ, извлекаая изъ тусклой поверхности мысли, сверкающія искры, Феррерсъ былъ именно тотъ человѣкъ, который могъ вести борьбу съ воображеніемъ Мальтреверса, и убѣдить его разумъ. Съ перваго разу какъ зашло разсужденіе о предметъ недуга, больной былъ вымеченъ.

Въ тотъ же вечеръ, Эрнестъ отправился въ свою комнату, открылъ Новый Заветъ, и прочелъ его божественное ученіе. Онъ палъ на колѣна, и съ умилениемъ молился Богу. Эту ночь Эрнестъ спалъ спокойно и сновидѣнія его были пріятны; а на слѣдующее утро онъ проснулся уже совершенно здоровъ и веселъ.

XVII.

Лумлей Феррерсъ поставилъ себя за правило извлекать всевозможную для себя пользу изъ всѣхъ и изъ всего. Ему хотѣлось отправиться на нѣсколько лѣтъ за границу; и для того ему нуженъ былъ спутникъ, во-первыхъ потому, что онъ терпѣть не могъ одиночества, а во-вторыхъ потому, что спутникъ принялъ бы на себя половину расходовъ, а это очень важное условіе для человѣка, привыкшаго ко всемъ наслажденіямъ роскоши и принужденнаго жить осмьюстами фунтовъ въ годъ. Въ настоящее время ему было очень пріятно общество Эрнеста, а для цѣлей его ему не мѣшало имѣть друзей побогаче его, и вотъ онъ при первомъ же свиданіи рѣшилъ, что Эрнестъ поведетъ съ нимъ и будетъ его товарищемъ. Когда это было разъ рѣшено, ничего не было ему легче, какъ привести свою мысль въ исполненіе.

Мальтреверсъ очень привязался къ своему новому другу, и ждалъ переменны; Кливленду прискорбно было разлучиться съ любимцемъ своего сердца, но онъ боялся, что если Эрнестъ останется при немъ, болѣзнь могла возобновиться. Поэтому онъ ни минуты не противился желанію его взать за границу. Тотчасъ была куплена дорожная карета съ важами, сундуками, карманами безъ счету; нанятъ Швейцарецъ-мурьеръ; Эрнесту назначено ежегодное жалованье въ ты-

сату фунтовъ стерлинговъ; и въ одно теплое, прекрасное октябрьское утро, Феррерсъ и Мальтревердъ были на половинѣ дороги къ Дувру.

— Какъ я радъ проститься съ Англіею! говорилъ Феррерсъ; это страна богачей; осьми сотъ фунтовъ стерлинговъ, и безъ другаго замятія, кромѣ своего удовольствія, въ ней едва хватитъ на соль и пряности, между-тѣмъ какъ въ другомъ мѣствъ можно этимъ жить въ довольствѣ.

— Мнѣ, помнится, будто я слышалъ отъ Кливленда, что вы будете со временемъ очень богаты.

— О, да; имѣется кой-что, какъ говорится, въ виду. Я, такъ сказать, сижу на двухъ сѣдлахъ: знатности и богатства; а вы сами знаете, что сидя такимъ-образомъ, нетрудно и свалиться съ того и другаго. Нынѣшній лордъ Саксингемъ, прежде называвшійся просто Франкомъ Ласельсомъ, и мой отецъ, были двоюродные братья. Два, три родственника умерли, и Франкъ Ласельсъ сдѣлался графомъ; но титулъ не далъ земель; онъ былъ бѣденъ и женился на богатой невѣстѣ. Жена его умерла, и имѣніе перешло къ единственной дочери, самой очаровательной дѣвчкѣ, какую вы когда-либо видали! О, Флоренса, какъ желалъ бы я имѣть право возвести свои взоры [до тебя! По достиженіи совершеннолѣтія, почти все имѣніе будетъ совершенно въ ея распоряженіи; а покамѣстъ ее держать на меду и на пряникахъ. Отецъ мой былъ не такъ счастливъ или не такъ догадливъ, и женился на мисъ Темпльтонъ, дѣвушкѣ не имѣвшей ни громкаго имени, ни денегъ. Вътѣ Саксингемовъ съ того времени отреклась отъ него. Но братъ моей матери умѣлъ искусно и счастливо вести торговые дѣла; онъ разбогатѣлъ, а потомъ и очень разбогатѣлъ; но мои родители умерли, не попользовавшись копейкою изъ его богатства. Когда я пришелъ въ лѣта, я оказался владѣтелемъ извѣстныхъ вамъ осьми сотъ фунтовъ годоваго дохода. Мой богатый дядя жевать, но не имѣеть дѣтей, и потому я считаюсь его наследникомъ; но онъ методистъ, и хотя любитъ иногда пустить нѣтъ въ глаза своимъ богатствомъ, но у него гроша не выманить. Вражда между дядею Темпльтономъ и Саксингемами сильнѣе чѣмъ когда-либо. Темпльтонъ готовъ завѣсть меня, когда я бываю у Саксингемовъ, а эти, по-крайней-мѣрѣ самъ милордъ, не увѣрены, что я наследую богатство Темпльтона, и все боятся, что я ко-

Гда-нибудь приду къ нему требовать мѣста: потому что онъ, какъ вамъ известно, въ министерствѣ. Таинно-образомъ, я занимаю въ обществѣ какое-то двусмысленное положеніе, ни рыба ни мясо, что мнѣ очень не по сердцу. Съ одной стороны я знатный родственникъ, и въ большомъ почетѣ у родни, вышедшей въ люди изъ ничего, благодаря деньгамъ, скопленнымъ трудомъ; съ другой стороны, я членъ младшей линіи, почти зависящій отъ великодушія старшей, титулованной линіи, которая смотритъ на меня враждебно-покровительственнымъ взоромъ. Когда-нибудь, когда соскучусь путешествіями и праздностью, я возвращусь и начну воевать съ этими мелкими неприятностями, или лучше лавировать между ними; постараюсь подбиться къ дядѣ-методисту и къ дядѣ-вельможѣ. Теперь мнѣ рано устроить себя положеніе въ свѣтъ, я годенъ еще на что другое. Не зеленое дерево, а сухое, горитъ всего ярче.... Но знаете, что нашъ бездѣльникъ ямщикъ ѣдетъ нестерпимо тихо. Эй, ты, пріятель, полно спать, вези живѣе, по двѣнадцати миль въ часъ, если хочешь по пенсу съ мили на водку! Дайте мнѣ свой кошелекъ, Мальтреверсъ; мнѣ слѣдуетъ быть вашимъ казначеемъ, какъ старшему и слѣдовательно разумнѣйшему; сведемъ счеты по окончаніи путешествія....

=

ЭРНЕСТЪ МАЛЬТРЕВЕРСЪ.

РОМАНЪ ЭДУАРДА ЛИТТОНА БУЛЬВЕРА.

КНИГА ВТОРАЯ.

Кто въ цвѣтѣ юности, у того обманчивыя видѣ-
нiя и сердце не знающее покою.

Силмольде.

I.

Должно сознаться, что было нѣчто странное
въ чувствахъ моихъ къ этой прелестной жен-
щинѣ.

Былъ великолепный балъ въ палацѣ австрiйскаго посланника въ
Неаполѣ; толпа праздныхъ людей, молодыхъ и стариковъ, привязы-
вающихся къ колесницѣ первенствующей красоты, тѣснилась вокругъ
кавалера де-Вангалуръ. Вообще вкусъ не столько какъ прихоть рѣ-
шительнаго выбора италiйской царицы. Ничто такъ не поражаетъ чело-
вѣка, впервые являющагося въ общество, какъ первый взглядъ на ту,
какой свѣтъ присудилъ золотое яблоко. Однако-же по большей
части кончается такъ, что онъ самъ соглашается съ общимъ мнѣ-
нiемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, тысяча другихъ условiй, кромѣ пра-

вильной красоты, необходимы для минутной Киприды; знаніе свѣта, прелесть обращенія, какой-то особенный, невыразимый блескъ; въ комъ свѣтъ находитъ соединеніе грацій, ту онъ и провозглашаетъ Венерою. Должно также замѣтить, что очень не многіе достигаютъ первенства, въ чемъ бы то ни было, безъ содѣйствія случайныхъ и совершенно постороннихъ ему обстоятельствъ. Нѣкоторыя особенныя свойства или странныя случаи въ жизни облачаютъ вообще этихъ людей въ какую-то таинственность, которая влечетъ къ нимъ все умы. Правда ли, спрашиваете вы съ недоувѣрчивостью, что такой-то такъ уменъ, такъ гениаленъ? что такая-то такъ удивительно хороша? О, безъ сомнѣнія, отвѣчаютъ вамъ; знаете ли вы его или ея исторію? онъ или она то-то, съ ними было такое-то происшествіе.

Въ это время мадамъ де-Вантадуръ слыла царицею красоты въ Неаполь; и хотя въ залъ было множество женщинъ несравненно лучше ея, однако же никто не осмѣлился бы сказать этого. Женщины также признавали ея первенство, потому что она обладала въ рѣдкой степени, даже для Француженки, искусствомъ одѣваться; а женщины довольно чистосердечно отдають справедливость этому по преимуществу женскому искусству, за которымъ онъ все гонятся и до котораго столь немногія имѣютъ счастье достигнуть. Никогда женщина не признаетъ красоты лица въ неуклюжей шляпкѣ и не рзынется назвать дурною женщину, на которой красуется чепецъ непогрѣзительнаго изящества. Сверхъ-того мадамъ де-Вантадуръ отличалась благородною и непринужденною привѣтливостью, которую она получила отъ природы вмѣстѣ съ знатнымъ именемъ, но которую еще довершила привычка быть въ отборномъ обществѣ. Въ каждомъ ея движеніи, во всей ея физиогноміи видна была знатная женщина. Она принадлежала къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій Франціи и шестнадцати лѣтъ была выдана замужъ за человека такого же знатнаго происхожденія, но стараго, глупаго и съ самыми нелѣпыми притязаніями, настоящую карриатуру французскаго дворянина стараго, лишь утраченнаго, покроя. Однако же слава мадамъ де-Вантадуръ была незапятнана; она была добродѣтельна. Умъ ея имѣлъ всю прелесть, всю тонкость придворнаго ума, въ лучшемъ значеніи этого слова; живость его была умѣрена постояннымъ наблюденіемъ за собою, однако же истинно французскій складъ его не имѣлъ и тѣни сходства съ безмолвною, апатическою холодною, которую боль-

шая часть Англичанокъ ставитъ себя въ достоинство. Человеку, никогда не открывающему рта, гораздо легче придать себя видъ свѣтской образованности; одинъ простолюдинъ, женившись на очень богатой женщинѣ, боялся показаться смѣшнымъ новымъ гостямъ, которыхъ онъ долженъ былъ принимать у себя, пока одинъ умный человекъ не научилъ его прекрасному средству, не попадать въ просакъ: «Носи всегда черный фракъ и держи языкъ за зубами». Простолюдинъ послѣдовалъ этому совету, и скоро прослылъ во всей провинции однимъ изъ людей, умѣющихъ наипривличивнѣйшимъ образомъ держать себя въ обществѣ.

Мадамъ де-Вантадуръ сидѣла поодаль отъ танцующихъ. За креслами ея стоялъ молчаливый англійскій дэнди, лордъ Тоунтонъ, одѣтый по послѣдней картинкѣ, и вытянувшись въ струнку, какъ будто онъ боялся скрыть одинъ дюймъ своего прекраснаго роста. По лѣвую ея руку вздыхалъ чувствительный нѣмецкій баронъ, фонъ-Шенбергъ, весь въ золотѣ, съ волосами и бакенбардами, очевидно только что вышедшими изъ подъ руки перваго мастера коаферскаго дѣла; по правую руку сидѣлъ французскій посланникъ, бойкій, болтливый, любезный; вокругъ толпилось множество секретарей посольствъ и итальянскихъ князей, тѣхъ князей, которыхъ доходы составляетъ зеленый столъ, а все состояніе — картинная галерея, изъ которой, когда карты не везутъ, они продаютъ одну картину, какъ англійскій помѣщикъ вырубаетъ небольшую часть своихъ лѣсовъ. Прелестная Француженка умѣла обворожить всѣхъ и cadaго; молчаливому улыбалась, съ веселымъ шутила, съ Французомъ говорила о политикѣ, съ Нѣмцемъ о поэзій; для всѣхъ она имѣла краснорѣчіе красоты и любезности. Она была въ полномъ блескѣ своей красоты; самый легкій слой румянъ оживлялъ ея прозрачную кожу и придавалъ еще болѣе жизни ея большымъ, выразительнымъ глазамъ, въ которыхъ, сквозь ихъ яркія молвіи, высказывалась какая-то тайная кротость, столь же-далекая отъ бессмысленной томности испанскаго глаза, какъ и отъ величественной, смѣлой гордости взгляда Италианки. Черное бархатное платье и прелестный токъ съ пышными перьями, представляли пріятную противуположность съ мраморною бѣлизною ея рукъ и шеи; самый холодный, самый щепетильный критикъ, глядя на эти обворожительные глаза, на этотъ чудесный цвѣтъ лица, на эти коралловые губы и маленькіе зубы, точно выточенные изъ слоновой кости, не

ноги, бы заключить, что подбородокъ былъ немножко остръ, ротъ
крупнъ, а носъ, столь прекрасный спереди, былъ очень далекъ отъ
совершенствова въ профиль.

— Были вы сегодня на Strada прова? спросилъ намецкій баронъ
человѣкъ славный, голубомъ, какъ будто, отъ пронюхивалъ овалъ въ
лестной любви.

— Разумеется; гдѣ же болтъ намъ, женщинамъ, проводить утра?
сверкала мадамъ де-Вангадукъ. Вся наша жизнь, съ колыбели до
могины, одно и то же: безъ измѣнъ. Гуманитѣ, толна, вотъ наше место,
и вѣчно мы вращаемся въ одномъ кругу. Мы видимъ свѣтъ только
одинъ разокъ.

— Гдѣ-есть, вы видите его самими приятными образомъ, подхва-
тите Французъ.

— Сомниваюсь. Самая тяжкая усталость, — та, которая не по-
дается ни диваномъ, ни действительностью.

— Позвольте мнѣ имѣть честь провальсировать съ вами? сказалъ
длинный Англичанинъ, который понялъ изъ ея словъ, что она лучше
любала бы танцовать, чѣмъ сидѣть на мѣстѣ.

Французъ, улыбаясь, — лордъ Тоунтонъ цинимаетъ вашу теорю, и
желаетъ приложить, ее на практикѣ, заматилъ посланникъ.

Лордъ Тоунтонъ, улыбаясь, потому, что все другіе улыбаются, а
опысти и потому, что у него были прекрасные зубы; но онъ, по-
лицимому, съ беззаботностью ждалъ отвѣта.

— Не сегодня, милордъ, отвѣчала красавица; я танцую очень
рѣдко. Но скажите мнѣ, пожалуйста, кто эта хорошенькая дама?
Жъ этикъ, Англичанокъ всегда такой ослѣпительно-прекрасный цвѣтъ
лица!... А тотъ молодой человекъ? продолжала она, не дожидаясь
отвѣта на первый вопросъ; тотъ, что стоитъ прислонившись къ дѣ-
ву? кто это?

— Съ черными усами? сказалъ лордъ Тоунтонъ; это мой двою-
родный братъ.

— Натъ, я не о томъ спрашиваю; полковника Бель-Фильда я знаю,
онъ очень забавенъ. Тотъ, о которомъ я спрашиваю, безъ усомъ.

— А, этотъ высокій Англичанинъ съ сверкающими глазами и та-
кимъ высокимъ лбомъ, сказалъ французскій посланникъ; онъ, если
не ошибаюсь, только что возвратился съ Востоку.

— У него очень замѣчательная энзигномія, сказала мадамъ де-

Вантадуръ; въ очертаніи его головы есть что-то рыцарское. Онъ вѣроятно благороднаго происхожденія, лордъ Тоунтонъ?

— Да, онъ благороднаго происхожденія, какъ вы позволите говорить, и что у насъ называется джентльменъ, отвѣчалъ лордъ. Это мистръ Мальтреверсъ. Онъ, кажется мнѣ, имѣетъ большое состояніе.

— Мистръ Мальтреверсъ, просто? повторила мадамъ де-Вантадуръ.

— Вы знаете, сказалъ Французъ, что англійскій дворянинъ не нуждается въ частицѣ *де* или титулѣ, для отличія отъ простыхъ сословій.

— Знаю; но я полагаю, что этотъ молодой человекъ принадлежитъ къ высшимъ разрядамъ дворянства. Въ немъ столько величія; впрочемъ, сказать правду, это не то условное величіе, которое происходитъ отъ болѣе или менѣе знатнаго роду.

— Неужели вы находите его красавцемъ? сказалъ лордъ Тоунтонъ почти гнѣвно, потому что лордъ Тоунтонъ самъ былъ дѣйствительно красавецъ, а красавцы нерѣдко также завистливы и ревнивы, какъ и красавицы.

— Я не скажу, что онъ красавецъ, возразила мадамъ де-Вантадуръ улыбаясь. У него скорѣе прекрасная голова, чѣмъ красивое лицо; но всѣ вы, Англичане, милордъ, люди образованные....

— Да, глубоко, глубоко образованные, не поверхностно, подхватилъ лордъ Тоунтонъ, поправляя свои манжеты.

— Мадамъ де-Вантадуръ, позволите ли мнѣ представить вамъ одного изъ моихъ соотечественниковъ? сказалъ въ эту минуту англійскій посланникъ, приближаясь къ говорящимъ, — мистра Мальтреверса?

Мадамъ де-Вантадуръ полуулыбнулась и едва примѣтно покраснѣла, когда, поднявъ глаза, увидѣла гордое и задумчивое лицо, неразличимое ее, наклоненное къ ней съ выраженіемъ удивленія и восхищенія.

По совершеніи представленія и обмѣнѣ обычныхъ при этомъ пріятностей, французскій дипломатъ всталъ, и пошелъ пройти по залѣ съ англійскимъ посланникомъ. Мальтреверсъ имѣлъ счастье занять оставленное ими мѣсто.

— Давно вы оставили свое отечество? спросила мадамъ де-Вантадуръ.

— Всего четыре года; это однако же довольно давно, чтобы мнѣ

щой раз спрашивать себя, не покажусь ли я въ Англии иностранцемъ болѣе, чѣмъ между иностранцами.

— Вы были на Востокъ? завидую вашему счастью. Греція, Египетъ, сколько воспоминаній заключается въ этихъ именахъ! Путешествуя въ прошедшемъ, вы осуществили желаніе мадамъ д'Эпинз; ушли отъ образованности и погрузились въ сферу романа.

— Однако же, мадамъ д'Эпинз провела всю жизнь въ сочиненіи прелестныхъ романовъ среди самаго образованнаго общества.

— А, вы читали ея мемуары? сказала мадамъ де-Вантадуръ, и лицо ея покрылось легкимъ румянцемъ. Немногіе находятъ время, среди потока болѣе увлекательной литературы, читать второстепенныя произведенія прошлаго вѣка.

— Однако же, эти второстепенныя произведенія, не рѣдко бываютъ самыя занимательныя. Мадамъ д'Эпинз была женщина любившая добродѣтель; женщина не гениальная, но способная ко всемъ впечатлѣніямъ, которымъ подчиняется гений. Дѣйствительно бываютъ люди имѣющіе всѣ склонности, все душевное настроеніе генія, но неимѣющіе его творческой силы. Онъ также впечатлительны, но не имѣютъ тѣхъ умственныхъ способностей; очень живо чувствуютъ, а выражаются слабо. Такіе люди вообще очень склонны къ преувеличенію. Французскіе мемуары представляютъ тѣмъ примѣровъ такихъ личностей. Любопытно наблюдать борьбу этихъ чувствительныхъ, нѣжныхъ существъ противъ безжизненности пустаго, но блестящаго общества, которое ослѣпляло и въ тоже время усыпляло его. А для насъ особенно поучительны эти примѣры, прибавилъ Мальтреверсъ съ нѣкоторою грустью, потому что сколько между нами такихъ, которые могутъ увидѣть въ нихъ свой образъ, какъ въ зеркалѣ.

Но куда между тѣмъ дѣвался нѣмецкій баронъ? онъ любезничалъ въ другомъ концѣ залы. А лордъ? протяжно и небрежно вставлялъ, отъ времени до времени, односложное слово въ бесѣду прочихъ дѣди, собравшихся въ дверяхъ. А прочіе спутники? танцовали, шептались, любезничали и пили лимонадъ. Мадамъ де Вантадуръ оставалась одна съ путешественникомъ среди нѣсколькихъ сотенъ гостей.

Между тѣмъ какъ они бесѣдовали, Эрнестъ почти вздрогнулъ, услышавъ за собою пискливый педантическій голосъ, который говорилъ по-французски:—Гмъ! гмъ! у меня свой взглядъ на вещи.

Мадамъ де-Вантадуръ обернулась. — Мой мужъ, сказала она спокойно; позвольте мнѣ представить его вамъ.

Мальтреверсъ всталъ и поклонился маленькому, худенькому чело-вѣчку, одѣтому съ самымъ изысканнымъ щегольствомъ, съ предлиннымъ и острымъ носомъ, украшеннымъ огромною парюю оч-ковъ.

— Весьма пріятно съ вами познакомиться, сказалъ мосьё де-Ван-тадуръ. Давно ли вы въ Неаполь?... чудесная погода! но не мо-жетъ простоять; гмъ! гмъ! у меня свой взглядъ на вещи. Ничего не слышали о своемъ парламентъ?... скоро будетъ распущенъ! Опе-ра въ Лондонъ была плоховка въ нынѣшнемъ году;.... гмъ! гмъ! у меня свой взглядъ на вещи.

Этотъ быстрый монологъ былъ сказанъ съ приличными тѣлодви-женіями. Мосьё де-Вантадуръ начиналъ каждую фразу чѣмъ-то въ родъ поклона, а когда приходилъ къ заключенію, свидѣтельство-вавшему его необыкновенную прозорливость, дѣлалъ таинственный знакъ, проводя указательнымъ пальцемъ вдоль своего носу, который, съ своей стороны, также принималъ участіе въ доводъ трехкратнымъ судорожнымъ сморщеніемъ, отъ котораго, казалось, онъ былъ потрясаемъ до основанія.

Мосьё Вантадуръ, высказавъ все, что считалъ долгомъ сказать, за-ключилъ свою краснорѣчивую рѣчь увѣреніемъ, что ему весьма пріятно будетъ видѣть мистра Мальтреверса у себя. Затѣмъ онъ обратился къ жевъ и доказалъ ей также ясно, что уже поздно, и что пора вхатъ домой. Мальтреверсъ удалился, и въ дверяхъ былъ захваченъ на-шимъ старымъ знакомцемъ, Лумлеемъ Феррерсомъ.

— Пойдемте, сказалъ Феррерсъ, я уже полчаса какъ жду васъ. Пойдемте. Но, потому что мнѣ до смерти хочется поскорѣе улечься въ постель, вы пожалуй вздумаете остаться ужинать! вѣдь есть же такіе люди, которые никогда не заботятся о желаніи и чувствахъ другихъ!

— Нѣтъ, я иду съ вами.

И друзья сошли съ лѣстницы и пошли вдоль Кіаинъ къ своей го-стинницѣ. Когда они дошли до пространной площади, на которой она находилась, противъ прекраснаго и тихаго моря, которое, казалось, сладко уснуло въ объятіяхъ берега, обхватывающаго его полукру-гомъ, Мальтреверсъ, терпѣливо слушавшій до-сихъ-поръ болтовню

своего спутника, вдруг остановился и вскричал: — Выгляните на море, Феррерсъ... какое дивное зрелище! какой умопительный воздух! какое тѣжное и поэтическое надъ нимъ сіяніе луны! Не представляется ли въ вашемъ воображеніи древніе греческіе выходцы, первые основатели этой Пареенопы, любимицы океана? какъ они, увидѣвъ эти дивныя волны, перестанутъ тосковать по своей родинѣ?

— Мое воображеніе вовсе не представляетъ ниъ подобныхъ вздоховъ, отвѣчалъ Феррерсъ. И повѣрьте мнѣ, что ваши древніе греческіе выходцы въ такую пору ночи преспокойно спали въ своихъ постеляхъ, если, то-есть, не собирались на какой-нибудь разбойническій подвигъ; потому что эти греческіе выходцы были отъявленные бездѣльники.

— Случалось ли вамъ когда-нибудь писать стихи, Лумлей?

— Еще бы нѣтъ! да какому же, сколько-нибудь смышленому человеку не случилось быть поэтомъ, хоть разъ въ жизни?

— А чувствовали ли вы поэзію?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Напримѣръ, когда вы въ своихъ стихахъ говорили о лунѣ, чувствовали ли вы ея сіяніе въ вашемъ сердцѣ?

— Любезный Мальтреверсъ, если въ моихъ стихахъ была луна, то вѣрно не для чего другаго я втискивалъ ее туда, какъ для рифмы. Но теперь время не о пустякахъ говорить, а идти спать.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь.

— Полноте, да гдѣ тутъ здравый смыслъ? Намъ ли, говорю, испытавшимъ столько приключеній, видѣвшимъ столько диковиныхъ, набравшимъ въ четыре года достаточный запасъ случаевъ и разсказовъ, чтобы насытить самага ненасытнаго пожирателя романовъ, хотя бы онъ жилъ сто лѣтъ, намъ ли вдругъ такъ ребячиться и влюбляться въ луну, будто мы два инкольника, въ манинкахъ, въ первый разъ вдушіе на маргетскомъ пароходѣ? Да это ни на что не похоже; мы уже довольно прожили на свѣтѣ, чтобы бросить юншескія бредни!

— Вы можетъ-быть правы, Феррерсъ; однако же я могу еще наслаждаться прекрасною ночью.

— О, если вы любите мухъ въ супъ, какъ говорилъ известный вамъ гость своему хозяину, кидая ихъ назадъ въ миску, то ваша воля оставаться здѣсь хоть до завтрашняго вечера. Buona notte.

Феррерсъ, конечно, былъ правъ, говоря вообще. Кто бывалъ уже

въ молодёжь приключенья, тотъ становится не такъ впечатли-
теленъ. Жизнь есть сонъ, который наиболее посвящается сновидѣн-
іямъ въ началѣ и въ концѣ; между этими крайностями есть срединное крѣ-
пкое, чтобы допустить видѣнія. Однако-же и Мальтреверсъ не былъ не-
привѣтливъ, говоря что во всякое время можно наслаждаться прекрасною
нотью, особенно на невольскихъ берегахъ.

Мальтреверсъ гулялъ нѣсколько времени. Старинныя баллады и
стихотворенія звучали въ его ушахъ, старинныя воспоминанія ожи-
вали въ его памяти. Но кроткіе взоры мадамъ де-Вантадуръ освѣ-
щали тѣни прошедшаго. Дивное упоеніе, столь похожее на любовь,
и которое, между тѣмъ, есть только игра фантазіи!

И.

Тогда человѣкъ сказалъ: Горе тому, кто дастъ
волю страсти! Въ началѣ онъ слабъ, едва
принятъ; но скоро, благодаря нашей смехо-
дательности, онъ быстро разрастается. Не долж-
но ждать для сопротивленія низъ, чтобы онъ до-
стигнулъ полной силы.

Спенсеръ.

Мальтреверсъ часто бывалъ въ домъ москѣ и мадамъ Вантадуръ,
у которыхъ было два большихъ пріемныхъ дня въ недѣлю и кроме
того еще три дня для однихъ короткихъ знакомыхъ. Онъ былъ ско-
ро принятъ въ число послѣднихъ. Родители мадамъ де-Вантадуръ
эмигрировали во время революціи, и потому она провела нѣсколько
лѣтъ своего дѣтства въ Англіи; она говорила по-англійски весьма
правильно и свободно, чему Мальтреверсъ былъ очень радъ, потому
что хотя онъ достаточно владелъ французскимъ языкомъ для обы-
кновеннаго разговора, однако же не рѣшился бы излагать свои са-
мыя заветныя мысли на чужомъ языкѣ; каждый, кто болѣе надвѣся
на свой умъ, чѣмъ на вышнія преимущества, пойметъ и разделить
съ нимъ это чувство. Мы не заботимся о грамматическихъ ошибкахъ,
о несправильностяхъ произношенія или неточностяхъ выраженія, кото-
рыя могутъ проскользнуть у насъ въ разговорѣ о пустякахъ; но
когда желаемъ высказать частіцу поэзіи, заключающейся въ нашей

душѣ, намъ непріятна малѣйшая ошибка, могущая вкратиться въ нашу рѣчь.

Эрнестъ болѣе другаго долженъ былъ ощущать этотъ страхъ дурно выразить свою мысль; во-первыхъ потому, что онъ только что вступилъ въ мужество, а гордость въ эти лѣта чрезвычайно щекотлива; во-вторыхъ потому, что онъ имѣлъ врожденную любовь къ порядку, къ приличію; эта склонность проявлялась у него даже въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, и предохранила его отъ той искусственной небрежности, которою любятъ щеголять многіе молодые люди. Привычка опрятности и порядка и строгое соблюденіе законовъ образованнаго вкуса избавляли его отъ необходимости тратить много времени на заботу о приличности своего туалета и экипажей.

Мальтреверсъ ни разу въ жизни не помышлялъ о томъ, хорошъ ли онъ собою; онъ зналъ, какъ и всѣ почти мужчины, знающіе женщинъ, что для снисканія ихъ любви, красота одно изъ самыхъ послѣднихъ условій; физиогномія, приемы, бесѣда, какое-нибудь особенное качество или обстоятельство, возбуждающее участіе, или которымъ можно справедливо гордиться, вотъ что внушаетъ имъ любовь. Красавецъ, очень часто, кромѣ восхищенія своихъ тетушекъ, ничего болѣе не выигрываетъ, какъ только удовольствіе слышать, какъ горничныя восклицаютъ ему вслѣдъ: Настоящій амурчикъ!

Но это мимоходомъ. Мы говорили, что Мальтреверсъ былъ очень радъ, что могъ говорить съ мадамъ де-Вантадуръ на своемъ родномъ языкѣ. Бесѣда ихъ начиналась обыкновенно по-французски, но потомъ нечувствительно переходила къ англійскому языку. Оба имѣли даръ слова; но они представляли самую разительную противоположность въ своихъ взглядахъ на вещи и въ образѣ выраженія. Мадамъ де-Вантадуръ смотрѣла на все глазами свѣтской женщины; мысли ея были вѣрны; въ ней не было недостатку нѣжныхъ и тонкихъ чувствъ; но все это было вылито въ свѣтскую форму. Она образовалась подъ влияніемъ свѣта, и складъ ея ума изобличалъ ея воспитаніе. Живая, остроумная, и въ то же время задумчивая, — такое соединеніе противоположныхъ, повидимому, свойствъ, вовсе не такъ рѣдко, какъ полагаютъ, — она иногда съ тайною тоскою ощущала пустоту большого свѣта. Однимъ словомъ, была женщина французскихъ мемоаровъ, одна изъ тѣхъ пльнительныхъ, остроумныхъ бу-

дарныхъ Ассизій , которыя очаровываютъ своею легкою граціею, своимъ утонченнымъ изяществомъ и умѣютъ оградиться отъ упрека въ мелочности и поверхности понятій изумительнымъ знаніемъ той общественной системы, къ которой онъ принадлежатъ, а также трогательнымъ, полузамѣтнымъ сътованіемъ, на безсмысленныя мелочи, въ которыхъ онъ принуждены заключать все свои способности и чувства. Такія-то женщины составляютъ особенный классъ въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ блестятъ и тоскуетъ это существо, столь веселое повидимому , а въ сущности столь несчастное, женщина безъ домашнихъ обязанностей и домашней жизни.

Валерія де-Вантадуръ была для Мальтреверса образчикомъ совершенно новой для него человѣческой жизни, а самъ онъ былъ, можетъ-быть, чѣмъ-то столь же новымъ для прелестной Француженки. Они находили чрезвычайное удовольствіе въ бесѣдѣ другъ съ другомъ, хотя очень рѣдко сходились въ мнѣніяхъ.

Мадамъ де-Вантадуръ любила ѣздить верхомъ, и Мальтреверсъ былъ однимъ изъ ея обычныхъ спутниковъ ; потому что она уважала приличія, чтобы позволить себѣ гулять съ однимъ кавалеромъ. Какія дивныя мѣста посѣщали они въ эти ежедневныя прогулки!

Мальтреверсъ былъ хорошо знакомъ съ безсмертными твореніями древнихъ; онъ глубоко изучилъ поэзію, образъ мыслей, общественный бытъ, нравы художественныхъ Грековъ и избѣженныхъ Римлянъ и они составляли для него обильный источникъ воспоминаній и мыслей. Умъ его напитался Пактоломъ древности; и каждая его струя отдѣляла золотое зерно отъ классическаго Тмола. Это знакомство съ отжившими народами, часто бесполезное, имѣетъ невыразимую прелесть на мѣстахъ, гдѣ жили эти народы. Какое кому дѣло до древнихъ па Тайгетскомъ холму? но въ Баи, въ Помпеи, въ Виргиліевыхъ рощахъ невольно жаждешь короче познакомиться съ великими личностями древности. Какимъ драгоценнымъ *цичероне* былъ Мальтреверсъ для живой и любопытной Француженки! съ какимъ вниманіемъ слушала она рассказы его о жизни еще утонченной и роскошной, тѣмъ жизнь Парижа, о цивилизаціи, какой міръ уже не увидать, и тѣмъ лучше, потому что она была испорчена до корня, не смотря на свой обманчивый румянецъ здоровья. Эти холодныя имена, эти тѣни безъ тѣла, надъ которыми мадамъ де-Вантадуръ только разъ зъва-

ла, читая отрывки, называемыя исторіями, воскресая въ красноречивыхъ описаніяхъ Мальтреверса, блистали, двигались, садились за свои иришскіе столы, воспевали свою любовь, размышляли или дурачились, радовались или печалились, какъ живые люди.

Съ другой стороны, Мальтреверсъ узнавалъ изъ бесѣдъ наблюдательной и проникательной Валеріи тысячу новыхъ тайнъ современнаго міра. Какой огромный шагъ въ знаніи свѣта совершаетъ молодой человекъ съ высокими умомъ, когда сравниваетъ свои теоретическія понятія и свой опытъ съ теоріями и опытомъ свѣтской женщины, умной и способной размышлять! Этотъ шагъ можетъ-быть не возносить его выше, но зато онъ проясняетъ и изощряетъ его способность наблюденія. Какое безчисленное множество тайнъ человеческого сердца, мелкихъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ, сколько практической мудрости можетъ онъ почерпнуть изъ колкихъ замѣтокъ такой собесѣдницы!

— И такъ, вы полагаете, что эти величественные Римляне все не были такъ ужасно непохожи на насъ? говорила однажды Валерія, послѣ продолжительной бесѣды, въ которой Мальтреверсъ искусно показалъ разительное сходство въ нѣкоторыхъ явленіяхъ римскаго общественнаго быта съ нашимъ временемъ.

— Что касается до общества, увеселеній, занятій, склонностей, причудъ ума древнихъ Римлянъ, отвѣчалъ Мальтреверсъ, то сатира Горация ясно показываетъ, какъ близко они подходили къ намъ; мы видимъ въ ней, какъ въ зеркалѣ, собственные свои слабости и безразсудства, и можно бы подумать, что эти прелестныя страницы писаны въ Парижъ или въ Лондонъ. Въ одномъ только древнѣйшій міръ не имѣетъ рвѣнительно никакого сходства съ новымъ.

— Въ чемъ?

— Древніе не имѣли понятія о тѣхъ тонкостяхъ чувства любви, которыми отличаются потомки Готтовъ, отвѣчалъ Эрнестъ; — они отдавали одной чувственности то, что должно бы по-крайней-мѣрѣ столько же принадлежать разуму и воображенію.

— Можетъ-быть, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, жизнь наша счастливѣе безъ любви. Мнѣ кажется, что мы въ своемъ новомъ общественномъ устройствѣ дали любви слишкомъ огромное преобладаніе надъ прочими элементами жизни (Валерія действительно выражала свое чистосердечное мнѣніе, хотя это мнѣніе очень рѣдко между женщинами); — насъ съ дѣтства учать мечтать о любви; въ юности

книжки, карты, басыды, игры, зрелища, переполнены ею. Намъ причасть смотреть на любовь, какъ на самую главную задачу въ жизни, а когда приходитъ минута опыта, время удовлетворить возбужденныя въ насъ желанія, девять разъ изъ десяти оказывается, что мы несчастны и губимъ себя навсегда. Нѣтъ, мистръ Мальтреверсъ, не въ нашемъ мѣрѣ можно провозглашать любовь.

— Осмѣлюсь спросить, Валерія де-Вантадуръ говорить ли по опыту? сказалъ Эрнестъ, пристально вглядываясь въ измѣнившееся лицо своей слушницы.

— Нѣтъ, и надѣюсь никогда не дожить до этого опыта, отвѣчала Валерія съ смѣлою.

Эрнестъ слегка надулъ губы; самолюбіе его было сильно задато.

— Я охотно отдалъ бы большую часть своихъ надеждъ на будущее, за удовольствіе слышать изъ вашихъ устъ отреченіе отъ этого мнѣнія, сказалъ онъ.

— Мы очень далеко уехали отъ товарищей; мистръ Мальтреверсъ, замѣтила Валерія холодно, и удержала лошадь. — А, мистръ Феррерсъ, продолжала она, когда Феррерсъ и чувствительный нѣмецкій баронъ поравнялись съ ними, вы слишкомъ любезны; я вижу, теперь, что вы хотѣли сдѣлать мнѣ комплиментъ, когда говорили, что не можете сдѣлать за мною; пріятель вашъ не былъ такъ въжливъ.

— Нѣтъ, возразилъ Феррерсъ, который никогда не отпускалъ комплиментовъ безъ несомнѣнной для себя отъ того пользы; нѣтъ, это не то; но какъ вы съ Эрнестомъ пуститесь въ разсужденіе о вашихъ дрянныхъ Римлянкахъ, то пріятель нашъ баронъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы разсказать про свою невесту, которая его обожаетъ.

— Ахъ, мистръ Феррерсъ, какъ вы злы! сказалъ фонъ-Шенбергъ, съ видомъ причиннаго замѣнательства.

— Золъ? ничуть. Я говорю не изъ зависти; благодарю судьбу, меня отъ роду никто не обожалъ; это должно быть скучно до смерти.

— Поздравляю васъ съ сочувствіемъ, которое я вижу между вами и Феррерсомъ, шелнулъ Мальтреверсъ Валеріи.

Она засмѣялась; но потомъ, во все остальное время прогулки бы-

ла задумчива и разсѣянна. Черезъ нѣсколько дней послѣ того прогулки верхомъ прекратились, подѣ тѣмъ предлогомъ, что мадамъ де-Вангадуръ чувствовала себя не совсѣмъ здоровою.

III.

Эрнестъ не былъ уже такъ чистъ нравственно, какъ при отъѣздѣ своемъ изъ Англiи. Онъ съ-тѣхъ-поръ жилъ въ странахъ, гдѣ общественное мнѣнiе не имѣетъ никакого влiянiя, и смотритъ на все сквозь пальцы, а люди оттого лучше не дѣлаются. Сверхъ-того, онъ былъ брошенъ въ дѣйствительную жизнь съ пламенными страстями и съ рѣдкими умственными способностями; первыя вовлекали его во многiя ошибки, а вторыя выручали изъ послѣдствiй первыхъ; потому онъ долженъ былъ почувствовать необходимость подкрѣпить свои умственные силы, чтобы имѣть средство оградиться сегодня отъ обмана, завтра отъ насилiя. Сердце его въ глубинѣ оставалось также мягко и живо, но обложилось сверху твердою корою. Мальтреверсъ провелъ послѣднiе два года безъ всякой опредѣленной и занимательной цѣли; слѣдовательно онъ проживалъ свои способности и чувства, какъ безразсудный мотъ, а ничто не можетъ быть такъ вредно для чловѣка пылкаго и способнаго, какъ отсутствiе цѣли, которая поглощала бы избытокъ его жизненныхъ силъ.

Мальтреверсъ впалъ въ родъ эгоизма, но не рассчитаннаго, а невольнаго, который побуждалъ его искать удовольствiя, не заботясь слишкомъ много о вредѣ, который могъ послѣдовать оттого другимъ или ему же самому; однимъ словомъ, онъ сдѣлался болѣе себялюбивъ, менѣ великодушнѣе и безкорыстенъ.

Обращенiе Валерiи поочередно льстившее его самолюбию и коловшее его, вызвало его тщеславiе и гордость напомощъ фантазiи. Онъ рѣшился покорить этотъ умъ, котораго сила и странный складъ изумляли и увлекали его; это сдѣлалось для него предметомъ честолюбiя. Онъ жилъ въ это время съ свѣтомъ, и свѣтъ измѣнялъ его, какъ измѣнялъ многихъ людей. Однако же, по временамъ, что-то шептало ему въ глубинѣ души, что онъ не оправдывалъ своего предназначенiя, не исполнялъ своего долгу; и когда онъ вырывался на мгновенiе съ поприща своихъ блестящихъ, но холодныхъ забавъ, въ немъ временно

ожидало прежнее стремленіе ко всему прекрасному, великому, благому. Эрнестъ, не смотря на эти похвальные восклицанія къ болѣе великимъ помысламъ, черезъ минуту опять увлекался употребительнымъ присутствіемъ Валерин.

Однажды вечеромъ Эрнестъ, Лумлей Феррерсъ, маленькій французскій посланникъ и хорошенъкая Итальянка, княгиня ***, составляли все общество, собравшееся у мадамъ де-Вантадуръ. Разговоръ какъ-то обратился на зазорныя исторіи Англичанъ, столь обыкновенныя на континентѣ.

— Неужели правда, сказалъ французскій дипломатъ съ важностью, обращаясь къ Феррерсу, что ваши соотечественники беззавоудвеннѣе прочихъ народовъ? Странное дѣло, но въ какой городъ мнѣ ни случалось прѣзжать, вездѣ мнѣ рассказывали какую-нибудь грязную исторію, которой героями были Англичане. О грѣхахъ Французовъ и Итальянцевъ, мнѣ рѣдко случалось слышать, все только насчетъ Англичанъ.

— Я думаю, это скорѣе потому, что такіе случаи возбуждаютъ наше негодованіе, мы дѣлаемъ изъ нихъ много шума, между-тѣмъ какъ вы принимаете ихъ спокойно. Порокъ у насъ эпизодъ, у васъ — наша эпопея.

— Положимъ, что такъ, сказалъ Французъ, принимая чрезвычайно важный видъ; если мы плутуемъ въ карты, если мы ухаживаемъ за хорошенъкою женщиною, мы во всемъ этомъ знаемъ приличіе, и сосѣди не находятъ нужнымъ поставить изъ-за этого все вверхъ дномъ; они будутъ съ нами рязаться или стрѣляться, но никогда не потянутъ насъ къ суду. У васъ каждый грѣшокъ считается дѣломъ общественнаго интереса, о которомъ должно разсуждать, говорить, которое должно провозглашать при звукѣ трубъ и барабанномъ бѣе.

— Я одобряю систему огласки, подхватила мадамъ де-Вантадуръ, съ необыкновенною живостью. Говорите что хотите, а страхъ охранять добродѣтель многихъ изъ насъ. Проступокъ могъ бы нѣкоторымъ показаться не такъ ужаснымъ, если бы послѣдствія одной даже неосмотрительности не заставляли насъ трепетать.

— Гмъ! гмъ! бормоталъ мосѣ де-Вантадуръ, обходя гостиную съ обычными своими взглядами. Какъ ваше здоровье? Очень пріятно васъ видѣть. Прекрасный вечеръ.... я полагаю, что будетъ дождь.

Гмъ! гмъ! у меня свой взглядъ на вещи... А, мнѣй Ферреро, какъ выно здоровы? когда дадите вы мнѣ реваншъ въ экарте? и уверены, что сегодня мнѣ должно повести; гмъ! гмъ!

— Въ экарте? извольте, къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Ферреро. Онъ былъ мастеръ играть, и игралъ очень счастливо.

Разговоръ былъ на время прерванъ. Все общество собралось вокругъ стола, кромѣ Валеріи и Эрнеста. Опустьвшія кресла раздвинули ихъ; но никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ кресла мило-по-милу были отодвинуты, и они очутились рядомъ.

— Играете вы иногда въ карты? спросила мадамъ де-Вантадуръ мужа и втораго молчанія.

— Игралъ, отвѣчалъ Эрнестъ, и знаю эти покушенія; но теперь уже не смѣю играть. Я знаю волненіе, производимое игрою, но я не смѣю унизеніе, которое оно влечетъ за собою. Это нравственное унизеніе несравненно опаснее, чѣмъ физическое.

— Вы говорите о немъ съ необыкновеннымъ жаромъ!

— Потому что я живо чувствую то, чѣмъ говорю. Я выигралъ послѣднія деньги у человека, котораго я уважалъ, и которому деньги были дороги, потому что онъ былъ бѣднѣй. Горестъ его была для меня поразительнымъ урокомъ. Я воротился домой и унываю, когда подумаю, что горестъ другаго человека достанна мнѣ столько удовольствія. Съ того вечера, я не бралъ карты въ руки.

— Слѣзке оны воле! сказала Валерія, и взоромъ и голозомъ ее выразилъ удивленіе и восхищеніе. — Вы страшное общество; друге бросилъ бы карты оттого, что проигралъ, а вы бросили ихъ оттого, что выиграли. Прекрасная вещь — никакъ нравственные убавленія въ ваши лѣта, мосѣ Мальтреверсѣ.

— Боюсь, что у меня больше гордости, чѣмъ нравственности убавленій. Нѣтъ ничего горестнѣе, какъ заблужденіе, заставляющее насъ краснѣть передъ самимъ собою. Ни за что въ мірѣ не рашуе устыдиться самого себя.

— Алъ, проинтала Валерія, отголосекъ собственной мысли!

Она встала и отошла къ окну. Мальтреверсъ остался съ минутою въ нервшинности, и потомъ несѣдовала за нею; менагъ-бытъ онъ почти думать, что она сдѣлала это именно затѣмъ, чтобы онъ пошелъ за нею.

Нарядъ ннѣе была пустынная улица, со своими радкими и тѣ-

наши соняры; вдали, въсколко звездочекъ, съ трудомъ пробивавшихся сквозь густую, облачную атмосферу, указывали мвотами сильно волнующееся море. Валерія прислонилась къ ствнъ; илннныя занавѣсы окна скрывали ее отъ всѣхъ взоровъ, кромъ взоровъ Мальтреверса, но между нимъ и ею стояла большая мраморная ваза съ цвѣтами. При этомъ слабомъ освѣщенн, рдвющнхъ щеки Валерн казались покрытыми темною, грустною блдностью. Валерн, замѣтивъ его, вздрогнула непритворно, потому что она не думала, что онъ былъ такъ близко. И въ то же время она щипала цвѣты въ раздвѣленной нъ вазе; заманна, довольно обыкновенная у женщинъ. Эрнестъ пощипывалъ глазами эту нлжнкую, почти прозрачную ручку, потомъ веръ его переходилъ на лицо, и съ лица опять на ручку. Всъ окружающнхъ предметы представлялись Эрнесту будто въ туманъ....

— Прости, прости! лепеталъ Эрнестъ голосомъ, задыхающимся отъ волненн; я осмѣливаюсь признаться вамъ....

Валерн взвела на него свои свѣтлыя, снющнхъ взоры, и не отвѣчала.

Эрнестъ продолжалъ: — Можете бранить меня, если хотите, можете презирать, ненавидѣть меня, Валерн, но я люблю васъ.

Валерн молчала.

— Скажите мнѣ одно слово, сказалъ Эрнестъ, наклонясь къ ней; умолю васъ, одно слово!

Онъ умолялъ, но отвѣта не было. Онъ слушалъ, пританв дыханн въ груди и умолялъ глухн, сдерживаемыя рыданн. Эта свѣтская женщина, столь гордая, строгая, умная, была въ эту минуту такъ же слаба, какъ самая простенькая дѣвушка.

— Мосъ Мальтреверсъ, сказала она наконецъ голосомъ полнымъ глубокой грусти, но болѣе твердымъ и свѣтлымъ противъ обыкновеннаго; жребнй броненъ; я лишилась друга, за котораго я съ радостью готова была умереть, но ннхъ права жить для его счастья. Мнѣ следовало предвидѣть это; но я была ослѣплена. Ни слова болѣе, приходите къ намъ завтра; теперь же оставьте меня.

— Но, Валерн....

— Эрнеста, перебила она, легко положивъ свою руку на руку могодаго человека, ничто не можетъ быть мучительнѣе, какъ заблужденн, которое заставляеть насъ краснѣть передъ собою!

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ возразить на имъ же самимъ приведенное изреченіе, обращенное теперь противъ него, Валерія уже сидѣла за карточнымъ столомъ, подлѣ итальянской княгини.

Мальтреверсъ тоже приблизился къ столу и устремилъ испуганный взоръ на Валерію. Она была спокойна; въ лицѣ ея не было ни малѣйшаго слѣда недавняго волненія. Тотъ же голосъ, та же улыбка, та же свѣтская любезность, какъ при первомъ ихъ свиданіи.

— О женщины, какимъ непостижимымъ лицемъриемъ одарены онъ всѣ! подумалъ Эрнестъ и губы его завернулись съ выраженіемъ презрѣнія. Эта ужимка съ нѣкотораго времени стала довольно часто искажать спокойное и ясное выраженіе душевной доброты, которое было отличительною чертою его фizioноміи въ первой молодости, когда онъ не научился еще презирать. Но Мальтреверсъ очень ошибался на счетъ женщины, которую осмѣливался презирать.

Мальтреверсъ недолго пробылъ въ балацѣ, и возвратился въ свою гостинницу. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ, когда явился Феррерсъ. Время власти Феррерса надъ Мальтреверсомъ уже прошло. Теперь Эрнестъ сознавалъ вполне свое превосходство надъ товарищемъ. Онъ не могъ повѣрить Феррерсу того, что произошло между нимъ и Валерією. Чувства Лумлея были слишкомъ грубы, чтобы его можно было избрать въ повѣренные въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ участвовало сердце. Въ минуты безпечной веселости, онъ былъ золотой человѣкъ; но въ минуты грусти или сильнаго душевнаго напряженія, отъ него надо было бѣжать за тридевять земель.

— Вы сегодня не въ духъ, любезнѣйшій, сказалъ Лумлей, зѣвая, видно не выспались прошлую ночь. Есть же такіе равнодушные люди, такіе эгоисты, что никогда не подумаютъ о друзьяхъ. Ну, чтобы спросить меня, много ли я выигралъ въ карты? нѣтъ, и не жди такого вниманія. Однако же, сдѣлайте милость, не спите такъ долго савтра утромъ; я не терплю завтракать одинъ, и не могу оставаться въ постели долѣе трехъ четвертей девятаго ... ненавижу эгоистовъ и невѣжливыхъ людей. Доброй ночи.

Съ этими словами, Феррерсъ ушелъ въ свою комнату и, лѣниво раздѣваясь, повелъ съ собою слѣдующую рѣчь: — Кажется, я извлекъ изъ этого человѣка всю пользу, какую можно было извлечь. Намъ нельзя болѣе оставаться запряженными подъ одно ярмо; мнѣ и самому уже начинается надоедать такой образъ жизни.

IV.

— Приходите завтра!... это завтра уже настало! думалъ Эрнестъ, оставая на слѣдующее утро свое безсонное ложе. Но прежде, чѣмъ онъ явился на нетерпѣливый призывъ Феррерса, который присылалъ уже сказать ему, что онъ никогда не заставляетъ ждать себя, вошелъ слуга съ пачкою писемъ изъ Англии. Пробѣжавъ сначала наскоро письма управителей и банкировъ, Мальтреверсъ принялся за самое занимательное, за длинное посланіе Кливленда. Послѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ подробностей и не любопытныхъ замѣчаній на столъ же не любопытныя замѣчанія послѣдняго письма Эрнеста, Кливлендъ продолжалъ:

«Признаюсь, любезный Эрнестъ, что я очень желалъ бы видѣть тебя опять въ Англии. Ты довольно пробылъ за границею, чтобы узнать другія страны, не оставайся довольно долго, чтобы предпочесть ихъ своей родинѣ. И еще въ Неаполѣ! я трепещу за тебя. Знаю ее, эту упоительную, мечтательную Италію, столь заманчивую для людей съ образованіемъ и воображеніемъ, столь благоприятную удовольствіямъ! Но не чувствуешь ли самъ, Эрнестъ, какъ она растлеваетъ душу? какъ это очаровательное *fa-g-niente* дѣлаетъ неспособнымъ къ серіознымъ занятіямъ? Человѣкъ склоненъ изнѣживаться до того, что дѣлается негоденъ къ полезнымъ задачамъ жизни; но нигдѣ онъ не достигаетъ этого результата такъ быстро и въ такой степени, какъ въ Италиі. Я тебя хорошо знаю, Эрнестъ; знаю, что ты не для того рожденъ, чтобы сдѣлаться аматѣромъ, полагающимъ все свое счастье въ коллекціи медалей, и бредящимъ одними картинами; еще менѣе для того, чтобы быть чичисбеемъ итальянской красавицы, которой сердце переполнено одною страстью, а въ головѣ нѣтъ мѣста для двухъ мыслей. Однако же я видалъ людей съ такимъ же умомъ и такими же способностями, которыхъ эта чаровница Италія обращала въ то или другое изъ этихъ изнѣженныхъ существъ. Не обманывай себя мыслью, что у тебя еще много времени впереди. Это ложь. Въ твою лѣта, съ твоимъ богатствомъ, празднества одного года дѣлаются ежедневною необходимостью слѣдующаго. Если ты хочешь быть человекомъ полезнымъ и замѣчательнымъ въ Англии, ты долженъ тру-

даться, трудъ же приятенъ только, когда къ нему привыкають съ раннихъ лѣтъ. Мы народъ холодный и суровый, но мужественный. Ты возразишь, можетъ-быть, что ты не честолюбивъ. Теперь, согласи; но будешь честолюбивъ со временемъ; а повѣрь мнѣ, нѣтъ несчастнѣе существа, какъ честолюбецъ безъ надежды на успѣхъ; честолюбецъ, который жаждетъ славы, и не знаетъ возможности достигнуть ея; жалеть быть у цвалъ, и не знаетъ духу бросить туфли и прогнаться на состязаніе. Я могъ бы написать тебѣ еще много, но тѣмъ же надеждою, что и то, что написалъ, лишнее; если такъ, то напиши мнѣ и усвоной старика. Помни одно, Эрнестъ Мальтреверсъ: если ты не исполнишь того, къ чему Провидѣніе предназначило тебя, ты будешь или жалкимъ невзвѣтропомъ, или извѣжженнымъ сластолюбцемъ, ко всему равнодушнымъ, пресыщеннымъ въ мужестве, и сверлянымъ, неспособнымъ ни къ какой радости, въ старости. Но если хочешь следовать по пути, назначенному тебѣ, то скорее должно будетъ тебѣ къ нему готовиться. Одного желаю тебѣ, чтобы ты трудился, чтобы ты къ чему-нибудь стремился, къ чему бы то ни было. Трудись, трудись, вотъ все, чего я отъ тебя требую.

«Хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты увидѣлъ свой прадедовскій домъ; онъ принялъ еще болѣе почтенный, болѣе романтическій видъ; во время твоего отсутствія плющъ совершенно покрылъ его съ трехъ сторонъ. Монтанъ охотно бы въ немъ поселился.

«Любящій тебя и безпокоющійся о тебѣ опекунъ
«Фредерикъ Кливлендъ».

«P. S. Я принялся писать книгу. Она дастъ мнѣ работы лѣтъ на десять, работы безъ утомленія. Послѣдуй моему примѣру».

Мальтреверсъ дочитывалъ письмо, когда Лулей вошелъ, очень сердитый.

— Хотите прогуляться верхомъ? спросилъ онъ. Я отослалъ завтракъ, потому что видѣлъ, что сегодня нѣтъ надежды позавтракать, и въ ожиданіи у меня и аппетитъ прошелъ.

— Ба! сказалъ Мальтреверсъ.

— Ба! хорошо отвѣтъ! Признаюсь, я терпѣть не могу людей, которые не умѣютъ жить съ порядочными людьми.

— Я получилъ письмо отъ Кивилонда.

— Да чортъ ли въ пиписькѣ, когда пора завтракать!

— Феррерсъ, вы неспособный эгоистъ; думаете только о себѣ, и всегда въ самомъ животномъ отношеши.

— Ну да, и въ этомъ я совершенно правъ, отвѣчалъ Феррерсъ съ видомъ совершеннаго самоудовольствія. Вѣдь вы не станете оспаривать, что человекъ животное. Будь онъ животное травоядное, я сгнѣлъ бы вотъ траву; но оно животное плотоядное, и житомъ употребляющее вареную пинцу, и я емъ котлетки, теризать не могу другое приготовленнаго соуса, и смѣюсь надъ вашимъ презрѣнимъ къ вамъ, безъ которой мы не могли бы жить; гдѣ же тутъ эгоизмъ?

Уже было довольно поздно, когда Мальтреверсъ вошелъ въ палеццо мадамъ-де-Вантадуръ. Онъ очень удивился и обрадовался, когда его ввели, въ первый разъ, въ то недоступное убѣжище, которое называется на обыкновенномъ языкѣ будоаромъ. Но заветное убѣжище мадамъ де-Вантадуръ, въ которомъ она читала, писала, размышляла, вовсе не походило на тѣ изящныя, кокетливыя кабинеты, которыя обыкновенно называются этимъ именемъ: это была довольно большая комната, убранная чрезвычайно просто, но со вкусомъ, и уставленная книгами; скорѣе комната Корнелии, чѣмъ пріемная Аспазии.

Валерія не было, и Мальтреверсъ, оставшись одинъ и окинувъ взоромъ всю комнату, задумчиво прислонился къ стѣнѣ. Скоро дверь отворилась, и вошла Валерія; она была необыкновенно блѣдна, и Мальтреверсу показалось, что глаза ея были заплаканы. Онъ быль тронуть, сердца его сильно забилося.

— Я, кажется, заставила себя ждать? сказала Валерія, указывая ему рукою кресла въ некоторомъ разстоянш отъ тѣхъ, въ которыхъ она села сама, — и потомъ прибавила съ улыбкою: — но я надѣюсь, что вы извините меня.

Мальтреверсъ хотѣлъ что-то сказать, но она, замѣтивъ это, перебила его и продолжала: — Выслушайте меня, мосье Эрнестъ; прежде чѣмъ будете говорить, выслушайте меня. Вчера вечеромъ вы произнесли слова, которыхъ вамъ никогда не следовало бы говорить мнѣ, вы сказали... что вы любите меня.

— Да, Валерія; когда мы увидѣлись, вы пробудили въ моемъ сердцѣ чудное чувство, которое давно уже было усыплено; а съ-тѣхъ-поръ, сколько новыхъ, глубокихъ ощущеній породило это чувство!

Ваша любезность, вашъ умъ, ваши возвышенные понятія, столь вѣрные и въ тоже время столь женственные, довершили побѣду, начатую вашею красотою и вашимъ голосомъ. Я люблю васъ, Валерія...

— Теперь, слушайте меня, перебила Валерія, покраснѣвъ, но спокойнымъ голосомъ: мы не должны болѣе видѣться.

— Какъ! вскричалъ Эрнестъ, невольно падая къ ея ногамъ. Нѣтъ, Валерія, нѣтъ, я не хочу слушать васъ.

Мадамъ де-Вантадуръ встала и сказала съ спокойнымъ благородствомъ: — Выслушайте меня спокойно, или я сейчасъ же выйду, и вы никогда не услышите того, что я хотѣла сказать.

Эрнестъ всталъ, сложилъ руки на груди, прикусилъ губы и остановился противъ Валерія.

— Сударыня, сказалъ онъ торжественно, я васъ болѣе не буду оскорблять; буду вѣрить вашей физиогноміи, вашему обращенію.

— Вы несправедливы, сказала Валерія съ грустною улыбкою; но все мужчины таковы. Дайте мнѣ объясниться, высказать свою душу. Я принадлежала къ фамиліи, въ которой все женщины были добродѣтельны, а все мужчины храбры. Изъ множества женщинъ, предавшихся преступной любви, я не нашла ни одной, которая была бы счастлива. Добродѣтель — вотъ мой возлюбленный; она гордость, улада, жизнь моей жизни. Если вы меня любите, вы не захотите лишнить меня этого сокровища!... Когда мы познакомились ближе, я создала себѣ чудный, романическій планъ. Я хотѣла быть для васъ самымъ надежнымъ, самымъ вѣрнымъ другомъ, вашимъ повѣреннымъ, вашимъ совѣтникомъ, а можетъ-быть, въ самыя важныя эпохи вашей жизни, вашимъ вдохновителемъ и вашею опорою. Повторяю, я не подозрѣвала ни малѣйшей опасности въ вашемъ обществѣ. Свѣтъ являлся мнѣ сквозь обманчивую призму моего удивленія чувствительной и возвышенной душѣ и богато надвѣленною природою уму. Я мечтала, что мы можемъ вѣчно остаться другъ для друга помощниками и утѣшителями. Я даже съ удовольствіемъ помышляла о вашей женитьбѣ на достойной васъ женщинѣ; представляла себѣ, какъ буду любить вашу жену, какъ вмѣстѣ съ нею буду заботиться о вашемъ счастіи. И вдругъ все эти видѣнія разлетѣлись, волшебныя чертоги разрушились, и я проснулась на краю пропасти. Вы сказали мнѣ, что любите меня; при этомъ роковымъ словъ завѣса упала съ моихъ глазъ! Умоляю васъ содѣйствовать чувству долга,

которое живетъ во мнѣ; умоляю васъ доказать мнѣ ваше доброе обо мнѣ мнѣніе, ваше уваженіе.... и никогда не видѣться со мною!

Эрнестъ стоялъ будто подъ вліяніемъ волшебной силы. Наконецъ онъ приблизился къ Валеріи, преклонилъ коленно, поцѣловалъ ея руку съ глубокимъ благоговѣніемъ, и отвернулся, чтобы выйти изъ комнаты, не смѣя сказать слова.

Валерія смотрѣла на него съ безпокойствомъ. О нѣтъ, нѣтъ, вскричала она; не оставляйте меня такимъ-образомъ! это послѣднее наше свиданіе, послѣднее! Скажите мнѣ по-крайней-мѣрѣ, что вы понимаете меня, что я въ вашемъ мнѣніи такъ же далека отъ холоднаго кокетства, какъ и отъ преступной слабости!

— Валерія, сказалъ Эрнестъ, если я молчу, то это потому, что мое сердце слишкомъ переполнено, чтобы высказать его чувства. Вы возвысили въ моихъ глазахъ весь свой полъ; прежде я васъ любилъ, а теперь поклоняюсь вамъ! Ваша благородная откровенность, столь далекая отъ уступчиваго колебанія и отъ жалкихъ изворотовъ обыкновенныхъ женщинъ, тронула въ моемъ сердцѣ струну, которая много лѣтъ уже не издавала звука. Я выхожу отъ васъ съ лучшимъ мнѣніемъ о человеческой природѣ. О, поспѣшите забыть все, что могло бы придать некоторую горечь воспоминаніямъ вашимъ обо мнѣ; позвольте мнѣ надѣяться, что и въ разлукѣ, ваша дружба не утратитъ того облагораживающаго вліянія, о которомъ вы говорили. А если когда-нибудь имя мое будетъ произноситься съ уваженіемъ, можетъ-быть съ гордостью, вы можете сказать, Валерія, что я старался утѣшиться въ утратѣ вашей любви, сдѣлавшись достойнымъ вышего довѣрія и уваженія. О, зачѣмъ вы не встрѣтились мнѣ, когда еще не существовало преграды между нами!

— Идите, идите, прошептала Валерія; да хранитъ васъ Богъ! идите.

Онъ пролепеталъ нѣсколько непонятныхъ, несвязныхъ словъ, и вышелъ вонъ изъ комнаты.

V.

Когда Лумлей Феррерсъ пришелъ домой съ прогулки, онъ очень удивился, увидя въ головину комнаты Эрнеста заставленную чемоданами, дорожными мѣшками, книгами, и услышавъ приказанія, которыми Швейцарецъ-камердинеръ раздавалъ носильщикамъ на своемъ особенномъ нарѣчьи, которое онъ сочинилъ изъ смѣси словъ французскихъ, итальянскихъ и англійскихъ.

— Это что значитъ? спросилъ Лумлей.

— Синьоръ увѣжаетъ, сэръ; и такъ неожиданно, сэръ....

— Какъ? куда же онъ ѣдетъ?

Феррерсъ перескочилъ черезъ чемоданы и мѣшки, и безъ церемоній вошелъ въ комнату Мальтреверса, который сидѣлъ въ креслахъ, опустивъ руки на колѣна и голову на грудь.

— Что это значитъ, Эрнестъ? Ужъ не убили ли вы человека на дуэли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же такое случилось? зачѣмъ вы увѣжаете? куда?

— Какое вамъ дѣло? оставьте меня въ покоѣ.

— Вотъ истинно по-пріятельски, и удивительно какъ учтиво! сказалъ Феррерсъ; а мнѣ куда дѣваться, мнѣ? какого я отыщу себѣ товарища въ этомъ притонѣ антикваріевъ и лазарони? Вы не имаете ни на грошъ чувства, мистръ Мальтреверсъ.

— Хотите вхатъ со мною? спросилъ Мальтреверсъ, тщетно стараясь скрыть свое нетерпѣніе.

— Да куда вы ѣдете?

— Куда угодно, въ Парижъ, въ Лондонъ....

— Нѣтъ, я уже распорядился на счетъ своей лѣтней кампаніи. Я не такъ богатъ, какъ нѣкоторые особы, и ненавижу перемѣну, тѣмъ болѣе, что онъ дорого обходятся.

— Но, любезный другъ....

— Сами посудите, благородно ли вы поступили со мною? прервалъ Лумлей, въ ужасномъ гнѣвѣ, что съ нимъ случилось въ первый разъ въ жизни. Если бы я былъ старый фракъ, который вы таскали

на меня жить жить, вы не могли бы бросить меня съ большими разведками.

— Простите меня, Ферреро. Честь велитъ мнѣ познать этого герцога немедленно. Но я надеялся, что вы оставите меня въ покоѣ и въ моемъ отсутствіи. Вы знаете, что моя квартира нашла на три мѣсяца.

— Гмъ! означалъ Ферреро; если такъ, то я думаю, гораздо благоразумнѣе будетъ мнѣ оставаться здѣсь. Но къ чему секретничать со мною? Не разсуждала ль васъ мадамъ де-Вангадуръ? ужъ не проникла-ль ли она муженскъ, съ помощью своихъ взглядовъ на вещи, гмъ! гмъ!?

— Эрнестъ съ трудомъ смирилъ свое негодованіе при этой дерзости; кѣтъ, можетъ-быть, болѣеи пытки для терпѣнія человека, какъ нескромныя и несправедливыя замѣчанія друга о сердечныхъ дѣлахъ.

— Ферреро, сказалъ онъ, если вы сколько-нибудь уважаете и любите меня, никогда не произносите дерзкаго слова о мадамъ де-Вангадуръ!

— Зачѣмъ же вы идете?

— Не мучьте меня, отвѣтите шмыгошь.

— Такъ, прощайте, сэръ, сказалъ Ферреро, сильно обидѣвшись, и вышелъ изъ комнаты. Эрнестъ ухмыль, не простившись съ нимъ.

Настала уже ночь, когда Мальтраверсъ наконецъ остался одинъ, въ своей каретѣ, следуя при свѣтѣ звездъ по древней и печальной вартской дорогѣ. Это удивленіе было отрадно путешественнику; особенно былъ онъ радъ, что освободился отъ Феррерса, котораго безпощадная логика, эгонстическое самовластіе, прикрытое формою шутки, и грубая чувственность, были бы нестерпимы Эрнесту въ настоящемъ состояніи его души.

Вставая на слѣдующее утро, онъ увидѣлъ въ окна цвѣтущія померанцовыя аллеи гаетской гавани, и легкій вътерокъ принесъ ему ихъ аромать. Это было въ началѣ весны: воздухъ, земля, дышали свѣжестью, здоровьемъ. Даже Италия представляетъ мало видовъ, которые могли бы сравниться въ красотѣ съ гаетскою гаванью; море, омывающее этотъ берегъ, такъ же дивно, такъ же очаровательно, какъ передъ Неаполемъ и Сорренто.

Едва прикоснувшись къ поданному завтраку, Эрнестъ отправился скитаться по лимоннымъ рощамъ и пришелъ къ заляву. Тутъ, лѣ-

ниво растянувшись близъ журчащихъ волнъ, онъ попытался, въ первый разъ послѣ разлуки своей съ Валеріею, дать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Къ великому своему удивленію, онъ нашелъ себя не такъ удрученныиъ горестью, какъ онъ предполагалъ. Напротивъ, онъ чувствовалъ что-то невыразимо-приятное, облеканнее всѣхъ его воспоминанія о прекрасной Француженкѣ. Можетъ-быть это объяснялось очень просто, тѣмъ, что гордость его не была оскорблена, а совѣсть была спокойна. Онъ пробуждался изъ своего лихорадочнаго сна съ очищеннымъ сердцемъ и съ болѣе высокимъ понятіемъ о человеческой и особенно о женской природѣ. Онъ встрѣтилъ честность, прямоту и добродѣтель въ женщинѣ, окруженной людьми легкомысленными и порочными, ничѣмъ не огражденной отъ обольщеній, ни нравами и понятіями страны, ни покровительствомъ мужа, ни почтеніемъ, которое бы онъ внушалъ; словомъ, въ свѣтской женщинѣ и парижанкѣ. Валерія де-Вантадуръ научила его не презирать ея пола, не судить по одной наружности, не упадать духомъ передъ лицемъриемъ толпы. Онъ искалъ въ своемъ сердцѣ любви къ Валеріи, и нашелъ въ немъ любовь добродѣтели. Онъ былъ убѣжденъ, что Валерія де-Вантадуръ не могла слабодушно предаться влеченію страсти, которую осуждалъ ея разумъ. — Какъ бы то ни было, сказалъ онъ почти вслухъ, но сердце мое возрадуется, когда я узнаю, что она помнитъ меня какъ помнитъ друга. Послѣ ея любви, величайшее блаженство — это ея уваженіе.

Къ такому чувству привело его размышленіе; и по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся съ юга, съ каждою милею чувство это дѣлалось сильнѣе и прочнѣе.

=

КНИГА ТРЕТЬЯ.

=

Не всякому человѣку является Аполлонъ ; тотъ великъ, кто его видитъ.

Каллимахъ.

I.

Отдохнешь здѣсь , и пусть звуки музыки чаруютъ нашъ слухъ , а спокойствіе ночи служитъ клавиромъ ихъ сладостной гармоніи.

Шекспиръ.

Пѣсня пловцовъ на Комскомъ озерѣ.

Чудный край ! страна любви, прекрасная Италия ! Небо всегда тебѣ улыбается, смотритъ на тебя вѣжными взорами матери. Каждый цвѣтокъ, что оно распускаетъ, каждый лучъ, что сіяетъ на твоей груди, есть даръ его любви.

Чудное озеро Ларіевъ, никогда богиня ловицъ и ея нимфы не были такой прекрасной купѣли ! Смотри, вотъ свѣтлая Феба и ея лучезарныя водруги еще не могутъ разстаться съ твоими струями !

Милое дитя дикихъ горъ, да не возмутится никогда твой сонъ горами ! Съ самаго твоего рожденія, земныя слезы никогда не смѣняли твоей очаровательной, вѣчной улыбки. Ты вѣжишься въ своей цвѣтковой колыбели, а часы, эти прилежныя пчелы, приносятъ тебѣ только чистые и сладкіе соки.

Таковы были, присоединивъ къ слабому переводу сладостную гармонію итальянскаго языка и стиха, строфы, несшіяся, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, по поверхности Комскаго озера. Лодка, изъ которой выходило пѣніе, тихо плыла по сверкающимъ струямъ къ мнѣстому краю наклоннаго луга, на вершинѣ котораго виднѣлись бѣлыя станы виллы, окруженной виноградниками. Молодая и прекрас-

ная женщина стояла на краю луга, опершись на руку мужа и слушала пѣніе; но удовольствіе ея еще усилилось, когда пловцы, приближаясь къ берегу, вдругъ измѣнили размѣръ музыки, и она узнала, что это пѣніе исполнялось въ честь ея.

Серенада пловцамъ.

«Тихо, тихо опустили весла, не тронувъ волнъ, вздыхающихъ на этомъ берегу. Священная почва, гдѣ играющія волны встрѣчаются съ залливомъ, гдѣ такъ сладко вѣетъ ароматомъ лимонныхъ деревьевъ. Волшебная снага влечетъ насъ по этимъ волнамъ къ послѣдней изъ нашихъ музъ, гению пѣнія. Самая юная изъ дочерей гармоніи спасла отъ гибели одну вѣтку нашихъ лавровъ.

«Они слышали твой голосъ, Тереза, эти Галлы и Тевтоны, суровые сыны сѣвера; они слышали твой голосъ и признали могущество твоего пѣнія. Власть твоего эфирнаго дыханія повсемѣстна, какъ власть любви надъ сердцами, власть луны въ атмосферѣ, власть души надъ тѣлною его оболочкою. Честь и слава великой истолковательницѣ великихъ таинствъ искусства!»

— Ты не сожалѣешь, моя Тереза, что откажешься отъ своего блестящаго поприща, чтобы запереться въ скромномъ и мирномъ жилищѣ старика мужа, который могъ бы быть тебѣ отцомъ? спросилъ мужъ молодой женщины, съ улыбкою человека, заранее увѣреннаго въ отвѣтъ, который будетъ ему сдѣланъ.

— О нѣтъ, отвѣчала она, и самое это привѣтствіе, которое такъ восхищаетъ меня, утратило бы половину своей прелести, еслибъ ты не слушалъ его вѣвѣтъ со мною.

Это была знаменитая итальянская пѣвица, синьора Чезарини, нынѣ мадамъ де-Монтанъ. Она явилась очень молодой лѣтъ на сцену, и съ такимъ блестящимъ успѣхомъ, что ей можно было предсказать славное поприще; но она явилась только какъ быстрый, яркій метеоръ; послѣ нѣсколькихъ представленій она вышла замужъ за одного Француза, богатаго и изъ хорошей фамиліи, и оставила театръ. Съ тѣхъ-поръ она проводила жизнь попеременно въ шумныхъ гостиныхъ Парижа и на тихихъ берегахъ Комскаго озера, гдѣ мужъ ея купилъ прелестную виллу. Для себя и для короткихъ пріятелей она по прежнему занималась своимъ искусствомъ; сверхъ того эта молодая женщина, богато надѣленная природою и прекрасно развитая воспитаніемъ

чась, къ музыкальному таланту присоединила даръ изобретения. Мадма де-Монтанъ только-что пришла на лѣтнее свое мѣстопробываніе, и несколько молодыхъ энтузіастовъ изъ Милана хотѣли потратить на пріездъ этого потрачено.

Это обыкновеніе пріятный остатокъ прожитыхъ дней Италіи; я самъ съ восхищеніемъ слышалъ, на этомъ дивномъ озерѣ, подобіе пріветствію, посвященное великому генію, знаменитой Настъ, Сопраниста пѣнія. А въ ту минуту, какъ лодка моя останавливалась и энтузіасты музыкантовъ начинали заражать и меня, гребецъ мой дернулъ меня за руку, и сказалъ, указывая на одно мѣсто озера: — «Вотъ здѣсь, сивноръ, утонулъ одинъ важнъ соотечественникъ, прекрасный молодой человекъ». — Да, въ этомъ мѣстѣ, въ дѣвѣ молодости и дивной красоте, подъ окнами, на глазахъ своей невесты; и струи, не прерывая своей мирной улыбки ни одною грозною морщиною, сомкнулась надъ любимцемъ столькожъ сердець милымъ и мужественнымъ Л^н. Надъ его могилою стлалось это роскошное небо и несилась эта радостная музыка!

Когда лодка причалила къ берегу, мадамъ де-Монтанъ приблизилась къ ней и искренно поблагодаривъ музыкантовъ за лестное пріветствіе, пригласила ихъ сойти на берегъ. Миланцы, — ихъ было шестере, съ радостью приняли приглашеніе и привязали лодку. Тогда де-Монтанъ показалъ женѣ другую лодку, которая плавно неслась подъ тѣнью берега. Въ ней сидѣлъ молодой человекъ, который съ восхищеніемъ слушалъ игнѣ и даже присоединилъ къ хору свой голосъ, столь звѣрный и сильный, столь гибкій и великій, что все участники серенады были поражены имъ.

— Этотъ молодой человекъ не съ вами? спросилъ де-Монтанъ одного изъ Миланцевъ.

— Нѣтъ, сивноръ, мы его не знаемъ; его лодка подняла къ нашей повзначай, въ то время какъ мы пѣли.

Во время этого разговора, молодой человекъ тронулся, и весла его начали быстро прорѣзывать зеркальную поверхность озера прямо противъ де-Монтаня. Французъ, со свойственною его соотечественникамъ внимательностію, снялъ шляпу, и остановивъ пловца взоромъ и движеніемъ руки, сказалъ: — Не сдѣлаете ли вы намъ чести присоединиться къ нашему обществу?

— Я слышкомъ желаю этого удовольствія, чтобы отказаться отъ

него, отвѣчалъ молодой человекъ съ легкимъ иностраннымъ оттенкомъ въ произношеніи, и черезъ мгновеніе былъ уже на берегу. Назружность его была очень замѣчательна; длинные каштановые волосы съ изящною небрежностью развѣвались надъ высокимъ лбомъ, на которомъ видно было болѣе спокойствія и размышленія, чѣмъ можно бы предполагать въ его лѣта. Въ движеніяхъ и пріемахъ его была какая-то необыкновенная степенность и даже нѣкоторая гордость, которая дѣлалась еще поразительнѣе отъ его высокаго роста. Черты лица его были благородны, а его взоръ и улыбка выражали тихую грусть.

— Вы безъ труда повѣрите, сказалъ онъ, что не смотря на холодность, въ которой вообще упрекаютъ моихъ соотечественниковъ, — я полагаю, вы уже догадались, что я Англичанинъ, — я не могъ удержаться, чтобы не раздѣлитъ энтузіазма этихъ господъ, плывя такъ близко къ берегу, посвященному поэзіи. Впрочемъ, я живу въ настоящее время въ той виллѣ, что противъ вашей; имя мое Эрнестъ Мальтреверсъ, и я чрезвычайно радъ случаю узнать лично ту, которой слава уже дошла до моего слуха.

Въ тонѣ и манерахъ молодаго Англичанина было какое-то неподдальное чистосердечіе, которое дѣлало его привѣтствіе еще болѣе пріятнымъ той, къ кому оно относилось; черезъ пять минутъ, благодаря общительности, врожденной каждому Итальянцу, всѣ члены этого небольшого общества были словно знакомы уже болѣе десяти лѣтъ. Вино, плоды и другія простыя яствы были поставлены на простой столъ, вокругъ котораго усѣлись гости и хозяева; надъ ними сіяла луна, а у ногъ ихъ дремало озеро, задернутое серебристою пеленою. Это была сцена, достойная пера Боккачіо или кисти Клода-Лоррена.

Разговоръ очень естественно обратился на музыку, единственный предметъ, знаніемъ котораго, вообще, могутъ похвалиться Итальянцы; да и это знаніе вложила въ нихъ природа, потому что въ собственной наукѣ музыки, итальянскіе любители почти ничего не смыслятъ. Однако же, гордясь этимъ послѣднимъ остаткомъ ихъ народнаго генія музыки столько же, какъ древніе Римляне гордились обладаніемъ всего современнаго міра и всей образованности, они съ презрѣніемъ смотрятъ на варварскія, по ихъ мнѣнію, мелодіи прочихъ народовъ. Они не умѣютъ ни понять, ни оцѣнить могущественной нѣмецкой музыки, этой музыки героизма и фантазіи, передъ которою мелодіи

современной Италіи слабы, блѣдны, измѣнены и изъисканны. Россіини въ музыкѣ то же, что Канова въ скульптурѣ; въ обоихъ бездна прелестнаго, изящнаго, но нѣтъ ничего великаго.

Гости съ жаромъ говорили о музыкѣ и бесѣда ихъ развлекала Эреста, который всегда былъ готовъ сочувствовать восторженнымъ поклонникамъ этого искусства. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ, но почти не говорилъ; а когда разговоръ на мгновеніе приостанавливался, онъ съ любопытствомъ разсматривалъ своихъ новыхъ знакомыхъ. Изъ Миланцевъ, ни одинъ не представлялъ ничего замѣчательнаго, ни въ лицѣ, ни въ разговорѣ; всѣ они очевидно принадлежали къ среднему классу; во всѣхъ была итальянская живость и плодовитость слова, некоторое мужественное величіе, отличающее Ломбардца отъ южнаго Итальянца, и тотъ вышній дѣлъ образованности, который Миланцы заимствовали отъ частыхъ столкновений съ Французами. Но ни одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не отличался отъ тысячи ихъ согражданъ, которыхъ Мальтреверсъ встрѣчалъ по улицамъ или въ кофейняхъ ихъ города. Хозяинъ гораздо болѣе поражалъ наблюдателя; онъ былъ большаго, прекраснаго росту, и имѣлъ на видъ лѣтъ сорокъ-осемь; лобъ его былъ высокъ и всѣ черты выражали кроткую душу и свѣтлый, мыслящій умъ. Въ движеніяхъ его было очень мало французской живости, и не нужно было видѣть лица, чтобы узнать, что онъ былъ старшій изъ всѣхъ собесѣдниковъ. Жена его была по-крайней-мѣрѣ двадцатью-четырьмя годами моложе его; она была весела и рѣзва какъ ребенокъ; но во всѣхъ ея движеніяхъ и въ осанкѣ была какая-то оборотительная, женственная скромность, а нѣсколько шумная веселость, полученная отъ природы, была умѣрена чувствомъ приличія и изящнымъ вкусомъ. Темнорусые волосы, поднятые очень просто, интрижкій, открытый лобъ, черные, блестящіе глаза, маленькій, прямой носъ, блѣдно-оливковый цвѣтъ лица, оживленный румянцемъ, который безпрестанно выступалъ на немъ и такъ же быстро исчезалъ; довольно полныя щеки, съ прелестными ямочками, чудесно очертанный ротъ, зубы точно рядъ жемчужовъ, тонкій и гибкій станъ, ростъ немного пониже средняго; вотъ полный портретъ мадамъ де-Монтань.

— Ахъ, вскричалъ синьоръ Тирабалоски, — самый многогрѣшный и сентиментальный изъ всего общества, наполняя стаканъ, — бываютъ часы, которыхъ память сохраняется всю жизнь; но мы не можемъ

поддаться, что сеньоры будут долже помнить то, что мы не забудемъ никогда.

— О, сказала мадамъ де-Монганъ, засмѣявшись обоимъ музыкальнѣмъ голосомъ: въ Парижѣ въ модѣ презирать пустую жизнь герцога, и корчить романтическую чувствительность. Наши красавицы, наши модные писатели отдадутъ все на свѣтъ, чтобы имѣть случай поговорить о подобной сценѣ. Не правда ли, другъ мой?

И она съ важностью обратилась къ де-Монгану.

— Совершенная правда, отвѣчалъ онъ; но ты не достоинъ такой сцены, ты смѣяешься надъ чувствительностью и романами.

— Только надъ французскою, носее-д'антенскою чувствительностью. Вы, Англичане, продолжала она, качая своею хорошенькою головкою и смотря на Эрнеста, вы совершенно нонортали, развратили насъ; мало того, что подражать, мы хотимъ превзойти васъ; громшедемъ ужасы на ужасы; отъ причудливости доходяжь до изотуклешей!

— Это правда, сказалъ Эрнестъ. Однако же, сами же вы, signori, продолжалъ онъ, обращаясь къ Итальянцамъ, вы, которые своими великими поэтами, Петраркою, Данте, Ариѣстомъ, первые подали Европѣ примѣръ чувствительности, романтичности, воздвигая среди развалинъ классической школы, среди ея коринѣскихъ колоннъ и правильныхъ портиковъ, готическія колокольни и башни: вы сами отпадаете отъ своихъ старинныхъ образцовъ литературы.

— Оно, можетъ-быть правда, сказалъ сеньоръ Тирабалоски, который ровно ничего не понималъ въ словахъ Эрнеста; — оно очень глубоко сказано; когда подумаешь хорошенько, — оно прекрасно, безподобно! Вы, Англичане, такъ... такъ... ну словомъ, превосходно. Уго Фосколо великій геній, Монти также; а Россини... вы слышали послѣднюю его оперу? cosa stupenda!

Мадамъ де-Монганъ украдкою взглянула на Эрнеста, захопала своими крошечными рученками, и засмѣялась отъ души. Примѣръ ея былъ заразителенъ; Эрнестъ также засмѣялся; но чтобы поправить глупость, которую онъ сдѣлалъ, пустившись въ эту минуту въ такія важныя разсужденія, онъ взялъ гитару, которую принесли съ собою Миланцы, и пробѣжавъ пальцами по струнамъ, сказалъ: — Впрочемъ, въ вашемъ обществѣ и при этомъ чудесномъ лунномъ свѣтѣ, отражающемся въ озерѣ, музыка должна бы быть единственною

красиваго дѣломъ. Недавно мы этикъ господь доставить намъ удовольствіе еще послушать ихъ.

— Вы угадали мое намѣреніе, сказала пѣвица, и Мальтреверъ велѣлъ гитару синьору Тираболоски.

Итальянецъ, гордый желаніемъ снова выступить на первый планъ, взялъ гитару съ надсажающею ужимкою скромности, и сказала, обращаясь къ мадамъ де-Монтанъ: — Вотъ стансы, сочиненныя однимъ молодымъ человекомъ, моимъ пріятелемъ; дамы восхищаются ими, хотя мнѣ кажется, что они слишкомъ бьютъ въ сентиментальность.

И онъ, какъ искусный певецъ, запѣлъ слѣдующія стансы, съ такою чувствомъ, какъ бы действительно понималъ ихъ :

Ночь и любовь.

«Когда звѣзды блещутъ на ясномъ небѣ, тогда я страдаю ближе къ тебѣ! О, зачѣмъ не могу я видѣть твоихъ прекрасныхъ глазъ, спокойныхъ и вѣжныхъ, устремленныхъ на меня, какъ звѣзды смотрятъ на море!

«Наши мысли, что волны, текутъ спокойнѣе при свѣтѣ звѣздъ; а пламя моея земной страсти утихло подъ небомъ твоей дѣвственной любви. — Есть часъ, когда ангелы бдительнѣе охраняютъ людей; въ этотъ часъ грубыя души погружены въ сонъ; въ этотъ часъ, о чистый духъ, слети ко мнѣ!

«Есть часъ, когда прекраснѣйшіе сны вѣютъ на уснувшіе глаза. Въ этотъ таинственный часъ должна ты быть при мнѣ.

«Мысль твоя слишкомъ часта для дневнаго свѣта; я могу видѣть тебя только какъ мою звѣздочку, мое свѣтлое видѣніе.»

Примѣръ и похвалы хозяйки возбуждали общее соревнованіе, гитара обошла весь кружокъ, и каждый изъ Итальянцевъ внесъ свою долю на общее удовольствіе. Это было словно одинъ изъ тѣхъ праздниковъ древнихъ Грековъ, на которыхъ лира и миртовый вѣнокъ переходилъ изъ рукъ въ руки.

Однако же праздникъ не былъ бы полонъ ни для Итальянцевъ, ни для Англичанина, если бъ они должны были разойтись, не слышавъ заманчивой пѣвицы и импровизатрисы. Мадамъ де-Монтанъ понимала

это съ тонкостью женщины и предупредила неминуемую просьбу; она взяла гитару изъ рукъ послѣдняго пѣвца, обратилась къ Эрнесту и сказала :

— Вы, вѣроятно, слышали нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ нашихъ импровизаторовъ; не смотря на то, я осмѣлюсь попросить васъ дать мнѣ тему, хотя бы мнѣ пришлось доказать вамъ, что талантъ этотъ во общее наше достоиніе.

— Точно, сказалъ Эрнестъ, я видалъ уродливыхъ стариковъ, съ огромными бакенбардами, которые оглушительнымъ голосомъ и съ уморительными тѣлодвиженіями, импровизировали цѣлыя поэмы; но никогда еще не имѣлъ счастья слышать импровизаціи молодой и хорошенькой женщины. Я повѣрю вдохновенію, когда самой музѣ угодно будетъ явить его.

— Хорошо, я постараюсь заслужить хоть частичку вашихъ комплиментовъ. Но вы должны сами задать мнѣ тему.

Эрнестъ подумалъ, и задалъ темою вліяніе похвалы на геній.

Импровизатриса поклонилась въ знакъ согласія, и послѣ коротенькой прелюдіи продекларировала, самымъ пріятнымъ и пѣжнымъ голосомъ, тираду стиховъ, вольнаго размѣра, которые отличались вкусомъ и глубиною чувства. Восхищеннымъ слушателямъ казалось, что такова должна быть рѣчь Арמידы; однако же эти стихи, какъ всякое летучее изліяніе, не могли ни запечататься въ памяти, ни выдержать строгій разборъ.

Когда она умолкла, ее не приветствовали громкія рукоплесканія. Итальянцы были слишкомъ взволнованы проявленіемъ искусства, а Мальтреверсъ чувствомъ, чтобы прибѣгнуть къ пошлой похвалѣ. Они еще хранили молчаніе, когда новое лицо спустилось изъ роши, которою оканчивался храмъ за домомъ, и неожиданно очутился среди собранія.

— А, братецъ, вскричала мадамъ де Монтанъ, вставъ съ живостью, и пѣжно подхвативъ подъ руку пришедшаго; зачѣмъ оспаешься ты такъ долго въ лѣсу? здоровье твое такъ слабо! какъ ты себя чувствуешь? ты что-то ужасно блѣденъ!

— Тебѣ такъ кажется, Тереза, сказалъ молодой человекъ; это дѣйствіе луннаго свѣту. Я совершенно здоровъ.

Говоря это, онъ украдкой смотрѣлъ на собраніе и, казалось, хотѣлъ уйти.

— Итъ, итъ, шепнула ему Тереза, останься съ ними, позволенья представить тебя моимъ гостямъ ; между ними есть молодой Англичанинъ, который понравится тебѣ ; ты съ нимъ сойдешься.

И она почти насильно потащила его къ столу и представила госпителю. Въ поклонѣ, которымъ сеньоръ Чезарини отвѣчалъ на ихъ приветствія, была какая-то смѣсь робости и надменности, неловкости и граціи ; онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, съѣлъ на стулѣ и въ ту же минуту погрузился въ раздумье. Осмотрѣвъ его со вниманіемъ, Эрнестъ нашелъ въ немъ нечто оригинальное. Онъ былъ чрезвычайно худъ и нѣжно сложенъ ; щеки его были впады и блѣдны, густые волосы, черные и шелковистые, падали въ пышныхъ кудряхъ почти до самыхъ плечъ. Впалые глаза его были огромны и чрезвычайно блестящи ; маленькіе уски, покрывая верхнюю губу, придавали еще больше суровости его рту, крѣпко сжатому какою-то мрачною, почти саркастическою ужимкою. Одѣтъ онъ былъ какъ никто не одѣвается : на немъ была коричневая, камлотовая блуза съ откинутымъ на все широкимъ воротникомъ рубашки ; черный шелковый платокъ, повязанный, а скорѣе обвитый вокругъ шеи, узкіе панталоны и ботинки. Очевидно было, что этотъ молодой человекъ, — ему могло быть не болѣе двенадцати лѣтъ, — гонялся въ своемъ одѣваніи за живописностью ; это родъ кокетства гораздо болѣе свойственный людямъ, у которыхъ самолюбіе развито до болѣзни, чѣмъ кокетство моды.

Не знаю отчего иногда бываетъ, что появленіе одного новаго лица достаточно, чтобы разстроить единодушіе, царствовавшее передъ тѣмъ въ цѣломъ собраніи. Это случается иногда даже въ такихъ случаяхъ, когда пришедшій самъ по себѣ лицо пріятное и общительное, но въ настоящемъ случаѣ выходецъ изъ того міра не былъ бы менше общительнымъ и менше пріятнымъ гостемъ. Присутствіе этого человека, молчаливаго, мрачнаго и гордаго, мгновенно охладило все собраніе. Весельчакъ Тираболоски замѣтилъ, что пора расходиться ; и точно, было уже довольно поздно. Итальянцы засуетились, начали собирать свои инструменты, разсыпаться въ пышныхъ фразахъ и лестныхъ уврѣніяхъ, кланяться и улыбаться, потомъ усались въ свою лодку и отправились къ маленькой гостиницѣ на берегу озера, гдѣ у нихъ былъ приготовленъ ночлегъ. Между-тѣмъ, какъ лодка быстро скалила по водѣ и двое изъ молодыхъ людей грели, прочие заняты вращальными ставсы.

Было за полночь; вся природа спала глубокимъ сномъ. Восточное безмолвіе оковало все, и прозрачный воздухъ, и тѣни рисовавшіяся на поверхности озера отъ берега и отдаленныхъ холмовъ; безмолвіе, прерывавшееся только мѣрнымъ шумомъ веселъ, голосами и звуками инструментовъ, постепенно замиравшими въ дали.

Четыре лица, остававшіяся на берегу, молчали. Слеза благодарности блистала на прекрасныхъ глазахъ Терезы, которая прижимаясь къ де-Монтанно, какъ бы искала опоры въ его огромномъ ростѣ. Различіе вѣтъ, можетъ-быть, придавало особенную глубину и значимость привязанности Терезы къ мужу. Въ любви молодой женщины къ человеку не то что старому, но многинъ старше ея, всегда есть какая-то особенная доверчивость, преданность и почтение.

Эрнестъ стоялъ поодаль отъ супруговъ, задумчиво сжегивъ руки, и забывшись, сказалъ почти вслухъ:

— Справно, что самые обыкновенные люди могутъ доставлять намъ наслажденія и ощущенія, такъ далеко превышающія все удовольствіе свята! Какая противоположность между этими музыкантами и этою музыкою! Однако же, издали, неясные образы творцовъ этихъ удивительныхъ звуковъ кажутся существами не одного рода съ нами. Точно такъ же можетъ-быть, и поэзія произеднаго раздается въ нашихъ ушахъ тѣмъ могущественнѣе и тѣмъ возвышеннѣе, что она отрѣшена отъ земной оболочки, въ которой жилъ поэтъ. О волшебство искусства, какъ ты возвышаешь насъ! что была бы безъ тебя природа?

— Вы поэтъ, сеньоръ? раздался подлѣ Эрнеста ясный и пріятный голосъ. Эрнестъ вздрогнулъ, замѣтивъ, что молодой Чезарини подслушалъ его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мальтреверсъ, я срываю только вѣтъ поэзіи, но не воздвѣиваю почвы.

— Напрасно, сказалъ Чезарини съ жаромъ и силою. Вы Англичанинъ, у васъ есть публика, публика живая, дѣйствующая, дышущая.

Эрнестъ былъ пораженъ мгновеннымъ одушевленіемъ, осветившимъ блѣдное лицо молодого человека.

— Вы сдѣлали мнѣ вопросъ, который я сдѣлаю вамъ въ своемъ очередь: вы поэтъ?

— Я иногда думалъ, что могу быть поэтомъ; но поэзія у насъ—птица въ пустынь; она поетъ по инстинкту и пѣнь ея иссякаетъ въ

воздухъ, никакъ не услышанная. О, если бы я принадлежалъ живой странѣ, Англии, Германіи, Америкѣ! а не гнилому остову отжившаго исполина; вотъ что теперь родина древней лиры.

— Надеюсь, что мы скоро опять увидимся, и не разъ, сказалъ Эрнестъ, протянувъ руку молодому человеку.

Цезарини колебался некоторое время, потомъ взялъ руку и дружелюбно отвѣчалъ на пріѣзтство. Не смотря на обычную его дикость, его взгляды къ молодому Англичанину именно тѣ качества, которыя всего болѣе приковываютъ къ себѣ подобныхъ ему оригиналовъ.

Несколько минутъ спустя, Эрнестъ уже распрощался съ хозяевами, и легкая лодка его быстро неслась по озеру.

— Какъ тебѣ нравится Англичанинъ? спросила мадамъ де-Монтанъ мужа, когда они шли къ дому; о Миланцахъ она не говорила ни слова.

— Онъ умѣетъ внушать глубокое уваженіе, кажется, видѣлъ онъ, страдалъ въ отношеніяхъ съ нимъ, умѣлъ извлечь изъ этого пользу.

— Онъ будетъ сокровищемъ для нашего общества въ этой странѣ, прибавила молодая женщина; онъ мнѣ очень нравится; а тебѣ, Кастручіо? — И она искала взорами брата; но онъ давно уже окрылся въ домъ. — Бѣдный братъ! сказала Тереза, вздохнувъ, не могу видеть его; чего онъ хочетъ?

— Славы литературной! отвѣчалъ де-Монтанъ, пустой трын! такъ — почему и удивляться, что онъ бѣгетъ понапрасну.

II.

Увы! что выигрываешь ты въ этой непрестанной заботѣ, въ этихъ грустныхъ размышленіяхъ на которыя ты обрекъ себя изъ любви къ неблагодарной мужъ? Не лучше ли послѣдовать примѣру тѣхъ, которые забавляются въ рощахъ съ Авариллою, или расплетаютъ пышныя косы Нерей?

Милльмонъ.

Ничто не можетъ быть благотворнѣе для дѣятельнаго человека, какъ случайныя промежутки отдыха. Тутъ онъ обращаетъ взоры

на самаго себя, оцѣняетъ почти безсознательно — сознательную точную оцѣнку самаго себя я считаю вещью гораздо болѣе радкою, чѣмъ вообще полагають, — оцѣняетъ безсознательно, то, что онъ уже сдѣлалъ, и что можетъ еще сдѣлать; подводитъ итоги въ расчетъ съ прошедшимъ и собирается начать новый счетъ.

Эрнестъ находился въ подобномъ промежуткѣ бездѣйствія. Онъ провѣлъ нѣсколько недѣль въ совершенномъ одиночествѣ, вникая въ свою душу, въ свой умъ. Онъ много читалъ и много размышлялъ, но безъ определенной цѣли. Монтанъ, кажется, говоритъ гдѣ-то: «Мнѣ рѣдко случается мыслить объ опредѣленномъ предметѣ, развѣ что когда я берусь за перо. И я не только думаю, что пишущіе люди болѣе мыслятъ чѣмъ тѣ, которые не пишутъ, но мнѣ кажется даже, что каждая точная, хорошо прослѣдовавшая, и хорошо развитая мысль должна быть въ связи съ опредѣленнымъ планомъ, съ определенной цѣлью». Слѣдовательно мы должны писать о людяхъ и о вещахъ, если желаемъ измѣрить силу и изучить всѣ извороты нашей способности мышления. Эрнестъ не постигалъ еще этой истины, но онъ чувствовалъ какую-то душевную погрѣбность, въ которой не могъ дать себѣ отчета. Всѣ его мысли, воспоминанія, мечты нестройно толпились въ его умъ; онъ хотѣлъ привести ихъ въ порядокъ и не могъ. Онъ терялся въ нестройномъ богатствѣ своего воображенія и ума. Нередко даже въ дѣтствѣ, ему казалось, что онъ сдѣлаетъ что-нибудь въ жизни; но онъ никогда не размышлялъ серьезно, что это будетъ непременно; будетъ ли онъ чѣмъ-нибудь на поприщѣ слова, или на поприщѣ дѣйствія. Онъ писалъ стихи въ минуты сильныхъ ощущеній; но какъ скоро проходилъ энтузіазмъ, порождавшій эти изліянія, онъ смотрѣлъ на нихъ съ пренебреженіемъ и равнодушіемъ.

Эрнеста Мальтреверса не могла сильно мучить жажда славы; истинные гени рѣдко ощущають ее, пока она не разольется въ нихъ искусственнымъ образомъ. Высокіе и здоровые умы, въ которыхъ всѣ способности находятся въ надлежащемъ равновѣсін, спокойно сознають свое могущество; они чувствуютъ, что силы ихъ, обращенныя къ одной цѣли, должны принести обыкновенный плодъ силы. Напротивъ того, умы второстепенные раздражительны и безпокойны; они съ лихорадочнымъ терпѣніемъ стремятся за славою, которую цѣпають не на свои дарованія, а на дарованія другихъ. Они видятъ башню, измѣряють ея тѣнь, и воображаютъ, что собственная ихъ высота, о кото-

рѣи они не имѣютъ точнаго понятія, должна бросить такую же тѣнь на землю. Человѣкъ малаго росту ходитъ поднявъ носъ и выпрямившись какъ сажень; человѣкъ большаго росту нагибается; человѣкъ сильный не старается безпрестанно показывать свою силу.

Эрнесть не чувствовалъ еще желанія славы; онъ не позналъ еще сладости и горечи этого роковаго напитка, который, когда его разъ жусишь, порождаетъ неутолимую жажду. Онъ не имѣлъ враговъ, хулителей, которыхъ онъ желалъ бы устыдить доказательствами своего достоинства; а это одно изъ побужденій всего сильнѣе дѣйствующихъ на самолюбивые умы. Правда, онъ слылъ вообще человѣкомъ необыкновеннаго ума, и дураки боялись его; но какъ онъ не сталкивался ни съ чьими притязаніями, то никто не видѣлъ пользы провозгласить его человѣкомъ мелкимъ или поверхностнымъ. Слѣдовательно умъ его въ это время совершенно спокойно, по влеченію одной природы, искалъ свое назначеніе. Эрнесть началъ съ того, что сталъ записывать свои мысли, свои впечатлѣнія. То, что онъ повѣрялъ бумагѣ, порождало новыя мысли; онъ становился такимъ-образомъ понятнѣе ему самому; листокъ, какъ зеркало, показывалъ ему образъ собственнаго его нравственнаго существа.

Сперва онъ писалъ быстро и безъ системы. Единственною цѣлью его была забава и облегченіе переполненной души; все, что онъ писалъ, какъ почти все, что пишутъ молодые люди, вертелось около предметовъ, касавшихся его лично. Какъ часто писатель начинаетъ съ крошечнаго ядра страсти и опыта, по потомъ, мало-по-малу кругъ ра ширяется; большая часть писателей самыхъ глубокихъ, самыхъ свѣдущихъ въ тайнахъ человѣческаго сердца и жизни, были сначала писателями-эгоистами. Человѣкъ, одаренный великими способностями, обладаетъ собственнымъ даромъ прониканія въ себя и свои чувства; а въ существѣ, способномъ къ сильнымъ впечатлѣніямъ, въ десятеро болѣе жизни, чѣмъ въ глушцѣ, хотя бы послѣдній былъ одаренъ Геркулесовскою силою. Человѣкъ впечатлительный, съ пламеннымъ воображеніемъ, размножается въ тысячу различныхъ вещей, съ которыми онъ умѣетъ сливаться. Потому, когда онъ успокоится и соединитъ всѣ свои силы въ цитадели, онъ не забываетъ, какое обширное пространство занимали онъ прежде и принимаетъ въ немъ такое же участіе. Онъ понимаетъ другихъ, потому что самъ жилъ въ другихъ, живыхъ и мертвыхъ. Онъ представлялъ себѣ, какъ

бы онъ сталъ дѣйствовать во всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ. Такимъ-образомъ, когда онъ хочетъ представлять человѣческіе характеры, существенно отличные отъ его характера, онъ видитъ ихъ, можетъ ихъ описать, какъ могъ бы описать домъ, въ которомъ онъ некогда жилъ некоторое время. Отсюда истина, вѣрность, которыя великіе историки, романисты и драматурги являютъ въ очертаніи дѣйствующихъ лицъ. Созданія ихъ не тѣни, не автоматы, а живыя существа, плоть и кровь.

И такъ, Эрнестъ Мальтреверозъ былъ эгоистомъ, когда началъ свои неправильные, несвязные очерки. Слогъ его былъ небреженъ, какъ слогъ каждаго чловѣка, который не постигъ еще, что выраженіе есть искусство. Однако же, каковы бы ни были, а эти необработанные, недостаточные въ литературномъ отношеніи очерки, эта невольная исповѣдь сердца, имѣли для него невыразимую прелесть. Онъ позналъ блаженство авторства; узналъ обаяніе первой любви къ музѣ, ту неисповѣдимую радость, которою наполняется душа наша, когда мы успѣли облечь въ осязаемую форму видѣнія, до-тѣхъ-поръ неопрѣделенныя, неуловимыя, когда перо наше, этотъ волшебный жезлъ нашего званія, можетъ вызвать въ нашей труженнической келье идеалъ прекраснаго.

На слѣдующій день послѣ знакомства съ семействомъ Монтаня, Эрнестъ, около полудня, сѣдѣлъ въ своей любимой комнатѣ, въ той, которую онъ избралъ для рабочаго кабинета изъ множества комнатъ своего обширнаго, пустыннаго жилища. Онъ сѣдѣлъ въ углубленіи открытаго окна, выходящаго на озеро, передъ столомъ, заваленнымъ книгами, и небрежно записывалъ свои замѣчанія на то, что онъ читалъ и что видѣлъ. Это самый пріятный родъ сочиненія, и нѣтъ книги любопытнѣе воспоминаній чловѣка, трудящагося въ уединеніи, наблюдающаго въ обществѣ, способнаго все понимать, все чувствовать. Эрнестъ сѣдѣлъ за этимъ пріятнымъ занятіемъ, когда пришелъ Чезарини.

— Я очень поспѣшилъ воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, сказалъ онъ, входя.

— За что я вамъ чрезвычайно благодаренъ, сказалъ Эрнестъ, возмущенно резко протянутую къ нему руку.

— Вы писали, какъ я вижу, продолжалъ Чезарини, сѣдая. Я

былъ увѣренъ, что вы любите литературу и занимаетесь ею. Я видѣлъ это въ вашемъ лицѣ, слышалъ въ вашемъ голосѣ.

— Я довольно бесполезно убивалъ праздное время, сказалъ Эрнестъ.

— Однако же вы не для себя одного пишете, возразилъ Чезарини. Вы пишете въ виду великіе литературные труды, публику и потомство?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, отвѣчалъ Англичанинъ, улыбаясь. Посидите книги, которыя лежатъ на моемъ столѣ; вы найдете тутъ всѣ образцовыя произведенія, древнія и новыя; это творенія, которыхъ изученіе отобьетъ у новичка охоту вступитъ въ состязаніе.

— Или вдохновитъ его.

— Не думаю. Образцы могутъ образовать вкусъ, критическое сужденіе, но не могутъ возбуждать къ авторству. Собственныя наши ощущенія, вотъ, мнѣ кажется, великій рычагъ, который приводитъ въ данную форму нестройныя матеріалы, скопленные въ нашемъ умѣ. «Вопрошай свое сердце, и пиши», говоритъ одинъ старинный англійскій писатель, сэръ Филиппъ Сидней, который впрочемъ не соблюдалъ своего ученія въ практикѣ. А вы, синьоръ?..

— Я — ничто, и только желалъ бы быть чѣмъ-нибудь, отвѣчалъ молодой человекъ съ горечью.

— Какимъ же образомъ такое желаніе не ведетъ къ осуществленію своего предмета?

— Очень просто; потому что я Итальянецъ; у насъ нѣтъ публики для литературы, нѣтъ довольно многочисленнаго читающаго класса; у насъ есть *dilettanti* и *litterati*, есть ученые и даже писатели; но всѣ они составляютъ отдѣльные кружки, а не публику. Я писалъ, считалъ свои сочиненія, но никто не удымлялъ моего голоса. Я авторъ безъ читателей.

— Такіе примѣры не рѣдки и въ Англии, подумалъ Эрнестъ.

Итальянецъ продолжалъ: — Я надѣялся жить въ устахъ людей, пробудить давно умолкнувшія мысли, извлечь звуки изъ струнъ древней лиры. Напрасная надежда. Какъ соловей, я вою затѣмъ только, чтобы терзать свое сердце горестнымъ отголоскомъ пѣнія другихъ.

— Во всѣхъ странахъ, сказалъ Эрнестъ съ кротостью, бываютъ эпохи, когда извѣстныя жилы литературнаго рудника остаются, и никакой геній не можетъ возратить къ нимъ. Но, какъ вы сами оченъ

основательство заметили, есть два высших судилища, публика и потомство. Вамъ остается еще воззвать къ послѣднему. Великіе итальянскіе историки писали для несуществовавшего еще при нихъ поколѣнія; творенія ихъ были даже изданы только по смерти ихъ. Въ этомъ равнодушіи къ современной славѣ, есть, по моему мнѣнію, что-то великое.

— Я не могу слѣдовать ихъ примѣру.... они были не поэты, возразилъ Чезарини. Для поэта похвала составляетъ необходимую пищу, равнодушіе убиваетъ его.

— Любезный сивьоръ Чезарини, сказалъ Мальтреверсъ съ чувствомъ, не вгоняйте себя въ уныніе такими мыслями. Здравое честолюбіе должно заключать въ себя грубую, но прочную основу устойчиваго терпѣнія. Оно должно жить въ славномъ будущемъ, которое рано или поздно должно наградить того, чьи труды.

— Но мои труды, можетъ-быть, не заслуживаютъ ея; я иногда боюсь этого ... о, мысль ужасн я!

— Вы еще очень молоды, сказалъ Мальтреверсъ; въ ваши лѣта рѣдко встрѣчается подобная жажда славы. Кто сдѣлалъ первый шагъ, прошелъ можетъ-быть, половину пути къ цѣли.

Не поручусь, что Эрнестъ действительно такъ думалъ; по это было самое тонкое утѣшеніе, какое онъ могъ представить челоѣкку, котораго неожиданная откровенность ставила его въ затрудненіе и огорчала. Молодой Итальянецъ покачалъ головою съ видомъ унынія. Мальтреверсъ, желая сдѣлать разговоръ на другіе предметы, всталъ, вышелъ на балконъ, заговорилъ о погодѣ, любовался чудеснымъ видомъ, указывалъ всѣ мельчайшія подробности, его совершеннѣйшія красоты. Поэтъ оживился, повеселѣлъ, сталъ даже краснорѣчивъ, приводилъ стихи и объяснялъ ихъ. Эрнестъ принималъ все большее и большее въ немъ участіе. Ему хотѣлось узнать, равнялся ли его талантъ его честолюбивымъ мечтамъ, и онъ изъявилъ Чезарини желаніе видѣть его произведенія. Этого только и желалъ молодой поэтъ. Бѣдный Чезарини! какое счастье было для него повнй слушатель! потому что онъ былъ убѣжденъ, что каждый безпристрастный, непредубѣжденный слушатель долженъ придти отъ него въ восторгъ. Но, по глауной стыдливости своей брата, онъ колебался, ломался, мучилъ собственное свое нетерпѣніе. Мальтреверсъ, чтобы отклонить всѣ пустые предлоги, предлагалъ взать прогуляться по озеру.

— Кто-нибудь изъ моихъ людей будетъ грести, сказалъ онъ, вы будете читать, а я слушать; я буду для васъ тѣмъ, тѣмъ была старуха Леоуре для Мольера.

Эрнестъ былъ чрезвычайно добръ, когда сердце его было тронуто, хотя нравъ его и не былъ изъ тѣхъ добрыхъ нравовъ, которыхъ доброта всегда держится на поверхности, у которыхъ про всѣхъ и про все готовы во всякое время привѣтливая улыбка и пріятное слово.

Поэтъ принялъ предложеніе, и черезъ нѣсколько минутъ они были на озерѣ. День былъ знойный, солнце палило невыносимо. Лодка медленно тянулась въ тѣни берега, и Чезарини вытаскивалъ изъ кармана нѣсколько рукописей, писанныхъ мелкимъ и красивымъ почеркомъ. Кто не знаетъ, какъ заботится молодой поэтъ о томъ, чтобы одѣчь своихъ возлюбленныхъ дѣвицъ въ самое красивое платье!

Чезарини читалъ хорошо и съ чувствомъ. Все благопріятствовало тѣмъ: его поэтическое лицо, его голосъ, энтузіазмъ, участіе, которое принималъ въ цѣмъ слушатель, прелесть мѣста, и самый часъ, — потому что время очень много значить въ подобныхъ дѣлахъ. Эрнестъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Очень трудно судить о существенномъ достоинствѣ поэзіи на чуждомъ языкѣ, даже когда хорошо знаешь этотъ языкъ, потому что всѣ тонкости отдачи и непереводаемое волшебство выраженій занимаютъ огромное мѣсто въ достоинствѣ стиха. Однако же Мальтреверсъ, недавно изучившій великихъ писателей, не могъ не сознаться внутренно, что онъ теперь слушалъ только благозвучную посредственность. Это была поэзія словъ, а не мыслей. Онъ разсудилъ однако же, что слишкомъ жестоко было бы явиться строгимъ судьей, и сталъ разсыпаться въ пошлыя похвалы, какія могъ придумать. Молодой поэтъ былъ въ восторгѣ.

— А между тѣмъ, сказалъ онъ, меня не читаютъ. Въ Англіи умѣли бы оценить меня!

Увы! въ Англіи, въ то время, какъ онъ говорилъ это, было пятьсотъ поэтовъ, такихъ же молодыхъ, такихъ же пламенныхъ какъ онъ, и съ большимъ дарованіемъ! Сердца ихъ также жаждали славы, и точно также чахли они, жертвами обманутой мечты.

Мальтреверсъ понялъ, что новый другъ его не сталъ бы слушать никакого сужденія, кромѣ безусловной хвалы. Это показалось ему другимъ знакомъ. Какъ скоро Чезарини дочиталъ рукопись, онъ самъ воспѣшилъ сократить прогулку; ему хотѣлось быть одному, чтобы

въ одиночествѣ упитья невыразимымъ счастьемъ имѣть хоть одного поклонника. Но онъ оставилъ своему новому другу свои поэмы, и выскочивъ на берегъ противъ развалинъ Плиніева дома, въ одно мгновеніе скрылся изъ виду.

III.

Никогда не уклоняйся отъ здраваго смысла, отъ
душа всѣхъ искусствъ.

Попе.

Эрнестъ Мальтреверезъ часто бывалъ у Монтаней и проводитъ у нихъ большую часть своего времени. Ни въ какую эпоху жизни не бываемъ мы такъ доступны дружбѣ, какъ въ минуту нравственнаго истощенія, слѣдующую за разочарованіемъ страстей. Эта тихая привязанность оживляетъ, согреваетъ нашу чувствительность, не пробуждая лихорадочнаго волненія. Эрнестъ смотрѣлъ на живую, блестящую Терезу съ любовью брата. Тереза же вовсе не знала, что такое спокойствіе. Играла ли она съ своими двумя дѣтьми, — старшему было шесть лѣтъ, — прерывала ли она дѣтскими шалостями сложное размышленіе мужа, импровизировала ли стихи, начинала ли на фортепіано или на гитарѣ мелодію, которую бросала на половникъ, или каталась по озеру, во всѣхъ своихъ занятіяхъ и забавахъ она была всегда весела, рѣзва, не ввирала ни въ заботы, ни въ неприятности жизни, не знала никакого огорченія, кромѣ того, которое причиняли ей слабое здоровье и насмурное настроеніе духа ея брата. Это была единственная мрачная сторона въ ея светлой, счастливой жизни. Однакоже и тутъ ея умъ и сердце старались отклонить безпокойство; она успокоивалась мыслью, что съ лѣтами здоровье Каструччіо окрепнѣетъ, и что когда-нибудь онъ будетъ славенъ и доволенъ судьбою.

Каструччіо велъ образъ жизни, который стихомаратели называютъ жизнью поэта. Онъ любилъ смотрѣть какъ восходило солнце на отдаленныхъ Альпахъ, или какъ луна спокойно глядѣлась въ озере ночью. Весь день и половину ночей онъ проводилъ въ одинокихъ снѣгахъ, поднимая свои легкіе стихи или предаваясь мрачнымъ раз-

мысливать. Онъ воображалъ, что одиночество главный элементъ поэзии. Однако же Данте, Альфиери, даже Петрарка могли бы слушать ему доказательствомъ, что поэтъ долженъ также коротко знать людей, какъ и визитную природу, если хочетъ быть творцомъ. Когда Шеллей, въ одномъ изъ своихъ предисловій, хвалится знакомствомъ съ самыми дикими вершинами горъ, съ ледниками и со многими другимъ, критикъ-художникъ не можетъ не пожалеть о томъ, что онъ не зналъ человека и общества; еслибъ онъ побольше изучалъ Страндъ или Флетъ-стритъ, онъ былъ бы въ состоянн осущестлять задуманные характеры, и сочинялъ бы полныя, связанныя главы, а не одни блестящія и несвязныя отрывки.

Эрнестъ питалъ искреннюю дружбу къ Терезъ и принималъ глубокое участіе въ ея братъ; но особенно уважалъ онъ ея мужа. Монтанъ жилъ некогда въ свѣтъ, и въ свѣтъ не ограничивавшемся одною исключительною партією; онъ былъ въ военной службѣ, а потомъ съ частотою занималъ высокія гражданскія должности. Это была одна изъ здравыхъ и крѣпкихъ душъ. Не смотря на превратности счастія, на опыты, онъ остался слишкомъ разсудителенъ, чтобы видѣть во всемъ одну хорошую сторону, и слишкомъ оправдливъ, чтобы быть мизантропомъ. Онъ наслаждался жизнью съ осмотрительностью, и слѣдовалъ по тому пути, который ему болѣе нравился, никогда не утверждая однако же, что этотъ путь былъ лучший изъ всѣхъ. Особенно замѣчательною чертою въ его характерѣ было уваженіе къ Англіи. Онъ любилъ свое отечество, но чувствовалъ къ нему нечто въ родѣ презрѣнія; заносчивость и легкомысліе соотечественниковъ слишкомъ прямо противорѣчили его понятіямъ о достоинствѣ и мудрой воздержности. Разумность была душою его теорій и его практической жизни. Мысли его по этому предмету были довольно любопытны.

— Разумность, говорилъ онъ однажды Мальтреверсу, не есть собственно особое качество ума, а скорѣе результатъ совершеннаго равновѣсія всѣхъ нашихъ нравственныхъ и умственныхъ способностей. Человекъ безчестный или игральце страстей можетъ быть человекомъ гениальнымъ; но рѣдко, или даже никогда не найдете вы разумности въ его управленіи жизнью. Онъ можетъ часто достигать завидныхъ выградъ, но всегда обязанъ этимъ одному случаю, а не своему умъ. Но когда я вижу человека, который идетъ прямо на вычетываніе

попринца, который справедливъ къ другимъ и къ себѣ самому, — потому что человекъ долженъ быть справедливъ и къ самому себѣ въ заботѣ о своемъ благосостояніи, о своемъ добромъ имени, въ усмирении своихъ страстей, — я говорю о томъ человекѣ, что онъ болѣе достойный представитель своего Творца, чѣмъ человекъ гениальный, но лишенный этихъ качествъ. О немъ можно сказать, что онъ разуменъ; но это еще не все; честность его непоколебима, онъ умѣетъ уважать себя и отречься отъ себя. Тысячи испытаній, изъ которыхъ онъ вышелъ побѣдителемъ помощью своей разумности, были также опасными искушеніями для его честности, воздержности, правдивости. А онъ будетъ такъ же неспособенъ сохранять свою разумность, какъ пьяница не способенъ сохранять свои физическія силы, если не вричнется удерживаться отъ опьяненія зависти, самолюбія и другихъ чувствъ, которыя обыкновенно совращаютъ насъ съ праваго пути. И такъ разумность не есть отвлеченное качество или особенная способность. Какъ совокупность прекрасныхъ нравственныхъ качествъ образуетъ это качество въ человекѣ, такъ точно совокупность людей, одаренныхъ этимъ качествомъ, опредѣляетъ большую или меньшую разумность цѣлаго народа. Въ Англіи много людей, отличающихся прекрасными свойствами, которыя сопровождаютъ прямое, вѣрное сужденіе у частныхъ лицъ, неподкупною честностью, добросовѣстностью въ сношеніяхъ, пламенною любовью къ справедливости, и этою непреклонною твердостью въ начатомъ дѣлѣ, предполагающею необыкновенную силу, соединенную съ необыкновенною смѣлостью.

— Наши войны, нашъ долгъ... началъ Мальтреверсъ.

— Позвольте, перебилъ Монтанъ, я говорю о характерѣ вашихъ соотечественниковъ, а не о политикѣ вашего государства.

— Нѣкоторые народы, какъ и нѣкоторые люди, медленно достигаютъ зрѣлости; другіе являются зрѣлыми почти съ колыбели. Англичане, благодаря крѣпости и силѣ своего саксонскаго корня, которыя еще возвысились отъ слиянія съ нормандскою кровью, не знали младенчества. Эта разность поразительна, когда мы станемъ разбирать извѣстныхъ людей того или другаго народа въ литературѣ и въ политической исторіи.

— Точно, сказалъ Монтанъ. Самъ Ришліэ, самый мужественный изъ нашихъ государственныхъ людей, имѣлъ столько французскаго ребяч-

ства, что считалъ себя красавцемъ, удивительнымъ любовникомъ, остроумомъ и тонкимъ критикомъ. Что касается до расинвской литературной школы, она никогда не сходила съ помочей подражанія, оставалась всегда холоднымъ сколкомъ лже-классицизма, привязывающаго болѣе къ воспроизведенію формъ образца, чѣмъ къ усвоенію его духа. Что можетъ быть далѣе отъ греческаго, римскаго и еврейскаго духу, какъ ея греческія, римскія и еврейскія трагедіи? Вашъ полужидаръ Шекспиръ несравненно вѣрнѣе постигъ истинный духъ древности, и потому именно, что онъ не подражалъ древнему. Мы, Французы, списывали испанскіе образы древности, какъ школьникъ списываетъ рисунокъ, легко обозначая его очертанія на синевой бумагѣ.

— Но ваши современные писатели, мадамъ де-Стаэль, Шатобрианъ?

— Я въ одномъ только упрекаю чувствительную школу: въ чрезвычайной слабости. Въ ней нѣтъ жилъ, нѣтъ мускуловъ; все мягко и округлено въ ея женственныхъ формахъ; кажется, будто эти писатели полагаютъ силу въ цвѣтистыхъ фразахъ и коротенькихъ афоризмахъ; они рисуютъ бури челоувческаго сердца облизанною кистью миниатюрнаго живописца. Нѣтъ, эти два писателя также дѣти, хотя другаго рода: жеманные, разодѣтые, вышколенные, ужасные умники и скороснѣлки. Ихъ пригорныя снованія, ихъ вычурная чувствительность, ихъ эгоизмъ, ихъ тщеславіе не могутъ возбуждать участія разумныхъ существъ, знающихъ что такое дѣйствительная жизнь и постигающихъ ея высокія цѣли.

— Вашъ строгій судъ долженъ приводить въ отчаяніе вашего свояка, сказалъ Эгнестъ съ улыбкою.

— Бѣдный Каструччіо, возразилъ Моптанъ, вдохнувъ, одна изъ жертвъ, очень многочисленныхъ притязаній на славу, несообразную способностямъ. Я цюльнъ разделяю мнѣніе одного великаго пѣмцакаго писателя, который говоритъ, что челоувкъ не имѣетъ права вступать на поприще искусства, если не сопадетъ въ себя погребной па то силы. Каструччіо могъ бы занять почетное мѣсто въ обществѣ, быть даже полезнымъ членомъ его, еслибъ хотѣлъ посвятить свои средства доступнымъ имъ предметамъ. У него достаточныя способности, чтобы отличиться въ любой сферѣ, только не въ поэзіи.

— Однако, не все же писатели, которыхъ память мы созрпаемъ, принадлежатъ къ первому ряду.

— Напротивъ, они въ первую въ какомъ-нибудь родѣ. Они занимаютъ свое особенное мѣсто въ литературѣ; о каждомъ можно сказать: онъ имѣлъ такое или иное вліяніе на ту или другую школу, благотворное или вредное, не въ томъ вопросъ. Однимъ словомъ, каждый долженъ составлять звѣно въ великой цѣпи народныхъ писателей; звѣно, которое поверхностная аублика можетъ забыть, но безъ котораго цѣпь была бы не полна. Такимъ-образомъ они могутъ не быть первоклассными во все времена, но навѣрно были первоклассными въ данную эпоху. Что же до Чезарини, онъ только отголосокъ другихъ. Однако же, продолжалъ Монтанъ послѣ некотораго молчанія, братъ моей жены могъ бы вылезти изъ своей печальной болѣзни, не будь онъ Итальянецъ. Въ нашемъ живомъ, трудящемся отечествѣ, испытавъ нѣсколько неудачъ на поприщѣ поэзіи, онъ почувствительно обратился бы въ чему-нибудь другому, и его тщеславіе, его желаніе быть известнымъ, нашло бы себѣ честный и разумный путь. Самое лучшее, чего я могу желать для Кастручіо, это чтобы онъ сдѣлался отчаяннымъ антикваріемъ, и проводилъ всю жизнь въ спорахъ съ Римлянами о развалинахъ. Это, впрочемъ, все-таки лучше, чѣмъ писать плохіе стихи.

Мальтреверсъ былъ задумчивъ, и молчалъ; однако же, странная вещь, мысли, высказанныя Монтанемъ, нисколько не приводили въ уныніе его тайныхъ помысловъ объ успѣхахъ на поприщѣ умственной дѣятельности. Не то, чтобы онъ чувствовалъ себя въ силахъ достигнуть ихъ немедленно; но онъ чувствовалъ свою желѣзную природу, а человекъ съ желѣзною природою рано или поздно найдетъ средство выковать это желѣзо въ полезную форму.

Въ эту минуту самъ Кастручіо нагналъ разговаривающихъ. Онъ былъ мраченъ и безмолвенъ, по своему обыкновенію, особенно въ присутствіи Монтаня, при которомъ самолюбиво молодого поэта было какъ-то неловко, потому что не смотря на свое притворное равнодушіе къ его нецеремонной откровенности, онъ не могъ не сознаться, что сужденіемъ Монтаня нельзя было пренебрегать.

— Ахъ, мой Мальтреверсъ, что вы сдѣлали! вы стерли буквы, которыя мы съ такимъ тщаніемъ начертили на песокъ; трудъ цѣлаго получаса пропалъ.

— Нѣтъ, снѣгора, отвѣчалъ онъ, садясь, и сажая мальчика себѣ

на колѣна; мажнвкій мой пріятель еще усерднѣе примется за ученіе послѣ этого коротенькаго перерыва.

— Надѣюсь, вы проведете съ нами весь день? сказалъ Монтань.

— Я пришелъ просить у васъ этого позволенія, потому что я завтра ъду въ Англію.

— Возможно ли? вскричала Тереза; такъ внезапно! да чѣмъ же жить здѣсь не житье? Не уѣзжайте!... Или вы, можетъ-быть, получили дурныя извѣстія изъ Англіи?

— Я получилъ извѣстія, которыя принуждаютъ меня ѣхать въ Англію; Кливелендъ, мой второй отецъ, опасно боленъ, и я уже утѣшаю себя въ томъ, что почти совсѣмъ забылъ его въ нашемъ пріятномъ обществѣ.

— Мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ прискорбно разставаться съ вами, сказалъ Монтань, съ необыкновенною для него теплотою въ голосъ, если не въ словахъ. Надѣюсь, что мы скоро опять увидимся: не пріѣдете ли вы въ Парижъ?

— Очень вѣроятно, отвѣчалъ Эрнестъ; а вы не рѣшитесь ли съѣздить въ Англію?

— О, какъ бы я рада была ѣхать въ Англію! вскричала Тереза.

— Нисколько, возразилъ мужъ. Англія тебѣ не понравится, ты въ ней соскучишься до смерти. Это страна, которая не представляетъ ничего пріятнаго для иностранца, потому что она полна серіозныхъ и залекательныхъ занятій для своихъ гражданъ. Самыя пріятныя страны для иностранца, это тѣ, которыя всѣхъ хуже для туземцевъ, напримѣръ Италія, и на оборотъ.

Тереза потрясла своими темными кудрями, въ знакъ сомнѣнія.

— А гдѣ Каструччо? спросилъ Мальтреверсъ.

— Въ своей лодкѣ, на озерѣ, сказала Тереза. Онъ будетъ безумнѣе по васъ. Вы единственный человѣкъ, съ которымъ онъ можетъ сойтись; единственный человѣкъ во всей Италіи.... Можетъ-быть во всемъ мірѣ.

— Мы еще увидимся съ нимъ за обѣдомъ; а между-тѣмъ позвольте мнѣ предложить вамъ прогуляться къ *Планианъ*; мнѣ хотѣлось бы еще проститься съ этимъ прекраснымъ источникомъ.

Тереза никогда не отказывалась отъ прогулокъ, и охотно приняла предложеніе.

— И я также повду, мамаша? вскричал ребенокъ, и сестрица также?

— Конечно, сказалъ Эрнестъ, взглянувъ на родителей.

Черезъ нѣсколько минутъ все общество было готово и приближалось къ озеру. Утро было теплое и ясное, какъ рѣдко оно бываетъ на сѣверъ даже въ сентябрь.

Двѣ болтали, взрослые разговаривали о тысячь предметовъ; этотъ послѣдній день, проведенный въ Комо, долженъ былъ оставить пріятное воспоминаніе во всѣхъ участникахъ. Въ прощаніи дружбы есть какая-то невыразимо-сладостная грусть, но нѣтъ мучительнаго чувства, сопровождающаго прощаніе любви. Лучше было бы, можетъ-быть, если бы мы вовсе не знали любви! жизнь проходила бы гораздо спокойнѣе и счастливѣе; дружба — вино жизни; любовь — упоющій алкоголь.

Когда гуляющіе воротились, они встрѣтили Кастручіо у входа въ аллею. Онъ, казалось, вовсе не былъ сильно огорченъ извѣстіемъ объ отъѣздѣ Эрнеста, какъ Тереза опасалась. Кастручіо былъ очень ревнивъ, и съ нѣкотораго времени его огорчало и мучило удовольствіе, которое его сестра и мужъ ея находили въ бесѣдѣ Мальтреверса.

— Отчего это? думалъ онъ иногда; отчего имъ пріятнѣе быть съ чужимъ, чѣмъ со мною? Мысли мои такъ же свѣжи, такъ же оригинальны, какъ его мысли; онъ не умнѣе меня, а между-тѣмъ, самъ холодный и сухой братецъ мой говоритъ, что онъ будетъ великимъ человѣкомъ, а я... нѣтъ! Никому не быть великимъ въ своемъ отечествѣ!

Несчастный юноша! умъ его производилъ всѣ плевелы, всѣ ядовитыя растенія поэтической почвы, и они-то заглушали цвѣты, которыя могли бы произрастать на ней, при хорошей воздѣлкѣ. Однако же его ожидалъ переломъ жизни; переломъ, въ которомъ впечатлительная поэтическая душа должна переродиться и окрѣпнуть или погибнуть Мальтреверсъ желалъ этого для него; но онъ и не мечталъ, какъ тѣсно эта страница въ жизни молодаго Итальянца будетъ связана съ собственною его судьбою! Кастручіо, желая поговорить съ Эрнестомъ, вызвалъ его въ рошу за домомъ, и тамъ сказалъ ему съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — Я полагаю, что вы ѣдете въ Лондонъ?

— Я буду въ Лондонъ провѣдомъ; чѣмъ могу я вамъ служить тамъ?

— Но.... да, мои поэмы! Я желалъ бы издать ихъ въ Англіи. Ваша аристократія занимается итальянскою литературою и, можетъ быть, красота и знатность будутъ читать мои произведенія; вотъ закованная публика поэта, глупую толпу я презираю.

— Любезный Каструччіо, я возмусь издать ваши сочиненія въ Лондонъ, если вы этого непременно хотите, но не обманывайте себя слишкомъ лестными мечтами. Въ Англіи мало читаютъ стиховъ, даже на родномъ языкѣ; къ иностраннымъ же литературамъ она такъ равнодушна, что для чести ея образованности, стыдно сказать.

— Да, къ иностраннымъ литературамъ вообще; въ этомъ случаѣ она права; но мои сочиненія не то, они должны обратить на себя вниманіе публики образованной и со вкусомъ.

— Попытаемъ счастья. Дайте мнѣ ваши сочиненія.

— Вы меня безконечно обяжете, сказалъ Каструччіо, крепко сжимая руку своего друга. И потомъ, во весь вечеръ его узнать нельзя было; онъ даже ласкалъ дѣтей, и не дѣлалъ презрительной гримасы, слушая разсудительныя рѣчи Монтаня.

Когда Эрнестъ всталъ, чтобы проститься, Каструччіо вручилъ ему толстый свертокъ рукописей, и вышелъ, чтобы на свободѣ предаться сладости будущей своей славы; онъ и не думалъ болѣе о Мальтреверсѣ; онъ воспользовался его дружбою, и отъѣздъ друга не могъ огорчить его, потому что онъ былъ предвѣстникъ его собственнаго появленія въ новомъ мірѣ.

Накрапывалъ мелкій дождь, хотя между тучами, разносимыми вѣтромъ, отъ времени до времени тускло выглядывали звездочки; Тереза боялась выдти изъ дому. Она подставила молодому гостю свою атласную щеку, крепко сжала его руку, и простилась съ нимъ со слезами на глазахъ. — Когда мы опять увидимся? сказала она; вы, я надѣюсь, будете женаты; я полюблю вашу жену какъ родную. Повѣрьте, пѣть счастья внѣ супружества и семейства.

И она взглянула съ нежностью на Монтаня. Эрнестъ вздохнулъ, онъ вспомнилъ Алицію. Гдѣ она, что случилось съ бѣдною сиротою, которой дѣтская любовь размила столько блаженства на нѣсколько нелѣтъ его жизни? Онъ пробормоталъ въ отвѣтъ мадамъ де-Монтань ничего не значущую фразу, и вышелъ съ хозяиномъ, который непре-

еще, когда проводить своего молодого друга. Когда они пришли къ озеру, Монтань первый прервалъ молчаніе.

Эрнестъ обрадовалъ и провелъ вечеръ у Монтаней. Онъ не могъ не заметить, что Кастроучіо, который въ стѣнахъ своихъ безпрестанно говорилъ о самыхъ низкихъ чувствахъ, и у котораго было въ сущности доброе сердце, былъ такъ озлобленъ этимъ вреднѣйшимъ изъ пороковъ ума, вѣчнымъ созерцаніемъ собственныхъ своихъ достоинствъ и несправедливости въ немъ людей, что онъ никогда и не хотѣлъ не старался угождать окружающимъ его. Въ немъ не было слѣда той внимательности, которая поддерживаетъ взаимное благоразуміе въ обществѣ, ни слѣда той общительной, чистосердечной веселости, принадлежноты добрыхъ сердецъ, которою отличаются въ обществѣ люди самаго высokaго гениа, и посвящавшіе себя самымъ высокимъ трудамъ. Вѣчно занятый своею болѣзненнымъ мечтою, молодой Итальянецъ былъ молчаливъ и угрюмъ съ каждымъ, кто не сочувствовалъ этой мечтѣ, онъ бросилъ бы дѣтей, сестеръ, друзей, всѣхъ и все на землѣ, чтобы летѣть въ свое милое одиночество; или къ стансамъ въ честь славы. Эрнестъ думалъ про себя: — Нѣтъ, никогда не буду писателемъ, никогда не буду искать славы, если я дождусь. Купить эту тѣнь блаженства такую цѣною.

IV.

Должно слишкомъ глубоко запечатлѣть въ своемъ умѣ, что трудъ есть необходимое условіе всякаго умственнаго стяжанія, и что надѣяться что-либо приобрести безъ труда, такъ же вѣрно, какъ ожидать жатвы, не сѣвъ....

Бэйли.

Глубокая осень была на дворѣ, а Мальтреверсъ все еще жилъ въ Коно. Онъ видался съ очень немногими, кромѣ Монтаней, и потому значительную часть своего времени проводилъ въ одиночествѣ. Онъ продолжалъ испытывать свои способности, и съ каждымъ днемъ чувствовалъ въ себѣ болѣе силы и смѣлости. Однако же онъ не показывалъ своимъ новымъ друзьямъ своихъ *Комскихъ досуговъ*, ему не нужно было слушателей, онъ не думалъ о публикѣ, а желалъ

только упражнять своей умъ. И по мѣрѣ того, какъ трудъ его разширялся, онъ понялъ самъ, что невозможно ни глубоко изучать, ни сочинять ничто художественное, не предложивъ себѣ определенной цѣли, исследовать отрасль науки или приложить данную мысль къ практикѣ.

Умъ его занимался глубокими наблюдениями, и когда онъ захотѣлъ отдохнуть отъ отвлеченныхъ размышленій, онъ увидѣлъ, что помысливъ о себѣ и о людяхъ сдѣлался юнже и точнѣе, и что онъ действительно жилъ въ свѣтѣ въ то время, когда онъ воображалъ, что предавался безплоднымъ мечтаніямъ уединенія. Поэзія, легкая литература была для него не только развлеченіемъ, но и предметомъ серьезнаго, критическаго изученія. Онъ съ любопытствомъ искалъ въ причины, заставившія начать эти нежныя, тонкія ткани, славословія воображеніемъ и живущія столь постоянное, столь чудное вліяніе на массу людей. А вокругъ него была такая чудная природа, такое прекрасное небо, такая чистая и благоуханная атмосфера! Какое прекрасное мѣсто для созрванія плановъ благороднаго честолюбія, того честолюбія, котораго цѣль, — стяжать вліяніе на сердце человечества, и мѣсто въ его памяти! Нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто, гдѣ писатель впервые задумалъ, что онъ призванъ къ этому дѣлу, никогда не останется безъ вліянія на всю послѣдующіе его труды.

Другое письмо Кливленда оторвало Эрнеста отъ этихъ увлекательныхъ занятій. Кливлендъ былъ недоволенъ, даже обидѣлся, тѣмъ, что Майстреверсъ не послѣдовалъ его совѣту и не возвратился немедленно въ Англію, и показалъ свое неудовольствіе, оставивъ письмо своего бывшаго питомца безъ отвѣта. Не потому опасная болѣзнь едва не свела его въ могилу, и какъ скоро онъ сталъ поправляться, сердце, смягченное тѣлеснымъ недугомъ, не устояло противъ желанія написать ему о своемъ положеніи и вторично просить его посетить возвращеніемъ. Эрнестъ былъ сильно встревоженъ и почувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли, что Кливлендъ, его добрый, умный, любящій воспитатель, былъ такъ близокъ къ смерти, и что, можетъ-быть, ему не придется уже склониться надъ этою уважаемою рукою, услышать этотъ отеческій голосъ. Онъ рѣшился на слѣдующій же день отправиться въ Англію и тотчасъ принялся за приготовленія къ отъезду.

Затѣмъ онъ пошелъ проститься съ Монтанни. Тереза учила своего старшаго сына читать; она сидѣла у открытаго окна, въ простомъ, но опрятномъ и изящномъ утреннемъ платьѣ. Мальчикъ поднималъ свою выразительную головку и смотрѣлъ на мать съ доверчивою смѣлостью, между-тѣмъ какъ она, полушутя, полусерьезно старалась посвятить его въ таинства азбуки; это нѣжное, но смѣлое и смѣлое дѣтское личико, подлѣ молоденькой матери, наивной какъ ребенокъ, составляло самую очаровательную картину. Самъ Монтанни читалъ сочиненія своего соименника, съ которымъ онъ, — не зная справедливо ли или нѣтъ, — считалъ себя въ родствѣ. Отъ времени до времени онъ отводилъ взоры отъ книги, чтобы сладить за успѣхами сына, за развитіемъ его юнаго ума; впрочемъ онъ не мѣшался въ его обученіе. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что между ребенкомъ и матерью есть таинственное сродство, которое несравненно болѣе способствуетъ къ облегченію ему верныхъ шаговъ въ наукѣ, чѣмъ болѣе глубокая образованность отца; притомъ онъ презиралъ новыя, модныя системы воспитанія, по которымъ ребенка должно впрячь въ ярмо ученія какъ только онъ выйдетъ изъ пеленокъ. Онъ понималъ, что никогда философы не придумали болѣе ложной теоріи, какъ та, которая хочетъ, чтобы умственное образованіе челоука начиналось съ самой колыбели. И въ самомъ дѣлѣ, не достаточно ли заботиться о нравственномъ воспитаніи его, объ исправленіи его отъ проклятой склонности ко лжи, которую можно назвать эпидеміею дѣтскихъ школъ? Но главное, что можетъ вознаградить потерю здоровья, иногда и отупленіе умственныхъ силъ, которыя такъ часто бываютъ плодомъ слишкомъ ранняго насилуванія ума? Также важно какъ можно долѣе не давать ребенку знать горечь страха: пока ребенокъ смѣетъ смотрѣть вамъ прямо въ глаза, онъ будетъ всегда говорить правду, и ничего не будетъ бояться; а изъ такихъ эле ментовъ образуются люди добрые и мужественные, и даже мудрые люди.

Эрнестъ вошелъ безъ доклада, и на мгновеніе остановился передъ отворенною дверью. Маленькій ученикъ первый замѣтилъ его приходъ, и бросился къ нему; потому что Эрнестъ, не смотря на то, что въ немъ было болѣе доброты чѣмъ веселости, былъ кумиромъ всѣхъ дѣтей. Его спокойное и привѣтливое лицо доставляло ему

столько же пріязни съ ихъ стороны, какъ еслибъ его карманы, подобно карманамъ Гольдсмитова Бурчеля, были всегда набиты яблоками и пряниками.

— Любезный Мальтреверсъ, сказалъ Монтанъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было нѣкоторое волненіе, пройдетъ, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ мы съ вами опять увидимся. Я принимаю живое участіе въ вашемъ счастьи, въ вашей будущей судьбѣ. Я не имѣю обыкновенія возбуждать въ людяхъ честолюбіе; для большей части ихъ достаточно быть честными и полезными гражданами. Но вы другое дѣло. Въ васъ я вижу молодость пламенную, но разсудительную, которая общается плодovitую, замѣчательную зрѣлость. Правда, что умъ вашъ еще не дошелъ до конечнаго своего развитія; но онъ съ каждымъ днемъ освобождается отъ броженія мечтательной юности, отъ пылу страстей. Все вамъ благоприятствуетъ, богатство, положеніе въ обществѣ. Передъ вами благородное поприще, на которое нельзя ступить безъ дарованій, безъ труда, и тѣмъ лучше; на которомъ сильные и пламенные соперники будутъ возбуждать соревнованіе, заставятъ васъ раскрыть все ваши средства. Совершивъ свое назначеніе, съ какою радостью вы скажете, удаляясь отъ дѣятельной жизни, что вы играли роль, которой не забудеть человечество, что вы, согласно воли Творца, были орудіемъ, содѣйствовавшимъ къ возстановленію блага и красоты. Вотъ истинное честолюбіе; жажда личной извѣстности есть не честолюбіе, а тщеславіе. Не будьте равнодушны къ истинному честолюбію, не страшитесь труда. Невозможно, чтобы вы думали, Эрнестъ, что дѣятельная карьера можетъ быть путемъ, усыяннымъ розами. Теперь у васъ нѣтъ враговъ; но какъ скоро вы станете выше другихъ, васъ будутъ осуждать, унижать, клеветать. Васъ огорчатъ эта ярость, возбужденная вашимъ превосходствомъ, и вы будете сожалѣть о времени, когда имя ваше было неизвѣстно. Но какая прекрасная награда — имѣть другомъ публику, можетъ-быть и потомство! Притомъ, продолжалъ Монтанъ съ торжественностью, умъ подчиненъ совѣсти, точно также какъ сердце; и человекъ, который дурно употребилъ данныя ему Богомъ способности, въ старости терзается такими же угрызениями совѣсти какъ тотъ, который развратилъ свое сердце. Благородное самодовольствіе, съ которымъ человекъ, обращая взоры свои назадъ, можетъ сказать, что онъ жилъ не безъ пользы, что онъ завѣщаетъ міру плодъ

своих способностей, это самодовольствие — вырочайшее блаженство, какою способна ощущать человеческая природа. Что такое малые проступки, которые мы совершаемъ какъ частные люди, которые поражаютъ только небольшой кругъ людей и умиляютъ вѣзуть съ нами, въ сравненіи съ упущеніемъ незначительной и вѣчной нелззы, которую можетъ привести человечеству человекъ, одаренный высшими способностями, гениемъ? Въ васъ, Мальтреверсъ, соединены все условія, необходимыя для того, чтобы извлечь высшій умъ изъ роскошной лени литератора-сибарита, и пробудить его смѣло вступить, вперёдъ лицомъ всего міра, въ состязаніе о самыхъ высшихъ наградахъ.

Никогда еще не слышалъ Мальтреверсъ ничего, что такъ бы достигло его сердцу, такъ подкрѣпляло въ немъ самыя благородныя стремленія. Торжественныя, восторженныя слова этого человека, обыкновенно столь холоднаго и строгаго въ своемъ сужденіи, гремѣли въ его ушахъ какъ голосъ трубы. Грудь его сильно вздымалась, кровь хлынула въ щеки.

— Монтанъ, сказалъ онъ, слова ваши разсѣли во мнѣ много сомнѣній, много колебаній; они проникли мнѣ въ самое сердце. Теперь впервые понялъ я, что такое слава, какая цѣль и какая награда труда. И прежде душу мою посѣщали какія-то видѣнія, надежды, желанія; въ послѣдніе мѣсяцы я чувствовалъ, что-то необыкновенное происходило въ моемъ умѣ; но все это было темно, нестройно. Прощайте; въ радости и въ горѣ, въ успѣхѣ и пораженіи, я всегда буду стараться, быть достойнымъ вашей дружбы и вашихъ увѣщаній.

Эрнестъ вскочилъ въ лодку, и мракъ ночи скрылъ его отъ артежескихъ взоровъ, которые съ трудомъ оторвались отъ мѣста, въ которомъ онъ исчезъ.

КНИГА ЧЕРВЕРТАЯ.

=

I.

А я провела только на этой землѣ нѣсколько горестныхъ годовъ: такова была моя доля.

Шеллей.

Продолживъ за постепеннымъ ходомъ нравственнаго развитія Эрнеста Мальтреверса, мы должны возвратиться назадъ и обозрѣть болѣе жестокия испытанія, черезъ которыя суждено было пройти Алиціи. Поэзія не усыпала цвѣтами ея одинокаго пути къ далекой цѣли, у которой должно было кончиться ея странствіе, и не освѣщала ее ни таинственная лампада науки, ни тѣ тысячи звѣздъ, которыя сияють безпрестанно передъ глазами, отрывившимися отъ части, силою генія и воображенія, отъ своихъ земныхъ завѣсь. Нѣтъ, не черезъ тѣ горніе предѣлы, что такъ высоко возносятся надъ жилищами и занятіями простыхъ смертныхъ, пролегалъ печальный путь джентри нищеты и скорби; а по избитымъ и суровымъ тропамъ ежедневной жизни шла она съ окровавленными ногами и съ тоскою въ сердцѣ.

Возвратимся къ той ужасной ночи, въ которую Алиція была покинута изъ подъ крова своей любимой старушки. Долго она лежала въ совершенномъ безпамятствѣ, безъ всякаго понятія о странной мерзости, совершившейся въ ея судьбѣ. Утренняя заря едва пробивалась сквозь тяжелыя тучи. Фура съ громомъ катилась по частымъ ухабамъ разбитой дороги, извивавшейся по холмистымъ степямъ, которыя появлялись въ Англии возвышаются близость моря. Алиція съ трепетомъ осматривалась вокругъ себя. Мальтерсъ, сообщившій Дарвиллю, лихорадочно у ея ногъ, и громкимъ храпомъ показывалъ, что онъ трясенъ

уснулъ. Дарвилъ погонялъ выбившуюся изъ силъ лошадь; онъ сѣлъ спиною къ Алиціи, подъ дождемъ, который безпрестанно капалъ съ полей его шляпы. Когда онъ обернулся и устремилъ свой зловѣщій взглядъ въ лицо дѣвушки, его фізіономія, казавшаяся еще ужаснѣе отъ неровнаго, синеватаго свѣта этой печальной зари, представила самый отвратительный видъ привычнаго и безстыднаго злодѣйства.

— Ого, Алиція, ты почувствовалась, сказалъ онъ, скорчивъ радостную ужимку. Очень радъ, потому что я терпѣть не могу видѣть подлѣ себя красавицъ въ обморокъ. Долголька поспраживала, Алиція, теперь надо опять учиться работать для меня. Но забудемъ прошедшее, я прощаю тебя.

Алиція закрыла лицо плащемъ, который былъ накинутъ на нее и лежала безъ движенія; ей казалось, что все это былъ ужасный сонъ. Въ это время Вальтерсъ проснулся, и злодѣи принялись разсуждать о своихъ дальнѣйшихъ планахъ, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ спутницы. Все, что она могла понять изъ ихъ несвязныхъ рѣчей, на какомъ-то почти непонятномъ ей нарѣчій и приправленныхъ проклятіями, было то, что они рѣшились оставить край, гдѣ доселѣ находились, но не знали еще въ точности, куда отправятся. Наконецъ фура остановилась передъ бедною и грязною избушкою, въ которой былъ, по увѣренію вывѣски, *удобный ночлеги для плешихъ и конныхъ*.

Эта избушка стояла далеко отъ всякаго жилья; на окружавшихъ ее со всѣхъ сторонъ болотахъ не было деревца, ни даже кустарника; Алиція съ отчаяніемъ увидѣла съ перваго взгляду, что бѣгство въ такомъ открытомъ мѣстѣ было невозможно. Не смотря на то, Дарвилъ, для бѣльшей вѣрности, самъ вынесъ ее изъ фуры, повелъ по темной и разломанной лѣстницѣ, на какой-то чердакъ, толкнулъ ее туда, заперъ за нею дверь на замокъ, и сошелъ внизъ. Чуланъ былъ холодный; сырость покрывала обвалившіяся стѣны зеленоватыми каплями; Алиція была едва одѣта, платокъ и салопъ составляли почти всю ея одежду; однако же она не чувствовала холоду, потому что на сердцѣ ея было еще холоднѣе, чѣмъ въ воздухѣ. Въ полдень, какая-то старуха принесла ей кушать: немного рыбы и *леч*; обѣдъ, какого трудно было ожидать въ подобномъ мѣстѣ, и который показался бы ей первшествомъ въ домѣ Дарвила. Старая кодуль,

съ приглашеннымъ взоромъ указала ей на жестяную миску, полную водки и сказала хриплымъ и лукавымъ голосомъ, что старшій Омушка, водка, лучший другъ, чѣмъ вся молодежь любезники. После этого посѣщенія, Алиція опять осталась одна до самой ночи; тогда Дарвилъ воротился съ узломъ, заключавшимъ полное женское одѣяніе, какое носятъ крестьянки въ этомъ отдаленномъ краю.

— Ну, Алиція, сказалъ онъ, надѣнь-ка эту теплую и удобную одежду; теперь шегольство не у мѣста. Надо, чтобы и слѣда не оставалось нашего провоза. Вотъ тебѣ доброе шерстяное платье и красный плащъ, которымъ хоть индѣйскихъ пѣтуховъ пугать. О платьѣ и салопѣ не безпокойся, мы ихъ ветошнику не спустимъ, а прибережемъ къ тому времени, какъ прїедемъ въ какой-нибудь большой городъ. Ну, поторопись; намъ бы слѣдовало давно выехать. Я приду за тобою черезъ десять минутъ... Что же ты ломаешься, дура? хлебни стараго Омушки, хлебни, говорятъ тебѣ. А не хочешь — ну такъ я выпью: за твое здоровье, и чтобы тебѣ въ другой разъ лучше знать толкъ въ томъ, что хорошо!

— Когда дверь снова захлопнулась за Дарвилемъ, слезы въ первый разъ хлынули потокомъ изъ глазъ Алиціи. Этимъ облегченіемъ она была обязана женской слабости. Она рыдала и ломала себѣ руки въ невыносимомъ отчаяніи, когда снова явился Дарвилъ.

— Какъ, ты еще не одѣта? вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ; говорю тебѣ, берегись шутить со мною! Если черезъ двѣ минуты ты не будешь готова, я пришлю Вальтерса пособить тебѣ, и предупреждаю тебя, что у него рука не масляная.

При этой угрозѣ Алиція опомнилась: — Я исполню твою волю, сказала она съ смиреніемъ.

— Хорошо, да смотри, не мышкай; фуру уже закладываютъ. Да помни, матушка: воспитатель твой бѣжитъ отъ висѣлицы, а въ такомъ случаѣ человекъ долго не разсуждаетъ. Разъ только попытайся бѣжать, или скажи только слово, сдѣлай что-нибудь, что могло бы навести на нашъ слѣдъ, клянусь, я убью тебя. Теперь знаешь, такъ смотри же.

Такое было Дарвилъ, таково было положеніе той, которой слухъ и продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ внималъ только словамъ выходящимъ съ устъ поэзи.

Они опять вѣдали не останавливаясь до полуночи, и пристажи въ

порхавъ, летѣлъ по откинувшимся отъ пердеи. Но два-три раза Алицію не заперали одну. Въ дѣлкахъ, замоченной отъ дѣлу комнаты, словенны двадцать или тридцать пошенинкомъ сидѣло за столомъ, утѣшительны всякаго роду боченками и посудина, полныи водки и другихъ кривкии вопитковъ; рядомъ съ ними лежало множество сабель и пистолетовъ. Эти люди встрѣтили Дарвиля и Вальтерса радостными кликами, и довольно невнятно стали было тѣсниться къ Алиции, если бы Дарвиль, который своимъ изреченіемъ держалъ всю эту свалочъ въ глубокомъ потемнѣ, не воспыннулъ сказать нѣтъ сурово: — «Отваливай, приятель; пропустите мою милую воспитанницу поближе къ огню.»

И съ этими словами, онъ прикатилъ Алицію въ большихъ креслахъ къ камину, и сѣлъ около нея, въ концѣ стола.

— Ну, капитанъ, оказалъ онъ, маленькому, худенькому человеку, сидѣвшему на почетномъ мѣстѣ; мы съ Вальтерсомъ должны были наострить лыжи и пуститься безъ оглядки. Въ краю становилось вамъ не здорово, и пора было подымать морскимъ воздухомъ, чтобы избѣгнуться отъ пеньковой лихорадки. А какъ мы знали, что нынче ваша ночь, такъ вотъ распустили въ варуса, и прикатили. Придется вамъ принять эту дѣвушку на свое судно, дѣлать нечего, хотя я и знаю, что вы не охотникъ навязывать на себя такой товаръ. Мы сойдемъ на берегъ, какъ скоро будетъ возможно.

— Она, кажется, доброе созданіе, отвѣчалъ капитанъ, и то ли мы еще сдѣлаемъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы уважить такого стариннаго пріятеля. Черезъ полчаса мы снидемся съ якора.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Затѣмъ, собесѣдники, повидимому забыли объ Алиции, которая сидѣла, изнуренная усталостію и впередъ разсвѣтанный взоръ въ огонь. Въ предшествовавшій привалъ, ей не стало силы прикончиться къ меданной ей пищѣ; теперь Дарвиль, передъ отправленіемъ, принудилъ ее съѣсть нѣсколько кусочковъ морскаго сухаря, не смотря на то, что каждый глотокъ останавливался у нея въ горлѣ. Не посадивъ на хорошо построенный катеръ, и ватеръ, завывавшій вокругъ нея, холодъ и усталость убаюкали ея бѣдное сердце въ объятіяхъ соображительнаго сна.

II.

Вы еще свободная женщина, я возвращаю вамъ
давнее слово.

Провинціальныя нравы.

Много испытаній выдержала ты, бѣдное дитя! такъ много, что не описать бы ихъ мнѣ, хотя бы эта книга расплодилась на сто томовъ! Говорятъ о подробности книгъ; но ни одинъ человекъ не написалъ даже собственннй своей биографіи, не выпустивъ девяти десятыхъ самыхъ важныхъ матеріаловъ. Что такое три тома? или даже шесть томовъ? Мы проживаемъ шесть томовъ въ одинъ день! мысли, чувство, радость, горе, надежда, страхъ! сколько томовъ пришлось бы написать тому, кто захотѣлъ бы представить свою исторію, часть за часомъ!

Прошло немного болѣе трехъ мѣсяцевъ съ той минуты, какъ слезы убавками Алицію, до той минуты, когда она успѣла скрыться отъ бдительнаго глаза Дарвина. Они были тогда на ирландскомъ берегу. Дарвинъ разошелся съ Вальтерсомъ и съ прочими товарищами; онъ уже провѣлъ и пропѣлъ почти всю свою дѣвяти, и серьезно помышлялъ жить на счетъ своей воспитанницы.

Однажды онъ былъ пьянъ, и выгналъ ее изъ дому. Это было въ Коркѣ. Она повернула въ узкій переулокъ, и побѣжала со всею быстротою своихъ молодыхъ ногъ. Дарвинъ тщетно силится догнать ее; вино мутило его глаза, и сковывало ему ноги. Она слышала, какъ его брань долетала до нея все слабѣе, и наконецъ замерла въ отдаленіи; страхъ окрылялъ ее. Наконецъ она остановилась на краю города, задыхаясь и выбившиной изъ силъ.

Это было въ лѣтнюю ночь; она сидѣла на камнѣ; съ одной стороны виднѣнъ былъ городъ съ своими огнями; съ другой поля, бѣлѣвшія вдали; надъ головою сіяли луна и звезды. Она возвела къ звездному небу глаза, орошенные слезами; мысль о Богѣ, покровителѣ беззащитныхъ, пролила бодрость и утѣненіе въ ея душу. Отдохнувъ, она встала и пошла далѣе; наконецъ, когда силы ея стали отказываться, она вошла, никѣмъ не видимая, подъ навѣсъ сельскаго

сарая; и тутъ, въ первый разъ послѣ многихъ недѣль, она уснула безъ страху и полная надежды!

III.

Она возвращается какъ блудный сынъ; корабль разбитъ бурей, и паруса разобраны вѣтромъ.

Шекспиръ.

Во второй разъ наступала годовщина той ночи, въ которую Аляція была похищена изъ хижины. Эрнестъ въ это время скитался между развалинъ древняго Египта, а на той самой лужайкѣ, на которой наши молодые люди такъ часто гуляли рука объ руку, собралась веселая толпа дѣтей и юношей. Богатый заводчикъ, отказавшійся отъ дѣлъ, купилъ хижину, надстроилъ этажъ; снѣгъ аспидъ замѣнилъ соломенную кровлю; прелестные портики съ выющими растеніями были срублены, потому что мистрисъ Гобзъ находила, что они затемняли комнаты; сельскій балкончикъ смѣнился четырьмя оштукатуренными колоннами, іоническаго ордена. Столовая въ двадцать футовъ длины и шестнадцать ширины, и подъ нею гостинная такихъ же размѣровъ, занимали особый, вновь пристроенный флигель; однимъ словомъ, бѣдная хижина приняла видъ чего-то въ родѣ виллы. Фонтанъ былъ уничтоженъ, потому что производилъ сырость въ домъ, а вокругъ лужайки была проведена дорога, довольно широкая для провѣду коляски. Въмѣсто деревянныхъ воротъ, окрашенныхъ въ зеленую краску и запиравшихся одною щеколдкою, красовалась чудесная рѣшетка, крѣпко запертая съ двумя колоннами по сторонамъ, соответствовавшими колоннамъ балкона, на рѣшеткѣ блестяла мѣдная доска съ надписью: *Гобзъ-лоджъ. Потрудитесь позвонить.*

Въ это время всѣ Гобзы, отъ мала до велика, были на лужайкѣ; нѣкоторые изъ дѣтей возвращались изъ школъ, потому что это было въ субботу вечеромъ. На лужайкѣ былъ крикъ, шумъ, хохотъ, топотъ, а почтенная чета важно любовалась на игры молодого поколѣнія. Мистръ Гобзъ курилъ трубку, а мистрисъ Гобзъ разговаривала

ее старшую дочь, молодую, прекрасную женщину, мѣсяца за три передъ тѣмъ вышедшую замужъ, по любви, за бѣдняка; предметомъ же ихъ совѣщанія было — на сколько дней можетъ хватить баранье жаркое, фунтовъ въ шесть, въ небольшомъ хозяйствѣ.

— Всегда покупай, моя милая, большое жаркое, это гораздо экономнѣе. Вотъ видишь... да что они тамъ такъ разшумѣлись, эти мальчики! Нѣтъ, душа моя, твоего мячика здѣсь нѣтъ.

— Маменька, онъ подѣ вашимъ платьемъ.

— Ахъ ты плутишка!

— Эй, ты, теперь моя очередь. Бидди, постой; дѣвочкамъ неприлично мѣшаться въ игры мальчиковъ.

— Бобъ, ты плутуешь.

— Папенька, вотъ говорятъ, что я плутую.

— Мудренаго нѣтъ, недаромъ тебя прочать въ адвокаты

— Такъ что бишь я говорила, моя милая? продолжала мистрисъ Гобзъ. — Да, баранье жаркое... всегда бери большое жаркое, оно всегда лучше. На второй день можно взрубить, и подать съ гренками; на третій поджарить кости — мужъ твой вѣрно любить поджаренныя кости, — а мясо сохранить на субботній пирогъ. Ты знаешь, моя милая, что мы съ отцомъ твоимъ были еще бѣднѣе васъ, когда начали; а теперь живемъ въ довольствѣ, даже въ богатствѣ; порядокъ и бережливость лучше всякаго кладу. Субботній пирогъ очень вкусенъ, а къ воскресенью баранье жаркое, и кончено. Хорошая хозяйка, какъ ты, не должна пренебрегать субботнимъ пирогомъ.

— Оно такъ, сказала молодая печально, но мистръ Тайди не любитъ пироговъ.

— Не любить пироговъ? Это непостижимо! мистръ Гобзъ большой охотникъ до пироговъ; да ты, можетъ-быть, дѣлаешь корку не довольно толстою? Впрочемъ, мясо можно подать и въ пудингъ; мистръ Тайди вѣрно любить пудинги; жена должна угождать мужу; что будетъ супружество безъ любви, безъ добраго согласія? Однако же, надо сознаться, онъ очень прихотливъ, если не любитъ субботнихъ пироговъ!

— Маменька, маменька, посмотрите, Цыганка! я пойду, чтобы она мнѣ новородила.

— И я... и я....

— Боже мой! да въ самомъ дѣлѣ Цыганка! вскричала мистръ Гобзъ, вскочивъ въ сильномъ гнѣвѣ. Зачѣмъ смотреть старосты?

Предметомъ восклицаній отца и сыновей была молодая женщина, закутанная въ совершенно истертый плащъ. Она прижималась лицомъ къ рѣшеткѣ, и смотрѣла съ такимъ напряженіемъ, что вся душа ея была въ глазахъ.

Дѣти побѣжали къ ней; по шаги ихъ сдѣлались гораздо медленнѣе, когда они увидѣли, что ошиблись въ своемъ предположеніи. Ни малѣйшаго восточнаго отлива не было на ея блѣдныхъ и нѣжныхъ щекахъ; ни тѣни цыганскаго лукавства въ ея большихъ, голубыхъ глазахъ, увлажненныхъ слезами; ни тѣни цыганской дерзости на ея дѣтски-невинномъ лбу. Между-тѣмъ какъ она судорожно прижимала лицо къ холодной рѣшеткѣ, мальчики были тронуты ея невыразимой, странною тоскою, и приблизились къ ней съ невольнымъ почтеніемъ.

— Ты хочешь чего-нибудь? спросилъ старшій и самый смѣлый изъ нихъ.

— Я.... я.... вѣдь это хижина въ долину?

— Да, бывшая хижина въ долину, а теперь Гобзъ-лоджъ. Ты развѣ читать не умѣешь? сказалъ наследникъ рода и богатства Гобзовъ, забывъ, въ презрѣніи своемъ къ невѣжеству незнакомки, все состраданіе, которое она внушила ему сначала.

— И.... мистра Бутлера нѣтъ болѣе?

— Бутлеръ? здѣсь такого нѣтъ. Папенька, не знаете ли, гдѣ живетъ какой-то мистръ Бутлеръ?

Гобзъ въ это время медленно переносилъ на мѣсто переговоровъ свое тяжелое туловище, свои толстыя икры и исполненнѣй животъ.

— Бутлеръ? не знаю никакого Бутлера. Здѣсь нѣтъ никакого Бутлера, голубушка. Ну, иди своей дорогой; не стыдно ли тебѣ ниществовать?

— Нѣтъ мистра Бутлера? сказала бѣдняжка, съ спрашивающимъ дыханіемъ, и уцѣпившись за рѣшетку, чтобы не упасть; увѣрены ли вы, сэръ?

— Конечно, увѣренъ; но что тебѣ нужно отъ этого Бутлера?

— О папенька, она упадетъ безъ чувствъ, вскричала одна изъ

двочекъ , съ состраданіемъ ; надо дать ей повсть ; я увѣрена , что она голодна .

Мистръ Гобъ болѣе расположенъ былъ разгнѣваться , чѣмъ жалобиться ; его столько разъ уже обманывали ! Мистръ Гобъ взглянулъ на свою маленькую блондиночку , потомъ на несчастную , которую онъ подозрѣвалъ въ обманъ ; добрый ангелъ шепнулъ ему что-то въ сердце , и послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ :— Сохрани Богъ , чтобы у насъ не оказали состраданіе несчастной , потому что мы богаче ея . Войди , голубушка , тебя накормятъ на кухнѣ .

Молодая женщина , казалось , не слышала ; онъ повторилъ приглашеніе и самъ отворилъ ворота .

— Пять , сэръ , отвѣчала она , благодарю васъ . Я не могу войти теперь , не могу встать здѣсь . Но скажите мнѣ , сэръ , умоляю васъ , гдѣ бы мнѣ найти мистра Бутлера ?

— Бутлеръ ? подхватила мистрисъ Гобъ , привлеченная любопытствомъ къ рѣшеткѣ ; мнѣ помнится , что такъ назывался тотъ , что занималъ прежде этотъ домъ , и котораго въ немъ обокрали .

— Обокрали ! вскричалъ мистръ Гобъ отступая поспѣшно и заперая ворота ; а намъ только что принесли новый чайный сервизъ , прибавилъ онъ вполголоса .— Идите , дѣти , назадъ ; вамъ здѣсь нечего дѣлать ; а ты , голубушка , убирайся , мы не знаемъ твоего Бутлера .

Молодая женщина посмотрѣла на него съ полупомѣшаннымъ видомъ ; еще разъ окинула быстрымъ взоромъ эти такъ измѣнившіяся мѣста ; потомъ , вздрогнувъ , какъ будто ввторъ слишкомъ сильно подалъ на ея нѣжные членъ , завернулась въ плащъ , удалилась , не говоря ни слова . Хозяева слѣдили за нею взоромъ , пока она не твердымъ шагомъ шла по аллею , и всѣ почувствовали тотъ печальный стыдъ , который человекъ ощущаетъ обыкновенно при видѣ бѣдствія , которому онъ не постарался помочь . Но это чувство мгновенно разсыпалось изъ сердца мистра и мистрисъ Гобъ , когда поворотъ дороги позволилъ имъ опять увидѣть путницу . Она остановилась , чтобы еще разъ оглянуться съ нѣжностью , съ отчаяніемъ , которыя и на этомъ разстояніи , можно было ясно видѣть въ ея движеніяхъ . Она старожно зарыдала ; потомъ поспѣшно отвернулась , и черезъ минуту ее уже было не видно .

Алиція поддерживала свои силы, свое мужество, во время жестокой болѣзни, которая продержала ее на нѣсколько недель на соломе, въ избѣ бѣднаго ирландскаго поселянина! Она твердила себѣ каждый день, чтобы подкрѣпить упдающую надежду: Я выздоровѣю, отыщу хижину, найду его тамъ... Вотъ для чего она отправилась прыжкомъ издалека, какъ только стала ходить безъ поддержки, искать хижину, не зная, какая дорога должна была довести ее; безъ другихъ примѣтъ, кромѣ названія ближайшаго городишки; названіе этого городишки, какъ онъ ни многолюденъ, никогда не доходило до ушей тѣхъ, къ кому Алиція обращалась. Нѣсколько разъ ей давали ложныя указанія; но не смотря ни на что, она продолжала свой одинокій путь, терпя стужу, голодъ, жажду, съ чутьемъ собаки, отыскивающей домъ своего хозяина. Три раза силы покидали ее, и три раза состраданіе бѣдняка давало постель ея измученному, истощенному тѣлу.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того дня, какъ она начала странствіе, до того, когда она достигла своей цѣли. Ни разу однако же, сердце ея не унывало и она не теряла надежды, что она отыщетъ Эрнста. Она ничего не знала о мѣрахъ, принятыхъ Мальтреверсомъ; а онъ не подумалъ, что ея совершенное незнаніе свѣта не позволитъ ей извлечь пользу изъ его предосторожностей. Гдѣ ей было угадать, что судья, въ одной милѣ отъ хижины, можетъ дать ей всѣ свѣдѣнія, какія ей нужны? Еслибъ она могла поговорить съ старою служанкою или съ садовникомъ, это бы другое дѣло; она дѣйствительно подумала объ этомъ, но старухи уже не было въ живыхъ, а садовникъ поступилъ къ новому хозяину, совершенно въ другой провинціи. Такъ угасъ и этотъ послѣдній лучъ надежды. Еслибъ покрайней-мѣрѣ Алицію встрѣтилъ и узналъ кто-нибудь изъ лицъ, помнившихъ розьиски Мальтревера! Но очень немногіе видѣли ее въ блескѣ ея красоты, да и тѣ едва ли узнали бы ее теперь! Она такъ измѣнилась! Однако же, путь ея еще не былъ конченъ; утлый челнокъ ея долженъ былъ еще выдержать не одинъ ледовитый вечеръ, не одну страшную бурю, прежде чѣмъ достигнетъ пристани.

IV.

Терпѣніе и горе составляютъ, кто лучше выскажетъ свою кротость.

Шекспиръ.

Тутъ Алиція почувствовала себя одинокою въ міръ, безъ надежды на чью либо защиту. Послѣ первыхъ дней душевнаго страданія и унынія, ее оживила новая бодрость, не бодрость надежды, а бодрость смиренія. Одинокія скитанія, подъ покровомъ одного Бога, возвысили, просвѣтили ея душу. Она штила безграничное упованіе на таинственную благость Творца. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ она была совершенно предоставлена собственнымъ своимъ силамъ и средствамъ, даже для своего прокормленія, умъ ея значительно изострился и развился, а привычка терпливой твердости подкрѣпила ея первоначальный характеръ, котораго главную черту составляла робкая, женская кротость. Она рѣшилась идти въ другую провинцію; она не могла ни выносить образы, которые напоминали ей этотъ край, ни думать безъ содроганія о возможности опять встрѣтить Дарвила. Съ этимъ намѣреніемъ она, однажды утромъ, слова пустилась въ свою скитальческую жизнь, и черезъ недѣлю пришла въ небольшую деревеньку. Сострадательность такъ обыкновенна, такъ самородна по всей Англіи, что Алиціи рѣдко приходилось терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ. Ея скромный видъ, ея кроткій и пріятный голосъ, столь не похожіи на жалобный пискъ промышляющаго ниществомъ, трогали самыя холодныя сердца. Поэтому она по большей части выручала достаточно на покупку хлѣба и на плату за ночлегъ; а если иногда помощь добрыхъ людей не хватала, то она умѣла переносить голодъ и не боялась проводить ночь подъ какимъ-нибудь навѣсомъ или, когда случалось, на берегу моря, въ пещерѣ.

Въ то самое время, какъ Алиція вступала въ селеніе, цѣль ея странствія, встрѣтилась ей женщина, которой лѣта, повидимому, уже переступили за среднія, и на лицѣ которой выражалось столько доброты и сострадательности, что Алиція не рѣшилась просить у нея

милости. Въ ней была особеннаго роду странная гордость; ей легче было обращаться къ состраданію суровыхъ, холодныхъ людей, чѣмъ тѣхъ, которые смотрѣли на неѣ съ участіемъ: ей больно было унижаться передъ послѣдними. Дама остановилась.

— Куда идешь ты, моя милая? спросила она.

— Куда Богъ приведетъ, сударыня. Прощайте, да наградитъ васъ Богъ за ваше участие.

Слезы навернулись на глаза дамы. — Постой, сказала она, скажи мнѣ откровенно, что ты намѣрена дѣлать? куда ты идешь?

— Ахъ, сударыня, я иду куда ни попало, на счастье; у меня нѣтъ пристанища; но я желала бы жить, работать, я желала бы добывать деньги трудомъ, онъ часто говаривалъ мнѣ, что я буду въ состояніи зарабатывать хлѣбъ.

— Онъ! Но судя по твоимъ пріемамъ и выраженіямъ, ты не крестьянка. Чтожъ ты можешь дѣлать? что ты знаешь?

— Знаю музыку, могу пѣть, и....

— Музыку? это странно, кто твои родители?

Алиція затрепетала и закрыла лицо руками. Съ каждою минутою сердце сострадательной дамы было болѣе и болѣе растрогано.

— Пойдемъ со мною, сказала она послѣ минутнаго размышленія, и будь увѣрена, что ты нашла во мнѣ друга, который не оставитъ тебя.

Дама своротила съ большой дороги въ тѣнистую аллею, которая вела къ сторожевому дому, построенному на опушкѣ парка. Она вошла въ домъ, сказала нѣсколько словъ особѣ, жившей въ немъ, и сдѣлала знакъ Алиціи, чтобы она вошла.

— Дженъ, сказала новая покровительница Алиціи женщиной очень пріятной наружности, вотъ молодая особа, которой я прошу тебя оказывать всевозможное вниманіе и попеченіе. Завтра утромъ я пришлю ей приличное платье, и тогда подумаю, какъ можно лучше устроить ея будущую судьбу.

Дама ласково улыбнулась бѣдной Алиціи, которой сердце было слишкомъ полно, чтобы оставить ей возможность говорить; и когда дверь дома затворилась за новымъ ея другомъ, Алиціи показалось, что самый свѣтъ денной сталъ темнѣе.

V.

Повѣрите мнѣ, она совершенно растрогала меня; въ ней, съ ея кроткою душою, было бороться съ судьбою.

Род.

Съ раннихъ лѣтъ былъ онъ разсудителенъ и скромненъ, тщательно соблюдалъ формы, а еще болѣе дорожилъ истинною; одежда его всегда проста, пристойна и всегда одинакова; лицо его всегда показывало безилтежную душу.... Однако же въ его сверкающихъ глазахъ была видна нѣкоторая тонкость ума, какал-то пылливое безпокойство. Друзья называли это проникательностью; иные же языки говорили, что это была просто хитрость, но ни враги, ни друзья не могли упрекнуть его въ какомъ-либо проступкѣ. Дѣйствія его были также тщательно взвѣшены, какъ и рѣчи. Его считали человѣкомъ строгихъ правилъ, теплымъ; и онъ дѣйствительно былъ таковъ, и не стыдился казаться тѣмъ, что былъ.

Криль.

Проникнемъ далѣе въ самую глубину этой тайны.

Болмондъ и Флетчеръ.

Мистрисъ Лесли, такъ называлась дама, съ которою мы познакомились въ предъидущей главѣ, была женщина ума твердаго и здраваго, но въ тоже время, что случается рѣдко, чрезвычайно възпанаго сердца; она съ участіемъ выслушала исторію Аллицы: Бесшпность и врожденная честность молодой женщины краснорѣчиво рисовались въ ея рѣчи и взорахъ. Она сочла долгомъ, однако же, сдѣлать Аллицѣ нѣкоторыя увѣщанія; она выслушала ихъ терпѣливо, но онъ не произвели на нее никакого дѣйствія. И въ самомъ-дѣлѣ не возможно было исправить первыя впечатлѣнія природы въ существѣ, которому такъ чужды были законы общечеловѣчія;

а все, что она могла отвѣчать своей покровительницѣ, было: — Все это, можетъ-быть, и правда, сударыня; но съ-тѣхъ-поръ какъ я узнала Мальтреверса, я сдѣлалась добрее и счастливѣе.

Не малаго труда стоило мистрисъ Лесли успокоить и утѣшить Алицію. Чѣмъ болѣе она видѣла молодую дѣвушку, тѣмъ лучше понимала ея исторію и характеръ, и тѣмъ страшнѣе становилось ей за ея будущность.

Наконецъ, когда она увѣрилась въ музыкальномъ талантѣ Алиціи, талантѣ въ-самомъ-дѣлѣ не изъ обыкновенныхъ, въ умѣ ея родилась счастливая мысль. Въ этомъ талантѣ увидѣла она возможность устроить ей независимое положеніе. Знать, какъ читателю известно, былъ отличный музыкантъ, и соединялъ врожденное дарованіе съ наукою; онъ успѣлъ воспользоваться рѣдкими способностями Алиціи, и въ нѣсколько мѣсяцевъ довелъ ее до такой степени совершенства, которой другіе, даже онъ самъ, достигаютъ только послѣ многихъ лѣтъ ученія и труда. Но когда преподаватель — любимый человекъ, ученіе идетъ такъ легко и такъ быстро! Должно къ тому же замѣтить, что, чѣмъ кругъ познаній тѣснѣе, чѣмъ болѣе умъ ограниченъ въ развитіи своихъ способностей и въ сферѣ своихъ идей, тѣмъ быстрее родится онъ съ этимъ исключительнымъ искусствомъ, почти недопускающимъ раздѣла съ другими занятіями; и такъ мистрисъ Лесли рѣшилась доставить Алиціи все средства усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, чтобъ быть въ состояніи преподавать его.

Въ тридцати миляхъ отъ жилища мистрисъ Лесли, въ небольшомъ городѣ того же графства, было довольно многочисленное общество людей богатыхъ и образованныхъ; въ городѣ была соборная церковь и духовенство собирало вокругъ себя всю аристократію провинціи. Тутъ, какъ во всѣхъ почти не торговыхъ городахъ Англіи, высшій и средній классы много занимались музыкой. Составлялись концерты любителей, клубы министрелей, подписки на духовные концерты и каждые пять лѣтъ было большое музыкальное празднество. Въ этомъ-то городѣ мистрисъ Лесли помѣстила Алицію въ домъ одного бывшаго профессора, который отказавшись самъ отъ поприща виртуоза, не могъ уже бояться соперниковъ и взялся, на довольно-выгодныхъ условіяхъ, окончить музыкальное образованіе молодой артистки; домъ его былъ уютенъ и пріятенъ, а самъ старшій учитель и жена его были люди добрые, тихіе и уживчивые.

Алиція, благодаря своимъ природнымъ способностямъ и послушанію, черезъ три мѣсяца прилежнаго упражненія, сдѣлалась лучшею изъ всѣхъ бывшихъ и настоящихъ ученицъ стараго музыканта; а еще три мѣсяца спустя, мистрисъ Лесли представила ее въ нѣкоторыя дома, какъ преподавательницу. Алиція завелась своей квартирой и постоянные уроки и отъ времени до времени участіе въ разныхъ концертахъ доставили ей то, что предсказывалъ некогда первый ея наставникъ: независимое положеніе.

Но для того, чтобы привести въ исполненіе всѣ эти планы, мистрисъ Лесли рѣшилась, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, повѣрить нѣкъ человеку, котораго благородство было извѣстно всему городу.

То былъ богатый, недавно овдовѣвшій банкиръ, жившій около года, выбраннаго для будущаго пребыванія Алиціи; онъ былъ въ это время въ гостяхъ по сосѣдству мистрисъ Лесли. Онъ былъ когда-то въ парламентъ однимъ изъ двухъ депутатовъ города С** и хотя отказался отъ представительства, находя, что парламентскія занятія даже до преобразованія палатъ, были слишкомъ тяжелы, однако же сохранилъ довольно вліянія, чтобы рвать избраніе по-крайней-мѣрѣ одного изъ двухъ депутатовъ города С** и такъ благоразумно пользовался этимъ вліяніемъ, что часть его перешла отъ депутата къ банкиру, который такимъ-образомъ приобрѣлъ кредитъ и разныя выгоды, которыхъ ему никогда бы не добиться своимъ голосомъ и краснорѣчіемъ въ палатѣ, гдѣ онъ занималъ незавидное мѣсто. Съ необыкновенною ловкостью умѣлъ онъ поддерживать министерство и въ то же время удержатъ благорасположеніе вигговъ и диссентеровъ своей провинціи. Правда, что въ то время релігіозныя и политическія партіи въ Англіи не были такъ непримиримы въ своей враждѣ, какъ нынче.

Во всемъ графствѣ не было человека, пользовавшагося большимъ уваженіемъ, чѣмъ этотъ доблестный мужъ; а между-тѣмъ онъ не отличался никакими особенно замѣчательными способностями или качествами и былъ одолженъ своимъ высокимъ положеніемъ въ обществѣ одной славѣ своей безукоризненной нравственности. Онъ понималъ это, и потому былъ чрезвычайно щекотливъ на счетъ всего, что касалось его добраго имени, и чрезвычайно дорожилъ малѣйшею

частичею отличія, котораго сохраненіе требуетъ такого непрестаннаго наблюденія за собою.

Банкиръ нашъ былъ, впрочемъ, очень замѣчательнъ, хотя, можетъ-быть, подобныхъ ему характеровъ, отыскалось бы болѣе чѣмъ думаютъ, если бъ можно было читать во всѣхъ сердцахъ. Изъ низкаго званія и почти изъ бѣдности, вышелъ онъ въ люди, благодаря строгой, непоколебимой честности во вѣншихъ дѣйствіяхъ; по этому онъ все свои понятія о мірской чести и благополучіи связывалъ съ приличіемъ и неупречною вѣнней жизни. Такимъ-образомъ, не будучи дурнымъ человекомъ, онъ мало-по-малу сдѣлался почти лицезромъ. Онъ управлялъ совѣстью почти половины города и немногіе посмѣли бы, безъ его совѣта, внести свое имя въ какую-нибудь благотворительную подлинку, тѣмъ менѣе написать духовную или совершить какой-либо другой важный актъ. Какъ его совѣты очень высоко цѣнились въ свѣтскихъ дѣлахъ, то къ нему обращались во всѣхъ случаяхъ, и онъ всегда служилъ между ними посредникомъ. Впрочемъ, банкиръ былъ истинно благотворителенъ и готовъ оказывать услуги каждому; благочестіе же его было искренно. Въ чемъ же состояло его лицезрѣе? Въ томъ только, что онъ старался казаться еще благотворительнѣе, еще человеколюбивѣе, чѣмъ былъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Молва довела его доброе имя до такой степени чистоты и лоску, что малѣйшая тусклѣва, незамѣтная на имени другаго, могла очернить его. Природа же надѣлила банкира порядочнымъ количествомъ животныхъ побужденій; онъ имѣлъ пылкія страсти, былъ по темпераменту склоненъ къ чувственности. Онъ любилъ хорошій столъ, доброе вино.

Онъ женился на жепщипъ, гораздо старше его. Она умерла отъ внезапной болѣзни, и вдовецъ не обнаруживалъ слишкомъ сильнаго огорченія, которое могло бы показаться невѣроятнымъ.

Вотъ все, что слышали отъ него по этому предмету. Онъ пригласилъ одну пожилую жепщину, свою дальнюю родственницу, поселиться и хозяйничать у него въ домъ; и хотя ему было за пятьдесятъ, никто однако же не полагалъ дѣломъ невозможнымъ, чтобы онъ женился во второй разъ.

Вотъ кому министръ Лесли, чтившая его съ давнихъ поръ, поручила рѣшить участь Алици. Такъ какъ банкиръ имѣлъ не малое и

не минутное вліяніе на судьбу Алиціи Дарвилъ, то мы подробно передадимъ совѣты, данныя имъ въ этомъ затруднительномъ дѣлѣ.

— Теперь, сказала мистрисъ Лесли, заключая исторію Алиціи, вы видите, сэръ, что эта молодая дѣвушка стоитъ всякаго состраданія. Судя по необыкновеннымъ ея успѣхамъ въ музыкѣ въ такое невѣроятно короткое время, я подозреваю, что благодѣтель ея Бутлеръ былъ артистъ по промыслу. Они могутъ опять встрѣтиться, и какъ между ними не можетъ быть слишкомъ огромной разности званія, то не мудроно, что онъ и женится на ней; и хорошо сдѣлаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, потому что она любитъ его самую пламенною любовью. Въ такомъ случаѣ, будетъ ли это уклоненіемъ отъ истины, скрыть обстоятельство прежней ея жизни въ лѣтнихъ Дарвилъ и назвать ее именемъ ея благодѣтеля Бутлера? Вотъ затрудненіе, изъ котораго я не могу выпутаться. Какое будетъ ваше мнѣніе? дайте мнѣ совѣтъ; какой бы онъ ни былъ, я посвящу ему.

Банкиръ задумался и наморщилъ лобъ; видно было, что вопросъ этотъ и его ставилъ въ затрудненіе. Онъ стряхнулъ полою чернаго фрака нѣсколько пылинокъ, прильнувшихъ къ его нижнему платью и послѣ некотораго молчанья сказалъ: — Въ самомъ-дѣлѣ, мистрисъ Лесли, случай очень щекотливый, не думаю, чтобъ мужчина могъ тутъ годиться въ судьи; инстинктъ и тонкая догадливость, которыми обладаетъ вашъ полъ, въ такомъ дѣлѣ лучше всей нашей провидательности. Чтò внушигъ вамъ сердце, то будетъ, безъ сомнѣнія, лучшимъ.

— Въ такомъ случаѣ, это рышеное дѣло, сэръ; сердце давно говоритъ мнѣ, что лучше пустить въ свѣтъ такое молодое. — такое невинное, хотѣла я было сказать, — созданіе. Ваше мнѣніе будетъ служить мнѣ оправданіемъ въ моемъ образѣ дѣйствій.

— Этого я не говорилъ, возразилъ банкиръ, улыбаясь. Всякое уклоненіе отъ истины есть нарушеніе нашего долга. Но не лучше ли бы мнѣ сначала повидаться съ этой женщиной и увѣриться въ томъ, что ваше доброе сердце не обмануло васъ?

— Я буду очень рада, если вы повидаетесь съ нею, сказала мистрисъ Лесли; она у меня въ домѣ, я пошлю за ней сейчасъ же.

Алицію позвали; она явилась.

— Этуго господишь, сказала инстрикс Лесли, хочеть поговорить съ тобой ; не бойся, душа моя, онъ добръишій изъ людей.

Съ этими одобрительными словами она вышла чтобы еще разъ не слышать печальнаго разсказа и Алиция увидѣла передъ собою мужчину высокаго роста, смуглаго, съ головою узкою спереди и значительно разширявшеюся къ затылку, съ живыми прощцательными глазами, скрывавшимися подъ большими очками, и съ чертами, показывавшими, что онъ ввроятно былъ очень хорошею собою въ молодости.

— Моя милая, сказалъ банкиръ садясь и раземотрѣвъ сначала ее внимавиємъ прелестное личико, красившее отъ его взоревъ ; мы съ инстрикс Лесли сейчаеъ разеуждали о вашемъ благополучи. Вы перенесли много горя, моя милая ?

— Ахъ.... да, много!...

— Оставимъ это. Вы такъ еще молоды. Вы даеъ хороши, моя милая, слишкомъ хороши; это большое несчастье!

И банкиръ, взявъ руку Алици, сжалъ ее съ необыкновеннымъ жаромъ. Алиция посмотрѣла на него съ недоумѣнiемъ и инстинктивно отдернула руку.

Банкиръ снялъ очки и сталъ смотрѣть на нее на простой глазъ; не смотря на преклонныя лѣта, глаза его были еще живы и выразительны.

— Васъ зовутъ?... —

— Алициею, сэръ....

— И такъ, Алиция, мы разеуждали о томъ, какъ васъ лучше пристроить ; вы желаете честно зарабатывать свой хлѣбъ, и впоследствии, когда представится случай, выйти замужъ за честнаго человека ?

— Мнѣ, замужъ? Нѣтъ, никогда, сказала Алиция съ жаромъ, и слезы навернулись на ея глаза.

— Зачѣмъ же нѣтъ ?

— Потому что, я уже не увижу его на земль....

Банкиръ былъ тронутъ ; онъ былъ не хуже другаго, не смотря на то, что силится казаться лучше всякаго другаго.

— Объ этомъ поговоримъ мы въ свое время, сказалъ онъ ; а между-тѣмъ вы желали бы имѣть возможность кормиться своими трудами ?

— Да, сэръ ; я никому не хочу быть въ тягость. Я хочу жить своимъ трудомъ.

— Но какого рода занятіе было бы вамъ болѣе по сердцу? Хотите поступить въ хорошее семейство, чтобы исправлять какую-либо должность? не должность служанки, вы для этого слишкомъ нѣжны....

— О нѣтъ, нѣтъ, я не поступаю ни въ какое семейство.

— Это почему? спросилъ удивленный банкиръ.

— Потому что, отвѣчала Аліція почти торжественнымъ голосомъ, бываютъ минуты, въ которыя я чувствую, что мнѣ должно быть одной. Иногда мнѣ кажется, что здѣсь не все въ порядкѣ! — И она приложила руку ко лбу. — Прежде чѣмъ я узнала его, меня называли дурочкою. Нѣтъ, я не могу жить съ другими людьми; потому что я только тогда могу плавать, когда я одна съ своимъ горемъ.

Эти слова она произнесла такъ естественно, такъ просто, следовательно такъ трогательно, что банкиръ былъ совершенно расстроганъ. Онъ всталъ, поправилъ огонь въ каминѣ, сѣлъ опять, и волею въ-котораго молчанія сказалъ съ напыщенною важностью: — Аліція, я буду вамъ другомъ и надѣюсь, что вы заслужите мою благо-склонность.

Аліція наклонила свою прелестную головку, и, видя что онъ погружился въ безмолвную думу, разсудила, что ей пора удалиться.

— Въ-самомъ-дѣлѣ прекрасна, сказалъ банкиръ про себя, но почти вслухъ, когда она вышла. — Мистрисъ Лесли права.... Не знаю — тутъ онъ вдругъ остановился, подошелъ къ зеркалу, висѣвшему надъ каминномъ, и еще смотрѣлся въ него, когда вошла мистрисъ Лесли.

— Ну что, сэръ? спросила она.

Банкиръ вздрогнулъ.

— Мистрисъ Лесли, сказалъ онъ, тотчасъ оправившись, и признаю вашу проникательность, столько же, какъ уважаю вашу сострадательность. Я полагаю, что раскрытіе во всеобщую извѣстность прошедшей жизни этой женщины, дѣйствительно можетъ имѣть не благоприятныя послѣдствія. Я принимаю живое участіе въ вашей бѣдной чистомицѣ, она не останется безъ руководителя.

— Да благословитъ васъ Богъ! Какъ злы должны быть тѣ, которые кричатъ, что вы слишкомъ строги!

— Я вероному изъ осужденія ее смиреніемъ, мистрисъ Лесли. До свиданія.

— Прощайте. Такъ вы не забудете, что наша беседа должна остаться въ тайнѣ?

— Не бойтесь; съ monkъ устъ не сорвется о ней ни полслова.

Когда это затрудненіе было такимъ-образомъ благополучно устранено, мистрисъ Лесли съ удивленіемъ увидѣла, что ей предстояло еще бороться съ самою Алиціею. Сначала Алиціи показалось, что перемѣнить свое имя, принять другое, значило показать, что она стыдилась его. А потомъ ей показалось, что принять имя Эрнеста, было дерзостью, которою онъ имѣлъ полное право оскорбляться. Въ этомъ новомъ затрудненіи, мистрисъ Лесли обратилась опять къ банкиру, къ великому его удивленію. Мы уже говорили, что онъ былъ всеобщій совѣтникъ и слылъ умнымъ и опытнымъ совѣтникомъ; это одно уже предполагаетъ въ немъ несомнѣнный даръ убѣжденія. Онъ скоро открылъ пружину, за которую должны были взяться, чтобы восторжествовать надъ упорствомъ Алиціи. Она наконецъ согласилась на требуемое отъ нея пожертвованіе. Впрочемъ не мудрено, что къ побѣдъ его больше всего содѣйствовалъ доводъ, на который онъ всего меньше рассчитывалъ и который онъ привелъ только мимоходомъ. — Этотъ Бутлеръ, говорилъ онъ, если онъ еще въ Англии, можетъ случиться въ нашемъ городѣ и услышать объ особѣ, посещей его имя; тогда онъ, конечно, полюбопытствуетъ взглянуть на нее, и такимъ-образомъ отыщетъ васъ. Следовательно, припавъ его имя, вы будете имѣть болѣе надежды встрѣтиться съ нимъ. Притомъ найдя васъ пользующеюся общимъ уваженіемъ, въ довольствѣ, и съ почетнымъ званіемъ, онъ можетъ-быть почтеть за большое счастье жениться на васъ. Если же, напротивъ, вы сохраните собственное свое имя, и разгласите свое прошедшее, не только вы останетесь нищею, или принуждены будете довольствоваться званіемъ слуги, но и лишитесь послѣдней надежды отыскать вашего Бутлера.

Алиція убѣдилась. Съ этого времени она стала тщательно скрывать все обстоятельства прошедшаго. Для новаго ея жительства мистрисъ Лесли очень благоразумно избрала городъ подальше отъ собственнаго ея мѣстопребыванія, и Алиція, подъ именемъ мистрисъ Бутлеръ, скоро приобрѣла всеобщее уваженіе и любовь своимъ талантомъ, неукоризненнымъ поведеніемъ, скромностью и кротостью нрава. Постигши разъ важность тайны, она сдѣлала огромный шагъ въ знанія сета. Зато, не смотря на то, что ей лестно было вниманіе праздыхъ,

дѣй, которыхъ въ С** такъ же много, какъ и во всякомъ другомъ городѣ, она такъ ловко вела свой челнокъ, что никогда не подвергалась ихъ преслѣдованіямъ. Можно смѣло утверждать, что мужчины почти никогда не рѣшаются явно ухаживать за женщиною, когда не видятъ съ ея стороны ни малѣйшаго повода.

Банкиръ съ безмолвною, но неутомимою бдительностью наблюдалъ за ея поведеніемъ. Онъ часто бывалъ у нея, часто встрѣчалъ ее въ стороннихъ домахъ; потому что онъ былъ другомъ во всехъ домахъ, въ которыхъ она давала уроки или участвовала въ концертахъ въ торжественные дни. Онъ ссужалъ ее хорошими книгами, давалъ ей полезныя совѣты. Алиція начала пѣтать къ нему довѣріе, уважать и любить его, какъ человекъ уважаетъ и любитъ добраго наставника. Но онъ самъ, какіе имѣлъ онъ виды? въ настоящее время ихъ нельзя было угадать, но онъ видимо становился разсѣянъ и задумчивъ.

Однажды одна старая дѣва и старый холостякъ встрѣтились на одной изъ улицъ города С**.

— Какъ ваше здоровье, почтеннѣйшая мисъ***? сказалъ старый холостякъ; что вашъ ревматизмъ?

— Немножко легче, благодарю васъ. Что новенькаго?

Старичекъ ухмыльнулся; очевидно было, что что-то вертѣлось на языкъ, однакоже онъ смолчалъ.

— Не были ли вы на последнемъ вечерѣ мистрисъ Махабъ? продолжала старая дѣва. Какая чудесная музыка!

— Да, музыка была хороша; какъ мила и скромна эта мистрисъ Бутлеръ!. Какъ она умѣетъ держать себя на своемъ мѣстѣ! совсѣмъ не то, что обыкновенныя артистки!

— Правда; а какъ внимательна къ нѣкому банкиру!

— Ха, ха, ха! да, онъ смотритъ за нею, точно отецъ!

— Ужъ не думаетъ ли онъ опять жениться? по я думаю, съ покойною его женою трудненько было полюбить брачное состояніе!

— Тому были нѣкоторыя особенныя причины, сколько я могу догадываться, возразилъ старикъ таинственно. Не хочу говорить дурно о ближнемъ, но....

— Но что?

— О, въ молодости нашъ банкиръ былъ не такъ строгъ, какъ кажется теперь.

— Да, доходный до меня кой-какие слухи, но въ нихъ не было ничего положительнаго.

— Гмъ! а странная вещь!

— Что такое странно?

— Что?... но это тайна; могу ли я на васъ положиться?

— О будьте увѣрены, я никому и не заикнусь. Куда вы идете? я не хочу васъ удерживать; я провожу васъ, а вы между-тѣмъ расскажете. Что такое?

— Ну, слушайте. Вчера отправился я по дѣламъ въ одну деревню мильхъ въ двадцати отсюда, и остался тамъ обедать; послѣ обѣда, пока кормили мою лошадь, я пошелъ погулять по лугу....

— Да, чтожь dalje?

— И увидѣлъ я у воротъ одной избы мужичну, закутаннаго въ плащъ и съ шляпою, надвинутою на глаза. Онъ разговаривалъ съ одной молодой особой. Потомъ онъ сѣлъ на лошадь и проѣхалъ въ двухъ шагахъ отъ меня. Угадайте, кто бы онъ такой?

— Гдѣ мнѣ угадывать! не терзайте моего терпѣнія, скажите прямо.

— Знайте же, это былъ нашъ банкиръ. Я поклонился, а онъ какъ будто не заметилъ меня.

— Неужели? возможно ли?

— Какъ только онъ скрылся изъ виду, я приблизился къ избѣ, велѣлъ себѣ подать стаканъ воды и разсмотрѣлъ молодую особу. Не хочу дѣлать злобныхъ заключеній, но увѣряю васъ, что она была похожа какъ двѣ капли воды.... ну, знаете на кого....

— Неужели! такъ вы полагаете....

— Ничего не полагаю; я только спросилъ крестьянку, кто такая ея прелестная дачница; но она отвѣчала что не знаетъ ея фамилии, и отвернулась такъ грубо, что я догадался, что отъ нея болѣе ничего не добиться.

— Ну, какъ угодно, а я ужъ добьюсь; непременно узнаю, что это значитъ. А какъ называется деревня?

— Ковдаль.

— А, знаю, знаю.

— Только, умоляю васъ, никому ни слова. Я говорю чистую правду, но, еще разъ умоляю васъ, ни слова о нашей тайнѣ.

— Будьте покойны, рта не раскрою.

Два дня спустя после этого разговора, три старыя дэвы сговарились ахать прогуляться въ деревню Ковдаль; и, непосстижимое дэло, молодой дачницы и крестьянки уже не было и самая изба была заколочена. Поселяне ничего не знали о нихъ, не замѣчали за ними ничего особеннаго; господинъ же, столь похожій на банкира, всего одинъ только разъ призжалъ въ деревню.

— Старый ослетникъ! возгласила старшая изъ трехъ дэвъ, и остальные дэвы повторили за нею херомъ. — Такъ порочить доброе ны такого почтеннаго, такаго важнаго человека! и заставилъ насъ повусту истратить шиллингъ на крючки и притраву, чтобы поймать лотву, не стоящую гроша!

VI.

Въ такомъ расположеніи духа сидѣлъ я однажды у окна, и вдругъ увидѣлъ человека, который смотрѣлъ на меня съ большаимъ вниманіемъ.

Ничто не можетъ-быть печальнѣе лѣтняго вечера въ отдаленномъ провинціалномъ городкѣ; такія же улицы какъ въ столицѣ, но безъ ея шума и движенія, тишина деревни, но безъ ея цвѣтовъ и безъ птицъ. Не смотря на то, мы просимъ благосклоннаго читателя представить себѣ спокойную улицу въ спокойномъ городѣ С²², въ тихій июльскій вечеръ. Картина не увлекательная: два щенка играютъ посерединѣ улицы; старая собака стонетъ на сторожъ передъ вновь окрашенными воротами; нѣсколько дамъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, иду надлонными шагами по мостовой, отправляясь домой къ чаю; на нихъ бѣлые кисейныя платья, съ полными зелеными спенсерами, соломенные шляпы съ газовыми воалами, зелеными или *feuille-morte*. Не дѣвъ или не три, входятъ онѣ въ ворота маленькихъ, чистенькихъ домиковъ, съ зеленымъ лужкомъ, обнесенныхъ полисадникомъ. Ворота, домики, полисадники, лужки, все — рывительно на одинъ оброчникъ.

Проходящая по улицъ корова, а за ней коровница; два прикащика выѣхали изъ лавки, рассмотреть, не пройдетъ ли какая-нибудь покупательница или покупатель; и недождавшись, съ досадою возвращались. Дѣнь уже склонялся къ вечеру, но медленно; и на улицъ было еще довольно светло, хотя дѣвъ, три звѣздочки блистали уже на небѣ. У откры-

таго окна одного изъ этихъ однообразныхъ домиковъ, сидѣла Алиція. Она была занята рукодѣльемъ или скорѣе держала въ рукахъ какую-то работу, прелестный предлогъ, къ которому прибѣгаютъ женщины, когда имъ хочется помечтать; и по-мѣръ-того какъ мысли овладѣвали ея душою и наступала ночь, работа опустилась на колѣни, вмѣстѣ съ бѣлыми ручками, которыя еще придерживали ее машинально. По временамъ слезы навертывались на глазахъ Алиціи, и она вздыхала, будто затѣмъ, чтобъ разогнать слезы. Бѣдная дѣвушка! если она и горевала, то горевала тихо и безмолвно.

Улица была пуста; одинъ только человекъ проходилъ по другой сторонѣ, противъ домика Алиціи. Грубая и неопрятная одежда была чѣмъ-то среднимъ между одеждою простаго мужика и фермера; но красный, шелковый платокъ, повязанный на манеръ матросовъ и контрабандистовъ, и шляпа, надѣтая помолодечки, на бекрень, показывали какое-то грубое притязаніе на щегольство; а цѣпочка отъ часовъ, съ тяжелыми печатами на концѣ, висѣвшая вершка на два ниже пестраго жилета, составляла подозрительную противоположность остальнымъ частямъ наряда. Прохожій былъ весь въ пыли, и можно было полагать, что онъ возвращался на ночлегъ съ продолжительной ходьбы, потому что улица шла изъ предмѣстья, примыкавшаго къ большой дорогѣ. Глаза его съ безпокойствомъ перебѣгали отъ одного мѣста къ другому. Въ его бдительномъ и безпокойномъ взорѣ видѣнъ былъ какой-то страхъ. Порокъ вложилъ свое клеймо на это лицо, которое, казалось, вѣчно выглядывало, съ одной стороны, нельзя ли гдѣ стащить кошелекъ, а съ другой, какъ бы не наткнуться на шельмцу. Алиція не обращала вниманія на прохожаго, пока сама не привлекла его вниманія. Увидѣвъ лицо молодой женщины, онъ вдругъ остановился, заслонилъ глаза рукою, чтобъ лучше всмотрѣться, и издалъ глухое восклицаніе и удивленіе радости. Въ то же мгновеніе Алиція обернулась, и взоръ ея встрѣтился со взоромъ прохожаго. Очарованный взглядъ василиска не могъ бы произвести такого мгновеннаго дѣйствія, какое произвелъ на Алицію взоръ этого человека; черты ея стали неподвижны; губы побѣлѣли, какъ мраморъ; глаза страшно выпучились; руки судорожно сцѣпились; и вся она сидѣла какъ окаменѣлая. Прохожій дѣлалъ ей разные знаки; наконецъ смыло вѣршелемъ черезъ улицу и сталъ сильно стучаться въ дверь. Алиція все сидѣла на томъ же мѣстѣ, въ совершенномъ онемѣніи. Единственная

служанка Алиція отворила дверь; грубый голосъ притнелца раздался въ снѣгахъ и затѣмъ ступени лѣстницы заскрипѣли подѣ тяжелыми стопами. Бѣдная Алиція, будто по инстинкту, стала противъ двери дрожа отъ страха и отвращенія. Дверь отворилась, и она и Дарвиль еще разъ очутились другъ противъ друга, подѣ одной кровлей.

— Здравствуй, Алиція, какъ поживаешь, душа моя? Очень рада повдаться съ старикомъ, не такъ ли? безъ церемоній, голубушка, садись. Ага! да какъ у тебя здѣсь прибрано и чисто! квартирка хоть куда! Мы здѣсь заживемъ вмѣстѣ на славу, будемъ какъ сыръ въ маслѣ кататься. Ты, лаутовка, завела дѣлшки на собственный счетъ! неужели совсѣмъ покинешь стараго, бѣднаго Дарвиля, и не дашь ему иногда поѣсть и попить?

Съ этими словами Дарвиль растянулся съ ногами на хорошенькой софѣ, съ видомъ чловѣка рѣшившагося быть какъ у себя дома, полнымъ хозяиномъ. Алиція смотрѣла на него и дрожала всѣмъ тѣломъ; она не могла говорить, голосъ у нея отнялся.

— Ну что же ты все стоишь какъ вкопанная? или мнѣ придется самому идти ввизъ? какъ мило! А, да это что? колокольчикъ! это ужъ по-барски! ну такъ, не безпокойся, душечка, я и безъ тебя прикажу все, что мнѣ нужно.

И онъ дернулъ колокольчикъ такъ сильно, что звонъ его раздался даже на улицѣ, а свурокъ остался у него въ рукахъ.

Служанка Алиція вошла; это была женщина пожилая, почтенная, чинная, и очень строгая блюстительница приличій.

— Эй, слушай, старуха, сказалъ Дарвиль; принеси что ни есть у тебя лучшаго; деликатнаго мнѣ не нужно, а только чтобы всего было вдоволь, да не забудь захватить бутылку водки. Ну же, ступай! что вытаращила на меня глаза, словно заколдованная? не понимаешь, что ли?

Служанка сбѣжала ввизъ, такъ скоро, какъ-будто на нее былъ наведенъ пистолеть, а Дарвиль, хохоча во все горло, развалился спать на диванъ. Алиція еще разъ взглянула на него и, не говоря ни слова, прокралась въ дверь. Въ снѣгахъ встрѣтила она свою служанку, которая ее очень любила и ужасно перепугалась, увидѣвъ свою госпожу, готовую бѣжать изъ дому.

— Сударыня, куда же вы? и безъ шляпы? Да что же все это значить? Что это за чловѣкъ?

— Боже, Боже мой! Что мнѣ дѣлать? Куда мнѣ бѣжать? етонам Алиція. Но вдругъ дверь на верху скрыпнула; Алиція задрожала и въ одно мгновеніе была уже на улицѣ. Она бѣжала, какъ безумная, нога не захватила у нея дыханія; она была въ такомъ перемѣнствѣ, что еслибъ на дорогѣ ея влучилась рѣка, она бросилась бы въ нее, чтобы вырваться изъ міра, который, казалось, не хотѣлъ отпустить въ себя ее и Дарвила.

Но при поворотѣ въ одну изъ улицъ, ведущихъ къ болѣе населенной части города, чья-то рука схватила ея руку, и чей-то голосъ назвалъ ее по имени, съ выраженіемъ чрезвычайнаго удивленія.

— Боже мой! Мистрисъ Бутлеръ! вы ли это? что съ вами случилось?

— Сэръ, спасите меня! вы добры, вы великодушны, спасите меня! онъ воротился!

— *Онъ!* Кто *онъ?* Мистръ Бутлеръ? спросилъ банкиръ (это былъ онъ) дрожащимъ и измѣнившимся голосомъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! не *онъ!* я не говорила, что это *онъ!* я сказала, что Дарвилъ... смотрите, онъ идетъ за нами.

— Успокойтесь, другъ мой, за нами нѣтъ ни кого, я пойду съ вами къ нему и усовѣщю его. Никто не посмѣетъ васъ обидѣть; я буду вашимъ защитникомъ. Идите домой; я пойду за вами; васъ никто не долженъ видѣть вмѣстѣ.

И высокій банкиръ бѣжась, какъ будто хотѣлъ сдѣлаться маленькимъ голубинымъ яйцомъ.

— Пѣтъ, я не могу идти домой, отвѣчала Алиція бѣднѣе еще болѣе.

— Ну, такъ дойдите со мною до подъезда, служанка ваша вынесетъ вамъ шляпу и проведетъ васъ на мою квартиру; тутъ вы меня подождете. Я же увижусь съ вашимъ Дарвилемъ и надеюсь избавить васъ отъ его присутствія.

Банкиръ говорилъ скоро, даже съ нетерпѣніемъ и пошелъ къ дому Алиціи, не дожидаясь отвѣту.

Алиція не пошла за нимъ; она стояла неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее встрѣтилъ. Служанка нагнала ее тутъ и отвела въ домъ банкира; рассудокъ бѣдной дѣвушки помутился, она такъ бредла на яву, что страшно было за нее.

VII.

Кричатъ какъ что тридцать есткля, потомъ издеваются; начнутъ варить рассуждать разумно о томъ что имъ дѣлать, и вотъ крикъ возободъ, является за каждымъ предложеніемъ.

Бомантъ и Флетгеръ.

Банкиръ и бродяга, другъ предвѣвъ друга въ маленькой гостиной, одинъ въ креслахъ; другой на диванѣ: какая картина человѣческой природы! Дарвиль продолжалъ еще уплетать большіе куски холодной говядины и морщиться, запивая ихъ скверною водкою, за которую старая и чинная служанка должна была сходить въ ближайшій кабакъ. А противъ него сидѣлъ почтенный и весьма чтимый человекъ и съ важностью смотрѣлъ на низкаго и дерзкаго моменника; банкиръ, обильно надъленный земными благами, и нишій бродяга, человекъ, который могъ всего лишиться, и человекъ, у котораго не было ничего на свѣтъ, кромѣ его гнуснаго ремесла, украденныхъ накупить золотыхъ часовъ и тринадцати шилинговъ въ карманѣ: нелѣтъ же было свести болѣе разительныхъ противоположностей.

Банкиръ не подозревалъ, съ какаго рода звѣремъ онъ имѣлъ дѣло. Изъ общаго очертанія жизни Алици, переданнаго ему ея докрителемъ ищю, мистръ Десли, онъ зналъ что Дарвиль былъ морзавецъ, годный лишь на висальцу; но онъ ожидалъ встрѣтить въ Дарвилѣ мочешина дивнаго разряда, глупаго и вонющаго даже той наглости, которая иногда можетъ заманить умъ. Но Лука Дарвиль былъ умный малый, получилъ кой-какое воспитаніе и былъ такъ развѣзень, какъ будто весь вѣкъ провѣлъ въ лучшемъ обществѣ. Черное платье и потрескавшій видъ банкира нисколько не испугали его. Самъ герцогъ Вашингтонъ не испугалъ бы его, развѣ что вмѣсто адъютантовъ при немъ были бы полицейскіе судьяки.

Банкиръ смутился.

— Знаете ли, мистръ — не имѣю чести знать ваше имя, — сказалъ Дарвиль, выпивая залпомъ стоявшій передъ нимъ стаканъ водки, также просто какъ будто это былъ стаканъ воды, — знаете ли, что я не такой простакъ, чтобы сталъ вѣрить вашимъ сказкамъ? Съ какой стати будете вы такъ заботиться о добромъ имени моей Алици, о ея благополучіи? Нѣтъ, старая лиса, не на того нападъ! не доброю

нми, не счастье ея вамъ дорого, а сама она вамъ приглянулась! Сказать правду, моя Алиція не дурна, даже очень хороша, но за то своею правдою какъ луна: вы гораздо скорѣе сойдетесь со мною, чѣмъ съ нею.

Банкиръ покраснѣлъ какъ ракъ, прикусилъ губы и осмотрѣлъ своего собесѣдника съ головы до ногъ, какъ бы примѣняясь, немы ли будетъ ногою бросить его съ лѣстницы; но Лука Дарвиль однимъ кулакомъ сплюснулъ бы банкира со всеми его прикащиками въ придачу. Природа такъ хорошо приладила, такъ развила и такъ крѣпко связала весь его члены и мускулы, что самый искусный кулачный боецъ подумалъ бы лишній разъ, прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ такимъ противникомъ.

Банкиръ же былъ остороженъ до чрезвычайности; окончивъ осмотръ, онъ отодвинулъ свои кресла на нѣсколько вершковъ.

— Сэръ, сказалъ онъ смиренно, намъ надо сперва объясниться; ваша прежняя воспитанница уже не подѣ вашею властью и если вы ее будете обижать, законъ вступится за нее.

— Она не совершеннолѣтна, сказалъ Дарвиль. За ваше здоровье, старый волокита.

— Совершеннолѣтна, или нѣтъ, возразилъ банкиръ, не обращая вниманія на послѣднюю въжливость, мнѣ дотога нѣтъ дѣла. Знаю только, что если у нея есть сильные друзья въ городѣ, а у васъ ихъ нѣтъ, такъ она найдетъ защиту, и васъ засадятъ въ тюрьму.

— Вотъ что называется говорить дѣло, сказалъ Дарвиль, принимая въ первый разъ почтительный тонъ; вы смотрите на вещи съ практической точки зрѣнія, какъ говорится у насъ въ клубахъ.

— Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, мистръ Дарвиль, вотъ что я бы сдѣлалъ: завтра же вышелъ бы я изъ города, давъ слово никогда не возвращаться, съ тѣмъ, чтобы мнѣ каждые три мѣсяца платили известную сумму изъ доходовъ воспитанницы.

— А если я лучше желаю жить у нея?

— Въ такомъ случаѣ, я здѣшній глава; мнѣ стоитъ только приказать выгнать васъ какъ бродягу, или схватить....

— Такъ-то!

— Схватить по подозрѣнію въ покражу золотой цѣпочки съ помѣткою, которую вы такъ выставляете на показъ.

— По чести, вы *малый сметливый*, невольно вскричалъ Дарвиль; знаете человеческое сердце какъ свои пять пальцевъ.

Банкиръ улыбнулся. Странная вещь! ему лестно было слышать этот отзывъ.

— Однако жъ, продолжалъ Дарвиль, положивъ на тарелку еще кусокъ говядины, вы немножко сбиваетесь съ толку, старый пріятель; если вы принимаете такое участіе въ добромъ имени моей Алиція, то какъ же вы хотите обвинить ея благодѣтеля въ воровствъ?

— Я не признаю васъ ея благодѣтелемъ, мистръ Дарвиль, полагаю что вамъ трудненько будетъ доказать свои слова, тамъ, гдѣ я буду имѣть сколько-нибудь власти.

— О, что за лихой мошенникъ могъ бы выйти изъ васъ! вы навѣрное учились въ Ольдъ-Бэйли.

— Мистръ Дарвиль, послушайтесь моего совѣта. Съ вами, кажется, можно разсуждать, какъ съ умнымъ человѣкомъ. Спрашиваю васъ, слышано ли, чтобъ въ какомъ-либо городѣ нашего королевства, человѣкъ бѣдный и находящійся въ подозрительномъ положеніи, могъ бороться съ человѣкомъ богатымъ и пользующимся общимъ уваженіемъ? Вы, можетъ-быть, и правы; объ этомъ я не хочу спорить; но объявляю вамъ, что чрезъ полчаса васъ не будетъ въ этомъ домѣ, и что впредь и духу вашего въ немъ не будетъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, что не пройдетъ десяти минутъ и вы будете уже сидѣть въ городской тюрьмѣ.

Банкиръ всталъ.

— Полчаса, не забудьте. Прощайте.

— Поспѣшайте! вскричалъ Дарвиль, много лѣтъ уже не встрѣчалъ я человека, который такъ нравился бы мнѣ какъ вы; садитесь; побесѣдуемъ еще немного, и мы какъ разъ сойдемся. Какъ желалъ бы я встрѣтиться съ вами, на-большой дорогѣ, а не между вашими четырьмя игрушечными стѣнами.

Банкиръ былъ не изъ храбраго десятка и измѣнился въ лицѣ, слыша такое пріятное желаніе. Дарвиль смотрѣлъ на него съ злою улыбкою.

Банкиръ продолжалъ спокойнымъ голосомъ: — Это зависело быть-одною обстоятельствомъ, были ли бы при мнѣ пистолеты или нѣтъ. Возвратимся къ дѣлу. Выходите отсюда, безъ спора, безъ шума, не говоря никому ни слова о хозяйкѣ этого дома.

— И я получу въ вознагражденіе....

— Десять гиней теперь, и столько же каждые три мѣсяца во все время, пока известная вамъ особа будетъ жить въ этомъ городѣ, а ты не будешь преслѣдовать ея, ни письмами, ни личными посещениями.

— Это выходитъ сорокъ гиней въ годъ; отнимъ я не могу жить.

— Въ исправительномъ домѣ содержаніе ваше обошлось бы еще дешевле, мистръ Дарвилъ!

— Положите ужъ сто гиней; сто гиней право не дорого.

— Ни копѣйки не прибавлю! сказалъ банкиръ рѣшительно, и застегиваясь, чтобы удалиться.

— Нечего дѣлать, отсчитайте деньги.

— Общаете?

— Общаю.

— Вотъ вамъ десять гиней. По какому случаю попала въ ваши нѣжныя руки несчастная Алиція?...

— Очень просто, сказалъ Дарвилъ глухимъ голосомъ. Послушайте, я расскажу вамъ исторію своей жизни. Отецъ мой былъ изъ хорошаго званія, но женился на служанкѣ, родные отреклися отъ него и бросили на произволь судьбы. Онъ умеръ въ борьбѣ съ нищетой, для которой онъ не былъ рожденъ; моя покойная мать пошла въ услуженіе къ старому холостяку, а меня отдала въ школу; вскорѣ однако же она меня взяла изъ школы, и отдала въ ученіе ремеслу. Все ненавидѣли меня за то, что я былъ дурень собой. Я сталъ красть деньги у холостяка, меня посадили въ тюрьму. Мать моя умерла; я остался одинъ безъ защиты. Я женился на хорошенькой и бѣдной женщинѣ, сталъ ревновать ее, потому что научился уже никому не вѣрить. У насъ не было дѣтей и мы взяли къ себѣ на воспитаніе Алицію, дочь бѣднаго дворянина. Однажды я ударилъ жену въ грудь и недѣли три послѣ того она умерла. Меня судили уголовнымъ судомъ, но я успѣлъ выпутаться и переселился въ другую провинцію; а какъ я былъ не глупъ, и кой чему научился, то мнѣ не трудно было прійскать мѣсто мастера на фабрикѣ; но трудъ мнѣ былъ чрезвычайно ненавистенъ. Алиція подросла и я признавалъ ее за свою дочь. Вотъ и вся моя исторія.

— Вы выбрали дурной путь, сказалъ банкиръ; вы имѣли, сколько я могу судить, возможность повернуть свою судьбу совсемъ иначе. Впрочемъ, вамъ остается еще одинъ путь ко спасенію: покайтесь никогда не поздно.

Банкиръ всталъ и хотѣлъ удалиться.

— Постойте, сказалъ Дарвилъ, мы не рѣшили еще, гдѣ я буду получать свое жадованіе.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! я ручаюсь за исправность платежа; мое имя, я полагаю, можетъ служить достаточнымъ обезпеченіемъ?

— Да, за недостаткомъ лучшаго, сказалъ Дарвилъ съ пренебреженіемъ; во всякомъ случаѣ я не потеряю выигранный день! Только, право, не придумаю, какое мѣсто назначить для высылки мнѣ денегъ; я никого не знаю, кто былъ бы въ состояніи взять деньги и не положить ихъ въ свой карманъ.

— Въ-всякомъ-случаѣ, вѣрите всего вамъ — я говорю какъ дѣлать, — давайъ векселя на меня; гдѣ бы вы ни были, каждый банкиръ выдастъ слѣдующія вамъ деньги, но помните, какъ скоро вы прейдете условленную сумму, платежи прекратятся.

— Понимаю, сказалъ Дарвилъ; дайте только осушить эту бутылку, и я тотчасъ уберусь отсюда.

— Это будетъ благоразуміе, сказалъ банкиръ, отворяя дверь.

Богатый банкиръ носившино возвратился домой. И такъ, думая о томъ, въ жилищѣ Алиции есть дворянская кровь, но этотъ воспитатель.. Жалко бы я чтобъ его по-крайней-мѣрѣ скорѣе повѣсили. Пожалуй, что лучше было бы устроить дѣло безъ брани; но огласка.... она можетъ все испортить! еще бы лучше, можетъ-быть, вовсе не думать объ Алиции. Но она такъ хороша и такъ.... неужели я никогда не ослѣденю, никогда не буду старикомъ?

VIII.

Онъ съ восхищеніемъ опустилъ взоръ на ея красу, на трогательныя качества ея души и вертелъ ихъ прелестныя формы во все стороны до-тѣхъ-поръ, пока онъ не сдѣлался ежедневною пищею его духа.

Лн. Гунтъ.

Конечно въ Алиции было нечто особенно привлекательное, особенно могущественное, когда она не перестала быть прекрасной и чистою и въ глазахъ разборчиваго, поэтическаго Эрнеста, и въ глазахъ чужака, до такой степени капитанскаго святотатства понятіями, какъ опытный банкиръ города С., не смотря на глупыя образы порока,

которыми была окружена ея жизнь. Среди отвратительныхъ, зловредныхъ растений выросъ этотъ очаровательный цвѣтокъ. Такія столкновенія крайностей, хотя рѣдко, но встрѣчались тому, кто изслѣдовалъ дикія пустыни жизни. Я списалъ Алицію съ натуры, и увѣрю, что не преувеличилъ въ ея портретъ ни одной черты, ни одного отъѣнка. Я не думаю, какъ почтенный банкиръ, чтобы она была чѣмъ-либо, кромѣ развѣ тонкости кожи и нѣжности формъ, частицы дворянской крови, бывшей въ ея жилахъ; но откуда бы она ни приходила, а въ ней было то счастливое свойство, которое побуждаетъ растенія обращаться всегда къ свѣту. Ежедневный опытъ показываетъ, что если воспитаніе можетъ измѣнять массы людей, то природа въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама образуетъ недѣльное, и влагаетъ въ составъ его достаточно красоты или безобразія. Одно извлекаетъ ядъ изъ самыхъ благоговѣрныхъ веществъ, другое напротивъ обращаетъ яды въ вкусную и здоровую пищу. Что касается до меня, я, послѣ долгаго размышленія о психологической исторіи Алиціи Дарвилъ, пришелъ къ тому заключенію, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ, почему эта молодая дѣвушка осталась неприкосновенна окружавшему ее разврату, было позднее развитіе ея умственныхъ способностей. Не знаю, звѣрское обращеніе воспитателя въ ея дѣтствѣ, дѣйствовало ли непосредственно на ея мозговые нервы, или только страхомъ, но до знакомства своего съ Мальтреверсомъ, съ того времени, какъ она почувствовала любовь, умъ ея былъ въ совершенномъ младенчествѣ, она была почти дурочка. Дарвилъ, должно сказать, ничему не училъ ее, и не позволялъ, чтобы ее чему нибудь учили; но это совершенное невѣжество было лучшею ея оградой; туность умственныхъ и нравственныхъ способностей была щитомъ, не допускавшимъ ее до прикосновенія къ гнуснымъ вещамъ, ее окружавшимъ. Это была твердая оболочка куколки, приспособленная къ тому, чтобы выдерживать дѣйствіе атмосферы и охранять мотылька, до-тѣхъ-поръ, какъ онъ, разбивъ скорлупку, не вылетитъ изъ нея во всей своей красѣ.

Банкиръ очень уважалъ Алицію, и былъ весьма огорченъ, когда, возвратившись домой, узналъ, что она въ опасности. Она провела эту ночь на его квартирѣ, а его старая родственница не отходила отъ ея постели. Онъ также почти не спалъ во всю ночь, и на слѣдующій день былъ необыкновенно блѣденъ.

Къ утру Алиція уснула и сонъ подкрѣпилъ ея тѣло и успокоилъ душу. Проснувшись, она узнала изъ записки своего благодѣтеля, что Дарвилъ удался съ ея квартиры, и что она можетъ возвратиться, но опасаясь на будущее время новыхъ вторженій. Потокъ слезъ и теплая молитва благодарности возстановили ея силы, физическія и умственные. Какъ ни несовершенны были понятія молодой дѣвушки о добрѣ и злѣ, она понимала однако же права воспитателя на воспитанницу, хотя бы воспитатель этотъ былъ извергъ. Чувства замѣняли ей нравственные понятія; она видѣла что ей невозможно жить подъ одною кровлею съ такимъ ужаснымъ человѣкомъ, но совѣсть ея возмущалась при мысли, что онъ былъ изгнанъ изъ подъ ея кровля въ нищету. Она постыдилась одѣться и послала къ банкиру просить его къ ней поговорить о дѣлѣ; банкиръ съ удивленіемъ и съ восхищеніемъ увидѣлъ, что онъ предупредилъ ея желаніе, назначивъ жалованіе Лукъ Дарвилю. Когда онъ сообщилъ ей заключенное имъ условіе съ Дарвилемъ, она схватила его руку и поцѣловала ее со слезами благодарности и рѣшилась тайнѣ трудиться, сколько позволятъ ея силы, чтобы увеличить назначенную сумму.

Банкиръ нашъ, казалось, былъ еще болѣе пораженъ душевными качествами Алиціи, чѣмъ ея красотою. Любовь ея къ дѣтямъ, напримеръ, производила на него сильное впечатлѣніе, и онъ нежнѣе смотрѣлъ на нее, когда она ласкала и лелѣяла какую нибудь бѣдную сиротку. Трудно рѣшить, былъ ли онъ положительно влюбленъ въ Алицію; выраженіе немножко странно, когда дѣло идетъ о человѣкѣ на шестомъ десяткѣ, и который перенесъ на своемъ вѣку достаточно испытаній и сердечныхъ ощущеній, чтобы сердцу его уметься. Чувство его къ Алиціи и его планы касательно ея имѣли довольно сложный характеръ, и чѣтатель, можетъ быть, еще не скоро постигнетъ ихъ вполне.

Въ этотъ день онъ проводилъ Алицію домой и дорогою почти все время молчалъ, можетъ-быть потому, что его стѣсняло присутствіе старой родственницы, которую онъ пригласилъ съ собою ради приличія. Онъ посовѣтовалъ молодой дѣвушкѣ, никому не открывать своихъ отношеній къ посятителю, а она слишкомъ трепетала при одномъ воспоминаніи, чтобы имѣть желаніе еще говорить о немъ. Банкиръ счелъ также не бесполезнымъ сказать служанкѣ Алиціи, подъ строгою тайною, что подозрительный гость дальнѣй родствен-

Еликъ министръ Бутлеръ, котораго влѣкше доведе до шизофы и бредяжничества. Онъ прибавилъ съ некоторою важностью, что благодаря его увѣщаніямъ и наставленіямъ, несчастный, уходя домой, изъявилъ желаніе переменить свой образъ жизни, и что съ надеждою, что онъ исправится.

— Но, Анна, сказалъ онъ въ заключеніе, я знаю, что ты будешь стать обвиненнаго порока опасничества, и потому являю убѣжденъ, что никому не будешь рассказывать объ этомъ происшествіи, потому что огласка его будетъ несправедлива твоей честности и можетъ причинить много вреда тому человеку, между-тѣмъ, какъ онъ предвѣщаетъ къ гораздо лучшему свѣдѣнію, тѣмъ можно бы предположить по его наружности, и притомъ, какъ ты, кажется, исправился; признаюсь, и мнѣ самому такая огласка была бы крайне неприятна... Да какъ я разговаривалъ съ тобою, такъ ужъ клягати должно тебѣ сообщить пріятную вѣсть; я могу помѣстить твоего внука въ бедожежнующую школу.

Богачъ видѣлъ, что онъ добился того, что ему было нужно, и возвращался домой, очень довольный тѣмъ, какъ устроился дѣло, когда къ нему подошелъ знакомый, занимавшій также одну изъ важнѣйшихъ должностей въ городѣ.

— А, мое почтеніе, какъ ваше здоровье? сказалъ послѣдній. Слышали вы новость? у насъ здѣсь омычки, присланные отъ лондонской полиціи. Они ищутъ одного отъявленнаго злодѣя, бѣжавшаго изъ тюрьмы. Это одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и некусныхъ воровъ во всей Англіи, и полиціа дошла по слѣду его до нашего города. Преступленія его указали всю его дорогу; третьяго дня онъ укралъ наса у одного путешественника и оставилъ его замертво на большой дорогѣ, въ тридцати миляхъ отсюда.

— Боже мой! вскричалъ банкиръ, чрезвычайно встревоженный; а какъ называется этотъ извергъ?

— Именъ у него больше, чѣмъ у испанскаго гранда; но въ послѣднее время, помнится мнѣ, онъ прозывался Петромъ Уатсомъ.

— Такъ! сказалъ нашъ пріятель, какъ-будто узнавъ камень изъ плечи; что же, полиціа отыскала его?

— Нѣтъ еще, но идетъ по слѣду; вчера мостовой сборщикъ найдлъ, на разсвѣтъ, человека совершенно однихъ примѣтъ съ нимъ, по дорогѣ изъ Ф***. Его дѣлательно динутъ.

— Надеемся, что онъ не уйдетъ отъ заслуженной участи; преступленію никогда не остается безнаказаннымъ. Мое почтеніе вашей супругѣ; что вашъ маленький сыночекъ? Здоровъ? весьма приятно. Прощайте.

— Мое почтеніе.

— Предостойнейшій человекъ!

IX

Но что это такое? думалъ онъ; низкій демоунъ, съ злодѣйскими помыслами, отвратительными пріемами.

Гробо.

На другой день, еще въ заутраки, банкиръ съѣзъ на свою конную лошадь съ быстрой и ровной шабашкой и, предупредивъ сводку людей, что не вернется къ обѣду, выехалъ изъ С..

День былъ жаркій и банкиръ ускорилъ бѣгъ своей лошади. Прелестное мѣстоположеніе могло бы побудить кого другаго остановиться и понаблюдать; но нашъ банкиръ, заглубившій въ дѣла, замечалъ только духоту атмосферы, не не красоту окружающей его природы. Онъ не смотрѣлъ на природу взоромъ любителя: величественные лѣса, роскошные долины, излучистая рѣчка, перебивавшая то по одну, то по другую сторону дороги, вовсе его не занимали; желзная дорога скорѣе привлекла бы его вниманіе, но къ сожалѣнію, въ то время желзныхъ дорогъ еще не существовало. Впрочемъ, любовь къ природѣ рѣдко бываетъ совершенно искренна; я не думаю, чтобы изъ ста человекъ нашлся одинъ, который думалъ бы о томъ, что находится около дороги, если эта дорога спокойна и удобна.

Было уже около полудня, когда банкиръ, проехавъ нѣсколько миль, повернулъ на тропинку и прибавилъ шагу. Черезъ три четверти часа, подыхалъ онъ къ одинокому пестрому двору, подъ выскокою «Рыбака», привелъ лошадь, заказалъ обѣдъ къ шести часамъ, взялъ корзинку для будущей добычи; можно было легко догадаться, что онъ собирался удить рыбу. Осмотрѣвъ со вниманіемъ свою протсть, которая во всемъ изроятіемъ должна была обратиться въ уау, а потомъ и коробку съ крючками и притравами, онъ взвалилъ корзинку на спину и

отправился вдоль рѣки, гдѣ и принялся за дѣло, съ видомъ, какъ казалось, отчаяннаго любителя рыболовнаго искусства, между-тѣмъ, какъ лошадь его опускала голову, мотала хвостомъ, словомъ, выдѣлывала вся кокетливыя штуки, которыми умная лошадь имѣетъ обыкновеніе задабривать содержателей постоянныхъ дворовъ.

Ловля началась довольно успѣшно; пріятель нангъ вытянулъ форель, попавшуюся совершенно случайно; она прицѣпилась къ крючку наружную частью челюсти, почему можно было догадываться, что она вовсе не имѣла намѣренія клевать притраву, а только глязѣла на нее. Не смотря на то, рыбакъ былъ недоволенъ мѣстомъ, которое выбралъ; осмотрѣвшись во все стороны, чтобъ удостовѣриться въ томъ, что никто за нимъ не слѣдилъ, — отчаянные рыболовы боятся этого какъ сглазу, — онъ пошелъ скорымъ шагомъ вдоль рѣки, скоро свернулъ на тропинку, которая черезъ часъ очень скорой ходьбы, привела его къ избѣ. Постучавшись два раза, самъ открылъ дверь, и солнце клонилось уже къ западу, когда банкиръ возвратился на постоянный дворъ; скромный обѣдъ, простывшій въ ожиданіи рыболова, и бѣдная форель, единственный плодъ столь долгой ловли, были съедены въ нѣсколько минутъ. Затѣмъ банкиръ съѣлъ на лошади, и яркія облака на западѣ возвѣщали конецъ дня, когда онъ удалился со скоростью четырнадцати миль въ часъ.

— У этого господина горячая кровь, сказалъ трактирщикъ, почесывая въ затылкѣ.

— Кто онъ такой? спросилъ одинъ изъ конюховъ.

— Не знаю; прѣзжаетъ уже третій разъ, почти ничего не беретъ и, какъ кажется, помѣшанъ на рыбной ловлѣ.

Банкиръ вѣхалъ скорой рысью; милевые столбики быстро мелькали передъ нимъ, и отличный конь шелъ такъ ровно, что почти не шевелилъ гривой. Но ночь приближалась такъ же быстро; пошелъ дождь, дождь частый, продолжительный, проникающій до костей прежде чѣмъ его заметишь. Человѣку, считающему за пятьдесятъ лѣтъ и наслаждающемуся всеми удобствами жизни, неприятно подвергаться сырости; поэтому путешественникъ, боясь схватить ревматизмъ, рѣшился проѣхать полями, чтобы сократить дорогу; лошадь могла порядочно скакать черезъ заборы, вздохъ держался довольно крѣпко на сѣдлѣ, а сократить дорогу двумя милями было достаточно, чтобы предостеречься отъ ревматизма. Сообразивши все это, банкиръ открылъ во-

рота и повзжалъ колѣнъ. Нѣсколько времени онъ ѣхалъ по нѣмъ ни какого повода раскаяваться въ своемъ рѣшеніи. Первый затрудненіемъ, представившимся ему на пути, былъ заборъ, котораго вершины почти невидны были въ темнотѣ; за заборомъ, немного вправо, стоялъ стогъ сѣна, и подлѣ стога было, по видимому, самое удобное мѣсто, чтобы перескочить, но ни вздокъ, ни лошадь не знали, какая опасность ожидала ихъ за заборомъ, потому что съ послѣдняго разу, что они проѣзжали тутъ, за заборомъ вырытъ былъ глубокій ровъ для стока воды. Банкиръ поднялъ лошадь въ галопъ, опустилъ поводья, и приподнялъ правую руку; но лошадь, на самомъ скаку, испугалась чего-то чернаго, стоявшаго у стога, бросилась въ сторону, упала въ ровъ, а вздока бросила черезъ голову на нѣсколько футовъ отъ себя. Банкиръ, очнувшись и почувствовавъ, что все въ немъ цело, хотя порядкомъ помято, повзжалъ къ лошади, которой паденіе обошлось не такъ легко; она выползла изъ рва и стояла, прислонившись къ забору и повзсивъ голову; плечо ея казалось вывихнутымъ или даже переломленнымъ.

Замѣтивъ всю обширность своего несчастнаго приключенія, банкиръ призадумался; дождь усиливался, до дому оставалось еще нѣсколько миль; онъ былъ въ открытомъ полѣ, вдали невидать было никакого жилья, а чтобы возвратиться на большую дорогу, приходилось опять перескочить черезъ заборъ. Между-тѣмъ, когда онъ перебиралъ все это въ умъ, черный предметъ, надълавшій столько бѣды, испугавъ лошадь, отдался отъ стога, и грубый голосъ, отъ котораго банкиръ задрожалъ до костей, показалъ ему, что онъ не одинъ.

— Кто тамъ? чортъ или человекъ? заревѣлъ голосъ.

— Забывъ о несчастномъ положеніи своей лошади, банкиръ занесъ ногу въ стремя; но не успѣлъ съѣсть на лошадь, какъ тяжелая рука опустилась ему на плечо, и когда онъ обернулся, принявъ гордый видъ, глазамъ его представилось то, чего онъ уже боялся по голосу, страшное лицо Луки Дарвиля.

— А! старый мой благодѣтель, все ли въ добромъ здоровьи? вотъ же думалъ, не гадалъ, что встрѣчу тебя, въ дождливую ночь, одного, около одиночнаго стога, подлѣ глубокаго рва, вдали отъ всякаго жилья?

— Послушайте, Дарвиль, сказалъ банкиръ, вооружаясь всей своей энергіей и разсудкомъ, потому что душевная сила въ немъ превыша-

ли эманическую трусость, и онъ говорилъ твердо, даже храбро, хотя сердце его сильно билось и его можно бы назвать нервадиномъ. Не слушайте, Дарвиль, лондонская полиція идетъ за вами по пятамъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ!...

— Честно уверяю, это истина. Узнавъ я это вчера вечеромъ... Полиція выслѣдила васъ до С**; мнѣ стоило бы сказать слово, и вы были бы уже въ ея рукахъ. Я молчалъ и вы спасены; можете еще уйти. Я помогу вамъ выбраться изъ этого края и окончить жизнь въ спокойствіи и безопасности. Не съ другой стороны, положимъ, что вы меня ограбите, убьете; нуужамъ вы думаете, что смерть моя остановитъ преслѣдованія полиціи? что вы! Весь край будетъ на ногахъ, и не пройдетъ двое сутокъ, какъ васъ загоняютъ какъ бѣшеную собаку.

Дарвиль молчалъ и, казалось, размышлялъ.

— О, вы престошій плутъ, сказала онъ наконецъ, это вѣснъ известно! а все-таки, что у васъ въ карманѣ? Намедни вы мнѣ назначили не очень выгодныя условія.

— Все, что у меня въ карманѣ, принадлежитъ вамъ, возразилъ банкиръ съ веселынностью.

— Давайте.

— Вотъ! и банкиръ отдалъ Дарвилу кошелекъ и бумажникъ.

— А часы?

— Часы... вотъ они!

— Это что значить?

Какъ страхъ ни наострилъ все чувства банкира, однако же онъ не имѣлъ такого тонкаго чутья, какъ Дарвиль, и онъ ничего не слышалъ, кроме дождя, шумившаго въ листьяхъ, и воды, стекающей ручьями въ ровъ.

Дарвиль вдругъ остановился, сталъ внимательно прислушиваться, выгнулся, перевелъ дыханіе, и сказалъ: — въ этомъ снѣгѣ водятся крысы; онъ обратится побѣгать по мнѣ, пока я буду спать; люблю я этихъ звѣрковъ!

Въ это время широкая полоса краснаго свѣта оварила обоніе, и въ то же мгновеніе Дарвиль былъ схваченъ сзади человекомъ, столь же сильнымъ какъ онъ самъ. Свѣтъ, выходящій изъ фонаря, поставленнаго на землѣ, показалъ лица одного крестьянина въ блузѣ и двухъ плечистыхъ молодцовъ, вооруженныхъ пистолетами, кроме того, который держалъ Дарвила.

Сцена переизменилась какъ бы по театральному сценисткѣ; удивленный банкиръ стоялъ какъ выкопанный, держа поводья и занесши ногу въ стремя. Еще мгновение, и Дарвилъ повалилъ своего противника и отбѣлъ въ четвертомъ разстояніи; лучи фонаря разливали красный свѣтъ на его лицо. Онъ уже выхватывалъ пистолеты изъ за пояса и держалъ по одному въ каждой рукѣ, глаза его сверкали изъ подъ густыхъ, нахмуренныхъ бровей. Наконецъ взоры его остановились на невозможности и послѣднемъ товарищѣ его уединенія.

— А, вы меня выдали, вы, сказалъ онъ протяжно, наводя на банкира пистолетъ.

— Нѣтъ, всяричалъ одинъ изъ полицейскихъ, — читатель вероятно уже угадалъ, что это были полицейскіе, — стрѣляй въ насъ, голубчикъ, мы за то получаемъ деньги; этотъ господинъ нашимъ дѣломъ не причастенъ.

— Часъ твой пробилъ, ясный соколъ, сказалъ начальникъ отряда, долго ты тынился, теперь подрѣжутъ тебѣ крылья. Брось пистолеты; не то изрубимъ мы тебя въ мелкіе кусочки, и украдемъ у висѣлицы ее добро.

Дарвилъ не отвѣчалъ, а полицейскіе пошли на него съ заряженными и наведенными пистолетами.

Дарвилъ выстрѣлялъ, одинъ изъ противниковъ пошатнулся и упалъ. Дарвилъ, по какому-то инстинкту выстрѣлялъ въ того самого, съ которымъ онъ передъ тѣмъ боролся; потомъ онъ обернулся и побѣжалъ чрезъ поле.

— Убьжалъ! проклятіе! закричали оба другіе и пустились его догонять. Раздался выстрѣлъ, — другой, отчаянное проклятіе, потомъ стонъ и все замолкло.

— Кончено! сказалъ одинъ изъ сыщиковъ.

При этихъ словахъ, мужикъ, пританчившійся за стогомъ, схватилъ фонарь и побѣжалъ на мѣсто битвы.

Банкиръ невольно отправился за нимъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Лука Дарвилъ былъ еще живъ.

Полицейскіе равнодушно смотрѣли на него. — Продувной былъ казалья! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Надѣлалъ намъ хлопотъ, при жизни, подхватывалъ другой, однакожь, надо посмотреть что подъльваетъ намъ Вильямъ.

— Злодѣй еще живъ, сказалъ банкиръ, содрогаясь.

— Э, сэръ, минутъ не проживеть.

Дарвилъ приподнялся, глухое рычаніе вырвалось изъ его груди и онъ повалился назадъ мертвый.

— Не многимъ вы миновали, сэръ, сказалъ начальникъ отряда, возвращаясь съ банкиромъ. Какъ вы сюда попали?

— А вы сами, какъ вы попали?

— Честный Годжъ, вотъ что стоитъ съ фонаремъ, замѣтилъ этого мошенника, какъ онъ прокрадывался къ стогу сѣна; въ то самое время онъ самъ собирался ставить силки на кроликовъ, онъ читалъ объявленіе о поимкѣ Уатса и узналъ, что мы въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда, вотъ онъ и прибѣжалъ къ намъ и привелъ на мѣсто; мы услышали голоса, открыли фонарь и узнали зайца, за котораго гонялись.

— Годжъ, ты вѣрный и добрый слуга отечества, любишь правосудіе.

— И получу хорошую награду, сказалъ Годжъ.

— Объ этомъ поговоримъ послѣ, отвѣчалъ начальникъ, и обращаясь къ раненому товарищу, спросилъ: — какъ ты себя чувствуешь, пріятель?

— Дурно, простоналъ раненый.

Прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ бывшій депутатъ города С^т пришелъ въ себя, чтобъ заняться Алиціею. Когда онъ возвратился къ этому предмету, онъ съ тайнымъ удовольствіемъ помышлялъ, что Дарвила уже не было на свѣтъ, и что умершій былъ извѣстенъ въ околоткѣ только подъ именемъ Петра Уатса.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЯКОВЪ БОРИСОВИЧЪ КНЯЖНИНЪ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

=

VII.

Гораздо менше интересу представляет намъ другая комедія Княжнина «Чудаки». Въ ней чрезчуръ много искусственности и весьма мало отношенія къ современности. Здѣсь авторъ представляет философа, который наиваждаетъ на всѣ житейскіе обычаи своего вѣка, хочетъ жить по своему, и такимъ-образомъ поставляетъ себя и другихъ въ странное положеніе. Замѣтимъ, что мысль эта была навѣяна Княжнину изъ Франціи; тамъ являлось не мало комедій, осмѣивавшихъ философовъ; таковы комедіи Детуша «Le philosophe marié», «Les philosophes amoureux» и другія; тамъ всѣ онѣ были кстати, современны, и взяты прямо изъ общественнаго стремленія. Философскій вѣкъ Франціи отличался и въ ея комедіяхъ. Какая же философія была у насъ? гдѣ же наши философы? Ихъ совсѣмъ не было, значить не кого было и осмѣивать. Комедія Княжнина осмѣивала людей, которыхъ зрители

никогда и не выдвигали среди себя; она только возбуждала нудной смехъ некоторыми своими комическими сценами. Все дѣйствіе комедіи, разумется, основано на любви. Пріять, молодой романтической дворянинъ, влюбленъ въ Улиньку, дочь философа, Лентягина, богатаго человека, вышедшаго недавно въ дворянство. Но Улиньку прельстилъ знатный человекъ, *Вятромахъ*, который былъ безъ ума отъ моды и французскаго языка, и промоталъ все свое имѣніе въ развратной жизни. За него хотѣла выдать Улиньку и госпожа Лентягина, жена философа, женщина гордая. Пріятю взялся помогать слуга его, *Пролазъ*. Онъ опредѣлился въ камердинеры въ господину Лентягину, понялъ его характеръ, поддвигался подъ его философскій взглядъ на вещи и такъ обворожилъ его, что тотъ сталъ называть Пролаза своимъ другомъ, и даже вздумалъ выдать за него дочь свою. Все эти сцены съ философомъ ведены весьма искусно. Пролазъ хитро пользуется дружбой Лентягина, поддвигивается къ Маринѣ, Улинькиной служанкѣ, и съ ея помощью устраиваетъ дѣло такъ, что Улинька снова влюбляется въ Пріята, который получаетъ ея руку съ согласія господъ Лентягиныхъ; развратная жизнь Вятромаха дѣлается известна всѣмъ, и онъ со стыдомъ удаляется. Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе комедіи. Характеръ самаго Лентягина очень напоминаетъ намъ одно лицо изъ комедіи Дегуна «*le Glorieux*»; тамъ отецъ Изабеллы, также богатый человекъ, также недавно вышедшій въ дворянство, и наконецъ съ такою же претензійю на простое обращеніе, какъ и Лентягинъ; въ этомъ они весьма много сходны между собой, только Лентягинъ отъяняется еще своей озабоченной философіей, чего совсѣмъ не замѣтно у Француза. Ту же комедію напоминаетъ намъ и Пріять, который въ своей любви подражаетъ *Филингу*, влюбленному въ Изабеллу. Филингъ робокъ до крайности; ту же робость выказываетъ и Пріять; но сюда присоединяется еще новая черта характера: Кашиницъ хотѣлъ *потрунить* надъ важными *аркадскими пастушками*, которые хотѣли осуществить гесиеровскія идилліи. Вотъ этикъ-то пастушкомъ и выведетъ Пріять, лицо впрочемъ весьма жалкое и несколько не занимательное. Улинька тоже неопредѣленное и блѣдное существо, о которомъ не стоить и говорить. Пролазъ и Марина представляютъ собой опять тѣхъ же хитрыхъ и плутоватыхъ слугъ и служанокъ, которые вертѣли всѣмъ дѣйствіемъ въ нашихъ комедіяхъ.

дѣлать въ пользу своихъ господъ, и которые никогда не существовали въ действительности.

Въ эту комедію Княжнина вошло много и сумароковскаго; сюда авторъ вводитъ много ненужныхъ и неумѣстныхъ сценъ, которыя представляютъ грубые сумароковскіе фарсы, безъ всякой пользы разстѣгивающіе дѣйствіе комедіи. Такъ напримѣръ сюда введено пошлое лицо *Трусима*, всемірнаго пріятеля, глухаго и хромаго, охотника всѣмъ услуживать; онъ безъ всякой просьбы приводитъ Улинькѣ цѣлую толпу жениховъ, и тѣмъ самымъ вредитъ и женихамъ и себѣ, и всей комедіи. Въ этихъ вводныхъ лицахъ Княжнинъ, кажется, хотѣлъ выставить тѣ же личности, какія выставлялъ и Сумароковъ: судей и рюмачей. Судья представленъ взяточникомъ, сутягой, но безъ всякаго комизма; характеръ его выставленъ пошлымъ до крайности. Рюмачей осмѣивали весьма многіе изъ нашихъ комиковъ; сама Екатерина иногда выставляла ихъ. Княжнинъ представилъ ихъ въ самомъ насквѣльномъ и недостойномъ видѣ, что могло указать только на личности, а нисколько не на общіе характеры. Къ этимъ же лицамъ отнесемъ и отставнаго маіора, приторнаго до крайности. Лишнія также всѣ сцены и съ Вѣтромаховымъ лакеемъ, а особенно дуэль его съ Пролазомъ; этотъ фарсъ унижаетъ всю комедію. Среди всѣхъ этихъ вводныхъ сценъ есть не мало такихъ, которыя было бы даже совѣстно выписать читателю; онѣ пошлы до-того, что оскорбляютъ всякое эстетическое чувство. Здѣсь, какъ-будто Княжнинъ именно хотѣлъ, чтобъ въ его комедію вошло все, что только существовало въ прежнихъ комедіяхъ. Безъ этихъ ничтожныхъ сценъ вся комедія легко бы вмѣстилась въ три дѣйствія, и была бы прекрасна.

Здѣсь Княжнинъ не выводитъ благоразумнаго человека, въ родѣ Честона; но иногда влагаетъ въ уста Лентягина или Пролаза свои собственныя сужденія, только въ этихъ устахъ они теряютъ все свое значеніе. Лентягинъ—чудакъ, Пролазъ—плутъ; зрителю какъ-то странно слышать отъ нихъ дѣльныя рѣчи. Вотъ искусственная сторона комедіи.

Что касается до изображенія русской современности, то здѣсь только два лица намекаютъ на нее, это госпожа Лентягина и Вѣтромахъ. Въ нихъ выражена гордая спѣсь, которая гнушалась всѣмъ, что было ниже ея; а къ этому присоединилось еще увлеченіе всѣмъ

французскимъ и презрѣніе къ всему русскому! Почти всѣ наши комики нападали на это *поддѣльное французство*, которое имѣло сильное вліяніе на нашу общественную жизнь; на него-то теперь мы и обратимъ свое вниманіе.

Странное явленіе встрѣчаемъ мы въ нашемъ осемнадцатомъ вѣкѣ: въ началѣ его, при Петрѣ-Великомъ, видимъ грубое *свѣтское стловольство*, которое съ трудомъ могло смотреть на всѣ нововведенія, взятая съ Запада; и вдругъ черезъ три или четыре десятка лѣтъ большая часть того же общества отрывается отъ всего отечественнаго, даже отъ собственнаго языка; съ умеченіемъ, какъ дорогую гостью, принимаетъ къ себѣ всю внѣшность французской жизни, и свое въковое, русское радуиное гостепримство оказываетъ только однимъ Французамъ.

Французская мода господствовала во всей Европѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ она перешла и къ намъ, и здѣсь-то послѣдовало то сильное увлеченіе, о которомъ мы уже упомянули, и ни какія комедіи, ни какія сатиры не могли остановить его; все поддавалось какому-то обаянію французскихъ звуковъ, французскаго блеску, и все молодое поколѣніе хотѣло преобразиться въ Французовъ. «Матушки и тетуски, говорить одинъ современникъ, съ отрадной улыбкой слушали, какъ дѣти ихъ лепетали по-французски, хотя сами онѣ не понимали ни одного слова». Но вотъ возмужало это новое поколѣніе, стало воспитывать и другое, своихъ дѣтей; здѣсь; разумѣется, французскіе недоученые гувернеры заняли первое мѣсто: русскій языкъ изгнанъ изъ общества, какъ языкъ, пристойный для разговора только съ низшимъ классомъ народа; все русское было замѣнено французскимъ. При такомъ увлеченіи, порча нравовъ необходимо должна была загнать къ намъ: мы перетаскали къ себѣ только внѣшность французской жизни, не одушевленную ни чѣмъ, стремились жить только ею, а въ ней таилось не мало разврата. Мы уже приводили читателю слова самой Екатерины, гдѣ она весьма ясно указываетъ на *безстыдство молодыхъ молодцовъ и боярынекъ*.

Впрочемъ, среди этаго офранцуженнаго общества были и люди благородные, которые горячо любили все отечественное, не смотря на то, что оно было такъ унижено; они-то возстали противъ смѣшныхъ стремленій своихъ современниковъ, и избрали своимъ оружіемъ сатиру и комедію; конечно, они не могли поправить дѣла: обществен-

ное развитіе, принявъ въ себя новыи элементъ, должно было совершиться уже по своимъ законамъ; но пусть они не успѣли, по-крайней-мѣрѣ они оставили намъ ясное изображеніе своего общества.

Въ это время, кажется, всего болѣе страдалъ русскій языкъ. Тѣ, которые хорошо знали языкъ французскій, разумѣется, говорили по-французски, но что было дѣлать тѣмъ, которые плохо знали его? они-то придумали для себя прекрасное средство сравняться съ первыми, составили новую русскую рѣчь, которая вскорѣ вошла въ моду и, по преданію, ведется даже понынѣ между нашими недоучеными франтами и франтихами

Желая придать своему языку болѣе блеску, они или вставляли въ него чисто французскія слова, иногда и цѣлыя фразы, или передѣлывали ихъ на русскій ладъ, то-есть, придавали имъ русскія окончанія. Княжнинъ прекрасно выразилъ это въ своемъ сатирическомъ стихотвореніи «Исповѣданіе Жеманихи», назвавъ его *Посланіемъ къ сочинителю былей и небылицъ*; этотъ неизвѣстный намъ сочинитель помѣщалъ въ «Собесѣдникъ» свои легкія сатирическія статьи, написанныя языкомъ простымъ, чистымъ и даже прекраснымъ для того времени и ими восхищалъ весь читающій міръ; онъ-то носилъ названіе *Былей и небылицъ*.

Выписываемъ изъ этого посланія, которое указываетъ не только на модный языкъ, но даже характеризуетъ самую жизнь тогдашнихъ *мэголицъ* (слово, бывшее въ большомъ употребленіи у всѣхъ нашихъ писателей, когда они хотѣли назвать женщину, увлеченную блескомъ французской жизни, иногда довольно разбратной):

-То все уже теперь, hélas! проходитъ,
 Что насъ съ ума пріятно сводитъ;
 И я любви сказала: bon voyage!
 Вѣдь надобно и о душѣ помыслить....
 Когда еще я тотъ имѣла avantage,
 Что лѣтъ себѣ могла поменьше считать,
 Не знала есть ли у меня душа,
 Бездѣлкой той себя ни мало не круша,
 Ее въ себѣ никакъ не притѣчала.
 Чтобъ душу получить, въ Парижѣ побывала,
 И тамъ моею въ прибавокъ красотою

Ишла я petite sans *

Передъ *любовными* прелестью приобдала

И *дьяволы* не спускала;

И словомъ тамъ предъ всѣми показала,

Любя моихъ гражданокъ честь,

Что *желаннымъ* со Россіи есмь.

Но душу дорого нить въ Парижъ;

Тѣмъ болѣе у кого думъ явилъ *ноуфэ*;

Напорился съ нить въ бѣду всего намъ бѣднее

И *инноватой* быть въ его вниѣ...

Подунай, *радость*, напоследокъ,

Не зналъ онъ гдѣ *louis* * сыскать;

Ка *волюгавою* меня онъ началъ трактовать,

И видѣ *принимать* угрюмъ и флокъ,

По-русски нитъ сказалъ: а у насъ кѣдъ много дѣтокъ.*

Въ какой тогда пришла я гаже

Хотѣла истить ему; и... правда... отовстнула....

Однако скоро онъ свою поправилъ блажь

И я *louis* довольно получила;

Тѣмъ я *monus plâisirs* не много заплатила ...

Нитъ хуже, если мужъ не левкій человекъ.

Неслышу, намъ грозятъ уже *au fort vâque* **

Что жъ вышло нитъ изъ этакой напасти?

Песнѣйся ты со мной моею шутиной части.

Мой мужъ отправился назадъ,

Надежду на свою родню нитя;

А я какъ будто бы галавтерей,

Осталася въ закладъ.

Почувствовада я тогда себя всю цѣну.

Въ Парижъ быть *en gage* то значить что-нибудь.

Я думала, что въ мужъ будетъ путь,

А онъ, *oi soi*, тому въ замѣну,

Что я во Франціи самой

Годилась быть въ закладъ,

Хотѣвъ увидѣться со мной,

Оставилъ красоту мою въ накладъ.

* Нитъ небольшое здоровьце значить у щеголихъ притворяться нездоровою, чтобъ въ нарядномъ дезабилье лежать на прекрасной постелькѣ и прельщать прѣзжающихъ щеголей. — *Кляжминъ*.

* Лундоры — французскія деньги.

* Форлевокъ въ Парижъ нѣсто, куда за долги сажаютъ — *Кляжминъ*.

И выкупила меня къ смертельной мнѣ досадѣ,
 Подумай въ той прекрасной сторонѣ
 Я вся была въ цѣкъ;
 А здѣсь не вѣдаю, чего я стою....
 Какъ я оставила Парижъ,
 Давешней стѣну мнѣ покаяю;
 Ужасный сбывался сармазо
 Не вѣдаю, какъ я перенесла тотъ сепр;
 И жизни я своей была не рада
 Всѣхъ бѣдъ тому желала старнику,
 Который вытаскилъ меня изъ подъ заклада....
 Но должно какъ-нибудь несчастью помогать.

Старалась здѣсь и время убивать

Вершижамы, игрою,

И на гостинный дворъ *loujours* вѣдою *.

Ты слышалъ, радость, какъ тамъ ловко присѣдять,

И новые *конкетты* собирать

Съ старинной крѣботою...

Не полный свѣтъ, не полна тѣнь,

Тамъ дѣлаютъ пріятный день.

Дезабилле то много помогаетъ.

Le grand jour очень простъ....

А, *suprôt* тамъ великій постъ

Не сухъ бываетъ....

Но, ихъ! ужъ все теперь промало....

.....
 Что дѣлать, право я не знаю.

Я душу прежнюю совсѣмъ теряю;

А новой нѣтъ.... на то вѣдь надобень *эспри* **;

Я ихъ ужъ сотни три

Повыше головы перетаскала,

И ники годову ужасно возвышала;

Но здѣсь *avec un gros bon sens* укажи,

Безъ всякаго *bon mot* шути надъ нами

Ужасно головани

* Въ то время было большое обыкновеніе назначать свиданія въ гостинномъ дворѣ, гдѣ бывали полуденныя прогулки; ни это особенно началъ сатирическій журналъ «Живописецъ».

** Здѣсь итри слово: *эспри* — разумъ и *эспри* — названіе высокой голландской прищепки, которая была въ большой модѣ въ то время.

Унижалъ насъ.

И говорить, что соі указъ желаетъ
 Чтобъ былъ у насъ *осари*
 Ne hors de la tête. .. внутри...

Въ эту модную русскую рѣчь входили многіе странныя русскіе обороты, многія неумѣстные слова, которыя весьма дико звучали въ ушахъ русскихъ благомыслящихъ людей. Особенно напалъ на это Новиковъ въ своемъ журналѣ «Живописецъ»; здѣсь онъ безпрестанно представлялъ образчики новомоднаго языка. Вотъ напримѣръ одинъ изъ нихъ:

«Monsieur, живописецъ, ты, *радость, безпримѣрный авторъ*. По чести говорю, *ужестъ какъ ты славенъ!* Читая твои листы, я *безподобно утѣшаюсь*; какъ все у тебя *славно*, слогъ *растеганъ*, мысли *прыгающіе*. По чести, скажу, что твои листы *еще меня прельщаютъ*. Клянусь, что я всегда *фельетирую* ихъ безъ всякой *дистракціи*. Да и нельзя не такъ, ты *не грустенъ*, шутишь *славно* и твое перо по *бумагъ бѣгаетъ безподобно*. *Ужестъ, ужестъ какъ прекрасны твои листы*».

Замѣтимъ, что слова *ужестъ, безподобно, безпримѣрно* и нѣкоторыя другія, на которыя особенно напали тогдашніе писатели, въ наше время сдѣлались общеупотребительны; мы слышимъ ихъ безпрестанно, и ни сколько не думаемъ изгонять ихъ; они уже получили полное право гражданства; но въ то время это были слова новыя, употребляемыя только въ модной русской рѣчи; вотъ отчего они такъ рѣзко и неприятно поражали уши русскихъ людей, заботившихся о чистотѣ роднаго языка: къ нимъ они долго не могли привыкнуть. Въ томъ же «Живописцѣ» мы встрѣчаемъ и сатирической намекъ на Москву: «Модное нарѣчіе петербургскихъ щеголихъ, говорится тамъ, многимъ нашимъ (московскимъ) дѣвицамъ вскружило головы. Вся такія модныя слова въ «Живописцѣ» напечатанныя, онъ вытвердили наизусть и ввели во употребленіе; но при томъ чувствуютъ еще въ ономъ нарѣчій великой недостатокъ; по сему хотятъ посылать нарочнаго повѣреннаго, который будетъ стараться всѣ слова, въ модномъ нарѣчій употребляемыя, собирать и сообщать къ намъ въ Москву. Смыслъ спосособомъ надѣются наши дѣвицы до такого же дойти совершенства въ поманутомъ нарѣчій, какъ и петербургскія щеголихи».

Впрочемъ надлежитъ отдать справедливость нашимъ жителямъ, что въ перенѣмъ новыхъ модъ они должны почитаться не послѣдними»....

Вся тогдашняя сатиры и многія комедіи ясно показываютъ намъ, до какого, въ-самомъ-дѣлѣ, искаженія дошла тогда русская рѣчь. Издатели «Собесѣдника любителей русскаго слова», оправдывая названіе своего журнала, сдѣлали нѣсколько важныхъ возраженій противъ этого *приторнаго* нововведенія. Такъ, впечатавъ какое-то присланное имъ русское письмо, испещренное французскими словами, они говорятъ:

«Издатели Собесѣдника ни мало не удивляются, что въ семъ письмѣ помѣщено множество французскихъ словъ вмѣсто русскихъ, да и дивятся сему не должно; ибо мымъ не только женщины и дѣвочки, съ нуждою по-русски говорить и писать умѣющія, употребляютъ въ русскихъ разговорахъ: та сœur, mon frère, mon mari, ma femme и прочее, но и молодые мужчины мѣшаютъ сіи модныя слова, и доказываютъ тѣмъ отвращеніе отъ природнаго языка; хотя иные изъ нихъ и по-французски говорятъ весьма плохо, а писать и совсѣмъ не умѣютъ. Издатели «Собесѣдника», любящіе руссійское слово, просятъ всѣхъ присылать къ нимъ извѣстіе о словахъ и нарѣчіяхъ иностранныхъ, употребляемыхъ модными женщинами и господчиками въ русскихъ разговорахъ, а они со своей стороны публику увѣряютъ, что вся таковыя извѣстія предадутся тисненію и послужатъ къ осмѣянію тѣхъ людей, которые природнымъ языкомъ своимъ гнушаются.»

Екатерина также нападала въ своихъ комедіяхъ на эти французскіе и французско-русскіе разговоры, желая внушить своимъ подданнымъ любовь къ родному слову

Наконецъ тоже самое выставляетъ и Княжнинъ въ своей комедіи «Чудаки»; здѣсь же онъ подсмѣивается вообще надъ всей *франкоманіей* современнаго ему русскаго общества. Его Вѣтромахъ, надутый франтъ, покрытый французскимъ лакомъ, весьма забавенъ; онъ можетъ служить представителемъ всѣхъ современныхъ франтовъ; тоже самое и госпожа Лентягина, хотя въ ней и есть что-то неопредѣленное.

Вся эти сцены ведены весьма искусно; въ нихъ есть и комизмъ и игривая насмѣшка, чѣмъ могутъ похвастать не вся наши комедии. Вотъ, напримѣръ, сцена Вѣтромаха съ Уливькой и Лентягиной:

ВЕТРОНАХЪ.

Ma charmante Улинька! ахъ какъ же вы прелестны.
Tous ces gens, madame! какъ глупы, какъ безчестны,
Которы не видѣдутъ у насъ того въ глазахъ,
Что вижу я...

УЛИНЬКА.

А что изволите вы видѣть?

ВЕТРОНАХЪ.

Frippe! будто бы невидаетъ того,
Что васъ, сударыня, не можно ненавидѣть;
(Улинька пристѣдаетъ.) Вы пристѣдаете! какое простищеніе!
Имѣть такую дочь какой угѣщеніе,
(Молодцовый) Не правда ли, шимпа?

ДЕТЯГІНА.

Привнаться я должна,
Что воспитаніе дано пристойно роду;
И въ обращеніи нѣтъ всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
Отъ низостей, сударь, она весьма далека,
И крѣпко все храня, что такъ святѣ намъ есть,
Она не знаетъ, что такое шить и плести, —
То все для герцога оставя теловка;
Танцуетъ какъ павлинъ, какъ соловей поетъ;
И какъ Француженка умѣла по-французски
Желала бы забыть совѣсть она по-русски;
Ложится въ три часа, въ двѣнадцатомъ встаетъ;
Проводитъ два часа всегда у туалета*.

ВЕТРОНАХЪ.

Браво, мадамъ, вотъ все это надобно для спальни.
И для людей — какъ бѣшь? pour les gens du haut ton:
Меня вы извинить, мадамъ, должны не много,
Въ томъ, что и я, храни свою честь также строго,
Считаю нашъ языкъ за подлинный jargon.
И экспрессировать на немъ всего не можно.
Чтобъ мысль свою сыскать залуговиться безбожно.
По нуждѣ говорю я этииъ языкомъ
Съ лакеемъ, съ кучеромъ, съ естѣль простились бародакъ;
Гдѣ думать нужды нѣтъ. А съ нашими знатнннъ родомъ,
Не знаетъ французского я былъ бы дуракомъ.

* На это обыкновеніе намекаетъ и Екатерина въ своихъ комедіяхъ.

Скажите, какъ бы мнѣ влюбиться было можно?
 Le bien, je s'augme! мнѣ какъ бы то сказать
 Прелестной Улинькѣ? — не укъ-то бы мычать:
 Я люблю, я горю — в дова! мнѣ думать должно
 Что по-французски вы и также вашъ ероух...

ЛЕНТЯГИНА, быстро.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ! comment vous portez-vous ?

ВЪ ТРОМАХЪ.

Браво, мадамъ!

ЛЕНТЯГИНА.

Теперь не много поотстала

А прежде никакъ, а по-русски не бо.шала, и такъ дагѣ.

Въ этихъ словахъ видна уже сатира, которою комикъ колетъ современную спѣсь, выразившуюся иногда въ отчаянныхъ крайностяхъ. Но эта гордая спѣсь чванилась, только владыя грудами золота; умѣтало оно, и изъ за нея тотчасъ выглядывала безстыдная низость. Вытромаху нужны деньги, и онъ рынается жениться на Улинькѣ, богатой внучкѣ *кузнеца*, какъ объявилъ ее самъ Лентягинъ; конечно здѣсь страдаетъ спѣсь его, но она утынаетъ самыми гнусными словами себя и *знатную* Лентягину, униженную *низкимъ* родомъ мужа:

«Довольно, ваша дочь, *нѣтъ нужды до отца.*

И если къ вашему, madame, мой родъ прибавлю,

Что надло отъ отца, я то собой поправляю».

Никто лучше Княжинна не умѣлъ осмѣивать модное употребленіе французскаго языка въ русской рѣчи; онъ ловко преслѣдовалъ его, какъ искусный комикъ. Въ этомъ случаѣ весьма любопытны и забавны некоторыя сцены его комедіи «Мужья, женихи своихъ женъ». Комедія сама по себѣ — чистое произведеніе тѣхъ многихъ современнѣхъ французскихъ комедій-водевилей, которыя дѣлались на скорую руку. *Эрастъ* и слуга его *Стрѣльцъ* бѣжали отъ своихъ сварливыхъ женъ, и долгое время пробыли за границей; наконецъ воротились въ Россію, и здѣсь на одной станціи нечаянно съехались съ покншутыми женами; все дѣло въ томъ, что ни мужья, ни жены, ни господа, ни слуги не узнали другъ друга. Здѣсь происходитъ переодѣванье, обыкновенное въ тогдашнихъ комедіяхъ. *Эрастъ* принидаетъ на себя роль слуги, а *Стрѣльцъ* отдастъ роль барина; у женщинъ происходитъ тотъ же

самый заговоръ : барыня — Изабелла преобразуется въ служанку, а служанка — Афросинья, въ барыню. Цѣль Эраста и Изабеллы было желаніе испытать другъ друга и потомъ, какъ водится, заключить законный бракъ. Здѣсь-то Стрѣляй какъ модный франтъ пересыпаетъ свою рѣчь французскими словами; Афросинья имѣетъ то же желаніе и употребляетъ тѣ же средства. Вотъ на примѣръ отрывокъ изъ одной сцены:

СТРѢЛЯЙ.

А, вотъ и вы, моя королева, нетерпѣливость меня чуть-чуть во задавила, и я былъ здѣсь тѣломъ, а съ вами душою.

АФРОСИНЬЯ.

Я сомнѣваюсь, *мосье*, вы, кажется, притворяетесь нетерпѣливымъ. Любовь наша еще не остепенилась и не можетъ быть такъ сильна. Она лишь только родилась. Она еще *анфанъ*, и какой *анфанъ*, который чуть дышетъ.

СТРѢЛЯЙ.

Мервель де но журр! Вы ошибаетесь. Любовь моя не залежалась въ колыбели. Первый вашъ взглядъ ее родилъ, другой укрѣпилъ, а отъ третьяго она выросла съ меня. И какъ вы мать ея, то ваша должность записать въ службу этого недоросля, который такъ сильно меня беспокоитъ, прося со слезами работать на васъ во всю жизнь свою.

АФРОСИНЬЯ.

Ахъ, *монъ-шеръ*, какъ вы неотвязны! если бъ вы не такъ умно говорили, я право бы разсердилась; но *грасъ* вашему разуму, вы все выпросить можете.

СТРѢЛЯЙ.

Серіеземанъ, запишите мою любовь хоть въ рядовые; а тамъ ужъ я ручаюсь, что вы скоро сами ее произведете.... *Апроно*, вы что-то сказали о моемъ умѣ. Я вамъ признаюсь чистосердечно, у меня его такъ много, что желалъ бы удѣлить... Онъ мнѣ ужъ въ тягость.

АФРОСИНЬЯ.

Да и нельзя не быть тому; *вы такъ много возжировали*....

И такъ даље.

Конечно во многихъ подобныхъ разговорахъ комедіи читатель найдеть и натянутость и неестественность, но зато какая ловкая высмѣшка на современныхъ щеголей и щеголихъ. Здѣсь же Княжичи

намекаетъ на безполезныя путешествія русскихъ молодыхъ людей, во Францію и Парижъ, гдѣ они получали ложный блескъ, и потомъ привнимались въ своемъ отечествѣ за образованныхъ людей.

«Чѣмъ я не человекъ, говоритъ Стрѣлый, не дурень, ловокъ, строишь и *вожжировалъ*.... *Вожжировалъ*, о это много значить у женщинъ.... немножко не знатнаго рода былъ я до вояжа; а вояжи сдѣлали со мною то же, что съ низкими металлами огонь; все мѣдное, желѣзное, свинцовое очистили, и остался я весь золото... еще же мало ли такихъ чужестранцевъ, которые въ отечествѣ были скороходы, сапожники, кучера; а сюда прѣхавъ, стали графы, шеваляе, маркизы. Они только сюда доѣхали, а я и туда и сюда съѣздили, следовательно я очень благородень....»

Во всѣхъ этихъ сценахъ болѣе чистый комизмъ, легкая насмѣшка комика, чѣмъ желчное раздраженіе сатирика; здѣсь почти нѣтъ мѣста сатиры. Но мы имѣемъ еще одну комедію Княжнина, гдѣ уже ѣдка сатира поражаетъ то бессознательное увлеченіе, которое выказала современность, обращаясь съ приветной улыбкой къ своему идолу, Франціи. На это-то увлеченіе напалъ Княжнинъ какъ на гибельный порокъ, отъ котораго страдало человечество. Въ-самомъ-дѣлѣ, многіе современники свидѣлствуютъ намъ, какое было разореніе имѣній, сколько было злоупотребленія, сколько безчеловѣчности въ сердцахъ тѣхъ, которые прельщались образованіемъ Франціи, ея вѣжными идеалами — и все это только для одного блеску вѣншей жизни, мало одушевленной чѣмъ-нибудь истинно-разумнымъ.

Лукинъ довольно жолчно и * колко отзывался о подобныхъ людяхъ: не станемъ приводить словъ его, замѣтимъ только, что эти слова сказаны были печатно, во всеуслышаніе; но Лукинъ не опасался никого, онъ зналъ, что на его сторонѣ была сама русская Императрица. Такую же смѣлость показалъ и Княжнинъ, въ своей комедіи «Несчастіе отъ кареты». Ея искусственная сторона заключается въ вѣжной сентиментальной любви Лукьяна и Анюты, крестьянъ господъ Фирюлиныхъ. Все уже было готово къ ихъ свадьбѣ, какъ вдругъ является спѣсивый надутый прикащикъ, и разстраняетъ все дѣло: онъ приказываетъ задержать Лукьяна, и объявляетъ слѣ-

* Сочиненія Владивіра Лукина, 1763 года.

дикий приказъ барина — Фирюлина, писанный прямо къ лицу прикащика :

ПРИКАЩИКЪ, читаетъ.

«О ты, котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія донны безчестили, изъ особливой моей къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жажду тебѣ Клеманомъ» (Прикащикъ при этомъ словѣ смотритъ на есау, и мужики кланяются).

МУЖИКИ:

Дай, Богъ, счастья въ новомъ чинѣ.

ПРИКАЩИКЪ, продолжаетъ читать.

«И впредь повелываю всѣмъ не *оф...*ан...*ош...*ро...*аеть*». Но офансировать*. Это, кажется, не чинъ; однако я не разумянъ. «Но офансировать тебя словомъ Клементія, а называть Клеманомъ» (*Славно смотря на есау*). А называть Клеманомъ! слышите-ли?

МУЖИКИ.

Слышимъ-ста; слава Богу, мы есъ рады!

ПРИКАЩИКЪ, читаетъ.

«Между-тѣмъ знай, что мнѣ прекрайняя нужда въ деньгахъ. Къ вразднику надобна мнѣ необходимо новая карета. Хотя у меня много ихъ, но *эта вывезена изъ Парижа*. Вообрази себѣ, господи Клеманъ, какое безчестіе не только мнѣ, да и вамъ есъмъ, что вашъ баринъ не будетъ ѣздить въ прекрасной каретѣ; а барыня ваша не купитъ себѣ тѣхъ прекрасныхъ головныхъ уборовъ, которые также прямо изъ Парижа привезены. Отъ такого стыда честный человекъ долженъ удавиться. Ты мнѣ писалъ, что *якъ* не родился; *это дѣло не мое, и я не виноватъ, что и земля у насъ суше французской*. Я тебѣ приказываю; и прошу, не погуби меня, найди, гдѣ хочешь, денегъ. Теперь уже ты Клеманъ, и носишь, по моей синьёрской милости, *платье французскаго балы*; и такъ должно быть тебѣ умнѣе и проворнѣе. Мало-ли есть способовъ достать денегъ.

Въ сердца прикащика таилась любовь его къ Анютѣ, на которой онъ самъ хотѣлъ жениться.

Въ это время является шутъ Фирюлиныхъ, и объявляетъ мужикамъ,

* Офансировать — offensez — оскорблять, безчестить.

часть деревни идут сами господа заниматься охотой. За различные подарки они барства помогают любовникам; не считают делом не клеится; привычку пересматривать векъ, и получают отъ барства согласие обзавестись съ Анной. Вдругъ идутъ известное обстоятельство: Лукьянъ и Анюта знаютъ несколько французскихъ словъ, которыя они выучили, живя во дворъ своихъ прежнихъ старыхъ баръ; при этомъ известіи идутъ заранее общасть полный успехъ дела. Наконецъ являются Фирюлины, характера ихъ читателю известенъ уже изъ письма; но въ слѣдующей сценѣ онъ обрисовывается во всей полнотѣ, гдѣ авторъ видно и должно описать современное французство:

Ф И Р Ю Л И Н Ъ.

Барварскій народъ! дикая сторона! какое невѣжество! какія грубыя имена! какъ ими *деликатесъ* моего слуха повреждается! Видно, что мнѣ самому приняты за *экономію* и перемѣнить всѣ названія, которыя портятъ уши (вотъ въ чемъ состояла *экономія*); это первое мое дѣло будетъ.

Ф И Р Ю Л И Н А.

Я удивляюсь, душа моя, наша деревня такъ близко отъ столицы, а никто здѣсь по-французски не умѣетъ; а во Франціи отъ столицы верстъ за сто, всѣ по-французски говорятъ.

Ш У Т Ъ.

Котъ чему дивиться! Вы, я думаю, отъ мужемъ скоро и тому станете удивляться, что собаки лаютъ, а не говорятъ.

Ф И Р Ю Л И Н Ъ.

Ха, ха, ха! какъ это хорошо сказано! По чести, здѣсь говорятъ, какъ лаютъ; какіе враны! не правда ли?

Ш У Т Ъ.

То такъ, когда посмотритъ на баръ.

Ф И Р Ю Л И Н Ъ.

Когда посмотритъ на насъ, великую разницу увидитъ, не правда ли? *А и мы еще, и мы, ахъ, ничего передъ Французами.*

Ш У Т Ъ.

Стоило здѣсь за тѣмъ, чтобъ вывезти одно презрѣніе не только къ землякамъ, да и къ самимъ себѣ, и т. д.

Не возможно всего выписывать; любопытные могутъ прочесть сами въ собраніи сочиненій Княженина.

Шутъ Княжнина — лицо искусственное; оно иногда замѣняетъ собой роль благоразумныхъ людей, которымъ наши комики внушали собственные свои мысли и мнѣнія. Вообще во всей комедіи читатель найдетъ мало натяжекъ и можетъ-быть неестественности, особенно въ важныхъ любовныхъ куплетахъ; но за то въ ней много и сатирическаго комизма, который дѣлаетъ занимательнымъ все дѣйствіе, чего нельзя сказать о другихъ нашихъ комикахъ.

Многіе комики представляли все то, на что нападалъ Княжнинъ, но замѣтимъ еще разъ, никто не умѣлъ лучше Княжнина осмѣять непутевое и едва ли не исключительное употребленіе французскаго языка въ русскомъ обществѣ: онъ и шутить надъ нимъ въ легкомъ комизмѣ, и колоть его сатирой. Однако ничто не помогло; французскій языкъ вкоренился, и наконецъ сталъ примѣтой образованнаго челоука; кто зналъ по-французски, тотъ назывался образованнымъ; первое слово, которое слышалъ ребенокъ отъ отца и матери, разумеется, было французское, потому что его русскіе родители часто плохо знали свой родной языкъ. Такимъ образомъ вся эта страсть переходила по наследству, по воспитанію, по подражанію. Замѣчательно, что послѣ Княжнина уже рѣже стали появляться комедіи, осмѣивающія французскую рѣчь — ясное доказательство, какъ она вкоренилась во всемъ вообще образованномъ русскомъ обществѣ. Известно, что и Карамзинъ вышывалъ въ свой разговоръ французскія слова и даже цѣлыя фразы, а кто не признаетъ Карамзина за умнѣйшаго челоука? Прошло много времени послѣ Княжнина и вотъ Грибоедовъ возобновилъ прежнія нападки, оставивъ въ своей комедіи слѣды великаго таланта. Въ этотъ промежутокъ времени много развилось и преобразовалось русское общество, но нельзя не замѣтить, что многіе современные грибоедовскіе типы родились прямо изъ прежнихъ типовъ — княжнинскихъ и фонъ-визинскихъ, какъ сынъ отъ отца. Пусть какой-нибудь иностранецъ прочтетъ хотя въ переводѣ и тѣ и другія комедіи, онъ необходимо скажетъ, что онъ должны принадлежать обществу одного и того же народа, но только разныхъ временъ, соприкасающихся одно съ другимъ. Мы и теперь съ удовольствіемъ слушаемъ и читаемъ комедію Грибоедова, сочувствуемъ жолчному раздраженію автора, а нисколько не думаемъ обратиться къ русской рѣчи, и сдѣлать ее господствующей между собою. Французскій языкъ уже давно не вредитъ нашему патриотизму, какъ

орна́къ или пальто; онъ сдѣлался одной привычкой, простѣе обыкновеннымъ, какъ сигары или папиросы; мы уже не замѣчаемъ, что странно въ-самомъ-дѣлѣ слышать разговоръ на чужомъ языкѣ между природными Русскими, какъ будто на немъ можно лучше и яснѣе выразиться — это замѣчаютъ только иностранцы, которые прѣзжаютъ къ намъ. Никто не послушаетъ чело́вѣка, который вздумаетъ возставать противъ русской рѣчи, изуродованной чисто французскими словами и фразами, а надо признаться, нѣтъ ничего отвратительнѣе, какъ слышать подобную рѣчь многихъ нашихъ франтовъ, которые хотятъ блеснуть тѣмъ, чего не имѣютъ.

И все это перешло къ намъ, по наслѣдству отъ времени Княжнина.

Нельзя сказать, чтобъ комедія Екатерининскаго вѣка не принесла рѣшительно никакой пользы, представляя современные недостатки; нѣтъ, цель ихъ была исправить нравы и онъ отчасти достигли ее. Не малое вліяніе имѣли онъ на наши старые, до-петровскіе обычаи, привычки, невѣжество, злоупотребленія, которыя выставляли насъ не съ хорошей стороны. Конечно этому много способствовало и современное воспитаніе, но немаловажную роль играли здѣсь и комедіи, въ томъ сознаются даже многіе благоразумные современники. Вотъ что между прочимъ говоритъ авторъ «Драматическаго словаря», изданнаго въ 1787 году.

«Извѣстно всему просвѣщенному свѣту, сколько полезны и притомъ забавны театральныя сочиненія, не только идущія къ благонравному воспитанію дѣтей, да и чело́вѣку совершеннаго возраста пріятныя упражненія безъ отягченія памяти въ свободное время приносятъ съ собою удовольствіе и пріятную забаву; а паче младенцамъ при воспитаніи вкореняютъ въ нихъ благонравіе, показывая имъ въ лицахъ тишеть веро́вновъ, искушенія въ слабостяхъ или пристрастія легкомырія, наглости, непослушанія и многіе другіе чело́вѣческіе недостатки....»

Вотъ ужъ какъ многіе стали смотреть на комедію; ее считали въ числѣ предметовъ воспитанія юношества; конечно взглядъ довольно умноженный, но онъ важенъ для того времени. Потомъ продолжаетъ авторъ словаря:

«Сю есть зеркало, въ которое каждый самъ себя явно видѣть можетъ. Ктобъ могъ подумавши удостовѣриться, чтобъ онъ не былъ

въ какомъ-нибудь лицѣ представленъ на театрѣ когда ни есть. Явно увидишь свое образованіе, свой недостатокъ какъ напримѣръ скупаго въ чрезвычайности, расточителя безъ исправленія, жестокаго до ужаса, лицемера, ревниваго; недовѣрчивость до безумія, робкаго до наглости, прихотника до разслабленія, влюбленнаго до дурачества и прочіе пороки навсегда представляются на театрахъ для нравоученія и поправки нашей. Благородное російское дворянство, вошедшее во вкусъ благонаправнымъ воспитаніемъ, пользуясь просвѣщеніемъ нынѣшняго времени премудрой обладательницы нашей, къ добру на разумъ законовъ всѣхъ ведущей, приохотившись къ наукамъ, ищущее полезнаго съ пріятнымъ, находятъ свою забаву вмѣсто отдохновенія въ чтеніи книгъ, музыкѣ, въ зрѣніи театра и въ прочихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ? Они дикались со звѣрьми, боролись сами между собою до убійства, почитая то геройствомъ; кулачные бои бывали лучшимъ позорищемъ (зрѣлищемъ), важивали дѣтей своихъ онымъ забавляться; и какъ ручаться, чтобъ въ ребячьемъ возрастѣ человекъ не приучилъ сердце свое къ ожесточенію; даже благородныя женщины въ недавнемъ времени были зрительницами сихъ позорищъ. Къ счастью нашему, время оное перемѣнилось; просвѣщеніе торжествуетъ — благонавіе и вѣжность въ общоженіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ російскихъ провинціяхъ невѣжества невидно.

Здѣсь авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать *такого* невѣжества; потому что невѣжества вообще оставалось еще много, можетъ-быть, оно только не доходило до звѣрства, какъ бывало въ прежнія времена, но и это уже значительный шагъ впередъ. Далѣе продолжаетъ онъ:

«Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше начальники управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры, построенныя и строящіяся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія, и примѣтно, что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели гоненіемъ голубей, конскими рыстаніями или травлею зайцевъ, и входятъ въ разсужденіе о шескахъ, чему я самъ бывалъ въ провинціяхъ свидѣтель.....

«Господинъ Сумароковъ, известный нашъ российский писатель, ревновалъ только приказныхъ людей, а не сомнѣвался въ благовоспитанныхъ молодыхъ дворянахъ; а паче въ нынѣшнее время вкусы еще болѣе исправились; дѣти благородныхъ людей разсуждать умѣютъ. Я почитаю за пристойное припомнить, что воспитаніе много обязано покойному господину Сумарокову. Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ разсужденія умягченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно отъ его пера исправленъ. До него представленія почитали одними только театральными игрищами, а онъ показалъ нѣжность въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе страстей въ комедіяхъ господина Молиера и прочихъ, подражая онымъ. Басни его поставить можно правоучительной азбукой, служащей для каждаго. Паче всего заслуживаетъ безсмертіе — омерзеніе къ ябедѣ, чему конечно люющійся складъ стиховъ его причина; не пощеголяетъ никто нынѣ, какъ прежде, десятилѣтней тяжбой, которую помощію стряпчаго могъ продолжать; а до его ополченія на подъячихъ, ставили въ старину дворяне честию, будучи добрые люди, что проворствомъ новъреннаго тянеть виноватое дѣло четверть вѣка, хвалясь при томъ, что ему секретари въ судахъ знакомы. Невѣжество конечно оное было, чему бы оставались нѣкоторые слѣды, когда бы благополучное нашего времени правленіе не просвѣтило насъ лучемъ истины, и не вселило духъ въ насъ благородной и правдолюбивой. Вотъ истинное счастье нашего вѣка: дѣти воспитываются съ омерзеніемъ ябеды. Имъ твердятъ наставники: не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь; повинуйся законамъ и не вымышляй противу ихъ пустыхъ оправданій; буйныя забавы изъ обычая вышли, а когда досугъ и не учишься, веселись благопристойно, взи въ театръ и танцуй въ маскерадѣ».

Всѣ эти слова весьма замѣчательны и важны; правда, въ нихъ нельзя не видѣть особеннаго пристрастія къ своему вѣку, но по-крайней-мѣрѣ они показываютъ, что въ-самомъ-дѣлѣ произошло замѣтное улучшение, что рѣзкое невѣжество мало по малу сглаживалось, и что наконецъ Екатерина могла видѣть плоды своихъ трудовъ и заботъ.

VIII.

Въ 1779 году у насъ образовался новый родъ комедій; у современниковъ ова преимущественно называлась малой оперой, а мы на-

зведемъ ее водевилемъ. Здѣсь комикъ-водевильисты не думали остраивать нашихъ пороковъ и недостатковъ, а просто ставили свои лица въ легкія комическія положенія, или сами выдумывая ихъ, или заимствуя изъ вседневной обыкновенной жизни, по бѣльшей части простаго класса народа. Честь такого нововведенія мы должны отдать Аблесимову; его опера: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать», блестятъ среди немногихъ прекрасныхъ оригинальныхъ произведеній, нашего осемнадцатаго вѣка; въ первый разъ она была представлена на московскомъ театрѣ 20 января 1779 года и заслужила величайшую похвалу всѣхъ русскихъ людей. «Сія піеса, говоритъ «Драматическій словарь», столько возбудила вниманія отъ публики, что много разъ сряду была играна, и всегда театръ наполнялся; а потомъ въ Санктпетербургѣ была представлена много разъ у Двора и въ случившемся на тогдашнее время вольномъ театрѣ у содержателя господина Кинпера была играна сряду двадцать семь разъ; не только отъ національныхъ слушана была съ удовольствіемъ, но и иностранцы любовицествовали довольно; коротко сказать, что едва ли не первая русская опера имѣла столь восхитившихся зрителей и восторженія». Комедія Аблесимова очень нравилась и по своей музыкѣ, положенной съ голоса русскихъ цѣсень музыкантомъ московскаго театра, Соколовскимъ. И прежде Аблесимова появлялось у насъ нѣсколько *малыхъ оперъ*, но вот онѣ были русскія только по языку, а не по содержанію; которое обыкновенно называлось современными французскими водевилемъ. Такъ по «Драматическому словарю» мы видимъ, что первая подобная опера, также съ музыкой изъ русскихъ пѣсень, была представлена на московской сценѣ 8 января 1777 года: «*Ее не прежде рѣшилось играть, замѣчаетъ «Словарь», какъ испросилъ у публики позволеніе одобраннымъ особливо на сей случай разговоромъ между большою комедіею и сею оперою*»; но какъ приняла ее публика, имѣла ли она какой-нибудь успѣхъ, мы ничего не можемъ сказать читателю.

Аблесимовъ, армейскій офицеръ, бывшій воспитанникъ Сумарокова, руководствовался только своимъ оригинальнымъ талантомъ, своимъ вкусомъ, и нисколько не думалъ ни кому подражать, ни гнаться за современными знаменитостями. Онъ не имѣлъ особеннаго образованія въ домѣ Сумарокова, занимался болѣе перепиской произведеній своего патрона; кажется, онъ даже незналъ и французскаго языка, следовательно не имѣлъ и права называться образованнымъ человекомъ.

а тамъ болѣе ужъ не могъ знать обширныхъ правилъ современной реторики. Конечно это незнаніе послужило ему въ пользу; иначе талантъ его вздумалъ бы подвизывать себя крылья, чтобъ парить въ искусственной высотѣ, и вѣрно бы потерялся въ ней. Кочуя съ своимъ полкомъ изъ деревни въ деревню, онъ могъ познакомиться съ русскимъ бытомъ, насмотрѣться на смышленность русскаго человека, на изворотливость его ума, могъ наглядѣться много комическихъ народныхъ сценъ, и все это съ приправой нѣкоторой легкой искусственности выразилось въ его комедіи. Лицо мельника въ-самомъ-дѣлѣ можетъ назваться *народнымъ*. Это смышленный, хитрый русскій чело-вѣкъ, который довольно пожилъ на свѣтъ, приглядѣлся ко всему, повялъ, какъ можно зашибать деньги, и живетъ себя припхваючи. Онъ успѣваетъ и работать на мельницѣ, и быть колдуномъ, кумомъ, сватомъ у всѣхъ, кто только нуждается въ немъ; успѣваетъ и по-балагурить съ красными дѣвцами, и пошутить съ молодцами, а въ случаѣ нужды и помочь имъ; вездѣ поспѣваетъ онъ, невинно пользуясь простотой несмышленныхъ людей; онъ всегда веселъ, всегда игривый юморъ шевелится на губахъ его; оттого всѣ его любятъ, всѣ нуждаются въ немъ, а деньги такъ и сыплется къ нему въ руку. Это не то что какой-нибудь хитрый плутоватый слуга въ нашихъ комедіяхъ; нѣтъ, это настоящій умный смышленный русскій *балагуръ*. Искусственность комедіи Аблесимова заключается въ той почти неестественной выдумкѣ, что русская дворянка вдругъ очутилась за мужемъ за русскимъ крестьяниномъ; отъ этого происходятъ всѣ ссоры мужа съ женой и все ихъ комическое положеніе; но характеры срисованы прямо изъ дѣйствительной жизни: жена — настоящая русская вздорная баба; мужъ — русскій простоватый мужикъ. Вся ссора ихъ выходитъ изъ-за того, что жена хочетъ отдать свою дочь за дворянина, а мужъ за крестьянина. Дочь между-тѣмъ уже влюблена въ одного одиодворца, онъ также полюбилъ ее, и обратился къ мельнику, какъ къ колдуну. Къ нему обратились и мужъ съ женой; изворотливый мельникъ повялъ въ чемъ дѣло; колдуетъ и тѣмъ и другимъ, жевъ общается дворянина, мужу крестьянина, и наконецъ соглашается свои обещанія загадной, сложной весьма искусно; здѣсь Аблесимовъ умѣлъ поддѣлаться подъ складъ народной юмеристики. Вотъ какъ говорить мельникъ:

Ужъ какъ шли старикъ съ старухой изъ лѣсочка,
Изъ лѣсочка,
Съ нини дочка,
Пригожайка.

На встрѣчу ннъ попался сосѣдъ мельникъ,
Сосѣдъ мельникъ,
Не бездѣльникъ,
Ворожайка.

Сосѣдъ мельникъ загадаетъ ннъ загадку:
Ннъ загадку,
Правду патку
Загадаетъ:

Ишо что да таково
На Руси у насъ давно:
Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ болринъ,
Самъ и пашеть и ореть,
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.....»

Въ такомъ же тонѣ самъ «Мельникъ» и отгадываетъ свою загадку — это *одноворецъ*, говоритъ онъ, и представляетъ имъ своего одноворца. Всѣ остались довольны, и мельникъ былъ не въ пакладъ.

Эта комедія или водевилъ не имѣетъ ничего общаго со всеми другими современными комедіями; она ближе всѣхъ подходитъ къ простой русской природѣ; въ ея любви нѣтъ ни вѣжничанья, ни сентиментальности, въ ея разговорахъ нѣтъ ни натянутостей, ни притворности, все просто и оригинально. Въ такомъ же духѣ Аблесимовъ написалъ еще другія комедіи: «Счастье по жребію», гдѣ главную роль играетъ русскій солдатъ — постоялецъ въ крестьянской избѣ; здѣсь также есть нѣсколько легкихъ оригинальныхъ куплетовъ, какъ на примѣръ:

«Пѣть ума, да денегъ много,
Такъ не будешь жить убого;
А съ умомъ да безъ гроша
Не дадутъ воды ковшу».

Комедія «Походъ съ перемѣнныхъ квартиръ» также была хорошо принята публикой. «

Но всѣ достоинства комедій Аблесимова, кажется, не нашли особеннаго сочувствія въ образованныхъ современникахъ; имъ еще

нужна была искусственность, а не действительная природа. Вотъ что говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Макаровъ: «Многіе замѣтили, что «Мельникъ» не совсѣмъ приличенъ для зрителей высшаго тона, и вотъ «Мельника» на придворномъ театрѣ стали играть рѣже и рѣже. Притомъ и русскіе баричи — *французоловцы*, особенно какъ-нибудь взглянувшіе своимъ собственнымъ глазкомъ на чужбину, мастерски шпиговали бульварными насмѣшками будто бы плоскаго и восточащаго вниманія ученыхъ — автора «Мельника». *Fi donc! Quelles gens choisissez-vous pour m'amuser! Voilà de plaisirs bouffons*... При выходѣ другой оперы Аблесимова, «Счастіе по жеребью» именитѣйшіе русскіе *театролюбцы*, зараженные въ полной мѣрѣ вкусомъ къ французскому водевилізму, громко говорили, что этотъ Аблесимовъ надолъгъ имъ своими мужиками.»

У Аблесимова было множество подражателей, но всѣ они, внимая общему голосу, подкрашивали аблесимовскую природу, и такимъ-образомъ являлись слишкомъ искусственны; да притомъ и таланты ихъ, и опытность, и знаніе той природы не могли сравняться съ Аблесимовымъ. Таковы были оперы «Деревенская судьба» Прокудана, «Выдуманный кладъ», «Колдунъ, Ворожея и Сваха» и много, много другихъ, преимущественно подражанія «Мельнику»; но всѣ оны не стоятъ особеннаго вниманія. Наконецъ явился «Сбитенщикъ» Княжнина. «Мельникъ» народилъ много дѣтей, говоритъ князь Шаховской, но только одно изъ нихъ, родившееся отъ брака съ Француженкой, живетъ долго, здорово и весело, по милости своего крестьянаго отца — это «Петербургскій Сбитенщикъ», переименованный изъ «Сивильскаго Цирюльника». Въ-самомъ-дѣлѣ въ приемахъ самого сбитенщика есть много сходнаго съ *Фигаро* Бомарше; Княжнинъ не могъ идти прямо по слѣдамъ Аблесимова, потому, что онъ имѣлъ свои понятія о комедіи, и подобно прочимъ смотрѣлъ на «Мельника», что мы видимъ изъ письма его къ Шувалову: Въ «Мельникѣ» Аблесимова, говоритъ Княжнинъ, есть что-то *чрезъ-чуръ близкое къ простой необработанной натурѣ*. И вотъ онъ хотѣлъ подкрасить эту *натуру*. Смышленность сбитенщика, Степана, перешла къ нему отъ «Мельника», но Степанъ живетъ не въ деревнѣ, а въ городѣ, дѣйствуетъ въ другой, болѣе высшей сферѣ, между другими лицами, болѣе опытными, слѣдственно ему пужно было болѣе расторопности, изворотливости, плутоватости. Онъ не могъ основы-

вать своихъ дѣйствій съ людьми на колдовствѣ и загадкахъ, а долженъ былъ употреблять другое искусство, похитрѣе перваго. Все это перешло къ нему отъ цирюльника, Фигаро. Надо признаться, что изъ двухъ образцовъ Княжнинъ искусно составилъ лицо сбитенщика; въ немъ въ-самомъ-дѣль, есть какая-то черта русскаго народнаго характера. Остановитесь и теперь передъ какимъ-нибудь сбитенщикомъ-балагуромъ, прислушайтесь къ его прибауткамъ, присказкамъ, росказнямъ; посмотрите, сколько любопытныхъ мужичковъ собралось вокругъ него, имъ и сбитень кажется слаще, поневолю выпьютъ лишній стаканъ, а сбитенщику дадутъ лишнюю девьгу. Точно такъ былъ и Степанъ; его нельзя считать плутомъ, но можно назвать плутоватымъ челоукомъ, который своимъ зоркимъ, опытнымъ глазомъ тотчасъ видѣлъ, гдѣ можно зашибить копѣйку; онъ не кривилъ душой, но дѣйствовалъ съ хитрой изворотливостью, и не считалъ за грѣхъ поживиться на-счетъ доверчиваго простака. Однимъ словомъ, Княжнинъ умѣлъ сдѣлать лицо сбитенщика и оригинальнымъ и занимательнымъ, не смотря на свое заимствование; все прочее въ комедіи слишкомъ искусственно. Главное ея дѣйствие взято изъ мольеровской комедіи «Школа женщинъ» (*L'école des femmes*). Тамъ Арнольдъ держитъ свою воспитанницу, Агнесу, въ самомъ строгомъ уединеніи, почти вдали отъ всякаго сообщества съ людьми, воспитываетъ ее въ величайшей простотѣ и невинности, и такимъ-образомъ по своей заранѣ созданной теоріи готовить ее себѣ женой. Точно тоже и у Княжнина: купецъ Волдыревъ держитъ у себя подъ опекой *Пашу*, дочь другаго купца, и воспитываетъ ее въ томъ же уединеніи, въ той же простотѣ и невинности, чтобъ потомъ на ней жениться; на все это есть у него своя причина, въ которой онъ расходится съ Арнольдомъ. Арнольдъ держался той мысли, что глупенькая жена, похожая по своей сердечной простотѣ на ребенка, нисколько не знакомая со свѣтомъ, можетъ составить счастье мужа: она не будетъ знать ни кокетства, ни желанія нравиться другимъ, а онъ будетъ спокоенъ отъ всякаго нашествія волокитъ, отъ ревности, отъ измены и прочая.

« . . . Celle que j'épouse, a toute l'innocence
Qui peut sauver mon front de maligne influence.
E, qu'on se marie est pour n'être point sot... »

Mais une femme habile est un mauvais présage :
Et je sais ce qu'il coûte à de certains gens
Pour avoir pris les leurs avec trop de talens...

Ma ma mèr, qu'elle soit d'une ignorance extrême :
Et c'est assez pour elle, à vous en bien parler,
De savoir prier Dieu, m'aimer, coudre et filer. . .

Волдыровъ имѣлъ болѣе корыстныхъ причины :

« Папа, говоритъ онъ, вѣдь опеку мнѣ отъ покойнаго отца ея, съ которымъ мы вмѣстѣ торговали, досталась младенцемъ съ великимъ достаткомъ. *Чтобъ торгоу нашего мѣраздѣ лить*, вошло мнѣ въ голову на ней жениться. Боялся я всегда того, о чемъ ты мнѣ теперь намекалъ (жеди какой молодчикъ . . . — намекъ Степава), и для того я возрастилъ ее смиренницу, самъ уча ее грамотѣ ». Онъ, вѣрхалъ въ Петербургъ, переимявалъ свое имя Макея на Волдырева : точно такую жъ перемяну имени сдѣлалъ и Арнольдъ. Конечно, теорія Арнольда выше теоріи Волдырева, изъ нея вытекаетъ болѣе истиннаго комизма ; но она была бы не по разуму простаго торговца ; сльдственно Княжнинъ сдѣлалъ здѣсь приравленіе къ русской дѣйствительности. Лицо Паши списано точъ въ точъ съ Агнесы : такая же невинная протодушная дѣвушка ; ихъ рѣчи разнятся только однимъ языкомъ, а нисколько не словами.

Арнольдъ не могъ удержатъ взаперти дѣвическаго сердца : въ его отсутствіе Агнеса нечаянно встрѣтилась съ молодымъ человекомъ, Горасомъ, и между ними родилась любовь. Наконецъ Горасъ встрѣчается съ Арнольдомъ, узнаетъ въ немъ пріятеля своего отца, и не зная, что онъ-то именно и есть тотъ тиранъ, тотъ варваръ, который держитъ въ заперти молодую дѣвушку, признается ему во всемъ, и проситъ его помощи. Арнольдъ показываетъ притворное равнодушіе, соглашается дѣйствовать за одно съ молодымъ любовникомъ, а между-тѣмъ беретъ свои мзры ; Горасъ, ничего не подозревая, самъ помогаетъ ему : онъ безпрестанно уведомляетъ его о своихъ намѣреніяхъ и планахъ, о своихъ успѣхахъ въ сношеніи съ Агнесой. Почти все это дѣйствіе находимъ и у Княжнина, только у него лицо Гораса распадается на два лица, — Извѣда, молодаго служащаго офицера, и Болтая, отставнаго офицера : оба они влюблены въ Пашу ; вотъ сюда — то вмѣшивается Степанъ. Онъ хочетъ помогать На-

вѣду, разумеется за деньги, и тайно ввести его въ домъ Волдырева; къ нему же было обратился и хвастливый Болтай, но у него нѣтъ денегъ, следовательно Степанъ не могъ быть его помощникомъ. Конечно, во всемъ этомъ дѣйствіи читатель найдетъ натянутость: Степанъ вводится сюда, какъ-будто насильственно. Какъ могъ русскій дворянинъ вѣка Екатерины, Извѣда или Болтай, вступить въ дружескій доверчивый разговоръ съ простымъ мужикомъ, котораго онъ встрѣчаетъ на улицѣ, признаться ему въ своей любви, и наконецъ просить у него помощи? Это не то, что аблесимовскій мельникъ, который очень естественно вступаетъ въ дѣйствіе, какъ хозяинъ въ домъ свой. Но какъ бы то ни было, только Степанъ принимается за дѣло: домъ Волдырева былъ хорошо знакомъ ему; онъ часто бывалъ тамъ, поилъ сбитнемъ и хозяйна и его воспитанницу; а хозяйская работница, Власевна, была его *сударка*, его *красавка*, следовательно дѣло могло пойти на ладъ; выждавъ отсутствіе Волдырева, Степанъ свелъ Извѣда съ Пашей.

Между-тѣмъ Болтай встрѣчается съ Волдыревымъ, узнаетъ въ немъ своего знакома, Макея, и не зная, что онъ опекунъ Пашин, хвастаетъ ему своими любовными успѣхами, своими сношеніями съ невинной дѣвушкой, и такимъ образомъ поставяетъ Волдырева въ такое же отношеніе къ его воспитанницѣ, въ какое Горастъ поставилъ Арнольфа. Дальнѣйшее дѣйствіе нѣсколько расходится съ мольтеровскимъ: здѣсь уже проворный Степанъ ворочаетъ всемъ дѣломъ. Ревнивый Волдыревъ повѣряетъ ему свои опасенія на счетъ Болтая, и проситъ его совѣтовъ; Степанъ обѣщаетъ привести къ нему старушку, которая строго будетъ смотрѣть за Пашей; а между-тѣмъ въ головѣ его составился планъ ввести въ видъ старушки Извѣда. Но этого еще мало: пользуясь доверчивостію Волдырева и Болтая, онъ хочетъ провести ихъ обоихъ, и тѣмъ окончательно устроить дѣло нѣжныхъ любовниковъ. Вотъ, что говоритъ онъ Болтаю, увѣряя, что Паша страстно любитъ его: «она хочетъ, чтобъ ты ее увелъ и женился бы на пей... надобно, чтобы ты, какъ хорошенько смеркнется, пришелъ сюда съ лѣстницею, приставилъ бы ее къ окну, вошелъ бы сквозь окно въ спальню Пашину, и опять изъ окна вышелъ бы вонъ съ нею». Болтай соглашается на все. На него-то теперь Степанъ хочетъ наускнуть Волдырева, скрываясь подъ личиною его вѣрнаго услужника; «Я ему (Болтаю) сказалъ, говоритъ

онъ доверчивому ревнивцу, будто Паша велѣла ему въ сумерки придти съ лѣстницей, и въ окно увести ее: Онъ это, вѣрно одумаетъ, и какъ ползаетъ, то ты можешь его какъ мошенника поймать съ десятскими, которыхъ ты, я думаю, постараешься для этого поставить. Такимъ-образомъ уладилось все дѣло; пока Волдыревъ съ десятскими караулил Болтая, Извѣдъ, находясь при Пашѣ въ видѣ старухи, увелъ ее, и тотчасъ же обвинчался съ ней. Волдыревъ поздно узналъ плутни Степана, но дѣлать было нечего; чтобъ не остаться совершенно въ дуракахъ, онъ прощаетъ всѣхъ.

Не смотря на сходство дѣйствій, Волдыревъ Княжинна мало похожъ на Арнольда Мольера. Лица Извѣда и Болтая не стоятъ особеннаго вниманія; особенно несносенъ Извѣдъ своимъ любовнымъ нѣжничаньемъ, своими сладенькими словцами, которыхъ вовсе нѣтъ у Мольера. Выраженіе этой приторной любви въ комедіяхъ принадлежало вѣку Княжинна, а Княжиннѣ ни въ чемъ не отставалъ отъ своего вѣка. Есть еще два лица въ комедіи, которыя заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе — это Фаддей и Власьевна — работникъ и работница Волдырева — лица оригинальныя, созданныя самимъ Княжиннымъ. Фаддей — идеалъ такого человѣка, котораго въ народѣ обыкновенно называютъ *дурачкомъ*; у него, кажется, совершенно нѣтъ ума, а только развитый животный инстинктъ. Власьевна своей глупой простоватостью иногда похожа на Фаддея, иногда проблескиваетъ въ ней хитрость ума, если дѣло касается собственныхъ ея интересовъ. Многіе сцены съ Фаддеемъ весьма оригинальны и занимательны. Вотъ примѣръ:

ВОЛДЫРЕВЪ.

Фаддей! запри крѣпко-на-крѣпко ворота; и подворотню заложу, такъ чтобъ и червякъ поползти не могъ.

ФАДДЕЙ.

Слышу-ста. А коли ты воротинься, тебя пускать ли?

ВОЛДЫРЕВЪ.

Болванъ, какъ хозяйна не пустить!

ФАДДЕЙ.

Слышу-ста; никого не пущу. Да ты не велѣлъ пускать и червя; я за это не берусь, какъ его усмотришь?

ВОЛДЫРЕВЪ.

ЭТО ТАКЪ такъ говорится.

САДЕНІЙ.

А на что это ты обманываешь?

ВОЛАДЫРЕНЪ.

Дурачок! это разумеется, чтобы ты никого, кто бы о-е-е не былъ, въ домъ въ домъ не впускалъ.

САДЕНІЙ.

А! а! разумаю: никого не душу, кроме тебя да червя.

ВОЛАДЫРЕНЪ.

Не худо будетъ если найдешь дубину для всякаго случая. И такъ давай.

Замѣтимъ еще, что большая часть сценъ и разговоровъ, гдѣ есть Степана, переведены почти слово въ слово изъ комедіи Мольера. Вотъ напимъ у Мольера:

ARROUF.

Mais enfin apprenez qu'accorder des cassattes,
Et de ces beaux blondins écouter les sarnettes;
Que se laisser par eux, à force de langueur,
Baiser aiusi les mains et chatouiller le cœur,
Est un péché mortel des plus gros qu'il se passe.

AGNES.

Un péché, dites-vous? Et la raison, de grâce? etc., etc.

У Княгинина:

ВОЛАДЫРЕНЪ.

Ты не знаешь, Пашенька, душа моя, какой опасности твоя простота тебя подвергала. Я тебя все растолкую. Слушай: все что тебе такъ приятно казалось не что иное, какъ самый душепагубный грѣхъ, за который въ аду варятъ въ горячей смолѣ.

У Княгинина переведены даже многія мольеровскія остроты; какъ напимъ.

Elle vous croyait voir de retour à toute heure;
Et nous n'ayions jamais *passer devant chez nous*
Cheval, duc ou mulet, qu'elle ne prêt pour vous

ВОЛАДЫРЕНЪ.

Такъ она меня дождалась?

ВЛАСЬЕВЪ.

Какъ не догадаться; порога ли, слышно ли затопаютъ, все ду-
дала, что это онъ.

Но заметимъ, что все эти переводные разговоры нисколько не про-
дѣлать характеру лицъ; многія слова и выраженія такъ искусно прина-
рошены къ нимъ, что кажется, ни Волдыревъ, ни Паша, ни Власьевъ,
иначе не могли и говорить. Тамъ же, гдѣ является Степанъ, все
слова и разговоры принадлежать собственно Княжину. Степанъ
умѣетъ выразиться по своему, хотя иногда и заимствуетъ свой
взглядъ на жизнь и на людей у Намца, Вейссе, какъ наприкладъ:

Sohne Glück in unsern Tagen,
hielt Vernunft und Klugheit nicht;
Glück fährt auf einem geführten Wagen.
Wer vernünftig zu Füßen kriecht.

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него — куда съ умомъ?
Вздвигъ счастье въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.

Но это не мешаетъ Степану быть оригинальнымъ лицомъ. «Княж-
иннъ подъ шуточною личиною «Сбитенщика», говоритъ Глинка, разрѣ-
шилъ задачу, въ семнадцатомъ столѣтѣ предъявленную Бессюэтомъ:
«Здравый смыслъ, сказалъ Бессюэтъ, управляетъ свѣтомъ». Едва ли
Княжиннъ думалъ разрѣшать подобную задачу; Бессюэтъ, впрочемъ,
говорилъ не о томъ *здравомъ смыслѣ*, въ какомъ представляетъ «Сби-
тенщикъ»; Степанъ дѣйствуетъ для своей *корыстной* выгоды; его
здравый смыслъ заключается въ увертливости, въ хитрой сметливости,
въ искусномъ умѣннѣ провести простаковъ въ свою пользу — это
ли здравый смыслъ Бессюэта?

Княжиннъ стоялъ въ такомъ противорѣчнѣ со многими стремленнми
современнаго общества, что нигдѣ не пропускалъ случая задѣть
или уколоть его. Такимъ-образемъ и въ этой комедн, которая со-
всѣмъ не имела цѣли улучшить нравы и снлаться надъ обществен-
ными недостатками, онъ иногда дѣлаетъ свои личныя замѣчанн на
современныя стремленн многнхъ людей; эти замѣчанн онъ выказываетъ въ
уста Степана, какъ человека съ здравымъ смысломъ; и эти замѣчанн

ВОЛДЫРЕВЪ.

Я въ своей отчизнѣ переселился въ Питеръ, и къ старинному имени, приклеилъ новое прозваніе, которое по обычаю прочей нашей братіи, кончится на *овъ*. А со временемъ постараюсь достать офицёрскій или и выше чинъ, чтобы ходить въ шпагъ съ темлякомъ и въ шарфъ.

СТЕПАНЪ.

Ну, ну, кстати ли это твоему толстому брюху, твоему плоскому широкому лицу? Не лучше ли быть полезнымъ купцомъ, нежели одьлавшись офицеромъ, не быть ни тѣмъ ни другимъ, и стать изъ чего-нибудь ни то ни се, то-есть, какъ у насъ говорятъ, произвести себя въ тонъ.

ВОЛДЫРЕВЪ.

Пустое, хуже меня достаютъ себя чины... Чѣмъ же скрасилъ Княжнинъ простую необработанную натуру, которую *овъ* нашелъ въ комедіи Аблесимова? Участіемъ въ дѣйствіи не однихъ мужиковъ, но и дворянъ; сантиментальной любовью Изведа; его нѣжничаньемъ, его сладенькими куплетами, что разумется, могло удовлетворить требованіямъ современниковъ.

Намъ очень часто случалось слышать замѣчанія, что «Сбитенщикъ» — одна изъ лучшихъ комедій Княжнина, но почему, намъ нигдѣ не удалось найти удовлетворительнаго отвѣта — вотъ причина, заставившая насъ подробно разобрать комедію. Въ чемъ же въ-самомъ-дѣлѣ заключаются ея особенныя достоинства? По нашему мнѣнію въ искусствѣ поставить лица въ легкія комическія положенія, которыя не оскорбляютъ ни чьего глаза и ни чьего уха, а главное — въ искусствѣ набросать на нихъ, если не вполне народныя краски, то по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые отгѣнки, которые напоминаютъ намъ того или другаго русскаго человѣка, что въ то время была большая рѣдкость. Въ этомъ-то смыслѣ современники Княжнина называли его комедію *народною*.

Комедіи «Мельникъ» и «Сбитенщикъ» заставили нѣкоторыхъ благо-разумныхъ людей номышлять объ устройствѣ театра для простаго класса народа, какъ певинной забавы, которая могла отвлечь его отъ парочкаго препровожденія времени. Подобная попытка была уже сдѣлана за двадцать лѣтъ предъ этимъ, именно въ 1765 году (со втораго дня *Назки*); въ Петербургъ, гдѣ-то, на пустырь за Малой Морской былъ

открытъ *есенародный* театръ. Это извѣстiе мы находимъ въ письмѣ Лукина къ Кичанинову того же года. «Нашъ низкія степени народъ, говоритъ Лукинъ, толь великую жадность къ нему показали, что оставя другія свои забавы, изъ коихъ ниня дѣйствительно не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище собирался; играютъ тутъ охотники изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между ними два три есть довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезвычайную». Но этотъ театръ существовалъ, кажется, весьма не долго, что и не удивительно: гдѣ у насъ были такія пьесы, которыя могли занимать народъ? Для народа нужно что-нибудь родное, взятое изъ его жизни, понятное ему; а всякая другая *комедь* скоро ему наскучитъ.

Наконецъ, кажется, въ осьмидесятыхъ годахъ, директоръ московскаго театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, имѣя въ виду «Мельника» и «Сбитенщика», хотѣлъ устроить *народный* театръ, гдѣ предполагалось играть эти и другія комедіи, которыя стали появляться въ подражаніе первымъ; но мы не знаемъ, почему не осуществилась эта прекрасная мысль.

Вслѣдъ за «Сбитенщикомъ» не мало комедій появлялось у насъ съ претензіей быть такими же *народными*, кто-то даже вздумалъ написать родъ продолженія комедіи Княжнина — маленькую пьеску «Свадьба Волдырева», въ которой кокетливая дворянка *Прельцалова*, задолжавъ Волдыреву большую сумму, обвѣщала отдать ему свою руку, и искусно провела доврчиваго простака; но всѣ эти комедіи мало приближаются къ характеру «Сбитенщика», да притомъ и самые таланты писателей далеко не могутъ равняться съ талантомъ Княжнина. Впрочемъ, попадались и не совсѣмъ дурныя пьески, которыя можно было бы играть съ успѣхомъ на *народномъ* театрѣ. Такъ Плавильщиковъ написалъ маленькую комедію «Мельникъ и Сбитенщикъ — соперники»; по свидѣтельству современниковъ мы знаемъ, что она долгое время правилась публикѣ, но мы нигдѣ не могли отыскать ее*.

Прочія комедіи Княжнина, «Скупой», «Притворно-съумасшедшая» (изъ Беньяровой комедіи «Les folies amouieuses»), «Неудачный примиритель», «Трауръ», не представляютъ намъ ничего особенно достой-

* Можетъ-быть она не была и напечатана, по-крайней-мѣрѣ не покинута въ полномъ Смирдинскомъ каталогѣ.

наго вниманіи, и намъ кажется, нѣтъ нужды разбирать нѣтъ кѣмъ отдѣльно. Все оны составлены по образцу европейскихъ французскихъ комедій — водевилей; нѣтъ комизмъ — французскій, который сосредоточивается не на господахъ, а на ихъ прислугѣ; она-то часто, какъ куклами играетъ своими господами, и заставляетъ зрителей смѣяться. Здѣсь же мы встрѣчаемъ довольно фарсовъ, только ихъ нельзя назвать оскорбительными. При всемъ томъ и эти комедіи Княжнина составлены лучше многихъ *переводно французскихъ* водевилей, которые въ то время появлялись у насъ.

Теперь мы можемъ приступить къ оцѣнкѣ таланта и важности трудовъ нашего писателя.

Почти все отзывались съ хорошей стороны о первоначальныхъ комедіяхъ Княжнина, подробно разобранныхъ нами: «Чудаковъ» и «Хвастуна», говоритъ Мерзляковъ, можно поставить не далеко отъ бессмертныхъ «Недоросля» и «Бригадира» Фейт-Визина»; съ такой же похвалою о нихъ говорили и всѣ. Только въ последнее время въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сравнены всѣ наши комедіи, слѣдственно и Княжнина, съ помеломъ, которое вычистивъ грязь, самѣ никуда не годится. Это рѣзкое мнѣніе еще можно отнести къ нашимъ второстепеннымъ комикамъ, которые писали не изъ сознанія въ себя таланта, а только съ однимъ благороднымъ намѣреніемъ — искоренить пороки; но комедіи Княжнина всегда достойны нашего вниманія.

Мы уже замѣтили, что Княжнинъ выставлялъ тѣ же самыя пороки и недостатки своего общества, на какіе нападали и прежде него; что содержаніе нашихъ комедій Екатерининскаго вѣка не имѣетъ видимаго развитія: въ нихъ выражается одинъ и тотъ же взглядъ, одна и тѣ же стремленія, одни и тѣ же нападки. Это объясняется самою жизнью нашего общества; оно только сознавало важность и необходимость западнаго просвѣщенія, но не развивало еще никакихъ определенныхъ идей; оно подъ покровомъ заботливаго правительственнаго Екатерины, утверждало вышность европейской жизни, и, кажется, мало думало чѣмъ-нибудь одушевить ее. Вотъ отчего на первый журналъ «Живописецъ», въ продолженіе сорока двѣнадцати лѣтъ могли имѣть въскольکو изданій одинъ и тѣхъ же номеровъ, и все съ жаждою и съ удовольствіемъ читали ихъ. Тамъ, гдѣ есть развитіе идей, тамъ журналъ, изданный за двадцать лѣтъ назадъ, можетъ имѣть только историческую важность для читателя, а никакъ не служить

ему легкимъ чтеніемъ для одного прпровожденія времени, разумеется, если только въ немъ нѣтъ истинныхъ произведеній искусства, которыя и черезъ сто лѣтъ займутъ читателя; но такихъ произведеній не было въ «Живописецъ». Такимъ-образомъ мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что въкъ Екатерины своей визитной жизнью приготавливалъ русское общество къ его правильному духовному развитію. То же самое мы видимъ и въ нашей литературѣ осемнадцатаго вѣка. Мы уже говорили, какъ развивалась форма трагедіи, неизменно отъ ея содержанія, говорили, какъ развивалась и форма комедіи до Княжнина; а теперь взглянемъ, что сдѣлалъ для нея Княжнинъ? Онъ воспользовался всѣмъ, что внесли въ нашу комедію прежніе комики; у него мы найдемъ и сумароковскіе фарсы, и лутинскій намекъ на русскіе нравы, и характеристическія прозванія лицъ и благородныхъ людей Екатерины, съ ихъ сентенціями и правоученіями, и истинныя комическія положенія, введенныя Фонъ-Визингъ, и нѣжничанье въ любви, выставяемое всѣми комиками, и наконецъ стихотворное изложеніе, введенное Херасковымъ и Хвостовымъ. Но при всѣмъ томъ ни на одну изъ прежнихъ комедій не похожи комедіи Княжнина. Онъ каждую часть обработалъ по своему, иногда даже до художественной чистоты, искусственно группировалъ всѣ лица, давалъ каждому изъ нихъ свое мѣсто, свой блескъ, свой дѣтъ, представивъ всѣхъ какъ бы подъ однимъ кровомъ: дѣйствія его лицъ сливаются въ одно общее дѣйствіе комедіи, что у прежнихъ комиковъ часто разъединялось и распадалось, или любовь или изображеніе пороковъ вводилось какъ бы насильственно (мы не беремъ здѣсь въ расчетъ некоторыхъ неумѣстныхъ сценъ и даже лицъ комедіи «Чудакъ» — это второстепенныя, вставочныя сцены, которыя произвели увлеченіе автора; ихъ легко можно выбросить, безъ всякаго ущерба для комедіи). Такимъ-образомъ все приняло свою особенную обработку, свой колоритъ, свои оттѣнки, свою искусственность, и все наконецъ выразилось въ легкихъ, звучныхъ, даже иногда игривыхъ стихахъ, которые далеко превосходятъ комическіе стихи Хераскова и Хвостова. Вотъ что сдѣлалъ талантъ Княжнина. Комики, явившіеся послѣ него, уже мало похожи на прежнихъ. Граница между ними — комедіи Княжнина: онѣ составляютъ какъ бы переходъ отъ піесъ сатирическихъ къ піесамъ чисто-комическимъ. Кто жъ послѣ этого не

признаеть комическаго таланта въ Княжнинъ? онъ умѣлъ выражать комизмъ, умѣлъ имъ колоть современниковъ, и дѣйствовалъ сообразно съ требованіемъ своего вѣка; чего же еще можно требовать отъ него? Родись онъ въ другой вѣкъ, и другія бы требованія исполнилъ талантъ его.

Стихотворныя комедіи и «Сбитенщикъ» Княжнина долгое время существовали на русской сценѣ. Полевой говоритъ, что передъ отечественной войной: «Недоросля» Фонъ-Визина считали уже устарѣлою піеосою, а «Чудаки» и «Хвастунъ» были въ полномъ ходу, но «Сбитенщика» играли только на масляницѣ, какъ ровно и аблесимовскаго «Мельника».

IX.

«Мелкія» стихотворенія Княжнина, говоритъ преосвященный Евгеній, почти всѣ достойны похвалы; басни и сказки его, хотя ихъ не много, не уступаютъ Хемницеровымъ и Дмитріевымъ; оды его, хотя не равняются Ломоносовымъ и Державинымъ, но лучше многихъ въ своемъ родѣ».

Съ одинаковой похвалою отзывались о стихотвореніяхъ Княжнина почти всѣ его современники; мы же, хотя и далеки отъ повторенія всѣхъ этихъ похвальныхъ словъ и отзывовъ, однако не можемъ сказать, что стихи этого писателя совершенно недостойны никакого вниманія. Мы разделяемъ ихъ на два отдѣла: одни показываютъ намъ — направленіе его характера; другіе направленіе его таланта; многія изъ первыхъ мы уже приводили читателю. По призванію Княжнинъ не былъ лирикомъ; въ немъ мы не замѣчаемъ ни лирическихъ стремленій души, ни пламенныхъ поэтическихъ восторговъ предъ русскими громами, которые такъ сильно вдохновляли Державина. Нельзя сказать, что онъ не сочувствовалъ славы своего отечества, его громкимъ дѣламъ, а тѣмъ болѣе его мудрой Царицѣ; напротивъ, онъ съ отрадной любовью смотрѣлъ и на то и на другое. Княжнинъ не гремѣлъ ни одной торжественной или высокой одой, и въ этомъ случаѣ онъ едва ли не единственный писатель Екатерининскаго вѣка: онъ очень хорошо понималъ свои силы, и былъ слишкомъ умелъ, чтобъ подражать безталантнымъ стихотворцамъ.

Любовь къ добру, любовь къ природѣ и къ искусству, наконецъ живая, врожденная чувствительность души, иногда заставляли Княжнина братья за рему; но здѣсь нѣтъ ни особеннаго лирическаго чувства, ни восторженности; чаще они замѣняются описаніями, и въ нихъ надо отдать честь нашему поэту; тамъ иногда проглядываетъ что-то Державинское.

Его стихотвореніе «Стансы къ Богу», хотя и далеко не можетъ сравниться съ одой «Богъ» Державина, однако въ немъ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ строкъ, которыя какъ-будто служили матеріаломъ для иныхъ строфъ творца прославленной оды; вотъ на-примеръ :

«Творецъ ! Тебя понять не тмуса,
 Всѣмъ сердцемъ, какъ отца любя;
 Кто Ты, о томъ я не крушуся,
 Съ восторгомъ чувствуя Тебя.
 Ты былъ, Ты еси, Ты вѣчно будешь :
 То небо и земля твердятъ ;
 Я есмь, меня не позабудешь :
 Мои всѣ чувства то гласятъ».

Замѣтимъ, что ода «Богъ» явилась послѣ «Стансовъ» Княжнина; они были напечатаны въ 1783 году въ осьмой части «Собесѣдника», съ слѣдующимъ приписаніемъ: «Мысли нѣкоторой госпожи, данныя автору къ изображенію того, какимъ-образомъ человекъ въ простомъ понятіи разуметь Бога». Здѣсь авторъ представляетъ мудрость и благость Бога, проявляющуюся въ человекѣ и въ природѣ; за зло же винить одного человека :

«А если иногда печали
 Даютъ вкушать намъ горькій ядъ,
 Не виневъ Ты, что мы создали
 Себѣ изъ рая страшный адъ».

Эти стихи по-крайней-мѣрѣ ясно показываютъ намъ, что въ Княжнина была религіозность, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ модныхъ людей, о которыхъ говоритъ Фонъ-Визинъ въ своей «Исповѣди».

Подобное же рассужденіе мы встречаемъ и въ «Стансахъ на смерть», гдѣ авторъ хочетъ доказать всю мелочность и суету въ житейскихъ стремленіяхъ человека; здѣсь онъ до того увлекся своею мыслью, что даже забываетъ свое личное стремленіе къ славы, и какъ-будто самъ противорѣчитъ ему :

«Что жъ въ славы той, которая мѣстила?
Хотя ее ты приобрѣлъ....
Но смерть дверь въ вѣчность отвергла;
Ты былъ.... и вдругъ во гробъ свиснешь.
Уже того не ощущаешь,
Что нилъ здѣсь твое гремитъ.
Ты въ мрачномъ гробѣ истлѣваешь,
И славы блескъ тебя не льститъ».

Вообще все это стихотвореніе много напоминаетъ намъ оду Державина «На смерть князя Мещерскаго»; но мы не можемъ сказать читателю, которое изъ нихъ написано прежде. Здѣсь Княжнинъ особенно блестяще описаніями; многія изъ нихъ сильны, картинны и представляютъ намъ не риторика-стихотворца, а поэта; вотъ напримѣръ описаніе гибели корабля, гдѣ воображенію автора много помогла чувствительность его души :

«Корабль, какъ быстръ орелъ несется,
Срывахъ нѣшу съ грозныхъ водъ;
Въ немъ волна повсюду раздается,
Отчаливъ весь таиъ смертныхъ родъ.
Таиъ сынъ родителя объемлетъ,
Съ нимъ купно хочетъ умирать;
Со плачемъ мать дитя приемлетъ,
Дабы въ послѣдній разъ лобзатъ.
Съ супругой нѣжный мужъ, прощаясь,
Не въ силахъ скорбь изобразить,
Гласить: тебя на вѣкъ лишилась,
Иду — чтобъ таиъ тебя любить.
Скупой, на глыбы златъ взвездъ,
Трепещетъ, мучится, стонетъ;
Кормить нилъ алчна обладая,
Его на части душу рветъ.
Межъ тѣмъ уже въ корабль втекаетъ

Вода, и съ нею смерть течеть,
 Она кориндонъ управляетъ,
 На дно пучинъ его влечеть;
 Всѣхъ помощей уже лишился,
 Предметъ разгнѣваемыхъ небесъ,
 Мелькнулъ немъ волнъ и вдругъ сокрылся,
 Сокрылся и на вѣкъ исчезъ».

Конечно здѣсь нѣтъ того высокаго орлинаго, державинскаго полета въ описаніяхъ, но здѣсь Княжнинъ болѣе всѣхъ другихъ приближается къ нему, если можно сколько-нибудь приблизиться къ недосягаемому пареню Державина.

Въ стихотвореніяхъ «Утро и Вечеръ» выражается нѣжная, чувствительная душа поэта, ищущая истиннаго наслажденія въ одной живой безыскусственной природѣ; здѣсь онъ выражаетъ особенное сочувствіе къ ней, сравниваетъ ее съ блескомъ городской жизни, и въ этой последней находитъ много привлекательнаго и утѣшительнаго. Какія легкія и даже граціозныя описанія встрѣчаются здѣсь! Вотъ на-примѣръ описаніе рыбака, склоненнаго надъ своей удой:

Зефиронъ зыблемая уда
 Манитъ рыбъ жадныхъ отовсюда,
 И тягость ощутивъ рука
 Весельемъ душу восхищаетъ:
Дрожанью уды отпугаетъ
Дрожанье сердца рыбака». («Утро».)

Послѣднее выраженіе не осталось бы не замѣченнымъ и въ наше время: такъ легко и вѣрно представляетъ оно самую действительность. Стихотвореніе «Вечеръ» едва ли не единственное стихотвореніе, гдѣ Княжнинъ говоритъ о любви, и надо сказать, — немножко *идеальной*; здѣсь онъ находитъ любовь во всей своей любимицѣ-природѣ, и самъ хочетъ дышать тѣмъ же чувствомъ:

«Любовь есть должность — не порокъ,
 Безчувственность не добродѣтель,
 Вѣръ нѣтъ, весь міръ нѣтъ въ томъ свидѣтель.
 Любви вселенна ставитъ пиръ,
 Любовь вселенну оживляетъ:
 Увидь, какъ легкій здѣсь зефиръ

Прекрасну лозу лобызаетъ.
 Едва успѣлъ ее тронуть,
 Ея цвѣтушей стала грудь.
 Услыши сладостно журчанье
 Межъ горлицъ, тающихъ въ огнѣ;
 Зри вѣжно крылій трепетанье;
 Вся тварь тебѣ примѣръ и нѣтъ.

Въ стихотвореніяхъ: «Посланіе къ російскимъ питомцамъ свободныхъ художествъ», «Посланіе къ княгинѣ Дашковой (на день, въ который Екатерина—Вторая благоволила просіять свою благость здѣшнимъ музамъ учрежденіемъ Россійской Академіи)», «Посланіе тремъ Граціямъ», выражается взглядъ Княгинина на искусства и его страстную любовь къ нимъ:

«Напрасно слава танъ была,
 Гдѣ нузъ жилище неприступно:
 Съ героями исчезли купно
 До Грековъ громкія дѣла.
 Народы цѣлы забвенны
 Во тѣхъ безъ чести погребенны».

«Большую часть изъ этихъ стихотвореній — мы уже прежде выписывали читателю.

Укажемъ еще на стихотвореніе «Ты и Вы» (письмо Лизъ); оно заимствовано изъ летучаго посланія Вольтера «Vous et Tu», но многимъ отличается отъ своего подлинника. Вольтеръ игриво шутитъ съ женщиной, которая прежде была для него ты, а потомъ стала вы, и кочеть уколоть ее своей холодной шуткой; онъ сравниваетъ ея прѣжнее и настоящее положеніе, и выгоду оставляетъ на сторонѣ перваго, на сторонѣ ты. Княгининъ, сообразно съ свойствомъ своего характера, выражаетъ болѣе вѣжную чувствительность, иногда легкую иронию, дѣлая намекъ на внѣшній блескъ современной жизни; но у него нѣтъ игривости этихъ стиховъ Вольтера. Для сравненія приведемъ оба посланія:

Phyllis, qu'est devenu ce temps
 Où, dans un fiacre promenée,
 Sans laquais, sans ajustements,

De tes grâces seules ornée,
 Contente d'un mauvais soupé
 Que tu changeais en ambrosie,
 Tu te livrais, dans ta folie,
 A l'amant heureux et trompé
 Qui l'avait consacré sa vie?
 Le ciel ne te donnait alors,
 Pour tout rang et pour tous trésors,
 Que les agréments de ton âge,
 Un cœur tendre, un esprit volage,
 Un sein d'albâtre, et de beaux yeux.
 Avec tant d'attraits précieux,
 Hélas! qui n'eut été friponne?
 Tu le fus, objet gracieux;
 Et (que l'Amour me le pardonne!)
 Tu sais que je t'en aimais mieux.

Ah, madame! que votre vie,
 D'honneurs aujourd'hui si remplie,
 Diffère de ces doux instants!
 Ce large suisse à cheveux blancs,
 Qui ment sans cesse à votre porte,
 Philis, est l'image du Temps:
 On dirait qu'il chasse l'escorte
 Des tendres Amours et des Ris;
 Sous vos magnifiques lambris
 Ces enfants tremblent de paraître.
 Hélas! je les ai vus jadis
 Entrer chez toi par la fenêtre,
 Et de jouer dans ton taudis.

Non, madame, tous ces tapis
 Qu'a tissus la Savonnerie,
 Ceux que les Persans ont ourdis,
 Et toute votre orfèvrerie,
 Et ces plats si chers que Germain
 A gravés de sa main divine....
 Toutes ces fragiles merveilles
 Ces deux lustres de diamants
 Qui pendant à vos deux oreilles;
 Ces riches carcans, ces colliers,

Et cette pompe enchanteresse,
Ne valent pas un des baisers
Que tu donnais dans ta jeunesse *.

О, прежня Лиза, Ты... Вы барыня ужъ нынѣ.
Скажите, такъ ли вы въ сеѣ счастливы судьбинѣ,
Котора въ сорокъ лѣтъ вамъ пышности дала,
Въ алмазы, въ финжы васъ, въ величье убрала,
Превосходительствомъ и знатью отягчила,
И косо на меня смотрѣть васъ научила,
Когда, на улицѣ, звуча по мостовой,
На быстрой шестернѣ встрѣчаяся со мною,
Гордяся новаго родства высокою связью,
Съ блистающихъ колесъ вы брызжете мнѣ грязью? *

Романсъ «Наказанная неврность» или, по прежнему заглавію, напечатанному въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ (за февраль 1778 г.)

* «Что сталося съ тѣмъ временемъ, когда ты прогуливалась въ фиакрѣ безъ лакея, безъ нарядовъ, украшенная одиѣни своими прелестями; когда ты была довольна дурнымъ ужинкомъ, который превращала въ амброзію: ты тогда предавалась счастливому и обольщенному любовнику, посвятившему тебѣ свою жизнь. — Тогда небо въѣсто всякой почести и всѣхъ сокровищъ дало тебѣ одиѣ прикрасы твоихъ лѣтъ: нѣжное сердце, алебастровую грудь и прекрасные глаза. Увы! какаѣ съ такими безцѣнными приманками не была плутовкой, ею была и ты, прелестное созданіе, и ты знаешь, что за то я еще больше любилъ тебя. — Ахъ, сударыня, какаѣ разница отъ этихъ сладкихъ мгновений ваша настоящая жизнь, исполненная столькихъ почестей; этотъ сѣдой, растолстѣвшій швейцаръ, который безпреставно жметъ у вашихъ дверей, есть изображеніе самаго времени. Можно бы сказать, что онъ загоняетъ гурбу нѣжныхъ Амуровъ и Смѣховъ; эти дѣти боятся показаться подъ вашими великолѣпными рѣзными потолками. Увы! а когда-то я видѣлъ, какъ они входили къ тебѣ черезъ окошко и играли въ твоей горенкѣ. — Нѣтъ, сударыня, всѣ эти ковры, вытканные въ Савойи, выплетенные Персами, и всѣ ваши золотыя вещицы, и эти предорогія блюда, украшенные резьбою дивной рукой Жерменя... всѣ эти хрупкія чудеса, эти двѣ алмазныя люстры, повѣшенныя на обонхъ вашихъ ухахъ; эти ожерелья, эта очаровательная пышность — не стоятъ и одного изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которыми ты дарила меня въ своей юности.»

«Фролъ и Лиза», представляетъ намъ нѣжный, чувствительный рассказъ о бѣдной дѣвушкѣ, Лизѣ, обманутой Фроломъ, который предъстался золотомъ другой невзоты. Этотъ жалостный рассказъ много напоминаетъ собой «Бѣдную Лизу» Карамзина, по-крайней-мѣрѣ онъ съ нею одного характера.

Вотъ весь первый отдѣлъ мелкихъ стихотвореній Княжнина. Они важны для насъ не какъ изящныя произведенія, а какъ выраженія личнаго характера нашего писателя, его взгляда на тотъ или другой предметъ. Судя по малому числу этихъ стихотвореній, мы можемъ сказать, что Княжнинъ выражалъ только одно свое задушевное, не думая насиловать своего чувства или воображенія безпрестанными стишками изъ желанія прослыть Пиндаромъ или какимъ-нибудь другимъ знаменитымъ лирикомъ. Въ этомъ случаѣ Княжнинъ одинъ изъ рѣдкихъ писателей нашего осемнадцатаго вѣка; весьма немногіе изъ нихъ выразили свою личность въ трудахъ своихъ.

Комедіи Княжнина показали намъ истинный характеръ его таланта; въ немъ мы нашли направленіе комическое, приправленное иногда легкой сатирой. То же самое подтверждаетъ намъ и другой отдѣлъ мелкихъ стихотвореній этого поэта; ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ чистой сатиры, но во многихъ слышится или легкая насмѣлка или колкая шутка, или острый намекъ на современность.

Это уже видѣлъ читатель въ забавномъ рассказѣ «Исповѣданіе жеманнихи»; то же самое мы находимъ и въ другомъ рассказѣ «Отъ дяди стихотворца Рюмоскрипа»; по словамъ Глинки, онъ особенно нравился Карамзину. Здѣсь Княжнинъ шутитъ и смѣется надъ современными *стихотворителями*, бездарными раемачами, которые въ правой рукѣ съ перомъ, а въ лѣвой съ риторикой, списывали цѣлыя стопы бумаги, считая себя поэтами. На такихъ *поэтовъ* первый ванахъ Сумароковъ, но у него встрѣчаемъ много личностей; Екатерина то же представляла ихъ; наконецъ не оставилъ ихъ въ покоѣ и Княжнинъ. Рюемачей онъ выводитъ въ своихъ «Чудакахъ» и отчасти въ «*Неудачномъ примирителѣ*», и, надо сказать, выводитъ въ такомъ отвратительномъ, уродливомъ, циническомъ видѣ, что читатель не смѣется, а морщится. Выставлять жалкихъ рюемачей въ такихъ видахъ была тогда мода; ихъ все такъ выставляли, хотя въ-самомъ-дѣлѣ, по паружности, они ни чѣмъ не отличались отъ прочихъ. Въ своемъ стихотвореніи Княжнинъ нѣсколько искусстве колеть парнас-

скую чернь. Здѣсь сначала онъ винить тѣхъ людей, которые, не желая нажать себя враговъ, хвалятъ все безъ разбора, особенно тяжеловѣсныя стихи *пѣть*, и, разумѣется, только приносятъ вредъ.

«Хотя изъ-подъшка въ кулакъ зѣваетъ самъ,
Но восхищается онъ явно каждой строчкой,
И всѣмъ любитъ и запятой и точкой.
«Куда», онъ говоритъ, «какъ это все ушло!
«Инымъ покажется запутано, темно;
«Но то и хорошо; одни лишь низки слоги
«Понятны всякому; а кто равно какъ боги,
«Высоко говоря, на крыльяхъ парить,
«Тотъ долженъ не понять и самъ, что говорить.
«То гость ли, коль творца такъ мало почитаютъ,
«Что безъ разбора все стихи его гитуютъ?
«Что приступъ всякому свободный, легкій къ нимъ?
«Что гернь безгостимъ изъ помятыхъ своимъ?» и проч.

Вотъ эти слова дѣйствительно колкая насмѣшка надъ тѣми риторическими писателями, которые выдавали за поэзію свою бессмысленную высокопарность. Такимъ-образомъ рѣмоскриптъ; слыша похвалу, начинаетъ свысока смотреть на себя; и здѣсь уже ни какія слова не могутъ разувѣрить его.

«Не лучше ли, скажи, честному человѣку
Подешшикомъ копать каваль нль чистить рѣку?
Не лучше ль улицу каменьями мостить?
Не лучше ль огурцы или морковь садить,
Чѣмъ глупый стихъ точа, какъ деревянну пѣшку
Разсудку здравому его казать въ насмѣшку?»
.....

Въ баснѣ «Меркурій и Аполлонъ, согнанные съ небесъ», Клекинъ намекаетъ на корыстолюбивыя интересы новѣйшихъ поэтовъ. Разсказъ его по остротѣ своей весьма занимателенъ. Зевесъ, поссорясь съ Аполлономъ и Меркуріемъ, свергнувъ ихъ съ небесъ на землю.

«Но если кто у насъ не хочетъ быть во глѣ,
Имѣть казну онъ долженъ непремѣнно.

Безъ денегъ все у насъ не цѣнно,
Безъ нихъ и боги здѣсь не стоятъ ничего».

На бѣду, безъ нихъ былъ и Аполлонъ съ Меркуріемъ. Чтобы не умереть съ голоду, они вздумали чѣмъ-нибудь промышлять между людьми. Меркурій говоритъ :

— «Мы станемъ торговать ;
Здѣсь всѣ живутъ торговлей ;
И кто хоть мало не дуракъ,
Тотъ корнится и такъ и сякъ :
Иные рыбной ловлей,
Иные соевъстью, иные и умою,
Который, если безуспѣшенъ,
Бываетъ очень грѣшенъ,
И онъ тогда зовется плутоостоломъ ;
А если есть успѣхъ, тогда съ покорствомъ
Его зовутъ проворствомъ....»

Всему этому не сочувствуетъ Аполлонъ :

«Начавъ какъ смертные проворить,
Возможеть здѣсь съ судьями мы повзорить,

говорить онъ, и предлагаетъ промышлять

«Товаромъ благороднымъ,
Однимъ богамъ природнымъ,
А имено умомъ,
Который просвѣщаетъ,
И добродѣтели внушаетъ....»
«Нѣтъ другъ, не сконимъ этимъ домъ.»
Меркурій отвѣчаетъ,
Который свѣтъ побольше знаетъ.

Но не смотря на это замѣчаніе, Меркурій соглашается съ Лато-
нинымъ сыномъ :

«Отправились безсмертны торгаша
Въ столицу славную на рынокъ,
Не много было съ ними скрынокъ ;
Хотя умомъ они и богача,
Да умъ не какъ товаръ ладна,
Не много жьсть займетъ.»

На рынках окружила боговъ толпа людей; всѣ спрашивали у нихъ всякаго товара, только объ умѣ никто не заикнулся. Аполлонъ уже нахмурился, и вотъ вдругъ

«Смѣльства краснобая

Отверзались уста.

Какъ всѣ купцы, свои товары похваляя,

Подобно онъ воспѣлъ: «Се время то наста,

«Въ которо надлежитъ вселенной просвѣтитъ!»

«Да не дерзнетъ никто изъ васъ надеждой льститься,

«Чтобъ мой товаръ обыкновенный былъ,

«Небесный онъ товаръ, товаръ неоцѣненный!»

«И должно, чтобъ его для духа всякъ купилъ.»

Наконецъ Аполлонъ объявилъ коротко и ясно, что онъ торгуетъ умомъ; всѣ покупатели крѣпко захохотали. Тутъ онъ увидѣлъ, что ошибся въ своихъ расчетахъ:

Съ тѣхъ поръ со сеголь Меркурію послушнѣ,

Свооргивъ Аполлонъ, наклепщикъ, малодушнѣ.

Еще болѣе сатиры мы встрѣчаемъ въ подобномъ же рассказѣ Новикова, гдѣ описывается успѣхъ трехъ богинь, сошедшихъ съ Парнаса на землю — торговать совѣстью, умомъ и деньгами.

Тѣмъ же самымъ насмѣшливымъ характеромъ отличаются и всѣ басни Княжнина; по своему внѣшнему изложенію онъ гораздо выше сумароковскихъ, но врядъ ли могутъ сравниться съ баснями Хемницера, который отличается особымъ складомъ и тономъ; басни Дмитріева по своей отдалкѣ и колориту языка также стоятъ выше княжнинскихъ. Не будемъ сравнивать Княжнина съ Крыловымъ, потому что между ними нѣтъ ничего общаго.

Княжнинъ не можетъ назваться баснописцемъ въ строгомъ смыслѣ, такъ какъ баснописца нельзя назвать комикомъ или чистымъ сатирикомъ: онъ не думаетъ развивать какой-нибудь поучительной мысли въ дѣйствіи и въ картинѣ; — нѣтъ, онъ только хочетъ *кольнуть* какую-нибудь слабость, пошутить, посмѣяться, намякнуть на *современность*. Таковы его басни «Меркурій и Рѣщикъ», «Добрый Совѣтъ», «Судья и Воръ», «Улисъ и его спутники» и др. Такимъ-образомъ онъ по своему передвѣлалъ всѣмъ извѣстную басню: «Дубъ и Трость». Вотъ какъ Крыловъ и другіе описываютъ за-

ракторъ гибкой тросты, надъ которой такъ поумолено омылся гор-
дый дубъ :

«Ты очень жалостливъ», сказала трость въ отвѣтъ,
«Однако не крушись, нѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасася;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало нѣтъ вредятъ;
Едва-ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
Те прииди, что еще досадѣ нѣтъ смѣрность
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но подожденъ конца.
Едва лишь это трость сказала
Вдругъ ичтисъ съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится; *изъ землю тростинкою припала.*

Совсѣмъ другой характеръ тросты давалъ Княжиннъ; онъ и надъ ней
никъ-будто омылся, какъ надъ пошленькимъ, низкопоклоннымъ су-
ществомъ *; такимъ-образомъ басня его не представляетъ ничего
поучительнаго. Выписываемъ часть ея :

Но вотъ нахмура брови черны
И вѣтрину борей разянувъ хлябь,
Съ дождемъ мѣшая пыль, кричить: все бей, все грабь
Уклончивая трость
Опять согнувъ хребтову кость
Покорно бьетъ челомъ, ему упавши въ ноги.
Не прикоснулася Борсева къ ней злость
Безвредно ей онъ ичтисъ по дорогѣ.

Наконецъ «Попугай» (если не поэма такъ сказка) — легкій и забав-
ный рассказъ, переданный изъ пѣснь Гроссета; это очевидно сатира,
но только трудно догадаться на что именно мѣлтъ авторъ.

Человѣкъ съ чувствительнымъ сердцемъ особенно способенъ къ раз-
драженію; но если у него еще свѣтлый, здравый умъ, если онъ выше

* Вотъ какъ Княжиннъ опредѣляетъ трость въ своемъ толковомъ
словарѣ:—растене, похожее на льстецовъ, которые при маленькомъ
шорохѣ знатныхъ господъ всегда приклоняютъ свои сныны.

всего ставить истину и правду, не тяготится ими въ своихъ поступкахъ, а напротивъ обожаетъ ихъ какъ святѣйшія и прекраснѣйшія свойства, приближающія человека къ его Творцу, тогда его раздраженіе будетъ желчное, сатирическое, оно голосомъ своего справедливаго негодования зазвучитъ неумолимо противъ всѣхъ наглыхъ оскорбителей святой истины. Это отчасти представляетъ намъ и «Толковый Словарь» Княжнина. Здѣсь мы безпрестанно встрѣчаемъ намеки, колкости, нападки на современность: на многія ея видимыя пороки стремленія Княжнина не могъ смотрѣть хладнокровно. Характеръ «Словаря» нельзя опредѣлять однимъ словомъ; ясно, что въ немъ опредѣленія словъ производились подъ различными влияніями и впечатлѣніями, которыя приписались автору многообразными минутами жизни. Иногда онъ просто шутитъ, какъ комикъ, то удачнымъ сравненіемъ, то острымъ словомъ, то чѣмъ-нибудь другимъ, что срываетъ легкую улыбку съ устъ читателя, какъ напримѣръ:

- Щеголь* — первый переходъ природы отъ обезьяны къ человеку
Фижмы — женская оборона, которая заставляетъ любовниковъ вздыхать аршина за три.
Иерокъ — воръ, который воруетъ безъ оглядки, и другіе.

Подобныя шутки встрѣчаются всего чаще надъ поэтами, писателями, врачами и подъячими.

Иногда встрѣчаемъ насмѣшку, и часто весьма злую — вотъ напримѣръ:

- Родословная* — вѣрная опись всѣмъ мертвымъ дѣдамъ и пра-
 дѣдамъ.
Правдивенность — есть та часть философіи, которую гораздо болѣе
 толкуютъ, меньше всего исполняютъ.
Важность — маска дураковъ, а особливо ученыхъ.
Гордость — огромная вывѣска самой маленькой души.

Но есть много и такихъ выраженій, которыя обьжали съ пера Княжнина въ самыя раздражительныя его минуты, когда онъ встрѣчалъ торжество неправды, когда разочаровывался въ благородствъ своего собрата, когда наконецъ видѣлъ преобладаніе бездушнаго матеріализма надъ всеми прекрасными стремленіями души. Въ это-то время желчно

говорилъ Княжнинъ, что *богатство* есть сильное свидѣтельство о способностяхъ ко всему; что *бѣдность* есть уничтоженіе всѣхъ нашихъ дарованій; что *совѣсть* есть сердечный караульщикъ, который однако жъ часто спитъ; что *уваженіе* нынѣ раздѣлено по сословію богатствъ; *умѣть жить* значить умѣть льстить.

И много, много есть подобныхъ выраженій; нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, относятся къ случаямъ, которые удалось испытать самому Княжнину.

Иногда онъ выражаетъ какое-то безотрадное воззрѣніе на жизнь чловѣка, — философскіе выводы взятые прямо изъ опытовъ жизни; здѣсь уже нѣтъ ни насмѣшки, ни сатиры, а напротивъ есть что-то грустное и разочарованное:

Младенецъ — новое лице въ этомъ мірѣ для претерпѣнія разныхъ бѣдъ.

Мгновеніе — терминъ нашихъ веселій; изображеніе нашей жизни.

Доволенъ — сіе чувствованіе столь же отъ насъ далеко бѣжитъ, какъ должникъ отъ займодавца.

Наконецъ въ томъ же «Словарѣ» находимъ множество философскихъ объясненій словъ безъ всякаго отношенія къ какому-нибудь лицу или современности, какъ напримѣръ:

Вселенная — театръ чловѣческихъ дѣяній.

Гробъ — предѣлъ желаній.

Зима — аллегорическій видъ нашей старости.

Обстоятельства — болѣе творятъ преступниковъ нежели самыя умыслы.

Вотъ какой характеръ «Толковаго» словаря Княжнина; въ немъ авторъ выразилъ себя, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ; черезъ него мы знакомимся со многими минутами жизни нашего писателя, — это не были минуты счастья, довольства, отрады; съ ними, кажется, рѣдко встрѣчался Княжнинъ; по-крайней-мѣрѣ онъ никогда не искалъ ихъ недостойными средствами, какъ самъ онъ говорить:

«Однѣ заслуги чтя, шол не подла муза;
 Бѣжа ворованаго со лестію союза
 Въ терпѣніи своемъ, несчастна, но тверда,
 Не приносила жертвъ фортумъ никагда».

ИЛИ

*«Для добродѣтели на ось бѣды стремиться,
Любить отечество и смерти не страшиться,
Для счастья своего не лишиться страстильмь людей:
Вотъ это я сохранилъ всегда въ душѣ любви.»*

Ж.

До-сихъ-поръ мы знакомымы съ личнымъ характеромъ Княжнина изъ собственныхъ его сочиненій: въ доволноне всѣхъ нашихъ выводовъ приведемъ сказанія нѣкоторыхъ его современниковъ, которые старались въ нѣсколькихъ словахъ представить этого писателя: «Сложеніе имѣлъ онъ склонное къ меланхолиі, говоритъ преосвященный Евгений, но оживлялся привычною дѣятельностью; чувствованій онъ былъ постоянныхъ, и въ дружбѣ твердъ, въ обращеніи привѣтливъ, а въ спорахъ уступчивъ; склоненъ къ услугамъ и благодареніямъ.... Можно-было ожидать отъ сего писателя гораздо болѣе образцовыхъ, превосходныхъ твореній; если бы съ одной стороны хозяйственнаго недостатка, а съ другой обязанности должностей не отвлекала его вниманія».

Это изображеніе свойствъ Княжнина, свидѣтельствуеъ и другое лицо (не знаемъ его имени): «тихий, благонаправный характеръ, обработанный чтеніемъ и опытами всей его жизни, привлекалъ къ себѣ любовь и уваженіе тѣхъ, которые были съ нимъ знакомы, и тѣхъ, которые только что слышали о немъ. Бывъ занятъ различными должностями, объемяющими большой кругъ, удовлетворялъ онъ желаніямъ бѣднаго, ожидающаго подаванія. Со всеми знакомыми былъ одинаковъ, не уважалъ старость, почиталъ достоинства, не пренебрегалъ бѣдныхъ, не отличалъ богатыхъ, не кланялся гордымъ, не искалъ случайныхъ, и не старался отличить себя въ другомъ лицѣ. Ласковый, обходительный видъ, пріятнѣйшая улыбка привѣтствовали каждаго докреннѣйшею пріязнью; всякій, кто только начиналъ говорить съ нимъ, напередъ уже видѣлъ, что поэтъ сей устремляетъ къ словамъ его все свое вниманіе; хотя бы разговоръ клонился къ самымъ ничтожнымъ вещамъ, но онъ никогда не терялъ внимательнаго вида, чтобы тѣмъ не огорчить своего собесѣдника. Удалялся отъ всѣхъ ссоръ, отъ всѣхъ споровъ, какъ отъ самыхъ опаснѣйшихъ случаевъ.

Онъ всегда говаривалъ : тутъ самолюбіе людей имѣеть необузданную власть надъ всеми чувствами, и заставляетъ вооружаться на всѣхъ сопредельниковъ самымъ жесточайшимъ образомъ. И для того часто ведаетъ свое мнѣніе, и видя, что его съ завальчивостью отвергаютъ, защищалъ себя однимъ молчаніемъ. Но совсѣмъ тѣмъ любилъ слушать чужія распри, любилъ въ это самое время примѣчать взмѣненіе острастей человеческихъ, чтобы дать болѣе дѣйствія вѣсти своей въ начертаніе различныхъ характеровъ. Зная совершенно сердце человеческое, онъ всегда предвидѣлъ, кому можно сказать правду, кому нѣтъ; и такъ небольшое число людей наслаждалось его отъ нашего писателя. Коль скоро онъ открывалъ свое мнѣніе о какихъ-нибудь погрѣшностяхъ, то взоръ его быстро проникалъ въ глубину души того, съ кѣмъ онъ намѣревался говорить откровенно; страшась навлечь себя на неприятелей, онъ лучше желалъ быть болѣе скрытенъ, нежели менѣе любимъ»....

Ко всему этому присоединимъ еще одно свидѣтельство С. Н. Глинки: «По привычному чувству любви къ человечеству, говорить онъ, Княжнинъ у себя въ домъ не могъ видѣть печальнаго лица; часто случалось съ нимъ, что въ дождливую погоду, взявъ денегъ, чтобы отправиться на дрожкахъ въ кадетскій корпусъ, гдѣ онъ былъ учителемъ словесности въ старшемъ возрастѣ, онъ отдавалъ тѣ деньги слугѣ, который или по какой либо причинѣ, или и умышленно казался печальнымъ: «На, братецъ, говорилъ онъ: будь повеселѣе»; и въ корпусъ на кафедру словесности приходилъ въ скромномъ сюртукѣ, запрысканномъ дождемъ»....

Княжнинъ, какъ и всѣ другіе современные ему писатели, не развивалъ и не могъ развивать никакихъ идей въ сѣнѣхъ сочиненій; если для такого развитія не было еще готово самое общество, занятое окончательнымъ утвержденіемъ вѣщности европейской жизни, то какъ же онъ могъ вполне отдѣлаться отъ своей современности? онъ подобно прочимъ развивалъ вѣщность литературы, форму искусства, выражая въ то же время тѣ благородныя стремленія, какія хотѣла возбудить Екатерина въ сердцахъ своихъ подданныхъ, своими вѣщными постановленіями и учрежденіями.

Такимъ-образомъ Княжнинъ былъ комикъ по таланту, трагикъ

по страсти; по влеченію къ славъ, сатирикъ по чувствительному направленію сердца, и наконецъ *человѣкъ* по ясному сознанию ума.

Съ такими качествами и способностями, онъ проводитъ зрѣлую жизнь свою въ беспрестанной дѣятельности и всегда вѣрный самому себѣ. Наконецъ настала сорокъ-девятый и послѣдній годъ его жизни. Онъ не поберегъ себя, простудился, и впалъ въ жестокою горячку. Здѣсь мы приведемъ слова одного (неизвѣстнаго намъ по имени) современника Княжнина и, вѣроятно, очевидца послѣднихъ дней и минутъ его жизни: «Злая горячка, говоритъ онъ, лишила Княжнина всѣхъ силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ врачи, которые старались подать способы, чтобы заградить путь его ко гробу, увидѣли искусство свое ничтожнымъ. Въ десять дней болѣзнь въ немъ до того увеличилась, что онъ не въ состояніи былъ повелѣвать своими членами. Въ послѣдній вечеръ, когда дневной свѣтъ навсегда скрылся отъ глазъ его, когда родственники, друзья, видѣли приближеніе къ нему неминуемаго часа, въ сей вечеръ — печальный и послѣдній — призванъ былъ уже къ нему душевный врачъ. Онъ открылъ слабыя взоры свои, и съ нѣкоторою радостною улыбкою какъ будто преступилъ за рубежъ гроба, и видѣлъ событіе утѣшительныхъ надеждъ христіанина; простеръ руки къ духовнику своему, который, принявъ отъ него признаніе, утѣшалъ путь его совершеніемъ всѣхъ христіанскихъ должностей. Въ полночь предалъ онъ духъ свой Отцу всѣхъ міровъ*. Такимъ образомъ на 14 число января 1791 года**, прекрасная душа Княжнина оставила свое истомленное тѣло; въ немъ, можетъ-быть, много, много перестрадала и перечувствовала она при своемъ постоянномъ стремленіи къ истинѣ; но за все это она вѣрно нашла блаженное услокоеніе тамъ, гдѣ въ ясномъ, неизмѣнномъ образѣ чудно блеститъ вѣчная истина.»

Прахъ Княжнина покоится на Смоленскомъ кладбищѣ; тамъ на его могилѣ былъ поставленъ памятникъ изъ простаго дикаго камня, съ изображеніемъ одного его имени.

* Краткая біографія Княжнина при его сочиненіяхъ, изданныхъ въ 1817 году.

** На этотъ годъ указываютъ С. П. Глинка и еще одинъ (безъименный) біографъ Княжнина, но по словамъ преосвященнаго Евгенія, Княжнинъ умеръ въ 1789 году. Мы не могли видѣть могилы нашего писателя, чтобы уничтожить это разногласіе.

Къ памятнику и къ портрету Княжнина написано нѣсколько надписей послѣдующими стихотворцами; вотъ наприкладъ нѣкоторые изъ нихъ :

КЪ ПОРТРЕТУ.

Се образъ Княжнина, кого за лирный гласъ
И сами граціи украсили короной;
Напрасно мыслимъ мы, что въ Греціи Парнасъ;
Онъ здѣсь воздвигъ его Росславомъ и Дидоной.

Смотри! на полотнѣ изображенъ Княжнинъ,
Достигшій чрезъ дары до Пиндовыхъ вершинъ,
Любимецъ Таіи, наперсникъ Мельпомены,
Былъ зять, совѣтникъ сталъ писателя Ильинны *.
Покорны вѣжности чувствительны сердца,
Вѣчайте похвалою Дидонина творца!

КЪ ПАМЯТНИКУ.

Увлѣлъ Парнаса Россомъ кривъ!
Подъ камень снѣгъ сокрытъ Княжнинъ;
Творенія его Россія не забудетъ—
Онъ былъ, и нѣтъ его— онъ есть и вѣчно будетъ!

Такія поминки творили по Княжнинѣ русскіе стихотворцы первыхъ годовъ нашего столѣтія. Сынъ Княжнина, Александръ Яковлевичъ, писалъ также для театра, и особенно извѣстенъ своими комедіями «Ямъ», въ одномъ дѣйствіи, «Посидѣлки»,— слѣдствіе «Яма», въ одномъ дѣйствіи, «Дзвинщикъ или Филаткина свадьба» слѣдствіе, «Яма и Посидѣлокъ», въ одномъ дѣйствіи (всѣ онѣ напечатаны въ 1809 году). Кромѣ ихъ есть еще три его комедіи: «Женихъ трехъ невестъ», въ одномъ дѣйствіи съ принадлежащимъ къ ней балетомъ (1807 года), «Амуръ-судья, или споръ трехъ грацій», въ одномъ дѣйствіи (1820 года); «Мужья, женихи своихъ женъ», въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ (1825 года). Есть еще двѣ его драмы: «Ан-

* Сумароковъ.

«Промеда и Персей», съ хорами и балетами (1802 года) и «Пирсон и Улисъ», съ хорами и балетами; наконецъ еда на дровьхъ 1815 годъ. Но сынъ не имьлъ ни такого таланта, ни такого влїянїя на литературу, какїя имьлъ его отецъ.

Сочиненїя Якова Борисовича Княжнина имьли ньскольکو изданїй: первое — «Собранїе сочиненїй Якова Княжнина», четыре части. Санктпетербургъ, въ типографїи Горнаго училища — 1787 года. Оно было напечатано на счетъ Императрицы Екатерины. Послѣ этого года Княжнинъ написалъ еще ньскольکو сочиненїй, и они составили пятую часть при второмъ изданїи, печатанномъ въ Москвѣ, въ типографїи Рышетникова, 1802-1803 года. Третье изданїе подѣ заглавнїемъ: «Сочиненїя Якова Княжнина (съ его портретомъ и краткой біографїей), пять частей. Санктпетербургъ, въ типографїи Глазунова, 1817-1818 года. И наконецъ четвертое — изданїе Смирдина — «Полное собранїе сочиненїй Русскихъ Авторовъ»; здьсь все произведенїя Княжнина распределены на двѣ части, въ одной — трагедїи и двѣ стихотворныя комедїи, въ другой все остальное; печатаны въ типографїи книжнаго магазина П. Крашенинникова и Компанїи, 1847-1848 года.

В.А. СТАЮНИНЪ

=

БЕТГОВЕНЬ.

=

Людвигъ-Ванъ-Бетговеиъ родился въ Боннѣ на берегахъ Рейна, 17 декабря 1770 года. Родители его были Голландцы изъ Местриха.

Отецъ, занимавшій мѣсто въ курфирстской капеллѣ, училъ сына, съ самаго южнаго возраста, первымъ началомъ музыкальнаго искусства. Пользовавшися сначала советами органиста курфирстскаго двора, Вандеръ-Эдена, молодой Бетговеиъ былъ потомъ върѣиъ воспитанъ Нессеа, пресмыка Вандеръ-Эдена. Нессеъ, найдя въ воспитаникѣ организацию высшаго разряда, горькую нетерпѣливостъ преодолѣть преграды, замедлявшія полетъ ея, посвятилъ его безъ дальнѣишхъ предисловій въ таинства великихъ композицій Себастьяна Баха и Генделя.

Воображеніе Бетговена воспламенилось отъ сопряженія къ могучимъ музыкантамъ, къ которымъ онъ всю жизнь питалъ глубокое благоговѣніе. Следствіемъ этого разбора было глухое броженіе, неподолжимая потребность утвердить молніи, мелькавшія въ душѣ его. Бетговеиъ выучился композиціи почти такъ же, какъ Монтанъ изучилъ латинскій языкъ, безпрестанно общался съ мыслью учителей, питался жизнью, чтобы воспроизвести жизнь. Эту методу, совершенно исключительную, которую въ наше время издумали было сдѣлать общою, должно употреблять съ большою осторожностью и только въ отношеніи натуръ богатырскихъ, въ которыхъ вдохновеніе преобладаетъ надъ всеми другими способностями.

Въ 1790 году, Бетговеиъ, двадцати лѣтъ отъ роду, похалъ въ Вану,

съ намѣреніемъ увидѣть и услышать тамъ Моцарта. Онъ явился къ автору «Донъ-Жуана», съ рекомендательнымъ письмомъ. Моцартъ, судя по тому, что ему писали о молодомъ человѣкѣ, который стоялъ передъ нимъ, дрожа отъ благоговѣйнаго волненія, посадилъ его за фортепьяно, прося сыграть что-нибудь. Бетговенъ повиновался съ поспѣшностью и въ восторгъ, что играетъ передъ великимъ творцомъ музыкальнаго искусства, началъ импровизировать изумительнымъ образомъ. Моцартъ сначала не обращалъ на то большого вниманія, въ увѣренности, что молодой человѣкъ игралъ піесу, выученную наизусть.

Обиженный этимъ равнодушіемъ, Бетговенъ попросилъ своего судью выбрать ему тему.

— Охотно, отвѣчалъ Моцартъ. «Поймаю же я тебя» подумалъ онъ.

Взявъ перо, онъ написалъ сюжетъ, содержавшій одну изъ тѣхъ святой музыкальной діалектики, которая употребляется въ школахъ для упражненія воспитанниковъ въ искусствѣ сочинять. Будучи еще неопытенъ въ искусствѣ владѣть хитросплетеніями контрапункта, Бетговенъ, угадавъ хитрость учителя, началъ развивать заданную ему идею, съ такой оригинальностью и силой, что Моцартъ, пораженный его необыкновенной способностью, всталъ тихо со стула и на цыпочкахъ пошелъ въ сосѣдную кимнату, гдѣ находилось нѣсколько его приятелей.

— Посмотрите хорошенько на этого юношу, сказалъ онъ, когда-нибудь онъ надвѣяетъ въ свѣтъ шуму.

Такимъ-образомъ Сялла предсказалъ будущее величіе юнаго Цезаря.

Бетговенъ, котораго талантъ для импровизаціи, былъ также изумителенъ на органѣ, какъ и на фортепьяно, получилъ мѣсто органиста при курфирстскомъ дворѣ. Курфирстъ сдѣлалъ еще больше: онъ назначилъ ему содержаніе, для окончанія музыкальнаго образованія въ Вѣнѣ. Черезъ два года послѣ смерти Моцарта, въ 1793 году, Бетговенъ снова увидѣлъ столицу Австріи. Словно руководимый предчувствіемъ, Бетговенъ обратился сначала къ Іосифу Гайдну и хотѣлъ стать подъ покровъ отца симфоніи, но этотъ великій музыкантъ, уѣзжая тогда въ Лондонъ, посоветовалъ молодому человѣку обратиться къ Альбрехтсбергеру. Альбрехтсбергеръ былъ ученый контрапунктистъ, одинъ изъ тѣхъ строгихъ блюстителей правилъ, которые безъ раз-

бере принималихъ нѣ къ самымъ различнымъ организаціямъ. Между учителемъ и ученикомъ скоро началась борьба, борьба наставленій съ фантазіей, музыкальнаго преданія съ независимостью. Какія Бетговетъ не дѣлалъ усилія, чтобы подчиниться предначертанной ему рамкѣ, воображеніе его постоянно перепрыгивало за преграды и никогда не могъ онъ достигнуть того, чтобы свободно управлять отвлеченными формами музыкальной діалектики. Будь Бетговетъ помягче и способнѣе къ принятію отпечатка преданій, создалъ ли бы онъ *пасторальную симфонію*?

Смерть кельнскаго курфирста лишила Бетговена пенсія, единственнаго его пособия и будущности, ожидавшей его при дворѣ его покровителя. Онъ рѣшился остаться въ Вьнѣ, куда призвалъ своихъ двухъ братьевъ, которые, поселившись вмѣстѣ съ нимъ, взяли на себя управленіе хозяйствомъ, чтобы Людовику можно было свободнѣе заниматься искусствомъ. Не смотря на извѣстность, уже огромную, и день отъ дня распространявшуюся, этотъ необыкновенный человекъ находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, потому что жилъ только доходами съ своихъ концертовъ и продажи рукописей, за которыя получалъ весьма незначительныя суммы.

Или австрійскій дворъ отвлекали военныя дѣла, или онъ не успѣлъ еще оцѣнить этотъ грандіозный и новаторный геній, только онъ ничего не сдѣлалъ для облегченія положенія Бетговена. Видя себя оставленнымъ правительствомъ той страны, въ которой поселился, Бетговетъ рѣшился принять мѣсто капельмейстера, предложенное ему въ 1807 году вестфальскимъ королемъ Іеронимомъ Бонапарте. При этомъ извѣстнъ, три отличные любители музыки, эрцгерцогъ Рудольфъ, князь Лобковичъ и графъ Кинскій сложились, чтобы удержать въ Австріи человека, составлявшаго ея славу. Формальнымъ актомъ утвердили они Бетговету годовой пенсіонъ въ четыре тысячи флориновъ пожизненно или до того времени пока онъ получитъ мѣсто съ такимъ жалованьемъ. Тронутый этимъ глубокимъ участіемъ, Бетговетъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Поселившись въ Вьнѣ, или скорѣе въ хорошеvkой Баденской деревнѣкѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы, Бетговетъ посвятилъ свою скромную жизнь созданію множества образцовыхъ произведеній и умеръ 26 марта 1827 году, пятидесяти-семн лѣтъ отъ роду.

Бетговетъ былъ грустнаго и молчаливаго характера. Съ 1796 года

началъ онъ чувствовать принадлежн самой страшной болѣзни, которая только можетъ постигнуть музыканта: онъ оглохъ! Эта болѣзнь, устойчивая противъ всякъ лекарствъ, дотогу увеличилась съ лѣтами, что Беттовень былъ навсегда лишенъ счастья слышать неслыханно собственныя свои произведенія. Мрачное отчаянiе овладѣло снчашъ великимъ человекомъ; недугъ этотъ казался ему безсмысленнымъ для музыканта и онъ нѣсколько разъ замышлялъ прекратить жизнь свою.

— Одно искусство удержало меня, говорилъ онъ часто другу своему Зейфриду. Мнѣ казалось невозможнымъ оставить мiръ прежде чѣмъ я передамъ все, что чувствовалъ въ себѣ. Такимъ-образомъ продолжалъ я вести эту презрѣнную жизнь, о! очень презрѣнную! съ такой неравной организаціей, что бездѣлица можетъ заставить меня перейти отъ состоянiя самого счастливаго къ самому мучительному.

Гендель, который въ старости потерялъ зрѣнiе и выразилъ свое горестъ въ чудной ариі своей оратори «Самсонъ»: *Notte crudele, notte elegna!* имѣлъ по-крайней-мѣрѣ утѣшенiе, слушать отголосокъ своей скорби, а Беттовень, отлученный отъ мiра гармонiи, долженъ былъ сосредоточить свою огорченную душу въ самой себѣ, и слышать только таинственное пѣнiе своего идеала! Онъ сдѣлался угрюмымъ, убѣгалъ веселостей, всегда одинокій, погруженный въ размышленiя, находилъ удовольствiе только въ долгихъ прогулкахъ, которыя дѣлалъ аккуратно каждый день во всякое время года. Если замѣчалъ, что кто-нибудь старался къ нему приблизиться, густыя брови его вдругъ нахмуривались и онъ поворачивалъ на другую дорогу. И потому жители Вѣны, знавшiе его и по виду и по репутациі, усматривая его издали съ склоненной головой и съ руками, сложенными за спиною, посторонялись съ уваженiемъ, говоря тихо: «Вотъ Беттовень!»

Онъ былъ средняго росту, сложенiя крѣпкаго и сильнаго, съ сердцемъ, наполненнымъ очаровательнымъ существомъ, котораго имя могло измѣняться, не переставъ быть однимъ и тѣмъ же. Каждый поэтъ, каждый живописецъ, каждый музыкантъ носитъ въ груди своей идеалъ, напечатланный тамъ женщиной въ благопріятную минуту жизни, идеалъ, который смыивается съ сущностью души нашей какъ слова, начертанныя на корѣ дерева, и растетъ и умираетъ съ нами.

Байронъ, среди оргiй и бурь, въ которыхъ закружился его гонiй, никогда не забывалъ свѣтло-русую дѣвушку, съ девяти-лѣтняго воз-

роста заставившуте въ первый разъ биться его сердце. Соната въ цѣ дѣше пѣсенъ и баллада, известная подъ названіемъ «Аделаиды», содержатъ жгучее выраженіе страсти Бетговена къ женщинамъ.

— Одна любовь можетъ дать мнѣ счастье, говорилъ Бетговенъ; Боже Всемогущій! даруй мнѣ счастье любить и быть любимымъ, потому что любовь утверждаетъ меня на пути добродѣтели.

Умъ Бетговена былъ образованъ. Онъ очень хорошо зналъ литературу своего отечества и особенно любилъ Гёте и Шиллера. Любимая его книга, которую онъ читалъ безпрестанно, была «Одиссея» Гомера; романы Вальтеръ-Скетта тоже чрезвычайно ему нравились. Въ послѣдніе годы жизни онъ даже занимался философическими умозрѣніями. Когда при веймарскомъ дворѣ узнали о его болѣзни, Гуммель, который тамъ находился и уже нѣсколько лѣтъ былъ въ ссорѣ съ своимъ другомъ, тотчасъ поскакалъ въ Вьну на почтовыхъ, и въ слезахъ явился передъ постелью умирающаго. Бетговенъ узналъ его, протянулъ руку и сердечное объятіе было залогомъ къ примиренію.

Творенія Бетговена одни изъ огромнѣйшихъ: оперы, обѣды, ораторіи, симфоніи, увертюры, квартеты, сонаты, прелюдіи, кантаты, баллады, пѣсни, словомъ все формы музыкальнаго искусства. Но не смотря на всю красоты въ «Фиделію», обѣдняхъ и вообще во всехъ носалъ для пѣнія, величіе и оригинальность этого несравненнаго мастера блистаютъ въ музыкѣ инструментальной и особенно въ симфоніи. Его эпическому воображенію трудно было сдерживаться въ ограниченной рамѣ человеческого голоса и подчиняться законамъ драматической логики. Лишенный способности судить объ эффектѣ задуманныхъ имъ вещей, пылкій и грандіозный его геній постоянно перескакивалъ за границы человеческой дѣйствительности и дышалъ свободно только въ безграничномъ пространствѣ.

Въ твореніяхъ Бетговена замѣчены двѣ манеры. Въ первой онъ подражаетъ Моцарту, котораго муза убаюкивала его дѣтство, воспроизводитъ его вѣжность, очерки и что-то изъ его восхитительной граціи. Во второмъ Бетговенъ мало-по-малу отдѣляется изъ среды этого свѣтлаго эира, который обвиваетъ его со всехъ сторонъ, присвоиваетъ себѣ стихи, которыми питался сначала, и вдругъ поднимается, оживленный новымъ духомъ. Такъ бываетъ всегда. Артисты, самые оригинальные, все начинаютъ подражаніемъ или руково-

дивинему ихъ учителю или тому, кто былъ въ славѣ, когда они начинали творить. Оригинальнымъ нельзя сдѣлаться по своей волѣ. Сначала они увлекаются жизнью всѣхъ и преклоняются передъ признанными учителями искусства, потомъ вызываютъ свое собственное вдохновеніе, и прогрессъ совершается, не разрывая цѣпи преданій.

Мы не войдемъ въ техническія подробности сонатъ, тріо, квартетовъ, и особенно девяти симфоній Бетгоvena, которыя извѣстны цѣлому міру, и упомянемъ только объ общемъ характерѣ его гeнiя.

Гeнiй Бетгоvena, въ періодъ своего окончательнаго развитія, отличается смѣлостью и величіемъ. Освободившись отъ Моцартова вліянія, онъ отбрасываетъ извѣстныя формы и прислушивается только къ гoлосу, раздающемуся въ груди его. Пылкое воображеніе его стремится въ пространство, гдѣ парить съ восторгомъ, не заботясь, последуютъ ли за нимъ въ его смѣломъ полетѣ. Онъ увеличиваетъ, преобразовываетъ раму симфоніи и придаетъ каждой части новую физіономію. Ритмы его сильны, инструментовка могуча и разнообразна. Онъ находитъ сочетанія тембровъ великопѣннаго блеску и ряды аккордовъ новые и изумительные. Вездѣ въ его твореніяхъ чувствуешь мысль обширную и глубокую, восхитительную фантазію, которая развивается безъ заботы о будущемъ, а потомъ ѣдкую грусть и задумчивость.

Оркестръ, которымъ Бетгоvenъ управляетъ рукою могучею, который онъ воздымаетъ и утишаетъ по своей волѣ, который попеременно гремитъ, смѣется, стонетъ и вздыхаетъ, кажется голосомъ всеобщей жизни, крикомъ созданія, пробужденнаго вдругъ магіей искусства.

= .

ДРЕВНІЯ ІСТОРИЧЕСКІЯ САГИ ПЕРСІИ.

Читая сочиненія греческихъ историковъ, каждый бывалъ, вѣроятно, пораженъ намеками ихъ на обширный политическій міръ на Востоку, почти чуждый ежедневнымъ событіямъ и жизни, среди которыхъ писаны эти лѣтописи. Персидская монархія является у нихъ только огромною, неопредѣленною тѣнью; видно однако же, что тѣнь эту бросаетъ прочное, хотя отдаленное тѣло; какъ бы мало она была известна Грекамъ, однако же ни минуты нельзя сомнѣваться въ ея дѣйствительности. Мужи, которыхъ мудрость и мужество воззвали ее къ существованію, были истинные герои; и если бы мы могли воскресить утраченныя лѣтописи Персіи, немногія, можетъ-быть, страницы въ древней исторіи были бы занимательнѣе и любопытнѣе періода отъ рожденія Кира до завоеваній Александра-Великаго. Онъ представили бы не простую картину восточныхъ жестокостей и деспотизма, но гораздо важнѣйшую исторію: именно, исторію *героическаго* *эпоха* народа, когда онъ только что начинаетъ жить и мыслить. Въ нихъ могли бы мы прослѣдить начало могущественной державы, которой суждено было имѣть такое огромное вліяніе на судьбу древней цивилизаціи.

Но эти лѣтописи утрачены, и, по всемъ вѣроятіямъ, безвозвратно. Открытія новѣйшихъ ученыхъ, напримѣръ объясненіе майоромъ Роллинсономъ древнихъ надписей, найденныхъ на Бегистунскихъ скалахъ, могутъ служить только повѣркою тому, о чемъ мы прежде догадывались; надписи эти очень любопытны, потому что дѣйствительно переносятъ насъ въ тѣ давнепрошедшія времена, о которыхъ мы говорили выше; но онѣ мало открываютъ такого, чего бы мы не знали уже изъ другихъ источниковъ. Не смотря на то, онѣ имѣютъ несо-

мнѣнію заслугу въ томъ, что подтверждаютъ *неоспоримыми* доказательствами. Притомъ нельзя не ощущать особеннаго удовольствія, читая эти современные памятники, слыша настоящія персидскія имена, тѣ самыя, которыя употребляли Гиппій и Омистокль когда были при дворѣ великаго царя. Камбизъ, Гистаспъ, Дарій, Ксерксъ являются тутъ подъ настоящими своими названіями Кабуджін, Ваштасы, Дарьявуша и Кишарини, а не подъ именами, составленными по законамъ чужаго языка. Известное династическое названіе персидскихъ царей, Ахемениды, очевидно есть искаженіе слова Гакхаманишіа, слѣдующаго безпрестанно за именемъ Дарія; въ именахъ Гаубриы и Мардуниа не трудно узнать Гобрія и Мардонія.

Открытіе этихъ надписей принадлежитъ бесспорно къ числу самыхъ важныхъ открытій, сдѣланныхъ нашимъ вѣкомъ въ исторіи древности. Мы рѣшительно не знаемъ, кромѣ открытій въ Египтѣ, ничего, что могло бы идти съ ними въ сравненіе; разве явится что нибудь еще болѣе изумительное, какъ привидніе, изъ развалинъ Ниневіа, въ чемъ можно усомниться. Какъ ни любопытны новѣйшія изысканія въ Бактріи и Индіи, гдѣ ориенталисты прослѣдили на монетахъ и въ ихъ разнообразныхъ надписяхъ, всю исторію колоній, учрежденныхъ Александромъ-Македонскимъ во время его бурнаго шествія; раскрыли въ нихъ тайны современныхъ имъ перемѣнъ династій, и на истеченныхъ временемъ камняхъ разобрали списки договоровъ, заключенныхъ индусскими царями съ Антиохомъ-Великимъ: однако же всѣ эти открытія далеко уступаютъ въ интересѣ открытіямъ маіора Ролинсона. Тѣсная связь ихъ съ рассказомъ Геродота придаетъ имъ невыразимую прелесть; повѣствованіе его подтверждается современными памятниками, которые были ему совершенно недоступны, и которые оставались тайною впродолженіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, пока европейская наука не разрушила чары.

Эти клинообразныя надписи разобраны соединенными усиліями нѣсколькихъ ученыхъ разныхъ земель, съ болѣе или менѣе вѣрныхъ списковъ отдѣльныхъ частей, которые были въ разныя времена привозимы въ Европу. Профессоръ Гротесендъ, первый показалъ примѣръ въ 1815 году; за нимъ послѣдовалъ Сень-Мартенъ; каждый изъ нихъ раскрылъ по нѣскольку буквъ; другіе ученые, какъ Бюрнуфъ, Раскъ, Лассенъ, продолжали начатый ими трудъ и объясняли слова, которыя они прочитывали по-и-мъ-рѣ-того, какъ раскрывались,

одна за другою, составляющая их буквы. На маюру Ролинсону приписывается честь окончательного и полного их раскрытия; собственно его пребываніе въ Персіи доставило ему много случаевъ осмотрѣть лично эти надписи, и онъ ими воспользовался. Ему мы обязаны только спискомъ, заключающимъ болѣе четырехъ сотъ строкъ клинообразнаго письма. Человѣку, никогда не занимавшемуся подобными изысканіями, трудно постичь всю ихъ трудность; впрочемъ можно получить о ней некоторое понятіе изъ сочиненій мнѣеожива путешественниковъ, которые только издали съ завистью смотрѣли на эти скульптуры, и изъ нѣсколькихъ словъ самого маюра Ролинсона; напримеръ, когда онъ упоминаетъ объ одной буквѣ, которая была видна только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, при особомъ свѣтѣ, и потомъ исчезала на весь остальной день. Ему же обязаны мы обнаруженіемъ этихъ надписей въ «Запискахъ лондонскаго общества ориенталистовъ», въ текстъ и въ переводъ, съ грамматическими примѣчаніями и словаремъ; послѣдній можно смѣло поставить въ число самыхъ любопытныхъ трудовъ по части сравнительной филологіи.

Къ первой части его монографіи приложены два чертежа, изображающіе скалу, на которой найдены надписи. Бегистунъ, съ его развалинами, находится не въ дальнемъ разстояніи отъ Кермансакъ и, во всемъ вѣроятіи, есть Багистанумъ Диодора Сицилійскаго, который даетъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько преувеличенное описаніе горы и ея скульптуръ, приписывая ихъ Семирамидѣ. Одинъ бокъ скалы обтесанъ и на немъ извѣстенъ Дарій, съ лукомъ въ рукѣ, а за нимъ два вождя; въ ногахъ его лежатъ одинъ бунтовщикъ, а другіе десять стоятъ передъ нимъ, скованные одинъ за другимъ и со связанными руками. Надъ каждымъ изъ главныхъ длинныхъ надписей на двухъ языкахъ, въ которой означены ихъ имена и преступленія; эти же надписи повторяются по болѣеи части еще внизу, на третьемъ языкѣ; подъ всемъ этимъ находятся таблицы, содержащія длинныя надписи, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. Эти надписи на двухъ языкахъ; одинъ изъ нихъ древне-персидскій, другой, полагаютъ, индійскій или скизскій; надъ ними, по обѣ стороны скульптурныхъ изображеній находится еще третій переводъ длинныхъ надписей, на вавилонскомъ языкѣ. Каждый изъ этихъ трехъ языковъ имѣетъ свои особенныя клинообразныя письмена. Доселѣ разбрана только персидская надпись; но на египетскомъ собраніи общества ориентали-

ство, бывшемъ въ мавъ 1849 года, было объявлено, что майоръ Ролинсонъ занимается монографіею о мидійской надписи, въ раскрытіи которой ему можетъ принести бо́льшую пользу основательное знакомство съ турецкою отраслью восточныхъ языковъ; говорили даже, что трудъ этотъ приближался къ окончанію. До-сихъ-поръ однако же онъ не изданъ; но по возвращеніи своемъ въ Англію, господинъ Ролинсонъ читалъ въ собраніи королевскаго общества ориенталистовъ двѣ записки о вавилонскихъ надписяхъ, и ассирійскихъ, привезенныхъ господиномъ Леярдомъ изъ Ниневіи; языкъ тѣхъ и другихъ находится въ близкомъ сродствѣ. Господинъ Ролинсонъ утверждаетъ, что вавилонскій переводъ большой бегистунской надписи, который онъ привезъ съ собою, также важенъ для раскрытія клинообразныхъ письменъ, какъ розетскій камень для раскрытія египетскихъ іероглифическихъ письменъ. Внимательное разсмотрѣніе находящихся въ немъ персидскихъ собственныхъ именъ привелъ его къ первымъ открытіямъ въ алфавитъ; съ тѣхъ-поръ число объясненныхъ буквъ дошло до ста-пятидесяти, и составленъ словарь изъ пяти сотъ словъ. Такъ называемыя Ниневійскія надписи — (настоящее имя этого города было, какъ кажется, Калахъ, вѣроятно то же, что Калахъ, о которомъ говорится въ книгѣ Бытія, X. 11.) — открыли много любопытныхъ фактовъ касательно древней географіи и исторіи; такъ напримѣръ о Евреяхъ въ нихъ упоминается какъ о «двѣнадцати коленяхъ верхней и нижней стороны», и они ставятся въ одинъ разрядъ съ Хеттами или Хиттитами; упоминается также о Іаванахъ или Іонянахъ и вождѣ ихъ Нетети Аэинскомъ. Когда эти надписи будутъ изданы, онѣ откроютъ, вѣроятно, цѣлый рядъ новыхъ свѣдѣній для исторіи древняго міра.

Есть еще въ различныхъ частяхъ Персіи, особенно въ Персеполѣ и Хамаданѣ, множество другихъ персидскихъ клинообразныхъ надписей, принадлежащихъ къ царствованію Дарія и Ксеркса. Найдена также надпись времени Кира, въ Мургахъ, на урочищѣ, почитаемомъ его могилею, которая гласитъ съ краснорѣчивою простотою: «Адамъ Куррумъ, Каманатія, Хакхаманишія», «Я Киръ, царь, Ахеменидъ»; и въ Персеполѣ двѣ надписи времени Артаксеркса Оха. Впрочемъ, ни одна изъ нихъ не имѣетъ такой исторической важности, какъ надпись бегистунская; прочія заключаютъ большею частью только хвалу Ормаду (Аурамаздъ), и моленіе о продолженіи благоденствія. Одна изъ надписей времени Дарія, найденная близъ Хамадана, замѣчательна какъ

примѣръ величія языка: «Великій богъ Ормаздъ, онъ же сотворилъ землю, сотворилъ небо, сотворилъ человечество, даровалъ человечеству жизнь, возвелъ Дарія на царство, сдѣлалъ его царемъ народа и законодателемъ народа».

Приведемъ ту часть бегистунской надписи, которая относится къ исторіи Смердиса (Эскилова Марда), какъ рассказываетъ ее Геродотъ.

«Говорить Дарій царь: Вотъ что совершилъ я, прежде чѣмъ сдѣлался царемъ. Тотъ, что назывался Камбизомъ, сынъ Кира, нашего племени, былъ царемъ этой земли до меня. У этого Камбиза былъ братъ, по имени Бардій; онъ былъ отъ одного отца и отъ одной матери, какъ Камбизъ. Впослѣдствіи Камбизъ умертвилъ Бардія. Когда Камбизъ умертвилъ этого Бардія, смуты въ царствѣ прекратились, которыя Бардій возбуждалъ. Тогда Камбизъ пошелъ на Египетъ — (въ подлинникъ Египетъ названъ *Мудраіа*, что близко подходитъ къ еврейскому названію *Мицраимъ* и арабскому *Мисръ*). Когда Камбизъ пошелъ на Египетъ, царство предалось ереси. Ложь стала властвовать во всей землѣ, въ Персіи и въ Мидіи, и въ прочихъ областяхъ. Потомъ явился нѣкто, волхвъ (магушъ), по имени Гоматъ. Онъ возсталъ изъ Писіадады, съ горъ называемыхъ Аракадрами; въ четырнадцатый день мѣсяца Віакхна возсталъ онъ оттуда, и всему царству ложно объявилъ такимъ образомъ: «Я Бардій, сынъ Кира, братъ Камбиза». Тогда все царство возмутилось. Отъ Камбиза оно перешло къ этому Бардію, Персія и Мидія, и всѣ прочія области. Онъ завладѣлъ престоломъ. Въ девятый день мѣсяца Гармапада завладѣлъ онъ престоломъ. Затѣмъ Камбизъ, будучи не въ силахъ перенести свои несчастія, умеръ. Престоль, который волхвъ Гоматъ похитилъ у Камбиза, этотъ престоль принадлежалъ нашему роду съ давнихъ лѣтъ. Затѣмъ Камбизъ, будучи не въ силахъ перенести свои бѣдствія, умеръ. Послѣ того, какъ волхвъ Гоматъ похитилъ у Камбиза Персію и Мидію, и всѣ зависящія отъ нихъ области, желаніе его исполнилось, онъ сдѣлался царемъ. Не было ни одного человека, ни изъ Персовъ ни изъ Мидянъ, ни даже изъ нашего рода, который захотѣлъ бы возстать противъ волхва Гомата, овладѣвшаго престоломъ. Все царство страшилось возстать противъ него. Онъ часто обращался къ царству, — которое знало стараго Бардія, и потому онъ обращался къ царству, и говорилъ: «Страшитесь не почитать меня за Бардія, сына Кирова». И не было ни одно-

то человек довольно смелого, чтобы противиться ему; все съ вежливостью окружали волею Гомата, пока не явился я. И я прибылъ въ поклоненіи Ормазду, и Ормаздъ послалъ мнѣ помощь. Въ десятый день мѣсяца Багадинъ, съ людьми мнѣ доброжелательными, убилъ я этого волея Гомата и главнѣйшия лицъ, бывшия у него приверженцами. Въ краевѣсти называемой Синтачотъ, что въ округѣ Мидіи, называемомъ Низею, убилъ я его; я свергнулъ его съ престола. Малостью Ормазда я оталь изремъ; Ормаздъ даровалъ мнѣ державу.

Если мы сравнимъ это съ разсказомъ Геродота, найдемъ поразительное согласіе; и самое различіе въ имени хитишка (котораго Итсия, сказать мнѣхедомъ, называетъ Тануоксаркомъ)*, можетъ быть объяснено эвоническими законами зендскаго языка. Не странно ли находить такимъ-образомъ подтвержденіе разсказа Геродота въ современныхъ свидѣтельствахъ, которыя суждено было открыть только нашему времени? Дѣйствительно, до послѣднихъ годовъ невозможно было бы разгадать тайну этихъ надписей, потому что елибъ и напелся довольно проникательный умъ, чтобы раскрыть отчасти алфавитъ, то языкъ, на которомъ онъ писаны, былъ бы не доступенъ безъ помощи санскритскаго языка. Санскритскій языкъ разливаетъ неоцѣненный свѣтъ на палеографію и древности индо-европейскихъ народовъ; безъ его несобія, лѣтописи на бегвстунскихъ скалахъ, еще и донынѣ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, хранили бы глубокое молчаніе и оставались бы такою же диковиною для туземцевъ и для европейскихъ путешественниковъ. Впрочемъ, одинъ санскритскій языкъ въ этомъ дѣлѣ недостаточенъ, и маюръ Ролинсонъ почти столько же обязанъ языку зендскому, котораго законы и грамматическое отроеніе были въ первый разъ критически рассмотрѣны Бюрнуфомъ, въ его толкованіяхъ на Ясву, изданныя въ Парижѣ, въ 1833—1835 годахъ.

* Не знаетъ, было ли это слово кѣмъ-нибудь разложено, но оно безъ сомнѣнія есть только почетное званіе, ошибочно принятое за собственное имя; мы думаемъ, что оно значитъ просто *царевичъ*, отъ санскритскаго *макш*, сынъ, и *кхшатра*, слова безпрестанно встрѣчающагося въ надписяхъ въ смыслѣ престола, верховной власти. Греческій Артаксерксъ называется въ надписяхъ Артакхшатра. Замѣчательно также, что Трогъ Помпей сохранилъ настоящее имя волея, нѣсколько искаженное: *Китетесъ*.

Вотъ еще какъ Дарій рассказываетъ покореніе Вавилона :

«Говоритъ Дарій, царь : — Тогда я пошелъ на Вавилонъ, противъ Натитабира, называвшагося Набокходроссоромъ. Силы Натитабира занимали Тигръ; туда пришли они и имѣли на немъ свои суда. Я поставилъ отрядъ на паромы, привелъ врага въ затрудненіе, напалъ на его позицію. Ормаздъ послалъ мнѣ помощь; милостью Ормазда, я успѣлъ переправиться черезъ Тигръ. Тогда я совершенно разбилъ войско этого Натитабира. Въ двадцать-седьмой день мѣсяца Атрията было это сраженіе. Потомъ я пошелъ на Вавилонъ. Когда я пришелъ, недалеко отъ Вавилона, къ городу называющемуся Зазаною, на Евфратъ, этотъ Натитабиръ, по имени Набокходроссоръ, вышелъ передъ меня съ войскомъ, предлагая мнѣ сраженіе. И мы имѣли сраженіе. Ормаздъ послалъ мнѣ помощь; милостью Ормазда, я совершенно разбилъ войско Натитабира. Непритель былъ загнанъ въ воду, и вода истребила его войско. Во второй день мѣсяца Анамака имѣли мы это сраженіе. Тогда Натитабиръ, съ всадниками, которые остались ему вѣрны, бѣжалъ въ Вавилонъ. Я тотчасъ пошелъ въ Вавилонъ; я взялъ Вавилонъ и схватилъ того Натитабира. Потомъ я умертвилъ того Натитабира въ Вавилонѣ».

Мы привели эти подробности касательно бегистунскихъ клинообразныхъ надписей, чтобы показать, къ какимъ важнымъ открытіямъ можетъ привести путь, указанный майоромъ Ролинсономъ. Должно надѣяться, что поле персидскихъ надписей еще не истощено, и что гораздо важнѣйшія еще свѣдѣнія будутъ со временемъ найдены въ Сузъ, Персеполь или Пасаргадъ; о послѣднемъ мѣстѣ, которое можно считать за новѣйшій Мургабъ, Ролинсонъ говоритъ, что это самое благоприятное мѣсто для раскапываній во всей Персіи. Можетъ-быть въ курганахъ, окружающихъ мнимую могилу Кира, кроется еще множество свидѣтельствъ о бурномъ времени освобожденія Персовъ изъ подъ мидійскаго ига; можетъ-быть еще можно будетъ отыскать всю исторію Гарпага и Астиага, уже не въ разказѣ чужеземца, какъ мы знаемъ ее доселѣ, а облеченную въ родную и современную форму.

Самое-собоео разумеется, что нынѣшніе Персіане ниче́го не знаютъ объ открытій Европейцевъ; затописи о древнихъ монархіяхъ, бывшихъ на почвѣ ихъ отечества, обратились для нихъ въ таинственный свѣтъ, вѣсно напоминая народнымъ эпосомъ «Шахнаме».

Тутъ война и перевороты древней исторіи теряютъ строгія очертанія дѣйствительности и представляются какими-то волшебными, поэтическими видѣніями, какъ исторія Карла-Великаго и его богатырей въ хроникѣ Турпина и въ итальянскихъ романтическихъ поэмахъ. Историческая истина кроется въ роскошныхъ вымыслахъ фантазій; но кто разграничить ихъ, кто опредѣлитъ точку, гдѣ историческое событіе переходитъ въ пѣснь, въ бессмертную сказку, созданную любовью народа? Первобытная исторія Персін, въ этомъ отношеніи, раздѣляетъ участь первобытной исторіи всѣхъ народовъ; поэты, какъ бы они ни назывались, кузилами, какъ у Индусовъ, рапсодами или скальдами, вездѣ и всегда являются первыми лѣтописцами; историческая истина, въ пѣсняхъ ихъ, мало-по-малу обращается въ громадные поэтическіе образы. Для примѣра можно указать на пришествіе браминскихъ колѣвъ въ Индустанъ, на завоеванія Гераклидовъ и Дорянъ, на основаніе Рима; противорѣчащія легенды, дошедшія до насъ, суть только прозаическіе остатки пѣсней рапсодовъ, воспѣвавшихъ славу торжествующихъ племенъ. Вся исторія, какъ и сознаніе отдѣльнаго чловѣка, возникаетъ изъ мрака; и мракъ и неопредѣленность сопровождаютъ ее до-тѣхъ-поръ, пока полдень разсудка не разсѣетъ ихъ совершенно.

Въ романтическихъ легендахъ «Шахнамѣ» кроется неясное воспоминаніе о дѣйствительныхъ событіяхъ; нѣтъ сомнѣнія, что болѣе тщательное, критическое изслѣдованіе этой поэмы, можетъ раскрыть множество такихъ воспоминаній, дѣньшъ ускользавшихъ отъ вниманія ученыхъ. Они всегда сохраняются въ закрытыхъ, заглушенныхъ мѣстахъ, гдѣ всего меньше ихъ ожидаешь, какъ запоздалый связъ по прошествіи зимы; часто они совершенно покрыты отпрысками и цвѣтами, которые фантазія, подобно веснѣ, извлекла изъ стараго ствола древоности. Это не пустая метафора, а положительный фактъ. Полтора вѣка, протекашіе между Солономъ и Оемистокломъ и породившіе, какъ плодъ, великое и славное въ греческой исторіи, имѣютъ совершенно различное значеніе въ исторіи Греціи и въ исторіи Персовъ. Въ первой за ними послѣдовалъ золотой вѣкъ народной литературы, и они были уже не воспѣты поэтами, а описаны, со всею точностью историка и съ фантазією поэта: Геродотомъ, въ которомъ свободный, эпическій духъ Гомера сливается съ строгою, сознательною разумельностію Фукидда. Геродотъ оставилъ точную, вѣрную исторію отъ-

го періода. Не то было въ Персіи; тутъ это была эпоха пробужденія народа отъ долгаго сна. Какъ ни велики люди, порожденныя этою эпохою, какъ ни велики дѣла, въ которыхъ они явили свой гений, это все-таки былъ только *героическій* періодъ народа, а героическіе періоды не имѣютъ историковъ. Исторія принадлежитъ позднѣйшему возрасту, когда жизнь утрачиваетъ прежнюю любовь къ чудесности, когда люди начинаютъ дѣйствовать обдуманно, очищать факты отъ преувеличеній поэзіи и представлять ихъ въ повседневной ихъ наготѣ. Такъ Греція, задолго еще до персидскихъ войнъ, даже до Солона, много утратила изъ своего прежняго героическаго духа. Въ Персіи изнѣженность Мидянъ пала подъ мощною рукою Кира, и свѣжая кровь Персовъ переливается въ жилы этого растлѣннаго племени. Персы этого вѣка представляютъ все условія героическаго народа; съ дѣтства учатся они тремъ вещамъ: владѣть лукомъ, ѣздить верхомъ и говорить правду. Бесплодная почва была лучшею ихъ воспитательницею. Киръ очень хорошо понималъ это, когда говорилъ Артембару, что роскошный климатъ производитъ изнѣженныхъ жителей, и что на одной почвѣ не могутъ произрастать сочныя плоды и родиться воинственный народъ.

Это былъ героическій вѣкъ Персовъ, сказали мы, вѣкъ богатый героями и поэтами, воспѣвавшими ихъ славные подвиги. Точныя обстоятельства ихъ завоеваній исчезли въ преувеличенныхъ вымыслахъ поэзіи; но самые факты остались, пока, съ теченіемъ времени, и ихъ общіе очерки не поблѣднѣли и не обратились въ одно фантастическое цѣлое. Память былыхъ временъ, однакоже, сохранилась, и жила во всю послѣдующую исторію Персіи. Вѣкъ Кира и Дарія былъ всегда вождедьною странною поэзіи, къ которой поэты обращались за вдохновеніемъ для своихъ пѣсней, среди мрака и скорби настоящаго. Когда же, въ третьемъ вѣкѣ по рождествѣ Христовѣ, Персія съ новою силою пробудилась изъ своего усыпленія, и когда, въ четвертомъ вѣкѣ, предводимая великимъ Шапоромъ, она потрясла римскую имперію въ Сингарѣ, воспоминаніе о давнопрошедшей славѣ ожило въ еще болѣе яркихъ краскахъ подъ вліяніемъ новыхъ побѣдъ, придававшихъ столько дѣйствительности прежнимъ подвигамъ. Персія въ это время имѣла много великихъ людей, кромѣ своихъ поэтовъ; потому что намъ достоверно извѣстно, что въ 243 году Плотинъ присталъ къ экспедиціи Гердіана за тѣмъ только, чтобы свести знакомство съ персид-

скими мудрецами. Наконецъ, въ 641 году, Аравитяне низвергли персидскаго Августула Іезджирда, и древняя монархія Кира сдѣлалась данницею халифовъ. На Востокъ есть замѣчательное преданіе, что одинъ арабскій купецъ, Назаръ-бенъ-Харитъ, возвратился въ свое отечество послѣ многолѣтняго пребыванія въ Персіи. Тамъ онъ выучилъ множество древнихъ балладъ и даже привезъ съ собою списокъ одной изъ нихъ, воспѣвавшей воинскіе подвиги Рустема и Исфендыара. Онъ рассказывалъ ихъ своимъ соотечественникамъ, и они были такъ восхищены этими вымыслами, что Магометъ, страшась за свой коранъ, настрого запретилъ ихъ. Халифы не забыли приказанія пророка, и вскорѣ всѣ остатки этой запрещенной литературы были истреблены. Наконецъ, по паденіи власти халифовъ, Якубъ-эбнъ-Ланисъ свергнулъ ихъ иго и основалъ самостоятельное царство въ Ширазѣ. По низверженіи его преемниковъ, Персія выдержала много бѣдствій, пока, наконецъ, Махмудъ Газискій низвергъ ту отрасль Бухской династїи, которая властвовала надъ восточною Персіею. Подобно Августу и многимъ другимъ похитителямъ верховной власти, Махмудъ покровительствовалъ искусствамъ и старался окружить престолъ свой даровитыми людьми, особенно поэтами. Въ числѣ послѣднихъ былъ Фирдуси, которому онъ поручилъ переложить въ стихи древнюю лѣтопись, единственный остатокъ персидской литературы домагометанскаго періода. Эта книга, называемая *бастанъ-намэ*, должно полагать, сохранила древнія баллады въ прозаической формѣ; Фирдуси далъ имъ тотъ видъ, въ какомъ онъ донынѣ являются въ «Шахнамэ».

Эта поэма имѣетъ такъ же мало притязаній на званіе настоящей исторїи, какъ и первоначальныя баллады, которыя она только воскресила. Она полна анахронизмовъ всякаго роду; чтò очень естественно объясняется тѣмъ, что древнія баллады относили все къ одной и той же героической эпохѣ, не принимая въ расчетъ времени, раздѣлявшаго различныя событія и героевъ. Почти на каждомъ шагѣ противорѣчатъ они географіи и хронологіи, этимъ двумъ необходимымъ спутникамъ исторїи; и это часто придаетъ видъ вымысла рассказамъ, въ которыхъ гораздо болѣе истины, чѣмъ вообще полагаютъ. Дѣйствительно, всю поэму можно назвать сновидѣніемъ; но сны очень часто бываютъ только отраженіемъ дѣйствительныхъ происшествій дня, и точно такое отношеніе существуетъ между древнею исторїею Пер-

совъ, какъ она дѣйствительно была, и памятью ея, сохранившеюся въ сердцахъ народа. Напрасно стали бы въ исторіи Геродота, въ отрывкахъ Ктесія и въ случайныхъ упоминаніяхъ другихъ греческихъ писателей, отыскивать имена Рустема или Зала, или другаго какого-либо персидскаго богатыря временъ Кира и Дарія, какъ они представляются въ «Шахнамѣ». Даже бегистунскія надписи не удовлетворяютъ въ этомъ случаѣ нашего любопытства; мы находимъ въ нихъ Гобрія, Мардонія, и другія имена, сохранившіяся въ греческихъ писателяхъ, но ни слова объ этихъ народныхъ герояхъ. Но оттого ли это, что они первоначально назывались не тѣми именами, которыя теперь даетъ имъ преданіе, мы не беремся рѣшить, хотя такое предположеніе довольно правдоподобно, потому что на Востокъ весьма обыкновенное явленіе, что вождь принимаетъ различныя названія въ различныя эпохи своей жизни. Положительно можно сказать только то, что за исключеніемъ Гиргина (того самаго, можетъ-быть, котораго Геродотъ называетъ Гергисомъ), и Годурза (Гобрія), имена, чаще всего встрѣчающіяся въ персидскихъ преданіяхъ, не попадаютъ болѣе нигдѣ. Правда, что не всегда можно раскрыть всѣ эвфоническія измѣненія, которымъ подвергалось какое-либо имя, переходя въ чуждое нарѣчіе, тѣмъ болѣе, что греческій алфавитъ не имѣлъ знаковъ для многихъ восточныхъ звуковъ; поэтому не удивительно, если мы не встрѣчаемъ некоторыхъ изъ этихъ именъ только потому, что не умѣемъ узнать ихъ въ искаженной формѣ. Такимъ-образомъ, почему ручаться, что имя Рустема не кроется въ формѣ *Артабанъ* или *Арсамъ*, съ такою же перестановкою первыхъ буквъ, по какой Роландъ обратился въ Орланда *? но это одно предположеніе, котораго нельзя доказать.

Сверхъ-того, во всѣхъ легендахъ «Шахнамѣ» явно просвѣчиваетъ эпическій элементъ, подобный тому, который искажаетъ древнѣйшую исторію Греціи. Время придаетъ предметамъ громадныя размѣры, и человѣческіе враги съ ихъ подвигами обращаются въ демоновъ и въ чародѣйство. Походъ Аргонавтовъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, про-

* Точно также греческое Sagartoi соответствуетъ имени Asgarta въ надписяхъ; звукъ *б* также могъ замѣнить звукъ *м*, какъ изъ Хагматани Греки слѣдали Агбатану. Артабанъ остался наместникомъ въ Персіи, когда Кеерксъ пошелъ на Грецію; Рустемъ въ званіи наместника также всегда является въ «Шахнамѣ».

стымъ набѣгомъ пиратовъ, какъ говорить о немъ и Фукидидъ въ введеніи къ своей исторіи, и сопровождался обыкновенными при такихъ экспедиціяхъ обстоятельствами; а съ теченіемъ времени онъ сдѣлался мифомъ, въ которомъ едва ли не больше чудесъ, чѣмъ во всей греческой мифологіи. Это, впрочемъ, бываетъ не только въ такія варварскія времена: читая Геродотову исторію персидскаго вторженія при Ксерскѣ, которое онъ видѣлъ еще ребенкомъ, нельзя не замѣтить слѣдовъ того же явленія; весь рассказъ подернутъ нѣкоторою чудесностью, какъ-будто сверхъестественныя силы видимо вступили въ борьбу рядомъ съ людьми. Эта примѣсь чудеснаго проявляется въ рассказъ о Дикѣ, аѳинскомъ изгнанникѣ въ персидскомъ лагерѣ, который среди полуденнаго безмолвія слышитъ отдаленныя звуки мистическихъ элевзинскихъ ликовъ, приносимые изъ покнвутаго селенія черезъ опустошенныя равнины Аттики, и видитъ облако пыли, поднятое несмѣтнымъ воинствомъ, несущимся въ воздухъ къ греческому флоту передъ Саламиномъ; точно также въ рассказъ о пораженіи Персовъ въ Дельфахъ. Если мы находимъ слѣды чудеснаго въ Геродотовомъ описаніи современныхъ ему событій, то можно ли дивиться ему въ описаніяхъ отдаленныхъ вѣковъ? можно ли дивиться, когда видишь цѣлую исторію народа, проникнутую этимъ элементомъ?

Такимъ-образомъ дѣлается понятенъ чрезвычайный беспорядокъ, составляющій отличительную черту этихъ персидскихъ легендъ. Напрасно стали бы стараться привести ихъ въ стройный, хронологическій порядокъ; они безпрестанно ускользаютъ изъ рукъ. Иногда кажется, будто мы идемъ по очевидному слѣду того или другаго древняго царя, и вдругъ, сами не зная какъ, переносимся въ совсѣмъ другое царствованіе; слѣдъ потерянъ и уже никакой трудъ не наведетъ на него снова. Ни Астиага, ни Камбиза, ни Дарія, нигдѣ нельзя узнать вполне, а безпрестанно встрѣчаются ихъ дѣянія во всякаго рода преображеніяхъ; то они приписываются одному, то другому, и никакая критика не распределить, что кому именно принадлежитъ. Отсюда происходитъ чрезвычайное разнообразіе толкованій, предложенныхъ разными новѣйшими учеными. Одни видятъ въ Кай-Каоосѣ Камбиза, другіе считаютъ его Астиагомъ; — въ одномъ мѣстѣ толкуютъ, что Дарій Гистаспъ некто иной, какъ Гуштаспъ, въ другомъ доказываютъ, что это два лица, немнѣющія между собою ничего общаго, кромѣ имени. Однимъ словомъ, персидская исторія,

какъ Протей, всегда увертывается изъ подъ руки, пытающейся ухватиться за нее.

Киръ едва ли не единственный царь, о которомъ можно найти сколько-нибудь определенное свидѣтельство. Долго спорили о томъ, действительно ли Киръ то самое лицо, которое въ персидскихъ преданіяхъ называется Кай-Хосру, и много приводили доводовъ въ пользу этого предположенія и противъ него; майоръ Ролинсонъ наконецъ, кажется, окончательно рѣшилъ вопросъ. Клинообразныя надписи постоянно называютъ Кира *Кхурушъ*, что очевидно соответствуетъ *Корешу* Ветхаго Завета. Искаженная форма Хосроэсъ, въ которой средней шипящей звукъ происходитъ отъ придыханія къ звуку *р* съ послѣдующимъ *у*, съ теченіемъ времени и реставрованнаго, встрѣчается въ первый разъ, по мнѣнію господина Ролинсона, при Нижней Арсакидской династии; впоследствии тоже имя является на zendскомъ нарѣчій въ формѣ *Хусрава*, на пазендскомъ *Хусрубъ*, на персидскомъ Кхосру.

Исторія Кира, при всѣхъ анахронизмахъ и ошибкахъ, сохранилась въ «Шахнамѣ» довольно вѣрно. Кай-Каосъ, котораго преданіе представляетъ его дѣдомъ, конечно не Астиагъ греческихъ писателей, а скорѣе, кажется, сляніе Камбиза, мужа Манданы, и Камбиза, сына Кирова; самое имя тождественно съ именемъ *Кабуджіл*, встрѣчающимся въ клинообразныхъ надписяхъ; многія изъ дѣяній, рассказываемыхъ въ «Шахнамѣ», совершенно согласны съ тѣмъ, что Геродотъ говоритъ о сынѣ Кира. Сюда принадлежитъ, между прочимъ, покореніе Египта; но царь египетскій, Амазисъ, переименованъ въ царя хамаваранскаго, котораго дочь онъ беретъ въ супружество, черезъ что возникаетъ война. Рожденіе и юношескія приключенія Кира рассказаны почти точь-въ-точь, и если есть незначительныя отклоненія, то ихъ легко объяснить желаніемъ прикрыть вину царя. Это побуждаетъ Кхосру низвергнуть съ престола своего дѣда по матери; но этотъ дѣдъ не царь персидскій. Сіавушъ, сынъ Кай-Каоса, былъ изгнанъ отъ двора своего отца, удалился ко двору Аразіаба, царя туранскаго, женился на его дочери, и Кхосру плодъ этого брака. Послѣдующія приключенія Кхосру совершенно тѣже, какія Геродотъ рассказываетъ о Кирѣ; но мѣсто дѣйствій перенесено изъ Мидіи въ Трансоксиану, а роль Астиага играетъ Аразіабъ.

На всемъ рассказѣ лежитъ печать злоса; очевидно, что преданіе

перешло через целый ряд поэтов, а не историков. Походы Кира против Креза, на Ионию и на Вавилон, слиты в одну большую войну с Афразиабом, тираном туранским или скиским; но историческая истина во многих местах просвѣчиваетъ сквозь вымыселъ. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи преданіе о смерти Кай-Кхосру, въ которомъ ясно виденъ, рядомъ съ историческою истинною, и мнѣнческій элементъ. Геродотъ повѣствуетъ, что Киръ былъ убитъ Томирою, царицею Скивовъ; по Ктесію, напротивъ, онъ умеръ отъ раны, полученной въ сраженіи съ Дербиками, племенемъ, обитавшимъ около Каспійскаго моря. По персидскому преданію, послѣ долгаго и славнаго царствованія, сонъ возвѣстилъ ему приближеніе смерти; тогда онъ, назначивъ себѣ преемника, сдѣлавъ разныя распоряженія, удалился съ дружиною и въ одну ночь исчезъ изъ среды ихъ; всѣ же спутники его погребли въ снѣжномъ ураганѣ. Геродотъ рассказываетъ совершенно подобное преданіе, существовавшее въ Скиціи, о смерти карагенскаго полководца Амилькара, во время войны его съ Гелонами. «Я слышалъ, говоритъ онъ, что Амилькаръ, Карагенянинъ по отцу и Сиракузецъ по матери, снискалъ своею доблестью верховную власть въ Карагенѣ; и что когда войска вступили въ сраженіе и самъ онъ въ него вмѣшался, онъ вдругъ исчезъ, и потомъ никто уже не видалъ его на землѣ, ни живаго, ни мертвита, не смотря на то, что Гелонъ повсюду искалъ его.»

Народное самолюбіе вѣроятно побудило персидскихъ рапсодовъ скрыть судьбу любимаго героя; известно было, что онъ исчезъ въ скиской землѣ, и преданіе легко облеклось въ настоящую свою мнѣнческую форму. Самъ Геродотъ упоминаетъ, что на-счетъ смерти Кира было много противорѣчащихъ толковъ, и потому должно полагать, что уже въ его время поэты искажали это событіе въ своихъ героическихъ сагахъ. Подобныя примѣры встрѣчаются и въ исторіи другихъ народовъ; древнія римскія баллады точно также преобразовали смерть Ромула, а англійскія баллады — смерть Артура. Софокль въ своей трагедіи представляетъ такого же роду народное преданіе о смерти Эдипа:

Для образца вышесказанной формы персидскихъ героическихъ пѣсенъ, какъ ихъ воскресилъ Фирдусъ, приведемъ точный переводъ этой саги; и не только можно узрѣть читателю, что изъ поэмы его мѣ-

но бы набрать цѣлый томъ подобныхъ извлеченій. Если бѣ дошла до насъ поэма Херила о походахъ Персовъ на Грецію, мы могли бы, безъ сомнѣнія, представить для сравненія подобныя же преданія о греческихъ витязяхъ; и тогда намъ легче было бы изслѣдовать постепенное развитіе мифическаго элемента, какъ онъ все болѣе и болѣе обвиваетъ первоначальное, достовѣрное извѣстіе, и наконецъ, какъ въ Персіи, совершенно поглощаетъ его въ своемъ роскошномъ цвѣтѣ.

I.

«Кай Кхосру призвалъ Лохораспа передъ себя, и сказалъ: «Дни мои приходятъ къ концу; иди, и займи по праву престолъ, и не сѣй неправды на землѣ. Когда же ты будешь свободенъ отъ скорби, не гордись ни своимъ престоломъ, ни богатствомъ; знай, что дни твои одинъ мракъ, и твой путь жизни ведетъ только къ Богу. Стремись всегда къ правдѣ, пусть она будетъ твоею цѣлью; царь долженъ быть свободенъ отъ міра и его силы». Лохораспъ тотчасъ сошелъ съ коня, облобызалъ землѣ, и завопилъ. Кхосру опять заговорилъ: «Прощай, пусть всѣ твои помыслы будутъ праведны въ основѣ и въ утокѣ». Съ нимъ пошло иранское войско, дѣятельные всадники и могучіе витязи, Дустанъ и Рустемъ, Годурзъ и Гу, Безхунъ безстрашный и мужественный Густахамъ; седьмой былъ Фарибурзъ, сынъ Кай-Каооса; осьмой былъ славной памяти Тусъ. Пошло также все войско, полки за полками; и шло оно съ равнины на вершину горы; шли они недѣлю, и остановились отдохнуть и смочили водою свои жаждущія уста. Они подняли вопль и стenanіе о дѣянїяхъ своего царя, но никто не зналъ какъ помочь его скорби, и каждый восклицалъ втайнѣ: «Никогда не говорилъ никто такой рѣчи». Когда солнце подняло свой ликъ надъ горою, со всѣхъ сторонъ стеклись толпы; сто тысячъ мужей и женъ пришло со всего Ирана, и скалы задрожали подъ ихъ ногами. Каждый восклицалъ: «О царь, что это значитъ? отчего свѣтлая душа твоя такъ омрачилась скорбью? Если тебя оскорбила твоя дружина, скажи намъ, и не уходи изъ Ирана, не давай новаго царя престарѣлому свѣту. Мы прахъ копытъ твоего коня, мы поклоняемся тебѣ, какъ священному огню». Но царь пребылъ въ своей мрачной думѣ, созвалъ мудрыхъ вождей войска, и сказалъ имъ: «Все

что было здесь приказано, приказано мудро, а о мудромъ не слѣдуетъ трѣпять слезъ; поклоняйтесь единодушно Всевышнему, возрадуйтесь въ сердцахъ своихъ и воздайте Ему чести.» Потомъ онъ сказалъ вождямъ: «Сойдите съ этой горы, и возвратитесь домой безъ своего царя; потому что путь мой дологъ, и по дорогѣ нѣтъ ни воды, ни травы на равнинахъ, ни листьевъ на деревьяхъ. Поспѣшите, идите назадъ и обратите сердца къ болѣе славной будущности.» Три могучихъ, славной памяти вождя повиновались его слову, и воротились назадъ: Рустемъ, Дустанъ и съдой Годурзъ; но другіе храбрые вожди не воротились. И шли они впередъ цѣлый день и цѣлую ночь, и души ихъ истомились отъ пустыни и безводья. Вдругъ на дорогѣ ихъ показался источникъ и Кай-Кхосру направилъ къ нему свои стопы. Пошли они все вмѣстѣ къ свѣтящейся влагѣ, и съ восторгомъ испили ея, и безмолвно стали вокругъ. И сказалъ царь вельможамъ своего царства: «Въ эту ночь мы не тронемся съ мѣста; будемъ бесѣдовать о давно-прошедшихъ дняхъ, потому что послѣ этой ночи вы никогда уже не увидите меня. На утро, когда солнце распуститъ свое огненное знамя, и море одѣнется въ золото, а земля въ пурпуръ, я уже на-вѣки прощусь съ этимъ міромъ. Если бѣ сердце мое отвратилось отъ пути, начертаннаго передо мною, я вырвалъ бы нечестивое изъ своей груди.» Когда прошелъ первый часъ ночи, Кай-Кхосру поклонился передъ Богомъ, омылъ голову и члены свои въ прозрачной водѣ, и прочелъ про себя молитвы Зендавесты; потомъ обратился къ спутникамъ и друзьямъ своимъ въ жизни, и воскликнулъ: «Простите, простите на-вѣки! Когда солнце завтра утромъ взойдетъ на небо, вы уже не увидите меня, не увидите никогда, развѣ въ сновидѣніяхъ памяти. Умоляю небо, чтобы вы не были завтра въ этой пустыни, когда полетѣтъ дождь изъ большой черной тучи. Съ горы падетъ ужасный вѣтеръ, и въ ярости своей онъ изломаетъ суцья и деревья; и снѣжный вихрь посылетъ изъ черной тучи, и вы не найдете пути въ Иранъ.» Тяжело стало отъ этихъ словъ на сердцахъ вождей, и они печально легли спать.

II.

«Когда солнце подняло ликъ свой надъ горою, царь уже нечестъ съ глазъ своихъ вельможъ. Они пошли отыскивать своего царя,

взоры их вопрошали несокъ и пустыню; но нигдѣ не представилось имъ и слѣда Кхосру, и они воротились въ глубокомъ уныніи. Сердца ихъ были полны скорби, горестъ томилъ ихъ души, потому что они обошли всю пустыню и не нашли царя. Съ громкимъ воплемъ возвратились они къ источнику, возвратились съ сердцами, источенными тоскою. И каждый, подходя опять къ источнику, печально прощался съ царемъ земли. Фаршбурзь напоминалъ все, что говорилъ имъ Кхосру — да пребудетъ мудростьъ съ его чистою душою! — но вожди не хотѣли слушать его совѣтовъ, и возразили на его рачь: «Земля тепла и мягка, воздухъ легокъ; зачѣмъ станемъ мы продолжать путь, когда все тѣло наше изнурено! Когда мы насколько отдохнемъ и утолимъ голодъ, мы уснемъ у этого источника, и потомъ уже пустимся въ путь.» И всѣ они пошли къ источнику и стали рассказывать другъ-другу про былые подвиги Кхосру. Не стало доблестнаго и мудраго мужа, не стало могучаго и статнаго вождя! Кто на свѣтъ знаетъ, что съ нимъ случилось? куда онъ скрылся отъ насъ въ пустынь? И сказалъ Гу доблестнымъ вождямъ: «Никогда слухъ человеческій не услышитъ о герояхъ равномъ ему въ мужествѣ, щедротѣ и правосудіи, въ осанкѣ и величіи, въ славѣ и могуществѣ! Онъ былъ словъ въ бою съ своими ратниками, святый мѣсяць—въ коронѣ на ширѣ.» За тѣмъ они утоляли голодъ яствами, которыми принесли съ собою, и потомъ легли у источника спать. Но вотъ, возсталъ вдругъ яростный вѣтеръ, и черная туча затянула небо, и воздухъ сталъ подобенъ львиной шкурѣ; свѣжій вихрь завелокъ лицо земли, и не видно было даже блестящаго меча вождей. Одного за другимъ обхватилъ ихъ свѣжій вихрь; они долго скитались порознь въ глубокомъ снѣгу, который вездѣ буграми возвышался надъ ихъ стопами; наконецъ послѣдніи очутились истончавшись въ ихъ членахъ, и сладкая жизнь оставила ихъ всѣхъ.»

Таковы эти остатки древней исторіи Персіи; много подобныхъ примѣровъ можно бы извлечь изъ «Шахнамэ». Въ одномъ англійскомъ журналѣ, въ 1847 году, было помѣщено любопытное сравненіе другой легенды «Шахнамэ», съ тою же легендою, сохранившеюся въ сочиненіяхъ Атеней. Въ 13-й книгѣ «Демшювоистовъ», этотъ писатель рассказываетъ, что Мидянинъ Заріадръ, братъ Гнетасна (по Харесу Митриленскому), полюбилъ Одагу, дочь Омарта, которая, говорить преданіе, видѣла его въ первый разъ во снѣ. Однажды, отецъ

ея давалъ большой пиръ своимъ вельможамъ и приказалъ ей избрать себя супруга изъ числа гостей (какъ *Сваямвара* индусскихъ поэтовъ), и подать кубокъ избраннику своего сердца. Заріадръ, услышавъ объ этомъ пирѣ, прискакалъ изъ Персіи и вошелъ въ чертоги Омарта въ самую минуту обряда. «Войдя въ палату, онъ тотчасъ увидѣлъ Одату, которая стояла у шкафа и горько плакала, медленно наливая кубокъ; онъ сталъ подлѣ нея, и шепнулъ ей тихимъ голосомъ: «О Одата, я пріѣхалъ, я — твой Заріадръ!» И она обернулась, и увидѣвъ прекраснаго незнакомца, столь похожаго на того, котораго видѣла во снѣ, она съ радостью подала ему кубокъ; а онъ, схвативъ ее на руки, вынесъ на свою колесницу и ускакалъ.» Эта легенда сохранилась въ «Шахнамѣ» почти слово въ слово; сонъ, въ которомъ царевна видитъ въ первый разъ своего возлюбленнаго, имена обоихъ братьевъ, Гуштаспъ и Зариръ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ общемъ источникѣ обоихъ легендъ. Различіе только въ томъ, что въ персидской легендѣ не Зариръ, а Гуштаспъ — герой разсказа; это очень просто объясняется тѣмъ, что Гуштаспъ одинъ изъ любимыхъ героевъ персидскаго народа, и что въ немъ сливаются дѣянія множества героевъ. Исторія не представляетъ намъ другихъ обстоятельствъ, по которымъ можно было бы опредѣлительно сказать, кто такіе эти Гуштаспъ и Заріадръ греческой легенды; довольно вероятно, однакоже, что первый былъ сынъ Дарія, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, какъ о правитель Бактріаны и Саковъ.

Еслибъ всѣ сочиненія Грековъ о Персахъ, какъ Ктесія, Хоресъ и другіе, дошли до насъ, мы можетъ-быть нашли бы въ нихъ подтвержденіе и объясненіе всѣхъ легендъ «Шахнамѣ». Всѣми признано, что Фирдуси въ своемъ разсказѣ прибавлялъ только мелкія подробности, придавалъ поэтическій колоритъ; въ сущности же оставлялъ преданія совершенно въ томъ видѣ, какъ они дошли до него, какъ персидскіе барды воспѣвали ихъ въ былыя времена, до паденія Іезджирда. Сверхъ-того, вторая половина его поэмы строго историческая; во всемъ, что относится къ періоду отъ Шапора до Іезджирда, онъ совершенно согласенъ съ разсказами западныхъ писателей. Знаменитое изрѣченіе Гиббона, что вѣншіе Персы ничего не знаютъ о побѣдахъ Шапора, самой славной эпохѣ ихъ исторіи, совершенно ложно; Шапоръ, сынъ Гормузда, и побѣды его надъ румскимъ кайзеромъ, занимаютъ огромное мѣсто въ ихъ національномъ эпосѣ. Онъ еще въ

колыбели получаетъ царскій вѣнецъ, и первый его подвигъ — низверженіе арабскаго тайра, опустошившаго его столицу. Затѣмъ слѣдуютъ войны съ Римлянами и ихъ пораженія; упоминается даже объ императорѣ Юліанѣ и его преемникѣ Іовіанѣ, подъ именами Яниса и Бизануна; послѣдній избранъ на царство войскомъ, и заключаетъ съ Персами постыдный для себя договоръ. Исторія Гормузда, сына Нуширвана, и возстаніе его полководца Бахрама Чубина, составляютъ также значительный эпизодъ въ «Шахнамѣ»; по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, это даже лучший эпизодъ во всемъ сочиненіи Фирдуси.

Разсматривая такимъ-образомъ «Шахнамѣ» въ цѣломъ, мы ясно видимъ, что авторъ вовсе не думалъ составить одно сплетеніе вымышленныхъ басенъ, какъ полагаютъ нѣкоторые. Махмудъ хотѣлъ прославить свое царствованіе великою народною поэмою, которая заключала бы, такъ сказать, галерею всѣхъ древнихъ героевъ страны. И они должны были явиться въ ней не просто въ идеальныхъ картинахъ, созданныхъ пламеннымъ воображеніемъ, а въ вѣрныхъ, точныхъ портретахъ, сколько можно было ихъ воскресить изъ сохранившихся преданій. При внимательномъ чтеніи поэмы очевидно, что для полнаго достиженія этой цѣли не щадили никакихъ трудовъ; всѣ свѣдѣнія, какія только можно было набрать, тщательно внесены въ поэму. «Бастанъ-намѣ», эта лѣтопись, о которой мы упоминали, была конечно не единственнымъ источникомъ, откуда почерпались историческіе матеріалы. Въ той части поэмы, въ которой разсказывается смерть Рустема, Фирдуси положительно говоритъ, что онъ заимствовалъ подробности ея отъ одного стараго Персіяннина, по имени Азалъ-Сарва; во многихъ другихъ мѣстахъ, приступая къ новой легендѣ, онъ объясняетъ, что слышалъ ее изъ устъ старожиловъ крестьянъ, у которыхъ, вѣроятно, эти преданія хранились съ давнихъ лѣтъ, какъ баллады объ исторіи Курроглу, которыя Ходзько собралъ у кочующихъ племенъ сѣверной Персіи, или какъ порубежныя пѣсни Шотландіи, собранныя Вальтеръ-Скоттомъ. Повѣсть о Зорабѣ начинается словами: «Изъ устъ поселянъ и разсказовъ старожиловъ узналъ я эту повѣсть.» Точно также начинается разсказъ о странствіи Исфендьяра. Эти древнія легенды хранились, вѣроятно, какъ святаыя, въ памяти простыхъ и безграмотныхъ поселянъ, и Фирдуси, въ молодости, когда самъ еще былъ простымъ садовникомъ въ Тусѣ, могъ

неразъ слышать ихъ отъ товарищей. Впоследствии, когда Махмудъ возложилъ на него великій трудъ, онъ тщательно собралъ все эти разсыянные преданія; изъ тридцати лѣтъ, употребленныхъ имъ на сочиненіе своей поэмы, самая значительная часть была, безъ сомнѣнія, посвящена на собраніе матеріаловъ.

Представляя эти немногія подробности, мы желали показать, что на Фирдуси по справедливости должно смотрѣть какъ на добросовѣстнаго изыскателя и хранителя всѣхъ преданій Персовъ о давно-прошедшей славѣ ихъ отечества. До какой степени эти преданія вѣрны — другой вопросъ; но въ какомъ видѣ онъ ихъ нашелъ, въ томъ же видѣ онъ и перенесъ ихъ, съ самою строгою добросовѣстностью, въ «Шахнамъ». Онъ самъ говоритъ :—«Все эти герои моего отечества и его могучіе богатыри, которыхъ память сохраняется въ моей повѣсти, все они умерли въ незапамятныя времена; но имена ихъ, черезъ мой голосъ, снова возстанутъ къ жизни». Эти слова были бы пустымъ хвастовствомъ, еслибъ поэма его была однимъ произведеніемъ фантазій, если бъ воспѣваемые въ ней подвиги были только затѣйливые вымыслы восточнаго сказочника. Что касается до насъ, мы убѣждены, что онъ никогда не сомнѣвался въ достовѣрности преданій, служившихъ основаніемъ его творенію; что онъ считалъ ихъ столь же вѣрными въ отношеніи къ царствованію Кай-Кхосру и Гунтаспа, какъ и къ царствованіямъ Шапора и Гормузда. Его вѣкъ не зналъ исторической критики, и онъ добродушно припималъ все легенды такъ, какъ онъ до него доходили. Геродотъ очень серьезно приписываетъ начало вражды Грековъ и Персовъ ко временамъ Іо и Медин; и конечно онъ совершенно правъ въ томъ смыслѣ, что онъ только передаетъ общее мнѣніе ученыхъ и неученыхъ своего времени. Фирдуси, точно также увѣковѣчиваетъ, въ своей поэмѣ, легенды своего отечества. Онъ является намъ однимъ изъ древнихъ бардовъ Персін, подслушавшимъ и собравшимъ ихъ пѣсни въ то самое мгновеніе, какъ память ихъ, казалась, была забыта, и какъ послѣдніе звуки ихъ голосовъ почти уже замерли въ отдаленіи.

ИСПАНСКІЕ ОБЫЧАИ и ПРАВЫ.

=

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, Испанія болѣе всѣхъ устояла противъ однообразнаго вліянія новѣйшей образованности, и лучше всѣхъ сохранила особый отпечатокъ національнаго характера. Это преимущество происходитъ отъ ея политическаго и географическаго положенія. Хотя на картѣ Испанія составляетъ одно тѣсно-соединенное королевство, однако жъ она состоитъ изъ различныхъ провинцій, изъ которыхъ каждая была некогда отдѣльнымъ и независимымъ государствомъ; соединенныя въ послѣдствіи подъ одинъ скипетръ посредствомъ брачныхъ союзовъ, черезъ наслѣдство, или завоеваніе, онѣ все-таки сохранили различія, характеризующія ихъ нравы и особенности ихъ мѣстности. Языкъ, одежда, привычки туземцевъ столь же мало измѣнились, какъ климатъ и естественныя произведенія. Цѣпи горъ, идущія по всему полуострову, глубокія рѣки, бороздящія его, составляли природныя стѣны и рвы, препятствуя сообщеніямъ и покровительствуя наклонности къ разобщенію, свойственному гористымъ странамъ, гдѣ мало дорогъ и мостовъ. Общее названіе Испаніи, очень удобное для политики и географіи, можетъ только ввести въ обманъ путешественника, потому что трудно сказать что-нибудь объ Испаніи, что бы дѣйствительно относилось ко всѣмъ разнороднымъ ча-

стямъ, изъ которыхъ составлена эта любопытная страна. Сѣверныя и западныя провинціи орошаются обильными дождями, между тѣмъ какъ внутреннія равнины также палмы солнцемъ, какъ аравійскія пустыни, а береговыя страны наслаждаются африканскимъ климатомъ. Грубый галлиційскій мужикъ, искусный ремесленникъ Барселонцы, веселый и сладострастный Андалузецъ, мстительный Валенсіянецъ рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Чтобы хорошо изучить Испанію, необходимо наблюдать отдѣльно каждую провинцію; сами народныя писатели поняли невозможность разсматривать ихъ, какъ однородное цѣлое, потому что союзъ ихъ вовсе не составляетъ настоящаго единства. Король называется *rey de las Espanas* — король Испаній, а не Испаніи. Тщетно Филиппъ-Второй старался измѣнить это названіе и произвести совершенное соединеніе. Испанія оставалась долго безъ опредѣленной столицы; городъ, гдѣ находился король съ своимъ дворомъ, назывался *la corte*; это названіе служитъ еще и теперь для обозначенія Мадрита, настоящей резиденціи короля. Но городъ этотъ, совершенно новый, не представляетъ ничего, характеризующаго столицу; онъ не имѣетъ ни епископа, ни соборной церкви; имѣетъ мало вліянія на полуостровъ и оттого не внушаетъ привязанности къ нему провинцій, жители которыхъ, безъ сомнѣнія, смотря на него, какъ на прекраснѣйшій и богатѣйшій городъ въ мірѣ, но не связываютъ съ нимъ никакой другой идеи, кромѣ той, что онъ представляетъ много средствъ для желающихъ составить себѣ счастье. *Mi paisiano*, мои соотечественники, означаетъ тамъ не Испанцевъ, но Андалузцевъ, Каталанцевъ, и прочихъ, смотря по провинціямъ, къ которымъ они принадлежатъ. Любовь къ родинѣ наполняетъ ихъ сердца. Слово отечество, приравненное къ цѣлой Испаніи, составляетъ предметъ декламаций, прекрасныхъ словъ, *palabras*, къ которымъ они имѣютъ вкусъ подобно восточнымъ народамъ, и которыя удивительно идутъ къ ихъ звучному языку. Но имъ извѣстенъ одинъ только патриотизмъ семейнаго очага — и можно сказать, что онъ составляетъ центр тяжести всего королевства. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ наблюдатели были поражены этою существенною чертою характера Иберійцевъ — никогда не соединяться въ одно нераздѣльное цѣлое. Никогда, говоритъ Страбонъ, не смѣшивали они своихъ штыговъ, не жертвовали мѣстными интересами общему благу; напротивъ, во время опасности, тогда, какъ и теперь, они выказывали склонность раздѣляться на юнты, или отдѣльныя собранія, изъ которыхъ каждое дѣйствовало по своимъ частнымъ видамъ, не

заботясь о затрудненіяхъ и неудобствахъ, какія могли произойти отъ этого въ отношеніи общаго дѣла. И однако жъ вмѣстѣ съ этой склонностью, они имѣютъ самую рѣзкую національную гордость, какъ доказываютъ это нѣкоторыя народныя поговорки; напримеръ: *Espanoles sobre todos* — «Испанцы выше всѣхъ»; *Quien dice España, dice todo* — «Кто сказалъ Испанія, тотъ сказалъ все». Иностранецъ можетъ назвать эти выраженія преувеличенными и смѣшными, но пусть остерегается выразить передъ туземцами хоть малѣйшее сомнѣніе въ этомъ отношеніи, если не хочетъ, чтобы его сочли за ревниваго, завистливаго неуча.

Испанецъ говоритъ о своей странѣ такъ, какъ будто бы еще погущественный Карлъ-Пятый велъ войска свои къ побѣдамъ, а Филиппъ Второй держалъ совѣтъ.

Когда Тьеръ, объѣзжая Испанію на почтовыхъ, остановился только на нѣсколько дней въ Мадридѣ, Испанцы были очень недовольны, что историкъ и государственный человѣкъ, казалось, считалъ ихъ страну столь мало достойною его вниманія, и говорилъ объ немъ: «Посмотрите на этого маленькаго *gabacho*, онъ не смѣетъ остановиться и поднять глаза къверху, въ этой странѣ, превосходство которой оскорбляетъ его личное и національное тщеславіе».

Очень ошибаются тѣ, которые воображаютъ, что Испанія, какъ самая южная страна Европы, должна наслаждаться по-крайней-мѣрѣ такимъ же благопріятнымъ климатомъ, какъ Италия и Греція. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя части поморья и притыла равнины южныхъ и восточныхъ провинцій имѣютъ довольно теплый климатъ зимою, но лѣтомъ онѣ палится жгучими лучами африканскаго солнца; въ сѣверныхъ же и западныхъ провинціяхъ идетъ дождь большую часть года, а внутри страны то олюдно и сумрачно, то жметъ и сушитъ. Иногда въ Мадридѣ бываетъ такъ холодно зимою, что часовые замерзаютъ, и всѣ сообщенія прерываются отъ снѣговъ, которые накопляются въ горныхъ переходахъ обихъ Пастивій.

Остроконечіе всего полуострова, считая и Португалію, составляетъ 49,000 квадратныхъ миль, изъ которыхъ немного болѣе 500 принадлежатъ Испаніи; окружность или береговая линія amounts въ 750 миль. Эта сжатая и удивленная страна, обитая прекраснымъ, сильнымъ и воинственнымъ народомъ, должна бы соперничать своими силами съ Франціею, а положеніе ея между двухъ морей, располагающихъ торговлею стараго и новаго свѣта, ея длинное береговое протяженіе, гдѣ много не-

Большинхъ заливовъ и портовъ, все это даетъ ей возможность съ успѣхомъ соперничать съ Англіею въ морскихъ предпріятіяхъ.

Природа щедро одарила средствами, какихъ требовали безчисленныя произведенія этой страны, богатой всѣмъ, что есть вездѣ, или на поверхности, или въ недрахъ земли; рудники и каменоломни изобилуютъ драгоценными металлами, камнями всѣхъ родовъ, отъ золота до желѣза, отъ агата до каменнаго угля, между тѣмъ какъ плодородная почва и большое разнообразіе климата позволяютъ воздѣлывать всѣ естественныя произведенія умѣренныхъ и тропическихъ странъ; такъ, въ провинціи Гренадѣ, сахарный тростникъ и хлопчатникъ прекрасно растутъ у подножія горъ, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, одно только величайшее невѣжество и худое управленіе человекомъ могло уничтожить дары, которыми эта счастливая страна такъ щедро надѣлена Провидѣніемъ. Подъ владычествомъ Римлянъ и Мавровъ, Испанія походила на прелестный садъ, когда, по выраженію одного древняго писателя, не было ничего празднаго, ничего безплоднаго, nihil otiosum, nihil sterile in Hispania. Съ-тѣхъ-поръ все измѣнилось, благодаря худому употребленію, какое люди сдѣлали изъ этихъ великолѣпныхъ даровъ. Alliver y pereza, blave de robeza «Гордость и лѣность — ключи бѣдности».

Новѣйшіе географы, принявъ за основаніе различіе климата раздѣляютъ Испанію на четыре части, которыя, дѣйствительно, довольно отличаются между собою своими естественными произведеніями. Первая, или сѣверная часть идетъ вдоль Пиренеевъ и заключаетъ въ себѣ части Каталоніи, Арагоніи и Наварры, провинціи бискайскія, Астурію и Галлісію. Эта страна сырая, съ продолжительными зимами, съ дождливою весною и осенью; ее можно посѣщать только лѣтомъ. Ея долины, ошаемыя многочисленными рѣками, изобилующими рыбами, служатъ превосходнымъ мѣстомъ для пастбищъ; горы ея покрыты лучшими строевыми лѣсомъ на всемъ полуостровѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея не можетъ расти хлѣбъ, а другія, кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ, производятъ сидръ и даже обыкновенныя вина. Эта часть населена народомъ сильнымъ, который рѣдко былъ покоренъ, потому что гористая страна представляетъ много средствъ къ натуральной защитѣ и почти непреодолимыя трудности для арміи.

Вторая часть, называемая иберійской и восточной, въ оныхъ приморскихъ областяхъ, болѣе азіатская, чѣмъ европейская; въ характерѣ жителей много общаго съ Греками и Карфагенцами: въ

жны, жестоки, коварны и вмѣстѣ съ тѣмъ веселы, остроумны и страстны въ удовольствіяхъ. Страна эта начинается отъ Бургоса и заключаетъ въ себѣ южную часть Каталоніи и Арагоніи съ частями Кастиліи, Валенсіи и Мурсіи. Весной и осенью пріятно посѣтить эту береговую страну; но лѣтомъ нестерпимый жаръ и міриады мушкетовъ дѣлаютъ ее невыносимою. Напротивъ того, округи около Бургоса изъ числа самыхъ холодныхъ въ Испаніи; термометръ опускается здѣсь гораздо ниже, нежели обыкновенно въ климатахъ умѣренныхъ; населеніе здѣсь степенное, воздержной жизни и чисто кастильское.

Третья часть, лузитанская или западная, самая большая, заключаетъ въ себѣ центральную мѣстность Испаніи и всю Португалію. Внутренность этой страны, въ особенности объ Кастиліи и Ланка, въ отношеніи физическихъ условій почвы и нравственныхъ качествъ жителей, представляетъ самый печальный видъ; это обширныя степи, лѣтомъ палимыя солнцемъ, а зимой опустошаемыя бурями. Отсутствіе деревьевъ и всякихъ изгородей представляетъ эти голыя степи непостоянству стихій. Плохія мазанки, разбѣяныя тамъ и сямъ по бесплодной пустынѣ, населены народомъ бѣднымъ, гордымъ и невѣжественнымъ. Хотя эти мѣстности сами по себѣ не могутъ доставить ни удовольствій, ни пользы иностранному путешественнику, однако же въ нихъ есть много городовъ и мѣстъ самаго высокаго интереса. Май, іюнь, или сентябрь и октябрь, самое лучшее время для обозрѣнія этой страны. Самые западные округи не столь печальны. На возвышенностяхъ есть много дубовыхъ и каштановыхъ деревьевъ, а въ богатыхъ равнинахъ собираютъ прекрасныя жатвы и виноградники даютъ отличное красное вино. Но здѣсь бываетъ большая засуха, и въ продолженіе большей части года отъ этого много терпитъ страна. Послѣ же обильныхъ весеннихъ и зимнихъ дождей, растительность показывается и сильно развивается; однакъ жь оливковое дерево встрѣчается здѣсь только въ немногихъ благоприятныхъ мѣстностяхъ.

Четвертая часть — Бетическая, самая южная в почти африканская. Она идетъ вдоль береговъ Средиземнаго Моря и основанія горъ, составляющихъ плоскую возвышенность полуострова; эта колоссальная ограда защищаетъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ. Ничего не можетъ быть поразительнѣе зрѣлища, представляющагося путешественнику, сходящему съ плоской возвышенности къ этимъ приморскимъ странамъ; въ нѣсколько часовъ природа совершенно мѣняется въ своемъ видѣ вокругъ него; изъ климата и расти-

величести Европы она переходит въ Аерику. Въ этой части зимы коретки и дитранны, болѣе дежидны, нежели холоды, весна и осень превосходны въ высшей степени. Земледѣліе основано на искусственныхъ орошеніяхъ, которыя Мавры довели до высшей степени совершенства; тамъ собираютъ самыя тропическія произведенія, сахаръ, хлопчатую бумагу, рисъ, апельсины, лимоны и финики.

Внутри Испаніи дорогъ очень мало, и тѣ находятся въ большомъ разстояніи другъ отъ друга. Онѣ проложены по болѣе доступнымъ частямъ горъ; эти проходы называются Puertos — верыта. Есть также тропинки, по которымъ можно ѣздить на мулѣ, но онѣ очень опасны и болѣе годятся для контрабандистовъ и бандитовъ, нежели для честныхъ путешественниковъ. Горы представляютъ вообще безплодный и печальный видъ, не лишены иногда высокой красоты; самыя высокія покрыты снѣгомъ. Рѣдко гдѣ есть на нихъ лѣса; какъ толы и утесистыя вершины часто рисуются на небесной лазури.

Испанская часть Пиринеевъ не имѣетъ большой привлекательности для того, кто ищетъ городскихъ удобствъ и любитъ хорошо поѣсть и пожить. Но для охотника, геолога и бѣтаника, она заключаетъ въ себѣ сокровища, которыя хорошо вознаграждаютъ ихъ за труды. Двѣ стороны границы представляютъ поразительный контрастъ. Въ Испаніи горы менѣе обрывисты; менѣе снѣжны, мѣжду-тѣмъ какъ многочисленны и много дѣлающаго теплыя воды Французскихъ Пиринеевъ заставили учредить дороги, diligencias, отели, общіе обѣденные столы, веревы, чичероне, ослы, и прочее, для парижскихъ феенеблэ, которые прѣзжаютъ туда расточать свою пошлость среди здѣшнихъ дуговъ и прекрасныхъ ужасовъ, но которые рѣдко выступаютъ за предѣлы прогулокъ, совершаемыхъ отборнымъ обществомъ.

Испанская сторона, болѣе богатая красотами, достойна возбудить удивленіе въ тѣхъ, которые чувствуютъ очарованіе и ностальгію альпійской природы, совершенно почти оставлена однимъ контрабандистамъ и горнымъ козамъ. Жители Испаніи, какъ и восточные народы, довольно равнодушны къ эстетическимъ удовольствіямъ этого рода, да сверхъ-того эти мѣста всегда были не безопасны по близости границы и по враждѣ, которая существуетъ между жителями сопредѣльныхъ странъ. Въ глазахъ недозрительныхъ и недоверчивыхъ деревенскихъ жителей, иностранецъ путешественникъ легко принимается за шпіона. Даже сами

Испанскія власти не могутъ понять любознательности, которая заставляетъ людей подвергать себя опасностямъ и лишеніямъ изъ одного удовольствія искать растенія, камня, или только приключенія. Охотникъ находитъ тамъ много дичи, между прочимъ серну, или горную козу, охота за которой исполнена такой же привлекательности и опасностей, какъ охота за горными, каменными козами въ швейцарскихъ альпахъ. Въ рѣкахъ ловятся форель и семга. Во многихъ мѣстахъ есть источники минеральной воды, но заведенія для пользованія ими устроены только на сторонѣ принадлежащей Франціи. Испанецъ вовсе не любитъ ни обливаться, ни пить лекарственныя воды. У горцевъ этихъ мѣсть, за исключеніемъ контрабандистовъ и гверильясовъ, простые и пастушескіе нравы; ихъ бѣдность имѣетъ въ себѣ что-то въ высшей степени живописное. Лѣтомъ они гоняютъ стада свои на возвышенныя мѣста, гдѣ живутъ вмѣстѣ съ ними въ очень плохихъ шалашахъ и воюютъ съ волками. Они имѣютъ превосходныхъ собакъ, и стада, привыкшія жить такимъ образомъ въ виду непріятели, удивительно послушны голосу пастуха. Шерсть съ овецъ вывозится контрабандою во Францію, гдѣ изъ нея дѣлаютъ грубыя сукна, которыя контрабанда старается снова провезти въ Испанію.

Въ Испаніи есть шесть большихъ рѣкъ, расположенныхъ, подобно артеріямъ, между семи цѣпей горъ, образующихъ позвоночникъ геологическаго скелета. Эти главныя рѣки перерѣзываются въ своемъ теченіи другими меньшими долинами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою рѣчку или ручей. Дожди и таковыя снѣга соединяются въ безчисленное множество потоковъ и текутъ черезъ эти природныя каналы въ одну изъ рѣкъ, которыя всѣ, за исключеніемъ Эбро, впадаютъ въ Атлантическій Океанъ. Дуро и Таго, къ несчастію для Испаніи, имѣютъ свои устья въ Португаліи, и находятся подъ вліяніемъ чужой страны, именно тамъ, гдѣ онѣ всего болѣе важны для торговли. Филиппъ-Второй понималъ существенную важность этого угла земли, который округлялъ Испанію и представлялъ удивительныя торговыя удобства, по отношенію ввоза и вывоза товаровъ. Объединеніе Португаліи дало ему болѣе истиннаго могущества, нежели покореніе цѣлыхъ странъ по ту сторону Океана, и это до сихъ поръ составляетъ предметъ тайныхъ желаній всякаго испанскаго правительства. Мивью, одна изъ рѣкъ, имѣющая наименьшую длину въ своемъ теченіи, орошаетъ плодосную страну. Таго, который воображеніе поэтовъ украсило золотыми песками и розами, катитъ свои воды на большомъ протяженіи между неплодныхъ скалъ. Гвадіа.

на изливается въ однообразной Эстремадурѣ, распространяя въ ея туманныхъ долинахъ миазмы лихорадки. Гвадалquivиръ течетъ между утесистыхъ береговъ жаркой страны оливковыхъ деревьевъ въ Андалузіи, а Эбро орошаетъ поля Арагоніи.

Лѣтомъ почти всѣ рѣки въ Испаніи очень неглубоки, но отъ дождей и таянія снѣговъ теченіе ихъ получаетъ необыкновенную быстроту; въ эти два періода онѣ равно неудобны для судоходства. Искусственное орошеніе смежныхъ съ ними земель служитъ немаловажною причиною къ обмеленію ихъ. Въ Мадридѣ и Валенсіи русла рѣкъ Мансапареса и Турія часто такъ же сухи, какъ песокъ на берегу моря во время отлива. Можно сказать, что названіе рѣки дано имъ изъ чистой вѣжливости, въ уваженіе къ многочисленнымъ и великолѣпнымъ мостамъ, на нихъ построеннымъ: для иностранца только что прибывшаго, это служитъ непереносимымъ предметомъ къ шуткамъ. Ему хочется прежде всего посоветывать жителямъ продать одинъ изъ этихъ мостовъ, чтобъ имѣть возможность купить себѣ воды; но достаточно одного обильнаго нагорнаго дождя для совершеннаго убѣжденія въ необходимости ихъ массивности и длинѣ, арокъ широкихъ и твердыхъ, огромныхъ каменныхъ столбовъ, которые до того казались болѣе памятниками архитектурнаго великолѣвія, нежели произведеніями общественной пользы.

Жители равнинъ съ трудомъ могутъ составить себѣ идею ужасающей быстроты и разрушительной буйности наводненій въ этой гористой странѣ. Это настоящая водяная лавина, которая съ яростью низвергается, увлекая все на своемъ пути и оставляя за собою разрушеніе и опустошеніе; но она не продолжительна, и путешественникъ, желающій впасть въ нее, долженъ сейчасъ бѣжать къ рѣкѣ, какъ только начнетъ падать дождь, иначе рѣка исчезнетъ, прежде нежели онъ доидетъ до нея. Когда Испанцы, подъ предводительствомъ Бласа и Лисета потеряли сраженіе при Ріо-Секо, доставившее Мадридъ въ руки Наполеона, французскіе солдаты, преслѣдуя бѣгущихъ въ русла сухой рѣки, вскричали: «Смотри ка! испанскія рѣки тоже бѣгутъ».

Многія изъ этихъ руселъ, въ отдаленныхъ округахъ, гдѣ дороги и мосты счатаются излишнею роскошью, служили вмѣстѣ и рѣкою, когда есть вода, и дорогою, когда воды нѣтъ. Въ этой странѣ аномалія, вы встрѣчаете рѣки безъ мостовъ и мосты безъ рѣкъ; самый замѣчательный изъ этихъ pontes asinorumъ въ Коріи, гдѣ перетѣжаютъ Алагонъ на неудобномъ и часто опасномъ фаросѣ, между-тѣмъ, какъ чудесный мостъ на пяти аркахъ стоитъ

среди сосѣднихъ луговъ. Это происходитъ оттого, что вслѣдствіе наводненія рѣки оставила свое русло; а Коріянци и не позаботились провести ее обратно подъ оставленныя ею арки. Они дожидаются, рассчитывая, безъ сомнѣнія, на испанскую поговорку, которая говоритъ, что всѣ невѣрныя рѣки подъ конецъ раскаяваются и приходятъ опять въ свое русло черезъ тысячу лѣтъ.

Судоходство въ отсталомъ, жалкомъ видѣ; суда, лодки и сами судовщики не вышли еще изъ среднихъ вѣковъ. Гвадалквивиръ, бывшій, во время Римлянъ, судоходнымъ до Кордовы, теперь можно проѣхать только и то съ трудомъ до Севильи, на парусныхъ судахъ посредственной величины. Пароходы, которые ходятъ отъ этого города до Кадикса, привезены изъ Англіи. Много было говорено объ учрежденіи сообщенія между Лиссабономъ и Толедо посредствомъ Тага; но эта рѣка почти такъ же мало извѣстна, какъ Нигеръ. Ея величественное теченіе представляетъ самыя поэтическія и разнообразныя виды. Сначала она катитъ свои зеленыя и быстрыя воды по полямъ Новой Кастиліи, засѣяннымъ хлѣбомъ, потомъ орошаетъ пріятную долину Аранхуеса, освѣжаетъ зелень его садовъ и боскетовъ, наконецъ клокочетъ въ глубинѣ гранитныхъ овраговъ Толедо, какъ бы въ нетерпѣніи вырваться изъ подъ холодныхъ тѣней своей темницы, чтобъ снова разослаться на солнечномъ свѣтѣ среди молчаливыхъ долинъ, по которымъ текутъ его воды, чистыя и спокойныя, какъ лазурь неба, въ ихъ отражающаяся, черезъ Эстрамадуру до горъ Алькантары. Тамъ находится мостъ Трояна. Чтобъ видѣть его, стоить сдѣлать сто миль; большой, простой и прочный, окрашенный цвѣтомъ промчавшихся надъ нимъ семнадцати столѣтій, онъ стоить подобно скелету римскаго могущества, окруженный удивленіемъ, величіемъ, связывая настоящее съ прошедшимъ въ живомъ интересѣ, который онъ внушаетъ.

Тагъ настоящая испанская рѣка, которой не коснулись еще образованность и торговля. Волны ея безъ судовъ, берега безъ жилищъ, рука человѣка не наложила еще цѣпей на ея вольный бѣгъ.

Однако жъ очень легко сдѣлать ее судоходной и соединить такимъ образомъ Мадридъ и Лиссабонъ, черезъ Хараму. Подобное предпріятіе сдѣлало бы много пользы Испаніи. Много разъ предложено было иностранцами вѣсколько плановъ для этой цѣли; такъ, въ 1581 году, Неаполитаецъ Аптонелли, и Миланецъ Джуанелло Турриано внушили эту мысль Филиппу Второму,

который былъ тогда властелиномъ Португаліи. Но не доставая денегъ. Въ 1641 году, два другіе иностранца, Джуліо Мартелли и Луиджи Кардуки тщетно старались вывести изъ бездѣйствія Филиппа IV, который, потерявши скорѣ Португалію, не думалъ больше о Тагѣ. Въ 1755 году, Ирландецъ Ричардъ Валль снова взялся за проектъ, но Карлъ - Третій былъ слишкомъ занятъ помощью Франціи въ ея войнѣ съ Англичанами. Въ 1829 году, Ксаверій де-Кабанасъ, изучавшій систему каналовъ въ Англіи, издалъ сочиненіе о судоходствѣ по Тагу, полуодобренное Фердинандомъ-Седьмымъ; къ несчастію, все ограничилось на этотъ разъ постановленіемъ, исполненіе котораго было отложено на неопредѣленное время. Недавно, одинъ свѣдущій человѣкъ, пріобрѣтшій во время долгаго пребыванія въ Англіи познанія и энергію, необходимыя для такого предпріятія, снова пустилъ въ ходъ этотъ важный вопросъ. Увидимъ, успѣетъ ли онъ; надежда—хорошій завтракъ, но плохой ужинъ, сказалъ Беконъ, и въ Испаніи поздно начинаютъ и никогда не кончаютъ, такъ по-крайней-мѣрѣ говоритъ національная пословица: «En España se empieza tarde, y se acaba nunca».

Обыкновенно думаютъ, что путешествіе по Испаніи исполнено необыкновенныхъ трудностей и опасностей. Это ложное мнѣніе распространено тѣмъ, кто никогда не былъ въ Испаніи и подтверждено нѣкоторыми туристами съ плодовитымъ воображеніемъ. Дѣло въ томъ, что эта страна, самая романтическая и самая оригинальная въ Европѣ, можетъ быть посѣщаема сухимъ путемъ и моремъ, во всю длину и ширину, совершенно безопасно; пароходы тамъ точны, почтовые кареты и дилижансы превосходны, дороги порядочны и мулы надежны. Въ послѣднее время въ особенности число «*casados*» или гостинницъ такъ увеличилось, а число разбойниковъ такъ уменьшилось, что, право, надо самому захотѣть, чтобъ быть ограбленнымъ, или терпѣть голодъ.

Въ Испаніи, большія дороги — роскошь новѣйшаго времени: онѣ появились при династіи Бурбоновъ. Мавры и древніе Испанцы, путешествовавшіе верхомъ, а не въ экипажахъ, совершенно забросали великолѣпныя дороги Римлянъ. Двадцать девять первоклассныхъ дорогъ прорѣзывали полуостровъ, служа средствомъ сообщенія, по военнымъ, или торговымъ дѣламъ, между побѣдителями и жителями ихъ колоній. Самая большая изъ нихъ вела изъ Мериды, столицы Лузитаніи, въ Саламанку. По этой дорогѣ видны еще и теперь среди пустынныхъ степей обломки гранита; тамъ и сямъ возвышаются милевыя колонны среди кустарниковъ; во многихъ мѣстахъ, прекрасныя деревья растутъ среди

дороги и всюду природа, вѣчно-юная и мощная, вступила въ свои права, переставила груды камней, перевила развалины гирляндъ цвѣтовъ, сирѣла разрушенія времени и человѣка подъ очаровательными, безпрестанно извивающимися украшеніями. Испанскій погонщикъ муловъ проложилъ себѣ тропинку по песку и кустарникамъ, подлѣ этой римской дороги; онъ, кажется, и не подумаетъ, чтобъ можно было по ней ѣздить.

Въ средніе вѣка, дороги были устраиваемы духовенствомъ. Въ Испаніи, какъ и вездѣ въ католическихъ странахъ, монахи были пионерами образованности; они прокладывали широкія и удобныя дороги, чтобъ облегчить сначала доступъ къ ихъ монастырямъ, святѣйшымъ мѣстамъ, куда стекались на поклоненіе вѣрующіе; а потомъ къ этому присоединилась торговля, и дороги сдѣлались для монаховъ источникомъ доходовъ. Замѣчательно, что испанское слово «*Regia*» значить вмѣстѣ обрядъ вѣры, праздникъ и ярмарку. Нѣкоторые святые были призваны покровителями дорогъ и къ ихъ имени присоединялось названіе дороги. Напримеръ «*Sante Domingo de la Calzada*», такъ названъ потому, что первый устроилъ вымощенную дорогу въ Старой Кастиліи для богомольщиковъ, отправлявшихся въ Компоостелло. Къ несчастью, съ уменьшеніемъ пилигримовъ, мѣнѣе стали заботиться о дорогахъ и онѣ теперь находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.

Главнѣйшія линіи сообщенія, прорѣзывающія полуостровъ, ведутъ свое начало отъ Карла-Третьяго и Карла-Четвертаго. Онѣ идутъ отъ Мадрида, направляются къ важнѣйшимъ пограничнымъ и береговымъ городамъ, и образуютъ какъ бы сѣть паука, центромъ которой служитъ Мадридъ. Но чуть путешественникъ удалится отъ нихъ, онъ находитъ вездѣ только дурныя дороги, по которымъ можно ѣздить верхомъ на лошади или на мулѣ; по этому, если онъ хочетъ хорошо осмотрѣть страну, онъ долженъ усвоить себѣ этотъ обычай, въ высшей степени національный въ Испаніи, какъ и на всемъ Востокѣ. Бѣдное земледѣльческое населеніе отдаленныхъ провинцій не охотно перемѣняетъ мѣсто своего жительства. Каждое семейство удовлетворяетъ само своимъ простымъ и очень ограниченнымъ нуждамъ; имѣя очень мало денегъ, деревенскіе жители одѣваются и кормятся, подобно Бедуинамъ, произведеніями своихъ полей и стадъ. Однажды въ годъ они отправляются на какую нибудь соседнюю ярмарку, для покупки разныхъ предметовъ роскоши, которые могутъ себѣ позволить, или дожидаются въ своей хижинѣ пріѣзда погонщика муловъ или контрабандиста, которые,

въ трехъ четвертяхъ полуострова, одни настоящіе дѣятели торговой мѣвы.

Съ нѣкотораго времени много говорятъ объ учрежденіи желѣзныхъ дорогъ; англійская страсть перешагнула Пиринеи и были составлены великолѣпные планы, на бумагѣ, для покрытія полуострова сѣтью рельсовъ, которые должны были быть дѣлаемы съ помощью желѣза и золота Великобританіи. Но жаръ спекуляцій остылъ отъ пріятствій всякаго рода. Въ Испаніи не могли устроить и поддерживать достаточнаго числа обыкновенныхъ дорогъ и каналовъ для нужды ихъ столь мало дѣятельной торговли. Разстоянія чрезвычайно огромныя и очень ограниченное передвиженіе товаровъ даютъ мало вѣроятности въ успѣхѣ желѣзныхъ дорогъ; и геологическое устройство страны представляетъ почти непреодолимыя трудности. Испанія страна горъ, вездѣ возвышаются горныя вершины, отдѣляющія провинціи и округи. Это все равно, что сдѣлать ровными Швейцарію или Тиролю; польза была бы въ обратномъ содержаніи къ издержкамъ; послѣднія огромны, а первая ничтожна. Гора бы родила мышъ, да и этого, можетъ быть, надобно бы ждать слишкомъ долго.

Въ этихъ обширныхъ пустыняхъ, торговля и промышленность такъ же рѣдки, какъ путешественники. Испанецъ, рутинистъ по натурѣ, врагъ всякихъ нововведеній, ненавидитъ движеніе, какъ Турокъ, и ничего такъ не боится, какъ дѣятельность, и долго еще для него достаточно будетъ мула, чтобы перевезти съ мѣста на мѣсто, или перевозить товары. Сверхъ-того, если бы Англичане и дали денегъ, то кто будетъ работать? Туземцы имѣютъ отвращеніе отъ всякой унизительной и трудной работы, и видѣть съ тѣмъ очень недовольны, когда видятъ иностранцевъ, водворяющихся у нихъ, даже для ихъ собственной пользы. Послѣ вооружаются противъ этихъ иностранцевъ, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они пришли *сосать богатство Испаніи*, какъ они всегда это дѣлали. Но положимъ, что всё эти препятствія будутъ уничтожены и что дороги устроятся, какъ предохранить ихъ отъ разрушающаго дѣйствія солнца, или, что еще опаснѣе, отъ дѣйствія варолага зевѣжества. Погонщикъ муловъ, который занимаетъ теперь мѣсто рельсовъ и паровъ, назвалъ первую появившуюся въ Испаніи холеру путешественникомъ, пріѣхавшимъ по желѣзвой дорогѣ. Погонщики составляютъ одна изъ многочисленныхъ и прекрасныхъ классовъ въ Испаніи.

Спекуляторы еще недавно видѣли онытъ, который раскрылъ имъ глаза. Агенты и вижемеры англійскіе были удивительно хо-

рошо приняты въ Испаніи. Подписывались на ихъ проекты съ необыкновенною быстротою. Составилась компанія, назначили директоровъ. Но потомъ, когда насталъ срокъ перваго взноса денегъ, испанскіе акціонеры отказались платить и поторопились отослать назадъ всѣхъ инженеровъ и работниковъ англійскихъ, съ одной линіи, исполненіе которой кажется теперь возможнымъ, то есть, отъ Мадрида до Архануеца, подъ предлогомъ поощренія таланта и промышленности туземцевъ жителей. Чтѣ же касается до другихъ проэктованныхъ линій, то онѣ вѣроятно будутъ существовать только на одной бумагѣ, въ великолѣпныхъ объявленіяхъ, раздаваемыхъ на лондонской биржѣ для приманки акціонеровъ.

Почта, въ отношеніи отправленія писемъ и путешественниковъ, организована почти также, какъ въ другихъ государствахъ Европы, но ей многого не достаетъ еще скорости и безопасности. Во время безпорядковъ междуусобной войны, многія письма вскрывались, безъ всякой церемоніи. Оттого Испанцы сохранили привычку быть осторожными и осмотрительными. «Carta capta», письмо говорятъ, выражаются они.

Учрежденіе постоянныхъ diligencсовъ ведетъ свое начало отъ Фердинанда VII. Этотъ способъ путешествія дешевле и надежнѣе; оттого всѣ планы общества посвящаются имъ исключительно; даже королевская фамилія ѣздитъ въ diligencсахъ; инфантъ доузъ Франсиско де-Пауло принимаетъ цѣлый diligencсъ для себя и своего семейства всякій разъ, когда отправляется куда-нибудь изъ Мадрида. Впрочемъ, публичныя кареты такъ же хороши, какъ во Франціи, и вообще тамъ встрѣчаешь отборное общество, потому что, не смотря на значительность цѣны, въ Испаніи, гдѣ деньги рѣдки, онѣ выше средствъ большинства жителей; путешественники въ diligencсахъ тѣ же, какихъ встрѣчаемъ въ другихъ мѣстахъ въ почтовыхъ каретахъ.

Въ Испаніи diligencсы вообще имѣютъ вооруженную стражу, состоящую изъ здоровыхъ ребятъ, съ живописной наружностью, которыхъ легко принять за разбойниковъ, чтѣ вовсе не далеко отъ истины, потому что большая часть ихъ прежде поступленія на жалованье полиціи, были ворами на большихъ дорогахъ. Они вооружены цѣлымъ арсеналомъ кинжаловъ и пистолетовъ, такъ, что экипажъ, конвоируемый этимъ въ своемъ родѣ гарнизономъ, очень похожъ на катящуюся цитадель. Въ некоторыхъ подозрительныхъ мѣстахъ вокругъ diligencса галонируютъ жандармы.

Благодаря этимъ предосторожностямъ, путешествованіе совершается безопасно, по-крайней-мѣрѣ грабежи на дорогахъ оцѣнь рѣдки.

Но, какъ мы уже сказали прежде, для того, кто хочетъ узнать страну, удаляясь отъ большихъ дорогъ, тому нѣтъ другого средства какъ путешествовать на мулѣ или ослѣ. Этотъ родъ путешествія, самый обыкновенный въ Испаніи, всегда будетъ предпочитаться тяжелымъ и неудобнымъ повозкамъ веттуриновъ. Въ немъ больше свободы, больше независимости, и спокойно можно пускаться по дорогамъ наименѣ посѣщаемымъ.

Испанскіе поселяне употребляютъ почти вездѣ осла, къ которому они имѣютъ такую же привязанность, какъ Санчо Панса къ своему милому boggico. Это покорное животное составляетъ существенную часть національной жизни въ городахъ и деревняхъ; онъ тамъ одно изъ неизбѣжныхъ дѣйствующихъ лицъ. Всякій разъ, когда два или три Испанца соберутся на рынокъ, въ юнтѣ, или въ конгрегаціи, вы можете быть увѣрены, что съ ними есть оселъ; это помощникъ бѣдныхъ классовъ, которые не знаютъ большаго несчастія, какъ трудиться, и потому стараются какъ можно больше свалить трудъ на этого вѣрнаго и покорнаго товарища. Характеръ животнаго нѣсколько похожъ на характеръ господина. Тотъ и другой сначала могутъ хорошо брыкаться, когда на нихъ навалитъ излишнюю тяжесть, или падеть, но вскорѣ, увидя, что нѣтъ средства избавиться, помирятся и терпѣть; оттого-то и существуетъ между ними большое сочувствіе, не смотря на удары и брань, расточаемые иногда господиномъ животному. Въ округѣ Сагра, возлѣ Толедо, осла называютъ El vesipo; онъ составляетъ часть семейства; онъ одинъ изъ посолговъ, и въ его отношеніи есть какое-то выраженіе, показывающее, что онъ дѣйствительно считаетъ себя такимъ. Ла-Манча лучшее мѣсто муловъ и ословъ. Тамъ есть много Савхо, обнимающихъ съ нежностью своихъ ословъ и ласкающихъ ихъ разными нежными именами. Но въ Испаніи, любовь безпрестанно переходитъ отъ сладкаго къ горькому. Испанецъ присвоиваетъ себѣ по всей справедливости право бить своего осла, какъ ему вздумается, и тогда никто не смѣетъ вмѣшаться, точно такъ, какъ бы дѣло шло о ссорѣ мужа съ женой. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, благородный гвдалго счелъ бы за униженіе бѣхать на ослѣ; но теперь, знатные люди и ихъ супруги, важные иностранцы посланники употребляютъ ословъ, во время переклада изъ двора въ Аравуецъ; boggicados, или бѣги на ослѣхъ, въ большой модѣ.

Погонщики муловъ, или аггегосъ, составляютъ важный классъ въ Испаніи. Ихъ общество въ путешествіи драгоцѣнно, потому что отъ нихъ въ особенности можно узнать всё полезныя свѣдѣнія и подробности, которыя знакомятъ съ правами страны. Они поговяютъ вообще длинный рядъ хорошо навьюченныхъ муловъ, но такъ, чтобъ не изнувать ихъ силы. На мулѣ, идущемъ впередъ, привязанъ мѣдный колокольчикъ на шеѣ, который болтается до самыхъ колѣнъ и съ каждымъ шагомъ животного издаетъ меланхолическіе звуки, которымъ народный предразсудокъ приписываетъ способность удалять злыхъ духовъ. За этимъ вожатымъ идутъ другіе мулы. Погонщикъ идетъ возлѣ нихъ, или садится на мула, впереди поклажи, раздѣленной на три равныя части, расположенныя по бокамъ и на спинѣ. Заряженное ружье виситъ возлѣ него, верѣдко съ гитарою; эти эмблемы жизни и смерти хорошо изображаютъ безпечный характеръ Иберіи, страны, гдѣ крайности сходятся безпрестанно, гдѣ человѣкъ оставляетъ жизнь подобно лебедю, съ пѣніемъ.

Испанскій погонщикъ добрый товарищъ: онъ смысленъ, дѣтеленъ и терпѣливъ; не боится ни голода ни жажды, ни жару ни холоду, ни засухи ни грязи; онъ такъ же неутомимо трудится, какъ его мулы. Онъ точенъ и честенъ.

Magafalos общій кварталъ, который въ San-Roman, близъ Astorga, составляютъ мало извѣстный классъ европейскихъ путешественниковъ; подобно Жидамъ и Цыганамъ, они живутъ исключительно между собою, сохраняя неприкосновенно свой первоначальный костюмъ и обычаи, никогда не вступая въ бракъ съ женщиной, не принадлежащей ихъ кастѣ. Они кочуютъ, подобно Бедуинамъ, съ тою разницею, что лошади замѣняетъ имъ верблюда. Ихъ честность, и промышленность вошли въ пословицу. Эти люди спокойные, основательные, положительные, искусные въ дѣлахъ. Они служатъ посредниками во всей торговлѣ между Галисіею и Кастиліями; ихъ на встрѣтите ни въ южныхъ, ни въ восточныхъ провинціяхъ. Они носятъ кожаную куртку, которая обтягиваетъ ихъ тѣло, на подобіе кирасы, оставляя руки свободными. Бѣлье ихъ грубо, но бѣло, въ особенности воротъ рубашки; широкій кожаный поясъ служитъ имъ кошелькомъ для денегъ. Ихъ панталонъ, какъ у жителей Валенсіи, называются Zagagnellos, арабское слово, которое значитъ широкія шальвары. Ноги ихъ обуты въ длинные штבלеты изъ темнаго сукна съ красными подвязками; волосы коротко обстрижены, однако жъ иногда оставляются длинными пряди. Широкая шляпа, надвинутая на глаза, дополняетъ

нарядъ, приспособленный къ нуждамъ путешествія; но люди эти остаются неизмѣнными, какъ законы Мидьянъ и Персовъ. Корлеро богатый депутатъ Марагатосовъ, засѣдаетъ въ собраніи Кортесовъ въ такомъ же костюмѣ.

Одежда женщинъ не менѣе странна: замужнія носятъ особенный головной уборъ, называемый *El Sagamiello*, который имѣетъ видъ полумѣсяца, обращеннаго рогами ко лбу. Волосы распушены по плечамъ, а юбка, открытая спереди и сзади, поддерживается особеннымъ поясомъ, а въ корсажѣ есть четверугольный вырѣзь на груди. Тяжелыя серьги висятъ на шелковыхъ ниткахъ.

Эти люди собираются два раза въ годъ въ Асторгъ, тапковать *El Capizo*, который начинается въ два часа по полудни и кончается ровно въ три. Но они не допускаютъ къ себѣ ни одного иностранца, и если явится посторонній, тотчасъ все расходится.

Женщины исполняютъ дома самыя трудныя работы. На поляхъ пахутъ, сѣютъ, собираютъ жатву, тогда какъ мужья ихъ путешествуютъ.

Марагатосы славятся своимъ рабочимъ скотомъ; мулы изъ Леона считаются лучшими, а ослы становятся многочисленнѣе и сплывѣ, по мѣрѣ того какъ приближаешься къ ученому университету Саламанки. Марагатосы не уступаютъ никому дороги; тамъ они господа и властители и чувствуя всю свою важность, мало заботятся о турнестѣ, который впрочемъ тамъ встрѣчается рѣдко. Вообще, испанскіе погонщики несколько не церемонятся, и какъ ни живописна картина, а все таки очень непріятно встрѣтить рядъ навьюченныхъ муловъ на узкой тропинкѣ, идущей вдоль пропасти, *cosa de Ezrapa* (испанская вещь). Марагатосы вовсе не беспокоятся, и мулы, ноша которыхъ торчитъ со всѣхъ сторонъ, занимаютъ всю ширину дороги. Но въ центрѣ Испаніи всѣ подробности путешествія рассчитаны по видамъ торговымъ, а не для удобства путешественниковъ, о которыхъ вовсе не заботятся, и на которыхъ смотрятъ даже съ недобѣрчивостью. Гостиницы, дороги, обычаи, все это согласовано съ національными требованіями, и иностранецъ не долженъ несколько рассчитывать, чтобъ для его удовольствія что-нибудь измѣняла. Испанія, въ этомъ отношеніи, представляетъ совершенный контрастъ съ Швейцаріей, которая можно сказать, населена содержателями гостиницъ и дорожныхъ экипажей.

ЖИВОПИСЬ ВО ФРАНЦІИ

ВЪ ОСЕМНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

=
СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

=
Наче.

=
I.

Мы не разъ говорили о странныхъ противурѣчіяхъ и противуположностяхъ, которыми ознаменованъ прошлый вѣкъ во Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая науки, литературу и искусства того времени, мы видимъ въ нихъ все, что только можетъ произвести вѣтреность, развращеніе нравовъ и необузданная фантазія. Хотя въ это время являются Ла-Шалоте, Серванъ и Беккариа, люди самаго безукоризненнаго характера и чистѣйшей нравственности; но съ другой стороны маршалъ Ришліе и вельможи, подражавшіе ему въ волокитствѣ, представляли обществу пагубный и соблазнительный примѣръ, не помышляя о грозѣ, скоплавшейся надъ ихъ головами и долженствовавшей скоро разразиться съ ужаснымъ трескомъ и шумомъ. Искусства, которыхъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ доставляя удовольствіе, вѣстѣ съ тѣмъ трогать и научать людей, увлеклись тогдашнимъ общимъ легкомысленнымъ направленіемъ и стали угождать господствовавшему испорченному вкусу и его требованіямъ. Все великое, прекрасное и строгое уступило мѣсто красивому, кокетливому и даже часто жеманному. Коазево и Кусту за-

вѣнчили Пюже; Ватто, Ланкре и Буше пользовались такою же славою, какъ вѣкогда Пуссенъ и Лесюэръ; наконецъ портреты Бурдона, Лефевра и Риго были вытѣснены портретами Натье.

Имя этого живописца, украшавшаго своими произведеніями дворцы и отели своего времени, не имѣетъ большой извѣстности и рѣдко встрѣчается въ біографіяхъ художниковъ осемнадцатаго столѣтія. Между тѣмъ Натье вполне принадлежитъ своему вѣку и долженъ занимать въ немъ видное мѣсто. Не имѣя созданныхъ имъ портретовъ, можно-ли было бы намъ составить вѣрное понятіе о бѣлыхъ и розовыхъ лицахъ, покрытыхъ мушками, о взглядахъ, какнхъ ужъ нынче нѣтъ, и о бесконечно-разнообразныхъ и кокетливыхъ нарядахъ французскихъ герцогинь, графинь и маркизъ, этихъ очаровательницъ царствованія Людовика Пятнадцатаго?... Нѣтъ; точно также, какъ для насъ потеряны бы были шарфчикъ и тонъ тогдашняго французскаго общества, еслибъ мы не находили ихъ въ романахъ Кребиллона, Дюкло и въ комедіяхъ Мариво. Натье былъ идоломъ этого общества, въ особенности женщины были въ восторгѣ отъ его таланта, который онъ называли *волшебнымъ*. Эпитетъ этотъ объясняется тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ живописецъ не умѣлъ, подобно Натье, такъ искусно скрывать недостатки и даже обращать ихъ въ пользу изображеннаго лица. Онъ умѣлъ придавать самой незначительной фizioноміи выразительность; голубымъ глазамъ, лишеннымъ всякаго выраженія, онъ сообщалъ какой то томный блескъ, а глаза черные, быстрые и смѣлые — подъ кистью его получали столько лукавства и ума, что приводили въ восхищеніе величайшихъ скромниковъ. Выражаясь въ духѣ того времени, кисть его можно сравнить съ жезломъ Арииды, сообщающимъ красоту, грацію и выразительность всѣмъ, докоряющимся ея волшебству. Но въ особенности нельзя достаточно надивиться тому, что величайшее и поразительнѣйшее сходство не уступало ни на волосъ счастливымъ и своевольнымъ превращеніямъ, которымъ онъ подвергалъ свои оригиналы...

Натье (Jean-Marc Nattier) родился въ Парижѣ, въ 1685 году. Отецъ его, портретный живописецъ, былъ членомъ королевской академіи, а мать, Марія Куртоа, принадлежала къ фамиліи Куртоа, извѣстнаго подъ именемъ Бургинона, прославившагося своими баталическими картинами. Госпожа Натье отличалась замѣчательнымъ талантомъ въ живописи миниатюрной. — Лебрень давалъ ей уроки рисованія и она, безъ сомнѣнія, могла бы еще болѣе развить свой талантъ и дойти даже состояніе, еслибъ не

была, на двадцать-второмъ году своей жизни, поражена параличемъ, лечение котораго прервало ея занятія и повлекло въ значительныя издержки, истощившія весь небольшой запасъ денегъ ея мужа. Она скончалась, оставивъ семейство въ совершенной бѣдности.

Къ счастью, Жувене, одинъ изъ отличнѣйшихъ живописцевъ того времени, былъ крестнымъ отцомъ ея сына и питалъ къ нему чувства, истинно родственныя. Онъ поимѣстлялъ своего молодого крестника въ училище академіи, гдѣ онъ вскорѣ былъ отличенъ и на пятнадцати-лѣтнемъ возрастѣ, награжденъ первою премією за успѣхи въ рисункѣ.

Въ области искусствъ того времени господствовали Мансаръ и Лебрень. Но по характеру они были совершенно противоположны другъ другу. Лебрень гордый, заносчивый, завистливый, восхищавшійся собственными своими произведеніями, не охотникъ былъ оказывать услуги другимъ художникамъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые могли затмить его своимъ талантомъ; между-тѣмъ какъ Мансаръ добрый, откровенный, великодушный, цѣнившій достоинства въ каждомъ, всегда расположенъ былъ оказывать услуги ближнему. Увидѣвъ рисунки молодого Натье и замѣтивъ въ немъ талантъ, онъ тотчасъ назначилъ ему небольшой пенсіонъ, которымъ академія могла располагать въ пользу учениковъ, получившихъ преміи. Но этимъ Мансаръ не ограничился: онъ исходатайствовалъ у короля позволеніе поднести ему сдѣланные Натье рисунки, представлявшіе картины Люксембургской галлерей. Лудовикъ-Четырнадцатый былъ очень доволенъ трудами молодого художника, даровалъ ему право издать ихъ въ гравюрахъ въ свѣтъ, и чтобъ еще больше поощрить возникавшій талантъ, сказалъ Натье: «Продолжайте заниматься какъ началъ и изъ васъ выйдетъ великій живописецъ».

Натье кончилъ рисунки Люксембургской галлерей и выдалъ ихъ въ свѣтъ въ 1710 году. За пять лѣтъ передъ тѣмъ онъ лишился отца, и теперь, какъ талантливый художникъ, получилъ чрезъ посредство Жувене предложеніе герцога Антенскаго (d'Antin) занять вакантное мѣсто пансіонера во французской академіи въ Римѣ. Но ему было уже не дурно и въ Парижѣ, гдѣ труды доставляли ему значительныя средства къ существованію; — по этому онъ отказался отъ поѣздки въ Италію. Говорятъ однако-жъ, что въ послѣдствіи онъ очень сожалѣлъ объ этомъ. Если это справедливо, то мы думаемъ, что онъ ложно понималъ достоинство и значеніе своего дарованія. Онъ не имѣлъ

призванія, подобно Пуссену, къ живописи величественной и строгой. Онъ напрасно терялъ бы время, подражая образцамъ въ этомъ родѣ, и въ живописи исторической не могъ бы возвыситься надъ посредственностью; между тѣмъ, какъ оставшись вѣрнымъ своимъ истиннымъ склонностямъ, онъ образовалъ изъ себя неподражаемаго портретнаго живописца.

Одинъ случай въ жизни Натъе, принадлежащій исторіи искусства и относящійся ко времени появленія первыхъ его трудовъ, доказываетъ какія препятствія всегда останавливали развитіе талантовъ во Франціи. Вотъ въ чемъ дѣло: 12 августа 1594 года, учрежденъ былъ въ Парижѣ *цехъ живописцевъ*, подъ именемъ Академіи Святаго Луки. Цѣль ея учрежденія, по словамъ Пиганіела де-Ла-Форса, состояла въ томъ, чтобы *возвысить искусство живописи, и исправить вкраившіяся въ него недостатки*. Въ слѣдствіе этого парижскій городской голова (*prévôt de Paris*) пригласилъ въ общее собраніе всѣхъ парижскихъ живописцевъ. Потомъ, по соглашенію съ ними, составленъ былъ для нихъ уставъ, наравнѣ съ ремесленными цехами, и такимъ образомъ искусство низведено было до ремесла и вмѣстѣ съ тѣмъ, для оцѣнки работъ, опредѣлены были присяжные оцѣнщики. Они были облечены полною, неограниченною властью, потому что *имѣли право не позволять работать тѣмъ, которые не принадлежали къ ихъ общинѣ*, то есть, какъ въ извѣстной баснѣ, были — «Не нашего прехода».

Можно вообразить себѣ послѣдствія подобнаго закона, который однако жъ оставался въ дѣйствіи до 1776 года. Но еще съ 1648 года, по просьбѣ всѣхъ талантливыхъ живописцевъ, находившихся тогда въ Парижѣ и возставшихъ противъ несправедливой строгости этого постановленія, стали требовать совершенной его отмены. Въ слѣдствіе этого учреждена была королевская академія живописи. Но къ сожалѣнію, академія эта, имѣвшая цѣлью покровительство художниковъ и избравшая девизомъ: «*Libertas artibus restituta*», впоследствии не оправдала своего прекраснаго назначенія.

Но обращаясь къ нашему артисту, намъ предстоитъ объяснить отношенія, въ которыхъ онъ находился, въ 1713 году, къ цеху живописцевъ, въ число которыхъ не хотѣлъ вписаться*.

Завидуя успѣхамъ Натъе, главы этого цеха хотѣли захватить

* См. Pigniol de la Force. и брошюру подъ заглавіемъ: «*Appel aux artistes*» par Clément de Ris — 1847.

всѣ его произведенія, запретить ему работать для церквей и для публички и продавать свои картины. Это значило просто довести Натѣ до бездѣйствія и нищеты.

Но къ счастью, найдя поддержку въ Жувене, онъ былъ принятъ въ королевскую академію. Въ этомъ убѣжищѣ, онъ былъ внѣ преслѣдованія своихъ враговъ.

Между-тѣмъ кончина Лудовика-Четырнадцатаго, также какъ и несчастія, постигшія послѣдніе годы его царствованія, имѣли вредное вліяніе на искусства. Многіе живописцы и талантливые люди не находили работы, потому что торговля и финансы были въ величайшемъ разстройствѣ. Слѣдствія отмѣны нантскаго эдикта, всеобщее сильное волненіе умовъ, происходившее отъ учрежденія регентства и несогласія, обнаружившіяся при дворѣ, вотъ тѣмъ были заняты тогда всѣ умы. Живопись, ваяніе, зодчество и музыка могутъ процвѣтать только при твердомъ монархическомъ правленіи, обеспечивающемъ неизмѣнный порядокъ и всеобщее спокойствіе, залогъ народнаго довольства и блага. Лишась этихъ необходимыхъ условій своего существованія, французскіе художники оставили отечество и разсѣялись по разнымъ странамъ Европы.

Знаменитый Лефортъ, сотрудникъ Петра-Перваго въ великомъ дѣлѣ водворенія образованія въ нашемъ отечествѣ, пригласилъ архитектора Леблонда (Leblond) переселиться въ Россію, предложилъ и Натѣ послѣдовать его примѣру и для этого отправиться сначала въ Амстердамъ, тогдашнее мѣстопробываніе Императора. Натѣ принялъ это предложеніе и сопровождалъ Лефорта въ Голландію. Государь принялъ художника очень милостиво и велѣлъ ему написать портреты многихъ находившихся при немъ вельможъ. Потомъ Царь заказалъ ему картину сраженія подъ Полтавой и портретъ Императрицы Екатерины-Первой, находившейся тогда въ Гагѣ. Вскорѣ послѣ этого Петръ отправился въ Парижъ и получилъ тамъ письмо отъ Августѣйшей своей супруги, которая съ величайшими похвалами отзывалась о своемъ портретѣ, написанномъ Натѣ, такъ что Государь изъявилъ желаніе видѣть самъ этотъ портретъ. Натѣ отвезъ свой трудъ въ Парижъ, и хотя картина не была еще совершенно оковчена, но она такъ повинулась Императору, что Его Величество заказалъ художнику Боату, пользовавшемуся тогда большою извѣстностью, сдѣлать по образцу этого, другой портретъ Императрицы, эмалью.

Изъ книги Вольтера: «Siècle de Louis XIV», и современныхъ журналовъ и мемуаровъ, извѣстны блестящій приѣмъ, оказанный

Петру Великому въ Парижѣ и великолѣпные праздники, данные тамъ въ честь Августѣйшаго гостя. Герцогу Антенскому, просвѣщенному покровителю и знатоку искусствъ, поручено было состоять при особѣ Императора во все время пребыванія Его Величества въ Парижѣ и познакомить его со всѣми замѣчательными и любопытными. На одномъ великолѣпномъ ужинѣ, данномъ герцогомъ въ честь Монарха, подъ нарочно устроеннымъ балдахинномъ, былъ новѣшенъ портретъ Императрицы и возбудилъ удивленіе во всѣхъ гостяхъ. На другой день Петръ заказалъ Натъе свой портретъ, которымъ остался также доволенъ, какъ и портретомъ Государыни. Картина эта украшала нѣкогда одну изъ луврскихъ выставокъ. Потомъ она перешла въ собственность герцога Граммонна и находится теперь въ Германіи.

Переселеніе Натъе въ Россію не состоялось. Онъ остался въ своемъ отечествѣ и сдѣлавшись моднымъ живописцемъ большого сѣла, окончилъ портретъ Анны-Луизы-Бенедикты Бурбонской, ввучи великаго Конде и герцогини дю-Менъ. Принцесса эта была высокаго росту, имѣла превосходное очертаніе головы и была исполнена граціи и достоинства. Большая часть знаменитыхъ людей, являвшихся при малевкомъ дворѣ Анны-Бенедикты Бурбонской, отзывались съ величайшии похвалами объ ея умѣ, любви къ наукамъ, искусствамъ и литературѣ. Дѣвица де-Лоне (въ послѣдствіи госпожа Сталь), находившаяся при этой принцессѣ, такъ выразилась объ ней: «Я не знаю никого, кто бы говорилъ съ болѣею основательностію, чистотою и свободою и сообщалъ рѣчамъ своимъ болѣе благородства и естественности. Въ ея умѣ не находить мѣста ни фразы, ни фигуры, ни все то, что называется изобрѣтеніемъ. Живо изображенный предметами, умъ ея передаетъ ихъ точно такъ какъ отражаетъ зеркало, безъ малѣйшаго измѣненія».

Герцогиня дю-Менъ имѣла почти постоянное пребываніе въ замкѣ Со (Sceaux). Тогда это было мѣстомъ собраній и праздниковъ замысловатыхъ и блестящихъ. По счастливому выраженію Фонтенеля, принцесса хотѣла, чтобъ ея праздники оживлялись *умною веселостію*. Извѣстный де-Малезьё, обладавшій развѣроудными знаніями и талантами, поэтъ, геометръ, эллинистъ, переводчикъ Софокла и Эврипида, былъ главнымъ распорядителемъ и душою забавъ этого очаровательнаго жилища.

Натъе сдѣлался постояннымъ его гостемъ. Вотъ одно изъ писемъ къ нему герцогини дю-Менъ: «Мы ждемъ васъ въ будущемъ воскресеніи, въ Со. За вами пріѣдетъ карета герцога, а сопровождать васъ будетъ господинъ де-Матанъ, артистъ королев-

экаго оркестра, взявшійся дирижировать нашимъ оркестромъ. Добрый нашъ господинъ де-Малезьё, готовитъ въ тайнѣ праздникъ, который будетъ чудо, какъ все, что онъ изобрѣтаетъ. Господинъ де-Неверъ съ дочерью, маркиза Антевская, госпожа де-Роганъ съ дочерью, господинъ де-Дамшьеръ, который такъ хорошо играетъ на флейтѣ и на скрипкѣ, Вольтеръ, Фонтенель и аббатъ Жене, будутъ здѣсь также. По этимъ образчикамъ можете судить объ остальныхъ гостяхъ. Господинъ де-Малезьё увѣряетъ, что вы ему будете очень полезны вашимъ вкусомъ и совѣтами при составленіи декорацій и костюмовъ. — Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ вамъ вашъ талантъ, радости, благоденствіе и здоровье.

Арестъ герцогини превратилъ вскорѣ въ трауръ веселости замка Со. Это былъ первый ударъ, поразившій этотъ чудесный счастливый уголокъ.

II.

Въ 1718 году Натъе былъ наименованъ членомъ академіи. Онъ написалъ для этого картину, изображающую Персея, представляющаго голову Медузы. Произведеніе это находится въ турецкомъ музее.

Несчастіе, бывшее едѣтвіемъ системы Лау, постигло и Натъе. Раздѣляя общее заблужденіе, онъ употребилъ для пріобрѣтенія акцій Миссиссипи довольно значительную сумму, плоды своей бережливости, и при объявленіи банкротства, очутился почти разореннымъ. Натъе не приходилъ однако-жъ въ отчаяніе отъ этой неудачи; напротивъ, предался усердію прежняго труда, избравъ исключительно живопись портретную, представлявшую ему болѣе другихъ родовъ живописи средства вознаградить денежные потери. Онъ написалъ портреты во весь ростъ Маршала де-Сакса и Герцога Ришліе, заслужившіе большія похвалы современниковъ.

Натъе давно хотѣлось жениться; по характеру онъ созданъ былъ для мирной жизни, семейныхъ радостей, такъ необходимыхъ чловѣку, котораго существованіе посвящается болѣею частью труду. Онъ остановилъ выборъ свой на дѣвцѣ де-ла-Рошъ, дочери королевскаго мушкетера, подобно ему, потерявшей все свое состояніе въ предпріятіи Лау. Союзъ этотъ, вполнѣ безъ

корыстный, былъ залогомъ совершеннаго счастья: дѣвица де-ла-Рошъ была молода, прекрасна, исполнена скромности, талантовъ и граціи. Къ несчастію, она до такой степени была слаба здоровьемъ, что мужъ безпрестанно боялся потерять ее. Однакоже они прожили въ супружествѣ восемнадцать лѣтъ, и когда она скончалась въ 1742 году, Натъе, живо чувствовавшей и оплакивавшей эту утрату, достигъ уже высшей степени своихъ успѣховъ и славы. Онъ долго не могъ опомниться отъ жестокаго удара и находилъ единственное утѣшеніе въ заботахъ о воспитаніи своихъ четверыхъ дѣтей.

Между произведеніями его кисти въ особенности замѣчательны два портрета дѣвицы Клермонъ, написанные, какъ это было тогда въ модѣ, съ различными атрибутами. Одинъ изъ этихъ портретовъ находился, до революціи, въ замкѣ Шантильи, а другою у герцога Севтъ Эвъяна.

Натъе написалъ также портреты принцовъ лоренскаго дома, украшавшіе одну изъ публичныхъ выставокъ. Портретъ принцессы де Лакбескъ, представленный въ видѣ Паллады и вооружающей своего брата, графа де Брионна, былъ замѣчательнѣйшею изъ этихъ картинъ. На этотъ случай Грессе написалъ слѣдующіе два стиха :

Et Nattier l'élève des Grâces

Et le peintre de la beauté*.

У герцога Орлеанскаго, имѣвшаго пребываніе въ Тамплѣ, была прекрасная галерея, украшеніе которой началъ Рау. По смерти этого живописца, Нозль Койпель и Натъе предложили оба въ одно время свои услуги кончить галерею. Изъ двухъ конкурентовъ надобно было выбрать одного и герцогъ отдалъ предпочтеніе послѣднему, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошее помѣщеніе, которымъ онъ пользовался до самой кончины этого просвѣщеннаго покровителя искусствъ. Тампльская галерея была посвящена музамъ. Но въ ней недоставало еще шести музъ и портрета герцога во весь ростъ. Натъе дополнилъ этотъ недостатокъ, какъ усердный и талантливый художникъ. Когда герцогъ скончался, художникъ получилъ только незначительную часть слѣдовавшихъ ему за работы денегъ. Поэтому онъ принужденъ былъ взять свои картины изъ галереи и въ послѣдствіи подарилъ ихъ мальтійскому ордену.

* Натъе, питомецъ граціи и живописецъ красотъ.

Дворъ Лудовика-Пятнадцатаго славился въ то время женщинами рѣдкой красоты. Въ числѣ ихъ замѣчательны были въ особенности госпожи Флавакуръ и Шатору, племянницы герцогини Мазаринь. Натъе написалъ съ нихъ портреты; первой онъ придалъ аллегорическую фигуру молчанія, а второй утренней зарей. Королева увидѣвъ эти портреты, была отъ нихъ въ восхищеніи, и тотчасъ заказала ему портретъ Генріэтты-Французской, второй дочери своей. Картина эта украшала каминъ версальскаго кабинета королевы. Натъе повторилъ портретъ этотъ три раза и написалъ, сверхъ-того, портретъ принцессы Аделанды. Двѣ изъ этихъ картинъ украшали спальню короля въ замкѣ Шоази.

Спустя нѣсколько времени, герцогъ де Вильроа заказалъ ему новую портретъ Лудовика-Пятнадцатаго. Король очень былъ доволенъ этимъ трудомъ и послалъ Натъе, тайно, въ Фонтенро, приказавъ ему сдѣлать портреты находившихся въ этомъ монастырѣ трехъ дочерей своихъ. Желая сдѣлать пріятный сюрпризъ королевы, король показалъ ей неожиданно эти портреты въ одну изъ поѣздокъ въ Шоази. Увидѣвъ ихъ, королева поручила Натъе написать ея собственный портретъ, съ тѣмъ однако жъ условіемъ чтобъ онъ представилъ ее въ простомъ утреннемъ платьѣ. Скромныя привычки и любовь къ простотѣ Маріи Лещинской составляли рѣзкую противоположность съ обычаями и роскошью двора; исполненная религіозныхъ чувствъ, она не могла допустить въ своемъ портретѣ аллегорій и не советѣмъ скромныхъ одеждъ, которыя видны почти на всѣхъ картинахъ того времени.

Портретъ королевы, также какъ и большая часть другихъ произведеній Натъе, находятся въ версальскомъ историческомъ музеѣ и въ спальнѣ Лудовика-Пятнадцатаго.

Дофинъ, его супруга, инфантъ, герцогиня Пармская, принцесса Изабелла, ея дочь, герцогъ Бургиньонскій, герцогъ и герцогиня Орлеанскіе, принцъ и принцесса Конде, словомъ почти весь дворъ хотѣлъ имѣть портреты кисти Натъе, который паслугу успѣвалъ исполнять получаемые со всѣхъ сторонъ заказы. Кабинетъ дофина украшали нѣкогда четыре картины Натъе, представляющія французскихъ принцессъ въ видѣ четырехъ стихій. Въ послѣдствіи картины эти были награвированы и одна изъ нихъ, представляющая черты принцессы Викторіи, держащей опрокинутую урну и коралловую вѣтку, была продана однимъ частнымъ человекомъ въ 1846 году.

Занятый постоянно работами для двора и для знати, Натъе рѣдко писалъ портреты для публики. Есть однако жъ одинъ

портретъ, о которомъ нельзя не упомянуть: это портретъ знаменитой танцовщицы Камарго (Cupia Salli de Camargo), которую Вольтеръ обезсмертилъ слѣдующими стихами:

Ah! Camargo, que vous êtes brillante!
 Mais que Salli, grands dieux, est ravissante!
 Que vos pas sont légers, et que les siens sont doux;
 Elle est inimitable, et vous toujours nouvelle;
 Les Nymphes sautent comme vous;
 Et les Grâces dansent comme elle!

Портретъ этотъ принадлежитъ теперь одному французскому художнику; въ этомъ произведеніи Натъе виднѣнъ весь блескъ, вся свѣжесть и грація его неподражаемой кисти.

Отъ портретовъ онъ переходилъ иногда къ живописи исторической; но изъ оконченныхъ имъ картинъ этого рода нѣтъ ни одной замѣчательной. Всѣмъ этимъ произведеніямъ недостаетъ бойкости, силы и того строгаго и возвышеннаго характера, который составляетъ необходимую принадлежность историческихъ сюжетовъ. Натъе, напротивъ, писалъ ихъ всегда съ самою вѣжною отдѣлкою и сообщалъ имъ чрезвычайно много фантастическаго и искусственнаго, точно какъ въ портретахъ тогдашнихъ придворныхъ красавицъ; между тѣмъ какъ то, что придавало портретамъ столько очарованія, становилось важнымъ недостаткомъ въ сюжетахъ историческихъ. Вотъ отъ чего эскизы нѣтъ какъ будто гораздо лучше его оконченныхъ картинъ. Онъ обладалъ въ довольно высокой степени искусствомъ композиціи, доказательствомъ чему можетъ служить одна его большая картина, представляющая эпизодъ изъ «Утраченнаго рая».

По смерти своей жены, онъ предался вполне заботамъ о воспитаніи дѣтей. Кромѣ трехъ дочерей у него былъ сынъ, обнаруживавшій самыя счастливыя способности къ живописи. Не отправясь въ Римъ для изученія высокихъ образцовъ искусства, онъ утонулъ, купаясь въ Тибрѣ, на 23 году своей жизни. Дочери его повыходили за мужъ: одна изъ нихъ была за Шалемъ, королевскимъ живописцемъ, другая за Токе.

Въ 1759 году датская академія включила Натъе въ число сво-

* Вотъ буквальный смыслъ стиховъ: Ахъ, Камарго, какъ вы блистательны! Но какъ Салли, великіе боги, восхитительна! Какъ ваши шаги легки, а ее медленны; она неподражаема, а вы вѣчно новы; нимфы прыгаютъ какъ вы, а граціи танцуютъ какъ она.

нъ человекъ. Представленный имъ при этомъ случай трудъ состоялъ изъ портрета одного изъ зятѣвъ его.

Между тѣмъ Натъе приближался къ старости: здоровье и способности начали измѣнять ему. Король, замѣтивъ это, увеличилъ получаемое имъ по званію придворнаго живописца содержаніе, 500 ливрами. Это было въ 1760 году.—Спустя два года, у него обнаружались опасныя признаки водяной болѣзни; онъ слегъ въ постель и потерялъ всякую надежду на излеченіе, не смотря на успокоительныя увѣренія врачей, бравшихся возстановить его здоровье. Онъ не вставалъ съ постели, и по желанію своему, былъ перенесенъ въ домъ одной изъ дочерей своихъ, госпожи Шаль, которая также какъ и все ея семейство, оказывали больному знаки самаго вѣжнаго попеченія и участія. Пять лѣтъ оставался онъ здѣсь, пять лѣтъ величайшихъ физическихъ страданій, которыя онъ переносилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и мужествомъ, и наконецъ умеръ 7 ноября 1766 года, на 82 году.

Всѣ современники Натъе отдають справедливость благородству его характера и добротѣ сердца. Онъ дѣлалъ много добра, былъ вѣрнымъ отцомъ и вѣрнымъ другомъ. Своею искренностью, въ которой однако жъ не было ничего оскорбительнаго для другихъ, и совершеннымъ безпристрастіемъ, онъ заслужилъ всеобщую любовь и уваженіе. Вполнѣ чуждый зависти, онъ съ жаромъ превозносилъ отличныя произведенія другихъ артистовъ, и въ особенности своихъ совѣстниковъ. Это доказывается между прочимъ и тѣмъ, что оцѣнивъ прекрасный талантъ Токе, работавшаго въ его мастерской, онъ оказывалъ ему знаки особеннаго вниманія и кончилъ тѣмъ, что выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей.

Хотя онъ вращался преимущественно въ большомъ свѣтѣ, по его скромности и застѣнчивости, соединенныя съ благородствомъ характера, не сдѣлали изъ него льстеца и искателя мнлостей на счетъ собственнаго достоинства. Одаренный умомъ и трудолюбіемъ, онъ всей душою предавъ былъ искусству; весьма много читалъ и размышлялъ и былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ артистовъ своего времени.

Что касается достоинствъ его, какъ живописца, то въ этомъ отношеніи онъ не можетъ сравниться ни съ Риго, ни даже съ Ларжильеромъ. У него не было ни силы, ни оконченности и вкуса перваго изъ этихъ портретистовъ, ни свободы въ рисункахъ, мягкости кисти и вѣжности колорита втораго. Съ перваго взгляда произведенія его кажутся восхитительными: кисть его

полна легкости и пріятности, колоритъ его блестящій, драпировка живописная и граціозная и отличается свойственнымъ ему одному характеромъ. Композиція его всегда носитъ отпечатокъ приличія и ума. Но къ сожалѣнію, достоинства эти помрачаются очень часто какою-то натянутостью, желаніемъ подражать Миньяру, то есть, разукрашать и наряжать своихъ персонажей, что именно и лишаетъ портреты его естественности и простоты, составляющихъ принадлежность великихъ живописцевъ. Сходства въ портретахъ его было очень много, но онъ старался украшать все, и даже красоту. Извѣстный Казанова въ мемоарахъ своихъ выразился о талантѣ Натъе такъ: «Этому замѣчательному художнику было тогда (1750) семьдесятъ лѣтъ; но не смотря на то, талантъ его блисталъ еще всею свѣжестью. Дѣлая портретъ вовсе некрасивой женщины, онъ сообщалъ чертамъ ея полное сходство, но не смотря на это сходство, всѣ глядѣвшіе на портретъ находили ее красавицею. Разсматривая портретъ внимательнѣе, никто не могъ открыть и малѣйшей невѣрности съ оригиналомъ: вѣчто неуловимое въ общемъ выраженіи лица сообщало ему красоту истинную и необъясненную. Кто внушилъ ему тайну этого превращенія?... Глядя на портреты одѣхъ очень безобразныхъ дамъ, которыя подъ кистью его походили на Аспазій, я обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ. — Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Это тайна, которую геній вкуса изъ головы передаетъ моей кисти. Это чувство красоты, которому поклоняются всѣ, но котораго никто опредѣлить не можетъ, потому что не извѣстно, въ чемъ собственно оно состоитъ. Это показываетъ, до какой степени неуловимъ оттѣнокъ, отдѣляющій безобразіе отъ красоты. Оттѣнокъ этотъ однако жъ огроменъ и поразителенъ для тѣхъ, которые не имѣютъ никакого понятія въ нашемъ искусствѣ».

Искусство это, которому онъ обязанъ своими успѣхами, въ особенности у женщинъ, не есть, однако жъ искусство, въ строгомъ значеніи этого слова. Впрочемъ талантъ Натъе, также какъ и Ватто * хотя этотъ послѣдній гораздо выше его достоинствами, вполнѣ соответствовалъ вкусу и требованіямъ вѣка, въ которомъ оба они жили. Въ то время художники не умѣли изображать прелестныхъ женщинъ, обнаженныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромныхъ, убранныхъ богато, но въ то же время съ достоинствомъ, словомъ тѣхъ женщинъ, которыхъ представляли Тиціанъ, ванъ-

* См. октябрьскую книжку 1849 года.

Дейкъ, Карло Дольчи; нѣтъ, это были героини времянь регенства и царствованія Людовика-Пятнадцатаго, покрытыя роскошными тканями, кружевами болѣе нежели прозрачными, цвѣтами, бѣлками, мушками, и которыхъ взглядъ, кокетливый и оживленный, какъ будто говорить: «восхищайтесь мною и любите меня».

Натъ рисовалъ чернымъ карандашемъ, съ необыкновеннымъ мастерствомъ и оконченностью, въ которомъ не могъ сравниться никто изъ его современниковъ. Онъ дѣлалъ часто эскизы своихъ портретовъ сухими красками и придавалъ имъ такую гармонію и прозрачность, что стоя предъ ними, какъ будто видишь сквозь радужныя облака, фантастическія видѣнія, вызываемыя баснословными Ундидами. Въ главѣ гравировъ, воспроизведшихъ труды Натъ, былъ знаменитый Древе.

Странный предрасудокъ, слѣдствіе недостатка эстетическаго образованія и рѣдкаго явленія въ наше время истинныхъ талантовъ въ живописи, низвели живопись портретную на самую послѣднюю степень. Заблужденіе непростительное! Какъ не убѣдиться, что портретъ есть произведеніе искусства самое трудное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое важное; вотъ почему за него должны приниматься художники съ высшимъ талантомъ. Развѣ воспроизведеніе человѣческаго лица, оживляющихъ его чувствъ и страстей, не занимательнѣе и не требуетъ болѣе знанія, наблюдательнаго ума, чѣмъ предметы матеріальныя, неоживленные, составляющіе пейзажъ или *tableaux de genre*, въ которыхъ люди составляютъ по большей части только обстановку? Не въ портретномъ ли родѣ живописи должно возжечь этотъ лучъ души безсмертной, подверженный столькимъ отбѣнкамъ и измѣненіямъ, что его нѣтъ почти возможности уловить? Не подлежитъ сомнѣнію, что портреты Тиціана, Павла Веронеза, Бронзино, ванъ Дейка, Рубенса, Риго, Ларжильера, за исключеніемъ развѣ композицій, стѣбуютъ другихъ большихъ картинъ, созданныхъ этими мастерами, потому что ихъ вдохновенная кисть вполне знакомитъ насъ съ занимательными людьми, перешедшими посредствомъ портретовъ въ потомство. — Между-тѣмъ въ наше время портреты пришли въ совершенный упадокъ. Но кто въ этомъ виноватъ? теперешніе французскіе живописцы, не включая и тѣхъ, которые пользуются наибольшою извѣстностью. Много ли сдѣлали они портретовъ, подобныхъ древнимъ? Все, что мы видимъ въ этомъ родѣ, мертво, сухо, холодно, лишено изящества; въ рисунокѣ въ особенности замѣтна непростительная небрежность: подъ тѣломъ нѣтъ мускуловъ, подъ кожей не струится кровь; руки точно деревянные или

картонныя, не говоря уже объ ихъ формѣ: тогда какъ обращаясь къ прошедшему времени, къ царствованію Людовика-Пятнадцатаго, мы находимъ Натье, Вавло, Токе, Шардэна, Аведи, Друэ, Грэн, госпожу Лебревь и нѣсколькихъ другихъ художниковъ, оставившихъ множество превосходныхъ портретовъ. Во время имперіи, Придонъ и Гро подвизались съ честью на томъ же поприщѣ. Потомъ портретная живопись стала приходить въ упадокъ и когда, по возстановленіи Бурбоновъ, повадился портреты нѣкоторыхъ государственныхъ людей, то пришлось возложить исполненіе ихъ на Англичанина Лауренса. За тѣмъ для всей знати работалъ нѣмецкій живописецъ Винтергальтеръ. Но таланты этихъ двухъ художниковъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сравниваемы: первый недостигаемо выше послѣдняго.

На художникахъ новѣйшаго поколѣнія лежитъ долгъ возратить портретной живописи принадлежащее ей мѣсто. Пусть они не говорятъ что «это слишкомъ трудно»; они должны помнить, что надобно достигать именно того, что слишкомъ трудно, потому что въ этомъ одномъ и состоитъ заслуга.

Д. МАЦКЕВИЧЪ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

==
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
==

Какимъ образомъ я учился.

Когда я принялся писать свои воспоминанія, я надѣялся немедленно кончить ихъ. Но, увы! я не принялъ въ расчетъ обстоятельство. Случилось столько непредвидѣнныхъ затрудненій, столько поспѣшныхъ занятій, столько неизбѣжныхъ препятствій, что досихъ-поръ я напрасно выжидалъ свободнаго времени, чтобы имѣть возможность возвратиться мысленно къ прошедшему, уже довольно отдаленному. Но теперь, когда умолкли концерты, — закрыты театры, когда не нужно давать ежедневнаго отчета публикѣ, теперь, надеюсь найти возможность собрать все мои воспоминанія и исполнить данное публикѣ слово.

Первая статья моихъ записокъ имѣла такой успѣхъ, какого я никогда и не ожидалъ. Она сначала появилась въ этомъ изданіи, а потомъ была перепечатана во многихъ журналахъ Германіи, и даже возбудила жаркія пренія въ лейпцигскомъ музыкальномъ журналѣ: «Signale für die musicalische Welt» и въ Ганноверской газетѣ. Совершенно, что такимъ успѣхомъ обязанъ занимательности самаго предмета, о которомъ я писалъ; съ другой же стороны смотрю на

этотъ успѣхъ, какъ на побудительную причину къ продолженію труда, начало котораго такъ хорошо принято.

Разсказавъ въ первой статьѣ о приглашеніи меня въ королевскій оркестръ моего отечественнаго города Ганновера, я считаю нужнымъ дать отчетъ въ первыхъ моихъ поѣздкахъ. Но прежде нежели приступлю къ разсказу, считаю нужнымъ показать, чѣмъ я былъ въ то время и какъ я учился.

Первый періодъ жизни каждаго артиста, необходимо однообразенъ и бѣденъ приключеніями. Ему нужно еще пройти слишкомъ длинный путь, прежде нежели достигнетъ онъ той возвышенной точки, когда обращаетъ на себя вниманіе свѣта. Правда, бывають иногда исключенія, — это гени, которые отличаются уже съ перваго шага, сдѣланнаго на артистическомъ поприщѣ. Но я полагаю, что почти всегда эти феномены, эти дѣти чуда не имѣють ничего необыкновеннаго; это произведенія особенной методы обученія, направленной изъ какого-нибудь расчета, на одну извѣстную точку. Такая дрессировка гениевъ приводитъ только къ эфемернымъ и ложнымъ результатамъ; а также не доказано ли вполнѣ на опытъ, что изъ подобной школы никогда не выходили истинные артисты. Нѣкоторые исключенія, допускаемые здѣсь, какъ напримѣръ Моцартъ и Мендельсонъ, составляютъ исключенія въ томъ, что способности ихъ развернулись раньше нежели у другихъ, и въ то время, когда масса такъ называемыхъ дѣтей чуда умѣла только исполнять извѣстное число пьесъ, заученныхъ ею, какъ выучивають попугая говорить; они же Моцартъ и Мендельсонъ умѣли не только играть на своихъ инструментахъ, но уже понимали музыку и знали всѣ теоретическія пособія, которыми можно пользоваться артистѣ. Скороспѣлыя дѣти, — это машины, достоянство которыхъ принадлежитъ ихъ строителю. Моцартъ и Мендельсонъ — гени, которымъ Богъ въ награду за краткую жизнь, опредѣленную имъ на землѣ, слишкомъ рано раскрылъ чувства и способности ума.

Каждое дѣло требуетъ основательнаго изученія, и конечно изученіе музыки принадлежитъ къ самымъ труднымъ, къ самымъ продолжительнымъ занятіямъ. Сначала должно изучить *инструментальный механизмъ*, должно довести его даже до *виртуозности*, а виртуозность, въ наше время, — это Чимборассо музыкальнаго міра. Сколько артистовъ карабкается по скату этой высоты и какъ немногіе достига-

ють ея вершины. Но виртуозность, — только первый шагъ ; за нею слѣдуютъ *теоретическія науки*, необходимыя для того, чтобы руководить практикою и развивать творческую силу. Большею частью адепты ходятъ въ эти науки какъ въ лабиринтъ. Перемахнувъ порогъ по *цифрованному бассу* (*basse chiffrée*), онъ попадаетъ въ темныя и извилистыя пути *контрапункта*, *канона* и *фуги*; Многіе удивляются, что встрѣчаютъ мало музыкантовъ, которые въ равной степени обладаютъ и виртуозностью и знаніемъ. Но такія требованія довольно странны, потому что это двѣ науки, изъ которыхъ каждой достаточно на цѣлую жизнь, и изъ которыхъ одна рѣдко пріобрѣтается безъ вреда для другой. Конечно хорошая система изученія можетъ облегчить каждую науку, но въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, музыка была несчастливѣе другихъ искусствъ. Когда станешь изучать теоретическія произведенія прошедшихъ вѣковъ, невольно удивляешься, какъ такія запутанныя, противорѣчащія, несовершенныя системы, могли произвести какого-нибудь Баха, Генделя, Моцарта. Не болѣе пятнадцати или двадцати лѣтъ, какъ сталъ входить здравый смыслъ и свѣтъ въ мракъ, покрывавшій до того теорію музыки. И въ наше время, что мѣшаетъ здравому смыслу озарить эти знанія, если не *споръ*, и *личная вражда*, до-сихъ-поръ еще терпимые. Въ прошедшемъ столѣтіи Марпургъ писалъ противъ Кирнбергера, и Альбрехтбергеръ противъ Марпурга; позже Катель опровергалъ систему Рамо, а въ наше время, чтобы только подать примѣръ, *Фетисъ* хотѣлъ бы опровергнуть всю систему, чтобы доказать совершенное невѣжество всѣхъ писавшихъ о музыкѣ до него, и чтобы заставить признать одну его систему, столько противорѣчащую и несовершенную — истинною и непогрѣзительною. Какъ можно, чтобы ученикъ изучалъ науку по книгѣ, главная цель которой опровергнуть противника, а не научить изучающаго ее.

Такъ какъ мое музыкальное ученіе происходило подъ вліяніемъ вредныхъ правилъ, то рассказъ объ немъ, надюсь, будетъ не излишній, хотя бы и потому только, что покажетъ вынужденнымъ ученикамъ всѣ преимущества, которыми они пользуются въ настоящее время.

До вступленія моего въ латинскую школу, я посѣщалъ нормальный классъ семинаріи. Ни отецъ, ни мать моя, не были музыкантами, хотя оба любили музыку и вѣроятно никогда бы не вздумали учить меня искусству, которое познатье должно было разстроить ихъ прелестные мечты.

Сынъ одного пріятеля моего отца, молодой человекъ, посѣщавшій гимназію въ Ганноверѣ имѣлъ у насъ столъ и квартиру съ условіемъ, наблюдать за моимъ ученіемъ. Этотъ молодой человекъ игралъ кокавъ на фортепьяно и, впрямую скучалъ, не находя у насъ инструмента. То, чего онъ не смѣлъ требовать открыто, рѣшился достать итростью. Въ одно утро, онъ обратился къ моей матери съ увѣреніемъ, что открылъ во мнѣ необыкновенныя музыкальныя способности:

— Ежели вамъ угодно, сказалъ онъ, я буду давать вашему сыну уроки на фортепьяно; пользуйтесь этимъ случаемъ, доставте инструментъ и вы увидите, что въ скоромъ времени сынъ вашъ будетъ играть очень хорошо.

Черезъ нѣсколько дней, старый маленькій клавесинъ, взятый на прокатъ, былъ торжественно внесенъ въ нашу скромную залу. Это былъ одинъ изъ тѣхъ инструментовъ еловаго дерева, клавиатура котораго состояла только изъ четырехъ съ половиною октавъ, а клавиши, вмѣсто того чтобы приводить въ движеніе молоточки, имѣли на концѣ небольшія металлическія палочки, ударявшія по струнамъ. Этотъ инструментъ, на который бы теперь смотрѣли какъ на рѣдкость, если бы можно было найти подобный ему въ другомъ мѣстѣ, а не на чердакѣ, заваленный между старою мебелью и забытый съ подпольствія, приводилъ тогда меня въ восхищеніе, и я бралъ первые уроки съ восторгомъ, смѣшаннымъ съ какою-то боязнью.

Кажется, что труды моего перваго учителя были не совсѣмъ потерянны, потому что, когда гимназистъ оставилъ Ганноверъ, намѣреваясь вступать въ геттингенскій университетъ, мой музыкальныя уроки не прервались. Юный учитель мой замѣщенъ былъ старикомъ, носившимъ знаменательную фамилію *Шляфа* (Сна), которую онъ часто оправдывалъ во время уроковъ.

Господинъ Шляфъ былъ небольшою сухощавый и тощій старичекъ, съ сѣдыми волосами; система преподаванія его состояла въ *поощреніи*. Онъ приносилъ мнѣ небольшія тетрадки нотъ, очень чисто написанныхъ, — онъ преподавалъ также чистописаніе. — Каждая изъ этихъ тетрадокъ содержала въ себѣ нѣсколько пьесъ серьезныхъ, смѣшанныхъ съ пріятными пьесами; чтобы имѣть удовольствіе играть послѣднія, нужно было прежде сыграть для удовлетворенія учителя

вершии. Серьезныя пьесы состояли изъ маршевъ; танцевъ и иногда изъ небольшихъ вариаций; такъ называемыя пріятныя пьесы (*pièces d'agrément*) заключали въ себя также марши и танцы, но украшенныя эпитетными именами; у которыхъ они будто бы были любимыя пьесами. Изъ этого видно, что пріятныя пьесы были одного и того же рода съ пьесами серьезными, величаемыми, именемъ *études*. Но вотъ что значитъ воображеніе ребенка! Громкія заглавія этихъ маршевъ и вальсовъ представляли глазамъ моего цѣлый міръ и хотя въ сущности эти пьесы были столь же ничтожны, какъ и прочія, которыя я игралъ, но онъ казался мнѣ несравненно прекраснѣе. Тогда публики такъ же легковѣрна какъ десятилѣтній ребенокъ, и какъ съумѣли употребить въ пользу ея воображеніе! Сколько ничтожныхъ пьесъ вышло за великолѣпныя сочиненія, благодаря громкимъ заглавіямъ! Правда, что такимъ легковѣрнымъ публики пользовалась болышею частью въ эпоху позднѣйшую. Въ награду за мое рвеніе, которое мой учитель умѣлъ возбуждать особеннымъ образомъ, съ помощью четырехугольнаго карандаша, онъ позвакомилъ меня съ вальсомъ Императора Александра, съ маршемъ короля Прусскаго, съ экзесомъ императора Франца и со множествомъ другихъ пьесъ, столь же знаменитыхъ какъ и занимательныхъ. Шляфъ, отдавая вполне честь его фамиліи, находилъ во мнѣ большой талантъ, который старался развивать, заставляя меня играть все болѣе и болѣе трудныя пьесы. Въ заключеніе всего этого, онъ объявилъ меня совершеннымъ въ музыкѣ, давъ мнѣ сыграть двѣ самыя трудныя изъ всѣхъ пьесъ, какія только онъ имѣлъ. Первая изъ нихъ была увертюра изъ «Камея Багдадскаго», доставлявшая мнѣ такое удовольствіе, что, не считая на необыкновенныя трудности, заключавшіяся въ ней, по слову моего учителя, я выучилъ ее на память. Вторая пьеса, пес *plus ultra* трудностей, была «Битва при Прагѣ», гдѣ кромѣ обыкновенныхъ трудностей имѣлось еще то, что надобно было бить рукою по резансочной доскѣ, чтобы изобразить канонаду. Хотя я находилъ это немного страннымъ, однако же вскорѣ остался побѣдителемъ *бишомъ*, сдѣлавшейся съ-тѣхъ-поръ моею любимой пьесой; и отецъ мой, всякій разъ, когда кто нибудь изъ его знакомыхъ приходилъ къ намъ, заставлялъ меня играть ее. Мой добрый учитель Шляфъ прожилъ не долго, апплексическій ударъ внезапно отнял его у меня.

Послѣ Шляфа мнѣ дали новаго учителя, ловкаго и прекраснаго

молодаго человека, слышняго однимъ изъ лучшихъ пианистовъ и первымъ учителемъ въ Ганноверѣ. Съ самаго начала, онъ нашелъ хорошиимъ все, чему учили меня до него. Система его была почти та же, что и у покойнаго Шляфа; только марши и танцы были замѣнены увертюрами и попури; потомъ мало-по-малу онъ познакомилъ меня съ *вариациями* Кирмайера и Желинека, которыя пользовались тогда чрезвычайною славою; послѣ этого онъ объявилъ, что мое обученіе окончено, и что мнѣ остается только изучить *генераль-басъ*.

И такъ, на двѣнадцатомъ году мнѣ объявили, что ученіе мое кончено, и однако же я ничего не зналъ; я приобрѣлъ извѣстную механическую легкость—вотъ и все; впрочемъ, игра моя оставалась все еще дикою и необработанною. Я не могъ чисто выполнить малѣйшей пьесы; вкусъ у меня былъ совсѣмъ не образованъ, на него, также какъ и на пальцы (*doigtée*) мои, никогда не обращали вниманія; я не игралъ ни одного упражненія для пальцевъ, я не зналъ даже, что такое *гамма*. Можеть-быть, стануть обвинять учителей моихъ въ безсовѣстности. Но, бѣднѣжки, они учили меня музыкѣ по той же самой методѣ, по какой ихъ самихъ учили. Они обязывались снабжать меня музыкой (то-есть ссудить ею), и они давали мнѣ все, что только могли списывать; печатанныя ноты были тогда мнѣ совсѣмъ неизвѣстны. Въ наше время такой способъ преподаванія покажется непонятнымъ, но если примемъ въ разсчетъ необыкновенную разницу между тогдашней и нынѣшней музыкой, то нельзя не извинить его. Тенерь, когда фортепьяно имѣеть свое предъидущее, когда методическая система его выправлена и усовершенствована, когда каждая ступень его шкалы обозначена истинно полезными твореніями, весьма естественно, что повсюду находятъ учителей, умѣющихъ произвести въ ученикахъ своихъ истинный успѣхъ, и учителя эти не имѣють нужды, ни въ большемъ талантѣ, ни въ серіозныхъ запятіяхъ; достаточно только немного вниманія и добросовѣстности. Литература музыкальнаго обученія такъ хороша и совершенна, что выбирая, по даннымъ указаніямъ, пьесы для своихъ учениковъ, они могутъ довести ихъ до основательныхъ и быстрыхъ успѣховъ, смотря только за тѣмъ, чтобы ученикъ бралъ ноту назначеннымъ пальцемъ, и чтобы онъ наблюдалъ другія показанія композитора.

Не прошло болѣе двадцати-пяти лѣтъ, какъ фортепьяно начало со-

вершенствоваться. Древній клавесинъ превратился въ новый инструментъ. Гевій Моцарта замѣнилъ простую игру Кирнбергера и фуги Баха, блестящею и совершенно новою игрою. Послѣ смерти Моцарта, мѣсто генія осталось свободнымъ, не занятымъ; многіе обладали музыкальнымъ творчествомъ, но не знали, чтò съ нимъ дѣлать, — впади въ хаотическую анархію. Правда, что въ самомъ началѣ моего ученія, Клементи и Крамеръ написали свои *этюды*, — эти классическія произведенія, которыя останутся полезными даже и тогда, когда бы на свѣтъ существовало одно только фортепiano; Гummель также началъ уже тогда измѣрять и систематически расширять новое завоеваніе Моцарта; но сочиненія его не могли быть полезными для начинающаго, если бы даже мои учителя и знали ихъ; что, впрочемъ, я не думаю. Чаше всего употребляли тогда небольшую методу Крамера; но это собраніе небольшихъ пьесъ, безъ всякаго основанія и системы, не могло, конечно, принести особенной пользы. Существовала также большая метода А. Е. Мюллера, но это неопредѣленное и эмпирическое сочиненіе могло только запутать ученика. Руководство требуетъ теоретическаго основанія, а теорія, сама по себѣ ничего не создающая, должна быть предшествуема богатой и разнообразной практикой, чтобы ей можно было извлекать изъ нея свои систематическіе выводы. Теперь, когда практика достигла своей апогеи, очень естественно, что и теорія исправлена и усовершенствована. Очень можетъ быть, что даже и тогда, когда я учился, были хорошіе учителя, такъ должно полагать; но во всякомъ случаѣ они были рѣдки, а въ Ганноверѣ ихъ и со всѣмъ не было. Не смотря на всю свою ничтожность, мои учителя заслужили всегдашнюю мою признательность за то, что умѣли внушить въ меня страстную любовь къ музыкѣ. Эта же любовь моя, вѣроятно отражалась и на учителяхъ моихъ, потому что я истинно любилъ ихъ, и питалъ въ душѣ благоговѣніе и безконечную къ нимъ привязанность. И когда мой послѣдній учитель объявилъ меня совершеннымъ въ музыкѣ, я не зналъ другаго желанія, какъ постоянно совершенствоваться въ искусствѣ, начинавшемъ уже привлекать всѣ силы души моей.

Мои родители ни сколько не противились этому желанію. Также на мѣсто стараго маленькаго клавесина, служившаго мнѣ до того времени, они подарили мнѣ хорошее четверугольное фортепiano, чтò еще болѣе содѣйствовало къ увеличенію моего рвенія. Въ то же время я

подписался въ музыкальномъ магазинѣ на ноты. Благодаря этому по-слѣднему обстоятельству, я скоро приобрѣлъ не только довольно легкости, чтобы разыгрывать безъ приготовленія пьесы, но какъ отважный пловецъ въ этомъ океанѣ сочиненій, который такъ внезапно очутился въ моемъ распоряженіи, я скоро познакомился съ безконечнымъ множествомъ новыхъ и старыхъ, хорошихъ и худыхъ сочиненій. Очень мучилъ я прикащиковъ того магазина, гдѣ я абонировался брать ноты! Вѣроятно, я былъ у нихъ однимъ изъ самыхъ непріятныхъ подписчиковъ, потому что проигравъ одинъ или два раза какую-нибудь музыкальную пьесу, я тотчасъ относилъ ее назадъ и спрашивалъ другую. Такимъ образомъ весьма часто я приходилъ по два или по три раза въ день къ нимъ; я трепеталъ отъ ихъ дурнаго расположенія и все-таки не могъ устоять противъ мсей-любознательности. Я смотрю на эту эпоху моего дѣтства, какъ на первый мой музыкальный успѣхъ, потому что хотя беспорядочность игры моей, можетъ быть стала еще болѣе увеличиваться, но у меня началъ образовываться вкусъ; я зналъ чтò мнѣ нравилось и чтò не нравилось, — что удивительно въ ребенкѣ двѣнадцати лѣтъ, — болѣе всего любилъ я то чтò увлекало меня, такъ что по цѣлымъ днямъ я могъ играть и повторять сочиненія довольно серіозныя, въ особенности *сонаты* Моцарта и Бетгоvena. Въ то же время мои родители взяли для меня учителя для генераль-баса.

Если великое зло для фортепіано состояло въ недостаткѣ элементарныхъ произведеній, то теорія находилась совершенно въ противномъ положеніи. Съ-тѣхъ-поръ, какъ въ началѣ осемнадцатаго столѣтія, Рамо первый созналъ возможность соединить различныя проявленія гармоніи въ отдельную систематическую науку, безконечное множество подобныхъ сочиненій было написано и издано. Многіе изъ нихъ до-сихъ-поръ еще имѣютъ историческое значеніе; руководства къ генераль-басу и контрапункту нѣкоторыхъ героевъ этого схоластическаго вѣка, Шейбе, Геннишена, Маттезона, Мариурга, Кирибергера и Альбрехтсбергера, будутъ всегда имѣть цѣну въ глазахъ ученыхъ. Рамо основатель гармонической системы; онъ принялъ для этого два основанія: 1) связь, найденную имъ между численными отношеніями интерваловъ съ феноменами произведенія гармоніи, получаемой отъ первоначальнаго звука; 2) сотрясеніе басовой струны, натянутой тяжестью пропорціональной ея длинѣ. Изъ этихъ осно-

ваній онъ вывелъ теорію образованія аккордовъ посредствомъ механическихъ способовъ, очень замысловатыхъ, но имѣющихъ тотъ недостатокъ, что скрываютъ необходимое разсматриваніе отношеній этихъ аккордовъ между собою въ ихъ послѣдовательности. Если этотъ знаменитый человекъ и ошибался въ выборъ принциповъ, которые привели его къ результатамъ совершенно противоположнымъ искусству, то тѣмъ не менше онъ заслуживаетъ особеннаго удивленія за мысль, самоё по себѣ очень остроумную, — о возможности рациональной теоріи гармоніи, — и въ особенности за общій законъ *опрокидыванія* (*renversement*) аккордовъ, обязанный ему своимъ открытіемъ. Его система, съ различными измѣненіями, послужила основаніемъ для большой части руководствъ къ гармоніи въ прошедшемъ столѣтіи. Къ несчастію, въ этой довольно взрной системѣ недостаетъ логической ясности въ развитіи. Если музыканты нашего времени не умѣютъ писать, то музыканты прошедшаго вѣка были еще ниже ихъ въ этомъ отношеніи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія появилось знаменитое руководство къ гармоніи Кателя, которое ниспровергнуло систему Рамо и возбудило сильныя споры между приверженцами старой системы и послѣдователями новаго ученія. Но и система Кателя, хотя простая и удобопонятная, далека еще была до истины, и кромѣ сказанныхъ достоинствъ, не имѣла другихъ преимуществъ надъ системою Рамо. Мы видимъ, что очень часто у него страдаютъ естественныя способности (*fait*) искусства, для того, чтобы согласовать ихъ только съ принципами своей системы; а также, если Катель и представляетъ рядъ выводовъ, болѣе сообразныхъ съ духомъ гармоніи и съ практическими способностями искусства, то это преимущество уравнивается всеми недостатками методы чисто эмпирической, за воображаемое основаніе которой принято произвольное дѣленіе натянутой струны. Готфриду Веберу принадлежитъ заслуга, какъ первому творцу системы, развивающейся изъ одной идеи, — о топности (*tonalité*) и объ образованіи аккордовъ посредствомъ восходящихъ терцій. Система эта, хотя и нуждается во многихъ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ, имѣетъ по крайней-мѣрѣ то достоинство, что она сообразна съ практикою искусства. Ясный и замысловатый стиль дѣлалъ ее для всѣхъ удобопонятною и много содѣйствовалъ успѣху.

Мои теоретическіе уроки начались спустя нѣсколько лѣтъ послѣ по-

явления книги Вебера. Мой учитель, старый органистъ, пользовался въ-которую извѣстностью за изданіе какого-то руководства къ гармоніи, которое, какъ я узналъ поздне, было ничто иное, какъ довольно неловкое извлеченіе изъ Вебера. Не смотря на свою книгу, органистъ этотъ принадлежалъ къ разряду всегда многочисленному тѣхъ учителей, которые думаютъ, что все сдѣлали, если научили своихъ учениковъ искусству органиста, то-есть, не больше ни меньше какъ цифрованному басу (*basse chiffrée.*)

Для тупоумныхъ нѣтъ геніевъ. Если бы кто сказалъ одному изъ этихъ учителей, въ родъ моего, что они должны образовать композитора, они бы удивились; для нихъ существуетъ два, три композитора, и послѣ этого для нихъ странно покушеніе что-нибудь сочинять. И такъ, не смотря на то, что по паружности мой учитель слѣдовалъ системѣ Вебера, на самомъ же дѣлѣ онъ шелъ только по старой избитой дорогѣ устарѣлыхъ органистовъ, которую онъ не расширилъ даже на одинъ шагъ. Онъ началъ съ изъясненія аккордовъ, но какъ онъ не считалъ нужнымъ предварительно дать мнѣ нѣкоторое понятіе объ интервалахъ, мажорныхъ, минорныхъ и уменьшенныхъ аккордахъ, то въ головѣ моей поднялся такой туманъ, что не смотря на все мое желаніе, я не могъ достигнуть до того, чтобы ихъ различить. Впрочемъ, это ничуть не беспокоило моего учителя; для него аккорды были цифры и онъ доволенъ былъ, если я умѣлъ переводить каждую цифру на интервалъ соответствующей гаммы. Но зато я совсѣмъ не былъ этимъ доволенъ. Знаніе гармоніи представлялось въ моихъ мысляхъ чѣмъ-то величественнымъ и прекраснымъ, которое должно, какъ я и ожидалъ, открыть для меня настѣжъ врата храма музыки; и вотъ, вмѣсто этого зданія, съ помощью котораго я надѣялся скоро узнать всѣ тайны искусства, можетъ-быть самому сочинять, мнѣ ничего болѣе не объясняли, какъ значеніе цифръ и переводъ ихъ въ интервалы. Я былъ тогда еще очень молодъ: мнѣ давали двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, и очень возможно, что учитель мой, не считая меня способнымъ слѣдовать за систематическимъ развитіемъ гармоніи, видѣлъ себя принужденнымъ удерживаться отъ объясненій и держаться только практическихъ приемовъ, которые должны были меня привести къ разбору генераль-баса, такъ-какъ читаютъ на какомъ-нибудь языкѣ, вовсе не понимая словъ. Но я увѣренъ, что я былъ исполненъ такимъ рвеніемъ и такою охотою, что конечно понималъ бы все,

что бы мнѣ не объясняли и энтузіазмъ мой еще болѣе бы усиливался съ каждымъ новымъ успѣхомъ, съ каждымъ труднымъ мѣстомъ, которое я съ помощью труда успѣвалъ понять и усвоить его себѣ. Въмѣсто того со мною вѣчно занимались пустяками, и я не постигалъ какое отношеніе имѣють эти занятія съ тѣмъ, что я желалъ знать. Часто утомленный рядомъ цифръ, которыя долженъ былъ переводить на ноты, я думалъ, что вѣрно ошибаюсь, заставляя меня учить вещь такую ничтожную и скучную, что не здѣсь отыскиваемая мною гармонія, но тутъ только какія-то арифметическія выкладки, употребленныя весьма не кстати къ униженію музыки. Между-тѣмъ, какъ я исполнялъ самымъ лучшимъ образомъ мои обязанности и какъ не слишкомъ трудно найти, что цифра 3 на *do* значить *ми*, что цифра 5 на *re* значить *ла*, и такъ далѣе, то я скоро дошелъ до того, что началъ писать хоралы (*согах*) для удовольствія моего учителя. Написавши хоралы, я долженъ былъ разыграть ихъ сначала на фортепіано, а потомъ на органѣ. Послѣдній инструментъ примирилъ меня въскольکو съ этою сухою наукою, составившею до того времени мое ученіе. Я считалъ праздникомъ тотъ день, когда мой учитель давалъ мнѣ урокъ въ семинаріи, гдѣ находился въ нашемъ распоряженіи небольшой органъ. Но самый торжественный для меня день былъ тотъ, когда въ первый разъ мнѣ позволено было играть хоралъ въ церкви, во время служенія. Какъ мои крошечныя ноги едва касались педали, то учитель мой стоялъ за мною, чтобы не допустить меня упасть на педаль. Родители мои, слыша пвнне цѣлаго прихода подѣ мою музыку, обливались слезами радости и съ этого времени мой музыкальный талантъ былъ для нихъ вѣвъ воянаго сомнѣвія. Скоро учитель мой сталъ пользоваться моею охотою и расположеніемъ къ органу. Вечерняя служба лишила его обычнаго отдыха, и потому онъ замѣнялъ себя мною. Благодаря этому и моимъ любознательнымъ, часто очень неудачнымъ попыткамъ, я уже рано познакомился съ органомъ.

Нечего и говорить, что органъ ни сколько не вредилъ моему фортепіано, напротивъ послѣдній всегда оставался моимъ любимымъ инструментомъ, и ему я посвящалъ всѣ свободныя минуты. Я продолжалъ играть всѣ сочиненія, какія только попадались мнѣ въ руки, но все болѣе и болѣе дѣлалось замѣтнымъ мое пристрастіе къ серіозной музыкѣ. Изучивъ Моцарта и Бетговена, я имѣлъ дерзость

приняться за Баха, купивъ его «Clavessin bien temperé», которыхъ я надѣялся овладѣть, какъ часто случалось мнѣ съ другими сочиненіями. Но тутъ я въ первый разъ встрѣтилъ препятствія и не смотря на всѣ усилія, не могъ преодолѣть ихъ. Это такъ и должно быть. Я не имѣлъ ни достаточнаго знанія, чтобъ понимать, ни пальцы мои не были хорошо выработаны, чтобы играть фуги великаго учителя. Хотя мнѣ ни что особенно не правилось въ его сочиненіи, — ни что не было понятно въ этомъ лабиринтѣ контрапункта, однако-же я не смѣлъ возставать противъ авторитета Баха. Но вмѣсто того, чтобы пройти всѣ сорокъ-осемь прелюдій и фугъ его сочиненія, я выбралъ изъ нихъ только тѣ, которыя казались мнѣ понятнѣе другихъ, и старался усовершенствоваться въ нихъ, надѣясь что то, что тогда казалось мнѣ темнымъ, современемъ сдѣлается яснымъ. Конечно я принялся за Баха слишкомъ рано, но инстинктивно напалъ на единственное средство достигнуть, если не полнаго пониманія, то по-крайней-мѣрѣ довольно порядочнаго исполненія его.

Обладаемый въ высшей степени любовью къ музыкѣ, естественно я долженъ былъ пользоваться всеми средствами, чтобы только слышать ее. Самымъ величайшимъ счастьемъ для меня было слышать оперу, и какъ родители мои не могли доставлять мнѣ этого дорогаго удовольствія, такъ часто какъ я этого желалъ, то я нашелъ средство ходить въ оперу даромъ, познакомившись съ нѣкоторыми музыкантами оркестра, которымъ я помогаю носить ихъ инструменты въ театрѣ. Чтобы достигнуть оркестра, нужно было проходить сцену. Я приносилъ ввѣренный мнѣ инструментъ въ оркестръ и вѣтомъ отыскивалъ гдѣ-нибудь удобный уголокъ за кулисами или за какой-нибудь машиной, и прятался туда. Такимъ образомъ я познакомился со всеми операми, составлявшими тогда репертуаръ немецкаго театра; то-есть, съ произведеніями Моцарта, Вебера, Винтера, Мегюля, Бозльдѣ и другихъ. Оперы Моцарта въ особенности производили на меня глубокое впечатлѣніе; никогда не забуду, какое дѣйствіе имѣлъ на меня «Донъ-Жуанъ», когда я въ первый разъ услышалъ его: я сдѣлался боленъ.

Среди этой музыкальной жизни я чувствовалъ въ головѣ моей какое-то неопредѣленное броженіе, мнѣ казалось, что я слышалъ до того неизвѣстныя мнѣ мелодіи, и лишь только хотѣлъ я схватить ихъ,

они улетали отъ меня. Когда я сядяся за фортепіано, то предавался безконечнымъ импровизаціямъ; наконецъ во мнѣ предчувствовался композиторъ. Однажды, послѣ долгаго колебанія и сомнѣнія въ своихъ силахъ, я не устоялъ, и далъ свободу моему воображенію. Мнѣ всегда говорили, что первая потребность композитора, это знаніе гармоніи, а мой учитель объявилъ мнѣ, что мой курсъ гармоніи уже оконченъ, слѣдовательно не было слишкомъ дерзкимъ считать себя въ правѣ, сочинить въ мою очередь какое-нибудь образцовое произведеніе. И такъ, затворивъ прежде всего дверь моей комнаты, чтобы никто не могъ помѣшать мнѣ въ минуту вдохновенія, я придвинулъ столъ къ фортепіано, положилъ на него нотную бумагу, и сталъ думать о родѣ сочиненія, которымъ я хотѣлъ начать свое поприще. Послѣ долгаго размышленія, я нашелъ, что варіаціи, рондо или романсъ не стоятъ труда, и что только одна соната достойна меня. Рѣшивши это, я написалъ своимъ прекраснымъ почеркомъ на верху нотнаго листа громкое заглавіе: «Grande sonate pour le piano». Потомъ нужно было выбрать тонъ и размѣръ. Этотъ вопросъ былъ уже гораздо проще, и я живо рѣшилъ его, выбравъ, по примѣру Генделя, тонъ *re-majeur* и размѣръ въ четыре такта. Но я и не подозревалъ о самомъ большемъ затрудненіи; мнѣ казалось, что голова моя такъ наполнена мелодіями, что, если дѣло идетъ о сочиненіи, то для меня предстоить одно только затрудненіе въ выборѣ, и однако я долго, долго оставался въ ожиданіи вдохновенія, которое упорно отказывало мнѣ въ малѣйшей идѣ. Наконецъ я вспомнилъ, что когда-то слышалъ, что вдохновеніе избѣгаетъ свѣта и любитъ сумракъ. Я живо закрылъ ставни и возвратился къ фортепіано. Не читавъ ни Жанъ-Жака Руссо, ни фантастическаго капельмейстера, созданнаго Гофманомъ подъ заглавіемъ «Johannes Kreisler», я искалъ вдохновенія такимъ-же образомъ, какъ эти два человѣка. И если успѣхъ мой былъ не такъ блестящъ, какъ у Руссо, который въ одну минуту могъ написать цѣлую оперу, — я былъ однако-же счастливѣе Крейслера, преслѣдуемаго какою-то пошлою пѣсней, которую онъ не могъ никакъ выгнать изъ головы своей, и чрезъ нѣсколько часовъ первая часть моей сонаты была уже готова.

Сдѣлавъ первый шагъ, я уже не останавливался на этомъ прекрасномъ пути; не проходило дня безъ того, чтобы я не написалъ чего-нибудь:

Nulla dies sine linea.

Видно, что я не безъ пользы изучалъ Горация. Такимъ-образомъ я сочинялъ все, и въ концъ года не было ни одного рода, для котораго бы я не написалъ образца. Если бы мнѣ сказали тогда, что все это поздне бросится въ огонь, я бы разсердился не на шутку, такъ любилъ и восхищался своими сочиненіями, скрываемиы наконецъ мною отъ всѣхъ. Мнѣ было четырнадцать лѣтъ и отецъ мой, какъ расчетливый купецъ, думалъ, что я долженъ, изъ моего кое-какого знанія въ музыкѣ извлекать для себя пользу. И потому, къ моему величайшему удивленію, онъ однажды объявилъ мнѣ, что я принятъ, какъ учитель на фортепiano, во многихъ знакомыхъ ему купеческихъ домахъ. Чтó это были за уроки, которые я былъ тогда въ состояніи давать! Но дѣло въ томъ, что черезъ нѣсколько времени, я имѣлъ уже довольно значительную практику. Деньги, получаемыя мною за уроки, оставались почти въ полномъ моемъ распоряженіи и я рѣшился употребить ихъ на мое усовершенствованіе, начавъ брать уроки у вновь прибывшаго тогда учителя, о которомъ говорили чудеса. Это былъ нкто Кернеръ, возвратившійся изъ Россіи, гдѣ онъ былъ пианистомъ у одного помѣщика. До него я зналъ многихъ пианистовъ, они давали уроки, но сами не играли; Кернеръ былъ первый, котораго я слышалъ игру. Правда, что онъ не давалъ концертовъ, но когда, во время урока, онъ игралъ мнѣ какой-нибудь concerto Дюссеса, Штейбельта, Плейеля, или одинъ изъ своихъ *польскихъ* (они составляли особенный родъ его сочиненій, и многіе изъ нихъ были даже напечатаны), я былъ проникнутъ удивленіемъ и уваженіемъ къ нему. Изъ приведенныхъ піесъ можно видѣть, что мой новый учитель не считалъ меня за начинающаго. Съ первыхъ моихъ уроковъ, онъ заставлялъ меня играть только концертныя піесы, сначала тѣ, которыя я ужъ назвалъ, а потомъ концерты: Моцарта, Бетговена, Мошелеса и Гуммеля. Въ преподаваніи Кернера не было ни какой системы и уроки его не могли принести особенной пользы моей игрѣ. Но, впрочемъ, я много обязанъ этому благородному и прекрасному человеку. Онъ былъ веселъ и остроуменъ и въ самомъ началѣ умѣлъ возбудить во мнѣ сильную къ себѣ привязанность, что, впрочемъ, было не трудно для такого учителя какъ онъ; но онъ обладалъ еще качествомъ самымъ похвальнымъ въ учителяхъ, — заботливостью объ ученикахъ;

онъ употреблялъ все свое вліяніе на то, чтобы я успѣвалъ во всемъ, относящемся къ искусству. Такимъ-образомъ онъ просматривалъ мои сочиненія и давалъ мнѣ совѣты. Я обыкновенно писалъ только большія сочиненія, — сонаты, увертюры, симфоніи, даже оперы. Кернеръ требовалъ отъ меня небольшихъ пѣсень: варіацій, рондо, и другихъ въ этомъ родѣ, и въ особенности требовалъ *вѣрности формы*, этого перваго шага къ цѣли самой возвышенной въ искусствѣ: къ *стилю*. Потомъ у насъ съ нимъ бывали длинные разговоры въ которыхъ, вмѣсто того, чтобы противорѣчить моимъ выходкамъ, онъ любилъ позволять выливаться всему, что было на моемъ сердцѣ, высказывать всѣ мои мысли, мои надежды, весь восторгъ мой, предоставляя себѣ только право поправлять мои мнѣнія и давать мнѣ совѣты. Кернеръ былъ также органистъ и я предпочиталъ лучше играть въ его церкви, нежели у моего стараго учителя гармоніи; потому что я любилъ его болѣе прежняго, который съ своей стороны также не показывалъ ко мнѣ особеннаго расположенія; и въ этомъ онъ былъ единственный изъ всѣхъ учителей, какихъ когда-либо я имѣлъ, даже впоследствии, когда мои успѣхи дѣлались замѣтнѣе, этотъ учитель, вмѣсто расположенія ко мнѣ и удовольствія, которыя я ожидалъ найти въ немъ, всегда отталкивалъ меня отъ себя и поступалъ со мною скорѣе какъ врагъ, нежели какъ другъ. И такъ я игралъ на органѣ Кернера, пользовавшагося всеми возможными случаями, чтобы научить меня тому, о чемъ мой прежній учитель гармоніи никогда и не помышлялъ.

Но всего болѣе я обязанъ Кернеру за то, что онъ ввелъ меня въ домъ, самый музыкальный въ Ганноверѣ. Это былъ домъ одного богатаго музыканта, Гаусманна, который, будучи самъ довольно хорошимъ скрипачемъ, собиралъ у себя на квартетные вечера лучшихъ тамошнихъ артистовъ, и былъ въ сношеніяхъ съ знаменитыми артистами Германіи. Онъ нуждался въ учителѣ на фортепіано для своего меньшаго сына, и по предложенію Кернера я былъ приглашенъ давать уроки.

Въ продолженіе всего этого времени, мои музыкальныя упражненія не мѣшали мнѣ прилежно заниматься другими науками, необходимыми для цѣли, указанной мнѣ родителями. Я прѣшелъ пригготовительную школу и уже посѣщалъ гимназію. Одинъ изъ сыновей

Гаусманна, мальчикъ лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, почти мой ровесникъ, учился со мною въ одномъ классѣ. Я не былъ знакомъ съ нимъ. Однажды, во время нашихъ короткихъ часовъ отдохновенія, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Ты Дамбе? сказалъ онъ мнѣ.

— Да! отвѣчалъ я.

— Ты даешь уроки моему меньшему брату?

— А ты Гаусманнъ? отвѣчалъ я, задавая вопросъ за вопросъ.

— Ну, да!

— Тогда да!

— Что да!

— Тогда я даю уроки твоему брату!

— Такъ ты умѣешь играть на фортепiano?

— Разумѣется!

— Слушай! Если такъ, познакомимся, потому что это превосходный случай для насъ обоихъ играть вмѣстѣ. Я играю на виолончели и у моего отца много прекрасныхъ сонатъ для фортепiano и виолончели — Бетговена, Гуммеля и Риса; мы ихъ можемъ играть вмѣстѣ!

— А, да, этого я очень хочу!

— И такъ, мы начнемъ.

Не проходило недѣль безъ того, чтобы мы не играли одинъ или два вечера вмѣстѣ; черезъ это я сдѣлался болѣе короткимъ въ домѣ Гаусманна (большая честь въ моихъ глазахъ и въ особенности въ глазахъ моихъ родителей), а также это доставило мнѣ не менѣе лестное удовольствіе познакомиться съ родомъ сочиненія и исполненія, который до того времени былъ совершенно чуждъ для меня. Иногда, не смотря на наши предосторожности, отецъ моего новаго друга, человекъ холодный и гордый, внуившій мнѣ съ перваго разу, какъ я его уви-
дѣлъ, большой страхъ, заставлялъ насъ въ нашихъ музыкальныхъ занятіяхъ. Случалось даже, что при хорошемъ расположеніи духа, онъ присоединялся къ намъ, и игралъ съ нами нѣсколько трио Бетговена. Присутствіе этого строгаго человека очень насъ стѣсняло; но трио имѣли для насъ особенную привлекательность. И намъ вскорѣ пришла мысль, найти скрипача болѣе точнаго, съ поощреніемъ кото-

раго мы могли бы наслаждаться всею прелестью образцовыхъ произведеній, написанныхъ для фортепіано, скрипки и віолончели. Долгое время поиски наши оставались безъ успѣху; старшій братъ моего друга Жоржа, прекрасный малый, игралъ очень худо на скрипкѣ, хоть и бралъ уроки уже нѣсколько лѣтъ. По мало-по-малу, намъ удалось присоединить къ себѣ не только двухъ молодыхъ скрипачей изъ театральнаго оркестра, но еще нѣсколько изъ знакомыхъ нашихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ игралъ на флейтѣ, а другіе на фортепіано; но важнѣе всего было пріобрѣтеніе одного театральнаго віолончелиста, игравшаго по немногу на всѣхъ инструментахъ.

Послѣдній принадлежалъ къ разряду тѣхъ существъ, которыхъ можно встрѣтить во всѣхъ слояхъ общества, называемыхъ обыкновенно людьми полезными (*les utiles*). Они ничего не знаютъ основательно, но зная всего понемногу, занимаютъ всѣхъ, — работаютъ за лѣнливыхъ также какъ и за больныхъ, — не имѣютъ никогда отдыха, — бьются въ потъ лица и въ награду за все это получаютъ только шутки и насмѣшки, часто очень грубыя и оскорбительныя. Господинъ Гетце былъ одинъ изъ этихъ труженниковъ-страдальцевъ. Онъ былъ принятъ въ театръ віолончелистомъ, но чаще всего принужденъ былъ играть на другихъ инструментахъ; то его видѣли съ трюбнономъ, то съ маленькой флейтой, то съ литаврами, то со скрипкой, но всегда и вездѣ его рябоватое лицо улыбалось съ удовольствіемъ, и маленькіе сѣрые глаза блистали радостью. Хотя онъ занимался также теоріею и въ особенности греческою музыкою, но находилъ еще время заниматься почти всеми науками, и притомъ съ такимъ рвеніемъ, что когда нѣжно любимый имъ внукъ умеръ, онъ видѣлъ въ этомъ превосходный случай присутствовать при вскрытіи трупа, и тѣмъ увеличить свои знанія въ анатоміи. Видно, что Гетце былъ немножко *сумазбродъ* (*timbré*). Понятно также, какія необыкновенныя выгоды пріобрѣтеніе его доставило нашему обществу. Человѣкъ, играющій на всѣхъ инструментахъ, человѣкъ неутомимый, готовый играть хоть всю ночь! Это было чудесно! и какъ мы воспользовались имъ, когда наконецъ, благодаря ему, наше общество скомплектовалось вполне. Такъ образовалось это общество, о которомъ я уже говорилъ въ первой статьѣ моихъ воспоминаній.

Среди этих пріятныхъ музыкальныхъ занятій наступила критическая минута. Я вступилъ въ одинъ изъ высшихъ классовъ гимназіи, гдѣ требованія учителей были несравненно строже, нежели въ проходимыхъ мною нижнихъ классахъ. Теперь мнѣ надлежало уже дѣльно готовиться въ университетъ. Латинскій и греческій языки, математическія и другія науки отнимали у меня все время, ко вреду моей бѣдной музыки. Но въ эту критическую минуту пришла ко мнѣ неожиданная помощь. Директоръ гимназіи былъ не только великимъ ученымъ, но и великимъ психологомъ. Онъ не только наблюдалъ за занятіями учениковъ, но изучалъ ихъ склонности и характеры. Такой человекъ скорѣе могъ узнать способности и судить объ истинномъ призваніи молодаго человека. Онъ узналъ во мнѣ мою страсть и можетъ-быть мои способности къ музыкѣ. Призвавъ отца моего и описавъ ему подробно долгое и трудное поприще, которое я долженъ пройти, чтобы достигнуть потомъ очень скромнаго положенія въ свѣтъ, если меня оставятъ продолжать науки, онъ совѣтовалъ ему дать свободную волю моей склонности къ музыкѣ, и сдѣлать меня артистомъ. Отецъ не устоялъ противъ краснорѣчія и справедливости этого превосходнаго человека, которому я обязанъ всѣмъ благополучіемъ моей будущей жизни артиста.

И такъ, по совѣту директора, отецъ взялъ меня изъ гимназіи и я оставилъ *Грековъ* и *латынь*, чтобы исполнѣ и исключительно предаться обожаемой мною музыкѣ. Я понималъ необходимость въ болѣе тщательномъ изученіи, но рѣшительно не зналъ, въ какую сторону и какимъ-образомъ направить мои занятія. Здѣсь еще разъ случай пришелъ мнѣ на помощь. Съ нѣкотораго времени поселился въ Ганноверѣ одинъ знаменитый артистъ, истинный піанистъ, игравшій даже въ концертахъ передъ многочисленной публикой. Это былъ Ловъзъ Шмидтъ, сочинитель пригготовительныхъ *этюдовъ*, знакомыхъ всѣмъ піанистамъ. Онъ принялъ у насъ мѣсто органиста. Когда я въ первый разъ услышалъ совершенную и чистую игру его, я въ особенности приведенъ былъ въ восторгъ его необыкновеннымъ механизмомъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, брать у него уроки. Я представился къ нему; онъ принялъ меня съ добродушіемъ, составляющимъ особенную черту его характера, и про-

онъ сыграть что-нибудь. Съ трепетомъ сыгралъ я выученный мною «Concertstück» Вебера. Онъ спокойно выслушалъ меня до конца. Потомъ спросилъ, сочиняю ли я. И я показалъ ему большую фантазію для четырехъ рукъ на мотивы изъ любимой мною оперы «Алонза» Луи-Маурера, бывшей тогда въ большой сла- въ въ Ганноверъ.

— Какъ могли вы списать эти мотивы? спросилъ меня Шмидтъ.

— Я два раза слышалъ эту оперу, отвѣчалъ я, и потомъ зналъ уже на память эти мелодіи.

— А, у васъ есть слухъ, сказалъ онъ, это хорошо! но что касается до вашей игры, вамъ еще много, много нужно учиться; у васъ нѣтъ ни правильной постановки пальцевъ, ни вѣрнаго туша, въ заключеніе вы еще ничего не знаете, вы должны начать совсѣмъ снова, вамъ нужны особенно гаммы и упражненія для пальцевъ.

Такое начало привело меня въ полное уныніе. Между-тѣмъ, не смотря на то, что эти механическія упражненія должны были казаться чрезвычайно сухими для меня — игравшаго прежде только піесы болѣе или менѣе приводившія въ движеніе мое воображеніе и чувства, я все-таки принялся за нихъ добросовѣстно. Послѣ немногихъ дан- ныхъ мнѣ уроковъ Шмидтъ оставилъ Ганноверъ и отправлялся жить въ Франкфуртъ на Майнъ. Я снова остался одинъ, потому что Кернеръ, съ которымъ я всегда былъ въ сношеніяхъ, не годился болѣе мнѣ въ учителя, и прежде самъ сознавался, что я знаю болѣе нежели онъ. По нѣскольکو уроковъ Шмидта открыло мнѣ глаза, и въ первый разъ понялъ, что значить методическое и системати- ческое развитіе и безстрашно продолжалъ мои механическія упраж- ненія. Въ то время вышла большая метода Гуммеля. Это произведеніе, хотя чисто эмпирическое и не основанное ни на какой истинной системѣ, но на опытахъ и фактахъ, собранныхъ на удачу, принесло мнѣ чрезвы- чайную пользу по безконечному множеству механическихъ упражне- ній, содержащихся во второй части, и разпределенныхъ съ большимъ искусствомъ. Вся эпоха моей жизни отъ четырнадцати до пятнадцати лѣтъ прошла въ непрестанныхъ и трудныхъ занятіяхъ. Я игралъ по-крайней-мѣрѣ осемь часовъ въ сутки на фортепіано, почти исклю-

чительные гажмы и упражненія по методу Гутсмеля. Четыре часа я занимался теорією. Изучивъ и усвоивъ себя гармонию по руководствамъ Готерда Вебера и Катея, я началъ изучать болѣе сложную науку простаго и двойнаго контрапункта, канона и фуги по Альбрехтсбергеру, Кирнбергеру и Марпургу.

Сочиненія о *контрапунктъ* имѣютъ большое преимущество предъ сочиненіями о гармоніи. Онѣ не такъ противорѣчащи, не такъ наполнены спорами о личныхъ мнѣніяхъ. Это естественное слѣдствіе совершенно различнаго принципа, о которомъ они разсуждаютъ. Контрапунктъ имѣетъ исключительно дѣло съ разумомъ и логикой, тогда какъ гармонія объясняетъ то, что есть самаго неопредѣльнаго, самаго труднаго для анализа — чувство. Можетъ-быть нѣкоторые удивятся, что я полагаю основаніемъ гармоніи, считаемой по милости дурныхъ преподавателей, сухою наукою, — чувство. Но это бываетъ на самомъ дѣлѣ и я тотчасъ докажу. Основаніе всякой музыки есть мелодія, но въ новѣйшей музыкѣ мелодія безъ гармоніи также мало возможна какъ гармонія безъ мелодіи. Каждая мелодія заключаетъ въ себя извѣстныя гармоніи, которыя непременно должны ей соупотствовать; этими-то гармоніями и опредѣляется *тонность* (*tonalité*). Въ музыкѣ это точно также какъ и въ живописи. Каждый предметъ имѣетъ соответствующій ему цвѣтъ, дерево должно быть зеленымъ, небо голубымъ и прочая; замѣните эти цвѣта другими, и вы не достигнете вашей цѣли.

Но, чтобы картина была вѣрна и прекрасна, недостаточно однихъ господствующихъ, общихъ цвѣтовъ. Только въ отгѣнкахъ, сгѣшивающихъ общіе колориты (*teintes*), заключается особенная прелесть. То-що то же самое и въ музыкѣ. Наука гармоніи сообщаетъ намъ средства аккомпанировать мелодію; она даетъ ихъ столько, сколько можетъ аккомпанировать одну и ту же мелодію во сто различныхъ видахъ. Эта наука не можетъ указать съ точностью какой видъ сообразивъ съ духомъ мелодіи, и какимъ скорѣе можно извлечь чувство, заключающееся въ ней. Однако же это неоспоримо, что для каждой мелодіи существуетъ только одинъ вѣрный, приличный и соответствующій ей видъ аккомпанимента. Здѣсь науки недостаточно, только вкусъ и геній могутъ чувствовать и находить этотъ именно необходимый аккомпаниментъ.

И почти всегда въ этомъ аккомпанементѣ не обиде аккорды *темности* (*obscurité*), но въ особеннети *оттѣнокъ* соединяющіе аккорды между собою, производятъ прелесть и глубоко треплютъ чувство, связывая, даже разрушая тонность. Благодаря этимъ гармоническимъ тонкостямъ *оттѣнковъ*, мелодія, даже сама по себѣ ничтожная, можетъ произвести живое впечатлѣніе. Сколько любимыхъ и извѣстныхъ мелодій потеряло бы весь свой эффектъ, еслибы сопровождающіе ихъ гармоніи замѣнить другими! Наука не можетъ проникнуть въ эту тайну, не можетъ объяснить этихъ основановъ гармоническихъ *оттѣнковъ*. Но *теоретики* не хотѣли сознаться въ своемъ безсиліи. Вместо того чтобы ограничиться одною передачею своимъ ученикамъ въ простой и ясной системѣ тѣхъ матеріаловъ, въ которыхъ они нуждаются, они анализируютъ высшія проявленія гармоніи. Вступивъ въ этотъ лабиринтъ, они должны были запутаться и заблудиться въ противорѣчяхъ, встречаемыхъ со всѣхъ сторонъ. Какъ объяснить, что одинъ и тотъ же аккордъ, въ одномъ случаѣ производитъ пріятное и нѣжное ощущеніе, а въ другомъ грубо поражаетъ чувство? Теоретики не могли объяснить этого и вотъ причина столькихъ противорѣчій въ наукѣ гармоніи.

Контрапунктъ имѣетъ такое же отношеніе къ наукѣ гармоніи, какъ фразеологія и логика къ грамматикѣ. Контрапунктъ есть цѣль, гармонія только средство къ ней; контрапунктъ начинается съ того, что разсвѣкаетъ гармонію; но не для того, чтобы ее разрушить, а напротивъ, чтобы одушевить жизнью каждую часть, каждый голосъ гармоніи. И такъ, между тѣмъ какъ гармонія приводитъ въ движеніе звучныя массы, контрапунктъ даетъ живую индивидуальность каждой подробности. Основаніе контрапункта состоитъ въ противоположеніи. Одной мелодіи онъ противопоставляетъ другую, совершенно различную; эти двѣ мелодіи борются другъ съ другомъ, спорятъ между собою. Споръ, одушевляясь, развиваетъ главную мысль, воспроизводитъ ее въ другихъ формахъ, то скрываетъ ее, то снова возвращаетъ, и такимъ-образомъ выказываетъ все *оттѣнки*, къ какимъ она только способна, выставляетъ въ благопріятномъ свѣтѣ все, что заключаетъ въ себѣ прекраснаго. Гармонія сопровождаетъ, а контрапунктъ доказываетъ. Гармонія — это чувство, тогда какъ контрапунктъ — логика. Никто никогда не

могъ составить удовлетворительной теоріи изъ чувства, но логика, которая есть ничто иное, какъ слѣдствіе дѣятельности разума, легко можетъ быть приведена въ какую-нибудь систему.

Вотъ почему системы контрапункта гораздо яснѣе системъ гармоній. Но впрочемъ наука контрапункта представляетъ чрезвычайныя трудности, особенно когда приходится, подобно мнѣ, изучать ее безъ помощи учителя, а только по руководству книгъ. Потому что эти руководства учителей прошедшаго вѣка такъ дурно написаны, до того наполнены темными и непонятными выраженіями, очень часто нова-дающимися въ мѣстахъ наиболѣе важныхъ, что даже съ хорошими способностями и съ твердою волею нельзя понять ихъ, если бы при каждомъ текстѣ не стоялъ практической примѣръ. Сколько разъ я былъ на краю безнадёжности, когда выучивъ и приложивъ къ практикѣ одно правило, встрѣчалъ потомъ другое, казавшееся совершенно противорѣчающимъ первому! За то какое было удовольствіе, когда съ помощью чтенія и размысленія я достигалъ до того, что могъ объяснить его себѣ, и понять что противорѣчіе это только кажущееся!

Этимъ-то я занимался ежедневно цѣлыхъ четыре часа, обыкновенно послѣ обѣда. Выучивъ и понявъ правило, я тотчасъ предлагалъ его къ сочиненіямъ, которыя писалъ по классическимъ образцамъ. Послѣ занятій я имѣлъ привычку отправляться гулять одинъ, тогда сидя въ одномъ изъ прекрасныхъ садовъ въ окрестностяхъ Ганновера, гдѣ передо мною пространный и улыбающійся ландшафтъ окаймлялся отдаленными горами, я повторялъ въ памяти правила Кирпбергера и Альбрехтсбергера и такимъ-образомъ достигалъ до полного пониманія и усвоенія себѣ этой трудной и сложной науки.

Въ то время, когда я былъ углубленъ въ эти занятія фортепiano и контрапунктомъ, пришелъ однажды ко мнѣ Керперъ съ предложеніемъ играть въ концертъ. Сначала я принялъ это за шутку. Какъ? мнѣ, шестнадцатилѣтнему мальчику, мучившему себя каждый день упражненіями Гуммеля, осмѣлиться играть передъ публикою, кото-

рая еще недавно слышала и рукоплескала блестящему виртуозу Алоизу Шнитцу!

— Но я увѣренъ, что кромѣ упражненій вы играете также пьесы, говорилъ мнѣ Кернеръ; вы много играли ихъ со мною, и теперь, послѣ долгаго изученія, вы конечно въ состояніи играть ихъ передъ публикой.

— Правда, отвѣчалъ я, играю также и пьесы, я довольно даже усовершенствовался во многихъ сочиненіяхъ Гуммеля, котораго очень люблю, но еще не играю ихъ такъ хорошо, чтобы исполнять въ концертъ.

— А, вотъ что! говорилъ Кернеръ, я понимаю эту робость, не нужно на нее обращать большаго вниманія, вы довольно успѣли, публика будетъ вашимъ лучшимъ учителемъ; и такъ играйте! Это я вамъ говорю.

Дѣло шло объ одномъ бѣдномъ слѣпцѣ, сдѣлавшемся по милости герцога Кембриджскаго, тогдашняго ганноверскаго вице-короля, флейтистомъ. Постоянно разъ въ годъ онъ прїѣзжалъ въ Ганноверъ подъ предлогомъ давать концерты, собирать дань съ публики и въ особенности съ своего благодѣтеля-герцога. Какъ случается почти всегда, когда одно и тоже лицо представляется уже не первый разъ, бѣдному слѣпцу стоило большаго труда устроить свой концертъ. Послѣ долгихъ поисковъ и безконечныхъ посѣщеній ему удалось наконецъ собрать небольшой оркестръ, — несравненно удобное употребленіе замѣнять оркестръ фортепяно, въ то время было еще неизвѣстно. — Онъ пошелъ даже какого-то пѣвца, обѣщавшаго пропѣть двѣ аріи; но какъ бѣдный слѣпецъ не смѣлъ показываться въ концертъ болѣе одного разу, то онъ нуждался еще въ нѣсколькихъ инструментальныхъ соло, но здѣсь всѣ его поиски оставались безъ успѣха, ни одинъ артистъ не хотѣлъ принимать участія въ его концертъ. Вотъ почему, черезъ посредство моего прежняго учителя, онъ обратился ко мнѣ. Хотя въ началѣ дѣло шло только объ одной пьесѣ, которую я долженъ былъ играть, но въ концѣ вышло, что весь концертъ

долженъ былъ основанъ на мнѣ. Мало-по-малу меня убедили сыграть три пьесы, *септуорь* и *рондо* въ si bemol съ русскаго артиста — Гуммеля и *рондо* въ ге мажор Герца, бывшее въ то время въ большой славѣ. Конечно это былъ не малый рискъ для моего першаго дебюта, но, не смотря, что въ началѣ я нѣсколько былъ смущенъ, я накомилъ свое дѣло къ удовольствію публики и Кернера, казавшагося въ этотъ вечеръ необыкновенно счастливымъ. Была однако же минута, когда онъ долженъ былъ трепетать, именно въ то время, когда я игралъ *рондо* Гуммеля. Пьецъ, какъ человѣкъ услужливый, взялся вращать мнѣ листы (тогда еще не играли на память) и случилось, что въ ту именно минуту, когда я былъ занятъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ пассажей, требовавшимъ равномѣрно обѣихъ рукъ моихъ, пьецъ повернулъ листъ съ такою ревностью и быстротою, что онъ выскользнулъ изъ рукъ его и полетѣлъ по залу. И какъ я не смѣшавшись продолжалъ играть пьесу, которую очень хорошо зналъ на память, то этотъ случай, долженствовавшій сначала испугать друзей моихъ, обратился къ величайшей моей славѣ. Этотъ дебютъ остался не безъ послѣдствій: меня часто приглашали играть въ концертахъ. Я имѣлъ даже честь, спустя нѣсколько времени послѣ какого-то концерта, быть представленнымъ вице-королю; я игралъ при его дворѣ и вскорѣ формально сдѣлался пианистомъ придворныхъ концертовъ.

И такъ я игралъ передъ публикой, былъ придворнымъ пианистомъ, но еще не давалъ своего собственнаго концерта. Это последнее посвященіе въ артисты, пришло само собою, когда я вовсе объ немъ и не думалъ. Музыкальное общество, котораго я и Гаусманнъ были начальниками, мало-по-малу увеличилось такъ, что собственными своими средствами мы могли почти устроить маленькій оркестръ. Въ то же время мы были въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ музыкантами театральнаго оркестра и въ случаѣ нужды, всегда могли разсчитывать на нихъ. Въ это время я игралъ по воскресеньямъ на органѣ, то въ одной церкви, то въ другой, заступая мѣсто того или другаго органиста. Одинъ изъ нихъ, зная музыкальное общество, котораго я былъ однимъ изъ начальниковъ, сначала переложилъ для органа и небольшого оркестра нѣсколько сонатъ Плейеля, а потомъ самъ сочинилъ нѣсколько симфоній въ томъ же родѣ. Мы испол-

иногда эти пьесы въ праздничные дни, и это подало этому органному миссу дать самому концертъ. Но для исполненія своихъ обязанностей, мнѣ нуждался въ оркестръ, который надѣялся имѣть только чрезъ мое посредство; поэтому онъ и предложилъ мнѣ вступити въ товарищество съ нимъ, въ этомъ великомъ предпріятіи. И какъ я давалъ свой первый концертъ на органъ. Легко можно понять, что такой равнодушный ученикъ контрапункта, какъ я, не могъ пропустить этого прекраснаго случая, чтобы не написать нѣсколько контрапунктныхъ сочиненій, смѣшанныхъ съ фугами. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я изучилъ Альбрехтсбергера, все мои сочиненія состояли только изъ простаго и двойнаго контрапункта, канона и фугъ. Бахъ писалъ фуги вездѣ и на все, даже посторонніе предметы и происшествія служили ему мотивами для фугъ. Такимъ-образомъ онъ писалъ фуги на свое имя (B-a-c-h), на приказъ, изданный Фридрихомъ Великимъ, на отъездъ друга, даже на сигналъ почтальона. Я далъ себя слово не отставать отъ этого великаго учителя. Потому каждый разъ, принося на наши музыкальныя званія новое свое сочиненіе, сонату, квартетъ, или квинтетъ, мои безконечныя фуги приводили въ отчаяніе всѣхъ исполнителей. Но въ церкви, на органъ, совсѣмъ другое: тутъ ничего нельзя было сказать противъ контрапунктнаго стиля; напротивъ, онъ былъ здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ. Съигравъ въ моемъ концертѣ тоската — Себастьяна Баха, вторая пьеса, которую я исполнилъ, была большая фантазія, сочиненная мною на хораль Лютера, гдѣ я расточилъ все плоды моего изученія контрапункта и фуги. Въ этомъ концертѣ, не только весь оркестръ и пѣвцы театра, но и Liedertafel принимали участіе. Я употребилъ при органъ тропоны и хоръ Liedertafel. Я уже говорилъ въ первой статьѣ, какъ сочиненіе это обратило на себя вниманіе капельмейстера Маршнера. Кромѣ этой фантазіи въ концертѣ исполняли еще, если не сочиненіе, то по-крайней-мѣрѣ мое переложеніе. Это былъ религиозный гимнъ Беттовена для одного голоса съ акомпаниментомъ фортепяно; я передѣлалъ его для хора и оркестра. Переложеніе это, благодаря великодушному произведенію Беттовена, имѣло также полный успѣхъ.

Хотя я продолжалъ постоянно мои занятія, однакоже начиналъ

понимать, что достигнуть конца перваго періода моей жизни артиста, той точки, гдѣ уже дѣятельная жизнь должна продолжиться и дополнять мое образованіе. При тихой и спокойной жизни моей въ Ганноверѣ, нельзя было надѣяться, что я когда нибудь найду побужденія, которыя бы подвинули меня впередъ. Я уже чувствовалъ въ себѣ неопредѣленное желаніе видѣть свѣтъ, путешествовать; я только ожидалъ удобнаго къ тому случая

Къ счастью, этотъ случай, котораго я такъ желалъ, вскорѣ представился.

В. ДАНКЕ.

=

ХЛѢБЪ ВЪ АНГЛІИ.

=

Объясненіе пошлнны на привозный хлѣбъ въ политико-экономическомъ отношеніи показало во-первыхъ пустоту стариннаго ученія протекціонистовъ, которое всегда страшилось иноземнаго хлѣба какъ разоренія для отечественной земледѣльческой промышленности; во-вторыхъ, торжественнымъ опытомъ подтвердило фактъ, угадываемый въ последнее время только теоріей, а именно, что нигдѣ, даже и въ землѣ, самыхъ прославленныхъ земледѣльческими богатствами, не родится, въ вѣхъ пяти-лѣтней сложности нельзя произвести хлѣба бѣзѣ той проворости, которая нужна въ точности на прокормленіе собственныхъ жителей страны въ продолженіе пяти-лѣтій; и, наконецъ, удостоверило, что цѣны на хлѣбъ ускользаютъ отъ всякъхъ правилъ и предвидній человѣческой мудрости. Въ 1815 и 1816 году, вслѣдствіе двухъ урожайныхъ лѣтъ сряду, кварталъ (четверть) пшеницы продавался въ Англій по 44 шиллинга (13 рублей 50 копѣекъ серебромъ): вся земледѣльческая партія страны вопила, увѣряя, что нѣтъ возможности далѣе заниматься хлѣбопашествомъ, что вслѣдствіе возобновленія торговли съ Твердою Землею иностранный хлѣбъ привозится несмѣтными количествами и подрываетъ цѣны на отечественный, что вся фермеры обанкрутятся, если внутреннему сельскому хозяйству не окажутъ особеннаго покровительства. Какъ земледѣльческая партія преобладала или, точнѣе, господствовала въ парламентахъ, составленномъ изъ богатыхъ земледѣльцевъ, то и парламенты были озабоченные комитеты, которые дѣлали допросы, собирали справки, сравнивали покосама, съ цѣлью ввести въ законъ пред-

ства и нужды отечественнаго земледѣлія. Сельскіе хозяева все односторонне утверждали, что если кварталъ пшеницы не станетъ продаваться по 80 шиллинговъ (24 рубля 80 копѣекъ), то придется все имъ бросить поля и отказаться отъ дѣла. Земледѣльческая партія вставала, чтобы привозъ заграничнаго хлѣба былъ воспрещенъ закономъ, пока мѣстный хлѣбъ не достигнетъ урочной цѣны 80 шиллинговъ. Умѣренные члены этой партіи предлагали принять 76 шиллинговъ : сельскіе хозяева и слушать не хотѣли ; менѣе 80 шиллинговъ, по ихъ увѣренію, они не могли работать. Законъ былъ изданъ : но между-тѣмъ, еще до изданія закона, въ продолженіе этихъ преній, хлѣбъ въ Англіи, не смотря на свободный привозъ иностраннаго зерна, вдругъ отъ 44 шиллинговъ возвысился въ цѣнѣ до 74, безъ всякой особенной причины, потомъ до 95, наконецъ до 112 и спустя нѣсколько времени послѣ изданія запретительнаго закона понижался самъ собою до 53 шиллинговъ. Одиннадцать лѣтъ дѣйствовалъ въ Англіи законъ, которымъ иностранный хлѣбъ былъ совершенно изгнанъ, пока цѣны на отечественный хлѣбъ не перейдутъ за 80 шиллинговъ, и это однако жъ не спасло внутренняго земледѣлія отъ непрерывнаго и насильственнаго колебанія цѣнъ на произведенный имъ хлѣбъ между 44 и 112 шиллингами. Сельскіе хозяева кричали, что они разоряются и приписывали непостоянство цѣнъ тайной контрабандѣ. Новые комитеты — новыя слѣдствія — контрабанды иностраннымъ хлѣбомъ нигдѣ и слѣда не открыли — и земледѣльческая партія стала утверждать, что законъ не хорошъ, что спекуляторы будто бы нарочно вгоняютъ внутренній хлѣбъ въ цѣну выше 80 шиллинговъ, чтобы имѣть предлогъ къ выпискѣ иностраннаго хлѣба ; что тогда они выписываютъ его вдругъ въ огромномъ количествѣ и держатъ у себя въ запасъ для угнетенія отечественныхъ сельскихъ хозяевъ въ послѣдствіи. Тогда, въ угожденіе имъ введена была знаменитая *подвижная такса*: иностранный хлѣбъ допускался къ привозу во всякое время, но съ тѣмъ, что привозъ будетъ беспошлинный тогда только, когда цѣны на внутренній хлѣбъ станутъ не ниже 84 шиллинговъ ; если же внутренняя цѣна будетъ 83, то съ привознаго хлѣба должно взимать одинъ шиллингъ пошлнны, если 82, то два шиллинга, если 81, три шиллинга, и такъ далѣе. При упадкѣ внутреннихъ цѣнъ до 44, привозный хлѣбъ долженъ былъ платитъ 40 шиллинговъ пошлнны. Англійскіе земледѣльцы надѣлись

удержать такимъ-образомъ хлѣбъ въ одинаковой цѣнѣ около 80 шиллинговъ постоянно и вмѣстѣ устранить негодование другихъ классовъ, которые возставали противъ ихъ жадности и называли «монополистами», всякой разъ, какъ цѣны на хлѣбъ достигали 80, 90, 100 и даже 110 шиллинговъ (33 рублей). Оба эти закона придуманы были земледѣльцами, оба были направлены въ ихъ прямую пользу съ явную несправедливостью къ нуждамъ другихъ классовъ, и этотъ второй законъ оказался такъ же неудачнымъ какъ и первый. По прежнему, цѣны на хлѣбъ сильно колебались съ года на годъ, то быстро возвышались до 113 шиллинговъ, то вдругъ понижались до 44 и даже. Однажды понизились онѣ до 33. Сельскіе хозяева не переставали издавать горькія жалобы въ продолженіе осемнадцати лѣтъ, подыскивая собственнаго своего закона. Они все-еще домогались *оказанія особенной протекціи отечественному земледѣлію*, хотя очевидно протекція не можетъ идти далѣе монополіи, а они пользовались болѣе тридцати лѣтъ настоящею монополіей на свои произведенія. Но общее мнѣніе приняло между-тѣмъ другой оборотъ. Пустота нареканій сельскихъ хозяевъ стала ясною для всякаго. Въ 1846 году, по могущественному слову гениальнаго человека, котораго преждевременную кончину Англія вывче оплакиваетъ, *подвижная такса* уничтожена и иностранный хлѣбъ безошлнно и безусловно дозволенъ къ постоянному привозу. Что же оказывается? Цѣны на хлѣбъ также сильно колеблются при полномъ разрѣшеніи, какъ колебались при полномъ запрещеніи и при подвижной таксѣ. Когда въ Англіи свой хлѣбъ понижается до 50 шиллинговъ (15 рублей 50 копѣекъ), иностраннаго никто не привозитъ: невыгодно!... Когда въ Англіи неурожай, то, несмотря на свободу привозитъ хлѣбъ отовсюду бесплатно, его привозятъ такъ мало, что цѣны на внутреннихъ рынкахъ все-таки бывають не ниже 112 и 113 шиллинговъ: лишняго хлѣба нигдѣ нѣтъ!... небольшой избытокъ, который другія земли могутъ уступить, и который онѣ всегда уступаютъ очень дорого, вовсе недостаточенъ для сильнаго пониженія мѣстныхъ цѣнъ. Въ 1847 году кварталъ эссекской и кентской пшеницы продавался въ Лондонѣ по 113 шиллинговъ (35 рублей 60 копѣекъ), при всемъ неслыханномъ привозѣ въ тотъ годъ заграничнаго хлѣба. Въ 1848 и 1849 годахъ не привезено въ Англію ни одного зерна изъ-за-границы, а между-тѣмъ цѣны на внутренній хлѣбъ упали до 50 и 45 по поводу мѣстныхъ

урожаямъ. Миллионной весной за кварталъ платили уже по 60 до 40 шиллинговъ и ожидаютъ, что осенью цѣна еще болѣе понижится. Земледѣльческая партія, разумеется, кричитъ о разореніи: но она всегда кричала и будетъ кричать; ей дѣло.— крикливое. Настоящее горе сельскаго хозяйства, завоспѣлые протекціонисты приписываютъ теперь уничтоженію *податливой такки*, противъ которой недавно вѣнцы они, какъ мзра ложной и медвѣдятичьей. Но теперь нѣтъ уже нѣтъ не верить и дѣло кончится крикомъ. Восстановить поминальни: запрещеніе на хлѣбъ сами они не посмѣютъ теперь, когда бы даже и дала имъ власть на это. Никто вѣнцы не сомневается въ той истинѣ, что земледѣльцы сами всегда причиною своего горя. Когда урожаи и цѣны понижаются, они, по нуждѣ въ деньгахъ, везутъ на рынки какъ-можно болѣе хлѣба и сами у себя сбываютъ цѣны еще хуже. Въ неурожайный годъ, тѣ, у кого хлѣбъ порядочно родился, вращаютъ даръ Божій и держатъ его какъ-можно долѣе въ амбарахъ, выжидая, пока цѣны не возвысятся чрезмерно: они не прежде вывозятъ остатки его на рынокъ, какъ приметивъ, что наступать большой урожай и испугавшись пониженія цѣны. Тогда они все вдругъ сбываютъ послѣдніе запасы и тѣмъ рымаютъ сами первое пониженіе цѣны. Есть ли средство помочь этому законами или тарифами? Очевидно, нѣтъ никакого. Таково коренное свойство земледѣлія.

Вывозъ съ помянутою на хлѣбъ отъмененъ, какъ извѣстно, помянуто и на иностранный рогатый скотъ. Стало ли отъ этого мясо дешевле въ Англіи? или, по-крайней-мѣрѣ, стала ли цѣна на эту статью постоимѣннѣе? Ни сколько. До преобразованіи тарифовъ сэръ Робертъ Пилемъ, отличнѣйшая говядина стоила въ Лондонѣ, смотря по урожаю кормовъ, отъ 3 до 4 шиллинговъ за камень (*stone*), възъ равный почти десяти русскимъ фунтамъ, то-есть, отъ 7½ до 12 копѣекъ серебромъ за русскій фунтъ. Тѣ же самыя цѣны остаются и нынѣ. Нѣтъ никакой выгоды выписывать рогатый скотъ изъ другихъ земель: онъ обходится дороже мѣстнаго и даетъ мясо гораздо хуже.

Мериносковая шерсть, при запретительной системѣ, отъ 1836 до 1842 продавалась по 27 шиллинговъ; теперь, при свободной торговлѣ, (1842 — 1849) цѣна на шерсть понижалась только *одна* шиллинговъ.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЧЕРНОМОРСКОЙ И АЗОВСКОЙ ТОРГОВЛИ

ОТЪ НАЧАЛА ОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ ДО НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

=

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Отъ 1800 года до учрежденія одесскаго порто-франко.

Начало девятнадцатаго столѣтія ознаменовано политическими событіями, имѣвшими сильное вліяніе на торговлю; частые перевороты, происходившіе тогда въ политикѣ европейскихъ государствъ, войны на сушѣ и на моряхъ, мирные и союзные трактаты, непрерывно измѣняли торговыя обстоятельства, заставляя торговлю, то пролагать себѣ новые пути, которые внезапно потомъ закрывались, то довольствоваться временными выгодами изъ обыкновенныхъ ея источниковъ. Постоянство направленія и прочность торговыхъ связей, необходимыя условія для благопріятнаго развитія торговли, могли ли пріобрѣсти твердое основаніе среди тревоги и борьбы въ политическомъ мірѣ, когда рывались судьбы государей и народовъ? Промышленная предприимчивость и животворныя силы ея, заключающіяся въ капиталахъ и кредитѣ, спышши укрыться отъ смутъ, потрясавшихъ

права собственности. Однако, духъ торговли оживлялся лишь-только съ переменною обстоятельствомъ, безопасность могла обнадежить въ стяжаніи выгодъ; тѣмъ съ болѣею дѣятельностью возобновлялись предпріятія, стѣсненные или остановленные политическими событіями и тѣмъ быстрее производились торговыя сношенія между народами, тѣмъ болѣе преградъ встрѣчалось прежде къ удовлетворенію нуждъ потребления и промышленности.

Люневильскій трактатъ даровалъ уже спокойствіе Европѣ, когда Александръ-Первый вступилъ на престолъ. Нѣкоторыя несогласія между Россією и Англією вскорѣ потомъ прекратились, и торговыя сношенія съ Францією возстановлены въ 1801 году. За амьенскимъ трактатомъ между Англією и Францією, заключеннымъ въ слѣдующемъ году, последовалъ трактатъ между Францією и Оттоманскою Портою, по которому французскія купеческія суда получили право свободнаго плаванія по Черному морю. Вскорѣ потомъ, Турція предоставила это право Англіи, Пруссіи, Испаніи, Неаполитанскому королевству, Рагузѣ и Юническимъ островамъ. Такимъ-образомъ, Черное море сдѣлалось общимъ достояніемъ торговыхъ націй и съ этой достопамятной эпохи началось процвѣтаніе торговли въ портахъ южной Россіи, между которыми Одесса приобрѣла рѣшительный перевѣсъ.

Русское правительство воспользовалось благоприятными обстоятельствами и, для привлеченія торговли въ порты этого края, разрешило въ 1803 году отпускъ и привозъ всѣхъ товаровъ съ уменьшеніемъ пошлинъ противъ общаго тарифа, на четвертую часть, въ черноморскихъ и азовскихъ портахъ, а для пользы скотоводства, столь важной отрасли богатства южнаго края, дозволило вывозить оттуда сырыя кожи, отпускъ которыхъ былъ запрещенъ. Въ 1804 году, Одессѣ даровано складочное право на пять лѣтъ, состоявшее въ томъ, что всѣ ин-странные товары, привозимые въ этотъ портъ, могли быть складываемы въ особо-устроенныхъ магазинахъ и оставаться тамъ, безъ платежа пошлинъ, полтора года. Въ 1806 году, эта льгота распространена на Феодосію и Таганрогъ.

Транзитный торговъ, представляющій во многихъ отношеніяхъ особенныя выгоды государству, давно уже обращалъ на себя вниманіе

правительства. При общемъ Тарифѣ 1782 года, обнародовано транзитное положеніе для товаровъ, перевозимыхъ черезъ Ригу въ Польшу, Литву и Курляндію; а при общемъ тарифѣ 1797 года предписаны общія правила, которыя должно наблюдать при отправленіи иностранныхъ товаровъ изъ Европы черезъ Россію; но какъ ни мѣсть, ни дорогъ, черезъ которыя дозволялся транзитъ, не означено, то это положеніе оставалось безъ дѣйствія. Правительство, видя изъ опытовъ, какъ успешно возрастала одесская торговля съ помощью дарованныхъ ей льготъ, признало полезнымъ установить для нея подробныя правила транзитнаго торга.

Изданнымъ съ этой цѣлью въ 1804 году положеніемъ, дозволено всѣмъ русскимъ и иностраннымъ купцамъ, пользующимся правомъ заграничнаго оцтоваго торга, всѣ иностранные товары, кромѣ запрещенныхъ по тарифу, привозимые моремъ, или изъ другихъ русскихъ городовъ въ Одессу, отправлять транзитомъ въ Молдавію и Валахію, Австрію и Пруссію; равнымъ-образомъ дозволено иностранные товары, привозимые изъ этихъ мѣстъ къ границамъ Россіи, препровождать транзитомъ же въ Одессу для заморскаго отпуска. Товары, отправляемые транзитомъ изъ Одессы въ Молдавію и Валахію, пропускались черезъ могилевскую и дубосарскую таможи; для отправляемыхъ въ Австрію была назначена радзивиловская, а для тѣхъ, которые должны идти въ Пруссію, крынская таможня. Привозимые къ этимъ пограничнымъ четыремъ таможнямъ иностранные товары, объявляемые къ транзиту, предписано была выпускать за море, черезъ одесскую таможню. Если объявлены будутъ для транзита такіе товары, которые уже заплатили пошлину въ другихъ таможахъ, и привезены изъ внутреннихъ городовъ въ Одессу, или въ упомянутыя пограничныя таможни, то транзитъ дозволялся въ такомъ только случаѣ, когда о дѣйствительной заплатѣ пошлинъ представлено достаточное свидѣтельство изъ той таможни, въ которую поступила пошлина, и когда таможенныя клейма на товарахъ ясны и не подвержены сомнѣнію. Возвратъ пошлинъ допускался не иначе, какъ по полученіи точнаго удостовѣренія въ отпускъ товаровъ за границу черезъ тѣ таможни, которыя для того именно назначены и за то самое количество товаровъ, какое дѣйствительно за границу выпущено. Для облегченія купчества, и чтобы какъ возможно усилить

эту отрасль торговли при одесскомъ портѣ, предоставлено было торгующимъ въ Одессѣ на волю, при объявленіи товаровъ, туда привезенныхъ и для транзита назначенныхъ, вносить полную пошлину, или вмѣсто того представлять надежное поручительство, засвидѣствованное въ судебномъ мѣствѣ и удостоверяющее, что полныя по тарифу пошлины внесены будутъ въ случаѣ невывоза объявленныхъ товаровъ за границу. Благонадежнымъ поручительствомъ положено признавать залого недвижимаго имѣнія, или по-крайней-мѣрѣ ручательство торговаго дома или конторы въ Одессѣ, известныхъ по своей торговлѣ; свидѣтельство о томъ требовалось съ утвержденіемъ градоначальника. При отправленіи привозныхъ иностранныхъ товаровъ изъ означенныхъ выше пограничныхъ таможенъ транзитомъ въ Одессу, поручительства не принимались, а взымалась съ товаровъ полная пошлина, изъ которой семь частей по выпускѣ за границу возвращались хозяевамъ, а осьмая часть поступала въ казну. Сверхъ-того разрѣшено было возвращать привозную пошлину и не взыскивать отпускной пошлины при выпускѣ за границу товаровъ, въ особомъ реестрѣ поименованныхъ, какъ-то: азіатскихъ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ издѣлій, бумаги хлопчатой, бумажной пряжи, шелку, пуху козьяго, корольковъ, чаю, масла деревяннаго, сахару, кофе, винъ, пряныхъ кореньевъ, индиго, кошенили, крапу, маршмы, красильнаго дерева и нѣк. друг.

Правительство желало распространить выгоды транзитнаго торговаго на одну Одессу: оно предоставило въ 1806 году складочное право Феодосіи съ тѣмъ, чтобы тамъ могли быть складываемы въ особоустроенныхъ магазинахъ, не только дозволенные товары, но и нѣкоторыя запрещенныя къ привозу европейскія издѣлія, если будутъ привезены въ этотъ портъ для отпуска транзитомъ въ Анатолію или Левантъ.

Товары, которымъ была дарована эта льгота, были: часы карманные съ украшеніями, гребни роговые, костяные и черепаховые, мелкія жестяныя и мѣдныя издѣлія, наперстки мѣдныя, стальные и желѣзные, мѣдная и жестяная посуда, игры шахматныя, табакерки и коробочки бумажныя, костяныя, роговыя и черепаховыя. Это распоряженіе имѣло цѣлью проложить черезъ Феодосію путь европейскимъ товарамъ въ Азіатскую Турцію, который пресвѣченъ былъ для нихъ стѣ-

снѣніемъ торговли на Средиземномъ морѣ, по случаю войны Франціи съ Англіею и Австріею. Но въ послѣдствіи транзитный торгъ получилъ гораздо обширнѣйшее развитіе, когда Россіи, по заключеніи въ 1807 году тильзитскаго мира съ Франціею, присоединилась къ системѣ континентальной и открыла черезъ свои границы сбытъ колониальнымъ и левантскимъ продуктамъ въ Европу и европейскимъ товарамъ на Востокъ. Для распространенія этой торговли, правительство облегчило постановленныя въ 1804 году правила о транзитѣ изъ Молдавіи, Валахіи, Австріи и Пруссіи черезъ одесскій портъ въ иностранныя земли и обратно, дозволивъ въ 1808 году отправлять транзитомъ всякіе иностранные товары, даже запрещенные по тарифу, но исключая англійскихъ: купцы должны были показывать подъ присягою, что въ числѣ транзитныхъ нѣтъ англійскихъ товаровъ.

Торговля черноморскихъ портовъ Россіи до начала войны съ Турціею въ 1806 году, значительно усилилась, какъ видно изъ слѣдующаго сравненія:

По средней сложности въ 1793—1797 году	Въ 1802—1805 году	
Отпущено на	1,156,183	5,054,964 руб.
Привезено —	718,198	3,669,216 —
Кораблей въ приходѣ	471	980.

Мирныя отношенія Россіи ко всемъ государствамъ Европы, продолжавшіяся до 1805 года, когда заключенъ былъ союзъ съ Англіею и Австріею, а потомъ съ Пруссіею противъ Франціи, весьма благоприятствовали успешному ходу торговли на югъ. По Черному и Азовскому морю въ это время развѣвалась преимущественно турецкій и русскій флагъ; послѣдній употребляли собственно греческія суда. Мало-по-малу въ тамошніе порты начали приходять австрійскіе, англійскіе, испанскіе, неаполитанскіе, іоническіе и рагузскіе корабли, пользуясь дарованнымъ имъ Оттоманскою Портою разрѣшеніемъ на свободное плаваніе черезъ Дарданеллы. Главною статьею вывоза изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ была пшеница; послѣ нея первое мѣсто занимало желѣзо, а изъ другихъ отпускныхъ товаровъ важнѣйшіе были: масло коровье, икра, соль, рожь, ячмень, кожи сырыя, шерсть, мягкая рухлядь, юфть, канаты, войлоки, золото пряженое. Вывозъ оз-

начинали предметомъ болѣею частью возрастать постепенно. Изъ привозныхъ товаровъ, главными статьями были: виноградный винъ, фрукты, деревянное масло, хлопчатая бумага, шелкъ и бумажные изделия, а изъ холста: табакъ, краски, шерстяныя и шелковыя изделия. Торговля сосредоточивалась въ Одессѣ и Таганрогѣ; но одесскій портъ имѣлъ уже значительный перевѣсъ. Въ 1803 году, прибыло въ портъ Чернаго и Азовскаго морей 977 кораблей, въ томъ числѣ 536 въ Одессу и только 177 въ Таганрогъ, тогда какъ въ неходѣ осемнадцатого столѣтїя приходило въ Одессу не болѣе 70, а въ Таганрогъ около 100 кораблей. Иностранцы покупали хлѣбъ болѣею частью на звонную монету, которая привозилась въ Одессу черезъ Броды или привозилась въ порты на корабляхъ, приходившихъ за хлѣбомъ. Одесса еще не имѣла достаточныхъ сношеній съ внутренними губерніями и оттого она снабжалась иностранными товарами болѣе черезъ Таганрогъ. Этотъ портъ, кромѣ хлѣба, отпускалъ желѣзо, икру, масло коровье, юсть, канаты и др., а изъ Одессы и крымскихъ портовъ вывозилась преимущественно хлѣбъ. Крымъ снабжалъ хлѣбомъ, для заморскаго отпуска, Феодосію и Евпаторію, но Одесса отпускала его въ значительнѣйшемъ количествѣ, получая изъ губерній подольской, волынской, кievской и херсонской. Прежде, большая часть украинскаго хлѣба шла гужемъ до Орла, изъ Орла до Москвы Окю, оттуда опять гужемъ до рѣки Шоши, а изъ нея по Волгѣ достигала Санктпетербурга и отправлялась за море; но съ расширеніемъ Одесской торговли, направленіе хлѣбныхъ транспортовъ измѣнилось: икъ стали доставлять въ ближайшій портъ, въ Одессу, куда стекалось за хлѣбомъ корабли для вывоза его въ разныя мѣста Европы. Въ 1803 году, изъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ вывезено: хлѣба овинкомъ на 3,000,000, желѣза на 634,365 руб., канатовъ на 79,550 р., юсти на 77,676 р., масла коровьяго на 202,620 р., икры на 207,250 р. Въ сравненіи съ 1802 годомъ, отпускъ хлѣба и желѣза увеличился почти вдвое: юсть сырыхъ, которыхъ вывози разрешено было только съ этого года, отпущено тогда на 25,506 р., а въ 1803 году на 46,645 р. Что касается до привоза, то онъ возрасталъ не такъ быстро, и перевѣсъ отпуска составлялъ около двухъ милліоновъ рублей.

Внезапно возобновившаяся въ 1803 году война между Франціею и

Англією заставляла опасаться для Одессы неблагопріятныхъ послѣдствій, хотя и можно было полагать, что нейтральное судоходство, взаимныя выгоды и нужды Европы, еще поддержать одесскую торговлю; 1804 годъ оправдалъ эту надежду. Войны въ Итали, смуты въ Египтъ и Варварин, запрещеніе вывоза хлѣба изъ Венгрии, истощивъ запасы и затворивъ порты южной Европы, такъ, что она уже не могла иначе удовлетворять своимъ потребностямъ, какъ черезъ Одессу. Въ этомъ году пришло въ черноморскіе и азовскіе порты 986 кораблей и отпущено хлѣба на 3,500,000 рублей. На этихъ корабляхъ привезено вина, фруктовъ и деревяннаго масла гораздо большее противъ прежняго количество; однако иностранцы должны были заплатить звонкою монетою около половины той суммы, на которую простирался вывозъ хлѣба. Отправленіе хлѣба въ Испанію и въ другія мѣста доставило въ 1804 году прибыли въ сложности до 80 процентовъ: это было поводомъ къ значительнѣйшему вывозу въ 1805 году. Въ этомъ году пришло кораблей 1,250, хлѣба отпущено на 5,758,000 руб. и желѣза слишкомъ на миллионъ рублей, вполтора раза болѣе противъ предъидущихъ годовъ. Между-тѣмъ привозъ товаровъ почти нисколько не увеличился и потому значительныя суммы звонкой монеты поступили изъ-за границы въ уплату за хлѣбъ.

Успѣхи торговли чрезвычайно благопріятствовали умноженію населенія и богатства Одессы, гдѣ сосредоточивался хлѣбный торгъ, сдѣлавшійся столь важнымъ и выгоднымъ подѣ влияніемъ политическихъ обстоятельствъ того времени. Въ 1803 году въ Одессѣ считалось уже до 8,000 жителей; но городъ былъ еще почти не застроенъ, дома были малы, худо выстроены и неудобны; помѣщенія для складки товаровъ были недостаточны, не было никакихъ публичныхъ зданій; карантинъ былъ не въ надлежащей исправности, и одинъ только рукавъ насыпи составлялъ гавань, которая не представляла достаточной защиты отъ юго-восточнаго вѣтра, нерѣдко опаснаго для стоявшихъ тамъ судовъ. Окрестности представляли дикую пустыню, необработанную на двѣсти верстъ въ окружности, отчего много терпѣла торговля; городскіе жители имѣли только необходимое для жизни, но должны были отказывать себѣ въ удовлетвореніи всякихъ потребностей, служащихъ къ удовольствію; даже прѣсной воды не всегда было достаточно для водопоя множества скота, привозимаго хлѣбъ въ Одессу. Правительство,

видя нужды города, не замедлило оказать ему существенное вспомоществованіе, предоставивъ въ пользу Одессы винный откупъ и пятую часть таможенныхъ сборовъ; опредѣлило суммы въ распоряженіе комитета городскихъ доходовъ и строеній на постройку необходимыхъ зданій и на выдачу тѣмъ, которые пожелають строить дома, денегъ въ займы, съ платежемъ по шести процентовъ въ годъ. Торговля и пособія отъ казны побудили многихъ частныхъ людей къ постройкамъ, и скоро возникли дома, выстроенные лучше прежняго. Городъ приступилъ къ постройкѣ гавани, новаго, обширнѣйшаго и удобнѣйшаго карантина, соборной грекороссійской и католической церкви, гимназій, больницы и вообще всѣхъ зданій, которыя поставили Одессу на ряду съ европейскими городами. Начальство не оставило безъ вниманія и окрестностей города. Тамъ поселены были колоніи Болгаръ, Венгерцевъ, Славянъ и Нѣмцевъ, добровольно оставившихъ родину и пришедшихъ искать новой отчизны въ Россіи. Они заняли особые селенія, а тѣ изъ нихъ, которые желали промышлять ремеслами, водворены въ городъ. Новые поселенцы, болѣею частью лишенные способовъ къ обзаведенію, были снабжены отъ казны деньгами, скотомъ и земледѣльческими орудіями, а ремесленникамъ выстроены дома въ особой части города. Издержки на водвореніе ихъ, они должны были возратить черезъ двадцать лѣтъ, начиная уплату съ десятаго года по прибытіи своемъ въ Россію.

Одесса вскорѣ ощутила благотворные плоды мудрыхъ попеченій правительства и мѣстнаго начальства; городъ имѣлъ уже нужныхъ ремесленниковъ, окрестныя степи были воздѣланы и приносили нѣкоторыя произведенія, служащія къ удобствамъ жизни; торговля была особенно покровительствуема, ходъ ея сталъ правильнѣе, внутреннія сношенія сдѣлались обширнѣе, сами жители дивились быстрому возвышенію своего города и съ благодарностью сознавали дѣятельную попечительность начальства обо всемъ, что только могло утвердить благосостояніе ихъ на прочномъ основаніи. Они видѣли, какъ хлѣбопашество въ окрестностяхъ усовершенствовалось, шелковичныя деревья разводились съ успѣхомъ, при ободреніи правительства, и эти неизмѣримыя равнины, недавно еще представлявшія дикія степи, гдѣ утомленный взоръ не встрѣчалъ ни одного жилища, ни одного дерева, покрылись вскорѣ многочисленными селеніями и садами.

Во всемъ обнаруживались благодѣтельные плоды попеченія градоначальника герцога Ришліе, который своими незабвенными заслугами, оказанными Одессѣ, приготовилъ себѣ еще обширнѣйшій кругъ дѣятельности; въ 1805 году, онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ екатеринославской, таврической и херсонской губерній.

Въ 1806 году, политическія обстоятельства сдѣлались болѣе неблагоприятными для нейтральнаго мореплаванія; оттого и торговля южныхъ портовъ Россіи съ Европою уменьшилась; въ этомъ году пришло туда около 600 кораблей. За то, левантская торговля, то есть, съ Архипелагомъ, Константинополемъ и Малою Азіею, не подверженная такимъ стѣсненіямъ, тѣмъ болѣе усилилась, и черезъ Одессу открылся значительный сбытъ въ Россію иностраннымъ товарамъ, особенно левантскимъ, потому что внутреннія губерніи начали снабжаться ими преимущественно черезъ этотъ портъ. Въ концѣ 1806 года послѣдовалъ разрывъ между Россіею и Оттоманскою Портою, отчего прекратились вся торговля сношенія Черноморскихъ портовъ съ иностранными государствами. Занятіе русскими войсками Молдавіи и Валахіи раскрыло новые виды для торговыхъ предпріятій. Между тѣмъ, Одесса вознаграждала свое временное бездѣйствіе продажей по высшимъ цѣнамъ тѣхъ привозныхъ товаровъ, которые были закуплены до войны, и дешевою покупкою отечественныхъ произведеній, въ ожиданіи выгоднаго сбыта ихъ за границу.

Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, заключено было на два года перемиріе между Россіею и Оттоманскою Портою, во время котораго, въ сентябрѣ 1807 года, стали отправлять въ Константинополь суда, нагруженныя пшеницею, желѣзомъ, саломъ, свѣчами, масломъ коровьимъ, икрою и другими продуктами, въ замѣнъ которыхъ привезены были разные иностранные товары. Погода весьма благоприятствовала возобновившейся торговлѣ; въ послѣдніе три зимніе мѣсяца плаваніе производилось столь же удобно, какъ и въ лучшее время года, такъ что оборотъ привоза и вывоза простирался на сумму около милліона рублей. Война и прерванныя ею сношенія между обоими государствами умножили взаимныя потребности, особенно же Турціи терпѣла крайній недостатокъ въ пшеницѣ, салѣ и маслѣ, которыя получала прежде изъ Валахіи. Равнымъ образомъ изъ Морен невозмож-

но было доставлять хлебъ въ Константинополь, по случаю блокады Дарданелль; Египетъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній съ столицей Турціи; Анатолія вышла изъ повиновенія. Въ такихъ обстоятельствахъ Константинополь, Смирна и другія торговыя мѣста Леванта необходимо должны были прибѣгнуть къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей. Вотъ причины, оживившія одесскую торговлю необыкновенною дѣятельностью въ 1808 году. Въ Одессу пришло тогда 399 судовъ, на которыхъ доставлено левантскихъ товаровъ для Россіи почти на шесть милліоновъ, и сверхъ того транзитныхъ почти на девять милліоновъ. На этихъ судахъ отпущено русскихъ произведеній, какъ-то: хлеба, сала, масла коровьяго, свѣчь, икры и другихъ продуктовъ, которыхъ прежде изъ Одессы не отправляли, — на шесть милліоновъ рублей. Въ этомъ году, тѣ самыя обстоятельства, которыя были стѣснительны для торговли другихъ мѣстъ, весьма благоприятствовали Одессѣ, открывъ ей новый источникъ торговли, а именно — транзитъ. Французская революція и войны, послѣдовавшія за нею, уничтожили левантскую торговлю Франціи и Италіи. Триестъ сдѣлался средоточіемъ этой торговли; но съ-тѣхъ-норъ, какъ этимъ портомъ овладѣли Французы, сношенія съ Левантомъ приняли другое, безопаснѣйшее направленіе: товары стали отправляться сухимъ путемъ въ Германію черезъ Турцію или чрезъ Россію, отъ Одессы до Бродъ.

Для транзита привозились въ Одессу: хлопчатая бумага сырецъ и пряденая, козій пухъ, шелкъ, турецкія и персидскія ткани, шали, аптекарскіе припасы, пряные коренья и вообще всякіе левантскіе товары, которые по цѣнѣ своей могли выдержать сухопутный провозъ изъ Одессы въ западную Европу. Большая часть этихъ товаровъ доставлялась въ Смирну, потомъ въ Константинополь и въ Одессу моремъ, когда плаваніе черезъ Дарданельскій проливъ было свободно, а въ противномъ случаѣ, сухимъ путемъ въ Артаку, гавань на Мраморномъ морѣ, куда приходили корабли для нагрузки и привозили оттуда эти товары прямо въ Одессу. Здѣсь они выдерживали карантинъ и потомъ за таможенными пломбами отправлялись въ Молдавію или въ Вѣну, черезъ Броды. Торговая Австрія, Саксонія, Пруссія, Франція и Италія, для отпуска товаровъ въ Левантъ, приняла также направленіе черезъ Одессу. Такимъ-образомъ сюда доставлялись: сукна, фесы, шелковыя, золотыя и серебряныя парчи, позументы, кн-

сезн, галантерейныя вещи и вообще всякіе товары, потребныя для Лаванья. Они шли сухопутно въ Одессу черезъ Броды и Молдавію, а изъ Одессы моремъ въ Константинополь, и оттуда уже расходились по назначенію.

Важность и пользу этого транзитнаго торгоу показывается слѣдующее приблизительное исчисленіе расходовъ и барышей, происходящихъ отъ провоза товаровъ черезъ Одессу:

Въ 1808 году привезено было моремъ для транзита 33,131 кипа хлопчатой бумаги сырца, въсомъ 214,048 пудовъ тогдашнюю цѣну можно положить въ 40 руб. за пудъ; слѣдовательно привозъ хлопчатой бумаги простирался на 8,561,920 рублей. Бумаги пряденой, бѣлой и крашеной привезено было 1,791 кипа, въсомъ 8,754 пуда, среднюю цѣною 100 руб. за пудъ, всего на 875,400 руб.; аптекарскихъ припасовъ на 400,000 руб.; пряныхъ кореньевъ, ткацкихъ товаровъ и другихъ предметовъ, по одесскимъ цѣнамъ на 950,000 руб. И такъ, сумма всего привоза составляла 10,787,320 рублей. Расходы: по счетамъ купцовъ, получившихъ транзитныя товары на комиссію, за перевозъ ихъ въ анбары, за исправленіе товарныхъ мѣстъ, за покупку холста и веревокъ, за укупорку, за складку и комиссію, можно полагать 4 процента со всей суммы, 431,492 руб. Во всѣхъ означенныхъ товарахъ было въсу 302,792 пуда; при отправленіи ихъ сухимъ путемъ за границу платили за провозъ по самой умѣренной цѣнѣ 2 руб. съ пуда, что составитъ 605,584 руб. По-крайней-мѣрѣ третья часть этихъ товаровъ, то-есть, на сумму 3,595,773 руб. была застрахована въ одесской страховой конторѣ и частными страховщиками въ Одессѣ, кругомъ по нижней цѣнѣ за 4 процента, что составитъ премію въ пользу страховщиковъ 143,830 руб. Всѣхъ расходовъ 1,180,906 руб. Выключивъ изъ этой суммы четвертую часть на необходимыя издержки 295,226 руб., оставалось чистаго барыша одесскому купечеству до 885,000 руб. Должно замѣтить, что транзитныя товары привезены были на 399 судахъ, полагая кругомъ по 12 человекъ экипажа на каждомъ, всего 4,788 человекъ, изъ которыхъ каждый, пробывъ въ Одессѣ по-крайней-мѣрѣ 40 дней, издержалъ на содержаніе себя, кромѣ другихъ расходовъ, около 50 к. въ день, что составитъ 191,520 руб. Изъ этой суммы можно безъ

ошибочно полагать половину въ чистый барышъ, то-есть, 95,000 руб. По такому исчисленію, весь барышъ отъ привознаго транзита простирался на 980,000 руб. Отвозный транзитъ былъ гораздо менше значителенъ и, за вычетомъ пошлины, которая платилась въ Радзивилловъ по рублю съ пуда, чистый барышъ отъ этого транзита могъ составлять только четвертую часть привознаго, 245,000 руб. Изъ этого видно, что прибыль по транзитной торговлѣ вообще простиралась до 1,225,000 руб. Около двухъ третей этой суммы или 816,000 руб. остались на мѣста, а третья доля разошлась по окрестностямъ и по дорогамъ въ Броды и Молдавію. Здѣсь не исчислено еще мѣстное обращеніе этихъ товаровъ, отъ котораго также остались въ пользу одесскаго купечества коммиссіонные проценты*.

Со времени возобновленія войны съ Турціею въ 1809 году, оставилась торговля по Черному морю; русское правительство запретило вывозъ хлѣба, а Порта Оттоманская приняла строгія мѣры относительно пропуска кораблей черезъ Дарданеллы. Изданный въ 1811 году новый тарифъ привознымъ товарамъ былъ наполненъ запрети-тельными статьями; на другіе же товары пошлина значительно возвышена; введены многосложныя и строгія правила для сношеній съ иностранцами, и прекращенъ былъ въ томъ же году транзитъ черезъ Одессу всѣхъ товаровъ, запрещенныхъ къ привозу въ Россію. Множество такихъ товаровъ, отправленныхъ изъ разныхъ мѣстъ Европы въ Броды или уже находившихся тамъ для отправленія въ Турцію черезъ Одессу и на оборотъ, надлежало отправить назадъ и искать для сбыта ихъ новыхъ путей. Эта мѣра, была вынуждена обстоятельствами. — Ограниченіе одесскаго транзита заставило измѣнить направленіе транзитныхъ товаровъ: вмѣсто слѣдованія на Одессу, они обратились на Боснію, черезъ Иллирію.

Въ столь затруднительныхъ для торговли обстоятельствахъ, движеніе ея въ Одессѣ не представляло большой дѣятельности. Въ первую четверть 1811 года было привезено товаровъ на 250,000, а вывезено на миллионъ рублей. Вывозъ былъ гораздо значительнѣе, потому что изъ Одессы корабли отправлялись свободно, а изъ Константинополя

* Не должно забывать, что въ 1808 году, ассигнаціонный рубль былъ только 2½ копейками менше серебрянаго.

ихъ не пропускали. Въ началъ другой четверти года, русское правительство снова разрешило отпускъ хлѣба; торговля оживилась и доставила способы употребить капиталы въ большіе обороты и приобрести немаловажныя выгоды. Это разрѣшеніе было благодѣтельно еще потому, что Константинополь и сосѣдственныя области могли въ противномъ случаѣ опять обратиться къ путямъ, откуда прежде снабжались хлѣбомъ, и южному краю Россіи угрожалъ бы тогда совершенный упадокъ, на будущее время, той отрасли торговли, которая была важнѣйшимъ источникомъ его обогащенія. Лишь только въ Турціи сдѣлалось извѣстнымъ, что русское правительство дозволило вывозъ хлѣба, торговля сношенія ея съ южными портами Россіи оживились и Порта стала снисходительнѣе къ выпуску кораблей въ Черное море. Это было причиною, что въ третью четверть 1811 года отпускъ изъ Одессы увеличился до 4,000,000, а привозъ до 2,800,000 рублей, тогда какъ во вторую четверть отпускъ составлялъ 2,850,000 руб., а привозъ 1,200,000 руб. Въ послѣдствіи, турецкое правительство пропускало корабли еще свободнѣе, такъ, что въ сентябрѣ пришло ихъ въ Одессу изъ Константинополя 162, а изъ Румелии 181; товаровъ было привезено ими почти на 5,500,000, а вывезено на 3,200,000 руб. Привезенные въ 1811 году товары не могли быть распроданы, что и умножило отпускъ въ 1812 году, для оборота вырученныхъ капиталовъ и для нагрузки до 150 кораблей, оставшихся на зимовку въ Одессѣ. Въ этомъ году, торговля по Черному морю могла уже безпрепятственно возстановить свою дѣятельность, потому что война съ Турціею прекратилась миромъ, заключеннымъ 26 мая 1812 года, въ Бухарестѣ. Хотинъ, Бендеры, Килія, Акерманъ, Измайлъ и земли, лежащія между Днѣстромъ, Прутомъ и Дунаемъ, были уступлены Портою Россіи.

Одесса, не смотря на преграды, останавливавшія быстрое развитіе ея торговли, распространялась и украшалась болѣе и болѣе пожеланіями Герцога Рицліе. Возникающая промышленность представляла многочисленныя способы для удобствъ жизни и потребностей роскоши; число жителей примѣтно умножилось и въ 1812 году состояло уже изъ 25,000 душъ. Но въ томъ же году бѣдствіе, постигшее Одессу, истребило девятую часть ея населенія: 28 августа 1812 года открылась чумная зараза, а совершенно прекратилась она

не прежде 7 января 1813 года; следовательно продолжалась съ небольшимъ четыре мѣсяца. Торговля, неизбежно ощутившая послѣствія этого печальнаго событія, въ короткое время изгладилась въ съ быстрымъ приращеніемъ населенія, промышленности и богатства Одессы, въ которой болѣе и болѣе сосредоточивались капиталы и торговая дѣятельность южнаго края.

Съ возстановленіемъ общаго мира въ Европѣ въ 1815 году, торговые сношенія черноморскихъ и азовскихъ портовъ могли уже безпрепятственно распространяться за предѣлы константинопольскаго пролива, потому что военныя и политическія обстоятельства, стѣснившія прежде торговлю по Средиземному морю, не препятствовали болѣе развитію торговыхъ связей этихъ портовъ съ западными государствами. Почти повсемѣстные въ Европѣ чрезвычайные неурожаи, послѣдовавшіе одинъ за другимъ, въ 1816 и 1817 годахъ, заставили обратиться за хлѣбомъ къ портамъ Чернаго и Азовскаго морей. Торговля въ нихъ оживилась необыкновенною дѣятельностью, и Южная Россія, ставшая тогда житницею Европы, приобрѣла великія выгоды отъ сбыта своего хлѣба по высокимъ цѣнамъ и едва могла удовлетворить требованіямъ, которыя стекались въ ея порты. Въ Одессѣ, цѣна пшеницы поднялась до 45 руб. ас. за четверть и хлѣбъ привозили туда за 600 верстъ. Это не могло не подѣйствовать на цѣны другихъ предметовъ потребленія и на работную плату: поденщикъ получалъ по 3 и 4 руб. въ день; тельгу съ паромъ воловъ нанимали за 8, а въ одну лошадь за 10 руб. — Изъ Чернаго моря вывезено пшеницы въ 1815 году только 562,000 четв., а въ 1816 году 1,258,625 четв., въ 1817 году 1,746,281 четв. Въ 1815 г. платили въ Одессѣ за четверть озимой пшеницы отъ 21 до 25 руб., въ 1816 отъ 32 до 37 руб., а въ началъ 1817 года цѣна доходила до 45 руб.; арваутка была однимъ или двумя рублями дороже. Такой выгодный сбытъ, при большомъ требованіи на хлѣбъ, побуждалъ усилить хлѣбопашество, въ надеждѣ, что потребность не ослабѣетъ; но скопившіеся оттого огромныя запасы уже нельзя было сбывать болѣе по прежнимъ цѣнамъ. Этотъ переломъ нанесъ чувствительные убытки сельскимъ хозяевамъ и купцамъ, обратившимся почти исключительно къ хлѣбному торгу. Уже въ концѣ 1817 года, цѣны стали понижаться: съ 30 руб. въ 1818 году упали до 27, а въ слѣдующемъ

году даже до 14 руб. за четверть. Вывозъ пшеницы въ 1818 и 1819 годахъ, еще былъ довольно значителенъ: одесскіе купцы продолжали отправлять ее на свой счетъ, для очищенія запасовъ; въ 1818 году вывезено 1,300,000 четв., а въ 1819 году 1,400,000, но въ первомъ году вывозъ простирался почти на 31,800,000 руб., а въ послѣднемъ, хотя количество было болѣе, — только на 21,652,000 рублей.

Блестательная эпоха необыкновеннаго требованія за границу и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ въ портахъ южной Россіи продолжалась не долго: съ возстановленіемъ общаго мира уменьшилось число войскъ, болѣе рукъ обратилось къ воздѣлыванію земли, и успѣхи сельскаго хозяйства умножили во многихъ государствахъ производство хлѣба и картофеля. Это имѣло слѣдствіемъ повсемѣстный въ Европѣ упадокъ цѣнъ, которому способствовали еще урожан, наступившіе послѣ бѣдственныхъ 1816 и 1817 годовъ. Сельскіе хозяева, усилившіе свѣдѣ хлѣбопашество подѣ влияніемъ прежнихъ благоприятныхъ обстоятельствъ, ощутили значительный ущербъ въ своихъ доходахъ; государства, гдѣ производство хлѣба могло быть выгодно только при высокихъ цѣнахъ, были уже не въ состояніи выдерживать соперничество тѣхъ странъ, которыя производили его съ меньшими расходами, и потому, для поправленія стѣсненнаго положенія сельскихъ хозяевъ, терпѣвшихъ отъ низкихъ цѣнъ и отъ иностраннаго совмѣстничества на внутреннихъ рынкахъ, правительства признали необходимымъ запретить привозъ хлѣба или установить высокія пошлины, убавляя ихъ только въ неурожайные годы; для соблюденія законной соразмѣрности, назначены были уставныя цѣны, по которымъ опредѣлялись пошлины: съ возвышеніемъ этихъ цѣнъ, пошлина убавлялась, а съ пониженіемъ ихъ, увеличивалась. Первый примѣръ этой системы подали Великобританія. До исхода осемнадцатаго вѣка это государство отпускало хлѣба болѣе, нежели привозило; въ послѣдствіи, число жителей, обратившихся къ ремесламъ и фабрикамъ, такъ умножилось, что не только не оставалось хлѣба для вывоза, но еще надлежало привозить его изъ-за границы. Привозъ увеличился преимущественно съ быстрыми успѣхами торговли и промышленности Великобританіи послѣ американской войны и съ чрезвычайнымъ расходомъ хлѣба для сухопутныхъ войскъ и для флота во время войнъ, послѣдовавшихъ за французскою революціею. Въ пер-

выя тринадцать лѣтъ девятнадцатаго вѣка, привозъ составлялъ ежегодно миллионъ кварталеровъ, и по бѣльшей части доходилъ до двухъ миллионъ. Между-тѣмъ, въ самой Великобританіи и въ Ирландіи земледѣліе чрезвычайно распространилось, поощряемое высокими цѣнами: отъ 80, 100, 120 до 160 шиллинговъ за кварталеръ; арендная плата удвоилась и въ соразмѣрности поднялись всѣ расходы производства хлѣба; съ большими издержками стали воздѣлывать земли, которыя до-тѣх-поръ оставались необработанными, потому что не могли доставить выгоды при прежнихъ цѣнахъ. Но когда общій миръ привелъ торговлю въ обыкновенное положеніе, когда свобода мореплаванія доставила возможность безпрепятственно привозить хлѣбъ изъ такихъ земель, которыя могли снабжать имъ Великобританію въ большомъ количествѣ и гораздо дешевле тѣхъ цѣнъ, по которымъ продавался тѣхъ собственный хлѣбъ, тогда обнаружилось, что она не въ состояніи поддерживать этого совмѣстничества. Къ тому же налоги, установленные въ военное время, почти нисколько не уменьшились при сильномъ упадкѣ хлѣбныхъ цѣнъ и потому не удивительно, что въ 1815 году, для покрытія расходовъ на производства хлѣба, цѣна должна была составлять не втрое, а внятеро болѣе арендной платы и не могла уже вознаграждать производителей. Это было поводомъ къ ограниченію привоза иностраннаго хлѣба, потому что не предстояло другаго средства къ поддержанію достоинства капиталовъ, обращенныхъ на земледѣліе. Въ 1815 году, привозъ хлѣба былъ разрѣшенъ тогда только, когда цѣна англійской пшеницы будетъ свыше 80 шиллинговъ. Сильные неурожаи въ 1816 и 1817 годахъ чрезвычайно возвысили цѣны, и до половины 1819 года, хлѣбъ привозился изъ-за-границы. Съ-тѣх-поръ, наступили урожайные годы, цѣны стали болѣе и болѣе упадать, и Великобританія уже почти вовсе не требовала иностраннаго хлѣба для внутренняго продовольствія.

Система привозныхъ пошлинъ съ хлѣба, принятая этимъ государствомъ, была вскорѣ введена и во Франціи. До революціи, вывозъ хлѣба былъ разрѣшаемъ или запрещаемъ, смотря по состоянію урожая и, въ случаѣ недостатка, сама казна бѣльшую частью производила закупки хлѣба въ иностранныхъ земляхъ. Возстановленіе торговыхъ сношеній Франціи, по заключеніи общаго мира, открыло свободный ходъ торговлѣ хлѣбомъ. Привозъ то-

гда былъ незначителенъ единственно потому, что Франція въ немъ не нуждалась; но недостаточный урожай въ 1816 году и чрезвычайно скудный въ 1817 году, заставилъ правительство назначить преміи для поощренія привоза хлѣба и употребить огромныя суммы на покунку его за границу. Въ 1818 году, хлѣбъ былъ еще дорогъ и потому разрѣшеніе неограниченнаго и беспошлиннаго привоза не было отменено; но послѣ этого года, начались обильные урожаи, цѣны значительно упали и сельскіе хозяева, приведенные въ стѣсненное положеніе, видѣли въ привозъ иностраннаго хлѣба существенную преграду къ поправленію своихъ доходовъ. Правительство убѣдилось, что земледѣіе во Франціи, распространившееся само собою, во время необыкновенныхъ требованій на хлѣбъ, могло поддерживаться только искусственнымъ пособіемъ съ-тѣхъ-поръ, какъ свободное совмѣстничество повсюду клонилось къ пониженію цѣнъ. Такимъ-образомъ, въ 1819 году, привозъ хлѣба былъ запрещенъ при извѣстныхъ цѣнахъ внутри государства и, по примѣру Великобританіи, установлены пошлины, которыя должны были понижаться съ возвышеніемъ уставныхъ цѣнъ.

Не трудно усмотрѣть, что такая система законовъ о хлѣбѣ должна была чрезвычайно вредить торговлѣ, отъ внезапныхъ запрещеній привоза, лишь только продажная цѣна однимъ шиллингомъ или сантимомъ становилась выше уставной. Невозможно было предвидѣть: послѣдуетъ ли эта перемена пока готовится отправленіе и привозитель могъ ожидать, что по приходѣ корабля, хлѣбъ его не будетъ впущенъ, потому что во время пути, цѣна легко могла измѣниться. Такая ненадежность торговыхъ спекуляцій стѣсняла обороты, часто ко вреду потребителей и всегда ко вреду торговли.

Съ введеніемъ запретительныхъ законовъ по привозу хлѣба въ Великобританіи и во Франціи, Россія лишилась двухъ главныхъ истоковъ для одного изъ своихъ важнѣйшихъ произведеній, потому что могла сбывать свой хлѣбъ въ этихъ государствахъ только въ неурожайные годы. Черноморская торговля, въ которой онъ составлялъ главную статью, потерпѣла оттого чувствительный ударъ, бывъ вынуждена ограничиться отпускомъ хлѣба въ Турцію, Архипелагъ и Италію. Генуя и Ливорно сдѣлались складочными мѣстами для черноморскаго хлѣба, который стали развозить отсюда въ средиземные и другіе порты, по мѣрѣ требованій и выгодныхъ переменъ въ цѣнахъ и пошлинахъ.

Порты Южной Россіи, по своей отдаленности отъ главныхъ потребительныхъ странъ, не всегда могли во-время пользоваться этими перемѣнами для отпуска туда хлѣба; напротивъ того, генуэзскіе и ливорнскіе купцы, приобретаая хлѣбъ, купленный по низкимъ цѣнамъ въ южныхъ портахъ Россіи, держали его у себя на складкѣ въ ожиданіи выгодной продажи, смотря по обстоятельствамъ торговли въ соседственныхъ портахъ. Генуя и Ливорно, находясь на пути кораблей, плавающихъ по Средиземному морю, всегда имѣли удобный случай къ сбыту своихъ хлѣбныхъ запасовъ въ какой-либо портъ Франціи, Италиі, Испаніи и Португаліи, лишь только оказывалось требованіе. Черное море, не могло представить столь благопріятныхъ видовъ для основанія въ портахъ его складочной торговли: корабли должны идти въ порты Южной Россіи не иначе, какъ нарочно для доставленія туда грузовъ и для принятія тамъ товаровъ, бѣльшую частью заготовленныхъ по приказамъ, потому что закупки, напримѣръ, хлѣба на спекуляцію были бы не всегда благонадежны. Такимъ-образомъ, самое мѣстоположеніе этихъ портовъ стѣсняло въ нихъ движеніе хлѣбной торговли, предоставляя иностранцамъ наибольшія выгоды и это было для Южной Россіи тѣмъ чувствительнѣе, что безъ того уже перемѣнившіяся торговля обстоятельства не обещали благопріятныхъ видовъ къ поправленію ея хлѣбной торговли.

Г. И - Ъ.

=

ГРЕЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Я. Щербинны (Одесса, 1850, съ-8., стр. 90).

Къ полногѣ литературной славы Одессы не доставало только поэта: теперь у нея есть, на гладкой степи, свой Парнасъ, на синемъ небѣ свой Аполлонъ и, въ младомъ городѣ, свой юный пѣвецъ, питомецъ Музъ, достойный классическаго имени, которымъ она гордится. Господинъ Щербина, не по-нашему, не отъ Французовъ, Нѣмцовъ или Англичанъ переносить на Русь поэзію; вѣрный преданіямъ страны, бывшей нѣкогда вмѣстѣ Старою Скиеіей и Новою Элладой, онъ вспомнилъ объ умномъ и славномъ племени іонійскихъ Грековъ, которые тутъ торговали, и сочиняетъ «греческія стихотворенія». Языкъ боговъ воскресъ на его звучной лирѣ. Олимпъ въ восторгѣ. Безсмертные слетаются на Перекопъ, чтобы вѣнчать своего поэта.

Почему «Греческія стихотворенія» господина Щербинны названы *греческими*, это не совсѣмъ ясно—для меня. Греція ли послала ему эти вдохновенія, древніе Греки ли, или какая-нибудь новѣйшая «полногрудая» Гречанка — тоже очень хорошій источникъ вдохновенія — ничего не видно изъ стиховъ. Господинъ Щербина что-то говоритъ объ этомъ дѣлѣ въ прозѣ, въ прибавленіи къ своему творенію,

но я не вполне понялъ его причины. Ясно только то, что эти «греческія стихотворенія» писаны по-русски, даже хорошо по-русски, что они очень милы, что въ нихъ есть что-то самостоятельное, свѣжее, благоуханное, совершенно черноморское, и что Одесса можетъ смѣло похвастаться ими передъ русскою изящною словесностью.

Впрочемъ подобное названіе не безпримѣрно въ лѣтописяхъ новѣйшей поэзіи. Великобританскій поэтъ Savage Landog напечаталъ цѣлый томъ англійскихъ стихотвореній, которыя назвалъ онъ «Hellenics», почти — «греческими». Къ произведеніямъ Ландора, содержащимся въ этомъ томѣ, такое названіе идетъ какъ-нельзя лучше: всѣ предметы заимствованы изъ вѣры, исторіи, литературы или земли древнихъ Грековъ, великихъ мастеровъ поэтическаго издѣлія; токъ, форма, колоритъ его поэзіи—совершенно старо-классическіе. Это такъ чудесно въ греческомъ вкусѣ, такъ вѣрно съ образцовой древностью, что Ландора никто изъ Англичанъ и читать не сталъ: а между-тѣмъ онъ былъ удивительный поэтъ! У господина Щербины совсѣмъ другое: въ его «греческихъ стихотвореніяхъ» вовсе Греціи не видно—классической поэзіи какъ-будто не бывало—онъ пишетъ по-нынешнему, творитъ такіе же стихи какіе всѣ мы творимъ, производитъ поэзію чисто новѣйшую, и поэтому «греческія» стихотворенія его вѣроятно будутъ прочитаны Русскими, даже съ удовольствіемъ. Напримѣръ эта «Греческая ночь»; она чрезвычайно мила :

«На раздольѣ небесъ свѣтитъ ярко луна,
 И листки сереблятся оливъ;
 Дикой воли полна,
 Заходила волна,
 Жемчугомъ убирая заливъ.
 Эта чудная ночь и темна и свѣтла,
 И огонь разлиываетъ въ крови.
 Я мастику зажгла,
 Я цвѣтовъ нарвала :
 Поспѣшай на свиданье любви!....

Эта ночь пролетитъ, и замолкнетъ волна

При сіяньи безстрастнаго дня,

И, заботой полна,

Буду я холодна :

Ты тогда не узнаешь меня!.....»

Это, совершенно, чудная греческая ночь; только это — не греческая поэзія. Замѣчательно, что древніе Греки никогда не видали своихъ чудныхъ ночей. Волшебный свѣтъ луны, жемчугъ на серебряной волнѣ, таинственныя движенія тучъ, мрачное величіе горъ, цвѣтистые луга, веселыя равнины, ничего этого они не примѣчали. Восхищаться видами природы въ стихахъ не было у нихъ и заведенія. Дикая красота ея для нихъ не существовала. Восторженное созерцаніе этой красоты во всѣхъ ея формахъ, не только плѣнительныхъ, но даже угрюмыхъ и ужасныхъ — изобрѣтеніе новѣйшаго времени. Отличительный характеръ ихъ поэзіи — ненависть ко всему неопредѣленному, туманному или страшному, строгая подчиненность всѣхъ мыслей и выражений одной, принятой въ храмахъ и въ мірѣ, теоріи бытія, и, затѣмъ, не только страсть, но даже обязанность, изображать все существующее въ природѣ, согласно съ этою теоріей, иносказательно, даже и самыя страсти; представлять природу въ аллегорическихъ лицахъ; объяснить ея силы, свойства и дѣйствія матеріально драмою условныхъ существъ. Это тѣсно связывалось съ ихъ языческой вѣрой, которая — вся была аллегорія. На красоту и замысловатость этихъ аллегорическихъ лицъ, представлявшихъ или закрывавшихъ собою у нихъ собственную природу, они изливали весь свой геній, всю его тонкость, все остроуміе, все искусство; но самой природы, такой какъ она есть, эти люди никому не показывали, да и сами на нее не смотрѣли, по-крайней-мѣрѣ въ поэзіи; увлекающаго сердца къ мечтательности, вы ничего не найдете въ ней. Никогда древній греческій поэтъ не напишетъ стиховъ къ тучѣ, лунѣ, мечтѣ, бурѣ, волнѣ, дереву, горѣ, кургану, кладбищу, ночному привидѣнію, даже къ ночному

свиданію. На все это у него есть прекрасная условная лица, лица почтенныя, символическія, и очень хитрыя объ нихъ легенды, которыя теперь мы понимаемъ грубо, невѣрно, но которыя, въ древности, возбуждали особенныя религиозныя чувства и приводили читателей въ восторгъ своимъ удачнымъ согласіемъ съ сокровенными ученіями вѣры. Куда древнему Греку написать такіе стихи къ тучѣ, какіе написалъ господинъ Щербина!

«Туча весною проходитъ по язовому небу ;
 Дождь изъ зѣмныхъ высотъ проливаетъ на землю,
 Силы свои истощая, и жизнь отдавая
 Жаждущимъ дѣтямъ ей чуднаго дольняго міра...
 Туча, завидно твое назначенье на небо !
 Долу оно не понятно, иль, можетъ-быть, чуждо :
 Мнѣ же завиднѣе понятно твой жребій высокий,
 Жребій страдальца за благо людей — Прометея»...

Новѣйшая поэзія глядитъ на природу своими собственными глазами, а несквозь окрашенныя стекла объяснительныхъ аллегорій, часто не понимаетъ ея — да и трудно понять! — и оттого ипогда бросается въ мечтательность. Но, по той же причинѣ что она не стѣснена аллегоріями, она можетъ разсматривать природу въ подлинникѣ, и поле новѣйшей поэзіи несравненно обширнѣе, благороднѣе, величественнѣе. Ей совсѣмъ нечего завидовать древней поэзіи. Будь у насъ столько генія и искусства на изображеніе природы въ ея натуральномъ видѣ, сколько Греки положили ихъ на затѣмненіе ея своими блистательными вымыслами, такъ мы древность за-поясъ заткнемъ. Наша новѣйшая поэзія лучше, и господинъ Щербина прекрасно сдѣлалъ, что подъ названіемъ «греческихъ стихотвореній» не написалъ ничего похожаго на то, что писали греческіе поэты — и сколько греческихъ собственныхъ именъ конечно не составляютъ сущности дѣла! — и что онъ даетъ намъ наше, родное, новѣйшее добро, каково на примѣръ даже и это *Epicurium*, несмотря на свое греческо-латинское заглавіе :

«Ты жь соловьи и тоть же садъ ;
 Съ деревь несется аромать,
 Мастика каялетъ и манисъ
 Зазеленяль, и разрослись
 Моей заботою цветы,
 И пальмъ ширекіе листы
 Прохладой сладкою манять,
 Храня невидимыхъ дриадъ
 Отъ зноя жаркаго весной.
 Ручей студеною водою
 Въ лучахъ какъ радуга горить,
 Спадая звучно на гранить,
 Все то же небо, та жь весна,
 Чудесной юности полна,
 Всъ ты же думы у людей :
 Лишь новая въ душъ моей,
 Досель мнѣ чуждая печаль....
 И плакать хочется, и жаль
 Тревожить воплемъ въ мирный день
 Мою возлюбленную тень.

Я буду плакать про себя
 И на холоднаго тебя
 Польются пламенные слезы,
 Какъ на листки увядшей розы
 Напрасно падаетъ роса....
 Но теплая моя слеза
 Въ холодномъ сумракъ могилы
 Не возмутитъ тебя, мой мильй !
 Доску надгробную твою
 Плющемъ зеленымъ обовью,
 Разсыплю пурпуръ я и злато,
 На ней зажгу я ароматы ;
 Вьнками розы молодой
 Я кипарисъ украшу твой.
 Съ себя сорву я украшенья :
 Я буду вся печаль, моленья....

И проведу я ключъ воды
 Къ твоимъ стопамъ, чтобъ утромъ ты
 Смывалъ въ струяхъ прохладно-чистыхъ
 Могильный прахъ съ кудрей волнистыхъ....
 А я, какъ сторожъ гробовой,
 Какъ памятникъ передъ тобой,
 Я буду, преклонивъ колѣни,
 Ждать появленья милой твои.»

Такъ изъясняется вся поэзія въ наше прекрасное поэтическое время: но заговори она такъ при Древнихъ, стань она такъ разсматривать и понимать природу въ тѣ вѣка, поди-ка она такъ воспѣвать весну, соловьевъ, ароматы деревьевъ, мелисъ, цвѣтки, ручейки, тѣнь пальмъ, которыя даже ни какой тѣни не даютъ, да думать мрачную думу, да вздыхать и плакать ни о чемъ, они бы сказали, что поэзія мелеть вздоръ, что она выбилась изъ толку, что изъ «языка боговъ» она хочетъ попасть въ языкъ старыхъ бабъ, не очень хитрыхъ и очень плаксивыхъ. Дѣлать нечего: таковъ былъ духъ времени. Чтò для насъ прекрасно, для нихъ было бы сухо, мелко и безъ цѣли.

Вотъ самое неоспоримое доказательство, что у господина Щербины глаза совершенно такіе же какъ у новѣйшей поэзіи, и что онъ смотритъ на природу совсѣмъ какъ она:

«Мои очи малы;
 Но міръ безпредѣльный,
 Въ себѣ отражая,
 Они помъщаютъ.
 Моя жизнь лишь-только
 Вѣчности мгновенье:
 Но порой въ мгновенье
 Проживалъ я вѣчность....»

Греческіе поэты и понятія не имѣли о томъ, какъ прожить вѣчность въ одно мгновеніе. Это умѣютъ только наши новѣйшіе стихотворцы. И какъ мило они это дѣлаютъ! прелесть!... Вѣчность для нихъ — одинъ глотокъ. А для Древ-

нихъ вѣчность — Боже мой! — цѣлый циклъ глубокомысленныхъ символовъ, мифовъ, аллегорій, передъ которыми нужно было почтительно преклоняться и, стихотворя, оглядываться во всѣ стороны, чтобы не сказать чего-нибудь несогласнаго съ тайнымъ ихъ значеніемъ. Нынѣшній поэтъ этихъ узъ не знаетъ. Для него все — тринь-трава! Господишъ Щербина превосходно понимаетъ, какъ долженъ писать стихи хорошій нынѣшній поэтъ и — что всего лучше — излагая правило, онъ тутъ же исполняетъ его:

«Пусть будетъ стихъ его понятенъ и высокъ,
Пусть твни и лучи сольются въ немъ чудесно;
Да примирится въ немъ все дальнее съ небеснымъ,
Да будетъ онъ межъ насъ какъ признанный пророкъ:
Чтобъ мощной мыслию, какъ дланію Зевеса,
Собою обнялъ онъ весь безпредѣльный міръ,
Чтобъ въ звукахъ зрѣли мы прозрачныхъ какъ эфиръ
И мраморъ Фидіа, и краски Апеллеса.»

То-то и есть: нынче надо, чтобы стихъ былъ *высокъ, безпредѣленъ*, и вмѣстѣ *ясенъ*. Грекамъ этого и въ голову никогда не приходило: въ ихъ стихѣ нѣтъ ничего ни черезчуръ высокаго, ни до пошлости низкаго; все — средняго росту, статно, пригожо, и, главное, все опредѣлено, вносказательно и искусственно. Съ начала до конца у нихъ вездѣ и во всѣмъ — религіозная гипотеза и хитрое искусство. Природа у нихъ — не такая, какую Богъ далъ, а какая продавалась въ мифологической лавочкѣ жрецовъ или на толкучемъ рынкѣ философовъ, которые жрецамъ противорѣчить не смѣли, а только ворочали ихъ идеи. Въ таинствахъ и въ философіи господствовало всебожіе, то-есть, *пантеизмъ*, которое, въ наружной вѣрѣ и въ ея мифахъ, обдѣлываемыхъ поэтами, разрѣшалось многобожіемъ, или *политеизмомъ*, какъ это уже неразъ было здѣсь объясняемо по-напрасну. У нихъ водилось вездѣ въ поэзіи глубокое, разумѣется относительное къ ихъ понятіямъ о мірѣ, въ сущности пантеистическимъ, а въ вѣншией формѣ, религіозной и поэтической, по-

литерстическимъ. Ихъ поэты были глубоки, нерѣдко глубже крайняго дна остроумія, въ своихъ иносказаніяхъ о природѣ, безконечно тонкихъ внутренно, и, осязательно, даже грубо, матеріальныхъ наружно. Наши поэты, напротивъ, высоки до-нельзя, до туманности, иногда до самаго высокопарнаго поэтическаго мистицизма. Ни то, ни другое, правду сказать, не очень способствуетъ къ ясности. Древніе, однако жъ, несмотря на бездонную глубину, отлично понимали себя въ своей иносказательной поэзіи, тогда какъ мы въ нашей, болѣею частью беремъ такъ высоко, что рѣшительно себя не понимаемъ, и въ этомъ-то состоитъ главная разница между древнею и новѣйшею поэзіей.

Первая и настоящая прелесть въ поэзіи Древнихъ не та, которую являетъ наружный смыслъ рѣчи, а та, которой не видно снаружи, которая запрятана въ нихъ глубоко, остроумно, съ необыкновеннымъ искусствомъ, которую нужно сперва постигнуть, уловить, добыть, разгадать, чтобы ощутить въ себѣ истинный древній восторгъ. Эта сокровенная прелесть для насъ совершенно исчезла, вмѣстѣ съ религиозными тайнами язычества. Напротивъ, въ нашей поэзіи, которая беретъ природу гуртовую, не обдѣланную, но-философическую, и стихотворить объ ней съ-плеча, что ни пошло въ восторженную голову, прелесть вся—внѣшняя. Внутренняго смыслу не нужно искать въ ней. Слава Богу, когда есть наружный смыслъ: и того ужъ много! Вотъ второе великое отличие поэзіи новѣйшей отъ поэзіи древней.

Новѣйшій классицизмъ, въ школьномъ, заученномъ удивленіи своемъ древней поэзіи, думалъ воспроизвести ее въ полномъ блескѣ и величинѣ, употребляя ея наружныя формы. Предпріятіе было тѣмъ насбыточнѣе, что теперь, какъ классицизмъ упалъ, мы можемъ сказать откровенно, что удивленіе его поэзіи Древнихъ было поддѣльно. Кто изъ насъ имѣетъ право удивляться поэзіи этихъ пантеистовъ-многобожниковъ? Чтобы удивляться, надо прежде всего понимать; а мы поэзіи Древнихъ, признаться по чистой совѣсти, вовсе не понимаемъ и не чувствуемъ. Понимать кое-что, мѣстами, черезъ пятое-десятое, значить ли — понимать! Для уразумѣнія всѣхъ

тонкостей древней поэзіи нужно было бы знать вполнѣ всѣ тайны язычества, всѣ его мистеріи, всѣ преданія, всѣ толки, весь кругъ легендъ, всѣ безконечно-разнообразныя мифы и, главное, всю иносказательную силу этихъ мифовъ, всю относительную важность каждаго изъ нихъ въ религіозной и теоріи и практикѣ. Что же мы знаемъ? Ничего! До насъ дошли только обломки нѣкоторой, весьма ограниченной, части наружнаго исповѣданія, безъ указаній на ихъ настоящее символическое значеніе. Отъ знанія мифовъ въ ихъ наружномъ видѣ до знанія языческой вѣры, тщательно прятанной ключъ къ нимъ въ неприступной глубинѣ храмовъ, еще очень далеко. Да и мифовъ-то этой вѣры знаемъ мы очень не много, и, въ этихъ кое-какъ извѣстныхъ намъ мифахъ, которые подобрали мы у поэтовъ, какъ знать, что тутъ принадлежитъ заповѣдному языку храмовъ, а что генію или остроумію поэтовъ? Возьмемъ простой примѣръ: множество эпитетовъ, казавшихся намъ чудеснѣйшими изобрѣтеніями древней поэзіи, не оказались ли въ послѣднемъ результатѣ обыкновенными, обще-принятыми терминами вѣры, которые были, слѣдственно, въ употребленіи у всѣхъ языческихъ кухарокъ, и не могутъ представлять собою ничего поэтическаго? Когда знаніе наше основныхъ элементовъ древней поэзіи такъ шатко, невѣрно, ограничено, что можемъ мы сказать по совѣсти объ ея достоинствахъ какъ поэзіи? Отложивъ гордость въ сторону, мы принуждены признаться чистосердечно, что она можетъ быть и удивительна, только она не при насъ писана и мы ея не понимаемъ, или, еще хуже, мы понимаемъ ее превратно всякій разъ, какъ вздумаемъ удивляться ей, учености ради.

Позвольте: можемъ ли мы нынѣшніе понять поэзію безъ природы? Въ отвѣтъ, конечно, никто не усомнится: никакъ нѣтъ!... такой поэзіи мы и представить себѣ не въ состояніи! А между-тѣмъ для древняго поэта природы не только не было, но и быть не могло, потому что природа для него, для пантеиста, была само божество лично. Пантеистъ не понимаетъ Бога, творящаго внѣ природы. Все что въ природѣ ни есть,

это, по его понятіямъ — божество, въ различныхъ видахъ, или проявленіяхъ, а какъ всякій видъ божества — тоже что самое божество, то виды эти, для удобства своего, онъ олицетворяетъ, и каждый такой олицетворенный видъ называется *богомъ*, точно такъ же какъ и самое всеобщее божество. Тутъ-то начинаются тонкости, которыми убираетъ онъ религіозную и мистическую идею всякаго олицетворенія. Каждый предметъ въ природѣ, каждое обстоятельство въ быту этого предмета, для него ничто иное какъ одинъ изъ органовъ этого мнимо-божественнаго цѣлаго, какъ одно изъ отвлеченій этой всеобщей силы, которую называетъ онъ *Жизнью*, *Живе-богомъ*, *Зевомъ*, или *Зевесомъ*. Облако для него не облако, а превращеніе той же всеобъемлющей животной силы въ особенный видъ божества, въ животворный дождь, въ *Дождь-бога*. Рѣка для него не рѣка, а особенный влажный и текущій видъ опять той же Жизни, представляющійся уму въ отдѣльномъ олицетвореніи; быкъ — не прекрасное и полезное животное, а главное проявленіе мокраго начала Жизни, какъ девъ — проявленіе огненнаго его начала и животный образъ солнца; дубъ, не величественное дерево, а символъ ея же, Жизни, въ растительномъ образѣ; мысль не дѣйствіе разумной души, а феноменъ все того же универсальнаго божества, Жизни, пришедшаго видъ снѣга воздуха, въ олицетвореніи *Синь-дѣвы*, *Минервы*, и такъ далѣе. Можемъ ли мы сочувствовать поэзін, которая слѣдуетъ такимъ вѣрованіямъ, опирается на такіа начала, и рвется изъ всѣхъ силъ къ такимъ уродливымъ тонкостямъ, изъясняясь, то темными вносказаніями, то бѣглыми намеками на положенія подобной мудрости? Она можетъ правиться намъ часто какъ сказка: да вѣдь не сказкой мѣтила она быть въ свое время!... вовсе не сказкой, а мудростью, настоящею, глубокою и почтенною мудростью! Смотрѣть на нее какъ на потѣху поэтической мысли, какъ на прекрасный вымыселъ, значить — вовсе не понимать ея: она отнюдь не шутила; вымысломъ она и быть не думала; все это у нея—очень серьезно. А между-тѣмъ удивляться мы можемъ ей только какъ вымыслу, какъ миденькой сказкѣ;

и лишь-только попытаемся принимать слова ея серьёзно, она должна показаться намъ безтолковою, даже нестерпимо глупою. Вотъ о чемъ никогда и не подумаютъ восторженные читатели древней поэзіи изъ насъ нынѣшнихъ!

Читать древнюю поэзію съ любопытствомъ, это я понимаю: она чрезвычайно любопытна, какъ все ни на-что не похожее. Но приходитъ передъ нею въ восторгъ, это ужъ — позвольте сказать — похоже на танецъ турецкихъ дервишей, которые вертятся на пяткѣ до-гѣхъ-поръ, пока не закружится голова и каждая балка въ потолкѣ ихъ теккин не покажется помраченному уму плѣнительною хуріей. Правда, что самые пріятные восторги ощущаетъ человѣчество передъ предметами, недоступными его разумѣнію: отсюда родился и классицизмъ. Но что же это доказываетъ? Болѣе ничего какъ блаженство невѣдѣнія. Рано или поздно, умъ прозрѣть, и очарованіе должно исчезнуть.

Пока въ ново-ученой Европѣ господствовало добродушное понятіе, будто древняя мифологія составляла, по однимъ, всю языческую вѣру, а по другимъ была поэтическою шуткою или, по-крайней-мѣрѣ, что поэту язычество позволяло, если не сочинять цѣлыя мифы по произволу игриваго воображенія, такъ украшать ихъ болѣе или менѣе блестящими вымыслами, еще можно было восхищаться безъ ума и безъ памяти этими странными созданіями мнимо-творческой мысли. Но стѣхъ-поръ какъ поле памятниковъ древности въдесятеро обширнѣе раскрылось передъ нами, какъ во сто разъ стало оно разнообразнѣе свидѣтельствами и плодороднѣе свѣдѣніями, какъ мы наконецъ, посредствомъ безконечныхъ сравненій, успѣли проникнуть взглядомъ сквозь кору прежней грубой эрудиціи до языческихъ идей, до сущности ихъ настоящихъ вѣрованій, до основаній ихъ воображенія, понятія наши о поэзіи, слитой съ этою религіей въ одно нераздѣльное цѣлое, должны существенно измѣниться. Теперь какъ мы знаемъ, что язычество поэту ничего не позволяло, что онъ въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ обстоятельстве созданія и исполненія, въ каждой чертѣ и краскѣ своей живописи, былъ рабъ, съ одной стороны, тайной те-

оріи всебожія, съ другой, наружной формы многобожнаго народнаго исповѣданія, которымъ и-самъ онъ душевно вѣровалъ, которыхъ невообразимо глубокія и хитрыя тонкости искренно восхищали его, и которымъ былъ онъ только вѣрно преданнымъ отголоскомъ, теперь такое состояніе ума не можетъ не казаться намъ жалкимъ и, даже, отвратительнымъ. Когда мы видимъ въ этихъ стихотвореніяхъ природу, пантеистически исковерканную въ пользу безтолковыхъ хитросплетеній матеріализма, запутавшагося въ собственное свое остроуміе, въ пользу гордаго и непреклоннаго ученія жрецовъ, которое объясняло себѣ все міротвореніе вещественно и вмѣстѣ съ тѣмъ старалось удержать народный умъ въ своей власти посредствомъ ига двусмысленныхъ, загадочныхъ аллегорій, зрѣлище принимаетъ для насъ совсѣмъ другой характеръ, и поэзія, соумышленица такой затѣи, не въ правѣ и не въ силахъ прельщать насъ болѣе. Забывъ все, позволительно было вообразать въ ней сокровища творческой мысли и увлекаться ихъ блескомъ въ темнотѣ, которою время насъ окружило. Но вспомнивъ или провѣдавъ что-нибудь съ достовѣрностью объ ея духѣ, направленіи и цѣли, обаяніе превращается въ жалость.

Это отнюдь не значитъ, чтобы въ древней поэзіи не встрѣчалось мѣстъ, сіяющихъ живописною силою ума, поражаемаго величественными или плѣнительными видами природы: мѣстъ поэтическихъ по-нашему; мѣстъ живо трогających новѣйшее воображеніе, прямо и непосредственно наблюдающее дѣла творенія; но такія мѣста въ ней чисто и исключительно случайны. Природа въ своемъ настоящемъ видѣ — отнюдь не цѣль ея. Древняя поэзія стихотворить безъ созданной природы — мимо ея — на зло ей; передѣлываетъ ее упорно въ природу самосоздавшуюся и самосоздающую; твореніе превращаетъ въ творца, слѣдствія въ причины, волю въ жестокую *необходимость*, апаткѣ, утѣшенія духа въ его горечи, въ его конечное отчаяніе. Сама она хотѣла, чтобы человекъ такъ понималъ ее; и какъ скоро мы поймемъ ее съ этой капитальной стороны, можетъ ли она внушать намъ малѣйшее уваженіе къ себѣ?

Можно, конечно, для потѣхи своей, не совѣмъ согласной со здоровымъ смысломъ, употреблять, въ новѣйшемъ стихотворствѣ, ея условный языкъ, ея приемы и наружныя формы, какъ это и дѣлалъ классицизмъ. Но что же выйдетъ? Подражаніе? Отнюдь нѣтъ. Выйдетъ сухая, безобразная карриатура на древнюю поэзію; выйдетъ ледъ и безсмысліе; потому что мы никогда и ни въ какомъ смыслѣ не можемъ быть пантеистами.

Есть — была — въ древней поэзіи истинная, существенная, неотъемлемая прелесть, но и та стала для насъ такъ же чуждою, такъ же мертвою и непонятною, какъ и главная сторона ея, сторона религіозная, пантеистическая, языческая. Прелесть эта состояла въ чудной музыкальности стопосложенія Древнихъ, удивительно соображенной съ основными законами звука и музыки. Ихъ поэты были вмѣстѣ и музыкантами. Музыка была тогда только дополненіемъ и ручнымъ орудіемъ поэзіи. Способъ сложенія и произношенія ихъ стиховъ превращалъ стихъ въ настоящую мелодію, въ собственномъ, музыкальномъ значеніи этого слова. Древніе слушатели, какъ и доннынѣ Восточные, нерѣдко съ ума сходили отъ такихъ стиховъ, въ которыхъ мы не примѣчаемъ ничего поэтическаго, которые кажутся намъ даже сухими и безцвѣтными. Они сходили съ ума отъ плѣнительной музыки этой полу-поющей рѣчи, тонко, вѣрно, гениально размѣренной въ отношеніи къ музыкальному времени согласныхъ и мелодическому движенію гласныхъ. Это великое искусство навсегда для насъ погибло. Эта прелесть невозвратно разсѣялась въ воздухъ вмѣстѣ съ древнею гаммою и древнею музыкою, но при ней все могло быть положено на стихи, правила грамматики, ариѳметики, земледѣлія, повареннаго искусства, и все казаться очаровательною поэзіей. Ею-то и объясняется и оправдывается *дидактическая поэзія*. Благодаря особенной музыкальности древняго стиха въ порядкѣ, времени и произношеніи звуковъ его, удачно найденная поэтомъ стиховая мелодія мгновенно врѣзывалась въ память, вмѣстѣ съ правиломъ, и вполне услаждала душу.

Сухость содержанія поглощалась звуковымъ обаяніемъ. Гдѣ это теперь? Тѣ, которые силятся въ наше время падать въ обморокъ отъ такъ-называемой *гармоніи* древняго стиха, не произнося его, какъ произносили древніе, не умѣя произносить, и не имѣя понятія о тогдашней музыкѣ, надуваютъ умышленно или себя или другихъ. Мы нынѣшніе не въ состояніи чувствовать этой прелести; мы не можемъ ощущать этой мелодіи даже приблизительно, въ дециліонной гомеопатической долѣ. Для-того нужно было бы радикально перевоспитать наше ухо, воротиться къ другой гаммѣ, иначе разстроитъ нервы, преобразовать все новѣйшее звуковое искусство. Музыка и поэзія, нѣкогда неразлучныя, разъединились у насъ навсегда, пошли по разнымъ путямъ, и даже стали врагинями другъ другу. У насъ, напротивъ, чтобы не разсердить слушателей монотонною и анти-музыкальною безладницею звуковъ нашего новѣйшаго *мастерства*, то есть, яснѣе сказать, *поэзіи*, надо въ произношеніи стиха ловко скрыть отъ ихъ ушей, что это — стихъ. Вотъ дивная особенность нынѣшней «поэзіи»!

Выходитъ, что, и въ этомъ отношеніи, мы составляемъ діаметральную противоположность съ Древними. А восхищаемся!... восхищаемся діаметрально противоположно собственному нашему чувству!... Да это идетъ за ученость,

Таковы коренныя различія между древнею поэзіей и поэзію новѣйшей. Да что и говорить объ этомъ! Многое можно было бы сказать въ подтвержденіе и объясненіе сказаннаго. Предметъ ужасно интересенъ — совершенно новъ — бывъ уже долгое время старымъ и казавшись нашей мудрости совершенно исчерпаннымъ. Но развѣ все что можно было бы сказать достойнаго вниманія и размышленія помѣшаетъ кому-нибудь изъ новѣйшихъ стихотворцевъ воображать, что онъ точь въ точь древній поэтъ или, по-крайней-мѣрѣ, называть свои новорожденные думы «греческими стихотвореніями»?

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ІЮНЬ, 1850.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

Лидія. Разсказъ изъ жизни музыкальнаго учителя. Сочиненіе Е. Кубе. Въ двухъ частяхъ, (Москва, 1848, въ-8., стр. 160).

Какъ же это? «Лидія» существуетъ уже два года, и объ этомъ прелестномъ романѣ нѣтъ и рѣчи на Руси? Между-тѣмъ онъ вполне заслуживаетъ вашего вниманія. Навѣрное можно сказать, что вы давно не встрѣчали, ни на родномъ, ни на чужомъ языкѣ, болѣе остроумнаго, ловкаго, тонкаго, нѣжнаго очерка внутренней жизни сердца, болѣе живой повѣсти о тайныхъ мученіяхъ долго скрывае-мой страсти, болѣе плавнительной картины одного изъ тѣхъ вмѣстѣ и жестокихъ и сладостныхъ состояній души, которыя только женщины съ высшимъ умомъ и счастливымъ дарованіемъ успѣваютъ хорошо подмѣтить, разобрать, оцѣнить, и представить.

Сочинительница «Лидіи» известна читателямъ этого журнала по
Т. III. — Отд. VI.

41

двумъ очень примѣчательнымъ повѣстямъ, которыя были въ немъ напечатаны около 1846 года. Съ того времени дарованіе ея приобрѣло еще болѣе гибкости, силы, развитія, и этимъ твореніемъ она рѣшительно заняла одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду отечественныхъ писателей.

Это — исторія одной изъ тѣхъ страстей, достойныхъ быть записанными въ легендахъ человеческой природы, которыя случайно зарождаются къ дѣтству, растутъ никѣмъ не примѣчаемыя, и, вырвѣвъ въ душѣ глубокіе тайники, превращаются въ безконечныя мученія, упрямствомъ и жестокостью борьбы, фантастическими перемѣнами и продолжительностью времени далеко превосходятъ Троянскую Войну, но оканчиваются обыкновенно какъ она — введеніемъ коварнаго деревяннаго коня въ непреступную крепость Минервы и наденіемъ славнаго Иліона. Женскій гевій поэзіи въ состояніи написать о такой мнѣческой страсти полную Иліаду. И въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ рассказъ могъ бы назваться Иліадою — свѣтскаго будоара, если бы въ наше время Иліады не получили совершенно другаго назначенія.

Лидія—женщина тащъ-называемаго высшаго круга, воспитанная въ золотѣ и тщеславіи, но женщина съ необыкновеннымъ умомъ, съ свѣтлыми идеями, съ благороднымъ сердцемъ. Она холодна какъ гранитъ: следовательно, она любитъ страстно, пламенно, безумно, но тайно. Кажется, что остроумная сочинительница этого романа хочетъ внушить читателю именно такое опредѣленіе холодныхъ женщинъ всѣмъ содержаніемъ своего творенія.

Трогательную исторію сердца Лидіи рассказываетъ намъ одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ порода не древнѣе одного столѣтія, но въ этотъ короткій срокъ размножилась такъ повѣртно, что теперь уже составляетъ въ обществѣ классъ, страшный своей многочисленностью. Женщины могутъ дѣлать съ нимъ все чтѣ угодно, констатировать, ласкать, искушать, угнетать, и онъ ни примѣчаетъ этого, ни роптать ни жаловаться не въ правѣ. Онъ закованъ въ скромность и нещадно осужденъ на постоянную молодость и нескончаемое целомудріе: ни старѣться, ни жениться ему не приказано; а состарѣлся, или, еще хуже,

женился — отдалъ себя одной — такъ, прочь изъ общаго женскаго яга, и впадеши ему — уваженіе всѣхъ помыслительницъ.

Въ 1742 году изобретены въ славномъ городе Лейпцигъ сор-
вѣе правильно — устроеныя машина для скорого и ловкаго вы-
ходу замужъ. Сначала была она четырехугольная. Благороднѣйш
формы ея измѣнилась и нынче весьма сильныя машины этого роду
дѣлаются о пяти неравнѣхъ углахъ съ одною ветвистою сторо-
ною. Какъ эти полезныя машины находятъ въ наше искусное время
въ гостиныхъ рывительно всѣхъ семействъ, въ которыхъ есть де-
тери, будущія или наличныя назвеы, то и не предстоитъ ни какой
недобности ни описывать ни даже называть ихъ пріятнѣе техниче-
скимъ терминомъ, заимствованнымъ, какъ извѣстно, изъ италянскаго.

Но машина сама по себѣ громоздка, устройство ея очень сложно,
и надо обладать особенною сноровкою, чтобы приводить ее въ дѣй-
ствіе съ вожделеннымъ успѣхомъ. Къ машинамъ для скорого и лов-
каго выходу замужъ нужны машинисты. Они-то и составляютъ тотъ
особенный классъ мужчинъ средняго рода. Первыя такія маши-
нистомъ, и родначальникомъ всего ихъ сословія, были въ 1750
году нѣкто Бауманъ, старый Нѣмецъ съ краснымъ носомъ, въ на-
пудренномъ парикѣ, съ косою и голубиными крылышками. Отъ Бау-
мана до Франца Листа, народа, быстро размножаясь, чрезвычайно
улучшилась, и нынче есть машинисты очень маленькіе, очень инте-
ресныя.

Но Листа я по-напрасну причисляю къ ихъ сословію: онъ толь-
ко кружилъ головы, и не преподавалъ уроковъ — просто, нор-
тилъ ремесло. Въ строгомъ смыслѣ, сословіе, классъ или каста со-
стоитъ изъ действительныхъ «ортеванскихъ» учителей — сами угодно,
изъ артистовъ, занимающихся уроками — иначе, изъ виртуозовъ-вир-
туозовъ, посвятившихъ себя обученію чудному искусству Моцарта,
Бетховена, Вебера, Гуммеля, Мейсера, во словъ, наставляющихъ
иныхъ и ресинныхъ существъ въ томъ, какъ създать красиво и граціозно
за могучую машину, *арфико-пиано* (*forte-piano*) изысканную, какъ дер-
жавъ руки съ заостренъ, какъ шевелить джикъ и удобно приличнаю,

как вдругъ произвестъ шумъ громче бури и шепотъ тише травы, заблестать, ослабить, оглушить слушателей, всѣхъ вообще, и одного изъ нихъ въ особенноти, и, невзначай, прыгнуть прямо съ клавиатуры въ рай супружескаго счастья. Но не этимъ ограничивается должность настоящаго музыкальнаго машиниста: на немъ-то юное и повзрелое существо пробуетъ первую силу своихъ глазекъ, надъ нимъ производятъ опыты чародѣйства ласковыхъ улыбокъ, таинственныхъ полу-словъ, заглушенныхъ вздоховъ, настроенныхъ замѣнательствъ, недосказанныхъ изъясненій, внезапныхъ холодностей и отрывистыхъ досадъ. Бѣдный машинистъ втеченіе дня видитъ поочередно десять розовыхъ юбокъ, двадцать бѣлыхъ рукъ, пятьдесятъ или шестьдесятъ шелковыхъ пальчиковъ, подвергаетъ лицо свое десяти пахучимъ и зловоннымъ дыханіямъ — ужасное ремесло!... я бы согласился лучше быть машинистомъ на желѣзной дорогѣ и стоять весь день у бѣло-каменной печи паровоза — и, вечеромъ, дотащившись на извозчикъ до пустой квартиры своей, весь прострѣлянный взглядами, истерзанный улыбками, опаленный, израненный, измученный, безъ ума, безъ памяти, безъ сердца, безъ силъ, отчаянно бросается на ледовитую постель — и слова пикнуть не смѣетъ о случившемся, даже передъ самимъ собою — съ тѣмъ, чтобы на другой день начать снова ту же самую каторгу.

Прибавьте къ этому, что между розовыми кисейными платьями нередко встрѣчаются черныя бархатныя, съ такими убійственными наколками, съ такими опытными глазами, съ такими разговорами о дружбѣ и о прочемъ, среди піесы въ четыре руки, что самаго Бетгоvena въ состояніи были бы вышибить изъ такту.... такъ!... отъ нечего дѣлать!...

Нѣтъ! ни за какія блага міра не согласился бы я быть фортепьяннымъ учителемъ.

Теперь вы, надѣюсь, немножко угадываете исторію Лидіи и ея музыкальнаго учителя, Лидіи красавицы-аристократки, дѣвушки умной до самаго очаровательнаго кокетства, даровитой до неприялчія, ласковой просто до смертоубійства, и въ то же время холодной безъ

всякой причины, потому что невинное существо было уже втайнѣ влюблено въ другаго. Могъ ли тутъ устоять несчастный музыкальнѣйшій учитель! Онъ верно и аккуратно исполнилъ все обязанности своего званія: подвергся безропотно неслыханнымъ искушеніямъ — вытерпѣлъ все пытки невиннаго кокетства даже не поморщившись, выдалъ ученицу замужъ непосредственно съ клавиатуры — его піесю она докончила жениха — и не проронилъ въ ея присутствіи ни одной слезы. Я нахожу, только, что, для такого совершенства какъ Лидія, она слишкомъ хорошо играла на фортепіано: это *beauvais genre*; — кто же на этомъ свѣтъ хорошо играетъ!... развѣ какія-нибудь плесышки!... притомъ же я слышалъ отъ опытныхъ людей, что впривѣйшее средство перепугать и прогнать жениха — заиграть передъ нимъ удивительно отлично. Женихи хорошей музыки не понимаютъ: имъ, просто, надо барабанить. А впрочемъ чудесная игра не повела къ добру и Лидіи: женихъ, правда, попался на піесу, да совсѣмъ другою; такъ! просто, женихъ, — вовсе не идеалъ — не тотъ, кого она тайно любила: изъ чего, для ученицы музыкальнаго учителя, произошло великое несчастіе. Ученица начала страдать ужасно: и этотъ чловкъ отдалъ ей всю свою жизнь, всю преданность, всю дружбу, каждое утро воображая, что она дѣйствительно любитъ его, и каждый вечеръ приходя въ отчаяніе отъ непонятной холодности и убѣждаясь, что эта женщина никого любить не можетъ. А между-тѣмъ она любила.... ахъ! какъ любила!... самую лучшую любовью!... именно, безнадежною.

Воспитаніе богатой свѣтской дѣвицы, ея первые шаги въ свѣтъ, ея первыя волненія, первыя задумчивости, первыя надежды — потомъ притворное равнодушіе — наконецъ блестящая холодность, прямое совершенство льду, все это рассказано такъ превосходно, съ такою наблюдательностью, тонкостью, граціей, что, просто, *нечего сказать*. По-русски, вы знаете, это похвала. Въ разсматриваемомъ предметѣ, будь онъ произведеніе Рафаэля или Шекспира, мы прежде всего видимъ недостатки его и съ удовольствіемъ на нихъ указываемъ. Нечего сказать, и только!... Я болѣе ничего не скажу. Прочитайте, и сами краснорѣчиво скажете то же.

Съ какими искусствомъ изображены треволненія преданной и мол-

чливою любові музикального учителя!... любові продовжуваної жінки! Какъ мастерики, какъ умно, остро, удачно, во все продолженіе ея, поставлены при каждомъ случаѣ въ гармонизующую противуположность, личныя достоинства, чувства, образы мыслей, силности точки воззрѣнія и доводы знатной барыни и разночинца, при разномъ съ обѣихъ сторонъ благородствѣ души и образованности ума! Позвольте: объ этомъ, къ сожалѣнію, есть что сказать. Мнѣ кажется, что кокетство Лидіи съ музыкальнымъ учителемъ, при любви ея къ другому, не довольно ясно выставлено наружу. Я знаю, что она кокетничаетъ, и очень тонко, очень искусно, очень мило, такъ что этого и не видно. Но многіе готовы подумать, будто Лидія объ этомъ и не думаетъ. Сочинительница такъ увѣрена, что умная женщина не можетъ не кокетничать при такой вѣрной okazji — въ дорогѣ — въ степи — въ Бессарабіи особливо, что и не считаетъ нужнымъ определять этой игры конки съ мышкой въ отношеніяхъ между Лидією и учителемъ. Если иной не угадаетъ и сочтетъ музыкальнаго учителя за дурака, влюбившагося и продолжающаго любить безъ причины, не я этому буду виновать.

Да! можно еще кое-что сказать о женщинахъ вообще; и это очень досадно. Я не нахожу ни какого удовольствія открывать въ нихъ недостатки, во мнѣ кажется, что одинъ недостатокъ, и чрезвычайно важный по моему мнѣнію, открылъ я въ нихъ. Умныя женщины обыкновенно находятъ, что мы мужчины, какъ мы есть, нигде не годимся, и, прибѣгая къ творческой силѣ своего взяцнаго воображенія, онѣ создаютъ себѣ, по своему вкусу и разумнію, мужчинъ невозможныхъ, ни на-что не похожихъ, или рывительно ничтожныхъ какъ мужчины, или — ни дать ни взять нравственныхъ каннибаловъ; и, создавъ, любятъ, любятъ, любятъ этихъ уродовъ безконечно, не объяснивъ читателю даже того, за что онѣ ихъ такъ любятъ. Этотъ упрекъ я дѣлаю, чтобы никого не обижать, женскимъ романамъ вообще.

Какого это буцефала полюбила, наприкладъ, эта умная Лидія? Во все продолженіе романа онъ не сказалъ ничего достойнаго настоящаго мужчины, не обнаружилъ ни какого благороднаго чувства, не уронилъ никакой смелой идеи, не сдѣлалъ ничего впечатлительнаго. Какое

сравненію съ Лидіей! Возлѣ этой удивительной женщины онъ — совершенное ничтожество. Капризный и бесталанный мальчишка во всю жизнь свою!.. даже въ сорокъ лѣтъ, если не болѣе. Мужчины выполняли бы его въ зашеекъ изъ своего сословія: онъ — не мужчина; онъ своенравенъ какъ слабость; въ немъ нѣтъ сознанія ни какой душевной силы — а безъ этого сознанія мужчина, особенно любимый мужчина, невозможенъ; а съ сознаніемъ этимъ необходимо сопряжено благородство. За чтò же любить его? Какъ эта чудная Лидія можетъ такъ страстно обожать его безъ причины?

Алексѣй утѣдилъ Лидію въ первый разъ тотчасъ послѣ выводу ея изъ института. Первая встреча ихъ была неудачная. Онъ ей не понравился. Она сказала пеловкость, за которую удалили ее изъ гоеттывыхъ вальверли на долгое время съ гувернанткой. Онъ исчезъ изъ виду.

Но Лидія сдѣлала впечатлѣніе на Алексѣя. Онъ влюбился въ нее. Бѣдная дѣвушка полюбила его съ своей стороны только на зло тетушкѣ. Она впоследствии уѣхала въ Италію, долго жила за границею, воротилась, вышла замужъ.... Спусти лѣтъ, можетъ-быть, десять, сердце ея тронулось. Она призналась, что любить его давно и пламенно. На это онъ ей въ отвѣтъ: «А я васъ презираю!» — и написалъ къ ней фривольное письмо, которое унижаетъ его въ глазахъ правосуднаго читателя гораздо болѣе чѣмъ Лидію, но которое, разумѣется, привело ее въ крайнее отчаяніе. Она чуть съ ума не сошла — бросила все — взяла съ собою дочь и вѣрнаго друга, музыкальнаго учителя, и удалилась, сперва въ Новороссію, а потомъ въ Бессарабію, какъ-можно подалше отъ изверга. Бѣдная женщина зарыла глубоко въ сердце свою несчастную любовь. Тогда извергу вдругъ вздумалось влюбиться въ нее да-саро. Онъ сталъ преслѣдовать ее огненными посланіями, не давалъ ей покою еще какихъ-нибудь десять лѣтъ, и, когда оба они порядочно состарѣлись, грозилъ застрѣляться, какъ нѣмецкій студентъ.... И она поврила такой старой штукой какъ институтка!

Героя не одобряю я рѣшительно. Будь въ немъ, что иногда бываетъ, самая странная смесь высокихъ качествъ съ отвратительными жеманіи души, все несообразности поведенія можно было бы про-

стать ему как избалованному ребенку, — как ребенку, а не как мужчине: а то в нем нет ни следа добра, и зло его похоже, не на зло, а на сумасбродство.

Герония — прелесть, так же как музыкальный ее сподвижник, так же как дочь ее, чудная Грёзовская головка, как бессарабская Цыганка, горничная дочери, как все остальное в романе. Лидия — истинно прекрасная женская фигура, какія одні только даровитыя женщины умѣютъ писать.

Сколько опять живости и оригинальности в этой случайной картинке нравовъ и характеровъ страны, куда переселились Лидія съ дочерью и музыкальнымъ учителемъ! Я непременно выпишу для вашего любопытства небольшой отрывокъ.

• Ежедневный гость, нашъ ближайшій сосѣдъ, котораго маленькая дача врѣзывалась въ землю Лидіи и подходила подъ самую ограду дома, рассказываетъ музыкальный учитель, былъ неотвязный капитанъ Микулай и пріѣзжая кокона Зонца. Они говорили въ перемену и безъ умолку. Эти два лица были забавны непримиримой, закоренялой враждою, тѣмъ болѣе непреклонной, что она брала свое начало въ источникъ сокрушенной дружбы. Эта чета была когда-то жената; но такъ много прошло времени съ-тѣхъ-поръ, какъ разошлись они, что сама кокона едва помнила объ этомъ непродолжительномъ союзѣ.

Во время краткаго супружества своего они успѣли такъ раздражить другъ друга, что несмотря на протекінія десятки лѣтъ послѣ разлуки, старая привычка ссориться брала свое: при каждой встрѣчѣ, съ первыхъ словъ, характеры ихъ примѣтно выступали изъ нормальнаго состоянія и тотчасъ завязывался безконечный и раздражительный споръ. Питая взаимное недоброжелательство, кокона и капитанъ ревновали другъ къ другу все общія знакомства и пріязни и видимо старались, опасаясь обоюдныхъ наветовъ, клеветать и вытѣснять другъ друга.

• Зная все свѣдѣнія и обычаи, и смѣкая силу своего противника, едва только завидитъ, бывало, капитанъ Микулай у подвѣзда нашего горничной комы коконы и ее усаца арнаута, тотчасъ же является на-

зидо, сноватъ своимъ присутствіемъ коварныя уста Зоицы; но не-
сметривъ эту предосторожность, кокона, пользуясь привилегіей жен-
щины вступать въ тѣ предѣлы, куда мужчинамъ зановѣданы дѣри,
успѣла внушить Лидіи кой-какія предостереженія на-счетъ капитана.

«— Имѣли ли вы когда-нибудь несчастье, говорила она, приютить
въ себѣ въ домѣ сиротницу, которая подберетъ ключи подъ возъ ва-
ши тайны, все подолунаетъ, все вывадетъ и разнесетъ соръ по се-
вѣдьямъ? Эта сиротница капитанъ Микулай. Случалось ли вамъ встрѣ-
тить на дорогѣ своей людей неотвязчивыхъ, прилипчивыхъ, отъ ко-
торыхъ нѣтъ средствъ ни укрыться, ни отмахаться какъ отъ осенней
мухи или отъ лихорадки? Эта муха и лихорадка — капитанъ Микулай.
Видѣли ль вы когда-нибудь всесвятныхъ завистниковъ и ревнивцовъ,
которые какъ турецкіе сануки караулятъ всякое до нихъ не касав-
щееся чувство? Это все капитаны Микуланъ.

«Въ словахъ коконы Зоицы нельзя сказать чтобы не было тѣни
правды; но капитанъ Микулай былъ такъ услужливъ и ласковъ, что
невольно забывались охранительныя наставленія коконы.

«Источникомъ безконечныхъ споровъ Зоицы и капитана были раз-
ныя обычай ихъ родины, которые капитанъ имѣлъ тысячу причинъ
ненавидѣть и преслѣдовать, а кокона любить и защищать....

«Сельская жизнь была не по-путру коконѣ. Она, несмотря на скуку
неизбѣжнаго карантина, то и дѣло сновала за границу нить ношныя
паранды и жататься въ Бухарестъ на плимбаре. Это обстоятельство
доставало намъ чашка оя посященія».

«По обыкновенію стала она заманивать и Лидію съ собою взглянуть
на красу княжества, Бухарестъ на сладководной Дембовицѣ.

«— Ну, что вы сидите въ этой трущобѣ? повторила съ упрекомъ
Зоица.

«— Дѣлаю здѣсь то же, что вы дѣлаете въ Бухарестѣ и Яссахъ,
то же, что кажется дѣлаютъ многіе на свѣтъ, то-есть, ровно ничего,
съ чашкою отвѣчала Лидіа.

«— Какъ ничего? сердито возразила кокона: въ Яссахъ и Бухаре-
стѣ вздѣтъ на плимбаре, тамъ женятся, выходятъ замужъ: чего же
еще дѣлать?»

« — Чтобъ жениться и выходить замужъ кому охота, за этикъ снр можно създать не только въ Букарестъ, но даже куда-нибудь и подалше; ну, а для плимбаре я не знаю стоить ли трогаться съ мѣста.

« — Для плимбаре? вскрикнула сдвинувъ брови Зоица съ такимъ же изумленіемъ, съ какимъ мусудьманнигъ призывалъ бы ния Аллаха въ помощъ невзрующему въ рай Магометовъ. *Плимбаре* въ переводномъ языкѣ для молдаванской коконы значитъ жизнь, вся радости и тревоженія жизни. Въ *плимбаре* кокона не живетъ, а томится. Дель коконы тяжкое испытаніе послѣ знойной ночи, раскаляющей кровь ея; она встаетъ поздно и neodвтая и растрепанная томится отъ жары и скуки; для развлечения сто разъ принимается хлопать въ ладони и сто разъ вбѣгаетъ на этотъ зовъ босая Цыганка съ подносомъ прохладительнаго шербета или упонтельнаго чернаго кооо. Напрасно кокопа повторяетъ это упражненіе: время дится безконечно, томительно, до обѣда. Кокона ни за что не пріймется, не возьметъ ни какого занятія въ руки; работа — удѣлъ Цыганъ. Все что Парижъ и Вьна доставили утонченнѣйшаго и богатаго съ послѣднимъ привозомъ, все, что косметическіе тайники хранятъ для искусственной красоты и юности, все разстилаютъ передъ коконою; не жалеть она червонцевъ на лонскія ткани и брабантскія кружева, на диковинки роскоши и моды. Надвѣнетъ маску бѣлиль и румянь, выведетъ дугой черныя сдвинутыя на лбу брови, и вдетъ кататься. Одна за другими потянутся за городъ со всѣхъ улицъ кареты и коляски, это *плимбаре*. Тамъ играетъ музыка, тамъ мужчины въ восточныхъ и нѣмецкихъ платьяхъ ходятъ толпами, останавливаютъ экипажи, говорятъ съ знакомыми дамами. Тамъ много мелькаетъ прекрасныхъ и свѣженькихъ лицъ. Но какъ обыкновенно въ большихъ массахъ — больше некрасивыхъ, особливо когда женщина еще до тридцати лѣтъ старуха. Но кокона повинуется юности сердца. Долго, до самыхъ самыхъ сумерекъ, все ползуть вереницей тихо колеблемыя колымаги.

«Кокона Зоица понимала *плимбаре*; но Лидія не могла оцѣнить этого магическаго слова и своимъ недостаткомъ участія сердца кокону.

« — И не надоело еще вамъ это монастырское житье за иинемъ...

отъемами вашей скучной касы, ворчала Зоцца: если ужь находите вы удовольствіе изъывать въ этой пустынь, такъ хорошеенькую коконницу вашу давно пора бы повеселить, пора бы и просватать.

«И кокона разохалась, высчитывая сколько времени по ея мнѣнію было уже потеряно для брачной жизни Машин (дочери Лидіи).

«Коконка завела рѣчь о сватовствѣ. Страсть молдаванской коконны къ сватовству можетъ только сравниться съ ея страстью къ замужству въ свое время.

«— И куда бережете вы коконницу, длячего не ѣдете искать жениховъ? простодушно толковала Зоцца.

«— И въ-самомъ-дѣль, подтвердилъ капитанъ, который на этотъ разъ не заспорилъ съ коковой; а когда не спорилъ онъ, то уже безусловно соглашался и возраженія его были всегда какъ второй стихъ еврейской поэзіи, который ту же мысль повторяетъ съ большей силой.

«— Мы бы просватали ея за *Вистіара*, сказала Зоцца.

«— За *Спатаря*, сказалъ, подымая степенью ваше, капитанъ.

«— За *Хатмана*, еще повысила кокопа.

«— За *Дворника*, произнесъ почтительно капитанъ.

«— За *Великаго Дворника!* переселила, называя одну изъ перво-классныхъ должностей княжества, кокона.»

Маша однако не вышла за дворника: она любила одного молодаго казацкаго сотника, который недавно отправился въ армію. Война съ Турками вспыхнула. За войною послѣдовала чума. Лидія оцѣпилась въ своей дачѣ, пожаловавъ капитана Микулая комендантомъ домашняго карантина.

Самымъ естественнымъ заключеніемъ романа было бы то, что всѣ дѣйствующія лица вымерли въ чумномъ мѣствѣ. Но сочинительница рѣшила иначе, и я очень сожалею объ этомъ. Въ карантинную ограду Лидіи она пропускаетъ бить хуже всякой чумы, этого ничтожнаго и вестерпимаго Алексѣя. Лидія наконецъ умилюстивилась. Она простила его. Она по-прежнему любитъ страстно, безумно. А онъ? Что жъ вы думаете! увидѣвъ себя вторично любимымъ послѣ двадцати-лѣтнихъ тревогъ сердца, онъ вторично зѣваетъ; ему опять скучно; онъ говоритъ этой необыкновенной женщиной: «Лидія, я не люблю тебя!..... Нѣтъ, погоди.... кажется люблю?.... Ну, нѣтъ, не люблю!.... рѣши-

еще не любилъ. Она вникла степенно къ младшей дочери Лидіи, Маньѣ, и, въ одно прекрасное утро, исчезла съ горничною ея, Цыганкою.

Нѣтъ! такихъ Готентотовъ не бываетъ на нашемъ мужскомъ свѣтѣ. Къ чести нашего пола, подобные мужчины водятся только въ дамскихъ романахъ.

Но, къ счастью этого романа, интересъ его заключается вовсе не въ сказанномъ Готентотѣ, который и рѣдко является на сцену — собственно одинъ разъ только, въ концѣ разсказа. Настоящій романъ — въ Лидіи, музыкальномъ учителѣ, Маньѣ и казацкомъ сотникѣ. Вся эти лица мастерски созданы и прелестно нарисованы. Въследствіе чего, прелестная повѣсть эта сильно увлекаетъ читателя и приноситъ не-сказанную чѣсть искусному перу, которое начертало ее.

Мнѣ даже жаль, что я столько наговорилъ объ ней; потому что, если простить ей этого Готентота какъ мужчину выдуманнаго дамою нарочно, взамѣнъ негодныхъ мужчинъ настоящихъ, такъ просто — обо всемъ сочиненіи — *ничего сказать!*

ЮЛЬ, 1850.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И.

=

Нелюдника. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ.* Графини Е. П. Росточинной (Москва, 1850, въ-8., стр. 107).

Ахъ! эти мужчины, мужчины! что это за полъ! что это за неблагородная порода!... Съ-тѣхъ-поръ какъ сталъ я читать женскія книги, то есть, книги писанныя женщинами, самыя милыя, самыя умныя, тонкія, кроткія, самыя ужасныя изъ книгъ, я удивительно просвѣтился на мой счетъ, на счетъ васъ, любезные читатели, писатели, e tutti quanti. Я теперь ясно вижу, что мы, мужчины, никуда не годимся; что отъ насъ вся бѣда; отъ насъ нѣтъ счастья на свѣтъ; черезъ насъ любовь и дружба пропали на землѣ; мы — такіе коварные, такіе непостоянные, такіе капризные, такіе эгонсты, мучители, губители... настоящіе носороги!... Все это, такъ мило, такъ нѣжно, сладко, очаровательно, объяснено въ женскихъ книгахъ, что, когда прочитаешь эти чудныя умственные кружева, не остается ничего болѣе какъ всѣмъ намъ броситься въ воду съ отчаянія, стыда, горя — отъ угрызенія совѣсти — отъ сознанія нашего глубокаго ничтожества для счастья жизни — или всѣмъ вдругъ жениться.... потому что, какъ я изъ этихъ книгъ усматриваю, несчастіе на свѣтѣ про-

исходить главнѣйше отъ того, что дѣвушки, душечки, такіа умницы, такіа сокровища любви и блаженства, не всегда выходятъ замужъ за того, кого имъ хочется, по разнымъ обстоятельствамъ, прямо отъ негодности мужчинъ завсящимъ, или и вовсе невыходятъ, какъ на примѣръ въ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ, изъ презрѣнія къ намъ, мужчинамъ. Да, господа! ужасно сказать, но это вѣрно — я не однократно читалъ въ женскихъ книгахъ — что насъ презираютъ, полюбивъ немножко трехъ, четырехъ сразу, и узнавъ на опытѣ, какая дрянъ всѣ тѣ, кого полюбить изволили; до того презираютъ, что — ужасъ сказать! — съ огромнѣйшимъ приданымъ, съ милліонами, съ незаложенными деревнями, не хотятъ выходить замужъ ни за кого изъ насъ, негодныхъ.

Я угадываю вашъ аргументъ; я знаю что вы возразите на это; вы скажете: вольно же было душечкамъ, умницамъ, полюбить такую дрянъ, и еще раза три, четыре сразу; на то была ихъ добрая воля; видно, умницы, не разбираютъ, когда имъ хочется любить, а любятъ кого ни попало, кто ни предложитъ имъ первый играть въ любовь, отдають чудесныя сердца свои, золото-умницы, болванамъ, не равнымъ себѣ ни по уму ни по благородству души, и потомъ плачутъ, пищать, жалуется, пишутъ книги на мужчинъ, презираютъ весь полъ наповалъ. Сами виноваты, скажете вы: на то и данъ тонкій умъ женщинамъ, чтобы умѣла угадывать, оцѣнивать мужчинъ. Да это — плохой аргументъ. Угадывать, оцѣнивать, это — легко сказать. Гораздо было бы удобнѣе для умницъ — взять да устроить природу, то-есть, селить, такъ, чтобы всякій мужчина, на котораго ни взглянешъ, который ни понравится по наружности, былъ не мужчина — а чудо!... чтобы онъ тоже былъ умница, душка; чтобы съ первого слова любилъ какъ голубчикъ, вѣчно, постоянно, безпредѣльно; и, главное, чтобы его можно было взять безъ труда, безъ прелестьевъ, и дѣлать съ нимъ что угодно. Если бы, знаете, женщины писали законы для общества, онѣ положили бы непремѣнный правиломъ, чтобы всѣ мужчины, для вѣщаго удобства выбору со стороны сердца, были удивительно умны, безконечно благородны, милы, вѣрны, кротки, вѣжны до-нельзя. Но законы пишутъ мужчины!... какой тутъ можетъ быть толкъ въ обществѣ?... Мужчины всему виноваты: они любви не понимаютъ; они не умѣютъ любить, то есть, любить такъ, какъ хотятъ женщины. Есть одинъ китайскій философъ по имени Джу-дзы, который говоритъ, что женщины искони вѣковъ недовольны натуральною мужскою любовью, такою, какую Небо дало мужской природѣ и

мужскому сердцу, и хотѣли бы заставить мужчинъ любить по-женски, ихъ женскою любовью. Это — капризъ! говорить Джу-дем: котораго мудрый и не долженъ принимать во вниманіе. Я слышалъ, говорить, съ извѣстнѣмъ великаго Кунъ-фу-ды, что женщины любятъ насъ, мудрецовъ мужчинъ, именно за то, что мы мужчины не любимъ ихъ такою мягкою любовью, безъ эвергін, безъ случайностей, сильно потрясающихъ сердце и доставляющихъ имъ великое блаженство плакать. Я, говорить, вполне одобряю гипотезу мудраго Инъ-ды, который сказалъ, что если бы женщинамъ удалось передѣлать мужчинъ въ такихъ кроткихъ, вѣж-ныхъ, смиренно-влюбленныхъ овечекъ, на другой же день сами онѣ всё заирчали бы въ одинъ голосъ: «Fi! quelle horreur! какъ это скучно!... нѣтъ, нѣтъ, не нужно! любите насъ по-прежнему, «своей негодной мужской любовью...»

Я не вѣрю Китаичамъ: они ужасные плуты. Я привожу извѣстія ихъ философовъ только для полноты разсужденія о великомъ вопросѣ, стоить ли или нѣтъ мужчины такого обиднаго презрѣнія, какое въ наше время оказываютъ имъ умныя и богатая певѣсты въ безконечно краснорѣчивыхъ и мылыхъ женскихъ книгахъ. По моему разумѣнію, они стоить всякаго попра-вленія за то, что многіе изъ нихъ, совершенно ничтожные душою и умомъ, сибють ужасно нравиться такимъ удивительно умнымъ женщинамъ, наковы героини женскихъ твореній; что эти нули уважаютъ за ними такъ усердно, такъ восхищаются ихъ умомъ, ихъ дарованіями, ихъ прелестями, что наконецъ, недостойные, возбуждаютъ къ себѣ жестокую любовь въ сказанныхъ умницахъ... любовь дѣвъ или дѣвницъ гениальныхъ и въ высшей степени благо-родныхъ, къ нимъ, дуранамъ стоящимъ всякаго презрѣнія, и женскаго и мужскаго. Это не простительно! Главное преступленіе мужскаго пола эта страшная способность — безъ всякихъ душев-ныхъ преимуществъ *кружить головы женщинамъ*, гораздо превосходящимъ по уму и по качествамъ сердца. Женщинамъ, всѣмъ вообще, и дѣвцамъ и вдовамъ, совершенно позволительно для своей потѣхи *кружить головы мужчинамъ* всѣми возмож-ными средствами и путями кокетства, даже прикидывалась въ нужномъ случаѣ умными, благородными, восторженными, какъ это явствуетъ изъ женскихъ книгъ, изъ которыхъ я усматриваю, что это даже очень мило. Но когда мужчины вздумаютъ кокетничать съ женщинами и притворяться тѣмъ, что они не есть, то-же для потѣхи, на основаніи основнаго закона европейскихъ об-ществъ о равенствѣ половъ, это — такая дерзость, такое на-

хальство, что и наказанія придумать невозможно. Презрѣніе! презрѣніе! презрѣніе!... вотъ все чего они заслуживаютъ. Когда въ этой безпрестанной фантазмагоріи, у умной женщины зарушится голова отъ дурака, отъ негодая, такъ люби-же ты, дуракъ и негодай, вѣчно, вѣрно, пламенно, безпредѣльно: исто побѣй вамъ мужичинамъ — презрѣніе отъ умныхъ женщинъ, вамъ и созданному вами обществу.

Но зачѣмъ я пускаюсь въ философію этого безконечнаго недоразумѣнія между двумя полами, которые созданы любить и уважать себя взаимно и только ссорятся по-пустякамъ, за какое нибудь счастье сердца, нестоющее хорошаго горя, болъшею частью? Вся наша бѣда происходитъ отъ того, что мы не умѣемъ наслаждаться настоящимъ, и добиваемся невозможнаго. Притѣрно сказать, вмѣсто этого горькаго пренія, не лучше ли намъ было, просто, взять да читать эту чудную книгу, «Нелюдимкой» называемую. Поводовъ къ наслажденію, къ восторгу, въ ней бѣдна: какъ она прелестно написана! сколько въ ней ума, сколько искусства, сколько превосходнаго, сильнаго таланта. Не потому что я — мужчина, но, признаться по чистой совѣсти, какъ драма, эта книга «Нелюдимка», гораздо лучше всего что мы, мужчины, производимъ по части драмы на русскомъ языкѣ. Завязка хорошо обдуманна и изложена съ большою ловкостью, интересъ поддержанъ очень искусно во все продолженіе пьесы, дѣйствіе идетъ живо, и развязывается натурально, замысловато, своеобразно съ характерами, которые созданы нѣсколько прихотливо, но обрисованы и оттѣнены чисто, тонко, живописно, съ притчательною оригинальностью мысли и съ отличнымъ изяществомъ слова. Я не хочу очень хвалить этой драмы, написанной собственно «не для сцены», чтобы, пожалуй, умныя женщины не стали насъ мужчинъ презирать еще болѣе, за то что мы, мало того — любить безошибочно, а даже и правельнаго драматическаго ходу въ нашей русской драмѣ соблюсти не умѣемъ: что и говорить! у насъ обыкновенно не бываетъ ни завязки, ни дѣйствія, ни развязки.... Но нельзя скрыть ни отъ себя ни отъ читателей того, что драма эта и содержаніемъ и слогомъ своимъ, пылкимъ, краснорѣчивымъ, изящнымъ, произвела у насъ сильное впечатлѣніе. Женщины прочтали ее съ душевнымъ восторгомъ, и продолжаютъ читать. Мужчины испугались, книжка Мельникова нельзя было вонзять имъ въ самое сердце нѣжнѣйшею рукою, съ плѣнительнѣйшею граціей, и съ болѣе прелестною улыбкою, какъ вонзала эта драма. Мужчины кричатъ; но въ натурѣ чело-

вѣка — кричать, когда съ него дерутъ кожу, а драма и не намѣрена была гладить ихъ по бородаѣ: напротивъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ мужчины ахнули, и она достигла цѣли. Какимъ образомъ? А вотъ вы увидите.

Была, есть, или будетъ на свѣтѣ помѣщица, дѣвушка, умная, смышленная во всякой мудрости какъ Кунъ-фу-дзы, прекрасная какъ солнце и богатая какъ жидъ, обладательница огромныхъ маіоратовъ, дѣвушка знатнаго роду, возвышеннаго образа мыслей, благороднаго и теплаго сердца, превосходнаго образованія — которая говоритъ какъ Демосеенъ и сэръ Робертъ Пилъ вмѣстѣ, верхомъ ѣздитъ какъ Шамиль, любитъ и знаетъ искусства не хуже кардинала Альбани, сочиняетъ одною рукой замогильныя записки гораздо лучше Шатобриана, что впрочемъ не трудно, а другой между-тѣмъ разсыпаетъ вокругъ себя благодѣянія со щедротою и остроуміемъ Харуна-Альрашида: словомъ, женщина-чудо, дѣвица-совершенство, тѣмъ болѣе, что ей уже за двадцать пять лѣтъ. Зоя, воспитанная княземъ отцомъ своимъ, вдовцомъ и философомъ, жила уже въ свѣтѣ, или въ томъ, что обыкновенно называютъ *свѣтомъ*, видѣла и испытала людей, и сказаннаго *свѣта* больно не жалуется, но *людей* она любитъ, за исключеніемъ однако-жъ мужчинъ, которые не люди, а демоны, и отъ искушеній которыхъ она бѣжала въ пустыню, въ глушь, въ свою чудесную деревню. Послушайте, какой она поэтъ, какъ неподобно говорить:

Презрѣнье! да, презрѣнье!....

Вотъ оно,

Последнее, рѣшительное слово

Монхъ записокъ!

.

Они прошли — тѣ заблужденья дни!....

Загадкамъ и мечтамъ насталъ конецъ;

Теперь, — теперь во мнѣ одно презрѣнье

Къ минувшему, ко всѣмъ и ко всему,

Отнынѣ и во вѣкъ, одно *презрѣнье!*

Однако.... родилась в развивалась

Не для того я: Богъ не для того

Мнѣ душу далъ, исполненную жажды

Высокаго, прекраснаго, и сердце

Благословилъ во мнѣ святымъ огнемъ
 Любви и вѣры..... Но за чѣмъ они,
 Къ чему мнѣ послушны?... Что чрезъ нихъ
 Могла я приобрести, назвать *своимъ*?...
 Кто понялъ ихъ, меня?... Кто былъ мнѣ продавъ
 Единственно, безъ помысла другаго,
 Безъ цѣли, безъ мечты иной?... Кто, кто
 Любилъ меня, какъ я могла любить?...
 Есть въ тѣснотѣ, въ смиренномъ бытѣ
 Простыя женщины, безъ воспитанья,
 Безъ красоты, — и тѣхъ однако любить!
 Имъ равный, или часто кто нибудь
 И свыше ихъ, привяжется къ нимъ крѣпко
 И навсегда.... *Мнѣ* только поклонялся,
 Двигался мнѣ; иной во мнѣ искалъ,
 Тщеславію своему вѣнцъ блестящій,
 Другой лишь цѣль сребролюбивыхъ видовъ!...
 Какъ идолу, кадили мнѣ въ глаза
 Хвалою и лестию; но вдали, за то,
 Неправедно и гнали и чернили....
 Встрѣчала я на поприщѣ своемъ
 Вражду и ложь со злобой потаенной,
 И зависти шипящую змѣю,
 И клевету изъ нечестивыхъ устъ....
 Видала я обманъ подъ рукожатьемъ,
 Измѣну подъ улыбкой.... Горько было
 И тошно въ этомъ омутѣ противномъ....
 Хотѣла я не вѣрить злу и злымъ,
 Повязкой добровольной слѣпоты
 Свой вѣрный взоръ старалась отуманить....
 Нѣтъ! не могла! со всѣхъ сторонъ на душу,
 Какъ горькими волнами, наступалъ
 Холодный опытъ.... Стрѣшно надо мной,
 Какъ тучи передъ бурей, онъ собирался....
 Прозрѣла я, постигла, — и бѣжала....
 Бѣжала навсегда!

Людей люблю я, — *святъ* лишь ненавижу....
 Не человечество, созданье Бога,
 Но общество, созданье человека,
 Благихъ началъ святой законъ забыло,

Завѣтъ любви отвергло, отшатнулось
Отъ милости, отъ правды, отъ добра....

И вотъ, какъ исконнѣ, въ нѣмую степь
Пустынянки бѣжали, чтобъ спастись,
И я спасаюсь... я — чтобъ невредимо
Прямую душу съ теплымъ сердцемъ вынести
Изъ всѣхъ житейскихъ смуть — я обрелась
На схему добровольную.... *Одна*
Останусь я.... Одной мнѣ скучно будетъ,
Но безопасно!... Я забуду ихъ —
Друзей невѣрныхъ и враговъ лукавыхъ,
Отъ памяти сокрою всѣхъ ихъ вмѣстѣ,
Какъ саваномъ, презрѣниемъ моимъ.
Да!... Всѣмъ, всѣмъ вамъ мой безпристрастный судъ
Безъ злобы объявилъ свое рѣшенье:
Забывшимъ, обманувшимъ, оскорбившимъ —
Всѣмъ приговоръ одинъ — *мое презрѣнье!...*

Такое озлобленіе противъ людей — но *людей* она любить! — слѣдственно противъ мужчинъ, противъ счастья, такое отвращеніе отъ торжествъ тщеславія, отъ упоеній побѣдъ и успѣховъ, отъ всего, что дорого въ лѣта мечты и любви и что невозможно въ жизни!... Это ужасно. Несчастливая Зоя! Эта несравненная дѣвушка совершенно лишилась самолюбія. Я увѣренъ, что у нея болитъ лѣвый бокъ. Она очевидно страдаетъ ипохондріей. Всѣ умные люди страдаютъ этимъ. Она больна. Отъ такого страшнаго *презрѣнія ко всѣмъ*, она должна непременно лечиться сывороткой. Удивительное средство! Я видѣлъ примѣры, что, въ двѣ недѣли, сыворотка восстанавливала уваженіе къ людямъ и къ тѣмъ радостямъ, которыя могутъ они доставить человѣку. На третью недѣлю нелюдныи, презиравшіе всѣхъ, всѣхъ, уже въ состояніи бывали влюбляться вновь. Полезно также, при сывороткѣ, ѣздить верхомъ. Эта чудесная Зоя прекрасно дѣлаетъ, что она, покамѣстъ, ѣздитъ. Не хорошо только то, что она ѣздитъ одна и что лошадь у нея пугливая, какъ у сэръ Роберта Пилъ. Съ ней можетъ случиться несчастіе. И въ самомъ дѣлѣ оно случилось, не далѣе какъ въ третьей сценѣ. Она поѣхала гулять, верхомъ, одна. Сосѣдъ ея по деревнѣ, молодой человекъ, очень интересный, по имени Евгений, охотился въ ближайшемъ лѣсу съ толпою товарищей. Охота была славная, и только-что кончи-

лась. Вся эта молодежь отдыхала себя въ лѣсу, на травѣ, послѣ отличнаго завтрака; пила, курила, вела. Рѣчь зашла между нихъ о чудной сосѣдкѣ, недюдимкѣ, несравненной Зоѣ, непреступной умницѣ, красавицѣ и богачкѣ, къ которой никто изъ сосѣдей не могъ проникнуть, какъ вдругъ Зоя наскочила на эту молодежь верхомъ на своей бѣшеной лошади, ловко поворотила, и исчезла. Бесѣда молодыхъ людей оживилась еще болѣе этимъ волшебнымъ явленіемъ. Они принялись врать еще отчаяннѣе. Боже мой! что это за пустые молодые люди! При всемъ моемъ мужскомъ самолюбіи, я долженъ сознаться, что если это — образчикъ мужичи, если всѣ мужчины таковы какъ эти, не умнѣе и благороднѣе, то мы стоимъ ужаснѣйшаго презрѣнія и я согласенъ на всеобщее истребленіе любви въ женскихъ сердцахъ. Но быть не можетъ! вѣрно есть на свѣтѣ мужчины нѣсколько достойнѣе ихъ носить бороду, нѣсколько болѣе похожіе на настоящихъ мужскихъ существъ, нѣсколько способнѣе поддержать вѣковую славу знаменитаго имени «мужичны». По разговору, тону, мыслямъ, чувствамъ, и способу изложенія ихъ, это не мужичны, а дѣти.

Я давно замѣтилъ, и еще разъ долженъ повторить то, что сказалъ не далѣе какъ въ прошломъ мѣсяцѣ по случаю другой женской книги, что женщины съ талантомъ, производя въ своихъ твореніяхъ чудеснѣйшія картины женскихъ характеровъ, уточняя женщину до тоины почти тонѣ самой женщины и возвышая ее почти выше женщины, когда имъ нужно обставить эти дивные образцы существъ своего пола мужскими характерами, вмѣсто мужичи, производятъ только дѣтей, ребятишекъ. Отчего это? Не знаю!.. но вѣрно то, что у нихъ никогда не родится полный мужича, мужична истинно мужской, сильный умомъ, мыслью, сердцемъ, словомъ, дѣломъ, характеромъ. Если бы этихъ бумажныхъ мужичи, которыхъ творятъ онѣ для своихъ возмечтанныхъ женщинъ, одѣтъ въ коротенькія юбки, то ихъ нельзя было бы отличить отъ дурно воспитанныхъ дѣвочекъ или отъ испорченныхъ куколъ. Нѣтъ! вырубить славно, мѣткимъ топоромъ, изъ дюжей и твердой мысли, настоящего мужичу и сходить за огнемъ для него на небо, видно, дѣло мужское, а не шелковой женской руки!..

Между этими дѣтьми, которые пвруютъ въ лѣсу, и уже снѣютъ, дерзкіе мальчишки, курить сигарки, находятся одинъ школьникъ, который, не по уму и не по печамъ, хочетъ корчить маршала де-Ришліе и предлагаетъ пари — сто червонцевъ — въ томъ что въ шесть мѣсяцевъ, онъ, москѣ Валентинъ, обольститъ *этого чорта, или эту фею*, какъ выражаются вышесказанные го-

снода на счетъ Зои; заставить ее влюбиться въ него, и женится на ея маюратѣ. Вотъ куда мосьё Валентинъ забирается!... Чтò простиительно маршалу де-Риншлѣ, одному изъ знаменитѣйшихъ, умнѣйшихъ, превосходнѣйшихъ мужчинъ своего времени, человеку, надѣленному всѣмъ, чтò только можетъ прельщать умъ, воспламенять воображеніе, увлекать самолюбіе, чтò даже интересно въ самонадвѣянности такого славнаго мужины, то совсѣмъ нейдетъ къ какому-нибудь калужскому франтику безъ достоинствъ, безъ отличія между собой подобными, безъ правъ на вниманіе; то отъ него даже глупо, гнусно, отвратительно, и превосходитъ всякую мужскую дерзость. Да и чтò за подвигъ для несравненной Зои — презрѣть такого мужину! Всѣ мужины, въ томъ числѣ и всѣ порядочныя горничныя, готовы презирать его и компанію. Вотъ пусть бы Зоя встрѣтилась съ настоящими мужинами, съ людьми, достойными ея восторговъ, ея удивленія, ея любви, съ людьми равными ей по уму и по сердцу, и устояла въ своемъ всеобщемъ презрѣніи, въ своей величественной великодушности, такъ это было бы любопытно, какъ фактъ, и достойно великаго характера, какъ борьба убѣжденія и женской мудрости съ страшнымъ искушеніемъ. Презирать дравъ — не большая хитрость. Стоить ли марать себѣ сердце презрѣніемъ, для такихъ мужчинъ, какихъ умная Зоя любила или какіе домогаются любви отъ нея! По моему доброму сердцу, эти печальные уроды, ни мужины ни женщины, заслуживаютъ скорѣе состраданія чѣмъ презрѣнія; я, много, много, что принялъ бы трудъ валить на нихъ спирту и отправить ихъ въ закупоренныхъ стекляныхъ банкахъ въ тератологическій кабинетъ.

Этимъ я ни мало не критикую драмы, доставившей мнѣ при чтеніи огромное удовольствіе: я только защищаю мой слабый, угнетаемый полъ противъ страшныхъ кровавыхъ обидъ, которыя, вынче болѣе чѣмъ когда-нибудь, стали дѣлать ему писательницы наши, въ доказательство, что у нихъ есть столько же, если не болѣе, таланта, ума, и дару слова, какъ и у нашего бѣднаго, «презрѣннаго» пола. Мнѣ неловко видѣть себя, съ моими усами, съ моей бородой, между такими мужинами. Это ужасно обидно! Я не говорю, чтобы такихъ мужчинъ не водилось на свѣтѣ, гдѣ водятся и лягушки, и комары, и крапива, и устрицы; но я утверждаю, что они не стѣлятъ ни презрѣнія, ни даже самой обыкновенной вещи, любви, и что умныя женщины не должны обращать вниманія на ихъ существованіе. Развѣ дураки — общество для умныхъ?... Фи!

Послѣ того, чтò сказано о родѣ мужчинъ, являющихся на сцену

въ этой очаровательной женской драмѣ, можно ожидать, отъ нихъ, что паріи будутъ приняты; мосѣ Валентинъ навиваетъ одного охотника, который, негодяй, безъ возраженія берется испугать лошадь и заставить дѣвушку свадиться съ сѣдла. Самъ Валентинъ поспѣшаетъ верхомъ въ условленное мѣсто, гдѣ все состоялось по гнусному заговору. Зоя упала съ лошади. Разумѣется, что Валентинъ, какъ и должно быть въ драмѣ, успѣлъ во-время подставить руку подъ шею, которая уже начинала ломаться. Онъ — спаситель Зои. Послѣ этой опасной, жестокой, отвратительной продѣлки, на которую конечно не рѣшился бы даже никакой живой полу-мужчина, онъ получаетъ позволеніе провожать героиню до ея барскаго дому, или ея замка, гдѣ все — чудесно, все — отрадно, все — наполнено выписными Нѣмцами и французскою стариною, гдѣ не видно ничего отечественнаго. Но гордая презрительница мужинъ не пуститъ его въ свой домъ, будь онъ сто разъ ея спасителемъ, и мосѣ Валентинъ, подѣзжая, вдругъ такъ удачно сваливается самъ съ лошади, что вышибаетъ себѣ ногу съ корнемъ, не сдѣлавъ своей особѣ ни малѣйшаго вреда. Его переносятъ въ домъ, безъ чувствъ. Несравненная хозяйка хлопочетъ сама о перевязкѣ, о докторахъ, о спасеніи добраго человѣка, находящагося въ ложной опасности. Валентинъ остается въ ея домѣ мѣсяцъ, два, три. Онъ уже курить сигарки, ходитъ на костыляхъ такъ свободно, какъ будто во весь вѣкъ то и дѣло ломалъ себѣ ноги, и очень живописно раскидывается на диванахъ ея кабинета. Они подружились. Они даже короткіе друзья. Но Валентинъ ни въ чемъ не успѣваетъ у Зои, которая, вспомянувъ старое ремесло, кокетничаетъ съ нимъ безпошадно, не на животъ, а на смерть. О! если бъ вы видѣли ея, благородные читатели, за эту прелестную и страшную работой, на которую она такая мастерица! Какъ она тутъ умна, ловка, очаровательна! Сколько въ ней гевія! сколько поэзін!... И какое ничтожество, возлѣ нея, этотъ мерзавецъ, который уже влюбился въ Зою серьезно, силится быть мужчиною въ рѣчахъ, и успѣваетъ только лепетать ребячества! «Я шутъ! я дуракъ!...» восклицаетъ онъ про себя въ отчаяніи. Онъ слишкомъ скромнень!

Однажды пошло у нихъ дѣло на откровенность, и Зоя сказала ему... счастливъ былъ бы Валентинъ, если бъ въ миллионной долѣ умѣлъ онъ говорить такъ прекрасно!... но онъ такъ глупъ!... онъ *говоритъ какъ есъ они*, какъ всѣ мужчины!... и ничего лучше сказать не умѣетъ!... удивительно, какъ она, Зоя, которая говорить совсѣмъ не какъ *есъ они*, всѣ женщины, соглашается вступать съ нимъ въ объясненія! Одивимъ словомъ, она сказала ему:

..Послушайте.... выжили вы меня
 Въ холодности, въ прохин, въ бездушныя...
 Вы удивлялись мнѣ, меня не знали!...
 Послушайте.... Такою стала я
 Не безъ причинъ, не даромъ! Я страдала,
 И много и жестоко

.
 Да, если я въ любви
 Не вѣрю и снѣюсь ей, если я
 Бѣгу людей, ихъ зависти и злобы,
 А пуще, ихъ предательской пріязни,
 И если мнѣ противно, ненавистно
 Все, что зовутъ влеченьемъ или страстью,
 И если неприступна я, горда,
 И не терплю, не позволяю вамъ
 Ни пламенныхъ рѣчей, ни похлещеній,
 О! это все былого горькій плодъ,
 Послѣдствіе мучительнаго горя...
 Какъ тотъ недугъ, что дико безобразитъ,
 И навсегда, младую красоту,
 Недугъ души, сердечная болѣзнь
 Опустошаютъ, губятъ сердце въ насъ.
 Я испытала ихъ!... Я перешла
 Черезъ всѣ уроки опытности тяжелой.
 Холодной быть, насмѣшливой, боятся
 И презирать.... купила право я
 Цѣною многихъ горькихъ слезъ!... Не вѣрять
 Ужъ никому на свѣтъ,
 Я научилась, я привыкла... Боже!
 Зачѣмъ и почему, — Ты только знаешь,
 Ты вѣдаешь про то, и понимаешь,
 Что выразить не въ силахъ я сама.

(Небольшое молчаніе)

Была я молода, добра, умна
 И хороша, какъ люди говаривали, —
 И я любила, свято и безумна,
 Какъ любить въ двадцать лѣтъ: къ чему все это
 Мнѣ послужило?... Бросили меня....
 Отринули меня.... Какъ сонъ мимолетный,
 Какъ легкую, ненужную мечту,
 Дѣйствительность отвѣла меня...

Какъ тѣнь, какъ дымъ, какъ призракъ предразсвѣтлый,
 Я на вѣсахъ расчета, противъ выгодъ
 И благъ вещественныхъ, лишь слишкомъ мало
 Казалась.... Такъ долой меня съ вѣсовъ!
 И тотъ, кого другимъ я предпочла,
 Кого межъ всѣхъ моя любовь избрала,
 Кому себя и все на свѣтъ я
 Смиренно въ ноги бросила, кому
 Я вѣрила, какъ жрица божеству,
 И какъ раба служить готова....
 Онъ отъ меня отрекся!... Онъ уѣхалъ...
 Онъ разлюбилъ.... утѣшился.... онъ счастливъ!...

(Молчаніе.)

Однако, за него была порукой
 Высокая душа: въ немъ сердце билось,
 Доступное всѣмъ чувствамъ благороднымъ....
 Но свѣтъ межъ нами сталъ.... свѣтъ побѣдилъ,
 А женщина для свѣта что?... игрушка!...

(Она закрываетъ себѣ лице руками, но только на минуту, потомъ, пересиливъ свои чувства, пожимаетъ плечами, и болѣзненно хохочетъ. Наконецъ, говоритъ сухо и принужденно.)

Но я съ ума сошла!... Къ чему рассказы?
 Зачѣмъ пустая рѣчь о быломъ?...
 Простите мнѣ за непримичный бредъ;
 Я право думаю, что шарлатанъ .
 Разстроилъ нервы мнѣ, что я въ волнении
 Отъ глупаго ребяческаго страха
 Чего-то чуднаго....

ВАЛЕНТИНЪ, съ искреннимъ чувствомъ.

Нѣтъ, ради Бога!

Нѣтъ, не таште вашихъ чувствъ и слезъ....
 Себя со мной не принуждайте, Зоя!...
 Я другъ вашъ.... другъ по истинѣ, безъ лести
 И безъ обмана.... Васъ я полюбилъ,
 Не знаю самъ какъ и когда.... Быть можетъ,
 Въ тотъ самый разъ, въ тотъ самый первый мигъ,
 Когда васъ встрѣтилъ я.... Теперь мнѣ жизнью
 Моя любовь и вы!... Не вѣрьте мнѣ,
 Меня не понимайте, не любите —

Я все вашъ рабъ, я ваше достоянье....

Принадлежу, какъ вещь, вамъ....

з о л, съ жаромъ, почти вскрикивал.

Замолчите!...

Ахъ! всѣ они все то же говорить....

ВАЛЕНТИНЪ.

Слова одни и тѣ же, люди разные
И чувства ихъ.... Кто лжетъ, кто говоритъ
Отъ полноты, отъ глубины сердечной....

з о л.

Всѣ лгутъ!... Вы тоже!... Да, ручаюсь вамъ!
Теперь вы подъ вліяніемъ каприза,
Мгнутаго вспышки страсти.... Э! пройдетъ!
Пройдетъ совсѣмъ и скоро!...

ВАЛЕНТИНЪ.

Никогда!...

з о л, горько.

Онъ говорилъ, какъ вы.... И чтò жъ, онъ лгалъ!
Когда и онъ могъ измѣнить, оставить,
Кому жъ на свѣтѣ вѣрить? и кого,
Кого любить?...

ВАЛЕНТИНЪ.

Другаго!... Не судите

По одному несчастному примѣру....

з о л.

Кто жъ вамъ сказалъ, что лишь одинъ примѣръ
Я видѣла обманы и измѣны?...

Нѣтъ! погодите! Слушайте опять :

Не кончилась рассказъ печальный мой,

Не кончилась жизнь, всѣмъ испытаньямъ

Заразѣй обреченная. Прошло

Лѣтъ нѣсколько надъ первымъ моимъ горемъ,

Надъ первою борьбой ужасной,

Но нужной, но полезной; я окрѣпла,

Возвысилась, и лучше стала. Долго

Лечила я свою больную душу

Чужбиной, страствіемъ и повизной;

Вездѣ была, все видѣла на свѣтѣ,

Что стоить быть увидишь: и вотъ,
 Опять я въ общество вступила; стала
 Искать друзей, привычекъ, узъ сердечныхъ.
 Самъ Богъ сказалъ, что человѣку худо
 Быть одному; а женщинѣ труднѣе,
 Не правда ли?... Межъ всѣхъ пустыхъ знакомствъ
 Я женщину одну нашла. Она
 Была меня умомъ и мыслью выше,
 И опытнѣй; природа ей дала
 Всѣ прелести, всѣ чары, всѣ приманки,
 Завидовать ужъ нечему ей было
 Ни у меня, ни у другихъ. Я ей
 Всѣмъ сердцемъ предалась; она въ награду,
 Какъ другъ, мнѣ измѣнила, и, какъ врагъ,
 Вредила мнѣ.... Еще урокъ.... и тяжкій!....
 Вы думаете все.... О, нѣтъ еще!
 Вы слышали, какъ бросили меня,
 Какъ предали.... Теперь я вамъ скажу,
 Какъ позабыли!... Въ свѣтѣ любопытство
 Преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ, о комъ молвъ
 Разъ удалось романъ поймать и выдать;
 И всѣ бѣгутъ за женщиной, когда
 Преданьемъ о любви бывою она,
 Какъ облакомъ таинственность страстной,
 Обложится.... Другой меня любилъ,
 Невольно, безсознательно; онъ молодецъ,
 Онъ пылокъ былъ, и увлекать не могъ
 И не умѣлъ. Но увлеклася я
 Надеждой чувства новаго.... Хотѣлось
 Ожить мнѣ сердцемъ, видѣть близъ себя
 Опору, друга, счастье!... Обиѣялись
 Мы словомъ и обѣтомъ.... Срокъ назначенъ
 Союзу нашему.... разлукой краткой
 Мнѣ испытать его хотѣлось: я
 Поѣхала сюда, чтобъ уготовить
 Ему прїездъ желанный.... Жду его,
 А онъ, онъ предается развлеченьямъ,
 Онъ тѣшится успѣхомъ въ вихрѣ свѣта,
 И черезъ мѣсяцъ онъ меня забыть!

(Переставши говорить, она, какъ утомленная, садится, но продолжаетъ глядѣть на Валентина.)

валентинъ, съ покрешникъ участіемъ.

Вы впрямь: вы испытаны судьбою,
 Людямъ и свѣтомъ вы уязвлены!
 Зломъ за добро платили вамъ, — измѣной
 За дружбу и любовь!... Вамъ можно быть
 И шителъной и строгой; сомнѣваться
 Вамъ должно!... Васъ теперь постигаулъ я!
 Но, за меня, пусть время вамъ докажетъ....
 Теперь я замолчу!.. Позвольте только
 Визъ васъ, у вашихъ ногъ, остаться мнѣ;
 Терпите лишь меня!

зоя, подавая ему руку.

Благодарю безъ словъ! Оставайтесь здѣсь,
 Но общать, но лстить надеждой ложной
 Не стану, не могу. Простите мнѣ!...

Одного только не одобряю я въ этой удивительной, мастерской рѣчи Зои, а именно, что она, такая умница, *любила свято и безумно*. По-мнѣ, умные люди должны, обязаны, любить свято и умно. Одна только умная любовь и хороша, и свята. Кто любитъ безумно, тотъ имѣетъ только право пенять на свою глупость, а презирать другихъ ему, собственно, не должно.

Хорошихъ голубчиковъ выбрала себѣ для любви безконечно умная Зоя! Одинъ, главный *Онъ*, бросилъ и забылъ ее, послѣ клятвъ, послѣ обрученій, потому что былъ кое-какія предубѣжденія противъ Зои, которыя онъ могъ бы отклонить, уничтоживъ клевету, выведенную злыми людьми на его прекрасную невѣсту. Другой *Онъ* бросилъ, позабылъ и предалъ ее, соблазвившись ея пустынькой подругою. Третій и послѣдній *Онъ* общалъ пріѣхать къ ней въ деревню и жениться, и не пріѣхалъ: пошелъ волочиться за свѣтскими куклами, которыя и въ подметки ей негодились. Надо же родиться подъ такой несчастной звѣздой, чтобы, съ такою красотою, съ такою любезностью и, главное, съ такимъ приданымъ, попадать все на невѣрныхъ жениховъ! Нѣтъ, рѣшительно мужчины не такъ глупы. Это клевета на насъ. Мы, въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, ужасно любезны.

Причина, по которой Зоя избирала для своей любви такихъ ничтожныхъ изверговъ, состояла, какъ кажется, главнѣйше въ томъ, что они были *равны ей по званію*. Но это совсѣмъ не причина. Вотъ если бы они были равны ей, и по званію, и по уму, и по благородству образа мыслей, такъ — дѣло другое.

Значить, она плохо играет въ этотъ преферансъ — не уиетъ выбирать мастей! Зоя утверждаетъ, что первый Онъ отличался однако жъ *высокою душою*, что въ немъ билось *сердце, доступное всемъ чувствамъ благороднымъ*. Она ошибается. Это, престо, оптический обманъ «безумной» любви. Но вотъ наконецъ, послѣ долгой разлуки, онъ вдругъ является къ ней шутомъ, съ накладной бородой, въ мантии театральнаго волшебника, узнавъ, что Зоя по примѣру многихъ очень умныхъ людей вѣритъ предсказаніямъ и ожидаетъ къ себѣ знаменитаго колдуна рунгадателя. Зоя узнала его. Правда, она обошлась съ нимъ по заслугамъ. Но не въ томъ дѣло: зачѣмъ она любила такого мучачну?

зоя.

Зачѣмъ вы здѣсь?

графъ Юрій.

Съ повинной головою,

Съ изнывшимъ сердцемъ.... я, у вашихъ ногъ,
И жду.... жду слова вашего иль взора....
Что скажете вы мнѣ въ свиданья часъ,
За столько лѣтъ мучительной разлуки?

зоя, сухо, твердо и спокойно.

Чего вамъ ждать?... Вамъ, отъ меня?!... И что,
Что *вамъ* сказать могла бы я?!

Отворачивается отъ него.

графъ.

О Зоя!

Вы мстительны?... Какъ будто бѣ не стояли
Вы всякой мести выше....

зоя, медленно и очень твердо.

Я не мщу,

Но я уже не знаю больше васъ!...
Вы мнѣ чужой.... вы стали постороннимъ....
Мнѣ странно видѣть васъ....

графъ, грустно и почти со слезами.

И до-сихъ-поръ

Вы не простили мнѣ измѣны мнимой?...

зоя.

Простить могу, забыть я не умѣю!...
Добро и зло равно живутъ во мнѣ
Воспоминаемъ свѣтлымъ или мрачнымъ;

Обидчиву презрѣнье! Но обида
Язвительной стрѣлой въ душу моей
Останется.... на вѣкъ!...

ГРАФЪ.

Вина моя
Была, вы сами знаете, невольна!
Но измѣнилъ я, не забылъ я васъ,
Я удался, покоряя судьбѣ....
Но сердце было вѣчно полно вами,
Одною вами.... Много я страдалъ,
Считался по безрадостному свѣту,
И вотъ, свободный, я пришелъ, я здѣсь
Я васъ люблю.... а вы?... Вы какъ врага
Встрѣчаете меня!

ЗОЯ, презрительно.

Вы мнѣ не врагъ,
Но и не другъ!... Давно мы разошлись,
И жребій разрознились камни....
Отъ васъ отвыкла я.... при встрѣчѣ съ вами
Какъ будто льдомъ сковало грудь мою,
Какъ будто смерть повѣяла на душу....

ГРАФЪ.

И прошлое, — оно совсѣмъ забыто,
Оно вамъ ненавистно?....

ЗОЯ, съ горечью.

Нѣтъ, оно

Прошло!...

ГРАФЪ, съ страстною любовью въ выраженіи.

Но если вы когда-то нарекали
Меня достойнымъ васъ, — о! Зоя, Зоя!
Взгляните, я тотъ самый Юрій вашъ,
Я лучше, я достойнѣе теперь,
Испытанный и горемъ и борьбою....
И я люблю васъ, пламенный, вѣжливѣе.
Моя судьба, и жизнь моя, и самъ я,
Все, все у васъ въ рукахъ.... теперь, вовеки
И навсегда!...

Онъ съ возрастающими чувствами приближается къ ней, и, кончая, очутился предъ нею на колѣняхъ.

Т. III. — Отд. VI.

ЗОЯ, ГЛЯДИТЬ НА НЕГО ДОЛГО И СЪ
ГРУСТНОЮ ДУНОЮ.

Такъ это вы!... Вы, Юрій,

По прежнему у ногъ монахъ...

Молчаніе.

И что же?...

Глядите мнѣ въ глаза: мой духъ спокоенъ,
Какъ взоръ монахъ давно уснувшихъ предковъ....

(Показываетъ рукою на фамільные портреты.)

Подайте вашу руку!

(Кладетъ его руку на свое сердце.)

Посмотрите:

Мое недвижно сердце, — или бьется
И медленно и ровно, какъ тогда,
Когда свои цвѣты я поливаю,
Или кормлю любимыхъ птицъ ручныхъ....
Что? Какова я?.... Видите, меня
Такою сдѣлали вы сами, графъ,
Вы, жизнь и свѣтъ;...

ГРАФЪ.

Смотрю на васъ — и вижу,

Лицомъ не измѣнились вы, — все та же
И красота и свѣжесть, то же пламя
И та же дума во взорѣ чудныхъ глазъ,
Какъ будто бы вчера я васъ оставилъ;
А между тѣмъ, гдѣ Зоя прежнихъ лѣтъ?
Что случилось съ ней? гдѣ сердце? гдѣ душа?...

ЗОЯ.

Я говорю вамъ, все убили вы!
Вы первый познакомили меня
Съ обманомъ, съ недоувѣрчивостію, съ горемъ....

ГРАФЪ,

О Зоя! виноватымъ я казался,
Но не былъ виноватъ! —
Когда бы вы могли, когда бъ хотѣли
Прочестъ въ монахъ полу-угасшихъ взорахъ,
И на челѣ, избородженномъ рано
Слѣдами скорби, повѣсть дней монахъ
Испепеленныхъ въ зноѣ лихорадки.
Безъ Зои и безъ счастья,
И безъ любви, я прожилъ, я истратилъ

Невозвратно лучшіе годы
 Моей ненужной жизни. Тщетно я
 Искать вездѣ разсѣянья или страсти;
 Наврочно жаждалъ я хотя забвенья,
 Хотя покоя.... Нѣтъ! Вашъ свѣтлый образъ
 За мной бродилъ, какъ призракъ гробовой,
 Томилъ меня какъ ангелъ-укоритель,
 И память счастья прошлаго была
 Мнѣ вѣчно таготѣющимъ проклятьемъ....
 Неумолимы вы!....

з о я, съ отчаяньемъ.

Зачѣмъ пришли вы?....

Зачѣмъ возобновлять былое горечь?...
 Давно я истребить въ себѣ успѣла
 Несносный говоръ памяти упрямой;
 Я даже — полюбить хотѣла вновь,
 Надѣялась привязанностью новой
 Любви мнѣнувшей голосъ заглушить....
 Не удалось!.... Но я была покойна;
 Я примирилась съ долею земною;
 Молитвой и мечтой, въ уединеньѣ,
 Увращевала я больное сердце;
 И, видитъ Богъ! ни злобы, ни упрека
 Ужъ не было во мнѣ: но вы явились,
 Но съ давней раны сняли вы повязку,
 И слова кровь живая заструилась....
 И снова больно, душно, тяжело мнѣ!....

(Она плачетъ.)

Уйдите, ради Бога!.... Я молю васъ,
 Уйдите, графъ!....

Г Р А Ф ъ.

Постойте!.... День еще
 Пробыть мнѣ дайте съ вами!.... Успокойтесь!

з о я.

Я слишкомъ васъ любила, чтобъ теперь
 Мнѣ какъ чужаго васъ встрѣчать и видѣть!
 Мы слишкомъ были близки, чтобы намъ,
 Теперь едва знакомымъ, постороннимъ,
 Сходиться равнодушно! Другъ для друга
 Мы умерли! зачѣмъ же мертвецовъ
 Намъ воскрешать, и тѣни ихъ тревожить?....

ГРАФЪ.

Пусть время васъ приучитъ по немногу
Сперва ко мнѣ.... потомъ къ любви моей!....
Зол. съ грустною улыбкою.

А тамъ?.... Нѣтъ, не могу!.... Когда хотѣте,
Чтобъ видѣть васъ могла безъ гнѣва я,
Забудь меня заставьте!.... Истребите
И мысль и память заодно во мнѣ!....

ГРАФЪ.

Что дѣлать мнѣ, чѣмъ заслужить предъ вами
Прощеніе и миръ? Чѣмъ доказать,
Какъ пламенно, какъ искренно люблю я?
Зол. качая тихо головою.
«Вы любите?.... я вѣрю вамъ!.... но я, —
Я не могу любить!.... теперь ужъ поздно!....»

ГРАФЪ.

О Зоя! вы такъ молоды, такъ пылки!
Такъ много лѣтъ еще осталось вамъ
Прожить, почувствовать: еще, быть можетъ,
Пора любви для васъ не миновала,
Возможность счастья не прошла для васъ!....

Зол.

Но счастье — ужъ не вы....
(Молчаніе; она встаетъ медленно).
Теперь довольно!

И голова и сердце все въ волненіи;
Была демонъ надъ душой моею
Паритъ какъ хищный воронъ; онъ твердитъ мнѣ
О страшныхъ испытаніяхъ, о пыткахъ,
О всемъ, мною пережитомъ.... Надо мнѣ
Заговорить враждующую силу
Въ спасительной тиши! (Уходитъ.)

Необыкновенная сила таланта, доказываемая такъ превосходно задуманными, такъ удивительно изложенными сценами, обязуетъ писателя ко многому. Это уже не одно изъ тѣхъ произведеній, отъ которыхъ критика можетъ отдѣлаться какимъ-нибудь поверхностнымъ разсужденіемъ. Въ немъ такъ много, и такихъ рѣдкихъ достоинствъ, и драматическихъ и поэтическихъ, что указать на недостатки, поражающіе основательнаго читателя, значитъ — оказать уваженіе высокому таланту автора. Мужчины въ «Не-

людинокъ — слишкомъ недостаточны: даже вѣя Зоя унѣе ихъ. Зоя — верхъ совершенства, Минна — удивительная милашка; вѣя — чудный портретъ старой преданной слуги-воспитательницы. Но мужчины, мужчины!... я не могу придумать имъ другаго названія, какъ сказать, что это — *женскіе мужчины*, или, другими словами, такіе мужчины, какими наружно можетъ-статься и кажутся мы умнымъ женщинамъ, которыя, при всемъ умѣ своемъ, не живали никогда въ нашей мужской кожѣ и, слѣдственно, не знаютъ коренныхъ чувствъ пола, всегда имъ страшнаго и неподзрительнаго.

Такой гениальной писательницѣ довольно лишь указать на слабую сторону творенія: она, я увѣренъ, мгновенно прифитить сама справедливость упрека. Если я распространился о художественной неестественности мужчинъ, выведенныхъ въ «Нелюдинокъ», то единственно потому, что, я знаю, на меня грозно возстанутъ всѣ женщины, несъ этотъ вѣжливый любящій полъ, который теперь — въ восторгѣ отъ чудной драмы, гдѣ мужчины такъ поэтически зарѣзаны ножомъ презрѣнія, в который не дозволяетъ видѣть въ ней ни одного несправедливаго слова. Когда насъ рѣжутъ, да будетъ же намъ позволено по-крайней мѣрѣ кричать — караулъ! Это не критика. Кто же станетъ любить насъ, если такой доносъ на наши бороды останется безъ опроверженія?

До сихъ поръ я не говорилъ перепуганнымъ читателямъ о самомъ главномъ ужасѣ этого доноса. Чтобы умаслить ударъ, въ началѣ драмы представляютъ, будто людей вообще любятъ, а *презираютъ* только кое-кого, за личныя обиды, и то преимущественно въ томъ классѣ общества, къ которому принадлежатъ героиня. Но потомъ, мало-по-малу, изъ подтишка, очень искусно увѣщаютъ въ яму отверженія всѣхъ мужчинъ безъ исключенія, всѣхъ насъ вдругъ, безъ различія званія, класса и націи. Стѣбитъ только брить себѣ бороду, чтобъ тѣмъ самымъ быть уже ужасною ужастей. Возмѣ драмы между образованными людьми, баловнями фортуны, между Зоей съ одной стороны, и Валентиномъ и Юриемъ съ товарищи съ другой, введена въ дѣло, съ превосходнымъ искусствомъ, полная особеннаго интересу контра-драма, маленькое, но совершенно необходимое и тѣсно связанное съ главнымъ предметомъ дѣйствіе между двумя сердцами необразованными, простыми, свѣжими, и при томъ еще вѣнецкими: что сдѣлано съ коварнымъ умысломъ; потому что мы обыкновенно предполагаемъ въ Нѣмцахъ болѣе честности и добродѣтели, чѣмъ въ насъ самихъ.... словомъ, между двумя колонистами Зои, мамзель Минною и Готлибомъ. Мамзель Минна

влюблена въ Готлиба. Готлибъ влюбленъ въ мамзель Минну. Это однако жъ не мѣшаетъ Готлибу — такой онъ извергъ! такой мужчина!... даромъ, что простой работникъ и еще Нѣмецъ! — при-
 волакиваться въ сосѣдней городкѣ за мамзель Аннетъ, у кото-
 рой, по его расчету, приданого должно быть болѣе чѣмъ у Ми-
 ны. Бѣдная невеста его плачетъ, горюетъ. Зоя утѣшаетъ ее. Въ
 ту минуту, какъ вы полагаете, что они уже разошлись совершен-
 но, что дѣло кончилось, Готлибъ прибѣгаетъ въ попыхахъ, въ го-
 рѣ, въ отчаяніи, съ повинною головою: и онъ, дурачина, съ тѣмъ
 же какъ и тотъ другой, изящный и образованный Юрій!... Чтѣ
 такое случилось? отчего Готлибъ опять влюбленъ въ Минну и
 хочетъ на ней жениться? Ничего! Въ городкѣ была трупна вол-
 тижеровъ, и его несравненная мамзель Аннетъ вдругъ *улысалась*
съ ними на телешкумъ, съ розова шляпкумъ на голофѣ.... Но мудрая
 Зоя не можетъ допустить до этого; она выдаетъ Минну замужъ за
 Ивана Алексѣевича, который, правда, носитъ бородку, да зато
 расторопный парень, нажилъ копѣйку, и ведетъ себя исправно.
 Зоя собственноручно убираетъ ее къ вѣнцу съ человѣкомъ,
 котораго эта дѣвушка не любитъ. Спрашивается, почему же
 сама она, Зоя, не прибѣгнетъ къ этому рецепту земныхъ радо-
 стей? Явственно, что, по ея философіи, любовь вовсе не нужна
 для счастья въ брачномъ существованіи. Всякая причина къ не-
 людяности уничтожается этимъ поступкомъ героини, а между тѣмъ
 она остается нелюдимкою по-прежнему, и еще болѣе прежня-
 го!... Презрѣніе ко всѣмъ мужчинамъ еще усиливается въ ней.
 Непремѣнно, это — болѣзнь. Сыворотка! сыворотка!... самое луч-
 шее средство!

Вы слышали, какъ Зоя сказала Юрію, что она любитъ, но уже
 не его, а кого-то другаго. Юрій немедленно сообразилъ, что этихъ
другихъ долженъ быть Валентинъ, который *считворяется* уни-
 женнымъ, больнымъ, и давно живетъ у ней въ домѣ. Они встрѣ-
 чаются, и, случается то, чего и слѣдовало ожидать отъ двухъ
 такихъ дѣтскихъ мужчинъ. Эти честные господа не придумали
 ничего умнѣе какъ стрѣляться, и гдѣ-же? — *въ паркѣ хозяйки!*
 возлѣ дому дѣвушки, оказывающей имъ гостепрѣимство, съ опас-
 ностью навлечь на нее злословіе молвы. Въ этомъ неслыханномъ
 поступкѣ не видно, не только *высокой души* Юрія, но даже самой
 дешевой мужской деликатности. Зато же Зоя и отдала ихъ по-
 рядкомъ. Дворецкій успѣлъ увѣдомить ее, что въ саду почтенные
 гости собираются состряпать маленькое смертоубійство для петѣ-
 хи и въ особенное одолженіе несравненной барышни.

30 я.

«О! вы здѣсь собрались не даромъ!... Вы

О чемъ-то важномъ важно говорили....

(Подходить къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ лица съ пистоле-
тами, потомъ къ Евгению, и заставляеть его показать другіе,
которые у него въ рукахъ.)

Оружіе?... зачѣмъ?... что это значитъ?

Какъ, вы хотѣли драться?... Понимаю!...

(Строго оборачиваясь прежде къ Валентину, потомъ къ графу).

Вы въ ссорѣ!.... Но за что?... Межъ васъ, едва

Знакомыхъ, что за споры?... за кого?...

А если за меня, — кто вамъ далъ право,

Тому или другому, выставять

Законною или тайною причиною

Своей вражды, своихъ кровавыхъ ссоръ,

Какую-то безумную любовь

Ко мнѣ, равно вамъ чуждой? Кто позволилъ

Обоимъ вамъ надменно ревновать,

Соперничать, оспаривать меня?...

Исканья ваши чѣмъ я ободрила?...

Чѣмъ можете хвалиться? Что вы мнѣ?...

Я не сестра вамъ, не жена, не дочь,

Я не люблю васъ.... слышите! — Равно

Вы оба чужды мнѣ, не милы оба!

Ревнуютъ лишь свое добро : но вы?...

Присвоивать меня, какъ смѣли вы?

Вы отъ меня ни полминуты жизни,

Ни бѣглой мысли въ головѣ моей

Не получили въ даръ.... Вы (Валентину) модный львенокъ,

Вы, вѣтренникъ, заочно оскорбили

Самовадьяннымъ, хвастливымъ плавомъ

Меня, вамъ незнакомую; (къ графу) а вы....

Вы столь виновный прежде предо мной,

Вы вздумали отыскивать прѣва,

Затеряныя въ давности забытой....

Отвергнутые оба, вы искали

Одинъ въ другомъ виновника досады

И неуспѣха.... Другъ на другѣ вы

Отметить хотѣли за урокъ неожиданный,

За гордость узвлеленную.... Никто,

Никто не вспомнилъ, что пришлось бы мнѣ

Въ пролитой крови отвѣчать предъ свѣтомъ, —
 Не передъ Богомъ, — нѣтъ! съ небосъ далекнхъ
 Всевидящее Око проникаеть

Во глубины всѣхъ мелочей земныхъ :

Подъ нимъ, какъ передъ совѣстью своею,
 Безвинна и чиста была бы я!

Но свѣтъ вашъ?... что бъ о мнѣ подумалъ онъ?

(Скрестивъ руки на груди, она остается недвижна, смотря попеременно на обонхъ.)

Вы поступили дерзко, недостойно!...

Вели себя какъ дѣти!... и за то

Я какъ дѣтей браню васъ.... Право, вамъ

Днаюсь я, господа.... и вамъ не стыдно,

За этотъ пошлый гнѣвъ?... Передо мной

Вы оба не краснѣете за взыску

Такихъ ничтожныхъ чувствъ?... Прийдя въ себя,

Опомнившись, вамъ не смѣшаетъ теперъ

Вашъ давншнй раздоръ?....

(Поспѣшно идетъ отъ одного къ другому).

О! смѣйтесь, смѣйтесь!

Другъ другу дайте руку!... Чтобъ забвенью

Скорѣй отъ васъ самихъ на вѣкъ сокрыло

Комедию, разыгранную здѣсь!...

(Валентинъ и графъ подають другъ другу руки.)

Вотъ такъ-то!... Вѣрьте мнѣ, оно умнѣе,

И болѣе вамъ чести принесеть!

Зоя обращается съ ними какъ съ дѣтми — и подѣломъ! Прочувствивъ этихъ школьничковъ, она удалется съ гордымъ презрѣннемъ, всегда великая и достойная удивленя, отъ начала до конца. Пожалуй! можно, отъ нечего дѣлать, и презирать; но еще разъ скажу: стѣять-ли такіе мужчины презрѣнія?

Изъ уваженя къ моему почтенному полу, я не хочу списывать бесѣды ихъ послѣ этого жестокаго урока. Если бы мнѣ не жалъ было прелестныхъ стиховъ графини Ростопчиной, я бы вырвалъ всѣхъ этихъ мужчинъ изъ ея книги.

Но вотъ что значитъ имѣть дѣло съ очень умными людьми! Я вдругъ начинаю сомнѣваться въ своей собственной проникательности. Полно, не смѣется-ли самъ авторъ надъ своей героиней, Зоей, представляя нелюдимку такой великою женщиной и презрѣніе ея къ людямъ такимъ подвигомъ прекрасной души? У тонкихъ

умовъ между хвалою и порицаніемъ такой безусловный отгвѣнокъ! Нѣтъ, лучше не разбирать. Вопросъ затруднителенъ. Но если бы это кажущееся величіе Зои было только провѣй надъ нелюдиностью, какъ въ «Мизантропѣ» Мольера, нѣтъ сомнѣнія, что драма приобрѣла бы новое, и весьма высокое, достоинство.

Но полно о драмѣ. За ней мы чуть не забыли сокровищъ исторической мудрости, предлагаемыхъ господиномъ Погодинымъ.

1. Князь Андрей Юрьевичъ Боголювскій. *Сочиненіе* М. Погодина. (Москва, 1850, въ-8).

2. Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи. М. Погодина. *Періодъ удѣльный, 1054—1240.* (Москва, 1850, въ-8, томъ IV).

Первое изъ этихъ двухъ твореній ученаго московскаго археолога, романиста, путешественника, и прочая — книжечка, малая по объему, но великая по смыслу. Господинъ Погодинъ пишетъ русскую исторію, полную, непрерывную. О первомъ ея періодѣ, отъ начала государства до монгольскаго ига, онъ написалъ три тома повѣствованія, и осемь томовъ исслѣдованій и замѣчаній, изъ которыхъ осми томовъ четыре вотъ уже напечатаны. Книжечка, именуемая «Князь Андрей Юрьевичъ Боголювскій», представляется публикѣ какъ образчикъ историческаго повѣствованія господина Погодина, и онъ проситъ публику сказать ему откровенно свое мнѣніе, что это будетъ за исторію.

Но онъ предваряетъ, что въ этомъ образчикѣ есть многое, чего не будетъ въ его исторіи и, наоборотъ, здѣсь вылучено многое изъ того, что въ исторіи будетъ.

Нужды нѣтъ. Все-таки судите по этому образчику и скажите господину Погодину: хороша ли, какъ вы думаете, будетъ его полная русская исторія?

Я однако жъ, покаместъ, предпочитаю его «Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи». Читая эти сухія и тяжелыя страницы, часто заснемъ надъ ними отъ скуки, но всегда чему-нибудь изъ нихъ выучимся. По части русской исторической археологій, каждый трудъ господина Погодина для меня уважителенъ. Старинный мусоръ онъ раскапываетъ терпѣливо, внимательно, и иногда удается ему находить слѣды золота.

=

РАЗНЫЯ НОВОСТЯ.

— Новый томъ «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ» изданъ Смирдинымъ. Въ этомъ томѣ заключаются «Сочиненія Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига».

— За недостаткомъ литературныхъ новостей, даже уже мы желали сообщить одно интересное художественное замѣчаніе тѣмъ изъ читателей, которые любятъ смотрѣть на живопись и собираютъ или имѣютъ у себя старинныя картины знаменитыхъ живописцевъ или семейные портреты прежняго времени. Эти драгоценныя холсты, лучшее и благороднѣйшее украшеніе жилища образованнаго человѣка, эти всегда открытыя книги, въ которыхъ наглядно выражалась мысль умнаго художника или семейная исторія, всегда бывающія покрыты полу-прозрачнымъ слоемъ нечистоты, сквозь который виднѣется только часть первобытныхъ красокъ, тогда какъ осталая часть кажется темными пятнами, поблѣвшими или испорченными кистями. Обыкновенно говорятъ: краски выцвѣли или потерѣли. Но это несправедливо. Краски сохраняются почти всегда въ цѣлости и во всей свѣжести, но онѣ, вмѣстѣ съ другими подробностями искусства, зарыты въ слой нечистоты, которая раскисляется во время какъ-бы запылениемъ и закрываетъ, не только настоящее выраженіе мысли художника, въ прежнемъ ея блескѣ, но и сама мысль. Копоть и пыль, ежедневно пристающая къ лаку механически, составляетъ основаніе этого слоя. Газы, находящіеся въ воздухѣ, химически соединяются съ поверхностью краски и разлагаютъ эту поверхность. Тѣніе полотна отъ сырости усиливаетъ это замѣненіе. Отчетливость кисти, мягкость или сила тоновъ, живость колорита, всѣ достоинства искусства копотятся и исчезаютъ въ слой въковой грязи, которой уже невозможно уничтожить обыкновеннымъ смыканіемъ. Довольно недавно вѣрныя почитались невозвратно состарившимися, а не только любителямъ, но даже галереямъ и художникамъ оставали ихъ вѣтаны въ некажennomъ видѣ: одно дилское воображеніе угадывало ихъ первоначальныя прелести, предполагая часто се воишь нечто, что было. Но, въ наше время, при современныхъ устѣлахъ прикладной химіи, при нынѣшнемъ познаніи дѣйствія веществъ однихъ на другія, зависящихъ отъ этого измѣненій въ видѣ, и способомъ противодѣйствовать имъ, въ наше время совершенно возможно

растворять эти грязныя краски и восстанавливать первобытный блескъ красокъ, съ сохраненіемъ всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ. Картина, можно сказать, умершая отъ старости, должна воскреснуть во всей красѣ юности, если наука примется за нее искусство. Колдовства тутъ нѣтъ ни какого. Мы нынче знаемъ, что когда цвѣтъ вещества блѣкнетъ или чернѣетъ, то этимъ онъ еще не уничтожается: поверхность его окислилась кислородомъ воздуха или поглотилась азотомъ, водородомъ, амміакомъ, углекислымъ газомъ и т. д.; но если изгнать изъ него эти постороннія примѣси, приличными реактивами, то предстоящій цвѣтъ вещества долженъ непремѣнно восстановиться. Надпись на поверхности нечистоты уступать тому же дѣйствию. Картина возродится въ первоначальномъ видѣ, если она не изорвана, не вытерта, не протерта, не продырявлена гнилью; а если доведена до такого состоянія, то и это несчастіе можетъ быть исправлено: давно извѣстны способы *реставраціи* картинъ посредствомъ переклеиванія старыхъ холстовъ на новые, заправки прорванныхъ мѣстъ, замѣненія уничтоженныхъ красокъ новыми, и такъ далѣе. Реставраторское дѣло только — дополненіе задачи. Главное состоитъ въ томъ, чтобы снять слой нечистоты, срощенной съ живописью втеченіе очень долгаго времени и восстановить первобытный колоритъ картины, обновить мысль и искусство художника, не измѣняя ихъ новѣйшею поддѣлкою.

Этимъ безцѣннымъ искусствомъ обладаетъ въ Петербургѣ одна дама, художница Императорской Академіи, госпожа Марія Куртъ. Древнія картины, почернѣвшія и поблѣкшія дотого что едва можно разобрать въ нихъ сюжетъ, выходятъ изъ рукъ ея блестящими, свѣжими, отчетливыми, какъ въ первые дни своего славнаго существованія. Въ мастерской ея (на Невскомъ Проспектѣ, противъ Думы, въ домѣ Рогова, возлѣ книжнаго магазина) можно видѣть картины знаменитыхъ мастеровъ и уважаемыхъ въ искусствѣ школъ, дорогіе холсты, которыхъ части уже отчищены и сіяютъ, мерцаютъ, горятъ, а четвертая часть оставлена въ прежнемъ видѣ. Глядя на это тяжелое, мрачное пятно, глазу не вѣрится, чтобы такіе переливы цвѣтовъ, такіа прелести кисти, столько сокровищъ искусства могли быть запрятаны въ этомъ еще не давно черномъ и безобразномъ холстѣ; чтобы такой свѣтлый и торжественный день тамъ, въ такой мрачной, туманной ночи. Тутъ же на-чисто видна эта толщина налипшаго слоя нечистоты; толщина, нерѣдко изумительная воображеніе, когда подумаешь, что такой плотной завѣски зрѣніе

прежде и не подозрѣвало на этой картинѣ. Сколько радости, для любителя искусствъ, при видѣ этихъ новорожденныхъ красоть, при соображеніи неожиданнаго достоинства, приданнаго прежнему угрюмому холсту, покрывавшему стѣну печалью руины! Новая Помпея открыта для его изумленнаго любопытства. Кажется, будто славный праждѣ всталъ изъ гроба и принесъ вамъ неожиданное богатое наслѣдство.

Госпожа Куртъ принимаетъ къ чисткѣ и реставраціи старинныя картины отъ всѣхъ, которые желаютъ ввѣрять ей эти памятники искусства. Она обновляетъ ихъ своимъ удивительнымъ искусствомъ очень скоро и за цѣну, которой нельзя не признать чрезвычайно умѣренной (по рублю серебромъ съ квадратной четверти аршина). Картины и портреты можно изъ провинцій отправлять къ ней по почтѣ или съ транспортами.

=

180.
110.

VII.

С М Ъ С Ъ.

—

КУЛИКИ И БЕКАСЫ. Въ одно прекрасное и теплое утро, еще до солнечнаго восхода, я отправился въ путь съ ружьемъ на млетъ. Я совсѣмъ не рождалъ быть охотникомъ; но въ нашемъ округѣ лучше потребовать дипломъ на глупость, нежели осмѣлиться на подобное признание. И такъ, чтобы угодить общественному мнѣнью, я всегда прогуливаюсь съ ружьемъ въ руки. Правда, молодой сосѣдь мой, промышленникъ, славный малый, подозреваетъ немножко, что подобное удовольствіе совсѣмъ не по моему вкусу. Онъ часто ошметъ надо мною. Еще недавно говорилъ онъ, что я не съумѣю отличить клюва петлицы отъ клюва бекаса и, говоря искренно, кажется, онъ былъ совершенно правъ.

Зрѣлище солнечнаго восхода прекрасно на горахъ. Розовые лучи, протягиваясь въ уровень съ землею, позлащали верхушки травъ. Все прозябающее распускалось, ежеживотворяемое теплымъ и влажнымъ вѣтеркомъ, который уже нѣсколько дней дулъ съ юго-востока; я слышалъ вдали, какъ онъ то вадымалъ волны горами, то снова разбивалъ ихъ одна за другою о морской берегъ.

Привлеченный этою чудною гармоніей (древніе не даромъ помѣстили сирень въ вѣдрахъ волнъ), я все ближе и ближе подходилъ къ морю, какъ вдругъ мнѣ показалось, будто что упало и покатилось по-

зади тернового куста. Я выстрѣлилъ и подбѣжалъ. Какая слава! Однимъ выстрѣломъ я попалъ въ пару птицъ. Я думаю впрочемъ, что усталость, столько же какъ и ружейный выстрѣлъ, способствовали ихъ паденію. Я посаивилъ воспользоваться добычею, чтобы похвастаться своими трофеями передъ женою. Она любитъ птицъ и умѣетъ распознавать ихъ, и я почти заранѣе былъ увѣренъ, что отъ нея узнаю настоящую цѣну своей добычи.

Она сядла въ амбразуру окна, съ ящичкомъ акварельныхъ красокъ; столъ былъ покрытъ гравюрами, кистями, бумагами, словомъ всеми принадлежностями ея занятія; я не рѣшался ее тревожить; но она увидѣла меня, протянула руку и, замѣтивъ мою добычу, тотчасъ овладѣла ею.

— Чудесныя голенастики! воскликнула она! И еще неизвѣстныя въ нашей сторонѣ, прибавила она, разсматривая ихъ; это можетъ быть первая пара такой породы въ здѣшнихъ мѣстахъ (Я ужасно возгордился)! Въдь это ни больше ни меньше, какъ пестрые бекасы въ своихъ свадебныхъ перьяхъ.

— Такъ это, возразилъ я, рѣдкая птица, *gaga avis*? Какъ же ты ихъ распознала такъ скоро? Какимъ образомъ? По какимъ признакамъ?

— А развѣ у нихъ не длинныя ноги? отвѣчала она, улыбаясь; три пальца напередъ и одинъ сзади, всѣ четыре стоятъ на землѣ и каждый палецъ отдѣльно, что даетъ возможность птицамъ, живущимъ на берегахъ или обитающимъ на болотахъ, ходить по зыбкому песку, шаткой тинѣ и добывать изъ высокой травы, камыша или тростника червячковъ и маленькихъ улитокъ, служащихъ пищею всей этой породѣ.

— Хорошо, прекрасно! вогъ что объясняетъ названіе голенастиковъ: ну, а что значать бекасы?

— О! ихъ длинный, тонкій клювъ говоритъ самъ за себя! Перья ихъ, испещренныя различными оттѣнками, отъ бѣлаго до воричневаго и чернаго въ видѣ волнъ, полукруговъ, косоугольниковъ, тоже принадлежатъ всей породѣ, только съ различными видоизмѣненіями, которая, не знаю почему, но я прочла это въ твоихъ книгахъ, называется *Scolopax*....

— Это касается до меня, прервалъ я въ восторгѣ, что въ свою очередь могу чему-нибудь научить; это названіе, данное, безъ-со-

миванія, по причинѣ длиннаго и прямаго клюва, происходитъ отъ греческаго слова, означающаго *коль*. Но почему ты думаешь, что этотъ родъ бекасовъ не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ куликовъ, летающихъ стадами ночью или на разсвѣтъ и обыкновенно появляющихся въ нашихъ странахъ осенью и весною? Дѣйствительно, эта прелестная пестрота оправдываетъ по справедливости названіе *пеструшекъ*, которымъ ты наградила эту породу; но имѣешь ли ты право называть ихъ такимъ образомъ? Я что-то подозреваю, не сама ли ты сочинила номенклатуру птицъ, которымъ приписываемъ свадебныя убранства.

Жена моя открыла портфель и принялась перебирать въ немъ; наконецъ вынула гравюру, вѣрно изображавшую обвѣхъ птицъ принесенныхъ мною, и положила ее передъ моими глазами.

— Ты видишь, названіе не мнѣ принадлежитъ. Не потому ли, что оно очень точно, ты, вѣрно, приписываешь мнѣ честь его изобретенія?

Вмѣсто ожидаемаго, вопль заслуженнаго комплимента, я принялся разсматривать рисунки, находившіеся въ портфель и вытасилъ оттуда гравюру, представлявшую яйцо, до-того пестрое, отътенное, исчерченное, что оно непременно должно было, по моему мнѣнію, происходить отъ той породы бекасовъ, которыми я завладѣлъ по праву побѣдителя. Но жена показала мнѣ названіе, подписанное внизу, и пыталась объяснить разницу и особенности породъ куликовъ и бекасовъ; но мнѣ показалось, что она сама запуталась въ своихъ объясненіяхъ. Она сказала, что между другими свойствами, у большей части куликовъ средній палецъ соединенъ съ наружнымъ тонкою перепонкою, чего не бываетъ у другихъ породъ.

Я внимательно разсматривалъ зеленоватые лапки птицъ, принесенныхъ мною и поднялъ ихъ на воздухъ; дѣйствительно, средній и наружный пальцы были слегка соединены.

— Ты сказала однако же, что это бекасы?

— Да, единственная порода имѣетъ это свойство, которымъ она подходитъ къ турухтанамъ. Морщины при началѣ клюва, маленькая плева на лапкѣ, вотъ что причисляетъ твою добычу къ породѣ птицъ, рѣдкихъ въ Европѣ, обыкновенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и которыхъ называютъ различными именами: *Scolopax grisca*, и *пестрые*

бекасы. Твои голубястники соединяютъ въ себя все эти шныра и еще многія другія, но милости своихъ зимнихъ и лѣтнихъ перьевъ.

Случая ее, и вынулъ изъ портфеля гравюру, на которой замѣтны два пальца, соединенныя вверху первого сустава. Поэтому и замѣчалъ, что турухтанамъ гораздо легче плавать нежели куликамъ; клювъ у него тоже короче, острѣе, на ногъ у подъяема, перьевъ гораздо больше; жена, замѣтивъ что большой палецъ такъ коротокъ, что едва касаетъ земли, прибавила: — «Какъ охотникъ, ты долженъ знать лучше меня, вѣроятно эта ланка оставляетъ на тѣлѣ и свромъ много другіе слѣды, нежели бекасы и кулики?»

До-сихъ-поръ я считалъ себя счастливымъ, если могъ наполнить мою сумку какой бы то ни было дичью, и не думать разсматривать ее такъ подробно. Теперь я усматривалъ въ охотѣ новую занимательность. Она могла служить къ изученію перелетныхъ птицъ, находившихся въ округѣ, исторіи ихъ, привычекъ, нравовъ, и жена могла участвовать въ этомъ пріятномъ занятіи, могла бы помогать мнѣ своими замѣчаніями, начитанностью и особенно своею кистью. Быть-можетъ она угадывала мысли, занимавшія меня, и, счастливая, что прибавится еще однимъ предметомъ болѣе для нашихъ разговоровъ, она показывала мнѣ все свои рисунки и гравюры, съ удовольствіемъ дѣлая меня участникомъ всего, что было ей извѣстно объ этой породѣ прибрежныхъ птицъ.

— Все онѣ живутъ на влажныхъ мѣстахъ, говорила она; весь свой тонкій клювъ, болѣе или менѣе цилиндрической, длинный и мягкій, въ которомъ ноздри обозначаются чертою, болѣе или менѣе приближающеюся къ самому концу, онѣ погружаютъ въ илъ, чтобы вытащить оттуда живую пищу. Все прохаживаются по болотамъ, слѣдуя по теченію рѣкъ, по берегамъ озеръ или обширныхъ морей, на своихъ длинныхъ ногахъ, болѣе или менѣе покрытыхъ перьями. Это легкое различіе раздѣляетъ не только виды, но и роды животныхъ, въ которыхъ часто запутываются зоологи; если мы займемся разнообразіемъ перьевъ (ты знаешь, что это составляетъ предметъ моего восторга), тутъ-то недоумвіе увеличивается. Во всехъ породахъ голенастыхъ, господствуютъ цвѣта бѣлый и черный, со всеми отщепенями и видоизмѣненіями свадебнаго убранства (я удерживаю этотъ терминъ, онъ очень вѣренъ); бѣлый и черный часто соединяются съ красноватыми и роскошными темно-каштановыми отщепенями. Время года, все-

расть, совершенно напоминает видъ одной и той же птицы. Каждый ученый подъ разными перьями видитъ новую птицу и называетъ ее по своему; и голенастый щегель носитъ, въ своемъ лютнемъ жарде, совсѣмъ другое названіе, нежели въ простомъ зимнемъ пальто; ты можешь-быть скажешь, что не рѣдко случается такъ; самое и между людьми, не тамъ же между и между птицами, это составляетъ затруднительную путаницу. Ты можешь сколько угодно качать головою; просмотрѣ-ка свои книги, отъ Бюффона до Темника (который въ качествѣ соотечественника особенно изучалъ многочисленную породу длинноногихъ на болотистыхъ берегахъ Голландіи); впрочемъ у французскихъ ученыхъ Кювье и Дюмерля и американскаго — Вильсона, и ты найдешь одну и ту же птицу, одаренною полдюжиною реальными наименованіи и причисленную то къ одному, то къ другому роду; къ счастью, отъ этаго она не теряетъ ни одного перышка изъ своего хвоста, счтемъ отъ двѣнадцати до шестнадцати.

— Если вѣрить тебѣ, только обширныя подраздѣленія могутъ быть верны. По-крайней-мѣрѣ всѣ турултаны, кулики и бекасы, одинаково голенастые и диагоногію; всѣ Scolopax вооружены длиннымъ, прямымъ клювомъ?...

— Прибавь, что эти подраздѣленія, хоть очень пространныя, не всегда при крайнихъ точкахъ своихъ предѣловъ, соединяются съ смежными подраздѣленіями. Мнѣ кажется, что все твореніе на землѣ можетъ быть распределено въ такомъ порядкѣ, что переходеніе отъ перваго до послѣдняго, должно быть незамѣтно; какъ голосъ совершенно вѣрный, гибкій, переливающийся, легко исцѣпляетъ волну-потами все пространство, отъ самой низкой, до самой высокой ноты, съ такою безусловною постепенностью, что невозможно уловить мгновенія, когда нота превращается въ другую....

— За то каждый музыкантъ скажетъ тебѣ, что звуки происходятъ отъ сотрясенія, болѣе или менѣе повтореннаго, одной и той же струны. Жофоруа, одинъ изъ величайшихъ французскихъ естественныхъ изыскателей, видитъ во всѣхъ животныхъ одно только существо, называемое въ безпредѣльныхъ отъицкахъ, рукою Создателя.

— Прекрасно, превосходно, но слишкомъ грандіозно для меня; я люблю подробности, не не ты, на которыхъ основывается напримѣръ раздѣленіе по классамъ. Я не такъ учена, чтобы могла заниматься неопредѣленными подраздѣленіями, въ безпрерывно нарушаемомъ по-

рядкѣ. Видишь ли, меня восхищаетъ прелестьное, роскошное и гармоническое сочетаніе цвѣтовъ, восхищаютъ изысканныя формы, которыми находишь удовольствіе подражать карандашемъ или кистью. Меня забавляетъ исторія нравовъ и обычаевъ какой-нибудь птицы. Я люблю узнавать, какъ она вьетъ себѣ гнѣздо, какъ пость, летаетъ и заботится о птенцахъ. Если я узнаю пестрыхъ бекасовъ, то это только потому, что срисовывала точно такихъ съ превосходнаго творенія Вильсона; а въ текстѣ прочла кой-что изъ ихъ жизнеописанія.

— А чтѣ же ты узнала о нихъ, спросилъ я?

— Что эти птицы, изъ которыхъ только одну или двѣ видишь въ Европѣ, очень рано въ апрѣлѣ прилетаютъ на берега Нью-Джерсея, многочисленными стаями; оттуда улетаютъ на сѣверъ вѣтъ гнѣзда и уже въ июль и въ началѣ августа возвращаются назадъ. Эти бекасы во множествѣ водятся въ Соединенныхъ Штатахъ, мясо ихъ считается наилучшимъ, они летаютъ стаями иногда очень высоко, составляютъ цѣлыя общества, развѣляются, снова соединяются, ускоряютъ полетъ свой надъ болотами и спускаются на землю въ такомъ количествѣ и такъ близко другъ отъ друга, что одинъ ружейный выстрѣлъ убивалъ ихъ до восьмидесяти-пяти. И вдругъ изъ соленыхъ болотъ, они стремительно поднимаются на воздухъ, все кружась повышаются; безпредѣльное пространство наполняется ихъ пронзительнымъ свистомъ; они летятъ, кружатся, опять возвращаются внизъ, снова поднимаются и наконецъ опять упадаютъ густыми тучами на тѣ самыя отмели, гдѣ находится несмѣтное количество маленькихъ улитокъ въ раковинахъ, отъ которыхъ бекасы жирѣютъ и въ сентябрѣ становятся дичиной самую лакомою для охотниковъ. Настаетъ зима: пестрые бекасы исчезаютъ и улетаютъ на югъ.

Мой ружейный выстрѣлъ доставилъ женѣ моей два прекрасные образца, я полюбилъ этого роду занятіе, общее для насъ обоихъ; я старался отыскать птицу, отъ которой дано названіе всей породѣ.

Я зналъ, что куликъ хоть и водится въ какой-нибудь странѣ, но переселяется, смотря по времени года: съ горъ въ равнины, осенью, а весною съ равнинъ на лѣсистыя холмы, гдѣ вьетъ гнѣзда въ сухихъ мѣстахъ. Днемъ удаляется въ глубину лѣсовъ, гдѣ ворочаетъ и переворачиваетъ упавшіе листья, чтобы отыскать насѣкомыхъ, находящихся подъ ними. Ночью оставляетъ свое тѣнистое убѣжище и отыскиваетъ источники, чтобы обмытъ тамъ клювъ свой и на досугъ по-

гнать его въ мягкую землю. Охотники приписываютъ этой птицѣ особенную глупость, и, пользуясь ежедневными ея переселеніями, при утреннихъ и вечернихъ сумеркахъ разставляютъ петли, куда она попадаетъ и запутывается въ сѣтяхъ. Кювье говоритъ о ея сжатой головѣ и огромныхъ глазахъ, находящихся почти назадъ, что и придаетъ ей этотъ видъ необыкновенной глупости, нисколько не противорѣчащей ея правамъ. Тамъ не менѣе любопытно было поближе изучать истиннѣе этой птицы; я былъ убѣжденъ, что и въ ней находятся нѣкоторые отблески того дивнаго инстинкта, который Гесподъ вдохнулъ во все твореніе.

Только ученымъ, углубляющимся въ своемъ кабинетѣ, думалъ я, принадлежать описанія, подраздѣленія, общія идеи; но намъ, настоящимъ деревенскимъ жителямъ, намъ, браконьерамъ свободныхъ наукъ, намъ предлежатъ любопытныя наблюденія и веселыя изслѣдованія.

Я наблюдалъ не за одною парю куликовъ, когда они упали цѣлыми массами въ наши лѣса; я подсматривалъ позади кустарниковъ эти повороты, которые приводятъ охотниковъ въ отчаяніе; я слышалъ ихъ шелестъ, когда они преслѣдуютъ другъ друга, продолжительный свистъ, который они выпускаютъ, подымаясь такъ высоко, чтобы упасть съ такою быстротою; потому что особенно днемъ, полетъ ихъ чрезвычайно кратокъ; по все это безъ особеннаго успѣху, и я не узналъ изъ ихъ обычаевъ ничего болѣе того, что разсказалъ мнѣ мой сосѣдь-промышленникъ. По его мнѣнію, кулики и бекасы попадаютъ все рѣже и рѣже; нѣкогда отецъ его убивалъ ихъ дюжинами, тамъ, гдѣ нынѣ убиваютъ только парами. Онъ объясняетъ уменьшеніе этой породы увеличенію роскоши на сѣверъ, гдѣ эти птицы вьютъ себѣ гнѣзда въ большомъ количествѣ. Если тамъ мало употребляютъ мясо куликовъ, сухое и худое въ тѣхъ мѣстахъ, говорилъ онъ мнѣ, за то лица ихъ составляютъ лакомое блюдо, и сосѣдь мой кончалъ уврѣненіемъ, что въ нашихъ сторонахъ эта порода не вьсть себѣ гнѣздъ.

Съ этой минуты, все мое честолюбіе состояло въ томъ, чтобы отыскать хоть одно гнѣздо, и я достигнулъ того. Въ маленькой закрытой прогалинѣ, подъ тѣнью столѣтней дубравы, гдѣ листья, скопленные осенью въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, образуютъ густой, влажный и безмелвный коверъ, я отыскалъ между корнями стараго

ими, на несомнѣннѣхъ краицѣхъ, гнѣздо изъ сушнякъ иветьствъ и дѣланныхъ отбѣлой дерну, соединенныхъ безъискусственно. Въ немъ было четыре продолговатыхъ яйца, красно-сѣраго цвѣта, испещренныхъ темными струями. Я съ трудомъ могъ увидѣть самую; она не удаляясь отъ яицъ, прижалась къ нимъ, не обнаруживая желанія улетѣть. Они скажутъ, что это происходило отъ чистой глупости, другіе отъ того, что куликъ ничего не видитъ днемъ, и действительно это почти птица; но жена моя приписывала этотъ воступокъ материнской любви, вѣрнѣею мужество самки слабѣею твердыню.

Я наблюдалъ за открытымъ гнѣздомъ и часто видѣлъ овица, иногда подавъ своей подруги; они казали носить свой на овицу: одинъ другому. Я видѣлъ какъ отецъ и мать складки въ нутарники, а изъ едра вылаупившіеся птенцы, покрытые пухомъ, оставалая уи гнѣздо и бѣжали на встречу отцу и матери, которые возващали приближеніе свое криками, повторяемыми съ такою поспѣшностью и силою, что они слышны на четыреста или пятьсотъ метровъ разстоянія.

Одинъ древній писатель увѣряетъ, что куликъ, для спасенія дѣтей своихъ, носить ихъ въ своемъ клювъ; странное убѣжденіе! Надобно самому видѣть, чтобъ повѣрить тому; гибкій клювъ птицы, кажется, совершенно неспособнымъ къ такому доказательству вѣрности. Жена говорила мнѣ, что одинъ Англичанинъ утверждаетъ, будто онъ видѣлъ убѣгающаго кулика съ птенцами на спинѣ. Другой говоритъ, что они носятъ ихъ на ногахъ. Наконецъ въ тотъ день, когда я овладевалъ маленькою семьей, почти привившею къ моему присутствію, самецъ вырвался у меня съ однимъ птенцомъ, который улѣтѣлъ, не смотря что едва оперился. Склонивъ голову, самецъ прижалъ своего птенца между горломъ и клювомъ и такъ скоро летѣлъ съ нимъ, что я долженъ былъ оставить ихъ, чтобы во-крайней-мѣрѣ удержатъ мать и остальныхъ птенцовъ.

Линъ только жена моя получила въ свое обладаніе мою живую добычу, какъ начала уже обдумывать, какъ бы извлечь пользу изъ того разными способами. Она читала, что въ Испаніи, Севтъ-Ильдефонсъ, не знаю въ какую именно эпоху, безасовъ воспитывали и дѣлали ручными. Она замѣтила это мѣсто и показала его мнѣ.

«Подъ тѣнью сосны и нѣсколькихъ нутарниковъ, протекающъ источникъ, постоянно поддерживающій влажность земли: туда при-

востъ сѣнаго червотку, наваленнаго червотку, точно: отарощи-ином углубиться и скрыться, нулигъ находить ихъ, монотъ-бикъ по некоторымъ поправкамъкъ слѣдствъ, оставленнымъ на поворилоси, или по легкому движению, а монотъ-бикъ по милости своего обоня-ннѣ: онъ погружаетъ свой клювъ въ землю до самыхъ поздрей и кля-таскиваетъ его всегда съ червякомъ, котораго вытягиваетъ во все длину, поднимая камень и глатаетъ мало-по-малу, почти незамѣ-ннѣ движениемъ.

— Помощникъ Монтею, продолжала жена моя, андѣгъ земю въ севернѣ, а у насъ есть осадка ферморна, очень умная женщина; страстная охотница до рыдѣкъ птицъ и очень способная ихъ воспи-тывать. Не моему мнѣнню, слѣдовало бы отдать ей все семью.

Мнѣ эта мнѣ понравилась; менъ изслѣдованія, я не смѣю назвать ихъ охотою, сдѣлался занимательнѣ. Бѣкасы хитры и проворныя нулиговъ, на ногахъ выше, полетъ ихъ продолжительнѣ, быстрѣ и выше, оначала заставили меня повести много бесполезныхъ трудовъ въ наблюденіи ихъ обѣдѣ.

Они не укрывались въ лѣсахъ, гдѣ бы я могъ приблизиться къ нимъ, но были видныи, во лѣгахъ падъ болотами и открытыми полями. Жена, опираясь на мою руку, слѣдила въ одно туманное утро за ихъ стрѣйными толпами; и когда они возносились высоко надъ горизонтомъ, она обращала къ нимъ прелестныя стихи Крабба:

«Ты высоко парвишь! — Повѣдай мнѣ о невѣдомыхъ брегахъ, чуж-дыхъ невѣданныхъ земляхъ, которыя созерцагъ ты, повѣдай мнѣ о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ и омысленныхъ тобою!»

Вместе отвѣта, верныя путешественники каждали дикій смѣхъ; жалобное бленіе, по которому нѣко называютъ ихъ *небесными ко-зами, летучими козами*.

Успѣя моя добыть живьемъ пару бѣкасовъ, какъ мы ихъ называемъ, оказались безуспѣшными; болѣе счастливый съ своимъ ружьемъ, нашъ сосѣдъ доставилъ намъ нѣсколько паръ, почти такихъ же большихъ какъ нулики, и наша коллекція умножилась.

Для всего необходимо изученіе; я началъ уже различать прямой по-летъ большаго бѣкаса, отъ полета зигзагами бѣкаса обыкновеннаго. Я получилъ навыкъ къ привычкѣ обонкъ породъ летать противъ вѣтру. Я узналъ, что въ нашихъ окрестностяхъ обыкновенный бѣкасъ посто-янно садится на полу-высокия болота, на которыхъ пасутся вошь

растительнаго сырья, сельскимъ стада; эти мѣста бекасы предпочитаютъ оосажденнымъ затопленнымъ лугамъ. Жена моя воспользовалась новымъ открытіемъ; я принесъ домой множество бекасовъ, которыхъ не болѣе перепелки. Осматривая ихъ клювъ, темный до двухъ третей его длины, жена моя сравниваетъ черный концы его съ шагреновой кожей.

Языкъ съ своимъ острымъ концомъ, сказала она мнѣ, нарочно, кажется, созданъ для того, чтобы пронзать червяковъ, которыми бекасы питаются. Но къ чему служатъ эти маленькія впадины, которыми устья концы клюва, которыя высыхаютъ и исчезаютъ довольно скоро, когда уже въ нихъ вѣтъ жизни? Не есть ли это вмѣстѣлище вѣдвѣстнаго намъ чувства? этого *чутья*, которое у охотничьихъ собакъ обнаруживается тоже множествомъ скважинокъ, расширяющихся на поверхности подвижнаго и вытянутаго носа... Я знаю, что хочешь ты сказать: клювъ есть родъ сухаго рога, тогда какъ носъ у собакъ состоитъ изъ мяса, кожи, и наконецъ влажной оболочки. Такъ что же! Развѣ ты не находишь, что здѣсь можетъ быть соотношеніе между этой особенностью клюва и инстинктомъ, столь замѣчательнымъ, что безпрестанно занятые разрываніемъ земли, кулики и бекасы никогда не дѣлаютъ того напрасно и непременно достаютъ свою добычу?

Этотъ вопросъ я принужденъ оставить неразрѣшеннымъ, представляя ученымъ разрѣшить его. Я прочелъ множество описаній, увидѣлъ, что начиная отъ полосокъ, украшающихъ лобъ или бока каждаго видоизмѣненія породы куликовъ или бекасовъ, отъ темнаго пятна или бураго полу-круга, возвышающаго блескъ глазъ, до бѣлыхъ или рыжеватыхъ каемокъ большихъ перьевъ на крыльяхъ, до бронзовыхъ отблѣсковъ лѣтнихъ перьевъ, до косоугольниковъ на синяхъ, до полукруговъ на хвостѣ, все, все уже было описано.

О длинныхъ впадинахъ клюва упоминалось вмѣстѣ съ неровностями конца, имѣющаго форму наперстка; но нигдѣ не нашелъ я истолкованія послѣдней особенности.

Съ помощью лыжей, поддерживавшихъ меня на зыбкомъ илѣ, я далеко заходилъ по болотамъ; рассматривая за камышами, я видѣлъ бекаса, который чважно расхаживалъ, горизонтально покачивалъ головою, раскачивая сверху внизъ короткимъ хвостомъ, какъ пастишка въ своемъ нарядномъ корсажѣ. Подъ корнемъ ольхи въ маленькомъ углубленіи, окруженномъ тростникомъ, я нашелъ гнѣздо во-

чти въ концѣ юни. Я видѣлъ какъ самецъ со свистомъ леталъ надъ ними и не много спуотя, когда птѣнцы улетѣли, и подкрался и унесъ одного изъ нихъ, удалившагося нѣсколько отъ матери, непокидающей своихъ дѣтей, до-тѣхъ-поръ, пока они могутъ обойтись безъ нея. Въ ту минуту, когда я звалъ его, бедная пташка вслутила слабый крикъ, похожій на крикъ испуганнаго цыпленка, заставившій остальную семью улетѣть. Но по-крайней-мѣрѣ я могъ унести одного, которымъ овладѣлъ, и доставить новаго воспитанника сосѣдкѣ-фермершѣ, и новый образецъ для карандаша моей милой сотрудницы.

ПЛИНІЙ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ. Давно уже мнѣ хочется, хоть только для разнообразія, поговорить о древнихъ; но, чтобы подступиться къ нимъ, нужны такія приготовленія! чтобы представить ихъ другимъ, какъ коротко надо быть съ ними знакомымъ, и сколько нужно умѣнія! Нынѣшніе люди такъ заняты своими дѣлами, что интересуются только тѣмъ, что къ нимъ близко, только именами современными, громкими, которые безпрестанно звучатъ въ ихъ ушахъ; остальное дѣло ученыхъ, дѣло досужаго любопытства, годное на тѣ годы отреченія отъ житейскихъ заботъ, покоя, которые мы откладываемъ съ году на годъ, и до которыхъ почти никогда не доживаемъ. Среди такъ быстро смѣняющихся заботъ, интересовъ и расчетовъ, остановиться, чтобы слушать рѣчь о древнемъ, также трудно, какъ остановиться среди толкающей васъ со всѣхъ сторонъ толпы, чтобы побесѣдовать со старикомъ, который говоритъ медленно, съ разстановкою, какъ слѣдуетъ его лѣтамъ.

Однако же Плиній соблазняетъ меня. Изъ всѣхъ древнихъ, оба Плинія оставляютъ по себѣ самое прочное и самое пріятное воспоминаніе. Они еще на школьной скамьѣ являютъ намъ рука объ руку, какъ дядя и племянникъ; племянникъ рассказалъ намъ незабвенную исторію смерти дяди. Этого уже достаточно, чтобы внушить желаніе узнать побольше о томъ и другомъ.

Плиній Старшій не просто естествоиспытатель, какъ можно бы судить съ перваго разу по названію и по славъ его главнаго сочиненія. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ челоувкъ военный и государственный. Онъ родился при Тиверіи и умеръ въ одинъ годъ съ Титомъ; слѣдовательно видѣлъ царствованія Клавдія и его преемниковъ, и все это время провелъ на службѣ въ арміи и въ различныхъ граждан-

оскии должности. Въ молодости, предводительствуя кавалерійскими отрядами въ Германіи, онъ написалъ специальную, теоретическую книгу: *о искусствѣ метать сулицы изъ коня*. Онъ написалъ также *моторіе германскихъ войнъ*, въ двадцати книгахъ, что не посвящено ему потому, что пришлось за риторическія и даже грамматическія сужденія о трудностяхъ языка. Онъ учился также некоторое время праву, и даже былъ адвокатомъ и велъ процессы. Такое разнообразіе должностей и занятій оставляло честь и достоинство Римлянина. Когда Плиній погибъ при изверженіи Везувія, на пятьдесятъ восьмомъ году жизни, онъ командовалъ мизенскимъ флотомъ. Кроме своей большой «Естественной исторіи», онъ написалъ еще въ последние годы своей жизни политическую «Исторію своего времени», въ тридцати одной книгѣ. Племенику его передалъ намъ, въ ослѣпительномъ письмѣ, похрой его ума и его образъ занятія. Плиній не терялъ ни минуты времени; вставая задолго до разсвѣта, онъ посвящалъ 6' льную часть ночи своимъ любимымъ занятіямъ. Это время онъ называлъ своимъ досугомъ. Посвятивъ полдень для своихъ общественнымъ должностямъ, онъ дѣлилъ остальное время между учеными занятіями и сномъ, стараясь сколько возможно сократить даже послѣднее. «Жить, — значить бодрствовать», говорилъ онъ. Благодаря этому умѣнію распоряжаться временемъ, онъ жилъ, не смотря на свою раннюю смерть, столько, какъ не многимъ удалось жить.

«Тотъ не рожденъ для славы, кто не знаетъ цѣны времени». Это изрѣченіе Вовенарга было, кажется, правиломъ жизни Плинія. Онъ безпрестанно читалъ самъ, или заставлялъ читать чтеца, все записывалъ, изъ всего дѣлалъ выписки и извлеченія. Онъ былъ убежденъ, что нѣтъ такой дурной книги, изъ которой нельзя бы иной разъ извлечь пользу. Бережливость свою относительно времени онъ доводилъ до скудости. Однажды, когда ему читали что-то вслухъ при одномъ пріятелѣ, тотъ прервалъ чтеца и заставилъ его повторить фразу, которую онъ въ первый разъ произнесъ не совсемъ правильно. — Въдѣль понялъ? оказалъ Плиній. — «Понялъ», отвѣчалъ пріятель. — Такъ зачѣмъ же было повторять? замѣтилъ Плиній; это только потеря времени, мы успѣли бы уже прочесть цѣлыхъ десять строкъ. — Все время, не посвященное ученымъ занятіямъ, онъ считалъ потеряннымъ. У племянника его было до ста шестидесяти списковъ образцовыхъ

отрадною, писаннымъ, говоритъ онъ, собственною рукою дяди, отъца можно, и даже на оборотъ листовъ.

По этому образцу занятій можно уже судить, чѣмъ должна быть естественная исторія, составленная этимъ человекомъ. Это скорѣе подробнаго описанія всего, что было писано и говорено по этому предмету, чѣмъ того, что онъ самъ видѣлъ и наблюдалъ. Плиній вовсе не Аристотель, то-есть, не непосредственный, самостоятельный наблюдатель, который, критически разбираетъ свои опыты и чтенія, стараясь отыскать истинныя законы. О наставникѣ Александра можно было сказать съ справедливостью, что если кто заслужилъ названіе наставника всего человѣчества, то это онъ одинъ. Во всей древности былъ одинъ только Аристотель. Плиній совсѣмъ не то; онъ только трудолюбивый ученый, любопытный во все явленія природы, но предпочитавшій изучать ихъ въ кабинетѣ. Нельзя сказать, чтобы онъ вовсе не наблюдалъ явленій непосредственно, когда представлялся случай. Онъ говоритъ гдѣ-то о наблюденіяхъ, которыми дѣлалъ самъ надъ взаимно лебеда; онъ охотно сходитъ посмотреть богато собранное каменныя растеній въ саду знаменитѣйшаго любителя его времени, Антонія Кастора; все, что можно видѣть любопытнаго въ это время, онъ все presenciруетъ. Самая смерть его служитъ тому свидѣтельствомъ. Смерть эта, неразлучно связанная въ нашей памяти съ изобретеніемъ Везувія, явилась ему въ потомствѣ славу упорнаго наблюдателя, одного изъ мучениковъ науки. Въ самомъ же дѣлѣ это только начитанный, образованный человекъ, изучающій природу и дивящійся ей въ книгахъ и трактатахъ другихъ писателей, изъ которыхъ онъ ловко выписываетъ сущность и цвѣтъ; и не одинъ только цвѣтъ, потому что онъ не всегда строго выбираетъ, а по большей части заимствуетъ ошибки также, какъ и красоты. Въ этомъ обширномъ свѣдѣ естествознанія, въ этой энциклопедіи въ тридцати семи книгахъ, прежде всего выражаетъ насъ самъ авторъ и собираетель; онъ мастеръ своего дѣла тѣмъ, что все соединено дышетъ талантомъ и величіемъ, что сила его пера нигдѣ не слабѣетъ ни на минуту, даже въ безконечномъ описаніи столькихъ мелкихъ, вѣрнѣе утонченнѣйшихъ подробностей. Онъ разнообразитъ ихъ замысловатыми историческими разсказами, оживляетъ точностью и быстротою языка; при каждомъ удобномъ случаѣ украшаетъ ихъ нравственными вѣзданіями, въ которыхъ есть своего рода красота, даже когда они

отъзываются немного общими мѣстами; на каждой страницѣ открывается въ немъ глубокое чувство ненамѣримости природы и римскаго величія.

Плиніи начинаетъ свое сочиненіе предисловіемъ въ видѣ приятельскаго письма къ Титу, письма очень остроумнаго, но въ некоторыхъ мѣстахъ непонятнаго, и писаннаго совсемъ не въ томъ тонѣ, какъ прочія части сочиненія. Затѣмъ Плиніи приступаетъ къ самому предмету. Вторая книга, или собственно первая, потому что предисловія нельзя считать за книгу, рассуждаетъ о мірѣ и стихіяхъ. Оставивъ въ сторонѣ физикъ и особыя толкованія, чтобы слѣдить только за тѣмъ, что я называю идеями, не трудно узнать въ Плиніи философа. Плиніи расходится съ народными понятіями своего вѣка; онъ не вѣрнѣ въ языческихъ, мифологическихъ боговъ, въ героев и аноэсы. После этого онъ можетъ, не подвергаясь обвиненію въ меносладевательности, передавать подробности языческаго суевѣрія; онъ довольно лено предупреждаетъ читателя, что если онъ передастъ эти суевѣрные понятія, то это не значить, что онъ самъ раздѣляетъ ихъ. Какъ ученый, онъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за писателями, беретъ изъ нихъ все, что ему кажется замѣчательнымъ, и вноситъ въ свою книгу, оставляя на нихъ всю отвѣтственность. Впрочемъ, онъ и самъ допускаетъ и принимаетъ достаточное количество ложныхъ понятій, навриваръ о снахъ, о кометахъ; старается также объяснить особенною силою, находящеюся въ природѣ, различныя аномальныя явленія, причудливыя произведенія, которыхъ онъ не можетъ подвести подъ законы. Все это предрасудки, ложныя или по-крайней-мѣрѣ неопредѣленныя понятія о вещахъ. Но тѣмъ не менѣе, нельзя не признать съ перваго разу въ Плиніи одного изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка, такого человека, съ которымъ ученый нашего вѣка могъ бы бесѣдовать какъ съ своимъ собратомъ, съ пользою для того и другаго, и котораго здравый и просвѣщенный умъ скорѣе убѣдился бы истинами новѣйшей науки, чѣмъ знаменитѣйшій ученый среднихъ вѣковъ.

Плиніи энтузіастъ науки; онъ питаетъ глубокое благоговѣніе къ изобрѣтателямъ, онъ сознаетъ безконечное совершенствованіе человеческого знанія. Надо читать, какъ онъ отзывается, въ главѣ о метеорахъ и главнѣйшихъ направленіяхъ вѣтровъ, о древнихъ греческихъ изыскателяхъ и ихъ сравнительномъ ровоскодствѣ.

«Не умью высказать своего удивленія, говоритъ онъ, когда вижу въ свѣтъ, нѣкогда наполненномъ распрями, раздробленномъ на столько самостоятельныхъ государствъ, такое множество людей, которые занимались изысканіемъ самыхъ трудныхъ предметовъ, среди безпрестанныхъ войнъ, предательствъ, среди набѣговъ морскихъ разбойниковъ, этихъ всеобщихъ враговъ, преграждавшихъ весь путь, и занимались съ такимъ успѣхомъ, что о мѣстахъ, въ которыхъ они никогда не бывали, можно узнать во многихъ случаяхъ несравненно болѣе изъ ихъ книгъ, чѣмъ отъ самихъ жителей. Наше время, напротивъ, среди общаго мира вселенной, подъ управленіемъ государя, который такъ ревнуетъ объ успѣхахъ естествознанія и искусствъ, не только ничего не прибавляетъ къ прежнимъ открытіямъ, но даже отстало отъ познаній древнихъ. Награды въ то время не могли быть значительныя, чѣмъ нынѣ, потому что верховная власть раздѣлялась между множествомъ лицъ; а между-тѣмъ сколько ученыхъ старались раскрывать тайны природы, безъ всякой другой корысти, кромѣ удовольствія принести пользу наукъ и потомству. Не награды за трудъ уменьшились, а испортились нравы». Подобныя краспорѣчивыя сѣтованія встрѣчаются во многихъ мѣстахъ его сочиненія; онъ признаетъ благотворное вліяніе мирнаго единства имперіи и принесенную имъ пользу. Но всѣ силы его современниковъ были уже обращены къ роскоши, къ пѣгу, къ удовольствіямъ стола. И смѣялись же современники надъ Плиніемъ, надъ адмираломъ и полководцемъ, который корпѣлъ надъ скучными и пустыми изысканіями, искалъ въ изученіи травъ и растений какихъ-то тайнъ, которыя давно бы пора предоставить Катону старшему и его братіи! «Люди презираютъ мои ученныя наблюденія, говоритъ онъ, поднимаютъ мои труды на смѣхъ; но въ этомъ трудѣ, какъ онъ ни тяжелъ, я могу по-крайней-мѣрѣ утѣшаться тѣмъ, что раздѣляю это презрѣніе съ самою природою».

Въ Плиніи встрѣчаются иногда риторскія замашки; этого нельзя не признать, но и не должно преувеличивать этотъ недостатокъ. Напримеръ, нисходя отъ небесныхъ тѣлъ и свѣтилъ, изъ бурной сферы метеоровъ, на землю, онъ пускается въ настоящіи общія мѣста, когда описываетъ поверхность земли, воспѣваетъ ея качества и достоинства, бѣтается, чтобы придать ей болѣе великолѣпія, чѣмъ она представляетъ на самомъ дѣлѣ. Онъ сочиняетъ тутъ напыщенную картину, которая, вѣроятно, въ тогдашнихъ риторикахъ ставилась въ обра-

зѣтъ, какъ мы ставимъ новую описательную страницу Бернарден де-Сенъ-Пьера или Шатобриана. Но и у него, точно также, какъ у этихъ, встрѣчаются тутъ же глубокія, оригинальныя мысли, которыя выкупаютъ то, что могло съ перваго взгляду показаться однимъ риторическимъ разглагольствіемъ. Сравнивая, на поверхности нашей планеты, ничтожное пространство материка съ пространствомъ морей и океана — (различіе ихъ бросается въ глаза и нынѣ, несмотря на открытіе столькихъ новыхъ материковъ), — онъ съ провидѣніемъ указываетъ на это поприще нашей славы, нашего честолюбія, нашихъ распръ.

Плиній живо понимаетъ ничтожество и величіе человека и возникающія изъ нихъ противорѣчія. «Ничего нѣтъ въ природѣ, говоритъ онъ, величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жалче человека». Какъ въ увѣреніи его въ склонности къ мизантропической философіи. Дѣйствительно, родившись въ вакъ бѣдствій и нравственнаго растлѣнія, Плиній перенесъ свои нравственныя впечатлѣнія, свое негодованіе на общество и въ изученіе природы. Седьмая книга его сочиненія, въ которой онъ говоритъ о человекѣ, начинается энергическою, мрачною и краснорѣчивою картиною, въ которой онъ, кажется, помнитъ краски Лукреція и готовитъ предметъ для размышленій Паскаля. Онъ показываетъ намъ человека какъ единственное животное, брошенное *нагимъ на нагую землю*, знаменующее свое вступленіе на свѣтъ слезами, не знающее радости до сороковаго дня; онъ не упускаетъ ни одного случая представить намъ этого несчастнаго властелина земли, но какому-то роковому предпочтенію, слабому, всегда побѣжденнаго, готоваго даже въ минуту радости покаяться въ жизни. Я не намѣренъ разсуждать объ этомъ образѣ возрѣнія, который съ-тѣль-портъ, съ такимъ могуществомъ явился въ Паскаля. Бываютъ великіе умы, которые, можетъ-быть, преувеличиваютъ трудности и сами создаютъ въ себѣ противорѣчія, чтобы доставить себѣ мученіе бороться съ ними и радость восторжествовать надъ ними. Есть и философы, легче сживающіеся съ окружающимъ міромъ, болѣе созерцательныя умы, которые утверждаютъ, что въ природѣ нѣтъ противорѣчій. Трудно, однако же, при всевозможной снисходительности, не замѣтить некоторыхъ противорѣчій въ человекѣ, какъ онъ намъ, по-крайней-мѣрѣ, представляется. Плиній довольствовался указаніемъ этихъ противорѣчій, не пытаясь дать себѣ въ нихъ отчетъ. Впро-

чемъ, эта книга о человѣкѣ одна изъ самыхъ любопытныхъ въ его сочиненіи. Набравъ множество занимательныхъ фактовъ и физиологическихкихъ странностей о полахъ, объ органахъ чувствъ, онъ переходитъ къ великимъ людямъ, къ тѣмъ, которые возвышались надъ человечествомъ въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ. Цезаря онъ, не безъ основанія, считаетъ первымъ изъ смертныхъ въ сферѣ дѣйствія. «Мнѣ кажется, говоритъ онъ, что человѣкъ, родившійся съ наиболѣе энергическимъ умомъ, — это Цезарь. Я не говорю ни о его мужествѣ, ни о твердости духа, ни этой возвышенности мысли, которая дѣлала его способнымъ на все, что ни есть подъ небомъ; но объ особенной энергіи, ему одному свойственной, и о быстротѣ въ мысли и дѣйствіи, подобной огню». Послѣ нѣсколькихъ всѣмъ извѣстныхъ подробностей, онъ прибавляетъ: «Онъ участвовалъ въ пятидесяти сраженіяхъ, и одинъ превзошелъ въ этомъ Марцелла, который былъ только въ тридцати-девяти. Не говоря о побѣдахъ, одержанныхъ имъ въ междоусобныхъ войнахъ, 1,192,000 человѣкъ легло въ данныхъ имъ сраженіяхъ. Конечно, я не ставлю ему въ заслугу такого пролитія человеческой крови; онъ и самъ не хвалился этимъ, потому что умышленно уменьшилъ число погибшихъ въ междоусобіи». Нельзя оставить безъ вниманія эту черту Плиніева мягкосердечія и человеколюбія; она встрѣчается во многихъ мѣстахъ его сочиненій, но нигдѣ съ такою силою, какъ въ то время когда онъ говоритъ о Силлѣ. «Единственный доселѣ человѣкъ, говоритъ онъ, который осмѣлился принять прозваніе *Счастливаго*, есть Л. Силла; не думалъ ли онъ, что купилъ на то право кровью гражданъ отечества. Какія были его права на прозваніе «счастливаго»? не то ли, что онъ могъ изгнать и перерезать столько тысячъ Римлянъ? О гнусная заслуга, въ которой потомство видитъ скорѣе право на прозваніе «несчастливаго»! Не счастливѣе ли была судьба этихъ жертвъ, которыя мы теперь оплакиваемъ, между-тѣмъ какъ нѣтъ человѣка, который не гнушался бы Силлою? А смерть его, не была ли она гораздо жесточе гибели тѣхъ, кого онъ обрекалъ изгнанію и смерти, онъ, котораго плоть сама себя точила, и порадила собственную свою кару? Известно, отъ какой ужасной болѣзни умеръ Силла. Плиній рассказываетъ, что хотя обычай сжигать тѣла мертвыхъ былъ уже общій въ Римѣ, однако же родъ Корнеліевъ и нѣкоторые другіе оставались вѣрны древ-

ному обычаю зарывать тѣла. Сила же, первый въ своемъ родѣ, пожелалъ, чтобы тѣло его было предано огню; потому что онъ боялся, чтобы когда-нибудь, въ минуту мести, тѣло его не было вырыто, какъ самъ онъ велѣлъ вырыть тѣло Маріа. Такія мысли терзали послѣдніе часы этого человѣка, единственнаго, который осмѣлился назваться счастливымъ.

Рядомъ и будто для сравненія съ Цезаремъ, Плиній ставитъ Цицерона, называя его *свѣтиломъ слова и наукъ*. Надо читать въ подлинникъ, потому что никакой переводъ не можетъ передать того, съ какою любовью, съ какимъ благоговѣніемъ онъ прославляетъ этотъ дивный геній, единственпый геній, равный величію и могуществу народа, среди котораго онъ родился. «Привѣтствую тебя, восклицаетъ онъ, первый, стяжавшій прозваніе отца отечества, первый заслужившій триумфъ, не снимая тоги». Въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, съ негодованіемъ, что недостойный сынъ великаго оратора былъ безстыдный пьяница, что онъ хвалился тѣмъ, что могъ сразу выпить огромную мѣру вина, что однажды на попойкѣ, онъ бросилъ кубокъ въ лицо Агриппы. «Вѣроятно, прибавляетъ Плиній съ язвительною ироніею, этотъ Цицеронъ хотѣлъ похитить у Марка-Антонія, убійцы его отца, пальму пьянства».

Книга Плинія о челоѣкѣ исполнена любопытныхъ подробностей и занимательныхъ анекдотовъ, которыхъ нигдѣ не отыщешь кромѣ этого сочиненія. Онъ выбираетъ самыя возвышенныя человѣческія типы во всѣхъ сферахъ, *цвѣть смертныхъ*, какъ онъ говоритъ. Прославленіе генія его любимая задача и занимаетъ первое мѣсто въ его книгѣ. Отъ него узнаемъ мы, что Менандръ, величайшій изъ комическихкихъ поэтовъ, былъ въ такой чести у царей македонскихъ и египетскихъ, что они присылали за нимъ пословъ и флотъ; но что онъ не принялъ ихъ предложенія и предпочелъ сознаніе своего литературнаго достоинства, *conscientiam litterarum*, какъ говоритъ Плиній, всѣмъ щедротамъ и почестямъ, которыми хотѣли осыпать его цари.

Когда Лакедемоняне осаждали Аѳины, рассказываетъ Плиній, Вакхъ явился однажды во снѣ царю лакедемонскому Лизандру, и сказалъ ему, чтобы онъ не тревожилъ похоронъ того, который былъ его дражайшимъ любимцемъ. Лизандръ потребовалъ списка всѣхъ умершихъ въ послѣднее время въ Аѳинахъ, и увидѣвъ въ спискѣ имя великаго поэта Софокла, тотчасъ узналъ, о комъ говорилъ богъ, котораго

празднества сочетались съ началомъ театра. И онъ не тревожилъ Лепидия, пока они отдавали послѣдній долгъ великому поэту. Должно ли изъ этого анекдота заключать, что Плиній взрвалъ въ Вахха? Конечно нѣтъ; но если анекдотъ несправедливъ, онъ тѣмъ не менѣе прекрасенъ; Плиній понималъ это, и сохранилъ его.

Не всѣ анекдоты Плинія такъ хороши и поэтичны; найдется по вкусу каждаго.

Бюффонъ, самый снисходительный изъ его судей, говоритъ о немъ: «Онъ не только зналъ все, что можно было знать въ его вѣкъ, но былъ еще одаренъ тою способностью расширять мысли, которая умножаетъ знаніе. Онъ имѣлъ ту тонкость и проницательность ума, отъ которыхъ зависятъ изящество и вкусъ. Сужденіе Бюффона о Плиніи чрезвычайно выгодно; кажется, будто онъ чувствуетъ къ нему нѣкоторую благодарность, будто предвидитъ, что со временемъ его самого будутъ упрекать въ некоторыхъ недостаткахъ, общихъ съ римскимъ писателемъ, и хочетъ заранее воздать въ немъ честь некоторымъ изъ собственныхъ своихъ достоинствъ. Бюффонъ, судитъ о Плиніи съ тѣмъ чувствомъ благорасположенія и искренняго участія, съ которымъ слѣдуетъ встрѣчаться благороднымъ душамъ, разныхъ вѣковъ. Тутъ есть нѣчто похожее на гостепримство; онъ встрѣчаетъ и честитъ своего славнаго предшественника, какъ знаменитаго гостя, прїѣхавшаго изъ древняго Рима навѣстить его въ музей. Сужденіе Кювье гораздо строже, но современно справедливо. Кювье не придаетъ такой цѣны его литературнымъ достоинствамъ, хотя отдаетъ имъ полную и искреннюю справедливость; но въ то же время съ безпристрастною строгостью судитъ его заслуги, какъ ученаго; онъ смѣло и бойкою кистью цѣнить и опредѣляетъ всѣ достоинства и недостатки Плинія, и съ такою же точностью, какъ бы онъ сталъ описывать любой предметъ изъ своей науки.

Отъ человека, Плиній переходитъ къ разсмотрѣнію животныхъ. Я не намѣренъ слѣдовать за нимъ, а скажу только, что тутъ на каждомъ шагу читатель, даже самый несвѣдающій, встрѣчаетъ картины, полныя жизни и таланту, какъ напримѣръ описаніе пѣтуха или соловья, въ книгѣ о птицахъ; на каждомъ шагу анекдоты, болѣе или менѣе достоверныя, но всегда затѣйливыя, и всегда, даже въ своихъ промахахъ, бросающіе свѣтъ на привычки, образъ мыслей и суевѣрія древности. Перейдя отъ животныхъ къ произведеніямъ земли, къ де-

рѣзьямъ и всему царству прозябаемыхъ, Плиній знакомитъ насъ съ различными употребленіями ихъ въ искусствахъ и въ промышленности разныхъ временъ. Благодаря ему, мы можемъ съ точностью определить, когда введенъ въ Римъ каждый предметъ потребления или роскоши. Говоря, напримеръ, о египетскомъ папирусь, онъ подробно объясняетъ выдѣлку изъ него бумаги, исчисляеть его различныя свойства, степень тонины и прочности, и прочая; говоритъ о тонкомъ папирусь, употреблявшемся для обыкновенныхъ писемъ, о папирусь для книгъ, о названіи различныхъ сортовъ бумаги, о бумагѣ носившей имя Августа, Ливіи, Клавдія. «Случаются, прибавляетъ онъ, неурожаи на папирусь. Такъ, въ царствованіе Тиверія, былъ такой недостатокъ бумаги, что нужно было назначить особыхъ сенаторовъ для раздачи ея; иначе общественныя сообщенія были бы прекращены.» Вотъ неурожай, который былъ бы очень кстати отъ времени до времени въ нашъ вѣкъ тряпичной бумаги! Но, увы! намъ уже не видать такихъ блаженныхъ годовъ.

Окончивъ, какъ неутомимый собиратель, свою опись природъ, свое исчисленіе всего, что она производитъ, и что заключается въ ея недрахъ, и искусствъ, которыя отъ того происходятъ, Плиній закрываетъ книгу, и заключаетъ ее слѣдующимъ воззваніемъ: «Привѣтствую тебя, природа, мать всего существующаго! будь благопріятна намъ, которые, одни изъ Римлянъ, тебя вполне прославляли!»

Когда, при началѣ изверженія Везувія, Плиній оставилъ свой мизенскій флотъ, и пошелъ прямо на мѣсто опасности, это было затѣю, чтобы прибавить еще одно наблюденіе къ своей книгѣ, чтобы уловить вблизи таинства явленій природы, которыя онъ любилъ такъ страстно. Онъ всегда говорилъ, что внезапная смерть величайшее блаженство въ жизни. Желаніе его исполнилось; онъ мгновенно задохся среди возстанія стихій. Въ этой роли неустрашимаго наблюдателя, всего охотнѣе представляетъ его себѣ потомство, умирающаго на берегу, съ записною книжкою въ рукахъ. Надо читать рассказъ о его смерти въ знаменитомъ письмѣ его племянника къ Траяну.

Этотъ племянникъ, воспитанный и усыновленный имъ, также одна изъ самыхъ очаровательныхъ личностей въ древнемъ мірѣ, одна изъ самыхъ близкихъ къ нашимъ понятіямъ. Его письма представляютъ намъ во всѣхъ подробностяхъ общественную, семейную и учебную жизнь честнаго и образованнаго Римлянина въ царствованіе Траяна,

то-есть, въ послѣдніе счастливые годы римской имперіи. Никогда и ни въ комъ чувство литературнаго достоинства, страсть къ ученымъ занятіямъ и жажда доставляемой ими славы, жажда славы въ потомствѣ, не были доведены до такой степени и такъ счастливо развиты, какъ въ Плиніи Младшемъ. Онъ самъ съ обворожительною откровенностью и простодушіемъ сознается въ своей страсти и своемъ саромномъ честолюбіи, и я не постигаю, какъ могъ Монтанъ такъ строго обвинять его въ тщеславіи. Для меня письма Плинія, хотя они были собраны, сочинены и обработаны на досугъ, — какъ бываетъ и въ наше время со многими письмами, вылившимися будто бы изъ-подъ пера, — останутся навсегда самымъ пріятнымъ, самымъ усладительнымъ чтеніемъ. Въ деревнѣ, послѣ обѣда, если желаете перепестись на нѣкоторое время въ древность, и если васъ не слишкомъ мучать страсти, тяжелыя воспоминавія или житейскія заботы, откройте Плинія на удачу, и читайте. Нѣтъ почти предмета въ жизни, особенно изъ ежедневной умственной жизни, о которомъ вы не встрѣтите у него оригинальную, блестящую мысль, выраженіе художественное и чистое, какъ античный камень, или какъ бѣлые камешки, которые онъ такъ охотно показываетъ намъ, описывая свои прозрачные фонтаны. Плиній почти единственный изъ римскихъ писателей, у котораго вы найдете стыдливость, скромность, пристойность. Это Дагессо послѣдняго вѣка древности, но съ болѣею игривостью ума и съ болѣею художественностью. Неизвѣсто въ точности, когда онъ умеръ; по его невозможно представлять себя иначе, какъ существомъ вѣчно молодымъ, улыбающимся, краснѣющимъ; это одно изъ тѣхъ лицъ, котораго невозможно представлять себя съ сѣдыми волосами. Онъ говоритъ о всѣхъ знаменитыхъ писателяхъ своего времени; онъ съ ними со всеми въ перепискѣ, съ Квинтилианомъ, съ Светоніемъ, съ Тацитомъ. Съ послѣднимъ особенно неразрывно соединена его память. Самое мнѣніе публики, въ ихъ время, неволью соединяло ихъ. Когда образованный челоувѣкъ, римскій всадникъ, случался нечаянно въ циркъ, подлѣ Тацита, не зная его, и послѣ четверти часа разговора замѣчалъ, что это челоувѣкъ извѣстный въ литературномъ мѣрѣ, онъ навѣрное говорилъ ему: «Вы вѣроятно Плиній; а не Плиній, такъ Тацитъ». И потомство продолжаетъ соединять эти двѣ личности. И не говорите, что одинъ Плиній выигрываетъ отъ этого сближенія, и что ему слишкомъ много чести отъ такого сосѣдства. Выигрываютъ оба.

Тацитъ, если судить о немъ по однимъ его сочиненіямъ, показался бы намъ слишкомъ суровъ и мраченъ, когда бы наружность его не была смягчаема светлою улыбкою Плинія. Онъ придаетъ Тациту частицу своей добродушной граціозности, какъ Тацитъ придаетъ ему частицу своего величія.

Плиній, какъ и дядя его, былъ человекъ мягкаго сердца, великодушный, миролюбивый, сострадательный. Надо читать, какъ онъ говоритъ о своихъ вольноотпущенныхъ, о своихъ домочадцахъ; какъ онъ ухаживаетъ за ними, когда они больны, какъ оплакиваетъ ихъ, когда они умираютъ. Онъ всегда исполненъ человечности, и гордится ею. Есть между его письмами такія, которыя дышатъ истинно христіанскою моралью. Во время своего проконсульства въ Виеннѣ, онъ встрѣчался съ христіанами, которые уже очень размножились въ имперіи, и даже принужденъ былъ исполнять строгіе эдикты противъ нихъ. Исполняя свой долгъ, онъ однако же часто остапаивался въ недоумѣніи; человеколюбіе его возмущалось, и онъ писалъ Траяну: «Я недоумѣваю, какъ дѣйствовать при различіи глѣзъ виновныхъ. Должно ли всѣхъ подвергать наказанію, не разбирая, молодыхъ и взрослыхъ? должно ли прощать кающихся, или кто разъ принялъ христіанство, тому уже не избѣгнуть наказанія, хотя бы онъ даже отрекся? Одно ли имя христіанъ въ нихъ наказывается, или сопряженныя съ этимъ именемъ преступленія?» Далѣе, говоря о тѣхъ, которыхъ онъ допрашивалъ, и въ томъ числѣ о двухъ молодыхъ невольникахъ, которыя были подвержены пыткѣ, онъ сознается, что ни въ комъ изъ нихъ не открылъ никакой вины: «Они увѣряютъ, говорить онъ, что вся ихъ вина заключается въ томъ, что они въ положенный день собираются передъ разсвѣтомъ, и поочередно поютъ во славу Христа, котораго они считаютъ Богомъ; что они обязываются присягою не воровать, не прелюбодѣйствовать, не совершать никакихъ преступленій, не измѣнять данному слову, не утаивать полученнаго на сохраненіе; что послѣ того они расходятся, и потомъ опять собираются на общую трапезу, на которой они не употребляютъ никакихъ предосудительныхъ яствъ».

Плиній и его дядя были люди человеколюбивые, умѣренные, просвѣщенные, честные.

Женни Линдъ. Женни Линдъ родилась въ Стокгольмѣ, 11 сентября 1823 года. Семейство ея принадлежало къ числу богатыхъ гражданъ этого города и вовсе не назначало ее для театра.

Артистическая жизнь шведской пѣвицы получила настоящее начало съ первыхъ весеннихъ дней 1843 года. Въ это время молоденькая пѣвица изъ Стокгольма, мадмоазель Ниссенъ, дебютировала на итальянскомъ театрѣ, въ роль Адальджизы въ «Нормъ». Ея огромный успѣхъ въ Парижѣ, встрѣтилъ чудный отголосокъ въ Швеци; мадмоазель Линдъ, узнавъ объ этомъ, безъ сожалѣнія презрѣла славою, которою начинала уже пользоваться между своими соотечественниками и тотчасъ же отправилась во Францію.

Женни Линдъ имѣла рекомендательныя письма отъ царствующаго дома короля Бернадотта, ко многимъ знатымъ парижскимъ фамилиямъ и въ особенности къ герцогинѣ д'Альбуфера, и была принята ею съ очаровательною пріятливостію, хотя тутъ и примѣшивалось нескромное любопытство, которое невольно возбуждалось въ парижскихъ гостиныхъ при появленіи пѣвицы, пріѣхавшей прямо съ арктическаго полюса. Въ честь маленькаго чуда, пріѣхавшаго такъ издалека, герцогиня д'Альбуфера пригласила къ себѣ избранное общество, составила концертъ изъ искреннихъ друзей, въ которомъ ея protégée пѣла туманныя пѣсни своей родины, съ чрезвычайно-оригинальнымъ выраженіемъ. Успѣхъ Женни Линдъ былъ огромный. Она не знала какъ отвѣчать на преувеличенные комплименты, которые всѣ слушатели считали долгомъ говорить ей наперерывъ. Одинъ только человекъ оставался суровъ и видимо недоволенъ шумнымъ восторгомъ слушателей-аристократовъ. И этого человека молодая пѣвица тотчасъ же замѣтила; по его могущественному взору, по суровому челу, она поняла, что онъ единственный безпристрастный судія среди всѣхъ этихъ непостоянныхъ льстецовъ безъ твердыхъ убѣжденій, что онъ обнаженная истина, среди всей этой улыбающейся лжи, въ брилліантахъ и желтыхъ перчаткахъ. Къ нему-то обращался умоляющій взоръ пѣвицы, всякій разъ, когда она начинала пѣть. Но онъ превратился въ статую. Древній сфинксъ показался бы разговорчивѣе его. Его неподвижное лицо казалось еще непроницаемѣе каменнаго слѣпка сфинкса.

Женни Линдъ горѣла желаніемъ узнать кто онъ и, странная вещь, въ то же время она боялась узнать его.

Облако пробѣжало у ней передъ глазами, когда по окончаніи концерта, герцогиня д'Албюфера, взявъ ее за руку, представила незнакомцу:

— Любезный другъ, сказала герцогиня, вотъ вамъ ученица. Если ей счастливое воображеніе недостаточно вамъ рекомендуетъ ее, то я употреблю *маленькое вліяніе*, которое вы позволяете мнѣ имѣть надъ вами. Но это бесполезно послѣ того, что мы слышали.

— Имъю честь представить вамъ Мануэля Гарсіа, прибавила хозяйка дома, обращаясь къ Женни Линдъ; онъ постарается удалить для васъ всѣ затрудненія, встречающіяся при вступленіи на театръ. Онъ пемного самовластенъ, можно даже прибавить пелюдимъ, но это честный человекъ и превосходный профессоръ музыки. Слушайте его и слѣдуйте его совѣтамъ; онъ введетъ васъ въ міръ, невѣдомый обыкновеннымъ пѣвцамъ, міръ, въ которомъ жилъ Гарсіа, его отецъ и Малибранъ, его сестра.

Мануэль Гарсіа, поклонившись, тотчасъ же удалился, такъ что Женни Линдъ не услышала ни слова отъ этого оракула.

Черезъ три дня послѣ описанной нами сцены, молодая Шведка позвонила въ квартиру втораго этажа, въ улицѣ Шабаннѣ. Старикъ слуга ввелъ ее въ довольно мрачную гостиную и просилъ подождать. Въ смежной комнатѣ пѣлъ пріятный женскій голосъ, съ грубымъ акомпаниментомъ разбитыхъ фортепіанъ. Потомъ аккорды разразились страшною бурей, голосъ вдругъ умолкъ, и тогда раздались грозныя слова, какъ-будто удары грома.

— Боже мой! Боже мой! думала Женни Линдъ, лучше бы я сюда не приходила.... Этотъ человекъ убьетъ меня.... лучше уйду отсюда....

И молодая дѣвушка, поспѣшно вставъ, хотѣла уже удалиться, какъ вдругъ дверь боковой комнаты растворилась, и вошелъ Мануэль Гарсіа, провожая замѣтно поплакавшую ученицу.

Женни Линдъ, сконфузясь своего ребяческаго страха, остановилась; а профессоръ, вѣжливо раскланявшись съ новою ученицею, пригласилъ ее войти въ учебный кабинетъ. Бѣдняжка скорѣе упала пежели съла въ кресла, стоявшія подлѣ фортепіано, и съ стѣспеннымъ сердцемъ, съ опущенными глазами ждала, что скажетъ Мануэль Гарсіа. Но тотъ, замѣтивъ смущеніе новой ученицы, вдругъ развеселился. Начавъ разговоръ о предметахъ, касающихся музыки, онъ посвятилъ все время

перваго урока на воспитательную бесѣду. Женни Линдъ, вѣскольке успокоенная, мало-по-малу приняла въ ней участіе, мило, умно и даже иногда съ веселостію.

— Все это очень мило! вдругъ воскликнулъ Гарсія, неожиданно прервавъ начатый разговоръ, какъ будто профессору музыки необходимо нужно было только убѣдиться въ умѣ шведской артистки.

— Теперь не могу ли я услышать вашъ голосъ въ какой-нибудь драматической аріи, а не въ тѣхъ ничтожныхъ *пустячкахъ*, которыя вы щелбали на вечеръ у герцогини д'Альбуфера?

Женни Линдъ выбрала арію изъ «Донъ-Жуана» и пропѣла ее съ пачала до конца безъ малѣйшей робости. По окончаніи аріи, лицо Мануэля Гарсія опять сдѣлалось мрачно.

— Сударыня, — сказалъ онъ пѣвицѣ съ некоторою торжественностію, — я не скажу, чтобы вашъ голосъ пропалъ, но я думаю, что онъ очень нездоровъ. Среднія ноты утомлены до крайности. Вы не должны пѣть цѣлый мѣсяцъ. Надо надѣяться, что гигиена и отдыхъ произведутъ чудо.

Сказавъ эти послѣднія слова, Мануэль Гарсія простился съ своею ученицею.

Возвратясь домой, Женни Линдъ предалась отчаянію, которое легко понять. Будущность, исполненная успѣховъ, на которые она смотрѣла во время продолжительнаго и труднаго путешествія, сквозь призму самыхъ блистательныхъ надеждъ, исчезла какъ мыльный пузырь; отъ нихъ оставалась только капля воды, слеза! Всю почу она писала къ своему семейству, приготавлилась къ отъезду, рыпившись возвратиться въ Стокгольмъ и вести тамъ грустную жизнь учительницы пѣнія. Она заснула передъ утромъ въ молитвѣ и слезахъ.

Проснувшись, она почувствовала себя сильнѣе. Оставить призваніе, въ которомъ она сама еще не была убѣждена, казалось ей непростительною низостію. Досада и оскорбленное самолюбіе возвратили ей мужество, если не довѣріе къ своимъ силамъ. Въ концѣ мѣсяца, она опять явилась къ профессору пѣнія. Онъ нашель въ голосъ Женни Линдъ значительное улучшеніе; если онъ еще не надѣялся, то крайней-мѣрѣ и не отчаявался. Словомъ, черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ нечего было и сомнѣваться въ излеченіи этого нѣжнаго и хрустальнаго голоса.

Женни Линдъ въ продолженіе года покорялась строгимъ правиламъ

методы Гарсіа. Она даже не пробовала повѣрнуть усязхи, такъ медленно вѣобрътаемыя. Съ того дня, какъ она пропѣла арію изъ «Донъ-Жуана» въ кабинетъ своего учителя, она ни разу не спѣла ни одной каватинны и ни одного мотива; можно было подумать, что голосъ ея обратился въ *машину*, исполнявшую одни только экзерциціи, и забыть искусство пѣть съ чувствомъ и послѣдовательностью.

Прошло не болѣе году, и Женни Линдъ получила приглашеніе отъ своей прелестной покровительницы. Мадамъ д'Албюфера уважала предписанія учителя и никогда болѣе не просила пѣть шведскую пѣвицу. Съ нею уже не обходились какъ съ артисткою, къ ней имѣли уваженіе, какъ къ достойной уваженія иностранкѣ, и на музыкальныхъ вечерахъ ея роль ограничивалась тѣмъ, что она аплодировала артистамъ или аматерамъ.

Въ этотъ вечеръ концертъ былъ самый блистательный: въ немъ принимали участіе знаменитости итальянской оперы. Мануэль Гарсіа, приглашенный на вечеръ также какъ и его ученица, явился очень поздно, но какъ разъ во-время, чтобы слышать какъ Джулія Гриси пѣла стретту изъ аріи Нормы; хотя онъ не имѣлъ счастья слышать страстное пѣніе *casta diva* знаменитой пѣвицы, но аплодировалъ ей не менѣе всѣхъ слушателей. Когда она окончила, Мануэль Гарсіа прошелъ черезъ всю комнату прямо къ Женни Линдъ, и тихо сказавъ ей нѣсколько словъ, привелъ къ фортепіано, дрожащую и раскраснѣвшуюся отъ волненія.

Мадамъ д'Албюфера и нѣкоторые обычные посѣтители ея гостиной, стали аплодировать при этой неожиданной развязкѣ; не имѣвшіе же понятія ни о имени пѣвицы, ни о ея наружности, еще громче первыхъ закричали bravo, для того, чтобы показать, будто и они участвовали въ тайнѣ; однимъ словомъ, сами не зная, что ожидаетъ ихъ, слушатели столпились, какъ будто предчувствуя важное музыкальное событіе.

Женни Линдъ пропѣла послѣднее рондо изъ «Сонамбулы». Она произвела такое дѣйствіе, что сама первая, пораженная неожиданно силою своего голоса, отчетливостью своего пѣнія, глубокимъ изученіемъ и увѣренностью своего таланта, залилась слезами надъ каденцою своей аріи.

Мейерберъ, тутъ присутствовавшій, сперва сидѣлъ въ концѣ гостиной, потомъ при первыхъ звукахъ голоса шведской пѣвицы сталъ

мало-по-малу приближаться къ фортепиано. При последнемъ аккордѣ онъ съ живостью схватилъ за руку Женни Линдъ и сказалъ ей на французскомъ языкѣ съ нѣмецкими оборотами:

— Будьте столь добры, скажите мнѣ имя первой пѣвицы нашего времени.

Послѣ этого вечера, ученица Гарсиа уехала въ Германію и положила тамъ первое основаніе своей славы, съ каждымъ днемъ возрастающей, и хотя Французы первые ввели ее въ святилище славы, но имъ не дано было ее слышать и опредѣлить ея постепенное возвышеніе. Эта пѣвица обладаетъ такою чистотою и совершенствомъ формы, какую въ музыкѣ называютъ Моцартомъ, въ живописи Рафаэлемъ. Оттого что самая разборчивая критика ничего не можетъ найти въ немъ поражающаго, принужденнаго; оттого что ея талантъ походить на прозрачныя воды швейцарскаго озера, надъ которыми какъ-то страшно видѣть даже крылья лебедя или тѣнь птички. Оттого что грація, одна неизмѣнная грація, чувство, одно изящное чувство замѣняютъ тутъ пылкость и страсть. Этотъ голосъ немного слабѣ. Моцартъ и Беллини, вотъ преимущественно звуки для этого мечтательнаго голоса. *Costa diva* Нормы, эта ни съ чѣмъ несравненная молитва поэта-музыканта, одна даетъ понятіе о степени высокаго вдохновенія Женни Линдъ. Безмятежная почва, серебряные лучи богини погрузились въ заснувшее озеро; темная зелень деревъ обрисовывается на блѣдной лазури небесъ, таинственность, любовь, уединеніе, — все это является какъ въ картинѣ, въ чистомъ пѣніи Женни Линдъ.

Въ первое время пребыванія пѣвицы этой въ Англии, въ 1847 году, когда Лумлей бросилъ съ величайшими артистами Европы, соединившимися на Ковентгарденскомъ театрѣ, съ единственною помощію знаменитой пѣвицы своего театра, — наша героиня, однимъ только воспоминаніемъ о своей молодости и родицѣ, боролась съ могущественными и завистливыми соперницами.

Давали концертъ при дворѣ; королева Викторія вздумала примирить *примадоннъ* итальянскихъ театровъ, Гризи, Персиани и Женни Линдъ, потому что каждая имѣла участіе въ программѣ праздника и политики королевы. Въ условленную минуту, Лаблашъ, участвовавшій въ этой тайнѣ, сложилъ руки трехъ пѣвицъ, громко давшихъ клятву жить въ мирѣ сладкозвучными сестрами; въ душѣ же каждая изъ нихъ проклинала ненавистныхъ соперницъ.

Когда совершили этотъ немалъ примытношый подвѣтъ, концертъ начался. Женни Линдъ, самая младшая изъ трети артистокъ, сѣла первая за фортепiano. Но — о чудо *jetтата!* — мрачный и свирый взглядъ Гриси покрывъ ее своимъ магнетическимъ кляпомъ. Бѣдное дитя Сѣвера, трепеща и задыхаясь подъ этимъ взглядомъ, глубоко проникавшимъ въ ея сердце, чувствовала, что мужество и талантъ оставляютъ ее. Съ великимъ усилемъ, угасающимъ голосомъ она едва могла спѣть до конца свою арию. Она чувствовала, что готова упасть въ обморокъ, чувствовала, что слава ея погибла, и ни одно рукоплесканіе изъ учтивости не смягчило жестокость ея паденія; зрители были въ изумленіи; ковентгарденскія пѣвицы торжествовали.

Въ это мгновеніе, внезапная мысль озарила бѣдную Женни Линдъ, болѣе мертвую, нежели живую. Между шведскими пѣснями, которыя ея почитатели въ небольшихъ дружескихъ собраніяхъ тысячу разъ заставляли ее пѣть, была умиленная молитва къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи; Женни Линдъ, не помня уже себя, съ отчаяніемъ ударила по фортепiano, первые аккорды молитвы водворили глубокое молчаніе, пробудили вниманіе и раздалось въ самыхъ чистыхъ звукахъ Ave Maria ея родины, молитва возносимая къ небесамъ голосомъ Женни Линдъ.

Это было дивное очарованіе. Светлорусая артистка устремила кроткіе взоры на неумолимую Джулію Гриси; *черная искра*, какъ выразился бы Лебренъ, угасла передъ чистымъ и прозрачнымъ свѣтомъ, казалось, прошедшимъ съ небесъ. Конечно, очарованіе было разрушено.

Англія подтвердила судъ Германіи, какъ Германія согласилась съ мнѣніемъ Мейербера. По странной несправедливости, доходящей до жестокости, шведская артистка не хочетъ, чтобы и Франція присоединила новыя лавры къ ея славы. Изъ всѣхъ талантливыхъ избранниковъ пастоящаго и прошедшаго столѣтія, она одна уклонилась отъ сужденія Французовъ, владычествовавшаго до нея; она одна разрушила могущество вліянія верховнаго суда, въ отношеніи вкусу, царствовавшаго съ незапамятныхъ временъ въ Парижѣ.

РОССИИ И ПЕРВЫМЪ ПРЕСТАВЛЕНІЯМЪ СЕВИЛЬСКАГО ЦИРЮЛЬНИКА. —

Восемь или девять лѣтъ тому, пишетъ Фетисъ отецъ, между различными находками, время отъ времени, облегчавшими мой кошелекъ, находилось нѣсколько брошюръ, относившихся къ Россіи и его произведеніямъ.

Первая подавалась, мнѣ статья была подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Cenni di una donna già cantante sopra il maestro Rossini in risposta a ciò che ne scrisse nella state dell'anno 1822, il giornalista inglese in Parigi, e fu riportato in una gazetta di Milano dello stesso anno». (Свѣдѣнія одной пѣвицы о маэстро Россини, въ отвѣтъ на статью, написанную въ Парижѣ англійскимъ журналистомъ въ 1822 году, и перепечатанную въ Миланской газетѣ въ томъ же году). Болонья, 1823.

Журнальщица статьи, на которыя намекала сочинительница брошюры, были извлечены изъ книги, изданной нѣсколько прежде Стендгалею, подъ названіемъ: «Жизнь Россини»; потому что съ того времени изъ этого остроумнаго вздора все заимствовалось анекдотами о знаменитомъ композиторѣ. Я тоже воспользовался отсюда нѣкоторыми фактами для его біографіи, въ надеждѣ, что Россини, прихавъ во Францію, самъ поправитъ ихъ, если бы они были несправедливы. Однако мнѣ слѣдовало бы имѣть въ виду непреодолимую лѣньность великаго маэстро; безпечность его простиралась до такой степени, что онъ охотнѣе позволялъ распространять всевозможныя клеветы на свой счетъ, нежели принять трудъ опровергать чужія глупости.

Прочитавъ брошюру пѣвицы, я узналъ, что сочинительница была та самая примадонна, для которой Россини написалъ въ Римѣ роль Розины; мнѣ не трудно было узнать ея имя изъ годовыхъ отчетовъ итальянской оперы: это была мадамъ Джорджи Ригетти. Дѣйствительно, эта пѣвица въ карнавалъ 1816 года пѣла въ Римѣ—въ «Севальскомъ цирюльникѣ», съ Гарсія, Ботичелли и Замбони. Она родилась въ Болоньи, принадлежала къ одному изъ знатнѣйшихъ семействъ того города и, хотя имѣла большой успѣхъ, однако появилась на театрѣ на самое короткое время, потому что переизна, происшедшая въ ея состояніи, дала ей средства возвратиться на родину и проводить жизнь беззвуждно. Она знала Россини еще въ дѣтствѣ и слѣдила за его успѣхами: ей извѣстно все касающееся до него; сама она нераздѣльна съ однимъ изъ важнѣйшихъ случаевъ жизни композитора; и потому легко понять, что замѣчанія ея на происшествія, извлеченныя журналистомъ изъ книги Стендгалея, въ высшей степени интересны. Этотъ интересъ возвышается прелестною простотою ея слога; она такъ очаровательно рассказываетъ, что нѣтъ возможности оторваться отъ чтенія. Я даже думаю, что не смотря на

то, что вынѣшнее поколѣніе, занятое выгодами настоящаго и еще болѣе будущаго, мало интересуется прошедшимъ, но найдутся еще артисты и любители, которые не будутъ равнодушны къ некоторымъ обстоятельствамъ жизни великаго музыканта, и для нихъ—то я слышу сообщить ихъ.

Вообще полагаютъ, что Россини провелъ свое дѣтство въ Пезаро, мѣсть своего рожденія, и что тогда еще, вмѣстѣ съ отцемъ и матерью, часто посещалъ театры на ярмаркахъ, въ разныхъ мѣстахъ Италіи. Но это несправедливо; потому что ему не было еще шести лѣтъ, когда его родители поселились въ Болонью. И не десяти лѣтъ онъ началъ брать уроки у учителя пѣнія въ капеллѣ Тезей, но едва достигнувъ семилѣтняго возраста, и менѣе нежели въ годъ, онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что выполнялъ партію сопрано въ церкви. Тогда еще я ему удивлялась, говорить мадамъ Джіорджи Ригетти, видя что онъ читаетъ ноты съ увѣренностью совершеннаго музыканта и играетъ со вкусомъ и необыкновенною точностью. Вскорѣ въ Болонью только и говорили о маленькомъ сопранистѣ, и когда снова давали «Камиллу» Пейера, въ театрѣ Занони, онъ исполнялъ ролю ребенка. Ничто не можетъ сравниться съ нежностью голоса и потрясающимъ выраженіемъ этого необыкновеннаго ребенка въ превосходномъ его пѣніи въ третьемъ дѣйствіи «*Sento in si fiero istante!*» Уже въ это время жители Болоньи предрекли, что онъ будетъ некогда величайшимъ, знаменитѣйшимъ музыкантомъ. Всемъ извѣстно, какъ оправдалось это предсказаніе.

Когда Россини въ совершенствѣ изучилъ пѣніе, маэстро Тезей сталъ давать ему уроки аккомпанимента и гармоніи. Когда же ему минуло четырнадцать лѣтъ, его послали въ школу П. Станислава Маттея продолжать изученіе контра-пункта. Здѣсь я долженъ прервать на минуту рассказъ мадамъ Джіорджи Ригетти. Сохраняя нравъ съ своими соотечественниками должное уваженіе къ аббату Маттею, она съ жаромъ опровергаетъ извѣстія журналистовъ, что Россини чрезвычайно дурно учился композиціи. Но вотъ слова самаго Россини объ этомъ предметѣ. Пріѣхавъ въ его загородный домъ, около Болоньи, въ 1841 году, я ему поднесъ экземпляръ моего сочиненія: «*Esquisse de l'histoire de l'harmonie*», прибавивъ со смѣхомъ, что вѣроятно онъ не будетъ читать его, и что я нисколько не желаю заставить его испытать эту окуку. «Ошибаетесь, отвѣ-

часть Россини, я не слишкомъ хорошо понимаю, что такое исторія гармоніи, а потому мнѣ очень любознательно прочесть что-нибудь объ этомъ предметѣ». Спустя нѣсколько дней, я обѣдалъ у него съ маэстро Габюсси и старикомъ Замбони. Послѣ обѣда мы пили кофе въ саду, и тамъ, въ присутствіи мадамъ Россини, двухъ названныхъ мною особъ и еще нѣкоторыхъ другихъ, онъ разговаривалъ со мною о сочиненіи моемъ, и слова его доказывали, что если онъ не прочелъ всей моей книги съ начала до конца, то по-крайней-мѣрѣ пробжалъ ее съ мощнымъ соображеніемъ, обыкновенно одушевляющимъ его, и схватилъ главные правила. Вдругъ онъ воскликнулъ: «Ахъ! любезный Фетисъ, если бы моимъ учителемъ вы были, я бы могъ сдѣлаться ученымъ музыкантомъ, потому что имѣлъ большую къ тому склонность; но какіе успѣхи я могъ сдѣлать съ человѣкомъ, который всякій разъ, когда я предлагалъ ему вопросы, какъ и почему эти правила, не умѣлъ ничего болѣе отвѣчать мнѣ, кромѣ: *Такъ слѣдуетъ*. — Слава Богу! отвѣчалъ я, что вы сдѣлались тѣмъ, чѣмъ вы теперь! Въ этотъ разъ онъ мнѣ опять повторилъ, чѣмъ говорилъ гораздо прежде, что болѣе всего принесли ему пользы квартеты Гайдна и Моцарта, которые онъ перекладывалъ въ партитуры.

Стендгаль, желая доказать, какое презрѣніе герой его разказа имѣлъ къ общественному мнѣнію, передаетъ надпись Россини на письмахъ его матери: «All'illustrissima signora Rossini, madre del celebre maestro, a Pesaro (Кя знаменитости госпожъ Россини, матери славнаго композитора). Мадамъ Джорджи Ригетти утверждаетъ, что этотъ анекдотъ нечто иное какъ чистая ложь, и доказываетъ это частью тѣмъ, что семейство Россини, переселившись въ Болонью, ни когда не возвращалось въ Пезаро. Обыкновенно на письмахъ къ своей матери, композиторъ писалъ слѣдующій простой адресъ: «Alla signora Anna Rossini». Изрѣдка только онъ выставлялъ на конвертѣ своихъ писемъ знаки, относившіеся къ обстоятельствамъ, въ которыхъ родственники его принимали участіе. Такимъ-образомъ, послѣ громкаго паденія «Sigismundo», въ Венеціи, онъ нарисовалъ на конвертѣ письма къ своей матери широкую бутылку (называемую по-итальянски *flasco*) и послѣ холоднаго приѣма въ Римѣ оперы его «Torvaldo et Dorliska», онъ также нарисовалъ маленькое *flasco*.

Часто рассказывали, что Россини такъ-сказать импровизировалъ свои оперы; это совершенное заблужденіе, говоритъ авторъ брошюры.

Но павица приводитъ въ доказательство 1816 и 1817 годы, когда онъ написалъ для нея въ Римѣ, во время карнавала «Севиальскаго цирюльника» и «Ченерентолу». Эти творенія, говоритъ она, стоили ему строгаго изученія и большихъ трудовъ, въ особенности первое. Справедливо, что онъ безъ труда писалъ среди своихъ друзей, желая, чтобы разговоръ не прерывался; но это было по двумъ причинамъ: во-первыхъ, при самомъ началѣ своего поприща, онъ возимъ привычку перечитывать нѣсколько разъ программу оперы, которую долженъ былъ написать и дивная память его совершенно сохраняла все въ цѣлости. И потомъ онъ не переставалъ уже думать о томъ, ходилъ и работалъ и такимъ-образомъ оканчивалъ большую часть, не написавъ на бумагѣ ни одной ноты. Антрепренеры и публика, видя что маэстро расхаживаетъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца или шести недѣль, убѣждались, что онъ принимается за работу только въ послѣднее время срока, когда, едва оставалось время написать, тогда какъ онъ съ перваго дня своего прѣзда, непрерывно и дѣятельно занимался своимъ трудомъ. Когда онъ принимался за перо, большая часть сочиненія была уже окончена. Во время же матеріальнаго труда своихъ партитуръ, онъ любилъ быть окруженнымъ своими друзьями, потому что всегда чувствовалъ отвращеніе къ уединенію. Впрочемъ, онъ искалъ общества тогда только, когда работа его была маловажна; если же трудъ требовалъ важнаго занятія, какъ напримеръ «Семираида», тогда умственная дѣятельность его дѣлалась трудолюбивѣе. Тогда онъ не любилъ имѣть свидѣтелей своихъ занятій.

Показанія мадамъ Джорджи Ригетти достигаютъ высшаго интереса, когда касаются обстоятельствъ, сопровождавшихъ сочиненіе и представленіе «Севиальскаго цирюльника». Столько было толковъ объ участи этого дивнаго произведенія со времени его появленія, что очень любопытно слышать истину изъ устъ современницы и воспоминанія одного изъ дѣйствующихъ лицъ этой драмы. Говорятъ, что римская цензура отказала антрепренеру во многихъ либретто оверъ, и онъ предложилъ России написать новую музыку на «Севиальскаго цирюльника» и будто композиторъ не соглашался, потому что музыка Паззіелло на это либретто еще слишкомъ живо раздавалась въ памяти Римлянъ. Все это не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Когда поэту Ферретти предложили написать либретто, въ которомъ Гарсія должна была заи-

мать главную роль, онъ представилъ планъ, гдѣ аптекарь, влюбленный въ трактирщицу, имѣлъ соперникомъ первой любви своей деревенскаго цирюльника. Этотъ сюжетъ не понравился Россини, Ферретти ничего не сумѣлъ выдумать лучше и опять принуждены были прибѣгнуть къ Стербини, сочинителю либретто «Торвальдо и Дорлиска», не имѣвшаго большого успѣху. Желая поправить свою неудачу болѣе счастливымъ сюжетомъ, Стербини предложилъ написать либретто «Севильскаго цирюльника», совсѣмъ въ другомъ родѣ расположеніемъ музыкальных частей. Предложеніе его было принято и онъ взялся за дѣло. Вскорѣ распространился слухъ, что Россини передвѣлгъ музыку Паззіелло, и враги его начали толковать въ кофейняхъ объ этомъ, какъ они называли *недобросовѣстномъ поступкѣмъ*. Это было совершенно несправедливо, потому что пѣтъ ни одной оперы Метастазіо, на которую не писали бы музыку девяносто и даже сто различныхъ композиторовъ; но завистники и враги гениальныхъ людей не разсуждаютъ. Самъ Паззіелло, кажется, не чуждъ былъ этихъ интригъ; Россини разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ собственноручное письмо, писанное имъ изъ Неаполя къ одному изъ друзей въ Римъ, гдѣ Паззіелло просилъ его употребить всѣ средства, для того, чтобы паденіе оперы было полное.

И точно, въ день перваго представленія оперы на театрѣ Арджентино, усердные враги были уже на мѣстахъ, не скрывая своихъ надеждъ; между тѣмъ какъ друзья, напуганные еще свѣжимъ паденіемъ «Торвальдо и Дорлиска», не показывали большого расположенія поддерживать новое произведеніе. Россини, говоритъ мадамъ Джіорджи Ригетти, имѣлъ слабость согласиться, чтобы Гарсія, талантъ котораго онъ высоко цѣнилъ, замѣнилъ испанскою мелодіею своего сочиненія, арію, которую онъ долженъ пѣть подь окномъ Розинны, думая, что такъ какъ дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, то это можетъ придать мѣстный колоритъ его творенію. Но эта попытка была очень неудачна.

Къ довершенію несчастья, забыли настроить гитару, на которой звѣць долженъ былъ себѣ аккомпанировать. Гарсія принужденъ былъ настраивать ее на сценѣ. Струна лопнула, надобно было навязывать другую; во все это время хохотъ и свистки раздавались въ театрѣ. Мелодія, чуждая правамъ и привычкамъ итальянскимъ, была очень

дурию принята, и партеръ принялся выдѣлывать испанскія фіоритурѣ.

Послѣ интродукціи начинается каватина Фигаро. Ритурнель прошла въ молчаніи; но когда вышелъ на сцену Замбони, съ гитарою въ рукахъ, громкій хохотъ раздался по всей залѣ и свистки надълали такого шума, что нельзя было разслышать ни одного слова, ни одного звука въ продолженіе всего этого превосходнаго мотива. Когда Розина появляется на балконѣ, публика, любившая пѣвицу, приготовилась анлодировать ея аріи; но вмѣсто аріи, она услышала только эти слова: *Segui, o caro, del segui cosi!* И Розина исчезаетъ. Это было причиною новой суматохи. Свистки и насмѣшки не переставали гдаваться во время дуо Фигаро и Альмавивы, и съ этой минуты, казалось, опера совершенно пала.

Наконецъ Розина появляется на сценѣ и поетъ арію, такъ нетерпѣливо ожидаемую. Молодость мадамъ Джорджи Ригетти, прелестный голосъ ея, благосклонность, которою она пользовалась отъ римской публики, все соединилось, чтобы доставить ей самыя блестящія успѣхъ въ этой каватинѣ. Три продолжительные залпа рукоплесканий заставляли надвѣяться, что опера восторжествуетъ. Россини, acompанировавшій на фортепиано, всталъ и раскланялся, потомъ обратился къ пѣвицѣ, сказалъ въ полголоса: *Ah! patzga!* — *Поблагодарите ее, сказала ему мадамъ Джорджи; безъ нея, вы бы не встали съ своего мѣста.*

Но это счастливое мгновеніе продолжалось не долго; свистки возобновились во время дуэта Фигаро съ Розиною. Но въ особенности во время *фанала* отъ шума нельзя было разслышать ни одного слова. Казалось, все свистки Италии назначили мѣсто сборища въ этой залѣ. Въ то мгновеніе, когда прекрасный унисонъ начинаетъ стретту, громкій голосъ закричалъ: *Esse lo uone la serullita.* Вотъ *позорны Донтъ-Болвана*). Это былъ всеобщій взрывъ. Крикъ, свистки, топанье ногами покрывали голоса пѣвцовъ и музыку оркестра. Когда занавѣсъ опустился, Россини обратился къ залѣ, слегка покачалъ плечами и вслаеснулъ руками. Римляне были глубоко оскорблены этимъ презрѣніемъ къ ихъ мнѣнію; но они ни какимъ знакомъ не выразили своего неудовольствія.

Мщеніе было отложено до втораго акта; оно было полное, потому что ни одной ноты не было слышно. Никогда еще никакое представ-

деніе не встрѣчало подобнаго потока оскорбленій. Россини, однако, оставался совершенно спокоенъ и вышелъ изъ театра съ такимъ же спокойствіемъ, какъ-будто онъ не болѣе простаго зрителя принималъ участіе въ этомъ вечерѣ.

Сбросивъ свои костюмы, Гарсія, мадамъ Джорджи Ригетти, Замбони и Бошчелли отирались къ нему съ утѣшеніями; но онъ не имѣлъ въ нихъ нужды, потому что крепко спалъ.

На другой день, вмѣсто испанской аріи сочиненія Гарсія, онъ написалъ восхитительную каватину «Esso rideate il ciel», начало которой онъ взялъ изъ одного хора своей оперы «Ciro riconosciuto»: и Гарсія въ ту же минуту попробовалъ ее и въ тотъ же вечеръ пропѣлъ при второмъ представленіи. Россини также выкинулъ изъ своей партитуры все, что казалось ему было справедливо неодобрено публикою; потому улегся въ постель, ссылаясь на недорожье, чтобъ имѣть предлогъ не появляться за фортеціано. До этого времени, по свидѣтельству Стендаля, думали, что цѣлый переворотъ послѣдовалъ при второмъ представленіи, и что публика вдругъ перешла отъ одной крайности въ другую, отъ несправедливости и неблагоклонности къ живымъ чувствамъ восторга и удивленія: но это не совсемъ справедливо. При второмъ представленіи, римская публика являлась совсѣмъ въ другомъ расположеніи духа и хотѣла слушать музыку, въ которой какъ-нибудь ничего не могла понять. При этомъ направленіи можно было предвидѣть заранее, какое дѣйствіе произведетъ эта музыка: невозможно-же было, чтобы такой музыкальный народъ не былъ пораженъ несопорными красотами, съ такою щедростью разсыпанными въ этомъ образцовомъ произведеніи. Ее выслушали въ глубокомъ молчаніи, и рукоплесками были всеобщія; но въ этотъ вечеръ не было еще восторгу. Съ каждымъ представленіемъ уснахъ возрастала и наконецъ дошелъ до восторженнаго удивленія, съ которымъ повсюду приняли это гениальное произведеніе. Впрочемъ въ Римѣ, также какъ и вездѣ, были знатоки, люди избранные, появившіе съ перваго разу чудныя красоты этой партитуры, и пришли къ постели Россини, чтобы поздравить его съ вѣроятнымъ произведеніемъ. Россини же ни сколько не удивился перемены счастья; онъ такъ же былъ увѣренъ въ успѣхъ оперы въ самый вечеръ ея паденія, какъ недѣлю спустя.

Замѣчательно, что «Севильскаго цирюльщика» встрѣтила одинаковая участь въ Парижѣ какъ и въ Римѣ, въ обоихъ городахъ по однимъ

и тѣмъ же причинамъ ; и здѣсь музыку Паззіелло противопоставили музыкѣ Россіи. На первое представленіе журнальнныя статьи имѣли большое вліяніе, и оперу встрѣтили холодно. Справедливо и то, что мадамъ Рузи-Добиньн была очень холодна, и талантъ ея былъ слишкомъ недостаточенъ для роли Розинны. По странной фантазіи, вся публика безъ исключенія потребовала представленія «Цирюльничка Паззіелло» ; ничего не могло быть счастливѣе для Россіи. Пейеръ, котораго тревожилъ талантъ молодаго композитора, уступилъ требованію, которое можетъ-быть самъ вызвалъ. Онъ поспѣшилъ представить произведеніе Паззіелло, увѣренный въ успѣхъ, но случилось совсѣмъ противное. Воспоминаніе объ этой старой музыкѣ давно уже исчезло ; никто не умѣлъ слыть ее съ должнымъ выраженіемъ ея простоты. Къ тому же и форма этого произведенія устарѣла ; тамъ было слишкомъ много арій, слишкомъ много речитативовъ, слишкомъ мало *motseaux d'ensemble* и инструментовка оказалась очень бѣдна. Это было торжественное *fiasco*. Надобно было возвратиться къ произведенію Россіи, достоинства котораго возвысились недостатками его соперника и съ ума свели всѣхъ дилетантовъ. Къ тому же съ такими исполнителями какъ мадамъ Фодоръ, Гарсія, Пеллегрини и Граціани, ничего не оставалось желать болѣе ; оркестръ же подъ управленіемъ Грассе, былъ въ то время лучшимъ въ Парижѣ.

АЛЬ-АРБИ, БАРЫШНИКЪ. *Марокскіе нравы.* Аль-Арби барышникъ, былъ, говоря по просту, «чудакъ», всенародно изъявляющій пламеннѣйшую любовь къ своимъ лошадямъ, и одаренный такимъ многословнымъ краснорѣчіемъ при исчисленіи ихъ достоинствъ, что я никогда не могъ понять, за что Мавры назвали его «Молчаливымъ». А можетъ-быть у нихъ такое обыкновеніе называть молчаливымъ именно того, кого считаютъ величайшимъ болтуномъ.

Однажды, повелъ я въ свою конюшню молодаго Француза, одного изъ пріятелей моихъ, показать любимаго своего коня ; мы тамъ нашли стараго Аль-Арби, съ комическимъ восторгомъ объявшаго голову лошади, чистой берберійской породы. Умное животное наостряло уши, очевидно узнавая своего перваго хозяина.

— Слава Аллаху ! восклицалъ Аль-Арби : не забылъ меня мой возлюбленный ! Въ тысячу лошадей я тотчасъ узналъ бы мое милое дитя ; я узналъ бы его по атласной шерсти, по его граціозной стати,

и во дивно прекрасной головѣ: Потомъ сверкая глазами и съ радостнымъ смѣхомъ, онъ два раза повторилъ: «Я знаю его, я знаю его!»

Такое пламенное изліяніе нѣжной любви барышника, очень забавляло моего пріятеля, и задѣвъ Аль-Арби за слабую струну, онъ безъ труда заставилъ его начать разсказъ или, лучше сказать, самое хвастливое повѣствованіе, героями котораго были конь мой и я.

«Послушай, гяуръ, сказалъ Молчаливый, такъ несправедливо названный, и хотя тутъ не было никого посторонняго, онъ началъ говорить инопотомъ, какъ-будто доверяя какую-нибудь тайну, но по мѣрѣ того, какъ онъ все болѣе и болѣе воспламенялся, слова его сдѣлались громче и смѣльче: — Выслушай о доблестномъ подвигѣ моего коня и узнай, какъ сынъ Англіи, на этомъ дивномъ конѣ, противоборствовалъ арабскому племени.

«Это было въ то время, когда фехихъ Абдъ-Эсселямъ-Эссалави, тангерскій паша, впервые прибылъ въ эту страну, гдѣ любимая его невольница подарила ему сына. Два племени Ибдовы и Тлэгъ-Эль-Клолота, между которыми всадники считаются многими тысячами, отправились въ городъ, покровительствуемый Аллахомъ, поздравить пашу съ такимъ счастливымъ событіемъ и предложить ему свои привошевія. Наканунъ ихъ прибытія, оба племени соединились на берегу моря, чтобы заняться играми. Ахъ, христіанинъ! что за лошади у нихъ, настоящія газели! Да будетъ благословенъ Аллахъ, даровавшій правовѣрнымъ такихъ лошадей, каковы были несравненные скакуны, состязавшіеся въ этотъ благополучный день! Вся холмы были покрыты народомъ, събжавшимся изъ Тангера и всѣхъ окрестныхъ деревень. Изъ всѣхъ трещинъ старой стѣны выказывались совершенно окутанныя ганками прекрасныя супруги сыновъ пророка, которыя вдыхали мужество въ сердца присутствующихъ, своими тихими радостными восклицаніями.

Мужчины поколѣнія Ибдова, напали на два или три ряда, и впереди ихъ отличался Салемъ-Черномазый. За ними явились люди племени Тлэгъ-Эль-Клолотъ. На всемъ скаку, стоя на сѣдлахъ, всадники перемѣнялись лошадьми съ своими сосѣдами, и подскакавши къ цѣли, вдругъ стрѣляли изъ ружей. О! это было чудное зрѣлище, отрадное даже для правовѣрныхъ, населяющихъ рай Магометовъ.

«Во время этой скачки, о христіанинъ! подѣхалъ какой-то фразкъ

на тонне-серой лошади и занялъ мѣсто въ толпѣ зрителей. Что за граціозная и гибкая шея была у его лошади, что за крестъ, падающій султаномъ! Прекрасное животное едва прикасалось къ землѣ. Я разсматривалъ ее съ большимъ вниманіемъ и оказалъ самому себѣ: — Ничто, кромѣ Аль-Арби, не могъ воспитать и выгнать этого благороднаго коня! И действительно, минуту спустя я удостоверился, что онъ мой возлюбленный питомецъ, что въ особѣ всадника, сидѣвшаго на немъ, я тотчасъ узналъ его поученика, сына Англіи. Арабы, прогнавшіе эмме, безъ пощады обшарили его насмѣшками; они насмѣхались надъ съездомъ и уздою его, приглашали принять участіе въ игрѣ, если только онъ имѣлъ столько смелости. Но онъ отвѣчался, сказавъ, что не имѣетъ ружья и предпочитаетъ быть зрителемъ. Между-тѣмъ, я старался приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ онъ находился и замѣтилъ, что въ это время онъ былъ предметомъ внимательнаго наблюденія Тлега, остановившаго свою прекрасную черную лошадь, чтобы лучше рассмотреть лицо и одежду молодого глугра.

— Не правда ли, вдругъ воскликнулъ онъ, это тотъ самый высококвѣрный Назарявинъ, который, проѣзжая мимо интровъ нашихъ, прешлою весною, хвастался, что купилъ такую лошадь, которая никогда не была побуждена на бѣгу? А теперь, какъ истинно-невѣрный, онъ не имѣетъ мужества признаться въ своей лжи, или доказать противное, подвергая испытанію свою клячу.

«На это отвѣчалъ сынъ Англіи, близъ меня находившійся, такимъ образомъ:

— Никогда Англичанинъ не отказывался отъ своихъ словъ. Я не пускаюсь теперь въ бѣгъ потому только, что выжидаю удобнѣйшей минуты. Если бъ я показалъ вамъ только пятки своего коня, разумется вы бы имѣли предлогъ оскорблять меня насмѣжками. Но назначьте другой день или сегодня же, только въ то время, когда толпа разойдется, и вы узнаете, можетъ ли Назарявинъ, съ съездомъ и уздою Франковъ, состязаться съ вами въ быстротѣ?

— По рукамъ, сказалъ Тлега; я принимаю твой вызовъ. Къ вечеру когда всадники и зрители начали расходиться, хозяинъ чернаго коня подалъ знакъ христанину, который однимъ скачкомъ явился подле него. Некоторые изъ присутствующихъ замѣтили это движеніе, и тот-

челъ же распротранился слухъ, достигшій и до возвращавшихся уже въ городъ, что Франкъ и Тлеогъ будутъ состязаться.

«Всадники и за ними тысячи зрителей возвратились назадъ. Въ это время Англичанинъ подъехалъ уже къ барьерамъ. Тлеогскій шейхъ вошелъ туда еще пять наздниковъ, чтобы принять участіе въ борьбѣ. Не смотря на то, что я находился очень далеко, я видѣлъ, что мой конь, мой возлюбленный сынъ, стоялъ по срединѣ; я затрепеталъ отъ ужаса; я, мусульманинъ, я страстно желалъ, чтобы христіанинъ былъ побѣдителемъ. Но могло ли быть иначе, когда дитя моего сердца было съ нимъ?»

«Пространство круга вымѣщало шестьсотъ шаговъ. Лошади побѣжали и въ продолженіе ста первыхъ шаговъ, ни одна не опередила другую. Толпа испустила крикъ, за которымъ послѣдовало тревожное молчаніе. Мой возлюбленный опередилъ другихъ, черный конь слѣдовалъ за нимъ. Другое восклицаніе вырвалось изъ толпы. Черный конь былъ впереди; я закусилъ губы и закрылъ лицо, отъ чего-то сердца проклятая Назарянина, котораго считалъ очень плохимъ наздникомъ. Радостное восклицаніе снова превратилось въ мрачное молчаніе; взоры мои опять обратились на бѣгъ: темно-сврая лошадь далеко опередила всѣхъ. Тутъ и я не выдержалъ, радостное восклицаніе вырвалось изъ груди моей; но я тотчасъ же замѣтилъ, что случился предметомъ угрожающихъ взглядовъ окружавшихъ меня. О, какъ бы я былъ счастливъ, еслибъ могъ закричать: «я воспиталъ его!» Но я молчалъ, потому что жизнь моя была въ опасности.

«Сынъ мой остался побѣдителемъ, и гнѣвный ропотъ слышался со всѣхъ сторонъ. Но шейхъ вообразилъ себя, что черная лошадь прежде всѣхъ достигла цѣли, подъехалъ къ Англичанину и сказалъ ему съ насмѣшливымъ видомъ:

— «Кто одержалъ побѣду?»

— Развѣ ты не видишь, о шейхъ дивныхъ коней, отвѣчалъ твой другъ, что я отсталъ отъ всѣхъ; развѣ ты не видишь, что чело мое покрылось пескомъ и прахомъ, поднятыми моими счастливыми соперниками?»

«Всадникъ на черной лошади, воспламененный гнѣвомъ отъ своей неудачи, и оставляя по слѣдамъ своимъ кровавые ручьи, лизніеся изъ боковъ его лошади, сказалъ:

— «Этотъ Назарянинъ одержалъ надъ нами побѣду только въ надъ-

мъвшности. Да поразишь Аллаха дада того человека, который продалъ ему этого коня.

— «Не предупреждалъ ли я тебя, сказалъ Англичанинъ, еборочивалось къ Тлегу, тебя и всѣхъ тѣхъ, которые недобро тебѣ старались подиать меня на смѣхъ, что заднія ноги моего коня поднимутъ ныль прямо вамъ въ лицо? Богъ даровалъ побѣду моему коню, за что же тутъ сердиться? Я не заслуживаю названіе надмѣннаго, напротивъ, соотечественники мои могли бы справедливо обвинять меня за то, что я унижился, вышавинисъ въ игры грубыхъ воннонь.

— «Молчать! закричалъ шейхъ. Развѣ ты не знаешь, что позволеніе состязаться съ самымъ послѣднимъ изъ магометанъ приносить честь Англичанину? Ужели ты думаешь, о невѣрный, что ты равенъ предстоящимъ здѣсь людямъ?

— «Какъ Англичанинъ, я не считаю себя ниже кого бы то ни было.

— «Какъ! воскликнулъ шейхъ, съ угрожающимъ выраженіемъ, подвзжая къ твоему другу, ты осмѣливаешься, о нечестивый, такъ говорить со мною? Да ужъ не думаешь ли ты, что и млы ты также равенъ?

— «Какъ Англичанинъ? я считаю себя выше.

«Положа руку на саблю, шейхъ грозно заставлялъ твоего друга повторить сказанныя слова.

— «Я презираю твои угрозы, отвѣчалъ послѣдній и подтверждаю все, что сказалъ.

«Въ одну минуту шейхъ выхватилъ изъ ноженъ свою саблю и поднялъ ее надъ головою Англичанина. Нѣсколько Тлеговъ выстрѣлили по немъ изъ ружей и пули пробили ему платье. Еслибъ конь его не удерживалъ ихъ своими скачками въ нѣкоторомъ разстояніи и если бѣ жители Риффа, товарищи охоты Англичанина, не вмѣшались въ ссору и не увлекли его съ собою, Тлеги кровавою местию отплатили бы за поражение.

«Да низойдетъ благословеніе пророка на моего возлюбленнаго питомца, на моего Темно-Съраго, и да распространится оно и на его предковъ!» Такъ окончилъ Аль-Арби Молчаливый свой рассказъ.

Молодой пріятель мой обратился ко мнѣ съ вопросомъ, тамъ ли окончилось это дѣло?

— Напротивъ, отвѣчалъ я; наша тангерскій, которому привезъ я жалобу, горячо принялъ мою сторону, чего я совсѣмъ не ожидалъ.

Онъ спрашивалъ, какого я желаю удовольствія? Я отвѣчалъ ему, что такъ, какъ я самъ былъ нѣсколько причиною того, что случилось, произвольно вышедши въ эту безпорядочную толпу навазниковъ, то объявляю, что буду считать себя удовлетвореннымъ, если шейхъ въ присутствіи всего народа извинится передо мною.

— Ты слишкомъ снисходителенъ къ этимъ негодямъ, отвѣчалъ паши и обратившись къ своему халифу, сказалъ :

— Отведи въ тюрьму шейха и двѣнадцать человекъ изъ его племени, и онъ до-тѣхъ-поръ не получитъ свободы, пока не заплатитъ штрафу двѣсти митцаке. Стадо и лошадей шейха отвести въ Ларошъ, и объяснить ему, что таково наказаніе, заслуженное преступленіями.

Напрасно возставалъ я противъ такой жестокости; повелѣнія паши были исполнены. Но я всегда полагалъ, что Феки давно уже желалъ ослабить силы богатаго племени Тлеговъ, и что онъ поспынилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы привести въ исполненіе свое намърѣніе.

Племя Тлеговъ всегда отличалось красотою своихъ лошадей. Когда я путешествовалъ для того, чтобы достать для королевы Викторіи лошадь чистой берберійской крови, я провѣзжалъ округъ, гдѣ находились селенія этого племени, и былъ пораженъ красотою лошадей, которыхъ встрѣчалъ въ разныхъ мѣстахъ. Однажды мы остановились, чтобы осмотрѣть лошадь, которая своею стѣтью привлекла наше вниманіе. Ей было три года; голова, въ которой состоитъ главная красота лошадей берберійской породы, была такъ мала, что лошадь могла бы пить изъ чарки, но всѣ четыре ноги были испорчены огнемъ. Арабы всегда прикладываютъ горячее желѣзо къ ногамъ своихъ лошадей въ первые мѣсяцы послѣ ихъ рожденія, и эти знаки не только не обезображиваютъ ихъ какъ у насъ, но еще увеличиваютъ цѣну животнаго. Молодой, полунагой Арабъ, явившійся передъ нами изъ сосѣдняго шалаша, доказалъ намъ, что лошадь эту стерегли. Думая, что я можетъ-быть пріѣхалъ покупать ее, мальчикъ съ говорливостію, достойною Молчаливаго, предстоящаго здѣсь, исчислилъ мнѣ всѣ ея достоинства, объяснилъ ея породу, съ важностію объявилъ, что ея единственный недостатокъ состоитъ въ томъ, что всадникъ, который пуститъ ее во весь галопъ, оглохнетъ. Впрочемъ, преважно мальчикъ приба-

знать, этой бѣдѣ всегда можно пособить, стоитъ только возлестъ къ уму хлопчатой бумаги.

Но думайте однако же, что Араба легко уговорить продать своего коня. Хотя деньги дѣлаютъ чудеса въ презрѣнномъ народонаселеніи Марокко, однако невозможно заставить его ни за какую цѣну уступить хорошую верховую лошадь. Мы имѣли этому доказательство во время путешествія, о которомъ я говорилъ вамъ. По дорогѣ къ *Megediu* до *Rabata*, къ намъ присоединилась толпа Мавровъ, на хорошихъ лошадяхъ. Въ особенности у одного изъ нихъ была самая лошадь, по истинѣ самая превосходная берберійская лошадь, какую когда-либо я видѣлъ. Я подъѣхалъ къ этому Арабу и началъ съ нимъ говорить. Когда похваливая его лошадь, я замѣтилъ, что привелъ его въ хорошее расположеніе, я сказалъ ему, что сдѣлаю его богатымъ, если онъ захочетъ продать ее.

— А какую цѣну ты далъ бы? спросилъ Мавръ.

Я предложилъ ему пятьдесятъ митцекеле, около пяти-сотъ франковъ, что составляетъ очень значительную сумму въ мароккской имперіи.

— Это хорошая цѣна, отвѣчалъ Мавръ, но посмотри-ка!

Говоря это, онъ объѣхалъ съ правой стороны на лѣвую.

— Теперь посмотри ее съ другой стороны, прибавилъ онъ, и ты дашь за нее еще болѣе.

— Пусть будетъ такъ, отвѣчалъ я; ты человекъ бѣдный и воспитавшись моимъ своей лошадью. Мы не будемъ спорить. Дай сюда руку (у Мавровъ такое обыкновеніе при заключеніи торгу). Что скажешь ты о двухъ стахъ митцекеле?

— Это хорошия деньги, сказалъ Мавръ, и глаза его заблестали.

Я считалъ уже лошадь своею; но радость моя, вѣроятно, была слишкомъ очевидна, и хозяинъ берберійскаго коня предполагалъ, что, вѣроятно, я ему еще прибавлю. Опустивъ поводья, онъ колѣсѣлъ какъ стрѣла. Лошадь, округливъ длинный, шелковый хвостъ свой, развѣвавшійся на свободѣ, похвѣлалъ, и въ одно мгновеніе очутилась только черною точкою на горизонтѣ; я только что успѣлъ обернуть голову, и сказать что-то одному изъ товарищей, но прежде чѣмъ я началъ говорить, Мавръ былъ уже возлѣ меня и лаская лошадь, сказалъ мнѣ:

— Смотри же на нее, видишь, ни одинъ волосокъ не распался. Сколько ты мнѣ дашь теперь за нее?

Я предлагаю триста червонцов! Арабъ, взявъ меня за руку, сказалъ :

— Англичанинъ, я могу теверь хватиться цѣмой, которую ты мнѣ предлагаешь. Но тыцкны все твои покушонія обязать меня; я не продамъ моего коня за все золото, которымъ ты можешь обладать.

Сказавши это, онъ присоединился къ своимъ спутникамъ, а я подвизала къ каванду или предводителю нашего пезада, и спросилъ у него, знаетъ ли онъ наздника на своей лошади? Кандъ отвѣчалъ:

— Я знаю только то, что онъ сумасшедшій. У него нѣтъ ничего, кромѣ этой лошади; жалае кушать ее, онъ отдалъ шатеръ, стадо и осему.

Мы вышли изъ кенюшны, когда прятель мой довольно уже напелобовался мнѣ темно-сѣрымъ берберійцемъ. Но Аль-Арби Молчаливый не далъ разстаться съ нимъ, но подаривши насъ новымъ образомъ своей болтливости.

— Добрый конь часто бываетъ всего дороже въ мѣрѣ, сказалъ онъ. Я знаю такого, который спасъ жизнь одного Рисейца, моего прятеля.

— Расскажи намъ какъ это было, Аль-Арби, отвѣчалъ я; но не очень распространяйся.

— Приключеніе пересказано мнѣ самимъ другомъ моимъ Рисейцемъ, сказалъ Аль-Арби, въ продолженіе нашей пезады, которую мы совершили вмѣстѣ, возвращаясь изъ Рисскихъ горъ въ Тангеръ, городъ, благословенный Аллахомъ. Онъ просилъ меня сохранить тайну; потому что въ то время жизнь его была въ опасности; но опасность прошла, и во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что съ вашей стороны ничего бояться. Вотъ что онъ открылъ мнѣ:

«Отецъ мой умеръ, когда я еще былъ ребенкомъ, оставя двухъ сыновей моей матери. Братъ мой былъ десятью годами старше меня, и никогда юноша прекраснѣе его не дышалъ горвымъ воздухомъ. Онъ былъ владѣльцемъ большой десяти-весельной барки, вмѣщавшей въ себя до пятидесяти вооруженныхъ людей, на случай нападенія на купеческое судно Назарейца. Часто, когда еще былъ ребенкомъ, я совѣтовалъ въ этихъ подвигахъ моему храброму брату. Аллатъ да пенилуетъ его душу. Страшны схватки съ Назарейцами, когда они были вооружены. Не смотря на это, мы всегда одерживали верхъ своею многочисленностью. Послѣ победы мы умерщвляли экипажъ и

пассажиры и бросили ихъ трупы за бортъ, изъ предосторожности отрывая имъ волосы, изувѣчивали лица и снимали съ нихъ платья, чтобъ нельзя было узнать ихъ.

«Въ нашемъ селеніи жила прекрасная, молодая дѣвушка, а отецъ ея былъ самый богатый человекъ изъ всего племени. Красота ея была известна всему свѣту, потому что мы, горные жители Рива, вѣримъ болѣе въ добродѣтель нашихъ женщинъ, нежели мусульмане въ большихъ городахъ; мы имъ позволяемъ всенародно являться безъ покрывала. Мой братъ увидѣлъ молодую красавицу, и хотя огонь воспламенившій его сердце, равномерно сжигалъ и грудь прелестной Анхи, но онъ навсегда потерялъ покой души, потому что тщетно просилъ ее у отца въ супружество. Она была обѣщана жениху гораздо богаче его.

«Когда насталъ день свадьбы, собралось множество гостей, чтобы попить и повеселиться. И братъ мой былъ приглашенъ, но онъ явился только къ концу церемоніи. Онъ былъ блѣденъ, глаза его блуждали, какъ у помѣшаннаго; онъ подошелъ къ кружку, среди котораго сидѣлъ женихъ, и сказалъ ему слѣдующія слова:

— «Узнай, о соперникъ мой, что нынѣ Аллахъ будетъ судьей между мною и тобою. Избранная тобою будетъ принадлежать мнѣ или никому. Говори же, хочешь ли ты уступить ее мнѣ, или желаешь, чтобы кровь наша пролилась здѣсь?»

«При этихъ словахъ уstraшенный женихъ сталъ звать на помощъ своихъ гостей. Началась борьба. Женихъ былъ пораженъ въ сердце, и тутъ же упалъ братъ мой, убитый изъ пистолета, однимъ изъ родственниковъ его противника. Я былъ свидѣтелемъ этого кроваваго зрѣлища, маъ тогда не было еще двѣнадцати лѣтъ, я былъ слишкомъ молодъ, чтобы вполне почувствовать это оскорбленіе.

«Мать моя, страстно любимая старшаго сына, не переставала оплакивать его до самой смерти. Каждый день за обѣдомъ она упрекала меня въ трусости, которая препятствовала мнѣ, по словамъ ея, отплатить за пролитую кровь брата. Когда я сѣлся совершеннолѣтнимъ, она часто насмѣхалась надо мною въ горькихъ выраженіяхъ и плакала, что Аллахъ даровалъ ей такого недостойнаго сына. Я собиралъ все эти слова и хранилъ ихъ въ глубинѣ сердца. Давно уже я рѣшился отмстить убійцу моего брата. Но я былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы сразиться съ двумя братьями убитаго жениха, а я се-

вершено былъ убѣжденъ, что если не удастся мнѣ отмстить въ одно время имъ обоимъ, то моя смерть будетъ неизбежна.

«Шестнадцать лѣтъ я женился на женщинѣ, которую любилъ и которая, слава Аллаху, до-сихъ-поръ жива. Она дала мнѣ много сыновей, которые могли отмстить за смерть отца, если и мнѣ суждено быть убитымъ. Я ввѣрилъ женѣ свое намѣреніе отмстить. Тщетно съ своей стороны братья убитаго жениха думали, что я въ такой молодости не могъ питать жажды мщенія, предлагали мнѣ цѣну крови, и возвысили ее до двухъ-сотъ митцакеле. Я презрѣлъ ихъ предложенія и оставался неумолимъ къ мольбамъ жены, говоря ей: «Да будетъ воля Аллаха надъ будущимъ, какъ и надъ прошедшимъ».

Однажды я узналъ, что одинъ изъ братьевъ намѣревался идти на базаръ, находившійся по близости, а другой остался въ хижинѣ. Это извѣстіе заставило меня рѣшиться привести наконецъ къ исполненію давно замышленное дѣло. Когда часъ обѣда соединилъ насъ, мать мою, жену и меня, я сказалъ матери:

— «Соберите всѣ наши дорогія вещи и приготовьтесь ъхать въ святилище Мулай-Абд-Селяма. Послѣ-завтра намъ нельзя уже оставаться въ Рифѣ».

«Мать поняла мои слова; бросилась ко мнѣ на шею, въ первый разъ называя меня милымъ сыномъ; потомъ, снявши ружье покойнаго брата, съ самой смерти его остававшееся на стѣпѣ, вовсе какъ бесполезное, она благословила его и стала молиться за успѣхъ моего предпріятія. Бѣдная жена моя, напротивъ, залилась слезами, и мысль, что я снова готовлюсь возбудить семейную ненависть, гибельную для себя и для дѣтей нашихъ, приводила ее въ ужасъ».

«На другой день утромъ я пошелъ въ сопровожденіи жены на площадь, куда обыкновенно собирались всѣ жители нашей деревушки. Я узналъ, что одинъ изъ братьевъ отправился уже на базаръ, отстоявшій на три часа пути отъ нашего жилища и, не въ дальнемъ разстояніи, увидалъ другаго брата, сидящаго близъ житницы, въ которой находился хлѣбъ его. Только двое постороннихъ присутствовали здѣсь, большая же часть жителей отправилась на рынокъ. Я замѣтилъ, что обреченный мною на мщеніе, часто оборачивался и наблюдалъ за моими движеніями, потому что оба брата начали подозревать меня. Воспользовавшись мгновеніемъ, когда онъ обернулся спиною, я связалъ съ себя плащъ и покрылъ имъ жену мою, кото-

рая дрожала отъ страху. Я просилъ ее не трогаться съ мѣста, если только жизнь моя сколько-нибудь ей дорога. Съ ружьемъ въ рукѣ я тихо подкрался къ предмету моей ненависти. Не одинъ разъ онъ оглянулся на то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ прежде; и не ясно замѣчая въ отдаленіи человѣческую фигуру, закутанную въ мою одежду, онъ думалъ, что я нахожусь все на томъ же мѣстѣ. Приблизясь на пятнадцать шаговъ къ врагу и незамѣченный имъ, я поднялъ ружье и выстрѣлилъ ему въ спину. На этотъ шумъ многіе жители выбѣжали; но когда узнали причину его, то не произнесли ни одного слова, сознавая, что я исполнилъ только долгъ свой по закону рифѣскому.

«Я возвратился къ женѣ и снявши съ нея плащъ, приказалъ ей тотчасъ же отправиться въ хижину и рассказать матери о случившемся. Рѣшено было, что забравши самыя необходимыя вещи, она сядетъ на мула и осла и поедутъ къ гробницѣ Мулай-Абд-Селъма.

— Скажи матери, прибавилъ я, что соединюсь съ вами до наступленія ночи.

«Зарядивъ ружье, я направилъ шаги свои по дорогѣ къ базару. И тутъ-то, о Аль-Абри! мнѣ пришла мысль съѣсть на лошадей, которой я обязанъ спасеніемъ жизни. Она была привязана не далеко отъ хижины моего сосѣда. Это была верховая лошадь рѣдкой красоты и дорогой цѣны, купленная имъ, когда она еще была жеребенкомъ, и прыгала вокругъ своей матери. Я вскочилъ на нее и поскочила во весь духъ. Вскорѣ я встрѣтилъ брата моей жертвы, возвращавшагося домой съ нѣкоторыми Рифейцами, родственниками и друзьями. Они спросили у меня, за чѣмъ я такъ спѣшу? Я отвѣчалъ, что въ домъ нѣтъ соли, и я спѣшу на базаръ, для того, чтобы успѣть воротиться къ ночи; одинъ замѣтилъ, что было уже очень поздно, и предложилъ подѣлиться со мной своимъ запасомъ. Мнѣ только того и хотѣлось, чтобъ приблизиться къ нимъ, и я принялъ предложеніе. Оставалось только найти удобный случай, для совершенія моей мести; онъ и не замедлилъ представиться; я пустилъ своихъ сопутниковъ впередъ и моя вторая жертва пала отъ ружейнаго выстрѣла въ спину. Товарищи его, которые не были связаны съ нимъ узами крови, молча смотрѣли на паденіе его, не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія. Но родственники его, пришедши въ себя, выстрѣлили цѣлымъ залпомъ и бросились за мною въ погоню. Я бы погибъ, если бы не было подо мною благороднаго коня моего сосѣда. Казалось, онъ

понималъ, что спасеніе зависело отъ его быстроты; онъ не бѣжалъ, но летѣлъ скорѣе вѣтра. Меньше чѣмъ въ полчаса, я накодился на такомъ огромномъ разстояніи отъ своихъ преследователей, что съ наступленіемъ ночи, они принуждены были отказаться отъ своего намѣренія.

«Вскорѣ послѣ этого, я могъ возвратиться и присоединиться къ матери и женѣ. Мы пашли безопасное и недоступное убѣжище въ святилищѣ Мулая-Аба-Селяма. Съ этого времени я жилъ спокойно, и благодаря Аллаху, теперь подъ кровлею моею много сильныхъ рукъ, которыя въ случаѣ нужды отомстятъ за меня».

Когда Аль-Абри окончилъ свой разсказъ, я замѣтилъ ему:

— Братъ твоего друга Ри-сейца былъ безчестный пиратъ, твой другъ убійца, а лошадь, на которой онъ такъ скоро ухалъ, послѣ двойнаго преступленія своего, все не довольно скоро, по моему мнѣнію, свезла бы его на виселицу.

Аль-Абри, удивленный этимъ воззваніемъ, не отвѣчалъ мнѣ, но я рассуждалъ, какъ онъ удалялся прошептать:

— Какіе нечестивые эти Англичане!.... Да будутъ они прокляты!

КАРЕТА МИНИСТРА. Фердинандъ Ж**, самый неустрашимый аферистъ. Если бы спекуляція не существовала до него, то ему непременно принадлежала бы честь изобретенія ея. Спекуляція его стихія.

Природа, впрочемъ, была довольно щедра къ Фердинанду. Она одарила его прекраснымъ ростомъ, пріятною и благородною физиогноміей.

Въ нравственномъ же отношеніи онъ былъ веселаго нрава и довольно честенъ. За кулаками онъ пользуется славою умнаго человека, гдѣ, по правду сказать, умъ не слишкомъ высоко цѣнится. Впрочемъ, его товарищи, посятители опернаго пассажа, охотно внимаютъ его разговорамъ, когда имъ ничего болѣе не остается дѣлать.

Фердинандъ—наблюдатель. Спекуляція не была для него дѣломъ престаго случая. Только глупцы, говоритъ онъ, безъ разбора играютъ повышеніемъ и пониженіемъ фондовъ, по волѣ прихотливаго случая, какъ-будто играютъ въ орлянку или въ rouge и noir. Между-тѣмъ, одному Богу извѣстно, сколько хитрости и предвидѣнія госпо-

да спекуляторы нмвють претензію тратитъ даже на самыя мелочныя свои предпріятія.

Фердинандъ обитаетъ на высотахъ улицы Бланксь. Въ одно утро (это было нѣсколько лѣтъ тому), проходя по обыкновенію по улицѣ Лепельтѣ, по направленію къ Оперному пассажиу, онъ замѣтилъ карету, остановившуюся передъ домоу довольно скромной наружности, который въ послѣдствіи былъ замѣненъ великолѣпными зданіями, карету по формѣ, упряжи и цвѣту ливрея принадлежавшей, какъ ему показалось, одному изъ самыхъ могущественныхъ министровъ того времени. Фердинандъ не обратилъ большаго вниманія на это обстоятельство. Но на другой день, въ тотъ же часъ, его любопытство возбудилось при видѣ кареты на томъ же мѣств. На третій и въ послѣдующіе дни, все то же. Тутъ непременно была тайна!

Министръ, о которомъ идетъ рѣчь, еще довольно молодой, чрезвычайно пріятной наружности, пользовался болѣе или менѣе заслуженною репутаціей дамскаго угодника.

— Кажется, его превосходительство, сказалъ про себя Фердинандъ, принимаетъ аудіенцію всякое утро въ то самое время, какъ ихъ даютъ его товарищи.

Случай незамедлилъ подтвердить его подозрѣнія.

[Въ одно утро, когда карета остановилась у воротъ, и Фердинандъ узналъ въ ней самаго министра, дворникъ, стоявшій на крыльцѣ, закричалъ кучеру: «Барыни нѣтъ дома!» И въ ту же минуту карета повернула назадъ. Фердинандъ рѣшился употребить въ пользу это открытіе. На другой день, онъ сунулъ въ руку привратника пять франковъ.

— У васъ въ домѣ живетъ дама?

— Двѣ.

— Одна изъ нихъ молода?

— Одна молода, а другой около шестидесяти лѣтъ.

— Какъ зовутъ молодую даму?

— Мадамъ Обри.

— Мадамъ Обри? Но я знаю ее! пробормоталъ Фердинандъ. Вдова.... прехорошенькая.... брюнетка?

— Точно такъ.

— Въ которомъ этажѣ она живетъ?

— Во второмъ, на-лѣво.

Фердинандъ быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ во второй этажъ и позвонилъ у двери молодой вдовы. Минуту спустя, его привели въ маленькую, хорошо убранную гостиную.

— Могу ли узнать, что доставляетъ мнѣ честь видѣть васъ у себя?

— Я имѣлъ счастье встрѣчаться съ вами нѣсколько разъ въ обществѣ, и имѣлъ оцѣнить вашъ умъ, сужденія и....

— О! милостивый государь, женщины не этимъ нравятся; подобные комплементы....

— Это не лестъ, но сущая истина. Многие, кромѣ меня, справедливо скажутъ вамъ, что вы прелестны, любезны, остроумны....

— Милостивый государь!...

— Но я прежде всего, вы это знаете, человекъ положительный, и взялъ смѣлость явиться къ вамъ, чтобы самымъ прозаическимъ образомъ поговорить съ вами о дѣлѣ.

— Я совершенно ничего не понимаю въ дѣлахъ.

— Ошибаетесь, сударыня! Что нужно для необходимаго содѣйствія успѣху? вдохновеніе, разборчивость, такъ сказать, предвиденіе политическихъ событій....

— Именно такъ! Политика и я, мы совершенно чужды одна другой.

— Я понимаю вашу осторожность, но позвольте мнѣ удостовѣрить васъ.

— Что же вамъ угодно?

— Боже мой, самую бездѣлицу. Я предлагаю вамъ дѣлать спекуляціи: пополамъ со мною.

— Я не понимаю васъ! Къ чему это?

— Ну ужъ конечно къ тому, чтобы получить прибыль.

— Но это была бы совершенная глупость! Мой доходъ хотя умеренный, но для меня достаточенъ; я не хочу ни чѣмъ рисковать.

— Согласенъ! я отвѣчаю за убытки. Впрочемъ, тутъ я ни чуть не рискую. Мы играемъ на взрнуу.

— Прошу не говорить загадочно! Я не думаю, чтобы вы хотѣли меня мистифицировать; къ тому же, вы говорите съ очевиднымъ убѣжденіемъ, доказывающимъ вашу искренность. Скажите же мнѣ откровенно, какую выгоду вы можете получить въ товариществѣ такого рода?

— Повторяю вамъ, биржевыя дѣла зависятъ отъ предположеній

болше или менше справедливыхъ, отъ свѣдѣній болше или менше верныхъ; прошу васъ только объ одномъ: позвольте приходить къ вамъ каждый день.

— А! это слишкомъ....

— Ну! одинъ или два раза въ недѣлю. О! только на пять минутъ, разсуждать о положеніи дѣлъ.

— Политическихъ?

— Конечно.

— И вы думаете, что мои совѣты могутъ быть вамъ полезны?

— Я въ этомъ увѣренъ.

— Навѣрно, здѣсь скрывается непонятная загадка. Встрѣчая васъ на обѣдахъ у мадамъ де-В**, на дружескихъ вечерахъ у мосьѣ де-С**, я должна считать васъ за благороднаго человека. Сколько въ одинъ мѣсяць можно получить барыша на биржѣ?

— Огромную сумму.

— А сколько можно потерять?

— Почти ничего.

— Кто же платитъ за прибыль?

— О! вы не знаете биржевыхъ тайнъ, и слишкомъ было бы долго объяснить вамъ ихъ.

— Но я спрашиваю васъ на основаніи нашего товарищества, вы же не можете полагать, что я соглашусь раздѣлять прибыль, не подвергаясь опасности убытка, на какую сумму можетъ простираться недочетъ въ продолженіе мѣсяца, при самыхъ худыхъ обстоятельствахъ?

— На тысячу франковъ, а можетъ-быть на двѣ. Не болше.

— Можно рискнуть.

— Вы соглашаетесь?

— Очень охотно. Можетъ-быть это единственное средство разгадать загадку. Но вы сохраните это втайнѣ?

— Свято. Ваша довѣренность не будетъ обманута.

— Вы говорите съ жаромъ. Вы забываете, что пристрастіе должно быть первою добродѣтелью спекулятора.

— Нѣтъ, не забываю и, въ доказательство того, Нума сейчасъ же спрашиваетъ у своей Егеринъ перваго совѣта. Долженъ ли я сего дня рѣшиться на повышеніе или пониженіе?

— Вы говорите не шутя?

— Вы это очень хорошо знаете. Говорите же. Повышеніе или пониженіе.

— Пусть будетъ повышеніе.

— Хорошо. Я бѣгу на биржу.

— Какой же вы оригиналь, мосьё Фердинандъ.

Первыя операціи Фердинанда были удачны. Это было то самое время кризиса, когда фонды со дня на день подвергались важнымъ потрясеніямъ. Нашъ спекуляторъ, проходя улицу Лепельтіе, бросалъ всегда безпокойный взглядъ на домъ, въ которомъ жила мадамъ Обри, и чело его мгновенно помрачалось только въ такомъ случаѣ, когда онъ не находилъ кареты.

Вѣрный системѣ, предписанной самому себѣ, онъ всегда остерегался относиться съ прямыми вопросами къ своему влестному товарищу, касательно настоящихъ дѣлъ, а мадамъ Обри, съ своей стороны, казалось ему, съ большою предосторожностію старалась не произнести слова, которое могло бы показаться нескромнымъ. Дѣловая часть разговора всегда ограничивалась выборомъ повышенія. Что касается до причинъ, побуждавшихъ мадамъ Обри предпочитать одно другому, о нихъ исторія умалчиваетъ. Развѣ у королевской женщины, оправдывающей свое предпочтеніе, можетъ быть причинъ важнѣе каприза?

Фердинандъ съ слѣпою довѣрчивостію предавался въосторженнѣе капризамъ своего прекраснаго товарища и постоянно счастливые результаты давали ему полное право считать ее обладательницею драгоценнаго дара двойнаго зрѣнія, во всемъ, что относилось до политики, потому что событія, какъ-бы по волебному мановенію, всегда отзывали ея темнымъ предчувствіямъ.

Къ концу перваго мѣсяца товарищи наши получили чистой прибылью сорокъ-пять тысячъ франковъ. Фердинандъ честно раздѣлилъ ихъ на двѣ равныя части. Мы уже сказали, что онъ былъ столько честенъ, сколько это возможно въ его званіи. Мадамъ Обри, до-сихъ-поръ, смотрѣвшая на это мнимое товарищество, какъ на шутку слишкомъ продолжительную, или на предлогъ, скрывающій какое-нибудь тайное намѣреніе, наконецъ должна была убѣдиться очевидностію.

Однако же неожиданные успѣхи случайнаго предпріятія, не ослѣпи-

ли ее до такой степени, чтобы она не сочла долгомъ представить Фердинанду все возраженія, внутренняя странностью ея положенія.

— Я согласилась на вашу странную шутку немного изъ снисхожденія, и очень много изъ любопытства, сказала она Фердинанду; но не надѣйтесь, чтобы я приняла часть барышня, которому никакимъ образомъ не могла содѣйствовать.

— Какъ вы можете говорить такимъ образомъ! съ живостью воскликнулъ спекуляторъ, изумленный сомнѣнїемъ, казавшимся ему уже слишкомъ преувеличеннымъ.

— Развѣ не вамъ, не вашимъ мудрымъ совѣтамъ и взрымъ указанїямъ, обязанъ я полнымъ успѣхомъ своихъ предпрїятїй? Не только половина барышня вамъ законно принадлежитъ, не только три части, а вся сумма сполна.

Потомъ подумавши, онъ какъ-будто вдругъ сдѣлалъ нечаянное открытіе, сказалъ :

— Послушайте, будемъ откровенны. Вы нарочно показываете видъ, что не считаете серьезнымъ наше товарищество, для того только, чтобы имѣть предлогъ прекратить его.

— А какую причину вы приписали бы этой тактикѣ?

— Причину, впрочемъ, очень понятную, которую я никакъ не считаю преступленїемъ.

— Но какую же причину?

— Вы находите, что ваша часть слишкомъ недостаточна въ сравненїи съ важностью вашего одолженія. Но зачѣмъ же вы не сказали этого прежде? Есть средство уладить все. Хотите шестьдесятъ процентовъ?

— Что это вы?...

— Двѣ трети?...

— По это право....

— Боже мой! три четверти, если вы ужъ этаго непременно требуете... Вы видите, что въ дѣлахъ, я человекъ откровенный.

— Но, мосьё Фердинандъ, или вы съума сошли, или я помѣшалась. Кромѣ шутокъ, за кого вы меня принимаете, за ясновидящую или за ученицу мадамъ Ленорманъ?

— Вы сами очень хорошо знаете, что это не правда.

— Я должна однако такъ думать. Какую важность можно припи-

сывать словамъ, сказаннымъ на взтеръ, ни на чемъ не основаннымъ, впечатлѣннѣмъ мимолетнымъ, совѣтамъ даннымъ случайно, въ шутку?

— Но всегда впускаемъ самую мудростью, и....

— И чѣмъ еще?...

— И глубокимъ познаніемъ самыхъ тайныхъ, самыхъ непредвиданныхъ событій....

— Вѣдь я уже сказала, что вы возводите меня на степень ясно-видящей! Но ваша лесть, конечно, не дойдетъ до того, чтобы одарить меня еще величайшею прозорливостью.

— Оставимъ это; сомнамбулизмъ, двойное зрѣніе, гадапіе или что другое, — что до этого: малѣйшія указанія ваши не менѣе того были для меня оракуломъ, а послѣдствія доказываютъ вамъ, что я не ошибся, имѣя къ вамъ полную довѣренность

— Вы приводите меня въ смущеніе.

— Хотите двѣ пятыхъ?

— Опять!

— Вамъ нужно три четверти? Установимъ наши условія одинъ разъ навсегда.

— Но я совсемъ мѣшаюсь! Если это сонъ, въ немъ по-крайней-мѣрѣ нѣтъ ничего неприятнаго. Скажите же по совѣсти, положи руку на сердце, вы думаете, что я точно и законно приобрѣла половину нашей прибыли?

— По-крайней-мѣрѣ половину, клянусь вамъ! Довольно вамъ будетъ половины?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— Вы слишкомъ великодушны.... Вы меня приводите въ смущеніе!

— Говорите тише, мосье Фердинандъ, говорите тише, вы меня разбудите.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, спекуляція продолжалась еще успѣшнѣе. Мадамъ Обри вошла въ духъ своей роли и, не полагаясь уже единственно на случай, впрочемъ вполне благоприятный, она прилежно принялась читать журналы, съ неутомимою заботливостью слѣдила за засѣданіями палаты, съ точностью справлялась о биржевомъ курсѣ, толковала и сравнивала извѣстія, чтобы имѣть настоящее разумное мнѣніе и возвѣщать свои предсказанія только по зрѣломъ и здравомъ разсмотрѣніи; словомъ, она сдѣлалась совершенно синимъ чулкомъ политики. Въ гостиныхъ, на балѣхъ, въ театрахъ, она на

любезности своихъ обожателей отвѣчала вопросомъ о сокровенныхъ намъреніяхъ Оттоманской Порты, о болѣе или меньшей прочности испанскаго министерства. Странность эту приписывали иногда сердечному, иногда рѣшительному намъренію отказаться отъ суеты свѣта; и придерживавшіеся послѣдняго предположенія, удивлялись такою внезапной рѣшимости, преждевременному отреченію отъ свѣта женщины, которая по лѣтамъ и красотѣ, могла обещать себѣ въ будущемъ еще много лѣтъ прекрасной жизни.

Что касается до Фердинанда, онъ принялъ жесткій и натянутый тонъ и величественно мрачный видъ трагическаго наперсника, онъ вытянулся и застегивался до самаго подбородка въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Держалъ себя по возможности вдалекѣ отъ товарищей, едва отвѣчалъ и то односложными словами тѣмъ, которые къ нему относились, точно какъ-будто боялся, раскрывая ротъ, открыть какую-нибудь государственную тайну.

Сначала смѣялись надъ этимъ превращеніемъ, но увеличивающіеся успѣхи мрачнаго спекулятора, скоро обезоружили насмѣшниковъ. На биржѣ все прощается успѣху, даже смѣшное. Что я говорю! Смѣшновъ только разорившійся глупецъ.

Но вотъ, вдохновеніе мадамъ Обри, всегда съ восхищеніемъ принимаемое, все болѣе и болѣе приносило счастья. По расчетамъ прибыль вышла почти вдвое противъ прежняго. Фердинандъ былъ въ восторгѣ, мадамъ Обри начала убѣждаться въ своей глубокой финансовой способности. Какъ ни велика бываетъ скромность, надобно же наконецъ покориться необходимости.

Товарищество продолжалось къ обоюдному удовольствію обѣихъ сторонъ. Фердинандъ ни на одно мгновеніе не нарушилъ предписанной самому себѣ осторожности. Между-тѣмъ, самая искренняя дружба связывала тѣсными узами его и молодую вдовушку. Общія выгоды, какъ и магнитъ, имѣютъ привилегію сближать разстоянія.

Они здоровались по англійскому обычаю, пожимая руку при входѣ и прощаніи, не придавая этому никакой важности и безъ всякаго скрытого намъренія, по обыкновенію добрыхъ друзей, въ особенности товарищей. Двѣ руки, пожимающія другъ друга, часто для того, чтобы оцарапать, не составляютъ ли изстари классическаго символа чистосердечія?

Но никогда не было замѣтно ни малѣйшей любезности со стороны

Фердинанда, кромѣ самой необходимой учтивости. Иногда присылка букета, но безъ всякой предварительной мысли и, вѣроятно, только потому, что мадамъ Обри женщина, что цветы растутъ для женщинъ, и что Фердинандъ не зналъ другой женщины, которой могъ бы послать цветы, предлагаемые ему докучливою цвѣточницею на дорогѣ.

Онъ никогда не подумалъ воспользоваться короткостью, существовавшею между имъ и молодой вдовою, а если эта мысль и приходила ему иногда въ минуту увлеченія, онъ отталкивалъ ее, какъ нравственное нарушеніе правъ, какъ во зло употребленную довѣренность, потому что о сердцѣ не было упомянуто въ условіяхъ товарищества.

Безпрерывныя посѣщенія Фердинанда не возбудили никакого возраженія со стороны его усердной совѣтницы. Событія мѣнялись съ такою быстротою, что какъ-бы часто ни видѣлись, ни совѣтовались они — все было мало. Неустрашимый спекуляторъ являлся во всякое время, исключая того, когда министерская карета заграждала ему путь.

Однажды на биржѣ распространился слухъ, что кабинетъ долженъ въ этотъ же день положить окончительное рѣшеніе въ дѣлѣ величайшей важности. Фердинандъ тотчасъ бросился въ улицу Лепельтѣ, не для того, чтобы сдѣлать нескромный вопросъ, точно ли было принято такое рѣшеніе; нѣтъ, мы сказали, что онъ никогда не дѣлалъ подобной выходки: но для того, чтобы сдѣлать привычный вопросъ: повышение или по нижепіе?

— Къ кому вы изволите итти, спросилъ привратникъ, когда онъ вбѣжалъ на лѣстницу?

— Вы хорошо знаете куда, къ мадамъ Обри.

— Оттого-то я осмѣлился останоить васъ, сударь. Мадамъ Обри нѣтъ дома.

— Она вышла со двора?

— Она уѣхала въ деревню.

— Какъ, не предуведомивъ меня? Когда же? Вѣроятно не болѣе часа тому назадъ?

— Она уѣхала вчера вечеромъ.

— Вчера? невозможно! Еще сегодня утромъ карета стояла у подъезда.

— Какая карета?

— Ну, какая! разумеется, карета министра.

— Министра? такъ что же это доказываетъ?

— Это доказываетъ, что онъ былъ у мадамъ Обри, нѣсколько часовъ тому; невозможно же, чтобы онъ оставался одинъ.

— У мадамъ Обри?... Но онъ ее не знаетъ, и никогда не видалъ!

— У кого же онъ такъ часто бываетъ?

— У своей матери.

— Какъ! онъ всякой день бываетъ у нея?

— Часто и по два раза, когда она не здорова; а она, бѣдняжка, съ нѣкотораго времени весьма часто бываетъ больна.

Фердинандъ былъ пораженъ, уничтоженъ. И такъ эти таинственныя спекуляціи, такъ умно разсчитанныя, были только дѣломъ случая, и мадамъ Обри, противъ воли, была ложною помощницею. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться, но внезапное вдохновеніе озарило его мысли:

— Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ находится дача мадамъ Обри?

— Въ Виль-д'Аврэ, въ Церковной улицѣ, превосходный домъ, недавно ею купленный, съ рѣшетчатою оградой.

— Два часа спустя, Фердинандъ звонилъ у рѣшетки.

— Какъ это мило, что я васъ вижу у себя, другъ мой, сказала ему мадамъ Обри, подавая руку. Вы видите произведеніе нашихъ предпріятій. Вы здѣсь почти дома.

Фердинандъ улыбнулся, но если бы посмотреть на него поближе, то эта улыбка очень походила на гримасу.

— Но я отгадываю, сказала молодая вдова; если вы пріѣхали ко мнѣ сюда, да и въ такое время, то вѣроятно вамъ надо посоветоваться со мною о какомъ-нибудь очень важномъ предпріятіи?

— Дѣйствительно весьма важномъ, вы справедливо замѣтили. Ваше отсутствіе заставило меня понять то, что съ нѣкотораго времени, я тщетно пытался утѣнить отъ самага себя — я не могу уже жить вдали отъ васъ.

— Какъ! суточное отсутствіе произвело такое дѣйствіе? Удивительно! Продолжайте, другъ мой, я васъ слушаю.

— Мое уваженіе и постоянство должны были заставить васъ понять, какъ много я люблю васъ....

— А! вотъ наконецъ загадка разрѣшилась.

— Какъ! уже ли вы не отгадывали ее

— Говоря искренно, я недооценивала.

— И такъ, вы соглашаетесь?

— Вы ничего мнѣ не предлагаете.

— Ахъ, это правда! И такъ, позвольте самому преданному, самому страстному изъ всѣхъ поклонниковъ вашихъ....

— Страстному? Вотъ никогда бы этого не предполагала.

— Позвольте надѣяться имѣть счастье быть вашимъ мужемъ.

— О! о! теперь вы предлагаете мнѣ неразрывное товарищество? Берегитесь, вотъ уже три мѣсяца, какъ мы выигрываемъ съ изумительнымъ счастьемъ. Оно можетъ измѣнить намъ.

— Я устанавливаю его, женившись на васъ.

— Вы непременно хотите?

— Умоляю васъ.

— Вы слишкомъ хорошия шгрокъ, чтобы я могла отказать вамъ.

— Какъ вы добры!

— И такъ, трудясь съ такимъ остроуміемъ и безкорыстіемъ о прращеніи моего благосостоянія, вы трудились для себя!

— Для насъ обоихъ.

Фердинандъ поспѣшилъ возвратить ту долю барыша, которую онъ такъ простодушно уступилъ. Впрочемъ, Фердинандъ и его жена славутъ самыми счастливыми супругами въ Шоссе - д'Антьескомъ предмѣстіи. Для нихъ супружество исполнено пріятностей.

СЛѢПОЙ ОТЪ РОЖДЕНІЯ. Солнце закатилось и ночь уже наступила, когда Юстинъ и Савданъ оставили Помри. Они ѣхали большою дорогою до проселочной, ведущей въ Сенъ-Флоранъ и Граппре. Сандонъ свѣлъ на лошадь, Юстинъ шелъ за нимъ пѣшкомъ. Оба друга не размыслились ни однимъ словомъ, послѣ сердечнаго изліянія, потому что оба имѣли пужду собраться съ мыслями послѣ такихъ волшеній.

Они уже подъезжали къ перекрестку, какъ вдругъ раздалось громкое и веселое восклицаніе:

— Здравствуйте, мосье Сандонъ. Здравствуйте, мосье Лакло! въ добромъ ли здоровьи возвращаетесь вы къ намъ, мосье Сандонъ?

Такъ говорилъ молодой человекъ, или скорѣе мальчикъ, тринадцати или четырнадцати лѣтъ, со свѣжимъ, простодушнымъ лицомъ и живымъ взоромъ; онъ остановился, чтобы взглянуть на проѣзжав-

шихъ путешественниковъ. Одежда его, которой старалась придать щеголеватый видъ, мало отличалась отъ одежды деревенскихъ щеголей: но по шляпѣ, обинитой галуномъ, которую онъ гордо носилъ на бекрель, не трудно было отгадать его званіе: мужика преобразовали въ лакея.

Юстинъ и Сандонъ знали его; но неожиданное появленіе этого мальчика, казалось, произвело на нихъ совершенно различное впечатлѣніе. Всегда но возмъ благосклонный, Сандонъ дружески кивнулъ ему головою, между-тѣмъ какъ Юстинъ, узнавъ его по голосу, отвернулся съ видимымъ отвращеніемъ, какъ-будто эта встрѣча пробудила въ немъ тягостныя воспоминанія.

— А, это ты Шарло! сказалъ старикъ, продолжая свой путь; между-тѣмъ какъ маленькій шалупъ весело шелъ возлѣ него; благодарю тебя, любезный; здоровье мое поправилось, слава Богу; а здоровъ ли дядя твой?

— Здоровъ сказалъ Шарло, но, продолжалъ онъ, выпрямившись, съ-тѣхъ-поръ какъ я разбогатѣлъ, не думаю болѣе о дядюшкѣ, который больше кормилъ меня пепьками нежели хлѣбомъ, когда я жилъ у него.

— А, такъ ты разбогатѣлъ, сказалъ Сандонъ разсѣянно; не хорошо, другъ мой, гордиться, въ особенности противъ роднаго, кормившаго и воспитавшаго тебя сироту.... Ну, прощай, любезный, ступай съ Богомъ, вѣдь тебѣ итти не по одной дорогѣ съ нами.

— Прошу извинить, мосьё Сандонъ, сказалъ мальчикъ, продолжая итти съ рѣшительнымъ видомъ и положивъ одну руку въ карманъ жилета, а другою вертя палку; я иду на почтовый дворъ за кабриолетомъ для моего барина.

— Для твоего барина! воскликнулъ Юстинъ, на котораго послѣднія слова произвели электрическое дѣйствіе.

И онъ съ живостью подошелъ къ Шарло. Сандонъ въ изумленіи, что обстоятельство, повидимому столь ничтожное, произвело такое сильное впечатлѣніе на его воспитанника, спросилъ у него: развѣ онъ знаетъ господина Шарло?

— Уже съ мѣсяцъ онъ находится въ услуженіи у Виктора Нельяна, отвѣчалъ слѣпой отрывисто.

Сандонъ, уже довольно узнавшій изъ происшествій этого дня, понималъ важность свѣдѣній, которыя Юстинъ могъ узнать отъ мальчика;

по этому онъ совершенно не вмѣшиваясь въ последованій ихъ тѣмъ разговоръ.

— Такъ твой баринъ ужаснога, бѣдный Шарло? сказалъ Юстинъ съ принужденнымъ спокойствіемъ.

— А, такъ онъ вамъ разсказывалъ? отвѣчалъ мальчикъ съ простодушнымъ удивленіемъ, пристально посмотрѣвъ на слѣпца; а представьте себѣ, онъ далъ мнѣ десять франковъ, чтобы я никому не говорилъ о его отъѣздѣ! Вотъ сами посмотрите :

Онъ вынулъ изъ кармана два эку: въ пять франковъ, которые давно уже ему хотѣлось показать; потомъ, вдругъ спрятавъ ихъ въ карманъ оказалъ, смѣясь :

— Какой же я дурань! все забываю, что вы ничего не можете видѣть! Сегодня въ Помри вы прошли мимо меня, я снялъ передъ вами шляпу съ возументомъ, а вы и не замѣтили меня.... Кстати еще, поверьте-ли, какой добрый этотъ баринъ, онъ обещалъ оставить мнѣ шляпу и галунъ, и все, ежели....

Онъ остановился въ замѣшательствѣ.

— Ну! я тоже!

— Въ-самомъ-дѣлѣ, если онъ вамъ сказалъ о своемъ отъѣздѣ, продолжалъ мальчикъ, чувствовавшій непреодолимое желаніе высказать свою радость, то вы должны знать и остальное, вѣдь вы другъ его; вотъ видите ли, онъ мнѣ оставитъ шляпу и дастъ десять франковъ, если лошади будутъ стоять у Сенъ - Флоранскаго креста завтра утромъ, въ четыре часа. Разумвется, сегодня я не долженъ спать, и онъ можетъ быть уврѣнъ, что завтра я и почтальонъ до разсвѣта будемъ ждать его у креста....

— Завтра, въ четыре часа утра, прошепталъ Юстинъ, говоря самъ съ собою : какъ она будетъ плакать!

— Онъ продолжалъ путь свой, погруженный въ мрачныя размышленія. Шарло все бѣжалъ за нимъ; по временамъ снималъ шляпу, чтобы полюбоваться ею, звенѣлъ деньгами и болталъ всякій вздоръ, какъ вдругъ Юстинъ, вышедши изъ задумчивости, съ грубостью сказалъ ему :

— Ну, ступай прочь; ты намъ надоелъ.

Шарло остановился въ изумленіи отъ этой внезапной перемены, причины которой не могъ подозрѣвать. Онъ посмотрѣлъ на Юстина.

— Иду, сказалъ онъ лукаво, тѣмъ болѣе, что вы теперь поедете

во дорогъ въ Гранпрё; да, баринъ, пожалуйста не расскажите по-крайней-мѣрѣ объ этомъ барынь! а то я все потеряю и деньги и шляпу, не считая того, что докторъ, увѣзая въ Парижъ, славно выдереть мнѣ уши, а онъ ихъ деретъ больно....

— Я тебя самъ ихъ выдеру, если ты сейчасъ же не уйдешь, сказалъ Юстинъ, которому надвѣла эта болтовня: вотъ твоя дорога, а вотъ наша; убирайся къ чорту!

— Хорошо! я иду, милостивые господа, сказалъ Шарло льстивымъ голосомъ, прощайте, покойной ночи.

Въ эту минуту путешественники приближались къ темной и закрытой дорогѣ, ведущей въ Гранпрё, и тотчасъ же свернули на нее, между-тѣмъ какъ Шарло, остановясь на перекресткѣ и опираясь на свою палку, смотрѣлъ какъ они удалялись.

Они медленно приближались къ лѣсу. Было совершенно темно подъ тѣнью высокихъ деревьевъ, шаги путешественниковъ едва были слышны на сухихъ листьяхъ, покрывавшихъ невымощенную дорогу. Скоро однако они достигли аллен, служившей эспланадою Гранпрё, и сквозь деревья Сандонъ увидалъ свѣтъ въ окнѣ перваго этажа.

— Вѣроятно Зоя не ждетъ меня, сказалъ старикъ, замедляя шаги своей лошади, чтобы поровняться съ Юстиномъ. Бѣдвяжка! сколько счастья принесетъ мнѣ ея радость!

— Мнѣ странно, что Зоя не выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу, сказалъ слѣпой; вѣрно она нездорова, потому что обыкновенно она меня ждетъ подъ первыми деревьями аллен.

— Меня еще болѣе удивляетъ, прервалъ Сандонъ, смотря на домъ, паходившійся уже не въ далекомъ разстояніи, что освѣщено только окно въ комнатѣ покойной матери вашей....

— Можетъ ли это быть, Сандонъ? свѣтъ въ этой комнатѣ, въ такой часъ и въ такой день? Но развѣ вы забыли, что мы съ Зоєю входимъ туда только въ торжественные дни, напримѣръ въ день смерти матери нашей; тамъ мы проводимъ тогда цѣлый день въ слезахъ и молитвахъ, послѣ чего комната запирается и только вы, да мы имѣемъ право туда входить?

— Однако это совершенная правда; теперь я даже узнаю занавѣсы, украшающіе это окно; я не ошибся.

— А Зоя должна бы слышать насъ и ѣхать къ намъ на встрѣчу! Сандонъ, что такое?

Они подѣхали къ главнымъ воротамъ Гранпрё, и Сандонъ сошелъ съ лошади. При этомъ шумъ, толстая Жанета и слуга Петръ, появившись на скатъ, замывившемъ прежнее крыльцо, и съ величайшею радостью встрѣтили Сандона.

— О! какъ барышня будетъ рада! сказала Жанета, съ радостью ударяя въ ладоши, теперь я увѣрова, она не будетъ больше плакать, пойду скажу ей.

— Не нужно, Жаннета, сказалъ слзпой; мы хотимъ доставить ей печальную радость. Гдѣ она теперь?....

— Въ... въ маменькиной комнатѣ, сказала толстая дѣвка, сохраняя названіе, данное молодыми людьми комнатѣ своей матери; она приказала мнѣ тотчасъ же доложить ей, когда вы возвратитесь, и я иду....

— Петръ, возьми лошадь, сказалъ Юстинъ, а ты, Жанета, приготовь ужинъ для нашего друга. Мы сами отыщемъ Зою; пойдѣте, Сандонъ.

И онъ такъ быстро шелъ по лѣстницѣ, что его старый учитель съ трудомъ успѣвалъ за нимъ слѣдовать. Но была причина этой необыкновенной поспѣшности, потому что едва онъ вошелъ въ домъ, какъ явственно услышалъ стоны и рыданія, раздававшіяся въ верхнемъ этажѣ. Сердце его сжалось, когда вошедъ на последнюю ступеньку лѣстницы, онъ могъ удостовѣриться, что не ошибся, и что сестра его молилась и плакала въ комнатѣ покойной матери.

Дверь была полуоткрыта, и свѣча, небрежно поставленная на стулъ, освѣщала всю эту непроницаемую комнату, которая была святилищемъ для Юстина и Зои. Мебель въ ней стояла самая простая, но бережно сохраняемая въ чрезвычайной чистотѣ, хотя почти также древняя какъ домъ. Все въ ней находилось въ такомъ же порядкѣ какъ и при жизни мадамъ Лакло: дѣти, обожавшія ее, не позволили вынести или переставить ни одной вещи, ей принадлежавшей; они все сохраняли свято. Кровать, стоявшая въ глубинѣ алькова, была закрыта пунцовыми штофными занавѣсками; въ углубленіи окна, выходившаго въ садъ, большое кресло и рабочій столикъ показывали мѣсто, гдѣ мадамъ Лакло любила работать; на этомъ столѣ находилось много небольшихъ вещицъ, необходимыхъ для попечительной хозяйки, начатыя работы, которымъ несуждено было быть оконченными. Подлѣ кресла стоялъ табуретъ, вышитый по капъ, на которомъ Зоя еще ребенкомъ такъ часто садилась у ногъ своей матери. Но главными украшеніями этой комна

ты были два портрета во весь ростъ, висѣвшие на стѣнѣхъ комнаты; на одномъ, висѣвшемъ надъ каминомъ, представлялъ быть старикъ вѣнчанной наружности, въ полномъ мундирѣ полковника; на другомъ, висѣвшемъ противъ двери, была изображена женщина тѣхъ сорока, съ кроткимъ и привлекательнымъ лицомъ и приветливымъ улыбочкою: это были портреты отца и матери двухъ сиротъ.

Въ этой-то комнатѣ, полной воспоминаній, при печальномъ и невѣрномъ свѣтѣ одной свѣчи, Зоя стояла на козлахъ передъ портретомъ матери, со всеми признаками глубокаго отчаянія. Она не была уже прелестная молодая дѣвушка, блистающая здоровьемъ и свѣжестью, какъ мы прежде ее знавали. Черты лица ея, чистыя и спокойныя въ нѣсколько недѣль совершенно измѣнились, щеки исхудали и поблѣдли; около глазъ ея, распухшихъ отъ слезъ, видѣлись синіе круги; вмѣсто прежняго певиннаго кокетства, явилась совершенная небрежность, выказывавшаяся въ ея одеждѣ и во всей наружности. Она валакала передъ этимъ портретомъ, живо напоминавшемъ ей обожаемыя черты ея доброй матери, такъ предавалась своей горести, что не слышала, какъ вошла Юстинъ и Сандонъ. Она обращалась къ портрету съ прерывистыми словами, непонятными мольбами, въ которыхъ безпрерывно слышались имена *матери* и *Юстина*; потомъ она, казалось, задыхалась отъ рыданій и смехъ.

Юстинъ отстоявши на порогѣ двери и удержалъ Сандона, хотѣвшаго войти. Глубокое благоговѣніе къ этой священной комнатѣ, къ этой горести молодой дѣвушки удержало ихъ на одномъ мѣстѣ.

Зоя впала въ одинъ изъ тѣхъ припадковъ унынія, которыя утихаютъ, кажется, только для того, чтобы разразиться съ новою силою. Волосы ея развазались и длинными локонами спадали по плечамъ; слезы закрыла лицо руками, какъ будто желая скрыть его отъ кроткаго и благосклоннаго взгляда матери, устремленнаго на нее.

Наконецъ, отбросивши голову назадъ, она съ жаромъ сложила надъ нею руки и устремивъ глаза, исполненные надежды и любви, на изображение покойной матери, сказала слабымъ и раздрающимъ душу голосомъ:

— О! милая мамочка, неправда ли, ты меня прощаешь? Неправда ли, ты смягчишь сердце Юстина? Ты знаешь, мамочка, сдержала

ли я обещаніе, которое дала тебѣ и ему при смертномъ одрѣ твоемъ; ты знаешь, какъ я любила Юстинна, и когда онъ все узнаетъ, маменька, пусть меня не проклинаетъ....

Эти послѣднія слова, заглушаемая рыданіями, едва были слышны. Юстинъ едва не раздавилъ руки наставника, ожимая ее въ своей рукѣ; но голосъ Зои сдѣлался слышнѣе и снова привлекъ все его вниманіе.

— Они осыпаютъ меня упреками, говорила она съ ужасомъ; они не будутъ имѣть жалости ко мнѣ; ты, маменька, ты знаешь, что Юстинъ оставилъ меня для другой; онъ не понималъ ни моихъ слезъ, ни моленій, когда я старалась удержать его; онъ всегда оставлялъ меня одну съ этимъ человѣкомъ, такъ много общавшимъ мнѣ, который заставилъ меня первую сознаться въ любви къ нему, а потомъ оставилъ меня и такъ низко меня обезславилъ... О! какъ жестоко наказалъ меня Господь за первую ложь! Въ тотъ день какъ я дала Юстину роковую клятву открывать ему всякое встрѣтившееся мнѣ обольщеніе, я была уже виновна. О! маменька, добрая маменька, что скажетъ Юстинъ, когда узнаетъ, что я обезславлена?

Дверь тихо отворилась.

— Онъ проститъ тебя, моя бѣдная Зоя, сказалъ Юстинъ раздирающимъ голосомъ, потому что онъ также виновенъ какъ и ты.

Въ ту же минуту Юстинъ и Сандонъ вошли въ комнату. Слѣпой юноша, хотя былъ блѣденъ и дрожалъ, имѣлъ однако спокойный видъ. Увидавъ его, Зоя вскрикнула, и упала бы на полъ, если бы Сандонъ не поддержалъ ее.

— О! нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она, смотря на брата блуждающими глазами, ты не слышалъ моихъ словъ, неправда ли Юстинъ? Здѣсь, въ присутствіи нашей матери, отчаяніе овладѣло мною и, можетъ-быть...

— Не старайся обманывать меня, сестрица: я все знаю.

— И ты не отталкиваешь меня съ презрѣніемъ?

Вмѣсто всякаго отвѣта Юстинъ открылъ ей свои объятія, и девушка бросилась къ нему. Сандонъ, прислонившись къ стѣнѣ и проливая обильныя слезы, шепталъ:

— Бѣдные дѣти! бѣдные дѣти!

Когда первыя минуты сердечнаго изліянія прошли, старикъ приблизился, взявъ ихъ обоихъ за руки, и сказалъ съ волненіемъ:

— Дѣти мои, позвольте вашему старому другу предложить вамъ помощь въ настоящихъ гибельныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть

посредничество чловѣка безпристрастнаго и разсудительнаго, можетъ еще поправить бѣду. Скажите мнѣ имя обезславившаго васъ чловѣка.... Я пойду къ нему, я выскажу ему истину, опишу вамъ горестъ, призову его къ болѣе благороднымъ чувствамъ....

— И онъ васъ не послушаетъ, Сандонъ, сказалъ Юстинъ энергичски, потому что это безчестный и низкій чловѣкъ; впрочемъ, вы знаете, что завтра утромъ.... У креста Сентъ-Флоранскаго.... Но не безпокойтесь, я беру на себя отомстить за сестру.

— Какъ! воскликнулъ Сандонъ, съ удивленіемъ омотря на Зою; такъ это молодой пріѣзжій докторъ....

— Прося руки моей, онъ обѣщалъ мнѣ возвратити зрѣніе Юстину, сказала молодая дѣвушка.

— Чтѣ вы думаете дѣлать? тихо спросилъ Сандонъ у слѣпаго.

— Сандонъ, сказалъ Юстинъ съ спокойствіемъ, указывая на сестру, я вамъ поручаю мою милую Зою; берегите ее, утѣшайте....

Сказавъ это, онъ вышелъ и удалился въ свою комнату, оставивъ Сандона и Зою одинаково испуганныхъ замыслами, которые составились въ его головѣ. Старикъ не рѣшался сказать Зоя о скоромъ отъѣздѣ доктора, но остерегался влить въ сердце ея надежду, которой самъ не имѣлъ. Зоя почти не слышала его словъ; и теперь какъ и прежде, она думала о своемъ братѣ. Хотя ночь наступила, но Юстинъ не ложился спать; слышно было, какъ онъ медленно ходилъ по своей комнатѣ. Старикъ и молодая дѣвушка стучали въ его комнату; но онъ ихъ не слышалъ, или можетъ-быть не хотѣлъ имъ отвѣчать. Сандонъ и Зоя также не думали предаться покою. Около двухъ часовъ утра, наставникъ, истощенный усталостью и горемъ, задремалъ на креслахъ; молодая дѣвушка, предавшись мрачному унынію, оставалась неподвижна и безмолвна, но внимательная къ малѣйшему шуму. Вдругъ она тихо вскрикнула и встала.

— Что случилось, дитя мое? спросилъ Сандонъ, проснувшись.

— Слушайте!

Явственно послышался стукъ затворяемыхъ воротъ. Зоя подбѣжала къ окну и увидала какую-то тѣнь, медленно удаляющуюся; она указала ее Сандону, закричавъ:

— Юстинъ! братъ!

Тѣнь не отвѣчала и быстро удалилась.

— Боже мой! воскликнул Сандонъ съ ужасомъ; чего я боялся, то и случилось, онъ пошелъ къ нему, чтобы убить его.

— Вы ошибаетесь, батюшка, сказала молодая дѣвушка, Юстинъ не пошелъ въ Помри.

— Но онъ идетъ по дорогѣ въ Сенъ-Флорансъ... а Нельявъ приказалъ, чтобы почтовая карета ждала его въ четыре часа утра въ Сенъ-Флорансъ... Пойдемъ, дочь моя, разбуди слугъ, и побѣжимъ въ за Юстиномъ, чтобы спасти его, можетъ-быть, отъ преступленія.

Петръ и Жанета не ложились спать, также какъ и ихъ господа; въ пять минутъ всѣ были готовы.

— О! не ходите, отецъ мой! воскликнула молодая дѣвушка, увидавъ, что Сандонъ шатается; вы еще слабы, вы измучились...

— Нѣтъ, нѣтъ, Зоя, сказалъ старикъ, поднявъ глаза къ небу. Господь дастъ мнѣ силъ, еще на два часа! А тамъ, если будетъ Его святая воля, пускай я умру.

Юстинъ, не отвѣчая на призывъ сестры, пошелъ по закрытой дорогѣ, ведущей въ Сенъ-Флоранъ, которую мы уже знаемъ. На немъ былъ накинутъ родъ плаща изъ сѣраго бархату, какъ и всѣ остальная его одежда; онъ надвинулъ на глаза шляпу съ широкими полями, чтобы предохранить себя отъ древесныхъ ветвей и терновыхъ кустовъ, которые могли зашибить его въ быстрой ходьбѣ.

Еще не разсвѣтало, и не смотря на затруднительную дорогу, Сандонъ шелъ въ темнотѣ гораздо скорѣе, нежели могъ бы идти бѣгущій. Онъ уже не опасался преслѣдованій, думая, что отошелъ на довольно большое разстояніе отъ Гранпрё, какъ отдаленный шумъ голосовъ и шаговъ, раздававшихся по направленію, которое онъ избралъ, заставилъ его увѣриться, что онъ ошибался. Тонкій слухъ не допустилъ его на минуту усомниться, что люди, шедшіе позади его, были не чужды; онъ узналъ тяжелые шаги больного старика, и стукъ деревянныхъ башмаковъ своихъ слугъ. Ножка Зои была слишкомъ мала и походила слишкомъ легка, чтобы производить шумъ, который былъ бы слышенъ на некоторое разстояніе, но звукъ голоса изменилъ ей, и Юстинъ тотчасъ узналъ его.

Сандонъ не могъ скорѣе идти, и Юстинъ надѣялся еще уйти отъ нихъ. Онъ ускорилъ шаги и, можетъ-быть, успѣлъ его увѣдомить бы успѣхомъ, если бы онъ продолжалъ идти между густою

Т. Сн. — Отд. VII. 5

изгородью подъ твнью, въ которой могъ скрыться; но когда онъ вышелъ на ровное мѣсто, гдѣ не было деревьевъ, лунный свѣтъ упавшій на его, измѣнилъ ему.

— Юстинъ! братецъ! подожди насъ! закричала Зоя провзительнымъ голосомъ.

Юстинъ, какъ-будто не слыша новаго призыва, бросился впередъ, все еще надвясъ скрыться въ темнотѣ густыхъ листьевъ, между пнями деревьевъ, окружавшихъ дорогу. Но онъ скоро понялъ, что ошибся въ своемъ расчетѣ. Зоя приказала Жанетъ поддерживать старика, сама же побѣжала со слугою, смѣлымъ и проворнымъ малькомъ къ мѣсту, гдѣ увидала Юстина.

На открытомъ, ровномъ мѣстѣ, Юстинъ терялъ все выгоды, которыми пользовался въ темнотѣ и отъ скорой ходьбы, онъ понялъ, что продолжая идти по этой дорогѣ, онъ неизбежно будетъ настигнуть и потому рѣшился смѣло броситься между кустарниками дрока и въ тростникъ, находившійся на этой пустоши, на краю которой былъ Столъ жнецовъ. Не боясь смять свою одежду, ни исцарапать лицо, онъ скоро исчезъ въ кустарникахъ, гораздо выше его головы, и скоро уже невозможно было попасть на его слѣды. Однако онъ слышалъ еще вопли и рыданія сестры, просьбы и мольбы стараго наставника; недалеко отъ него слуги съ шумомъ пробирались сквозь кустарникъ, и молодая дѣвушка ободряла ихъ въ усердныхъ розыскахъ. Юстинъ, выведенный изъ терпѣнія ихъ настойчивостью, хотѣлъ уже явиться передъ ними, и строгимъ приказаніемъ или убѣжденіемъ принудить ихъ оставить его въ покоѣ продолжать путь въ Сент-Флоранъ. Но онъ тотчасъ же вспомнилъ о затрудненіяхъ, соединенныхъ съ исполненіемъ такого плана: не легко было убѣдить Зою и Сандона, и много драгоценнаго времени прошло бы въ бесполезныхъ словахъ. Притомъ, по рѣшительной настойчивости, съ какою его преслѣдовали, онъ понялъ, что намѣреніе его отомстить было разгадано и конечно при подобныхъ опасеніяхъ, никакія просьбы и угрозы не могли бы принудить Зою и Сандона допустить Юстина подвергнуться озабоченіямъ подобнаго предпріятія. Слѣзному оставалось только для избѣжанія встрѣчи съ ними, спрятаться или опередить ихъ и, сбѣжавъ съ дороги, скорѣе притти къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ находиться Викторъ Нельякъ, врагъ его. Рѣшившись на это, Юстинъ еще съ большою противъ прежняго поспѣшностью броси-

ся между кустарниковъ, пробиваясь впередъ какъ раненый кабанъ, преслѣдуемый охотниками. Еще минутою назадъ, онъ слышалъ знакомые голоса своихъ друзей, шумъ шаговъ Петра въ дрокъ и папоротникъ, но вотомъ шумъ этотъ становился слабѣе и вскорѣ совсѣмъ исчезъ. Однако слѣпой не останавливался; терзаемый страхомъ, чтобы не помѣшалъ его мщенію, котораго такъ желалъ въ продолженіе многихъ часовъ, онъ бѣжалъ съ какимъ-то бѣшенствомъ. Вскорѣ онъ вышелъ изъ кустарника, но ему опять послышались отдаленные крики, онъ бросился бѣжать по полямъ, покрытымъ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ, по лугамъ мимолетныхъ деревьевъ, подвергаясь каждую минуту опасности разбить себѣ лобъ о пни деревьевъ или упасть въ ровъ или яму.

Однако, спустя четверть часа послѣ неистоваго бѣгства, тишина и удивленіе, царствовавшія вокругъ, заставили его наконецъ остановиться подъ деревомъ; онъ былъ совершенно измученъ тѣмъ болѣе, что провелъ всю ночь въ жестокихъ страданіяхъ послѣ цѣлаго дня, исполненнаго физическихъ и нравственныхъ потрясеній. Онъ снялъ шляпу; отеръ лицо, съ котораго катился потъ крупными каплями, и съѣлъ на траву перевести духъ на минуту. Тутъ ему нечего было бояться быть открытымъ.

— Человѣкъ, обезславившій вездѣ сестру мою, долженъ загладить свое преступленіе или.... Но если онъ будетъ подлѣ до такой степени, что не согласится на бракъ съ Зоєю!

При этой мысли, онъ заскрежеталъ зубами и съ силою ударилъ кулакомъ о землю. Онъ долженъ дать мнѣ отвѣтъ за всѣхъ насъ, во-первыхъ за нее, потомъ за Зою, потомъ за себя.... лишь бы только сестра и Сандонъ не помѣшали моимъ намѣреніямъ! Но я долженъ притти прежде ихъ и приду.... они, вѣроятно, ищутъ меня на пустоши; я долженъ опередить ихъ и черезъ нѣсколько минутъ, можетъ-быть, все будетъ кончено....

Говоря такимъ-образомъ, онъ спряталъ пистолеты въ плащъ и взявъ трость, всталъ въ намѣреніи продолжать свой путь.

Однако, Юстинъ оставался на одномъ мѣстѣ въ странной тоскѣ; онъ не зналъ навѣрное, въ какой сторонѣ находился Сень-Флорантъ и дорога, ведущая къ нему.

Чтобы объяснить это обстоятельство, надо знать, что чудное знаніе мѣстности, которымъ обладалъ слѣпой, происходило оттого, что начиная дорогу съ известнаго мѣста, онъ могъ легко различать раз-

своя и неопределившаяся; некоторые другие; место; посредством при-
знаков; одному; ему; изъяснить и помыслил. Когда эта цель; со-
ставляла; слышать для самого-себя; была случайно прервана, и не-
далеко от места; откуда он отправлялся в путь и посредством
перерыва; предполагал относительное положение других мест, скры-
вшись от него; он снова становился безмогущим слышать;
который не знает, куда обратиться в знакомом ему месте;
Вспомнить с такою ясностью; он стоял; раз; сбивался с пра-
вой; дороги, то пробывая через верховья пустоши, то отстраняя эти
и другие встречавшие препятствия, что ему нельзя было сде-
лать шагу вперед с уверенностью достигнуть желаемой цели. По-
нимая свое положение; он побуждал и на лица его вытупил холод-
ный пот.

— Заблудился! сказал он с ужасом, заблудился в первый
раз в жизни; заблудился когда мне всякая минута дороже десяти
тысяч существований, когда этого preservarный успеть уехать....

Он прислонился к дереву, укрывшему его в тишине ночной, при-
снувшись к отдаленному и неопределинному шуму, по которому
мог бы открыть настоящую дорогу. Но природа была мрачна и без-
молочна; чуть слышное дуновение ветра шевельвало листья деревьев;
он чувствовал бесконечную, безпредельную пустоту около себя.
Однако, после некоторого размышления, он снова пустился в
путь, но сколько можно было, держась дороги, смотря по по-
ложению пустоши; только что пройденной, и направлял свои ша-
ги в ту сторону, где, по его предположению, должна была
находиться дорога в Сент-Фирмак. Но в поступи его не было
уверенности и спокойствия; вся его неустроен-
ная; легкая; излезла с той минуты; как он потерял свои
признаки. Он шел медленно, наклонив лицо вперед, про-
щупывая руни, свертываясь на каждом шагу; стараясь угадать и
избавить всякого препятствия. Пройдя; полчаса; и хотя Юстин
считал своим быть четверть мили после последнего разрыва, одна-
ко слышал еще за дорогу; так хорошо ему известную и теперь
теперь отыскиваемую. Напрасно он стараясь подслушать журчанье
ручья; отыскать; каню; и куда; заковылок; грудь; земли; или занять
пустоты; которые могли бы указать ему на ближайшую дорогу; без
ощущая; не в состоянии; идти; он; пошел; думать; пошел; на

итановымъ рошамъ, находившимся не болѣе какъ въ полмили отъ Гранпрё. Но тогда онъ шелъ по вѣрному расчету отъ извѣста, съ котораго начиналъ прогулку до промежутокъ; тогда онъ нѣкоторымъ образомъ руководился отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, теперь же напротивъ, онъ боялся, что продолжая идти, вдругъ явится передъ Гранпрё, изъ котораго ушелъ. Однако, подкрѣпленный надеждою, онъ продолжалъ путь. Скоро наконецъ, природа пробудилась отъ своего усыпленія, вѣтерокъ сталъ свѣжее и постояннее, какъ это обыкновенно бываетъ при солнечномъ восходѣ; маленькія птички робко зачирикали въ кустахъ; блѣдный свѣтъ озарилъ небо на востокъ: это было поэтическое мгновеніе, предшествующее зарѣ, называемое Итальянцами *alba*. Но всѣ эти признаки, возвѣщавшіе приближающійся разсвѣтъ, увеличивали только нетерпѣніе и отчаяніе Юстина.

— Уже поздно! восклицалъ онъ, топая ногою.

Чего бы онъ не далъ теперь, чтобы услышать только вдалекѣ голосъ Зои или шаги Сандона, даже подвергаясь опасности употребить силу, чтобы высвободиться изъ рукъ сестры и друга, только бы они вывели его на дорогу въ Сенъ-Флоранъ? Чего бы онъ не далъ, чтобы только встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ поселянъ, или наткнуться на какое-нибудь ихъ жилище.

Но наблюденіе, сдѣланное имъ при выходѣ изъ дому, возвратило ему бодрость; онъ замѣтилъ, что слѣдуя по дорогѣ въ Сенъ-Флоранъ, онъ шелъ прямо противъ вѣтру; а такъ какъ вѣтеръ усилился, то ему легче было по его направленію достигнуть мѣста своей цѣли; но кто могъ быть увѣренъ, что вѣтеръ не перемѣнилъ своего направленія при появленіи зари? Юстинъ долго еще блуждалъ, не будучи увѣренъ, что можетъ-быть идти совсѣмъ въ противоположную сторону отъ желаемой цѣли. Его одежда была покрыта рососою, руки и лицо разодраны, расцарапаны терновникомъ и колючими вѣтвями, безпрестанно встрѣчавшимися на пути; ноги распухли отъ усталости и болели отъ ходьбы. Мгжду-тѣмъ уже совершенно разсвѣло, часы летѣли, и лошади, которыя должны были далеко умчать лицемѣрнаго поклонника мадамъ де-Франшвиль и Зои, безъ сомнѣнія уже давно были копытами отъ нетерпѣнія на назначенномъ мѣстѣ.

Всѣ эти мысли терзали сѣрдца и, болѣе нежели физическія страданія, истощали его энергію. Пройдя до конца пустое и неопредѣленное пространство, гдѣ онъ надѣялся найти наконецъ дорогу, слышны еще се-

вершено оставили, и упавъ на колѣна, онъ бросился лицомъ на землю и оросилъ ее слезами:

— О Боже мой! воскликнулъ онъ съ выраженіемъ отчаянія и мольбы, Ты захотѣлъ испытать мое мужество, захотѣлъ разбить мою неукротимую гордость, заставлявшую меня думать, что я стою наравнѣ и можетъ-быть выше другихъ людей; въ то время, когда я имѣлъ болѣе нежели когда-нибудь нужду въ силѣ и мужествѣ, Ты поразилъ меня всѣмъ бременемъ моей слабости и безсилія! Но къ Твоему милосердію обращаюсь я, о Боже мой! я самый недостойный, самый ничтожный и слабый изъ всѣхъ тварей Твоихъ. Господи, умилосердись надо мною! гордость моя была не что иное какъ глупое тщеславіе; самое слабое, самое малое дитя можетъ управлять своими глазами, а я и этого не могу.

Было что-то торжественное и печальное въ этомъ одинокомъ признаніи, въ этомъ сердечномъ изліяніи и сознаніи своей слабости передъ Богомъ человека сильнаго и энергическаго, хотѣвшаго бороться съ недостаткомъ своей организаціи. Это испытаніе было свыше силъ; въ первый разъ могущественный парія признавалъ себя побѣжденнымъ.

Но въ ту же минуту вдругъ послышался вблизи шумъ и раздались человѣческіе голоса. Юстинъ вскочилъ; онъ опять почувствовалъ возвратившуюся силу, мужество и способность дѣйствовать; вся наружность его оживилась; онъ сталъ прислушиваться и не долго нужно было Юстину отыскивать дорогу, онъ почувствовалъ наконецъ подъ своими погами колени и неровности проложенной дороги.

Въ эту минуту онъ забылъ все, что выстрадалъ со вчерашняго дня; неожиданный случай послѣ столькихъ томленій привелъ его къ мѣсту, къ которому онъ такъ стремился. За четверть мили отъ него находился Сенъ-Флоранъ, и единственный колоколь его въ эту минуту призывалъ къ молитвѣ, а ближе къ нему, только въ трехъ или четырехъ стахъ шагахъ, стоялъ уединенный крестъ, у котораго Викторъ Нельякъ приказалъ дожидаться почтовой кареты, безъ сомнѣнія для того, чтобы никто не зналъ о его отъездѣ. Мѣсто было выбрано удачно, при соединеніи двухъ дорогъ, вдали отъ жилищъ, и Юстинъ подумалъ, что нельзя было избрать лучшаго мѣста чтобы отмстить человѣку, обезславившему его сестру.

Сердце его билось отъ надежды и страха, когда онъ приближался къ назначенному мѣсту. Можетъ-быть Нельякъ уже уѣхалъ? Или не

назначилъ ли онъ другаго мѣста, гдѣ должна его дожидаться карета? Наконецъ, не могло ли случиться, что Сандонъ и Зоя находились тутъ же, тогда все погибло. Последнее предположеніе, повидимому очень удобоисполнимое, болѣе всего тревожило слѣпца. Онъ рѣшился идти съ большою осторожностью. Онъ долженъ былъ все покончить съ докторомъ наединѣ: и потому надо было явиться передъ нимъ въ благоприятную минуту. Юстинъ сталъ еще осторожнѣе, когда под-ходя къ Сенъ-Флорану, услыхалъ смѣшанный шумъ голосовъ и шаговъ, топанье лошадей, хлопанье бича; очевидно было, что происходило что-то необыкновенное, но по-крайней-мѣрѣ все это движеніе служило слѣпому важнымъ доказательствомъ, что Нельякъ еще не уѣхалъ. Не далеко отъ дороги, по которой ѣздили на телѣгахъ и верхомъ, шла узенькая тропинка для пѣшеходовъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ деревняхъ, гдѣ проѣзжія дороги не всегда находятся въ хорошемъ состояніи. Эта тропинка, знакомая Юстину, отдѣлялась отъ большой дороги частымъ заборомъ; обыкновенно по ней ходили только въ дурное время года; въ настоящее же время нельзя было ожидать кого-нибудь на ней встрѣтить. Слепой воспользовался первымъ проломомъ въ этомъ заборѣ, чтобы перескочить на эту тропинку, по которой незаметно и очень близко могъ подойти къ назначенному мѣсту, и успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Едва онъ сдѣлалъ шаговъ пятьдесятъ, какъ шумъ около креста сталъ явственнѣе; одно обстоятельство особенно привлекло его вниманіе. Два человѣка перепрыгнули на неровную дорогу черезъ заборъ, противоположный тому, за которымъ шелъ Юстинъ; можно было думать, что они бѣжали къ этому мѣсту, черезъ поля и принятыя ими предосторожности показывали, что они имѣли причины скрываться отъ людей, находившихся отъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Юстинъ спрятался за терновникомъ и стоялъ неподвижно.

— Накопецъ мы пришли! сказалъ веселый голосъ, по которому слѣпой тотчасъ узналъ Шарло; теперь, господинъ докторъ, вамъ нечего бояться: по этой дорогѣ я проведу васъ до первой почты, не встрѣтивъ никого, и тѣ, которые васъ ждутъ тамъ, очень ошибутся! Мы пойдемъ черезъ лѣсъ слѣпаго и черезъ два часа будемъ на мѣстѣ.... Довольны ли вы мною, господинъ докторъ?

Сперва никто не отвѣчалъ; казалось тотъ, къ кому обращались съ вопросомъ, приводилъ въ порядокъ свою одежду, разстравленную тр уд-

ной дорогою черезъ кустарники; однако носъ невольно выдалъ его молчаніемъ, онъ сказалъ съ разсѣяннымъ видомъ :

— Да, да, любезный, но будь ты болтунъ, то могъ бы съмѣяться вѣдчайшимъ мошенникомъ въ мірѣ... Да, твоя выдумка не дурна, и я тебя награжу. Безъ тебя я бы попался въ просакъ.... Но куда же мы идемъ?

— Сюда, отвѣчалъ Шарло, поворачивая въ противоположную сторону отъ Сенъ-Флорана; вамъ будетъ немножко скучно, вы не привыкли ходить пѣшкомъ, но что дѣлать? впрочемъ, это не далеко; всего двѣ мили....

Господинъ и слуга пустились въ путь; Юстинъ, поверотивъ назадъ, осторожно послѣдовалъ за ними вдоль забора. Теперь врагъ его не могъ уже скрыться; черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ докторомъ Нельякомъ.

— Ну-ка скажи мнѣ, шутъ, какимъ-образомъ пришла тебѣ мысль, бѣжать мнѣ на встрѣчу, и заставить меня идти по вспаханнымъ полямъ, вмѣсто того, чтобы привести прямо къ кресту, гдѣ ждетъ меня все почтенное общество?

— Послушайте же, господинъ докторъ, сказалъ мальчикъ съ дерзкимъ видомъ: вы обѣщали дать мнѣ нѣсколько экю, и шляпу съ галуномъ, если никто не узнаетъ о вашемъ отъздѣ.... Клянусь честью, я уже дожидался васъ у креста съ почтальономъ Дегурди: такъ его называютъ на почтѣ; онъ куритъ трубку, а я укладывалъ ваши вещи въ карету, какъ вдругъ вижу подлѣ себя мадамъ де-Франшвилъ.... Она пришла одна, пѣшкомъ, ужъ самъ не знаю какимъ-образомъ; сначала я не узналъ ея, на ней не было шляпки съ цвѣтами, но маленькій, совсѣмъ маленькій чепчикъ, точь въ точь какъ у моей тетушки. Глаза у нея были совсѣмъ красные, она укуталась какимъ-то чернымъ плащомъ. Я вытаращилъ глаза отъ удивленія и не зналъ что дѣлать, когда хныкая, она сказала мнѣ:

— Развѣ мосѣ Викторъ не пришелъ еще, Шарло?

— Мосѣ Викторъ, сказалъ я ей, тотчасъ отгадавъ ея хитрость, — онъ теперь крѣпко спитъ себѣ, я его не видалъ. — «А, ты хочешь скрывать отъ меня», сказала она сердито; для кого же этотъ экипажъ, если не для него?» — Сначала я потерялся, но потомъ отвѣчалъ ей: — Это кабріолетъ для моего дяюшки, который ѣдетъ въ городъ. А дяюшка

Зачѣмъ къ королю пошла на рыцарь-полосной ладони, да пошла, да
нужды вѣтъ, не правда ли? Хитро я отъзналъ ей, не правда ли?

— А что она на это сказала? спросилъ Викторъ съ волненіемъ.

— Ничего; она села на дорожку, говоря: «Хорошо! я подожду».
Хорошо! и будешь ждать одна. Я думалъ какъ бы мнѣ предупредитъ васъ, какъ вдругъ услышалъ, что разговариваютъ подлѣ меня; я думалъ, что это Дегурди курить трубку п ругается, и хотѣлъ ему отвѣчать, какъ вдругъ поднимаю глаза и вижу передъ собою.... мадамозель Лакло. У ней былъ маленькій чепчикъ, черная юбка и красные глаза.... Вотъ и другая, подумалъ я. Но эта ничего не говорила, ничего не спрашивала; только старикъ, провожавшій ее — вѣдь она пришла со всемъ своимъ домомъ, — сказалъ мнѣ тихо: его еще вѣтъ? Мы пришли пожелать ему добраго пути! Старый враль!

— Скажи же мнѣ, Шарло, говорили ли эти дамы между собою, спросилъ Викторъ съ волненіемъ.

— О! если бы вы видѣли, какъ онѣ смѣшно посмотрѣли другъ на друга! Онѣ поморщились и принялись плакать. Тогда блѣдный старикъ, котораго зовутъ Сандономъ, тихо говорилъ имъ что-то, вѣроятно утѣшалъ ихъ, и такъ славно утѣшилъ, что онѣ залились слезами, какъ два фонтана.

Если бы въ руки Юстина попался разскащикъ, который, будучи такъ молодъ смѣялся надъ страданіями двухъ прекрасныхъ, благородныхъ женщинъ, онъ растерзалъ бы его. Даже Викторъ Нельякъ вознегодовалъ.

— Ты первый мерзавецъ въ мірѣ, сказалъ онъ съ отвращеніемъ; и если бы ты не былъ мнѣ нуженъ еще на нѣсколько часовъ.... Но посмотримъ, какъ ты вывернулся?

— О! самымъ простымъ образомъ, сказалъ спокойно Шарло, который боялся только пеньковъ, все остальное было для него ни по чемъ; когда я увидалъ такое многочисленное общество, то подумалъ про себя: «Однако господинъ докторъ будетъ не совсѣмъ доволенъ, если я его не предупрежу; онъ больно выдеретъ меня за уши!» Тогда я притворился, что хочу пройтись, и бросилъ Дегурди, который и теперь еще курить и ругается.... Можете повѣрить, что я не прощался и съ остальными. Тогда я васъ встрѣтилъ на дорогѣ въ двадцати шагахъ отсюда, все вамъ разсказалъ, и мы пустились черезъ поля.... Пусть они дѣдаютъ тамъ, что хотятъ! какъ

Догурди будетъ недоволенъ! Я уверю, что при первой встрѣчѣ мнѣ порядочно достанется отъ него, потому что онъ очень золъ.

Все это было разсказано мальчишкою съ такою скоростью, что разговоръ этотъ продолжался не болѣе пяти или шести минутъ. Викторъ слушалъ съ задумчивымъ видомъ и, казалось, старался разгадать загадку.

— Все это, сказалъ онъ не объясняя, какъ узнали они мою тайну. Признайся, Шарло; ты кому-нибудь разсказалъ о моемъ отъздѣ.

— О! никому, господинъ докторъ, сказалъ мальчикъ съ безстыдствомъ.

— Какъ, даже своему другу Губерту? Мнѣ однако же показалось....

— А! сказалъ хладнокровно Шарло, онъ можетъ-быть догадался, увидавъ, что я шелъ на почту.

— Говори, говори правду! Губертъ не могъ разсказать мадамозель Лакло, напримѣръ....

— О! клянусь вамъ, я никому не говорилъ кромѣ Губерта, сказалъ мальчикъ съ чистосердечнымъ видомъ, и то мимоходомъ нѣсколько словъ....

— Да мнѣ, безстыдный лжець! произнесъ сильный голосъ.

Викторъ и его товарищъ вздрогнули и вдругъ остановились. Не изъ лустаго любопытства Юстинъ слѣдовалъ за ними и подслушалъ ихъ разговоръ; вѣроятно, онъ выжидалъ, что проломъ въ заборъ доставитъ ему возможность подойти къ нимъ. Случай благоприятствовалъ его желанію; во время его появленія, докторъ и Шарло шли по самой узкой и сжатой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ находились очень высокіе кусты, за ними былъ крестъ, деревня и люди, ожидавшіе Виктора. Юстинъ загородилъ имъ дорогу, такъ что нельзя было сдѣлать шагу ни впередъ ни назадъ, если бы слѣпой, который, какъ извѣстно, былъ силенъ и смѣлъ, не захотѣлъ пропустить ихъ. Увидавъ его, Нельякъ поблѣднѣлъ, но скоро оправившись, свободно спросилъ у Юстина;

— Могу ли я узнать, мосѣ Лакло, почему вы такъ странно останавливаете меня на дорогѣ? Чего вы хотите отъ меня?

— Я сейчасъ вамъ это скажу, Викторъ Нельякъ, сказалъ Юстинъ, не оставляя своего мѣста; но прежде всего, продолжалъ онъ съ

угрожающимъ видомъ, обращаясь къ Шарло, этотъ негодяй долженъ сойчасъ же удалиться, я его раздавлю какъ эхидну!

Эти слова и движеніе, ихъ сопровождавшее, были слишкомъ выразительны для того, чтобы Шарло поколебался хоть на минуту; онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ въ ту сторону, гдѣ находился крестъ. Услыхавъ, что онъ удался, слѣпой вынулъ изъ кармана пистолеть.

— Оружіе! воскликнулъ Викторъ, отскочивъ назадъ; милостивый государь, вы хотите меня убить?

— Я не хочу убить васъ, сказалъ Юстинъ съ презрѣніемъ; я хочу только доказать вамъ, что вы въ моей власти, что вы не можете убѣжать отъ меня; если же осмѣлитесь это сдѣлать, не давъ объясненій, которыя я имѣю право отъ васъ требовать, я васъ безъ сожалѣнія убью, если вы только тронетесь съ мѣста.

— Милостивый государь, какого бы вы ни были обо мнѣ мнѣнія, я имѣю притязаніе не считать себя трусомъ.... Вы можете говорить; я даю вамъ слово не уходить отсюда, пока не дамъ вамъ удовлетворенія.

— Хорошо; но я совѣтую вамъ, не слишкомъ выходить изъ себя, потому что я буду наблюдать за вами. Вы такимъ прекраснымъ образомъ оставляете двухъ особъ, которыя должны бы быть для васъ весьма дороги; — вы не ускользнете отъ меня!

— Я и не думаю о томъ, милостивый государь, сказалъ докторъ съ притворнымъ спокойствіемъ; я очень желаю выслушать васъ, послѣ такого предисловія.

— Докторъ Нельякъ, продолжалъ съ важностью слѣпой; вы конечно догадались, что привело меня къ вамъ. Со вчерашняго вечера я чувствую къ вамъ глубокую ненависть. Не отчета пришелъ я требовать въ вашемъ низкомъ поведеніи въ отношеніи мадамъ де-Франшвилъ; я не имѣю на это ни права, ни власти. Я имѣю только право отмстить за певинную сестру, которую вы обезславили, завлекая въ свои сѣти и говоря о томъ другомъ.... Не скажете ли теперъ, что вы ее не безчестили?

Докторъ наклонилъ голову и молчалъ.

— Въ замѣну другихъ недостатковъ вы, по-крайней-мѣрѣ, откровенны; а такъ какъ я хочу, чтобы объясненіе это совершилось, то и не скажу вамъ, что вы употребили низкую хитрость, чтобы обмануть довѣріе моей сестры, что вы воспользовались ея слабостью. Не

скажу вамъ этого потому, что долженъ ясно и прямо спросить васъ: Викторъ Нельякъ, хотите ли вы жениться на сестрѣ моей? Вся душа Юстинъ заключалась въ отвѣтъ доктора на этотъ вопросъ.

— Милостивый государь, сказалъ докторъ запинаясь, мнѣ странно...

— Одно слово, сказалъ слѣпой, задыхаясь: да или нѣтъ?

— Нѣтъ!... я не могу.

Юстинъ громко вздохнулъ.

— Если не ошибаюсь, продолжалъ онъ, я долженъ еще спросить васъ, милостивый государь, о причинѣ этого отказа.

Викторъ былъ сильно взволнованъ и отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я долженъ вамъ казаться очень виновнымъ и низкимъ. Въ моей любви къ мадамозель Лакло, одно можетъ служить мнѣ извиненіемъ, это — искренняя страсть, внушенная мнѣ вашей сестрою. Вы мнѣ предлагаете жениться на мадамозель Лакло; если бы я не имѣлъ важныхъ причинъ для отказа, я бы не колебался рѣшился соединиться брачными узами съ молодою дѣвушкою, достойною всякаго уваженія. Но если не ошибаюсь, вы довольно знаете исторію моей жизни, чтобы понять важныя обязанности, возлагаемыя на меня моимъ положеніемъ. Вы знаете, чѣмъ я обязанъ мадамъ де-Франшвилъ; я былъ бы слинкомъ неблагодаренъ въ отношеніи ея, если бы осмѣлился нанести ей послѣдній ударъ. Я никогда не женюсь на мадамъ де-Франшвилъ, потому что не люблю и никогда не любилъ ея; но какъ бы ни были справедливы ваши требованія, я никогда не женюсь на другой женщинѣ, потому что мадамъ де-Франшвилъ моя благодѣтельница, мой другъ, и подобный союзъ заставитъ ее умереть отъ горести.

— Такъ намъ теперъ остается стрѣляться, воскликнулъ Юстинъ, лицо котораго воспалилось и ноздри раздулись. Хорошо, хорошо, Викторъ Нельякъ! я этого ожидалъ отъ васъ. Вы хотите лучше стрѣляться? благодарю, мосьё Викторъ, потому что ненависть къ вамъ душитъ меня.... Поспѣшимъ же, выбирайте оружіе....

И онъ съ улыбкою подалъ доктору два пистолета; но тотъ, съ удивленіемъ отступивъ назадъ, сказалъ:

— Я не могу стрѣляться съ вами, Юстинъ, это было бы преступленіе.

— Вы не можете стрѣляться со мною! съ страшнымъ гнѣвомъ воскликнулъ слѣпой. Какъ! вы могли думать, что разорвавъ мое сердце,

оскорблять мою любовь; одну святую и чистую, обзаведя мою сестру; на дуэли избивать мщени; отказываясь стрелять со мною! Вы ошиблись; доктор Нельякъ; я требую удовлетворения; сейчас же, сію же минуту.... впрочем, пистолеты уравнивают положение слуга и зрадаго; можно стрелять на известном расстоянии.

— Но, милостивый государь; принимая этот вызов; я буду почти убийцею....

— Такъ вы хотите; чтобы убийцею былъ я? сказалъ слуга съ угрожающимъ видомъ; прикладывая пистолетъ къ лбу Виктора:

— Вы принуждаете меня согласиться, сказалъ доктор; извольте! Онъ взялъ пистолетъ изъ руки Юстина:

— Выслушайте, господинъ Нельякъ, сказалъ слуга довольно нымъ видомъ, я хочу успокоить вашу совесть для того, чтобы вы не оскорблялись великодушнымъ; котораго я вовсе не имью къ вамъ. Вотъ мои условия: мы возмемъ другъ друга за руку; потомъ станемъ отступать въ одно время, считая громко каждыи шагъ; на пятый шагъ мы выстрелимъ разомъ....

— Пусть такъ; сказалъ Викторъ; принужденный согласиться на все условия своего противника:

Они взяли по пистолету и приготовились исполнить назначенныя условия, когда Юстинъ оказалъ энергически:

— Повторяю вамъ, не прикидывайтесь великодушнымъ; не впервые разъ стрелялъ мнѣ изъ пистолета; мнѣ часто случалось на расстоянии двадцати шаговъ попадать въ цель; когда за минуту прежде кончусь ея рукою; и вы, я думаю видяли; что я не то еще дѣлалъ! Проню васъ; безъ всякихъ помысловъ сожалѣній! Я уже сказалъ вамъ; что наши условия равняютъ наше положеніе; для меня достаточно шуту вашимъ шаговъ, зѣвуя вашего голову, чтобы направитъ въ цель выстрѣлъ; если вы не попадете въ меня; то оченъ можетъ случиться; что я попаду въ васъ!...

— Я не забуду этого; сказалъ Викторъ; который дѣйствиельно убѣдился; что оченъ находился съ нимъ въ одинаковомъ положеніи:

Врачнѣ молчаніе царствовало въ это время вокругъ; они вѣзлись за руки; каждаго, поминимъ другъ другу; потомъ; вдругъ опустивши ихъ; стали отступать громко отсчитывая шаги. При словѣ пять, двѣ выстрѣлы раздались въ одно время.

Викторъ не пощадилъ Юстина, но Юстинъ не проувеличилъ своего искусства. Слыпой былъ раненъ въ руку, но пуля пробила на вылетъ горло доктору, который упалъ и умеръ, не произнеся ни одного слова.

Въ одно время съ выстрѣломъ раздакъ пронзительный вопль со стороны Сень-Флорана. Шарло присоединился къ обществу, собравшемуся вокругъ креста, и его смущеніе привело всѣхъ въ безнокойство. Когда его стали допрашивать, онъ признался, что оставилъ Юстина и Виктора вмѣстѣ и однихъ на проселочной дорогѣ; тогда всѣ бросились отыскивать ихъ; раздавшіеся выстрѣлы привели ихъ въ ужась.

Зоя и мадамъ де-Франшвилъ, блѣдныя и задыхающіяся, появились первыя на поворотѣ дороги.

— Братецъ! братецъ! кричала блѣдная Зоя.

— Викторъ! гдѣ вы? кричала мадамъ де-Франшвилъ.

Объ вдругъ явились передъ Юстиномъ, прижавшемъ раненую руку къ груди и, казалось, ожидавшемъ ихъ

— Вы оба отмщены, сказалъ онъ тихо.

Мадамъ де-Франшвилъ бросилась къ убитому Виктору. Зоя не смѣла обнять своего брата; въ это время приближилось все оставшее общество.

— Сегодня вечеромъ я оставлю эти мѣста, сказалъ слыпой.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Музыка, въ настоящее время, дошла въ Петербургъ до общей паузы, до того безмолвія, которое разделяетъ двѣ половины музыкальнаго года. Остались только публичныя, ежедневныя концерты въ садахъ, окрестныхъ нашей столицѣ. Блестящій успѣхъ Юсепа Гунгля въ Павловскѣ, и Лумби на дачѣ Королѣва, поддерживается въ прежней степени, хотя они и должны состязаться съ новымъ или, лучше сказать прежнимъ соперникомъ. Господинъ Юганъ Гунгль, котораго всѣ считали отсутствующимъ въ это лѣто, снова при заведеніи минеральныхъ водъ въ Новой-Деревнѣ. Ни одинъ капельмейстеръ бальной музыки, никогда не пользовался въ Петербургѣ такою блестящею, долговременною и, повсѣмнымъ прибавить, вполне заслуженною славой, какъ Юганъ Гунгль. Утомленный долгими и непрерывными трудами, артистъ этотъ думалъ въ это лѣто отдохнуть, что было необходимо для восстановления разстроена-

го его адепта, но галесъ публики не далъ времени ему успокоиться, онъ неожиданно былъ вызванъ и, конечно, нельзя было ожидать никакого приготовленія къ тому съ его стороны. Но Гуицль не принадлежить къ числу тѣхъ обыкновенныхъ людей, которые нуждаются въ долгихъ приготовленіяхъ; уже въ прошломъ году онъ въ теченіе пятнадцати дней создалъ и образовалъ полный и совершенно новый оркестръ, и теперь не смотря на то, что вызванъ въ ту минуту, когда совсѣмъ не ожидалъ этого, — репертоаръ его почти весь составленъ изъ новыхъ піесъ, гдѣ замѣчательнѣе всего его собственные, послѣднія сочиненія. Здѣсь особенно новый вальсъ его, подъ заглавіемъ «Adelen-Walzer», посвященный госпожѣ Сенковской, потененно возбуждаетъ громкія рукоплесканія публики; его заставляютъ играть и повторять каждый день; наконецъ успѣхъ этого вальса достоинъ Гайдна, Моцарта и Бетгоvena; подобнаго успѣху рѣдко достигаютъ танцевальная музыка и итальянскіе пѣвцы.

Вальсъ Адели есть въ-самомъ-дѣлѣ образцовое произведеніе въ своемъ родѣ, онъ обладаетъ всеми качествами, необходимыми для танцевальной музыки: — прелестью мелодій, быстротою ритма и богатствомъ инструментовки; въ-этомъ «Adelen-Walzer» есть прекрасное сочиненіе, блистающее умомъ, знаніемъ дѣла, и счастливыми соединеніями, такъ, что прельщая толпу публики, оно въ то же время въ высшей степени занимательно для всѣхъ истинныхъ знатоковъ искусства. Завѣдывающій Музыкальнымъ музеумомъ (Musée musicale) господинъ Густавъ Леви, имѣлъ счастье приобрести въ собственность это небольшое образцовое произведеніе и выпустить его въ свѣтъ въ изящномъ изданіи, достойномъ какъ сочиненія, такъ и Musée musicale, въ короткое время уже успѣшнаго заслужить полную довѣренность публики.

— То, что такъ долго и нетерпѣливо ожидалъ Парижъ, наконецъ исполнилось: Альбони дебютировала въ роли Фидесы въ «Пророкъ», на сценѣ Французской Оперы. Въ Парижѣ ее знали только на итальянской сценѣ и какъ концертную пѣвицу; не смотря на свѣжее воспоминаніе о Виардо, создавшей роль Фидесы въ глазахъ самаго Мейербера, успѣхъ Альбони былъ необыкновенный. Великіе артисты почти всегда играютъ не одинаково въ одной и той же роли: Фидеса у Альбони совершенно другое лицо, нежели у Виардо. — Последняя сообщила этой роли мрачный, таинственный и страст-

ный характеръ, который выразился уже въ первомъ трехъ актахъ; а въ послѣднихъ достигаетъ своего большаго и счастливаго окончанія. Альбина изобраила лицо менѣе мрачное; у ней преобладаетъ доброта этого характера Мейербергъ, это добрая Фидеса; какъ ее часто называютъ въ первыхъ актахъ; Альбина несколько не морщитъ ирражностью, какъ это дѣлала Виардо, она дѣвиралась своей естественной доброты; чтобы дать себѣ видъ матери, Голландки, и въ этомъ случаѣ ей какъ нельзя болѣе помогало ея тѣлодвиженіе. Въ первыхъ трехъ актахъ она постоянно остается простодушною, доброю и откровенною; и даже въ самой сценѣ благословенія. Когда въ четвертомъ актѣ проситъ подаяннѣ: *peux-tu m'en donner un peu*, она еще болѣе ничего; какъ бѣдная мать, потерявшая своего сына; только въ ту минуту, когда узнаетъ своего сына; она выпускаетъ радостныя крики; но потомъ видитъ себя отвергнутою, въ ней появляется новая отънокъ: при видѣ сына, который не признаетъ ее за свою мать; это живое, краткое, снисходительное существо приходитъ въ самое сильное негодованіе и изумленіе. Взоръ ея выражаетъ все что она чувствуетъ; милѣйшая ея поза, малѣйшее тѣлодвиженіе въ обворожительномъ согласіи съ ея взглядомъ.

Что касается до голоса, то Альбина показала себя достойною своей славы. Хотя она и Итальянка, однако превзошла у насъ какъ у настоящей Франкуженки. Въ голосѣ ея нѣтъ той сильной, могучей энергій; посредствомъ которой Виардо произвѣдате такія чудныя эффекты; но въ замѣнъ того она обладаетъ полною, постоянно чарующею прелестью и изумительною быстротою и легкостью.

Послѣ всего этого не много можно ошибиться въ заключеніи: Чрезвычайный успѣхъ, тысячи букетовъ, bis для ея пѣнія пятого акта, вызовы, рукоплесканія, — вотъ что имѣла Альбина.

Итальянскій театръ сдѣлалъ второе призываніе для одной и той же роли Фидесы, Виардо также начала свои дѣлать на ея родной сценѣ въ этой же роли Любопытное; что Парисъ, который смотритъ на Мейербергъ и ея оперы, какъ на свои собственныя; но нѣветъ своей певички для роли Фидесы и домыслилъ отъ себя связь между иностранными певичками. Это обстоятельство особенно не благоприятно для дирекціи Оперы, потому что, хотя безъ всякаго сомнѣнія; это не нѣветъ никакого вліянія на успѣхъ Пророка; она необходима должна вычеркнуть изъ своего репертуара эту роль.

ру, пользующуюся такою громкою славою. Ни Виардо́, ни Альбони не приняли ангажемента въ Парижъ, они призываютъ и уязвляютъ оттуда, какъ только имъ вздумается. До-тѣхъ-поръ, пока не будетъ хорошей Фидесы, приглашенной собственно въ Оперу, дирекція не можетъ получить никакихъ выгодъ отъ этого новаго образцоваго творенія Мейербера.

Теперь опера «Пророкъ» совершила путешествіе почти по всей Европѣ. Вотъ таблица, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ городовъ, гдѣ эта опера была до-сихъ-поръ представлена: Парижъ, Лондонъ, Марсель, Амстердамъ, Гага, Гамбургъ, Дрезденъ, Вѣна, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Шверинъ, Лейпцигъ, Дармштадтъ, Антверпенъ, Дюссельдорфъ, Кельнъ, Зондерсгаузенъ, Берлинъ. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Гамбургѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ, композиторъ самъ дирижировалъ первыми представленіями. Въ Берлинѣ, такъ же какъ и въ Вѣнѣ, Мейерберъ имѣлъ блистательный триумфъ. Послѣ третьяго представленія «Пророка», на которомъ присутствовали король и королева, члены оркестра поручили начальнику концерта, господину Ганцу, поднести знаменитому композитору лавровый вѣнокъ, сдѣланный изъ серебра. Въ Берлинѣ Виардо́ постоянно возбуждаетъ восторгъ публики; недавно эта превосходная пѣвица исполняла въ придворномъ концертѣ, арію изъ «Севильскаго цирюльника», — арію изъ «Сандрильоны», Lieder (пѣсни) — Дорна, и извѣстныя испанскія пѣсни. На фортепiano по очереди играли Мейерберъ и Дорнъ, оставившій Кельнъ съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто перваго маэстро въ капеллѣ прусскаго короля, сдѣлавшееся свободнымъ за смертью Николаи.

Сочиненія Мендельсона извѣстны и любимы почти во всей Европѣ, но нигдѣ, исключая Лейпцига, можетъ-быть, они не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ въ Англіи. Въ Лондонѣ послѣдній квартетъ Мендельсона (№ 6, въ fa-mineur), былъ исполненъ въ первый разъ, въ четвертомъ засѣданіи Union-Musicale, Эрнстомъ, Делофоромъ, Гиллемъ и Піатти. Этотъ квартетъ былъ написанъ Мендельсономъ лѣтомъ 1847 года, въ Швейцаріи, при особенныхъ обстоятельствахъ. Преждевременная и неожиданная смерть его сестры, неразлучной спутницы съ самыхъ первыхъ дней его жизни, къ которой онъ питалъ необыкновенную привязанность, сильно поразила Мендельсона, такъ что и безъ того уже слабое здоровье его еще болѣе разстроилось; имъ

овладѣло глубокое отчаяніе. Въ такомъ расположеніи духа, онъ прибѣгнулъ къ своему искусству, какъ къ единственному утѣшенію, и квартетъ его въ *fa-mi-neug* можетъ быть разсматриваемъ, какъ зеркало его чувствъ въ этотъ періодъ страданія; окончивши сочиненіе, онъ въ скоромъ времени отправился въ любимое свое мѣсто-пребываніе — въ Лейпцигъ, который онъ оставилъ только за тѣмъ, чтобы быть погребену въ Берлинъ, рядомъ съ обожаемою имъ сестрою. Для всѣхъ, кто любитъ музыку Мендельсона, и кто отдастъ справедливость его генію, этотъ квартетъ есть предметъ особенно занимательный и трогательный. Это произведеніе, взятое само по себѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, какъ трудъ полный прелести и оригинальности. Можетъ-быть ни у кого страсть не была выражена съ такою силою и увлекательностью, какъ того достигнулъ Мендельсонъ посредствомъ простаго соединенія четырехъ музыкальныхъ инструментовъ: у него истинное краснорѣчіе скорби. Разсматриваемый какъ сочиненіе, квартетъ этотъ существенно отличается отъ другихъ попытокъ автора въ этомъ же родѣ. Лондонскіе знатоки утверждаютъ, что нѣтъ другаго квартета, болѣе способнаго такъ рельефно и осязательно выказать отличительныя способности таланта Эрнста, какъ этотъ квартетъ Мендельсона. Между-тѣмъ, отдавая полную справедливость превосходнымъ качествамъ знаменитаго скрипача, мы не безъ основанія можемъ думать, что Мендельсонъ въ то время, когда писалъ его, собственно предназначалъ его для Вьѣтана; послѣдній встрѣтился съ творцемъ квартета «Иліи» въ Лондонѣ, за нѣсколько времени до сочиненія этого квартета, и привелъ его въ такое удивленіе своей игрой и особенной манерой выражать квартетъ Мендельсона, что знаменитый композиторъ обѣщалъ написать для него особенный квартетъ.

Успѣхъ Эрнста въ Лондонѣ великъ, однако же впечатлѣніе, производимое Стефенъ-Геллеромъ, не менѣе замѣчательно. Особенно, въ тріо Бетговена въ *re* и *si bemol*, которые онъ исполнилъ съ Эрнстомъ и Пятти въ *Union Musicale* и въ *Beethoven quartet Society*, онъ показалъ себя столько же великимъ музыкантомъ, какъ и превосходнымъ піанистомъ. Его правильная и вмѣстѣ съ тѣмъ блестящая игра, отличается необыкновеннымъ пониманіемъ автора, вдохновенія котораго онъ исполняетъ; но зато никогда аудиторія Лондона не привѣтствовала виртуоза столькими восторженными *bravo*,

какъ въ этотъ разъ. Эрнстъ и Геллеръ исполняли многіе изъ своихъ *romances fugitive*, — эти изящныя и прелестныя маленькія дуэты, сочиненныя ими въ обществахъ и которыми они приводили въ восторгъ всю публику.

Повтореніе «Гугенотовъ» на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, составляетъ предметъ чрезвычайно любопытный. Госпожа Каstellанъ замѣнила госпожу Дорюсъ-Грасъ въ роль Маргариты; дѣвица Ди-Мерикъ заняла мѣсто госпожи Ангри въ роли пажа; Формесъ пѣлъ въ роли Марселя; — все они имѣли чрезвычайный успѣхъ, особенно Формесъ. Маріо и Гризи, по обыкновенію, были превосходны. Госпожа Зонтагъ и дѣвица Ида-Бертрандъ продолжаютъ вмѣстѣ и отдѣльно возбуждать восторгъ въ «Линдъ» на театрѣ Ея Величества.

Французская труппа Комической оперы отправилась изъ Лондона, гдѣ имѣла большой успѣхъ, въ Дублинъ. Лордъ-намѣстникъ Ирландіи обвѣщалъ французскимъ актерамъ свое высокое покровительство. Для открытія представленій, Комическая опера дала «Черное домино» Обера. Успѣхъ былъ огромный и полный.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили нашимъ читателямъ о многихъ новыхъ сочиненіяхъ Листа, гдѣ этотъ великій артистъ былъ такъ близокъ къ своему идеалу, что теперь, кажется, онъ достигнулъ самой крайней степени совершенства. Нужно удивляться гению Листа, онъ столько же высокъ, какъ обшрещъ, столько же блестящъ, какъ юттенъ, столько же ученъ, какъ выразительскъ. При всѣхъ этихъ достоинствахъ онъ обладаетъ необыкновенною плодотворностью воображенія. Вся тѣ, которые съ любопытствомъ слѣдили въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ за нутемъ, этого воплощеннаго метеора, называемаго Листомъ, должны были залучиться въ своихъ соображеніяхъ. Нѣтъ города въ Европѣ, который бы не запатилъ своей даніи удивленія, не сплелъ ему какого-нибудь вѣзка, и не бросилъ цвѣтовъ къ стопамъ этого героя. Парижъ первый имѣлъ честь признать и провозгласить величіе Листа. Но уже съ давняго времени онъ не подавалъ никакого признака жизни въ Парижѣ! Не только онъ самъ не былъ тамъ лично, чтобы игрою своею дать новый толчекъ, новое побужденіе восторгу Парижанъ, но и не издавалъ ничего въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже самыхъ малыхъ своихъ вереложеній. Вся его новыя сочиненія выходили въ Германіи. Листъ ничего не дѣлаетъ необдуманно; у него все основано на соображе-

ніи. Что было причиною такого добровольнаго затмѣнія? Не рѣшился ли онъ начать свой новый дебютъ, въ этомъ, такъ любимомъ имъ городѣ, нѣсколькими блестящими новизною произведеніями? Это очень возможно, но кто можетъ утверждать это? Вернѣе всего то, что Листъ явился теперь въ Парижъ, гдѣ (и въ то же время въ Лейпцигѣ) издалъ новое свое произведеніе, въ трехъ тетрадахъ, подъ заглавіемъ: «Illustrations du Prophète», de G. Meyerbeer.

Заглавіе, данное этому переложенію на фортепьяно главныхъ мотивовъ изъ новой оперы Мейербера, есть остроумное осуществленіе идеи, высказанной, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Листомъ, въ предисловіи къ его партитурамъ для фортепьяно симфоніи Бетговена. Онъ называлъ этотъ родъ сочиненія какою-то гравюрою, назначенною, подобно произведеніямъ рѣзца, сдѣлать народными творенія великихъ артистовъ, и распространить ихъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакой возможности узнать самый оригиналъ. Еще съ бѣльшими украшеніями, нежели какія онъ расточалъ въ «Робертъ» и въ «Гугенотахъ», онъ обрамляетъ, своими замысловатыми фіоритурами, произведеніе Мейербера.

Болѣе нежели когда-нибудь, намъ представилась возможность разобратъ способъ, какимъ-образомъ Листъ выполнялъ сюжетъ, переложенный на фортепьяно, надъ которымъ онъ такой побѣдоносный и самовластный властелинъ; съ бѣльшимъ нежели когда-нибудь вниманіемъ, мы просмотрѣли эти листы, которымъ слава новаго образцоваго творенія даетъ еще бѣльшую занимательность. Блестящее воображеніе знаменитаго виртуоза, далекое отъ истощенія, какъ-будто увеличивается въ своихъ качествахъ, по-мѣрѣ-того, какъ оно умножаетъ его произведенія, присоединя къ плодovitости этого воображенія всю силу зрѣлости. Эти листы переложеній, служатъ неоспоримымъ доказательствомъ справедливо признаннаго превосходства Листа въ сочиненіяхъ этого рода. Мы говоримъ, въ сочиненіяхъ, потому что искусство, съ какимъ они написаны, доказываетъ въ немъ сочинителя, полнаго таланта. Если онъ овладѣваетъ чужою мыслью, то это не для того только, чтобы снять съ нея простую копію, но чтобы осуществить, возсоздать ее на фортепьяно.

Онъ не довольствуется однимъ дагерротипнымъ воспроизведеніемъ, съ прибавкою нѣсколькихъ прикрасъ, не свойственныхъ главному мотиву; и въ этомъ смыслѣ намъ кажется, его переложеніе скорѣе при-

ближается къ гравюру, нежели къ иллюстраціи, какъ онъ самъ называетъ его.

Переложенія Листа, болѣе всякихъ другихъ, научаютъ насъ узнавать и различать способы, посредствомъ которыхъ можно достигнуть одинаковаго эффекта, съ помощью различныхъ гармоническихъ сочетаній, сообразныхъ съ располагаемыми звонкостями (*timbres*), и удостоверяютъ насъ, сколько, — ежели мы хотимъ достигнуть известной степени совершенства, — нужно быть далекимъ отъ рабскаго подражанія, будетъ ли то оркестру и реву его звучныхъ волнъ, или пѣнію и его трепетному колыханію. Изученіе этихъ переложеній, доказываетъ намъ, что нужно, напротивъ, имѣть воображеніе, чтобы сумѣть изобразить на фортепіано, богатомъ гармоніей, но бѣдномъ звонкостью, все малѣйшіе отзвуки, всю нежность человѣческаго голоса, также какъ все великолѣпіе и величіе, какое можетъ произвестъ соединеніе всѣхъ нынѣшнихъ музыкальныхъ силъ.

Встарину, когда хотѣли повторить на фортепіано мелодіи, которыя первоначально назначены были не для него, то ограничивались простымъ переложеніемъ ихъ съ нотъ, съ прибавкою нѣсколькихъ ничтожныхъ аккордовъ въ басу; метода сухая, неблагодарная. Долтъхъ-поръ пока фортепіано не освободилось отъ нея, оно оставалось какъ бы недоступнымъ къ этимъ мелодіямъ, и скрипка пользовалась неоспоримымъ первенствомъ и превосходствомъ, котораго она заслуживала по богатымъ и трогательнымъ модуляціямъ своего пѣнія, по своимъ звукамъ, протяжнымъ и полнымъ, усиливаемымъ или уменьшаемымъ по произволу, болѣе способнаго производить порывы, мягкость *smorzando*, выразительность, однимъ словомъ, голосъ, нежели фортепіано, которое можетъ достигнуть этого-же только съ помощью искусственной гармоніи. Въ настоящее время піанистамъ почти невозможно воскресить простоту этой древней методы; и ежели нѣкоторые изъ нихъ пробовали иногда прибѣгать къ ней, вставляя въ свои *фантази*, подъ видомъ *кантилены*, модныя аріи, во всей ихъ наготѣ, то попытки эти не имѣли счастливыхъ послѣдствій, и теперь день ото дня дѣлаются рѣже. Встарину также прежде представляли тему какъ скелетъ, а за нею слѣдовало известное число *варіацій*, которыя облекали ее какою-то драпировкой, какъ разнообразной одеждой. Эти варіаціи были уже первымъ шагомъ къ тому, чтобы избавиться отъ школьнаго повторенія мелодій; но эта систе-

матическая, монотонная и натянутая форма, не смотря на некоторые прекрасныя произведенія, къ которымъ она имѣла приложение, служила скорее связью въ ряду усовершенствованій фортепиано, нежели имѣла истинное значеніе.

Теперь уже не довольствуются этимъ тонкимъ исполненіемъ. Открыли, что фортепиано обладает такими средствами, которыми при искусномъ и предусмотрительномъ употребленіи, могутъ сдѣлаться равносильными, хотя и не одинаковыми средствами всѣхъ инструментовъ вмѣстѣ; его заставляютъ теперь пѣть, стонать и говорить подобными. Вмѣсто того, чтобы пропустить въ молчаніи высокое и пронзительное пѣніе (*chant grêle*), угловатая модуляція котораго походила некогда на ломанія автомата, въ наше время, оно превращается въ самое гармоническое мѣсто; ему позволено плавать въ атмосферѣ звуковъ и ихъ туманная неопредѣленность можетъ скрыть отъ нашего слуха всю шероховатость тоновъ, всѣ слишкомъ рѣзкіе оттѣнки и слишкомъ бѣдную гибкость. Не только дошли до подражанія всей прелести человѣческаго голоса, но также достигли до изображенія этого могущественнаго, самаго драматическаго и самаго страстнаго цѣлага, какое только можетъ произвести соединеніе всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, такъ что нѣкоторые, ошибаясь въ причинахъ, принимали это шуму и думали, что фортепиано можетъ въ немъ соперничать съ оркестромъ. Но они ошибались: очевидно не съ этой стороны можетъ произойти соперничество. Слишкомъ увѣренное въ побѣду надъ собою тромбоновъ, трубъ, барабановъ и даже пушекъ*, къ которымъ иногда прибѣгалъ оркестръ, фортепиано, если бы захотѣло соперничать въ оглушительности съ оркестромъ, выразило бы одно жалкое и слабое притязаніе, призывавъ на помощь даже всѣ свои силы. Къ настоящее время дознали наконецъ, что если фортепиано и можетъ подражать оркестру, то отнюдь не въ количествѣ звуковъ, но въ контрастѣ гармоническихъ фигуръ, въ ихъ прелести, въ колоритѣ, разлитомъ по этому органу, для того, чтобы выразительнѣе выказать или изящнѣе вылить, простые или извѣстныя очерки мелодическои мѣлоди.

Ангъ уже съ двадцать, фортепиано, не ограничивалась болѣе мѣлоди,

* Бетговець, въ своей симфоніи на побѣду при Ватерлоо, употреблялъ пушку.

написаннымъ собственно для него одного, завладевъ всеми красотами симфоническихъ аккордовъ инструментовъ и прелестью пѣнія, болѣе и болѣе распространяло свое владычество. Многіе артисты способствовали увеличенію этого успѣха своею игрою, также какъ своими *agangements, fantaisies, reminiscences, caprices* и проч. Вся эти заглавія указываютъ на мелодіи, почерпнутыя изъ оперъ, изъ пѣсней инструментальныхъ или даже изъ романсовъ. Но есть заглавіе, совершеннѣе изображающее намѣреніе удержать на фортепіано весь эффектъ, который хотѣли получить сочинители этихъ различныхъ мотивовъ, вѣряя ихъ другимъ средствамъ исполненія: это слово (*transcription*). Листъ первый сталъ пользоваться имъ и, замѣтимъ, ему мы обязаны и названіемъ и дѣломъ. Теперь, когда столько пѣсней его приучили насъ къ самымъ глубокимъ и замысловатымъ гармоническимъ сочетаніямъ, уже не думаютъ болѣе о фантазіи, изданной имъ въ 1830 году на каватину Пачини: «*I tuoi frequenti palpiti*»; но кто не помнитъ тогдашняго удивленія и всеобщей благосклонности къ этому творенію, которое навсегда останется для того, кто слѣдуетъ съ какимъ-нибудь вниманіемъ за развитіемъ этой отрасли музыки, однимъ изъ лучшихъ и остроумныхъ произведеній въ этомъ родѣ!

Этотъ стиль былъ такъ вѣрно перенятъ, и нѣкоторые внесли въ него такія счастливыя нововведенія и прибавленія, что почти вся наши новѣйшіе композиторы имѣютъ, болѣе или менѣе, право на честь этихъ побѣдъ фортепіано. *Agregio*, соединеніе мелодій, пѣніе развѣянное по всей клавиатурѣ, лѣвая рука, соперничающая въ силѣ и проворствѣ съ правою, *trépole*, доходящее до торжества ужаса, трель, сама по себѣ не подражаемая, могущая затмить пѣніе птички, группы нотъ, облакающихъ въ разнообразныя формы потерянную, превращенную, перенесенную, снова найденную, разукрашенную и наконецъ торжественно несомую мелодію волнами звуковъ, вздувающуюся какъ кипящая пѣна, — все это открытія недавняго времени, отъ которыхъ инcola новѣйшей музыки обогатилась какъ отъ рудниковъ Голконды. Она почерпнула все возможные украшенія изъ этихъ блестящихъ уборовъ, и если случалось, что ихъ примѣняли безъ вкуса, то это легко забывалось въ такомъ обширномъ собраніи сокровищъ.

Листъ открылъ путь; весь міръ устремился по немъ. Онъ продолжалъ безъостановочно слѣдовать по немъ, жертвуя, прежде всего своимъ талантомъ для твореній прежнихъ и современныхъ артистовъ.

Его концерты по всей Европѣ, его игра, о которой нечего и говорить, быстро распространили народность его нововведеній. Кроме удивительныхъ партитуръ для фортепіано симфоній Бетговена, переложеній мелодій Шуберта, обязанныхъ ему своею славою, переложеній вечеровъ Россини и Итальянскихъ вечеровъ, имъ написаны фантазіи на «Донъ-Жуана», «Роберта», «Гугенотовъ», «Сомнамбулу», «Лучію» и прочая. Къ этимъ піесамъ Листъ присоединилъ еще много другихъ, и если не всегда рады о томъ, чтобы признать въ немъ заслугу въ созданіи этого роду музыкальной литературы, то чрезвычайная распродажа его сочиненій служила по-крайней-мѣрѣ доказательствомъ, неопровержимо признаннаго превосходства его въ произведеніяхъ этого роду. Такимъ-образомъ онъ успѣлъ уничтожить споры, необходимо долженствовавшіе возникнуть при введеніи новыхъ формъ, если бы эти формы имѣли applicatіоны только къ твореніямъ оригинальнымъ.

Въ transcriptions Листа выказались всѣ существенныя качества композитора, и невозможно не замѣтить ихъ, потому что, повторимъ, такія transcriptions, какія пишетъ Листъ, имѣютъ достоинства оригинальнаго произведенія. Разбирая ихъ съ нѣкоторою послѣдовательностью и безпристрастіемъ, находимъ въ нихъ: необыкновенное богатство воображенія, чрезвычайное изобиліе гармоническихъ сочетаній, въ особенности удивительное искусство въ расположеніи мелодій и способъ выводить ее во всей, такъ сказать, рельефности, и извлекать изъ нея все, что она содержитъ въ себѣ чувства и поэзіи. Душа музыки заключается въ мелодіи. Она дѣйствуетъ на толпу, и ее толпа понимаетъ. Мелодія заставляетъ трепетать сердца женщинъ и смягчаетъ взоръ мужчинъ; мелодія наводитъ мечты и возбуждаетъ ихъ энтузіазмъ. Она расширяетъ душу трепетнымъ дыханіемъ и, сообразно своему характеру, религіозному, воинственному или вакхическому, влечетъ всегда людей къ изъявленію своихъ впечатлѣній и призываетъ ихъ къ согласію чувствъ. При величіи музыки, также какъ при ея самыхъ отвлеченныхъ мысляхъ, при ея строгой красотѣ, не можетъ не произойти удивленіе; но только посредствомъ мелодій, артистъ можетъ произвести эту симпатію, это увлеченіе толпы, которая только въ самой себѣ находитъ довольно ясное выраженіе раздѣляемыхъ ею чувствъ, и любить, славить того, кто заставилъ ее раздѣлять эти чувства.

Мелодію и глубокимъ знаніемъ ея таинствъ, Листъ электризовалъ толпу; ея онъ говорилъ съ публикою самыхъ различныхъ странъ, и она понимала его. Матеріальная сторона его таланта, его баснословный механизмъ, его непостижимая легкость, его энергія, содѣйствовали блеску его игры столько, сколько хорошій органъ, произношеніе, ловкія тѣлодвиженія усиливаютъ впечатлѣнія, производимыя ораторомъ или трагикомъ. Эти матеріальныя условія необходимы для искусства, потому что искусство живетъ формою. Но одной формы недостаточно. Чтобы постоянно возбуждать, трогать и восхищать своихъ слушателей, неужели Листу довольно было нѣсколькихъ англійскихъ уловокъ, подобныхъ той, посредствомъ которой на одномъ изъ концертовъ парижской консерваторіи, онъ смѣло выполнялъ на фортепіано все *crescendo*, только что исполненной симфоніи Берліоза. На эти бравурныя выходы обратили особенное вниманіе, чтобы вывести съ тѣмъ увѣрить и тѣ качества, которыя составляютъ истинную виртуозность Листа. На это униженіе публика рѣшительно отвѣчала тѣмъ, что никогда не утомлялась его слушать и рукоплескать ему. Уже по самой природѣ своей, публика большая охотница до причудливыхъ эффектовъ и до всякаго шарлатанства; но она же утомляется ими и отвращается отъ нихъ. Чтобы постоянно приманивать ее, нужно умѣть возбуждать ея страсти, ея чувства; и Листъ своимъ глубокимъ знаніемъ могущественныхъ тайнъ мелодіи, умѣлъ приводить ихъ въ движеніе.

Въ его сочиненіяхъ виднѣтъ самый совершенный тактъ, въ томъ чего требуютъ самыя разнообразныя мелодіи, въ томъ, на сколько онъ способенъ для гармоніи въ ея различныхъ характерахъ и въ томъ на сколько можно сгустить на нихъ тѣни. Онъ разливаетъ по тѣмъ гармоническіе контрасты, подобно тому, какъ живописецъ распределяетъ краски по абрису картины; онъ выводитъ свѣтъ, самыя бѣглыя полу-тѣни, сгущая темныя звуки, чтобы выказать всю плавительную нежность свѣто-тѣни и лучезарныхъ слоевъ. То онъ позволяетъ важной мысли господствовать надъ стенами, которыя раздаются ниже; то даетъ гордому порыву электрическое увлеченіе, превращая каждый клавишъ въ трубу, и каждый звукъ въ ура; лелѣя здѣсь мелодію, какъ пѣвецъ алькіонъ, на волнахъ полной гармоніи, а тамъ приглашая веселыхъ фей, пробѣжать неутомимымъ хоромъ его діезы и бемоли, которые отзываются какъ кастаньеты, ускоряемыя быстрою сильфической пляски; дѣвая вос-

тоту видъ порыва безчисленными трелями, какъ истерическая содроганіемъ, придавая скорби его угрюмый характеръ, этими речитативами, сопровождаемыми звуками, подобными рыданиямъ печали; то иногда заставляя нѣмѣ парить въ неопредѣленномъ шумѣ, то звеня колокольемъ среди глухого стука, какъ погребальный звонъ среди скорби и отчаянія. Шепчущія ноты окружены иногда неувольными звуками, какъ гармоническимъ дуновеніемъ; а иногда переплетшіяся фигуры образуютъ изъ себя подножіе для громкаго слова, какъ для приговора. Здѣсь мы видимъ Листа, сопровождающаго молитву постепеннымъ усиленіемъ всѣхъ душевныхъ бурь; а тамъ, — впереди, для выраженія этой бури, величественный ураганъ, громкое эхо и ужасный вихрь; потомъ мы видимъ его разсѣвающимъ иногда безжалостный потокъ гармоній для простой и сельской пѣсни, какъ океанъ, смиряющійся передъ юной дѣвой и лобызаящій стопы ея; или наконецъ мы видимъ его увлекающаго эту пѣсню далеко черезъ поля, кустарники и тернъ, подобно Фавну древней Греціи, похищающему льспую нимфу.

Чтобы достигнуть этихъ удивительныхъ результатовъ, чтобы такъ живо поразить умы, чтобы заставить сказать человека, совершеннаго невѣжду въ музыкѣ, что когда онъ слышалъ его игру, то *думалъ, что слышитъ бурю въ раю*, — Листъ долженъ былъ имѣть весь трудъ и все достоинство композитора. Этотъ трудъ и это достоинство не состоятъ ли въ томъ, чтобы осуществить, въ новой формѣ, какой-нибудь идеалъ? Ежели этотъ идеалъ былъ уже прежде выраженъ въ другой отрасли искусства, и артистъ усвоилъ его себѣ для того, чтобы снова создать его въ своемъ собственномъ искусствѣ, то артистъ этотъ по справедливости долженъ быть разсматриваемъ какъ поэтъ. Корнель и Расинъ развѣ были менѣе гениальны, занимавъ свои сюжеты изъ трагедій Еврипида, изъ страницъ Тацита, и изъ испанскихъ гомансегозъ? Живопись, ваяніе, часть литературы, не пользуются ли безпрестанно типами, уже прежде существовавшими?

Листъ продолжаетъ неумоимо издавать свои transcriptions, которыми, кажется, онъ старается сообщать болѣе и болѣе оригинальное значеніе. Бросивъ бѣглый взглядъ назадъ на чрезвычайное количество его arrangements; transcriptions и прочая, для фортепiano, должно сознаться, что имя его заслуживаетъ почетнаго мѣста въ ряду знаменитыхъ артистовъ, даже и тогда, когда бы онъ занимался одними по-

решающими. Но своимъ качеству, также какъ и по количеству, счисления его въ этомъ ряду составляютъ замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное цѣлое. Онъ въ нихъ выказалъ такую удивительную изобрѣтательность въ способахъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ, чтобы сосредоточить на фортепиано весь блескъ гармоній и чтобы собиравъ клавишамъ эту увлекательность, считаемую исключительно принадлежностью вокальныхъ силъ, — что его не замедлятъ помѣнить въ ряду первыхъ композиторовъ.

Главные мотивы изъ «Пророка», — большой оперы Мейербера, заключаются въ трехъ тетрадахъ его Illustrations; монолоиіе ихъ не представляетъ неблагоуарныхъ затрудненій. Доступные для игры каждому хорошему таланту, они имѣютъ, передъ другими произведеніями одинаковой трудности, преимущество вознаграждать эту трудность, выставляя наружу и выказывая талантъ виртуоза въ пассажахъ, требующихъ довольно внимательнаго упражненія. № 1, содержитъ «Молитву», «Торжественный гимнъ» и «Маршъ коронаціи». Горячая молитва какъ-будто очарованіемъ вызываетъ это торжество, возвышаемое вступленіемъ искусно введенныхъ трубъ, отвѣчающихъ своимъ громкимъ и страстнымъ звукомъ на эти призывы воинственнаго фанатизма. Триумфальный маршъ развертывается въ широкомъ объемѣ до-гѣхъ-порѣ, пока его не замѣщаетъ маршъ коронаціи, расширяющійся къ концу, какъ осуществленіе надежды на мужество и отвагу. Никогда не слышали, чтобы фортепиано выражало больше славы, величія и возвышенности. Второй отдѣлъ посвященъ весь ари и балету катающихся на конькахъ. Нигдѣ нельзя найти болѣе блестящаго и прелестнаго одушевленія, какъ въ этой картинѣ зимы, полной веселаго смѣху и увлекательныхъ движеній. Встрѣчаются скользящія гаммы, связъ которыхъ производитъ новый и оригинальный эффектъ. Еще въ первый разъ они употреблены съ такою послѣдовательностью и съ такимъ согласіемъ съ мелодіею. Они дѣлаютъ совершенное подражаніе катанію по льду и постоянно измѣняются въ своемъ всегда различномъ продолженіи, что сообщаетъ всей сценѣ характеръ жизни и прелести; все это можетъ ругаться за успѣхъ этой пьесы, всякій разъ какъ она будетъ повторяться передъ публикою, хоть сколько-нибудь привыкшею различать новыя способы и приемы. Мелодія и ритмъ, такъ счастливо данный этому балету Мейерберомъ, были воспроизведены Листомъ съ болъ-

шимъ искусствомъ. Въ третьей тетради Листъ извлекъ самый меланхолическій эффектъ изъ непосредственнаго соединенія, той восхитительной и нѣжной темы, которую поетъ хоръ при первомъ поднятіи занавѣсы: *La brise est muette, съ appel aux armes*. Первому мотиву онъ сообщилъ такую соразмѣрность и такую прелесть, что они составляютъ одну изъ прекраснѣйшихъ пасторалей. Кажется, чувствуешь прохладный вѣтерокъ весенняго утра, благотворность лучезарнаго солнца, красоты природы, исполненной благоуханія и свѣту, и невольно овладеваютъ нами эти идиллическія впечатлѣнія, которыя Мейерберъ умѣлъ лучше всѣхъ выразить въ тихой, пастушеской гармоніи, дѣлающей прекрасно рассчитанный контрастъ съ мыслями, предшествовавшими или послѣдующими ей. Но вдругъ слышится *appel aux armes*, какъ-будто для того, чтобы внезапно пробудить насъ отъ этого очаровательнаго сновидѣнія и напомнить о существенности, гдѣ шумъ сраженія и всѣ бѣдствія войны прерываютъ по обыкновенію наши мечтанія, которымъ мы охотно предаемся среди покоя прелестной и нѣжной природы. Согласно всегда требованія сюжета съ требованіями формы, Листъ соединилъ въ этой тетради простоту чувствъ съ простотою стила. Конструкція фразъ, сообразная съ природою вдохновенія, такъ легка, чиста, прозрачна, что нѣтъ сомнѣнія, этотъ нумеръ *Illustrations* будетъ легко разыгранъ, оцененъ и одобренъ всеми піанистами, даже и тѣми, которые не имѣютъ притязанія на званіе артистовъ первой руки.

Дошедъ до такихъ результатовъ, transcription достигло степени превосходства, гораздо бѣльшаго, нежели какъ ему приписывали. Трудолюбивое и серіозное занятіе композитора видно въ расположеніи и порядкѣ плана, въ распредѣленіи эффектовъ, и мы считаемъ позволительнымъ сказать, что тѣ, которые можно произвести на фортепіано, лучше поняты, означены и оценены черезъ сравненіе ихъ съ другими эффектами, чего не можетъ быть въ типахъ созданныхъ исключительно для него одного. Листъ принялся за свой трудъ съ самоувѣренностью и съ разборчивостью, достойною того, о комъ сказали, что между виртуозами онъ не первый, но единственный. Онъ съ пользою посвятилъ часть своихъ занятій на то, чтобы познакомить со всеми средствами, заключающимися въ инструментъ, въ которомъ онъ сумѣлъ найти такой прекрасный голосъ. Но теперь, когда онъ заботливо и ревностно исполнилъ свой трудъ, мы имѣемъ право требо-

вать отъ него знакомства не съ одними его красноръчивыми переложеніями, но также знакомства съ его собственными мыслями и съ твореніями его личнаго вдохновенія.

В. ДАМКЕ.

=

КНИГИ ПО УМЪРЕННОЙ ЦЪНЪ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Комп., комиссіонера Императорской Библіотеки, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляля, № 3.)

Цѣны на серебро.

- ANNUAIRE** météorologique de la France pour 1850, avec des notices scientifiques et des séries météorologiques. 2e année. Paris 1850. 1 vol. gr. in-8. 3 rbls. 60 c.
- ART** (1) complet du vétérinaire et du maréchal ferrant, suivi d'un traité des maladies des chevaux par Sind. Paris. 1 vol. in-4 avec planches. 2 rbls.
- AUDOUIN.** L'herbier des demoiselles ou traité complet de la botanique. Paris 1848. 1 vol. in-8, avec vignettes coloriées. 4 rbls.
- Le même ouvrage avec vignettes noires. Paris 1844. 1 vol. in-12. 1 rbl. 75 c.
- BESQUEREL.** Eléments de physique terrestre et de météorologie. Paris 1847. 1 vol. in-8. 4 rbls.
- BOITARD.** Galerie pittoresque d'histoire naturelle, 4e édition. Paris 1842. 1 vol. in-4. 1 rbl. 60 c.
- BOY** (le) jardinier, almanach pour 1850. 1 vol. in-12. 2 rbls. 25 c.
- BOUSSON.** Traité de la méthode anesthésique appliqué à la chirurgie et aux différentes branches de l'art de guérir. Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls. 25 c.

- BRACHET.** *Traité pratique de la colique de plomb.* Paris 1850. 1 vol. in-8,
1 rbl. 60 c.
- CARPANTIER.** *Enseignement pratique dans les écoles maternelles ou premières leçons à donner aux petits enfants.* Paris 1849. 1 vol. in-8.
1 rbl. 60 c.
- DEBAY.** *Hygiène complète des cheveux et de la barbe.* Paris 1850. 1 vol.
in-12. 40 c.
- DEBOUT.** *Esquisse de la phrénologie et de ses applications exposées aux gens du monde.* Paris 1843. 1 vol. in-12. 65 c.
- DICTIONNAIRE DE CONVERSATION à l'usage des femmes et des jeunes personnes,** par Duckett. Paris 1841. 10 vols. in-12. 11 rbls.
- DICTIONNAIRE de médecine pratique par une société de médecins,** sous la direction de Hofer. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 rbl. 25 c.
- ETIENNE.** *Oeuvres, avec des notices et des éclaircissements.* Paris 1846. 3 vols. in-8. 4 rbls. 50 c.
- ETUDES comparatives sur l'armement des vaisseaux en France et en Angleterre.** Paris 1849. 1 vol. in-4. 2 rbls. 25 c.
- ETUDES CÉRAMIQUES,** recherché des principes du beau dans l'architecture, l'art céramique et la forme en général, par Ziegler. Paris 1850. 1 vol. in-8. 1 rbl. 85 c.
- GOERITZ.** *Cours d'économie rurale professé à l'institut agricole de Hohenheim; traduit de l'allemand par Rieffel.* Paris 1850. 1 vol. in-8. 3 rbls. 60 c.
- HAAS.** *Mémorial du médecin homœopathe; traduit de l'allemand par Jourdan.* Paris 1850. 1 vol. in-18. 25 c.
- HOEFER.** *Dictionnaire de botanique pratique.* Paris 1850. 1 vol. in-12. 1 rbl. 75 c.
- JACQUOT.** *Expédition du général Cavaignac dans le Sahara algérien en Avril et Mai 1847.* Paris 1849. 1 vol. in-4. 5 rbls.
- JAHR.** *Notices élémentaires sur l'homœopathie.* Paris 1844. 1 vol. in-18. 50 c.
- JOBERT.** *Traité de chirurgie plastique.* Paris 1849. 3 vols in 8, avec atlas in-fol. 16 rbls.
- JOURNAL DES DEMOISELLES.** *Contenant: dessins de broderie et tapisserie, gravures de modes et morceaux de musique.* Paris 1849. L'année complète, au lieu de 3 rbls. 25 c. 2 rbls. 50 c.
- LAMOTHE.** *Nouvelles études sur la législation charitable, suivies d'une bibliographie charitable et de trois plans d'hôpitaux.* Paris 1850. 1 vol. in-8. 2 rbls. 50 c.
- LECHATELIER.** *Etudes sur la stabilité des machines locomotives.* Paris 1849. 1 vol. in-8. 1 rbl. 10 c.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ ВЪ РОССІИ. По содержанію «Общаго отчета, представленнаго Его Императорскому Величеству по министерству народнаго просвѣщенія за 1849 годъ», всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1849 году считалось въ имперіи 2,142. Противъ 1848 года число ихъ уменьшилось закрытіемъ 33 частныхъ заведеній, но вмѣсто ихъ учреждено 26 казенныхъ, а именно, 1 благородный пансіонъ (при симферопольской гимназіи), 1 уездное и 23 приходскихъ училищъ, и 1 ветеринарное училище (въ Дерптѣ). Въ царствѣ Польскомъ учебныхъ заведеній было 1,533.

Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ общее число учащихся увеличилось, противъ 1848 года, въ имперіи, 1,596 человеками, въ царствѣ 2,921; въ университетахъ же и лицеехъ оно уменьшилось 750 человеками. Втеченіе прошедшаго года воспитывались, въ имперіи, всего 113,281 ученикъ, въ царствѣ, 81,663; а именно, въ имперіи :

въ университетахъ и лицеехъ.	3,754
въ гимназіяхъ.	19,428
въ уездныхъ училищахъ.	27,198
въ приходскихъ.	43,203

въ царствѣ :

въ гимназіяхъ.	3,301
въ уездныхъ училищахъ.	3,364
въ начальныхъ.	68,803

Кромъ того, еврейскихъ разнаго наименованія училищъ въ имперіи считалось 3,973 ; и въ нихъ 45,174 учащихся.

Принявъ настоящее народонаселеніе имперіи въ 60,000,000 душъ, царства въ 5,000,000, а Евреевъ въ имперіи въ 600,000, мы найдемъ, что въ имперіи, изъ 1,000 человекъ обучаются въ заведеніяхъ, зависящихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, не съ большимъ 2, въ царствѣ изъ 1,000 не съ большимъ 16, а между Евреями изъ 1,000 не съ большимъ 75, то-есть, тринадцатая доля всего еврейскаго народонаселенія или нѣсколько менѣе чѣмъ шестая доля мужскаго поколѣнія.

Но число учащихся въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, простирающееся нынче, кромъ еврейскихъ школъ, до 113,000 человекъ въ имперіи, вѣроятно не составляетъ и трети всего числа учащихся въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По одному вѣдомству военнаго министерства воспитывается навѣрное столько же, если не болѣе. По вѣдомствамъ духовному, удаловъ, государственныхъ имуществъ, и другимъ, число учащихся въ школахъ разнаго названія не менѣе значительно. Кажется, что полное число обучающихся въ заведеніяхъ, можно приблизительно полагать въ имперіи до 350,000 человекъ. Какъ число учениковъ по заведеніямъ обыкновенно составляетъ только половину всего числа мальчиковъ, получающихъ грамотное образованіе, то общее число дѣтей мужскаго пола, обучающихся въ заведеніяхъ и по домамъ, должно быть у насъ не менѣе 700,000 или 750,000. Причисливъ столько же на женскій полъ, обыкновенно получающій образованіе свое дома, окажется, что грамотное юношество въ имперіи представляетъ ежегодный итогъ въ полтора милліона душъ. Въ общихъ итогахъ народонаселенія юношескій возрастъ образуетъ почти треть. Поэтому, наличное число грамотныхъ людей въ имперіи должно простираться до 4,500,000 человекъ разнаго возраста и пола, составляя нѣсколько болѣе *тринадцатой доли* всего народонаселенія.

Вѣроятную точность этого расчета можно легко повѣрить.

Если сдѣлать точно такой же расчетъ для еврейскаго народонаселенія въ имперіи, то-есть, число учащихся въ училищахъ мальчиковъ удвоить числомъ обучающихся дома ($45,174 \times 2 = 90,348$) и къ нему присоединить равное число дѣвочекъ, обучающихся грамотъ въ семействахъ ($90,348 \times 2 = 180,696$), это же общее число учащагося

еврейскаго юношества утратить возрастами возмужалости, зрѣлости и старости ($180,696 < 3 = 542,088$), то полное число грамотныхъ между Евреями окажется 542,000 душъ. Изъ 600,000 душъ общаго ихъ народонаселенія, безграмотныхъ было бы только 58,000. Этотъ расчетъ очень близокъ къ истинѣ. Известно, что почти все Евреи учатся, и умѣютъ по-крайней-мѣрѣ читать. Между мужчинами примѣры совершенной безграмотности очень рѣдки. Гораздо чаще, и то въ самомъ бѣдномъ классѣ, встрѣчаются женщины, вполне забытыя образованіемъ. Но число тѣхъ и другихъ, вѣроятно въ сущности, какъ и въ этомъ расчетѣ, не превосходитъ тринадцатой доли всего народонаселенія.

Втеченіе 1849 года книгопечатаніе въ имперіи произвело 7,149½ листовъ оригинальной печати (1,075 листами меньше противъ 1848 года), 1,037½ переводной, и около 5,750 листовъ періодическихъ изданій, зависящихъ отъ вѣдомства цензуры министерства народнаго просвѣщенія.

Главная дѣятельность русскаго книгопечатанія отнеслась къ сочиненіямъ по части военныхъ, математическихъ, естественныхъ, законовѣдческихъ и врачебныхъ наукъ. По части словесности, она состояла преимущественно въ перепечатываніи твореній нашихъ образцовыхъ писателей и въ изданіи драматическихъ піесъ. Романы, повѣсти, стихотворенія, примѣтно уменьшились какъ въ числѣ такъ и въ объемѣ.

Число иностранныхъ сочиненій, привезенныхъ въ Россію, увеличилось противъ 1848 года 42,196 томами и простиралось до 564,246 томовъ.

ПОЧТОВАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ РОССІИ. По содержанію «Отчета представленнаго Его Императорскому Величеству о дѣйствіяхъ почтоваго управленія за 1849 годъ», количество отправленій и сборовъ въ 1848 году въ имперіи было слѣдующее :

Частныхъ писемъ, простыхъ . . .	9,790,550
денежныхъ . . .	1,501,089
страховыхъ . . .	821,054
— посылки	252,165

Итого : 12,464,818

Больше противъ 1847 года 475,321 а противъ 1843, въ которомъ почтовая такса была понижена, больше 3,079,132.

Казенныхъ пакетовъ, простыхъ . . .	15,270,902
денежныхъ . . .	631,134
— — посылокъ	365,250

Итого : 16,267,285

Всѣхъ отправленій, казенныхъ и частныхъ, 28,432,103.

Главные количества отправленій по частной корреспонденціи принадлежатъ столицамъ : въ Петербургъ отправленія простираются до 2,000,000, въ Москвѣ до 1,200,000. Послѣ столицъ, самая значительная дѣятельность въ сношеніяхъ по почтѣ замѣчается въ губерніяхъ ярославской (387,239), тверской, кievской, новгородской и въ городѣ Одессѣ (251,236).

Заграничная частная корреспонденція въ 1848 году представляла :

Писемъ простыхъ отправленныхъ за границу.	315,600
— страховыхъ	5,289
— посылокъ	1,444

Итого : 321,739

Писемъ простыхъ, полученныхъ изъ-за границы.	373,684
— страховыхъ	5,165
— посылокъ	4,091

Итого : 382,940

Всего 704,697 отправленій, которыя съ отправленіями въ царство Польское и въ великое княжество Финляндское и съ полученіями оттуда, представляютъ общій итогъ 1,121,225.

Втеченіе 1848 года подано было во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ капиталовъ къ отправленію :

казенныхъ	на 234,644,075 руб. сер.
частныхъ	на 211,634,098 — —

Всего на 446,278,175 — —

Движеніе капиталовъ въ Россіи со времени пониженія почтовой

таксы и вслѣдствіе безпрестанно возрастающей промышленной дѣятельности, рѣшительно удвоилось втеченіе десяти лѣтъ. Въ 1838 году всѣхъ вообще капиталовъ подано было на 233,000,000, въ 1843, послѣ пониженія таксы, движеніе денегъ по почтѣ вдругъ возвысилось до 274,000,000, а въ 1848 году оно достигло огромнаго итога 446,000,000 рублей серебромъ.

Въ этотъ счетъ не входятъ ни векселя, ни банковые и ломбардные билеты, ни другія денежныя цѣнности, пересылаемыя по почтѣ какъ документы.

Въ 1849 году всѣхъ путешествовавшихъ въ почтовыхъ экипажахъ было 38,881 человекъ. Въ томъ числѣ изъ Петербурга въ Москву и обратно проѣхало 11,047 человекъ. Примѣчательно, что движеніе между Петербургомъ и Новгородомъ почти равняется движенію цѣлаго московскаго тракта: оно простиралось до десяти тысячъ пассажировъ (9,953).

На почтовомъ пароходѣ «Владиміръ» изъ-за границы прибыло въ Россію въ то же время 406, и отправилось изъ Россіи въ чужіе края 477 пассажировъ.

Число отправленій по городской почтѣ въ 1849 году было въ Петербургѣ 1,380,513, въ Москвѣ около 238,000.

Полный валовой почтовый сборъ въ 1848 году составлялъ 4,197,515 рублей серебромъ. На содержаніе всѣхъ почтовыхъ мѣстъ государства употреблено 1,481,147 рублей, заплачено прогонныхъ денегъ за возку почтъ и эстафетъ 1,198,327 рублей, иностраннымъ почтамтамъ за заграничную корреспонденцію выдано 138,658 рублей. Чистый доходъ: 1,397,381 рубль 32 копейки.

Послѣ пониженія таксы, почтовый сборъ, сначала уменьшившійся, теперь не только уже пополнился, но даже пополняетъ увеличеніе дохода.

Болѣе четвертой части всего почтоваго дохода даютъ столичныя почтамты.

ВОЗДУХО-ПАРОВЫЯ МАШИНЫ. *Важное измѣненіе въ системѣ паровозничества.* По увѣренію Mechanics' Magazine, наконецъ гевію человѣческому удалось изобрѣсть такую машину, которая лучше нынѣшней паровой и въ скоромъ времени повсемѣстно замѣнитъ еѣ. Mechanics' Magazine утверждаетъ, что, въ этотъ разъ, дѣло, не въ

примать другія разамъ, совершенно констучное. Новую машину собралъ господинъ Вилькинсонъ, и англійская компанія желѣзныхъ дорогъ съ радостью принимаетъ ее, надеясь отъ нея необыкновенной выгоды. Нужно знать, что въ эту минуту происходитъ въ Англии рѣшительный переворотъ въ системѣ желѣзныхъ дорогъ. Донынѣ строили паровозы необыкновенной силы, страшной тяжести, огромной цѣнности, рельсы были самыя тяжелыя и прочныя, поезда старались устраивать самыя большіе, длинныя, неповоротливыя, но за то рѣдкіе. Практическій расчетъ доказалъ эти мечты ложной экономіи. Найдено на опытѣ, что гораздо прибыльнѣе для компаній, удобнѣе и безопаснѣе для публики отпирать малые поезда, въ двести человѣкъ, не большіе, но за то частыя. Пассажировъ бываетъ болѣе; а это главное. Машины нужны при этомъ легкія и недорогія, рельсы тонкіе, топливо бережется, прислуга требуется немногочисленная, треніе и порча рельсовъ и колесъ уменьшаются, скорость движенія усиливается, управленіе поездомъ становится легче: словомъ, все выигрываютъ, и строители, и пассажиры, и акціонеры. Машина господина Вилькинсона вполне удовлетворяетъ этой вновь доказанной потребности. Она не очень сильна, но за то легка, не дорога, способна къ управленію, и берегаетъ до тридцати процентовъ топлива, — что необыкновенно важно; она не совсѣмъ паровая; пары тутъ дѣйствуютъ, но только на половину: вторую, и самую важную половину дѣйствія исправляетъ воздухъ, накаленный до 800° Фаренгейта. Прибавленіе такъ накаленного воздуха къ самому небольшому количеству испаряющейся воды, чрезвычайно усиливаетъ упругость паровъ и движетъ поршень съ могуществомъ, превосходящимъ расчетъ и ожиданіе.

Желѣзная труба, согнутая сифономъ, проходитъ въ печи сквозь огонь подъ котломъ, и проникаетъ въ котелъ. Конецъ ея, въ котелъ, торчитъ надъ водою. Другой конецъ, выведенный изъ печи наружу, соединяется съ насосомъ, для вдавливанія атмосфернаго воздуха въ трубу. При каждомъ ударѣ поршня, насосъ вталкиваетъ въ трубу новый объемъ свѣжаго воздуха, который, проходя сквозь сифонъ, накаленный до-красна, разгорячается, преодолеваетъ давленіе водянаго пару на клананъ, отпираетъ его, вторгается въ паромъ и, вдругъ смѣшиваясь тамъ съ паромъ, поднимаетъ поршень въ цилиндръ съ необыкновенною силою. Въ остальномъ, устройство ма-

шины господина Вилькинсона, не различаются существенно от обыкновенною паровою машиною.

Первая воздухо-паровая машина господина Вилькинсона была неподвижная. Она уже некоторое время действует очень успешно на фабрике одного господина Бермена, в Лондонѣ. Теперь нужно приспособить ее къ движению на рельсахъ, то-есть, сдѣлать самодвижущеюся, что совсѣмъ не трудно. Господинъ Вилькинсонъ получилъ порученіе отъ правленій разныхъ желѣзныхъ дорогъ заняться этимъ важнымъ предметомъ, и теперь онъ усердно строитъ першій, не то чтобъ паровозъ, а съ позволенія сказать, *паро-воздухо-возъ* — извѣстное названіе.

О ВОСТОЧНЫХЪ РОЗАХЪ И ОВЪ ОТКРЫТІИ РОЗОВОЙ ЭССЕНЦИИ.
Слово *атаръ*, которымъ Арабы, Турки и Персіяне называютъ розовое масло, не прибавляя къ нему даже названіе цвѣтка, есть слово арабское, и означаетъ аромать, и вообще благоуханіе.

Впрочемъ не надобно смѣшивать *атаръ* или *атаръ эюль* съ гюлябъ, розовой водой, которая просто дѣлается изъ розъ, перегоняемыхъ съ водою, посредствомъ процесса очень извѣстнаго восточнымъ и европейскимъ продавцамъ духовъ, и этотъ процессъ есть только предварительное и необходимое приготовленіе для полученія эссенціи; дѣйствительно, перегнавши извѣстнымъ способомъ некоторое количество розовыхъ листьевъ, на ночь выставляютъ розовую воду на воздухъ, а на другой день съ нея снимается небольшое количество *атары* или эссенціи, застывшей на поверхности розовой воды. Легко понять, что количество эссенціи зависитъ отъ качества розъ; ширахскія, керманскія и камширскія розы въ особенности славятся, какъ это доказываютъ различныя выписки, о которыхъ мы будемъ говорить.

«Ширахскія розы, говоритъ Кемпферъ, отличаются тѣмъ, что при дистиллированіи даютъ масло, похожее на коровье, называемое *атаръ эюль*. Это масло продается на вѣсъ золота и ничто не можетъ сравниться съ его благоуханіемъ; что служитъ доказательствомъ, что розы изъ Персеполиса самаго горячительнаго свойства». Тотъ же путешественникъ говоритъ, что оскребки сандалнаго дерева придаютъ этому благоуханію запахъ еще сильнѣе; совсѣмъ-тѣмъ прибавленіе этого дерева уменьшаетъ качество и слѣдственно достоинство и цѣнность эссенціи. Употребленіе этого дерева болѣе годно для состава

простой розовой воды, называемой *сандалью гюлабъ*, то-есть, сандальная розовая вода. Прибавимъ, что по мнѣнію Линнотена, сандальное дерево само по себѣ производитъ благовонное масло.

Въ Кермань, по словамъ Олеаріуса и другихъ путешественниковъ, розы растутъ въ необыкновенномъ изобиліи; изъ нихъ дѣлается вода, имѣющая чрезвычайно освѣжающее свойство, и служащая для жителей важною отраслью торговли. Эти путешественники ничего не упоминаютъ объ эссенціи.

Самыя же восхитительныя розы на всемъ Востоку, розы кашмирскія и Джорджъ Фостеръ ставитъ ихъ на первомъ планѣ всего прозябающаго. «Слава и красота этихъ розъ, говоритъ онъ, давно уже вошли въ пословицу на Востоку: эссенція или масло изъ нихъ вездѣ дорого цѣнится». Анкетиль дю-Перронъ гораздо прежде Форстера сказалъ, что самыя лучшія розы въ Кашмирѣ.

Сирія, Файумъ и многія области варварійскихъ владѣній обильны розами, изъ которыхъ извлекаютъ эссенцію, но гораздо низшаго сорта нежели изъ персидскихъ или кашмирскихъ розъ.

Этотъ простой и извѣстный на всемъ Востоку и на берегахъ западной Африки способъ извлекать эссенцію, открытъ не болѣе двухъ сотъ лѣтъ. Нѣкоторые называютъ его зеленымъ (*Delibutus sum in oleo viridi*. Пс. ХСII, 10). Это названіе чрезвычайно неопредѣленно, потому что многія масла бываютъ зеленого цвѣта, а розовая эссенція не всегда бываетъ зеленовата.

Можно утвердительно сказать, что эссенція открыта въ 1021 году эгипры (въ 1612 нашего лѣтосчисленія). Въ *Диванъ* или алфавитномъ собраніи одъ поэта Гавиза, часто упоминается о *гюлабъ* (розовой водѣ) и ничего не говорится объ *атаріи*. Точно также и въ *Гулистанъ* и *Бустанъ* знаменитаго Сади; въ *Зеферъ-Наме* (Книга о побѣдахъ), исторіи Тамерлана, авторъ ея Шерифъ-едъ-Динъ-Али, часто говоритъ о чудныхъ благоуханіяхъ, разливаемыхъ на празднествахъ, даваемыхъ татарскимъ побѣдителемъ и его дѣтьми. О томъ же упоминается и въ превосходномъ сочиненіи, содержащемъ вѣрное и подробное описаніе всего Индустана, *Аини Ахбери* или толкователь великаго Могола Ахбери, написанный первымъ визиремъ Абдулъ-Фазеломъ подъ непосредственнымъ надзоромъ этого знаменитаго государя, друга наукъ и покровителя ученыхъ; въ главѣ подъ названіемъ *Уставъ о благовопіяхъ*, находится исчисленіе благо-

воші, употребляемыхъ государемъ, почисленіе слишкомъ подробное для того, чтобы не считать его очень достовернымъ. Розы являются тутъ въ различныхъ видахъ; но совершенно ничего не упоминается о розовой эссенціи. *Амми Ахбери* написанъ, какъ видно изъ самаго сочиненія въ началъ различныхъ эръ въ четырнадцатый лунный годъ царствованія Ахбара, то-есть, въ 977 году эгирь (1559—70 нашего лѣтосчисленія) и слѣдовательно сорока двумя годами прежде того времени, когда *Лангле* опредѣляетъ открытіе упоминаемой эссенціи.

Что касается до европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Персію и Индустанъ, описанія которыхъ прежде семнадцатаго столѣтія были собраны *Гаклуномъ*, *Пургассомъ*, *Ледебри*, *Мелхиседекомъ* *Тевенотомъ*, *Бержрономъ*, *Чисгулемъ*, *Гариссомъ* и другими, ни одинъ изъ нихъ не говоритъ о розовой эссенціи. Нѣкоторые упоминали только о розовой водѣ, какъ объ очень пріятномъ благовошіи.

Исторія великихъ Моголовъ, написанная на персидскомъ языкѣ *Мухаммедомъ* *Хашемомъ*, любимцемъ *Хашема Али*, хана изъ фамиліи *Низа-Мюльмюлькъ*, и названнаго *Тарихи-мунта-хебиль-любабъ*, (Извлеченіе или подлинный и достоверный перечень), быстро пробѣгаетъ царствованіе *Тимура* и его потомства, и прямо начинается съ царствованія *Бабура*, который въ 932 году эгирь (1552 — 26 нашего лѣтосчисленія) покорилъ Индустанъ; она оканчивается 1130 годомъ (1677), царствованіемъ *Мухаммеда Шаха*. Въ ней два раза упоминается о розовой эссенціи самымъ положительнымъ образомъ: 1) въ главѣ подъ названіемъ: «Бракъ принцессы *Нуръ Джиганъ* съ жителемъ рая *Джангира*; изобрѣтенія и открытія царицы міра». Нѣтъ нужды замѣчать, что царица *Нуръ Джиганъ* есть та самая знаменитая *Мигриль Ниса* (Солнце изъ женщинъ), которая внушила *Джангиру* сильную страсть. Она даже самовластно царствовала въ продолженіе шести мѣсяцевъ и въ честь ея выбили монету. Эта женщина, употреблявшая всѣ средства, чтобы сильнѣе привязать къ себѣ государя, сдѣлала много нововведеній въ женской одеждѣ и, неслыханная вещь на Востокъ, создала, такъ сказать, моды. 2) Глава въ исторіи великихъ Моголовъ подъ названіемъ: «Исторія седьмага года царствованія (*Джангира*), и торжество новаго года, великолѣпіе котораго ослѣпляетъ весь міръ, соответствующій 1021 году эгирь», начинается слѣдующими подробностями: «при началѣ

благоуханнаго праздника новаго года и седьмаго года царствованія Джангира мать (царевна) Нури Джигана поднесла ему извлеченную съ розовую эссенцію и онъ, найдя ее превосходною, удостоилъ назвать ее своимъ именемъ *атаръ Джангири* (то-есть, эссенція Джангира) и подарилъ царевнѣ жемчужное ожерелье, стоившее тридцать тысячъ рублей. Дѣйствительно то было дивное открытіе, и ничто не можетъ сравниться съ этимъ благовоиеніемъ. Однако авторъ этого сочиненія упоминаетъ, что цена коронной эссенціи Джангира, до начала царствованія *Алешгиръ Зерензибъ*, простиралась до осьмидесяти рупій (около двухъ сотъ франковъ, три драхмы, одиннадцать грановъ), между-тѣмъ какъ въ наше время, эта эссенція понижалась до осьми и девяти рупій.»

Эта ссылка совершенно согласна съ слѣдующимъ параграфомъ, взятымъ изъ исторіи Индустана, написанной на англійскомъ языкѣ по достовернымъ и многочисленнымъ матеріаламъ, собраннымъ авторомъ съ большимъ трудомъ и издержками въ продолженіе двадцати-трехъ лѣтняго пребыванія въ Индіи.

«Способъ извлеченія *атары*, говорятъ Гледвинъ, былъ открытъ въ первый разъ матерью Нури Джигана Бегюма. *Атаръ* есть благовоиное масло изъ розовыхъ листьевъ, всплывающее въ самомъ небольшомъ количествѣ на поверхности дистиллированной розовой воды, пока вода еще не остыла; его снимаютъ посредствомъ кусочка хлопчатой бумаги, привязанной къ палочкѣ. Онъ имѣетъ самый пріятный запахъ изъ всѣхъ известныхъ благовоиій; запахъ его подобенъ благоуханію только что распустившейся розы. Императоръ пожаловалъ изобрѣтательницѣ драгоценное жемчужное ожерелье и царевна *Селиме султанта* вдова *Ахбара*, назвала эту эссенцію *атаръ Джангири* (эссенція Джангира).»

Венеціанскій докторъ Мануччи, въ продолженіе сорокалѣтняго пребыванія въ Индіи, много рылся въ тамонинихъ лѣтописяхъ и составилъ замѣчательную исторію, украшенную очень хорошею живописью въ миниатюрѣ. Это твореніе было переведено и сокращено Катру, подъ названіемъ «Всеобщая исторія монгольской имперіи, съ начала ея основанія до нашихъ временъ». Между любопытными анекдотами, собранными Мануччи, одинъ касается до открытія розовой эссенціи. На одномъ празднествѣ, данномъ этой честолюбивой, хитрой и прекрасной женщиной, своему заманчивому супругу, были расточены всѣ возмож-

ныя удовольствія и наслажденія. Царевна приказала вырыть небольшою каналъ, наполненный розовой водою. Когда императоръ прогуливался съ супругою своею по берегамъ этого канала, вдругъ они замѣтили, что на водѣ образовалось что-то въ родѣ пѣны, плававшей на поверхности. Оказалось что то была эссенція розовой воды, снова переварившаяся отъ солнца и такъ сказать, соединенная въ одно цѣлое. Весь сарай призналъ это маслянистое вещество за самое дивное благоуханіе изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Индіи. Въ послѣдствіи искусство старалось подражать произведенію случая и природы.»

Эти подробности такъ болѣе достойны вѣроятія, что Мануччи приѣхалъ въ Индію въ царствованіе Шаха Джикана, сына и наследника Ажангира. Въ это время еще можно было собрать подлинныя и достоверныя воспоминанія о всѣхъ обстоятельствахъ, которыми обязаны открытіемъ розовой эссенціи. Давно уже замѣчали, что она появляется на поверхности дистиллированной розовой воды, но въ такомъ маломъ количествѣ, что никому не приходила мысль собирать ее. Открытіе это, какъ и почти все открытія, кажется такъ просто, что невольно удивляешься, какъ первому химику не пришла мысль перегнать черезъ кубъ розовыя листья.

Розовая эссенція не во всеобщемъ употребленіи въ Европѣ; одна унція ея стоитъ около семи рублей серебромъ.

ОСТРОВЪ КУБА. *Завоеваніе острова Испанцами. — Величіе души кацика. — Ужасная казнь.* Островъ Куба самый большой изъ Антильскихъ острововъ; онъ имѣетъ около двухъ сотъ пятидесяти миль отъ запада къ востоку и сорокъ миль самой большой широты отъ сѣвера къ югу. Онъ находится при входѣ въ Мексиканскій заливъ и отдѣляется отъ твердой земли на юго-востокъ моремъ на шестдесятъ-пять миль; на сѣверѣ почти такое же пространство отдѣляетъ его отъ Флориды. Между Кубою и Санъ-Доминго находится проливъ въ пятнадцать миль.

Христофоръ Колумбъ открылъ этотъ островъ 27 октября 1492 года. Онъ нашелъ его довольно населеннымъ. Мужчины и женщины не носили одежды, воздѣлывали землю и питались мансомъ. Онъ возвратился туда 7 июня 1494 года. Въ то время, когда Иованны присутствовали при священномъ богослуженіи, совершаемомъ на берегу, пришелъ старшій кацикъ, остановился и долго

смотря на обряды христіанской религіи. Догадавшись, что Колумбъ начальникъ, по дискоосу, который священникъ подалъ ему приложиться, онъ подошелъ къ нему, поднесъ плоды, произведенія острова, съѣлъ на землю, и уперевъ колъна въ подбородокъ, сказалъ слѣдующую рѣчь, которую нѣкоторые Индійцы съ другихъ острововъ, выучившіеся по испански, передали такъ :

«Ты прѣхалъ въ эти земли, никогда не виданныя тобою съ оружіемъ, распространяющимъ ужасъ между нами. Узнай, однако же, что мы такіе люди какъ и ты, что мы также вѣруемъ въ будущую жизнь и признаемъ два различныя мѣста, куда должны идти души : одно страшное, исполненное мрака, ожидающее злыхъ ; другое, полное наслажденій, гдѣ всѣ любящіе покой и счастье своихъ ближнихъ, будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Ежели ты также думаешь, что долженъ когда-нибудь умереть, ежели ты также вѣришь, что послѣ смерти будешь наказанъ или награжденъ, ты не долженъ дѣлать зла тѣмъ, кто тебѣ его не дѣлаетъ. До-сихъ-поръ твои поступки не заслуживаютъ упрека ; мнѣ кажется даже, что всѣ твои намѣренія клонятся къ воздаянію хвалы Всевышнему.»

Христофоръ Колумбъ былъ чрезвычайно удивленъ такою рѣчью. «Благодарю небо, отвѣчалъ онъ кацкику, что ты признаешь бессмертіе душн. Объявляю тебѣ, что кастильскіе монархи послали меня въ твою землю узнать, вѣтъ ли тутъ людей, которые дѣлаютъ зло другимъ : въ этомъ обвиняютъ Каранбовъ ; я имѣю повелѣніе уничтожить ихъ безчеловѣчные обычаи, и водворить миръ между всеми жителями этихъ острововъ.»

Этотъ отвѣтъ, переведенный кацкику, заставилъ его проливать слезы радости. Онъ приказалъ сказать Колумбу, что еслибы онъ не имѣлъ жены и дѣтей, то повхалъ бы съ нимъ въ Кастилію, жить между людьми, которые ему кажутся такими друзьями челоуѣчества. Ему сдѣлали нѣсколько подарковъ, которые онъ принялъ съ удивленіемъ, и ставъ на одно колъно, нѣсколько разъ спросилъ, не съ неба ли сошли эти люди? Потомъ Колумбъ приказалъ распустить паруса и оставилъ островъ Кубу.

Лѣтъ пятнадцать спустя, Испанцы вздумали тамъ поселиться. Въ 1511 году, довѣ Diego Колумбъ, старшій сынъ знаменитаго Христофора, назначенный испанскимъ королемъ генералъ-губернаторомъ Индій, устранился, чтобы дворъ не вздумалъ населить этого острова, и не

отдѣлилъ бы отъ его управленія, а потому онъ поручилъ Діего Веласкесу покорить его и построить тамъ городъ. Веласкесъ былъ однимъ изъ первыхъ жителей испанскаго острова (Санъ-Доминго), гдѣ составилъ себѣ огромное состояніе. Онъ поспѣшно сдѣлалъ все приготовленія къ назначенной экспедиціи, взявъ четыре корабля и скоро вступилъ на островъ Кубу. Онъ вышелъ на берегъ съ восточной стороны, около вершины Мейе.

Кацикъ по имени Гатуй, родившійся на испанскомъ острову, и вышедшій оттуда съ большимъ числомъ своихъ подданныхъ, для избѣжанія европейскаго владычества, поселился въ этомъ мѣстѣ, образовалъ небольшое государство, въ которомъ мирно царствовалъ. Лишь только онъ узналъ о намѣреніяхъ Испанцевъ, тотчасъ же собралъ самыхъ храбрыхъ изъ своего народа и союзниковъ, для защиты всеобщей независимости. Онъ представилъ имъ, что все усилія ихъ будутъ бесполезны, если они не постараются приобрести милости европейскаго владыки, который чрезвычайно могущественъ и для котораго Европейцы готовы на все рѣшиться. Вотъ ихъ владыка, прибавилъ онъ, указывая на золото, лежавшее въ небольшой корзинѣ, вотъ этотъ владыка, котораго они не устаютъ отыскивать. Чтобы приобрести его покровительство, учредимъ празднество въ честь его. И тотчасъ же они стали пѣть и плясать около корзины.

Это празднество продолжалось всю ночь. По окончаніи его Гатуй сказалъ своимъ воинамъ, что размысливъ о причинѣ ихъ страха, онъ не считаетъ ихъ въ безопасности до-тѣхъ-поръ, пока владыка испанцевъ будетъ находиться на ихъ островѣ. «Мы будемъ напрасно скрывать его, продолжалъ онъ; если бы мы его проглотили, то они разрѣзали бы наши внутренности, чтобы вынуть его оттуда. Я знаю только одно мѣсто, которое можетъ насъ отъ него избавить: морское дно. Можетъ быть они оставятъ насъ въ покоѣ, если владыка ихъ не будетъ у насъ». Рѣчь эта привела всѣхъ въ восторгъ, и все золото острова брошено было въ море.

Испанцы, узнавъ о происшедшемъ событіи, нисколько не отказались отъ своихъ намѣреній. Гатуй хотѣлъ не допустить ихъ къ высадкѣ; но при первомъ ружейномъ залпѣ, всѣ Индійцы обратились въ бѣгство и удалились въ лѣсъ. Веласкесъ приказалъ схватить кацика, и когда его привели, онъ приказалъ сжечь его. Послѣ этой страшнѣйшей

омертвѣлой казне, всѣ палки острова, наугранные, покорились Велескову.

Видъ большаго и удобнаго корабля привелъ ихъ въ восторгъ. Голодъ заставлялъ забывать всякую опасность, чтобы только достигъ жизненные вѣрпасы; они нападали не разсуждая, обыкновенно они шли на abordажъ. Испанцы, считавшіе ихъ за демоновъ, и никогда иначе ихъ не называвшіе, теряли мужество, когда находились вблизи ихъ и обыкновенно сдавались, прося пощады: они отпускали ихъ, если добыча была богата, въ противномъ же случаѣ бросали побѣжденныхъ въ море. Свою же добычу везли на островъ Черепаху или въ Ямайку. До раздѣла, каждый подымалъ руку и клялся что не воспользовался ничѣмъ изъ награбленной добычи и все принесъ въ общую массу. Обличеннаго же въ ложной клятвѣ ссылали на необитаемый островъ и оставляли на произволъ судьбы. Раздѣливъ на части всю добычу, они предавались всѣмъ излишествамъ, послѣ чего опять пускались въ море и снова начинались труды и опасности для новыхъ невоздержностей. Никогда эти искатели приключеній не начинали сраженій, не обнявши другъ друга въ знакъ совершеннаго примиренія. Они даже сильно били себя въ грудь, какъ бы усиливая пробудить въ своемъ сердцѣ чувство раскаянія, къ которому совсѣмъ были неспособны. Послѣ опасности она опять предавалась невоздержанію.

Морскіе разбойники чаще всего приставали къ берегамъ Каманы, Караегена, Порто-Белло, Нанамы, Новой-Испаніи и Кубы, къ устью Шагры и къ окрестностямъ Лари, Мароканбо и Никарагуа. Они рѣдко нападали на корабли, отправлявшіеся изъ Европы въ Америку, потому что эти корабли нагружались только товарами, сбытъ которыхъ представлялъ затрудненія. Но они отыскивали ихъ по возвращеніи оттуда, потому что надѣялись воспользоваться золотомъ, серебромъ, драгоценностями и всеми сокровищами Новаго Свѣта. Обыкновенно они слѣдовали за кораблемъ до выхода изъ Багамскаго канала и когда по случаю бури или другому какому-нибудь приключенію на морѣ, корабль отставалъ отъ флота, то становился вѣрною ихъ добычею. Одинъ изъ ихъ капитаневъ, по имени Петръ Лэгранъ, діевпскій уроженецъ, похитилъ такимъ образомъ вице-адмирала кораблей и отвезъ его во Францію. На борту его корабля было всего двадцать-осемь человекъ и четыре маленькія пушки. Вступивши на

испанское судно, онъ потопилъ свое. Этотъ смѣлый поступокъ навелъ такой страхъ на непріятель, что никто не осмѣлился вступить съ нимъ въ бой, и такимъ-образомъ онъ проникъ въ комнату вице-адмирала, занятаго въ это время игрою; онъ приставилъ ему пистолеть къ горлу, и принудилъ сдаться. Потомъ высадилъ его со всеми людьми у мыса Тиборона, отъ котораго они находились въ близкомъ разстояніи, оставя при себѣ только необходимое число матросовъ для управленія кораблемъ.

Другой флибустьеръ, по имени Мишель де-Баскъ, имѣлъ смѣлость навасть, подъ пушками Порто-Белло, на другой корабль того же флота, по имени *Маргарита*, грузъ котораго состоялъ изъ милліона піастровъ, и овладелъ имъ безъ большаго урона.

ОСТРОВЪ ЧЕРЕПАХА. Происхожденіе Флибустьеровъ. Въ 1625 году, два корабля французской эскадры, подъ начальствомъ нормандскаго дворянина д'Энамбюка и англійскій, подъ предводительствомъ кавалера Варнера, въ одно время пристали къ острову Святаго Христофора, обитаемому Карамбаи. Оба начальника согласились раздѣлить его между собою и устроить каждому свою колонію. Доброе согласіе между ними поддерживалось не только во время войнъ съ дикими, но даже и при раздѣлѣ ихъ завоеваній. Оно продолжалось до 1630 года, когда Испанцы принудили ихъ искать убѣжища на другихъ островахъ; но едва только Испанцы удалились, двойственная колонія возвратилась въ свои владѣнія. Нѣсколько бродягъ той и другой колоніи, въ бѣгствѣ своемъ приблизились къ сѣверному берегу Святаго Дѣминика, нашли его почти оставленнымъ, поселились тутъ и жили въ довольствѣ среди быковъ и свиней, наполнявшихъ поля и лѣса. Бѣольшая часть новыхъ поселенцевъ состояла изъ Нормандцевъ. Ихъ назвали буканерами, потому что они сбѣгались вмѣстѣ по примѣру дикихъ, коптить мясо буйволовъ, убитыхъ ими. Слово boucaner означаетъ испечь или высунуть на дымѣ.

Бѣольшая часть буканеровъ, которымъ не нравилась охота за хищными животными, принялись за ремесло корсеровъ, и всё, что они могли захватить въ своихъ набѣгахъ, безъ различія партій, казалось имъ хорошею добычею. Присоединяясь къ толпѣ Англичанъ, и нѣсколькихъ Французовъ, они овладѣли маленькимъ островомъ, называемымъ Черепихою, соединились узамъ общихъ выгодъ, и стали извѣс

подъ именемъ флибустьеровъ. Обычное мѣсто ихъ сборища было на этомъ островѣ; гдѣ они находили удобную гавань и болѣе защиты отъ нападений Испанцевъ.

Островъ этотъ на сѣверѣ отдѣляется отъ Святаго Доминика только каналомъ въ нѣсколько миль, имѣетъ около осьми миль отъ востока къ западу и двѣ отъ сѣвера къ югу. Воздухъ въ немъ прекрасный, хотя рѣкъ нѣтъ, а только нѣсколько источниковъ, изъ которыхъ самый большой не шире человеческой руки. Теперь онъ не обитаемъ, но во времена Флибустьеровъ, былъ очень населенъ.

Только что извѣстіе о происходившемъ на берегу Святаго Доминика достигло до острова Святаго Христофора, множество жителей этихъ колоній переехали на Черепаху. Нѣкоторые изъ нихъ занялись обработываніемъ земель и разведеніемъ табаку; но всего полезнѣе для этого маленькаго поселенія было посвященіе французскихъ кораблей. Они привозили съ собою молодыхъ людей, которыхъ нанимали и потомъ передавали колонистамъ срокомъ на три года. Такимъ-образомъ новая колонія состояла изъ четырехъ родовъ жителей: буканеровъ, занимавшихся охотою, флибустьеровъ, разгузжавшихъ по морямъ, колонистовъ, обрабатывающихъ землю и наемниковъ, прислуживавшихъ колонистамъ и буканерамъ. Изъ этого сгѣшенія образовалось общество, получившее названіе авантюристовъ.

Испанцы, испуганные такимъ поселеніемъ, вознамѣрились разрушить его. Начальникъ галеръ сдѣлалъ нападеніе на островъ въ то время, когда флибустьеры были въ морѣ, а буканеры охотились на островѣ Святаго Доминика. Колонисты и наемники не долго сопротивлялись. Храбрые были умерщвлены инпагами, сдавшіеся повѣшены, и только малое число спаслось въ горахъ и лѣсахъ.

Экспедиція эта не утвердила за Испанцами владычества надъ Черепахою; надобно было оставить въ ней сильный гарнизонъ; и потому послѣ отъезда Испанцевъ, буканеры и флибустьеры опять овладѣли островомъ. Необходимость защищаться заставила ихъ возложить начальство на Англичанина Уиллиса; но Французы точно такъ же замѣтили, что Уиллисъ привлекаетъ на островъ большое число своихъ соотечественниковъ и опасались потерять права неравенствомъ числа; они вздумали выбрать себѣ другаго главу. Къ счастью, командоръ де Поанси, губернаторъ французскихъ Подвѣтренныхъ острововъ, уведоменный однимъ авантюристомъ о перевасѣ, кото-

рый Англичане начинали шить на Череплахъ, послалъ туда въ качествѣ губернатора инженера Левассера, зная его мужество и способности. Этотъ храбрый протестантъ привелъ съ собою тридцать девять своихъ единовѣрцевъ. Проведя три мѣсяца въ маленькомъ портѣ Святаго Доминика, называемомъ Марго, чтобы разузнать о всемъ происходящемъ, онъ рѣшился неожиданно напасть съ помощію пятидесяти буканеровъ, присоединившихся къ нему, въ надеждѣ что его поддержатъ Французы, жившіе на островѣ.

Левассеръ, приставъ къ рейду, безъ всякаго сопротивленія сдѣлалъ высадку и подошедши въ боевомъ порядкѣ, потребовалъ, чтобы въ двадцать четыре часа Уаллисъ и его Англичане оставили островъ. Озадаченный столь неожиданнымъ нападеніемъ, за которымъ послѣдовало возстаніе Французовъ, живущихъ на островѣ, Уаллисъ рѣшился увязать на томъ же суднѣ, на которомъ пріѣхалъ его врсемникъ. Левассеръ остался полнымъ властелиномъ острова и, главное, крѣпости, построенной Англичанами и вооруженной нѣсколькими пушками.

Новый начальникъ долженъ былъ ожидать нападеній со стороны Англичанъ и Испанцевъ. Первые забыли Череплаху; но Испанцы не замедлили прислать противъ острова сильную эскадру, состоявшую изъ пятисотъ человекъ. Она пристала къ рейду съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить горсть людей, не имѣвшихъ какъ думали Испанцы, ни защиты ни пушекъ. Казалось, никто не думалъ сопротивляться ихъ высадкѣ, и она совершилась безъ затрудненій. Но только что Испанцы приблизились на половину пушечнаго выстрѣла къ неприступному и укрѣпленному мѣсту, Левассеръ открылъ страшный по нимъ огонь, повергній ихъ въ ужасный беспорядокъ. Не давъ имъ времени опомниться, онъ бросился на нихъ и принуждалъ возвратиться на корабли свои съ величайшею поспѣшностью. Они снялись съ якоря и распустили паруса. Высадившись на берегъ, они пошли къ крѣпости въ боевомъ порядкѣ, намѣреваясь сдѣлать на нее нападеніе. Левассеръ приготовился принять ихъ. Они попали въ засаду и потеряли двѣсти человекъ. Остальные едва успѣли отплыть.

Послѣ такой успешной обороны, Левассеру оставалось только управлять колоніей съ большою умѣренностью. Освободясь отъ внешней опасности, онъ ни во что считалъ преданность Французовъ и вскорѣ навлекъ на себя ихъ ненависть. Онъ началъ съ католиковъ, запре-

тивъ имъ исполнять обряды ихъ религiи и отъ которыхъ скрытно старался отвѣлаться. Протестантамъ было не лучше; онъ обременилъ ихъ налогами и тяжелыми работами. Самыя легкіе проступки наказывались съ такою строгостью, какъ и самыя важныя. Онъ приказалъ сдѣлать желѣзную клетку, въ которой нельзя было ни стоять, ни лежать: чтобъ попасть въ нее, достаточно было не понравиться ему. Также не очень было ловко въ темницѣ замка, которую онъ называлъ своимъ чистилищемъ.

Совсѣмъ тѣмъ, не смотря на жестокость своего правленія, онъ такъ искусно умѣлъ управлять умами своихъ единоземцевъ, представляя Черепаху неприкосновеннымъ убѣжищемъ для всѣхъ Французовъ, желающихъ свободно исповѣдывать протестанскую религiю, что они согласились признать его своимъ королемъ.

Онъ пользовался этимъ титуломъ въ продолженіе пяти лѣтъ; если же онъ имѣлъ другіе замыслы, то они были уничтожены людьми, которыхъ онъ никакъ не могъ подозрѣвать. Онъ усыновилъ двухъ молодыхъ людей, объявивъ ихъ своими наследниками; они были товарищами его судьбы и даже считались его племянниками. Имена ихъ были Тибо и Мартенъ. Они тайно вооружали всѣхъ противъ своего благодѣтеля, въ надеждѣ заступить мѣсто его на островѣ.

По смерти Левассера, причиною которой былъ Тибо, они овладѣли безъ всякаго препятствія могуществомъ и имуществомъ Левассера. Но наказаніе немедленно совершилось надъ ними. Кавалеръ де-Фонтенѣ, получивъ отъ генерала Поанси управленіе надъ островомъ Черепахою, явился туда съ такими силами, что могъ бы покорить самаго Левассера, печальный конецъ котораго былъ ему неизвѣстенъ. Мартенъ и Тибо, видя, что жители не слишкомъ были расположены поддерживать осаду въ ихъ пользу, предложили сдать имъ крѣпость съ условіемъ полного прощенія и правомъ свободно владѣть имуществомъ. Кавалеръ де-Фонтенѣ обѣщаль все и крѣпость была ему сдава. Только что распространилось это извѣстіе на островъ Святаго Доминика, какъ всѣ католики, выгнанные Левассеромъ изъ Черепахи, поспѣшили возвратиться. Кавалеръ де-Фонтенѣ не долго пробылъ на островѣ. Испанцы, видя, что торговля ихъ разстраивается жителями Черепахи, послали значительное войско, чтобы овладѣть островомъ. Атакку вели съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, что кавалеръ де-Фонтенѣ, захваченный въ расплохъ, долженъ былъ сдать крѣпость на почетной капитуляціи.

Испанцы владѣли Черепашою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1659 году, одинъ французскій дворянинъ опять завладѣлъ ею и послѣ четырехъ-лѣтняго владѣнія въ качествѣ побѣдителя, продалъ его въ 1664 году Вестъ-Индской компаніи.

Людвигъ Филиппъ и Галевн. Въ бытность свою въ Лондонѣ, куда какъ извѣстно, Галевнъ здѣлъ присутствовать на представленіяхъ своей новой оперы, онъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать августѣйшимъ обитателямъ Сентъ-Леонара, чувства глубочайшаго уваженія и неизмѣнной преданности. Съ нѣкоторыхъ поръ почитатели всехъ званій, и самые скромные путешественники и самые высокіе особы, спѣшатъ въ Сентъ-Леонаръ заплатить дань искренняго сочувствія благородному и столь мало заслуженному знополучію.

Король самымъ любезнымъ образомъ принялъ Галевнъ и Скриба, также участвовавшаго въ этой поездкѣ, и оба нашли Людовика-Филиппа совсѣмъ не въ такомъ разстроенномъ здоровьи, какъ носилась слухи о томъ. Людовикъ-Филиппъ сохранилъ въ особенностяхи то, что ни возрастъ ни несчастія не могли ослабить, — изумительныя способности своего могучаго разума. Умъ его все такой же живой, возвышенный; доброжелательный король по прежнему умѣетъ говорить каждому языкомъ, ему свойственнымъ и никакой предметъ не заставитъ его въ распλοхъ; ничто не чуждо его обширнымъ познаниямъ, подкрѣпляемымъ изумительною памятью. Съ Галевнъ онъ говорилъ о музыкѣ не хуже профессора консерваторіи.

— Постойте, сказалъ онъ послѣ довольно долгаго разговора, я вспомнилъ одну старинную англійскую арію, премиленькую и преоригинальную, она произвела бы славный эффектъ въ какой-нибудь изъ вашихъ партій; напишите ее, я вамъ продиктую.

Галевнъ взялъ бумагу, перо, и король продиктовалъ арію, которая въ-самомъ-дѣлѣ была исполнена прелестной мелодіи. Прочтя то, что написалъ композиторъ, король вскричалъ:

— Что это сдѣлалось со мною! забылъ два такта въ финалѣ.

И взявъ перо, прибавилъ своей рукою два забытые такта; потомъ написалъ между нотными строчками слова, на которыя арія была сочинена.

— Государь, сказалъ Галевнъ, ваше величество сдѣлали бы меня

счастливейшимъ человекомъ, если бы осласлимо написать внизу этия строчки двѣ начальныя буквы вашего имени.

— Охотно, отвѣчалъ король.

И обернувшись къ королеви, сказала улыбаясь:

— Это доставить ему автографъ.

Оба посвятителя получили приглашеніе обѣдать на слѣдующій день съ королевскою фамиліею. Скрибъ сидѣлъ за столомъ возле герцогини Орлеанской. Когда остроумный анадоминъ сталъ хвалить красоту пейзажа, окружающаго Севъ-Леонаръ и видъ, видѣющійся изъ оконъ, герцогиня отвѣчала съ неизъяснимымъ выраженіемъ грусти:

— Да! иногда, когда небо чисто и ясно, виднются берега Франціи.

Выраженіе, съ которымъ были произнесены эти слова было таково, что тотъ, къ кому онъ были обращены, почувствовалъ на глазахъ слезы.

СЪРЪ РОБЕРТЬ ПИЛЬ. Несчастный случай неожиданно прекратилъ славу и светлую жизнь одного изъ величайшихъ государственныхъ людей нашего времени. Мы не станемъ прописывать біографическія ея подробности, которыми наполнены въ эту минуту все газеты рядомъ съ извѣстіями о повсемѣстныхъ изъясненіяхъ почали и уваженіи соотечественниками и иностранцами, завидной почести, очень рѣдко достигающей тѣмъ важнымъ остаткамъ тѣмъ, каго общій голосъ высказалъ при жизни именемъ великаго человека. Всякой нынче знаютъ, что сэръ Робертъ Пиль родился въ 1788 году, близъ города Беръ; что онъ былъ сыномъ Роберта Пила, очень богатаго и знаменитаго въ свое время фабриканта бумажныхъ издѣлій, который употребилъ первый въ дѣло прядальныя и тканія машины, доставившія ему сокровища, извѣстность и политическое значеніе, и за введеніе и покровительствованіе которыхъ этотъ счастливый промышленникъ, платившій въ годъ казны до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ рублей серебромъ одного акциза за интеллекъ, прикладываемый къ его коленкорамъ и ситцамъ, былъ избранъ согражданами въ члены парламента и награжденъ правительствомъ званіемъ баронета; что молодой Робертъ, старшій изъ трехъ сыновей его, учился въ гелоской коллегіи вмѣстѣ съ лордомъ Байрономъ; что на двадцать первомъ году жизни онъ былъ уже членомъ парламента вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, а на двадцать-второмъ (1810) товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и примычальнымъ

раторомъ; и что съ-тъ-перъ онъ по смерти не оставилъ Исланды Общинъ, въ которой сосредоточилась вся жизнь его, гдѣ онъ постоянно властвовалъ высочайшмъ умомъ своимъ и необыкновеннымъ красноречіемъ, и гдѣ заслужилъ названіе the Great Commoner *исландскаго общинника*. Известно также, что на двадцать-четвертомъ году (1842) былъ онъ министромъ статсъ-секретаремъ исландскихъ дѣлъ, что и отецъ его и онъ пользовались особенными расположеніемъ Януса, удивительнаго человека между умными и даровитыми людьми, душевно любившаго умъ и дарованія въ другихъ, а что оба они принадлежали къ партіи торя и къ отдѣленію самыхъ горячихъ защитниковъ мъръ покровительно-запретительныхъ и старинныхъ привилегій протестантскихъ. Представимъ, скорѣе, нѣсколько замѣчаній о характерѣ мъръ Роберта Пилъ, какъ публичнаго человека, и о тѣхъ его дѣйствіяхъ, которыя доставили ему всемірную славу.

Послѣ Питта и Каннинга, и еще при Каннингъ, Пилъ былъ надеждою и свѣтиломъ стараго торизма, по рѣдкому дару слова, очаровательной душѣ, степенной и привлекательной наружности, осторожному поведенію, истинно примѣрной, можно сказать, истинно добродетельной жизни, рѣдкой твердости воли, неутомимости въ трудѣ, прелести обращенія, образованному, блестящему и основательному уму, ясному взгляду на предстоящее, и по тому чуждому истинному молчать, говорить и дѣйствовать всегда кстати, который служить вървѣннымъ признакомъ генія и всегда доставляетъ господство надъ удивленною толпою. Пилъ умѣлъ пользоваться этимъ послѣднимъ преимуществомъ въ полной мѣрѣ: онъ, въ буквальномъ значеніи слова, господствовалъ надъ своими, и господствовалъ деспотически. Вся партія безпрекословно ему подчинялась, всякой разъ, какъ бывало, захочетъ онъ употребить ея голоса на пользу своихъ плановъ, идей или настрѣній, всегда тщательнѣ скрываемыхъ до послѣдней минуты даже отъ самыхъ приближенныхъ и доверенныхъ; но, подчиняясь, между-тѣмъ какъ всѣ върили нуждъ и успѣху предлагаемой мъры, и какъ добряки душевно обожали своего умнаго голову, самолюбивѣйшіе послѣдователи разуться душевно ненавидѣли его за то, что они между-тѣмъ называли *Пилевымъ тиранствомъ*. Ко всемъ своимъ превосходнымъ качествамъ, мъръ Робертъ присоединялъ еще то несравненное качество въ руководителѣ другихъ, что для себя онъ ничего не требовалъ, будучи богачемъ по отцу и умѣя благородно употреблять свое достоинствѣ на нель-

зу общественную. Напротивъ, случай доставлялъ ему постоянно честь, въ самыя рывительныя минуты, дѣйствовать, казалось, въ противоположность личнымъ своимъ выгодамъ и приносить ихъ въ жертву пользы или спасенію своихъ приверженцовъ. Но, собственно, онъ тогда не заботился о выгодахъ приверженцовъ, и, въ своей непроницаемости ловко употреблялъ ихъ въ нужномъ случаѣ, вдругъ, неожиданно, какъ послушное орудіе къ тому, что, по его убѣжденіямъ, было необходимымъ въ ту минуту или спасительнымъ для блага отечества. Обманутые партизаны всякій разъ вопиали, что онъ — *предатель, измѣнникъ, тиранъ*. Великій мастеръ на иронию, одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ его краснорѣчія, Пиль обыкновенно отвѣчалъ имъ съ покойною усмѣшкою, что онъ *перемѣнилъ мнѣніе*, убѣдясь въ *неосновательности* того, что прежде говорилъ вмѣстѣ съ ними и въ чель ихъ. Понятно, что озлобленіе тщеславнѣйшихъ, котораго въ последнее время господинъ Дизразли явился самымъ пылкимъ органомъ, не знало себя предъ нимъ, такъ же какъ и восторгъ общей массы народа, для пользы которой Пиль жертвовалъ по-видимому прежними своими мнѣніями и своимъ господствомъ надъ непроницаательною партіею, служившею имъ оплотомъ. Озлобленіе бывало тѣмъ неостовѣе, что, по соображенію обстоятельствъ, всякій разъ можно было открыть, что втайнѣ Пиль никогда не раздѣлялъ идей и стремленіе партіи, которая, просто, была проведена и преданность свою начальнику употребила на торжество идей, ненавистныхъ ей предубѣжденіямъ. Три раза онъ, можно сказать, *поддѣлалъ* такимъ-образомъ толпу крикуновъ, пріютившихся съ своими надеждами подъ сѣню его ума и его слова, для произведенія давно замысленныхъ, коренныхъ и необходимыхъ преобразованій въ отечественномъ законодательствѣ и, какъ истинно искусный человекъ, послѣ третьяго разу объявилъ, что впередъ ни за что не приметъ правительственной власти въ свои руки: штука трижды удастся, но не болѣе. Почти можно сказать, что, вслѣдъ за тѣмъ, упавъ съ лошади и сломивъ себя иею, онъ далъ еще новое, но уже последнее, доказательство своего искусства, своей неподражаемой ловкости. Человеку, который *васъ* малъ нечаянно и удивительно кстати, нельзя было болѣе кстати умереть нечаянно.

Смерть его незыблемо утвердила произведенныя имъ преобразованія. Личная къ нему ненависть трижды обманутыхъ покорнѣйшихъ послѣдователей могла, мало-по-малу, потрясти, если не разрушить, его

творенію. На могилѣ его она должна притихнуть естественно и нѣтъ сомнѣнія, что она даже испугалась своей наглости при видѣ всеобщаго глубокаго уваженія, возданнаго праху великаго врага.

Трижды Пиль *провелъ* своихъ недалновидныхъ, но сильныхъ богатствомъ и вліяніемъ приверженцевъ и побужденные вмѣстѣ съ побѣдителями, враги и друзья, должны были признать торжественно передъ его гробомъ, что трижды спасъ онъ свое отечество отъ страшныхъ бѣдъ отъ гениальной проницательности будущаго. По странному случаю, всѣ знаменитыя спасительныя мѣры Пила принадлежать, не къ созданіямъ, но къ *уничтоженіямъ*. Въ 1829, за годъ до несчастнаго переворота во Франціи, распространившаго смуты во всей Европѣ, онъ содѣйствовалъ къ уничтоженію стѣснительныхъ законовъ противъ католиковъ и не только успокоилъ Ирландію, но даже одушевилъ ее горячею преданностью Англіи; наковецъ, въ 1848 году, почти наканунѣ новыхъ потрясеній, содѣйствовалъ къ уничтоженію запретительнаго тарифа на привозный хлѣбъ, дойдя до этой рѣшительной мѣры, и не примѣтно доведя до ней свою партію протекціонистовъ и прогибиціонистовъ, постепеннымъ пониженіемъ или полнымъ уничтоженіемъ пошлинъ на множество другихъ, менѣе важныхъ, статей привозной торговли. Надежды горячихъ противниковъ прежняго *хлѣбнаго закона*, которыхъ сторону Пиль принялъ вдругъ, не сбылись и этотъ гениальный человекъ вѣроятно самъ предвидѣлъ это. Ни хлѣбъ ни мясо не стали дешевле въ Англіи, и не могли стать, и мануфактурное народонаселеніе ничего не выиграло въ этомъ отношеніи, отъ уничтоженія пошлины на иностранный хлѣбъ и скотъ. Но отмщеніемъ этихъ стѣсненій отняты не-земледѣльческому классу всякіе поводы къ зависти мнимымъ преимуществамъ и привилегіямъ класса земледѣльцевъ.

До минуты уничтоженія каждаго изъ этихъ трехъ законовъ, сэръ Робертъ стоялъ за нихъ горю и заставлялъ своихъ приверженцевъ вратъ въ защиту ихъ все возможное. Пора на нихъ еще не приходила. Но лишь-только ударилъ ихъ послѣдній часъ, онъ, съ удивительною проницательностью настоящаго, съ чуднымъ предчувствіемъ будущаго, невзначай ихъ опрокинулъ тѣми же руками, которыя обороняли ихъ отъ всѣхъ посягательствъ. Набожный и горячій протестантъ, поддерживаемый протестантскою партіей, самъ онъ лично не могъ ничего надѣяться отъ допущенія къ правительству католиковъ,

которые когда неспасали его. При разрешении беззаконнаго привозу заграничнаго хлеба, онъ, властвуя огромнымъ помѣщикомъ, говорилъ своимъ удивленнымъ и испуганнымъ прислушникамъ, что если предлагаемая имъ мѣра ложна, то онъ готовъ разориться вмѣстѣ съ ними для общаго блага: но современное состояніе дѣлъ требуетъ непременно этой мѣры и, вѣско или нѣско, надо на нее согласиться. «Браните, но поднимайте голоса, какъ я говорю вамъ!» Голоса были подняты. Чтобы помириться, Пиль согласился съ мѣрой, которая крѣпко на Грандъ-Саверъ похулилась модной дамской шляпкой съ перьями.

Мы пропустили, и все вообще забываемъ, еще о великой мѣрѣ Пила, которою спасъ онъ въ 1842 году крайне разстроенныя финансы Великобританіи, спасъ такъ блистательно, что слычи, вмѣсто огромнаго недочета, государственные доходы даютъ значительный избытокъ противъ расходовъ, и которою по обыкновенію поддалъ въ то же время услужливыхъ подавателей головоу. Только въ этотъ разъ искусный человекъ поддалъ не однихъ торгъ, своихъ приверженцевъ, а всѣхъ вмѣстѣ, и друзей и противниковъ. Мы говоримъ о неожиданномъ возстановленіи подати отъ личныхъ доходовъ, ипсеме (такъ, изкогда введенной Питтомъ и впоследствии отмененной при содѣйствіи краснорѣчія самаго же Пила. Въ этотъ разъ сэръ Робертъ предложилъ прибѣгнуть къ подати отъ доходовъ. Мѣра была принята въ видѣ опыта, на три года. Не лишь-только началось полное дѣйствіе ея, Пиль, оставивъ министерство, отозвался, что, по его крайнему разумнію, она введена навсегда и должна остаться.

Сэръ Робертъ Пиль былъ, въ частномъ быту, образцомъ гражданина, мужа, отца и друга. Товарищъ онъ былъ плохой и опасный, но пріятель и сѣздъ неподобный. Никто въ Англіи, болѣе и очаровательнѣе его, не оказывалъ дружбы, содѣйствія, пособія, дарованій, литературъ, искусствамъ, промышленностямъ, предпріятіямъ, и честной, трудолюбивой бѣдности. Благотворительность его была безграничная. Между прочими азачными страстями, или пристрастіями, любовь къ живописи была въ немъ одною изъ самыхъ сильныхъ и постоянныхъ, и онъ собственнымъ выборомъ своимъ составилъ превосходную картинную галерею, пѣ особенно примѣчательно собраніе произведеній отечественныхъ художниковъ.

Пилъ никогда не хотѣлъ принять почестей перства : пероставъ быть первымъ министромъ и объявивъ, что болѣе не намѣренъ принять никакого портфеля, онъ былъ однако жъ болѣе чѣмъ первымъ министромъ. Ничего важнаго не предпринималось не только друзьями, но и соперниками Пилъ безъ его совѣта, наставленія, или согласія. До послѣдней минуты мнѣніе и слово его были всесильными.

Великій англійскій ораторъ, подобно Демосѣену и Цицерону, былъ чрезвычайно чувствительнаго нервнаго сложенія—пугливъ какъ женщина—и падалъ въ обморокъ отъ малѣйшей боли. Здоровье его было одно изъ тѣхъ, которыя вѣчно болжны и постоянно цвѣтутъ розами на лицѣ. Въ сложеніи и характерѣ его врачи замѣчали много женскихъ явленій. Впрочемъ, не помню, какой великій физиологъ утверждаетъ, что для того, чтобъ быть великимъ человекомъ, надо соединять въ себѣ мужчину и женщину вмѣстѣ.

СЕРЪ РОБЕРТЪ ПИЛЪ И СКРИБЪ Знаменитый баронетъ, котораго кончину оплакиваетъ теперь вся Англія, оказалъ Скрибу, въ бытность его въ Лондонѣ, такой знакъ въжливости и уваженія, что авторъ либретто «*Буря*» считаетъ это, вмѣстѣ съ объѣдомъ въ Сенъ-Леонарѣ, у Людовика-Филиппа, однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ воспоминаній. Въ первую недѣлю пріѣзда Скриба въ Лондонѣ, онъ получилъ отъ Сэра Роберта Пилъ приглашеніе на объѣдъ. Но, къ несчастію, этотъ самый день былъ назначенъ для перваго представленія новой оперы и Скрибъ долженъ былъ извиниться, что не можетъ принять предлагаемую ему честь. Но вскорѣ послѣ того первое представленіе отменили, потому-что въ этотъ самый день была назначена скачка въ Аскоттѣ. Любезные джентльмены, показывавшіе Скрибу все достопримѣчательное, захвали за нимъ, чтобы отвести его на эту любопытную и блистательную скачку. Въ самую минуту отъѣзда принесли письмо отъ сэра Роберта Пилъ, который писалъ къ нему, что такъ какъ «*Буря*» не играется въ этотъ вечеръ, то онъ ожидаетъ его къ объѣду. Какъ быть? Джентльмень уверилъ Скриба, что онъ со скачки поспѣетъ воротиться къ объѣду. Скрибъ отправился, день прошелъ прекрасно, скачка окончилась довольно рано, но надъѣвшіеся на скорое возвращеніе, не разсчитали, что дорога будетъ загромождена экипажами; кареты, дилижансы, всадники, омнибусы каждую минуту заставляли Скриба раскаяваться, зачѣмъ онъ

позжалъ на скачку. Было осьмага половина, когда онъ воротился въ Лондонъ.

— Я ужъ не могу явиться къ моему знаменитому амеитрюю, сказалъ онъ, какую идею будетъ онъ имѣть о французской въжливости!

Но товарищи отвѣчали, что пословица: «лучше поздно чѣмъ никогда», очень употребительна въ высшемъ англійскомъ обществѣ и приѣхать не совсѣмъ во время будетъ, только дурно вполонину, а вовсе неприѣхать — непростительно. Скрибъ мужественно рѣшился, поспѣвалъ домой, наскоро одѣлся, увѣшалъ себя всеми своими орденами и крестами, и ровно въ восемь часовъ явился въ отель сэра Роберта Пила.

Его ждали. Хозяинъ встрѣтилъ его наверху лѣстницы, привелъ въ гостинную и представилъ леди Пилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Когда все встали, чтобы перейти въ столовую, знатные особы, находившіеся тутъ, предоставили Скрибу честь предложить руку хозяйкѣ дома, которая посадила его возлѣ себя. Съ тактомъ и вкусомъ, отличающимъ англійскую аристократію, все поняли, что французскій академикъ былъ главнымъ гостемъ и во весь вечеръ онъ былъ предметомъ самой милой предупредительности.

ДЖОНЪ ПАРРИ. МУЗЫКАНТЪ, ПѢВЕЦЪ, ПОЭТЪ, РИСОВАЛЬЩИКЪ И АКТЕРЪ ВЪ ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ. Со времени знаменитаго Метьюса, который давалъ одинъ полныя комическія представленія съ удивительнымъ разнообразіемъ и неподражаемою вѣрностью характеровъ, никто еще не восхищалъ собою въ такой степени лондонской публики какъ мистръ Джонъ Парри, остроумнѣйшій, ловчайшій и забавнѣйшій изъ людей. Въ словахъ пѣсень его дышетъ неподдѣльная веселость, въ его музыкальныхъ сочиненіяхъ — бездна ума и тонкости, его пѣнье и его игра отличаются гибкостью, свободою, быстротою и многосторонностью; онъ декламируетъ, говоритъ, представляетъ комическія лица и дѣйствія, поетъ на сорокъ разныхъ манеровъ и на двадцать разныхъ стилей, одной рукой рисуетъ забавныя каррикатуры, другой разигрываетъ на фортепіанахъ самые блестящіе и трудные пассажи, аккомпанируетъ себя на духовомъ инструментѣ, въ точности подражая голосомъ хроматической трубъ (*cornet à piston*) и тутъ же переодѣвается съ ловкостью волшебника. Его подражанія

игра знаменитѣйшихъ пианистовъ и пѣнью извѣстныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ приводятъ артистовъ въ восторгъ своей технической точностью, и въ то же время возбуждаютъ неумолкаемый хохотъ въ зрителяхъ разкимъ воспроизведеніемъ наружности, позъ, гримасъ и ухватокъ этихъ господъ и госпожъ. Среди такихъ потѣхъ нестерпаемаго комизма, онъ вдругъ оборачивается валлійскимъ бардомъ и, въ полномъ костюмѣ, важно, съ чувствомъ, съ чистѣйшимъ провинціальнымъ акцентомъ, поетъ старинное заунывное «Nos galans», при которомъ юго-западные Англичане проливаютъ слезы умиленія.

лордъ чаттертонъ. Всѣмъ извѣстно, что Чаттертонъ былъ бѣдный молодой человекъ съ темными кудрями, который писалъ стихи, внушалъ безумную любовь одной бѣдной женщины и получилъ у одного знатнаго господина мѣсто камердинера; всѣмъ извѣстно, какъ этотъ поэтъ боролся съ чахоткой и своей музой; наконецъ, видѣлъ свои стихи приписанными другому, и, съ отчаянія, проглотилъ семьдесятъ грановъ опиуму.... Всѣмъ извѣстны эти обстоятельства, если не изъ исторіи англійской литературы, то по-крайности изъ прелестной драмы Альфреда де-Виньи*. Но не всѣмъ извѣстно тѣ, что я теперь намѣренъ разсказать.

Когда квакеръ сказалъ: *Онъ скончался!* и потомъ, поглядѣвъ на любившую поэта женщину, прибавилъ: *И она скончалась!* — Джонъ Бэлль позвалъ слугъ, велѣлъ положить тѣло покойной мистрисъ Бэлль на кровать и послалъ за врачомъ и за нотаріусомъ; послѣдній долженъ былъ устроить дѣла относительно наслѣдства, врачъ долженъ былъ засвидѣтельствовать законность кончины и купить трупъ поэта.... въ пользу медицины и хирургіи.

Нотаріусъ и медикъ пришли, и такъ-какъ мистръ Бэлль не любилъ ни въ чемъ медлить, то каждый тотчасъ же принялся за свое дѣло. Нотаріусъ надѣлъ на носъ очки и развернулъ духовное завѣщаніе мистрисъ Китти Бэлль; медикъ привычнымъ взоромъ окинулъ субъектъ, который оставалось сторговать. Квакеръ сидѣлъ въ углу и читалъ Библию подъ своей широкополой шляпой.

— Боже мой! прошепталъ квакеръ, — умереть осемнадцати лѣтъ!

* Эта пѣса, какъ извѣстно, давалась на Михайловскомъ театрѣ, прошлой зимою.

— Этотъ молодой человекъ вовсе не умеръ, сказалъ докторъ Джонъ Бэлль нахмурился и проворчалъ :

— Если онъ не умеръ, докторъ, значитъ онъ не можетъ быть и проданъ; кто жъ мнѣ заплатитъ теперь за квартиру, которую я давалъ этому бѣдняку?

При этомъ нотаріусъ снялъ очки и, въ свою очередь, замѣтилъ :

— Если мистрисъ Бэлль тоже не умерла, то очень жаль, что мы вскрыли ея духовную.

— Мистрисъ Бэлль умерла подлинно, сказалъ докторъ.

Чаттертонъ проглотилъ нѣсколько грановъ опиума, но вмѣсто смерти, впалъ только въ глубокій сонъ. Квакеръ принялъ летаргію за сущую смерть; Китти повѣрила квакеру на слово, и съ отчаянія умерла.

Между-тѣмъ какъ Джонъ Бэлль, квакеръ, врачъ и нотаріусъ предавались размышленіямъ, съ улицы слышалось хлопанье бича, стукъ колесъ, топотъ копытъ, и роскошный экипажъ остановился у подъезда.

Надо вамъ сказать, что Чаттертонъ, прежде чѣмъ удалился въ свое бѣдственное уединеніе, успѣлъ нѣсколько насладиться блестящею жизнью и не отставалъ отъ феиснеблей первой величины на лондонскихъ раутахъ. Онъ бросился въ свѣтскій вихрь какъ поэтъ, не заботясь о будущемъ. Свѣтъ, видѣвшій на своихъ бархатныхъ коврахъ молодаго человека, во всемъ сообразнаго съ модой, не осведомлялся, гдѣ обиталъ онъ — на чердакѣ или во дворцѣ. Чаттертону нравился этотъ контрастъ. Онъ пристрастился къ этой двойной жизни — поэтической нищеты и ребяческаго щегольства, — и каждый вечеръ оставлялъ свою комнату подъ самой кровлей и свою изношенную фуфайку и, въ шелковомъ камзолѣ, спѣшилъ въ раззолоченныя аншлады, на праздники богатыхъ лордовъ и хорошенькихъ ледя.

У Чаттертона было прелестное бѣдное лицо и орляные глаза. Солнце поэзіи сіяло въ этихъ глазахъ и въ этомъ лицѣ. Въ умѣ его было что-то сердечное. Рѣчь его была пѣжна и таинственна. Леди Амундевилъ почувствовала къ нему симпатію неизъяснимую.

Леди Амундевилъ отличалась красотою воплнѣ англійскою: при удивительной бѣлизнѣ лица, у нея была тоненькая талья, бѣлокурые волосы и голубые глаза. Сентиментальная, романическая, она своею непреклонностью приводила въ отчаяніе цѣлую толпу деиди-поклонниковъ, которые тѣснились вокругъ нея.

Встрѣтивъ Чаттертона, суровая красавица почувствовала, что судьба ея рѣшена. Чаттертонъ видѣлъ дальше всей этой тучи ещѣ неблей, или лучше сказать, онъ одинъ видѣлъ дальше какой-нибудь ленточки или перчатки. Леди Амундевилъ сначала почувствовала, что душа ея стала возвышеннѣе возлѣ Чаттертона. Потомъ она разсудила, что поэтъ несравненно занимательнѣе, чѣмъ обыкновенный денди и, наконецъ созналась, что она его полюбила.

Чаттертонъ покинулъ блестящее лондонское общество, не подозрѣвая, что оставилъ свой образъ въ прекраснѣйшемъ изъ аристократическихъ сердецъ. Леди Амундевилъ крѣпко хранила свою тайну; а на то, чтобъ разгадать ее, Чаттертону не доставало двухъ качествъ: онъ не былъ ни пошлымъ волокитой, ни влюбленъ. Леди Амундевилъ осталась одна съ своею любовью; и, что весьма обыкновенно, когда любовь истинна, въ уединеніи, любовь ея все увеличивалась. Вскорѣ леди узнала, что Чаттертонъ былъ настоящимъ авторомъ поэмъ Роули (Rowley) и наконецъ, что поэтъ умираетъ, безъ куса хлѣба, въ домъ почтеннаго фабриканта Джона Бэля. При этомъ горестномъ извѣстіи, голубые глаза леди наполнились слезами. Вдова, геройски рѣшилась на великодушный подвигъ: у нея было достаточно золота на то, чтобъ сдѣлать поэта лордомъ или даже набобомъ; достаточно любви, чтобъ сдѣлать его своимъ мужемъ, хотя онъ не былъ ни набобомъ, ни лордомъ. Благодарственная фея потребовала лошадей, и поскакала предложить свои услуги умирающему поэту.

— Гдѣ мистръ Чаттертонъ? спросила леди Амундевилъ, торопливо, но съ достоинствомъ переступивъ черезъ порогъ Джона Бэля.

— Какія все прекрасныя знакомства у этого молодаго человѣка, сказалъ вполголоса Джонъ Бэль.

Врачъ обстоятельно разсказалъ ей плачевную драму, которая разыгралась тутъ такъ неожиданно. Леди Амундевилъ покраснѣла, потомъ поблѣднѣла, и немножко ревности закралось въ ея сердце. Но Китти Бэль была уже бездыханна.

— Мистръ Чаттертонъ.... мой родственникъ, сказала леди Амундевилъ.

Чаттертона свесли въ карету заботливой миледи. Миледи съѣла возлѣ спящаго поэта, который, по ошибкѣ, не умеръ. Лошади помчались, и скоро прелестная чета была подъ великолѣпными сводами Амундевилскаго замка.

Когда Чаттертонъ проснулся отъ своей летаргiи, глаза его встрѣтились съ глазами молодой леди, сидѣвшей у его постели.

— Боже мой! проговорилъ онъ, вы сжалились надъ бѣднѣмъ поэтомъ.... я теперь точно на новой планетѣ.

— Вы на землѣ, сказала леди Амундевилъ, вы у меня.

Взоры Чаттертона съ изумленiемъ скользили по шелковымъ обоямъ, граціозно драпировавшимся надъ его головою, по роскошной мебели, по фарфоровымъ вазамъ, по венеціанскимъ зеркаламъ....

— О! сказалъ онъ, со вздохомъ, я вижу только васъ, миледи.

Леди Амундевилъ сильно польстили эти первые слова поэта.

— Чаттертонъ, сказала она улыбаясь, вы здѣсь въ области фей. Долго жили вы между людьми; печальная жизнь, не правда ли? Теперь вы — въ гостяхъ у короля Оберона, у королевы Титанiи. Слезы, которыя вы тамъ пролили, превратились для васъ здѣсь въ перлы и алмазы; Оберонъ и Титанiя васъ любятъ, Чаттертонъ.

Леди Амундевилъ была прелестнѣе всѣхъ воображимыхъ фей. Легкій румянецъ оживлялъ ея бархатныя щеки. Поэтъ оставался передъ нею неподвижнымъ, затаявъ дыханiе, какъ-будто боялся, чтобъ это видѣнiе не улетѣло.

— Чаттертонъ, сказала леди Амундевилъ, поэты на землѣ — бѣдныя, простодушныя дѣти, которыя колются о всевозможныя шипы. Здѣсь вы будете лордомъ: у васъ будетъ дворецъ; пажы будутъ подносить вамъ вино въ золотыхъ чашахъ.

— Леди Амундевилъ! сказалъ поэтъ.

— Берегитесь, отвѣчала она, чтобъ не разрушить чары! Вы покушались на самоубійство, злой человекъ! Богъ не допустилъ васъ до этого.... Я явилась во время, и вотъ вы защищены.... отъ самого себя... Но, пожалуйста, забудемте все это. Я не хочу, чтобы вы помышляли о прошедшихъ несчастiяхъ. Я васъ люблю. Не хочу, чтобъ счастливыя, въ родѣ Тальбота и Лаудердала, имѣли поводъ сожалѣть злополучнаго, въ родѣ васъ. Чаттертонъ, вы будете такимъ же лордомъ какъ они; я буду вашей женой.

Спустя два мѣсяца, капелланъ замка торжественно совершилъ обрядъ бракосочетанiя высокопочтенной леди Амундевилъ съ его сiятельствомъ лордомъ Чаттертономъ, графомъ рочестерскимъ, глосчестерскимъ, плаймоутскимъ, фальмоутскимъ, и прочая.

Воображеніе Чаттертона сильно работало въ продолженіе этихъ мѣсяцевъ. Сначала онъ оплакивалъ добренькую Китти Бэлль; онъ даже началъ на этотъ случай балладу, въ родѣ Чосера. Но ревнивая нежность леди Амундевилъ, ея прелестные голубые влажные глаза и аристократическая граціозность — приостановили немножко балладу миленькой Китти Бэлль.

Чаттертонъ принялся строить планы въ будущемъ.

— Вотъ я богатъ, говорилъ онъ, у меня жена, которую я люблю, которая меня любитъ. У меня есть теперь имя, завидное положеніе при дворѣ. Я не завишу теперь отъ капризовъ какого-нибудь книгопродавца. Я могу заняться искусствомъ для искусства. О мой храбрый Гарольдъ! о моя гастингская битва!... Я открою мои залы всемъ замѣчательнымъ поэтамъ; потомъ отправлюсь путешествовать. Мы должны путешествовать, Эднѣ; увидимъ Италію, Испанію, Востокъ. Эднѣ, ты мой благодѣтельный другъ: о, какъ я счастливъ!

Лордъ и леди Чаттертонъ отправились въ Лондонъ. Въ карету ихъ была запряжена шестерка лошадей. Лошади гордо подымали голову; экипажъ мчался; слуги держались прямо на своихъ сѣдалищахъ; прохожіе останавливались, провожая карету завистливымъ взглядомъ; любопытные обыватели города Лондона подбѣгали къ окнамъ полюбоваться блистательнымъ экипажемъ. Это былъ въездъ въ столицу, вполне достойный такого лорда и такой леди, каковы были лордъ и леди Чаттертонъ.

Когда экипажъ провѣзжалъ мимо дому покойной Китти Бэлль, лордъ Чаттертонъ приказалъ остановиться и вышелъ изъ кареты съ своею розовою леди.

Джонъ Бэлль на этотъ разъ бранилъ своихъ работниковъ безпощаднѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Нѣтъ, нѣтъ, повторялъ онъ, ни копѣйки больше; не довольны, такъ убирайтесь къ другимъ. У меня ужъ такъ заведено.

Квакеръ, сидя въ креслѣ у подножія лѣстницы, читалъ Библію двумъ дѣткамъ Джона.

— Я хочу видѣть коморку, гдѣ я столько страдалъ, сказалъ лордъ Чаттертонъ.

Квакеръ всталъ, узналъ поэта и пожалъ ему руку. Дѣтки узнали его тоже.

— Милыя дѣтки! сказалъ Чаттертонъ, запуская пальцы въ ихъ бьюлокные локоны.

Лордъ и леди Чаттертонъ поднялись по той самой лѣстницѣ, по которой спустилась въ послѣдній разъ Китти Бэлли... для того, чтобъ умереть. По-мѣръ-того какъ Чаттертонъ подымался въ эту область болезненныхъ воспоминаній, душа его наполнялась невыносимо-грустною повзѣй. Титулы и богатства показались ему слишкомъ мелочными въ сравненіи съ грандіознымъ идеаломъ, который онъ находилъ здѣсь снова. Каждый атомъ воздуха, который онъ теперь дышалъ, напоминалъ ему эту благородную музу, наживающую скорбью. Скучная каморка населалась призраками, нѣкогда въ-вавшими его воображеніемъ, и когда онъ воротился въ комнату, гдѣ уже не было Китти Бэлли, онъ устыдился своего теперешняго счастья.

— Другъ мой, сказалъ Чаттертонъ квакуеру, вы будете жить у меня.

— Тѣмъ, отвѣчалъ квакуеръ, я не оставляю этихъ дѣтокъ.

— По-дранійей-мѣрь... еслибъ я могъ что-нибудь сдѣлать для васъ...

— Я не нуждаюсь ни въ чемъ, сказалъ квакуеръ. Но тебѣ нужны совѣты, потому-что ты богатъ. Ты знаешь, — ты у меня вѣтъ здѣсь! продолжалъ квакуеръ, указывая на свое сердце. Послушайся же совѣтовъ стараго друга. Помни всегда, что богатство обязываетъ творить добрыя дѣла. Тотъ долженъ имѣть много золота, говорить вѣщечные мудрецы, у кого рука отвѣсита; тотъ долженъ быть богатымъ, кто милосердъ.

Квакуеръ, при прощаньи, поцѣловалъ Чаттертона въ знакъ мира и согласія. Молодые люди опять сѣли въ свою карету; почталыоны захопали бичами; лошади затопали копытами; прекраснѣйшіе лондонскіе отели замелькали въ глазахъ милорда, и, черезъ нѣсколько минутъ, онъ очутился въ своихъ великозальныхъ покояхъ на Чаттертоновомъ-Сквэрѣ.

Чаттертонъ, обнявъ граціозную талью своей подруги, въ лучезарнѣйшемъ расположеніи духа прошелся по этой роскошной авенюадъ. Въ каждомъ салонѣ было по три окна, обращенныхъ на Гайдъ-Паркъ. Высокіе плафоны были украшены льпной работой; стѣны исчезали подъ дамасовыми и бархатными драпировками, паркетъ скрывался

подъ персидскими коврами. Комната леди Эднен была голубая съ серебряными украшениями, въ ея объёмугольномъ будоарѣ царствовалъ розовый сумракъ и благоухали самыя рѣдкія растенія; зеркальная дверь отдѣляла этотъ будоаръ отъ библіотеки Чаттертона. Библіотека освѣщалась готическимъ окномъ; на расписанныхъ стеклахъ видны были гербы, досѣзы и нѣкоторые сюжеты картинъ, взятые изъ гастингской битвы. Старинныя поэмы, переплетенныя по послѣдней модѣ среднихъ вѣковъ, драгоценныя рукописи, собранія хроникъ и картій наполняли полки этой библіотеки. Въ этомъ уединеніи было какое-то благоуханіе поэзій, располагавшее Чаттертона къ мечтанію.

— О! говорилъ онъ: Эднен! это уединеніе.... вавоемъ, посреди виднѣннй такого магическаго міра, — это блаженство слинкомъ велико...

Въ ту ночь Чаттертонъ написалъ нѣсколько стиховъ, и утромъ прочиталъ ихъ своей улыбающейся Эднен. Влюбленная слушательница нашла стихи несравненными, и была еще въ полномъ восторгѣ отъ нихъ, когда вошла ея мать.

— Ну, леди Чаттертонъ, сказала леди Фицъ-Фулкъ, вы что-то слинкомъ продолжили свой медовый мѣсяць. Вы бы должны были подумать представить лорда Чаттертона всѣмъ нашимъ высокимъ родственникамъ. Лордъ Стэнли мнѣ уже напомнилъ объ этомъ вчера вечеромъ. Откладывать далѣе эти визиты было бы страхъ какъ неприлично.

У лорда Чаттертона оказалось множество дядюшекъ, тетюшекъ, братцевъ, двоюродныхъ, троюродныхъ и такъ далѣе. Всѣ эти братья, сестры, дядюшки и тетюшки обитали въ Лондонѣ.

Чаттертонъ, по закону приличій, употребилъ три недѣли времени на завтраки, обѣды, ужины, визиты утренніе, визиты вечерніе, прогулки пѣшкомъ, верхомъ, въ коляскахъ, и потратилъ большое количество любезности и фразъ, для того, чтобъ понравиться всѣмъ своимъ родственникамъ, молодымъ и старымъ. Правда, во все это время онъ не писалъ стиховъ, но въ вознагражденіе за то, имѣлъ такой блистательный успѣхъ въ гостинныхъ своей аристократической родни, что она уже никакъ не могла съ нимъ разстаться.

Лондонъ вскорѣ нарядился въ свою зимнюю одежду. Балы, рауты

соперничали между собою блескомъ, изяществомъ, роскошью, женщинами. Эднѣ была столько же модною женщиной, сколько романтической.

Леди Чаттертонъ, вмѣстѣ съ теплымъ чувствомъ поэзіи, обладала этимъ тонкимъ тактомъ, который не допускаетъ слишкомъ уклоняться отъ требованій того круга, въ которомъ мы живемъ.

Она рѣшилась, не смотря на свою красоту и богатство, быть въ модныхъ салонахъ простою смертною.

Леди Чаттертонъ усердно посѣщала раззолоченные чертоги большаго свѣта; лордъ Чаттертонъ не отставалъ отъ нея. Лордъ и леди Чаттертонъ красовались на всѣхъ аристократическихъ спискахъ. Австрійскій посланникъ, французскій полномочный министръ, леди Букингэмъ, леди Гранвилъ, всѣ великіе той эпохи, и величайшій изъ всѣхъ, самъ король, давали въ продолженіе зимы праздники удивительные. Чаттертонъ вынужденъ былъ къ тремъ сотнямъ своихъ родственниковъ и родственницъ прибавить полторы тысячи друзей и бальныхъ знакомствъ. Леди Чаттертонъ назначила у себя день: Чаттертону въ этотъ день приходилось исполнять роль хозяина дома. Леди Чаттертонъ давала балы; Чаттертону приходилось перевернуть вверхъ дномъ всѣ три салона, голубую комнату, будоаръ и бібліотеку, и всѣ старинныя книги, съ тою целью, чтобы балы могли быть блистательнѣйшими балами сезона. Съ этой поры, какой-то вихоръ сталъ постоянно уносить минуты, часы, дни, ночи и мысли Чаттертона.

— Я буду заниматься лѣтомъ, говорилъ онъ.

Прошло лѣто. Замокъ Амундевилъ находился въ пяти миляхъ отъ Лондона. У Чаттертона было триста родственниковъ и полторы тысячи пріятелей. У этихъ пріятелей и родственниковъ были породистыя лошади, коляски, кареты, ладо, тильбюри, уски, кабриолеты. Такая модная дама, какъ леди Чаттертонъ, не могла же закрыть двери своего замка для всей этой феинѣебльной толпы, которая пользовалась чистымъ загороднымъ воздухомъ. Чаттертону не было скучно: у него всякій день обѣдало пятьдесятъ человекъ гостей.

Не много писалось стиховъ въ Амундевилскомъ замкѣ, за то по части охоты дѣятельность была страшная: охотились прыжкомъ, верхомъ, за зайцемъ, за оленемъ, за лисицей. Чаттертонъ вывихнулъ себѣ кисть, исцарапалъ лицо, даже повредилъ носъ, все это

для того, чтобы составить себѣ имя между охотниками и ловчими. Известно, что Байронъ любилъ считать себя отъявленнымъ денди, Вольтеръ — дворяниномъ, кардиналь Ришліё — поэтомъ, Пушкинъ — историкомъ. Чаттертонъ на такомъ же основаніи поставлялъ себя за славу быть лордомъ и джентльменомъ, между джентльменами и лордами.

Между-тѣмъ свѣтская, феешёбельная жизнь пришлась Чаттертону по нраву. Она мало-по-малу умягчала его фибры, и можетъ-быть онъ еще находилъ слова любви для леди Эднел, но уста его уже не обрѣтали тѣхъ магическихъ звуковъ, отъ которыхъ трепеталъ прахъ героевъ, павшихъ въ гастингской битвѣ.

Иногда онъ чувствовалъ еще угрызения совѣсти; поэту было больно и стыдно видѣть себя такимъ ничтожнымъ; но безостановочный потокъ свѣтскихъ наслажденій увлекалъ его неодолимо, и поэтъ предавался опять этимъ чарующимъ волнамъ.

Наконецъ, послѣ цѣлаго году празднои и тревожной жизни, поэтъ сдѣлалъ усиліе вырваться изъ этого круговорота.

— Поѣдемъ въ Италію! сказалъ онъ леди Чаттертонъ.

Леди Чаттертонъ была въ восторгъ при одной мысли о путешествіи. Она тотчасъ же заказала экипажъ своему каретнику. Эта карета заключала въ себя кровать, буфетъ, письменный столъ и бібліотеку: то былъ настоящій подвижной домъ. Леди Чаттертонъ пожелала, чтобы и дочь ея, которой было шесть мѣсяцевъ и кормилица дочери могли тоже помѣститься въ каретѣ. Для прислуги назначалась особая карета. И вотъ все уложено, почтовые лошади приведены, и Чаттертонъ съ семействомъ помчался вскачь по дорогѣ къ Дувру.

— Италія! говорилъ поэтъ. Тамъ я найду уединеніе; тамъ буду я на свободѣ; тамъ могу предаться моимъ думамъ, безъ боязни быть пробужденнымъ.

Леди Чаттертонъ запаслась рекомендательными письмами во все города Италіи. Она намѣревалась провести карнавалъ въ Венеціи, а Свѣтлую недѣлю въ Римѣ. И въ Римѣ и въ Венеціи Чаттертонъ нашелъ тотъ же раутъ, только подъ названіемъ *conversazione*; нашелъ балы и концерты, визиты и прогулки верхомъ, нашелъ друзей, родственниковъ, праздношатающихся, словомъ — Лондонъ подъ голубымъ небомъ. Когда, въ прекрасный итальянскій вечеръ, Чаттертонъ удалялся помечтать въ лагуны, лордъ Грасфуль и лордъ Денди преслѣ-

девали его въ гондолѣ и граціозно помѣщали узоры своихъ шелковыхъ камзоловъ между звездами и взоромъ поэта.

Когда онъ всходилъ на вершину Везувія, то непременно встрѣчалъ тамъ длинную фигуру какого-нибудь лорда соотечественника, говорящаго своей леди: «Very fine exhibition! very fine indeed!»

Или встрѣчалъ барона Thunder-ten-tronk'a, говорящаго съ энтузіазмомъ о своемъ вестсальскомъ замкѣ.

Чаттертонъ воротился въ Лондонъ въ состояніи бѣшенства.

— Эдней, мнѣ сага, говорилъ онъ, какое счастье было-бы заключить нашу жизнь въ предѣлахъ семейства, не принимать никого, не вѣдѣть на балы, не путешествовать, а насладиться уединеніемъ вдвоемъ въ нашемъ замкѣ.

Чаттертонъ провелъ два дня въ Лондонѣ. Онъ сообщилъ свой прозектъ леди Фицъ-Фулькъ. Леди Фицъ-Фулькъ разсердилась до красна. Чаттертонъ остался непоколебимъ. Онъ объявилъ громко, что удаляется въ свое помѣстье и не хочетъ тамъ никого видѣть.

— А вашихъ друзей? сказала леди Фицъ-Фулькъ.

— Ни одного.

— Вашихъ родотвенниковъ?

— Ни перста!

Рѣшимость лорда Чаттертона надѣлала шуму въ свѣтъ. Она была, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, предметомъ разговоровъ на раутахъ. Каждый придумывалъ на эту тему свои варіаціи. Лордъ Чаттертонъ преслѣдъ раззорившимся, скуднымъ, рѣвнивцомъ. Амундевицкій замокъ, если взрѣть молѣвъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ прекрасную узницу, которую слѣдовало освободить, и хотя средніе вѣка уже не были тогда въ модѣ, нашелся не одинъ влюбленный рыцарь въ шелковыхъ чулкахъ и напудренный, который пытался исполнить этотъ великодушный замыселъ.

Такия попытки нессорили Чаттертона съ тысячею пріятелей и съ естною двоюродныхъ и троюродныхъ братцевъ. Но чего не перешьешь, когда стремишься къ славу?

Чаттертону и его розовой леди удалось также устроить маленькій шарнасъ въ своемъ замкѣ. Они проводили время въ тишинѣ. Лордъ начиналъ мало-по-малу снова превращаться въ поэта. Леди, съ радкимъ терпѣніемъ (для свѣтской дамы) выслушивала поэтическія тирады мужа.

Между-тѣмъ милордъ сочинялъ свою поэму.

Пѣть ничего несноснѣе поэта, производящаго на свѣтъ свое дѣтище. Это скрипящее по бумагѣ перо, эти блуждающіе глаза, эти лирически включенные волосы, эти пальцы, цѣпляющіеся за лобъ, это отрывистое, жесткое слово, отталкивающее какъ помѣху самыя ласковыя, самыя нѣжныя рѣчи.... все это, согласитесь, рѣзительно невыносимо.

Наконецъ эта большая поэма, дочь уединенія, и стойчивая автору такъ дорого, была кончена. Лордъ Чаттертонъ повхалъ въ Лондонъ. Быстрѣйшій бѣгъ коней казался слишкомъ медленнымъ его ветеранию. Онъ привѣтствовалъ городской дымъ, какъ привѣтствовалъ бы дымъ славы, и не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія, когда очутился опять въ своей библіотекѣ на Чаттертоновомъ-Сквэрѣ.

Чаттертонъ прочиталъ свою поэму друзьямъ: сюжетомъ было завоеваніе Англии Норманнами. Нашли, что Вильгельмъ похожъ на лорда Headfoot а; Гарольдъ, на лорда Mindless'a; королева Гедвига на леди Sinclair; вѣдьма — на леди Pembroke; и что благородный поэтъ переложилъ въ стихи модную хроникку раутовъ!

Конечно, еслибъ такъ, то вышла бы престранная книга; но она была бы лжива. Большой свѣтъ — отнюдь не какой-нибудь Гоморра, хотя онъ и не эдемъ. Это область, гдѣ говорится много злаго, но дѣлается весьма мало. Тамъ являются тѣни порока, точно также какъ и тѣни добродѣтели. Писатели, подслушивающіе въ замочную скважину гостинную болтовню, громко кричатъ потомъ, что женщины невѣрны, что мужьямъ плохо: — ихъ обманываютъ. Это понятно, потому что писатели видѣли однѣ только тѣни.

Всѣ лондонскія котеріи возстали на лорда Чаттертона. Женщины пришли въ негодованіе, мужчины принялись кричать, старики сказали: «Не такъ бывало въ наше время».

Леди Чаттертонъ до-того была напугана, что бросилась въ ноги своему мужу, рыдала, умоляла, и клялась, что будетъ несчастнѣею изъ женщинъ, если поэма увидитъ свѣтъ.

Лордъ Чаттертонъ бросилъ свою рукопись въ огонь.

Чаттертонъ поступилъ хорошо. Къ чему бы послужило ему званіе поэта, ему, свѣтскому челоѣкѣ, богатому челоѣкѣ, модному челоѣкѣ? Лордъ Чаттертонъ научился танцовать менуэтъ, боксировать, пѣть и даже... пѣть портеръ и кардинальскій пуншъ; онъ

ловко рассказывалъ разныя исторійки и анекдотцы, острлягъ словами и могъ набросать какой угодно пейзажъ съ замѣчательнымъ талантомъ аматера ; онъ восхитительно раскланывался съ дамами, и когда ему указывали на блѣднаго, задумчиваго, скромнаго человѣка, всѣми забытаго и пріютливагося гдѣ-нибудь въ углуку :

— О ! говорилъ Чаттертонъ съ усмышкой, съ жестомъ презрѣнія, это артистъ ! это поэтъ !

Скоро лордъ Чаттертонъ сталъ солнцемъ моднаго міра ; гдѣ являлся онъ, тамъ и былъ и день ; гдѣ его не было — тамъ была ночь, или болѣе чѣмъ ночь : что-то такое, чему нѣтъ и названія въ модномъ словарѣ.

Женщины искали его бесѣды, какъ какого-нибудь необыкновеннаго наряда. Никакіе брилліанты не украшали такъ, какъ одно слово лорда Чаттертона.

Пройтись на раутъ подѣ руку съ нимъ — вотъ что замѣняло для женщины блистательнѣйшій туалетъ ; пожать ему руку и сказать : Томъ, мой милый Томъ — вотъ чего добивались всѣ денди.

О блистательномъ балѣ говорилось : Чаттертонъ былъ тамъ ! Объ изящномъ портномъ : это портной лорда Чаттертона.

Поэтъ и человѣкъ модный — это два властелина. Чаттертонъ только промѣнялъ одну власть на другую.

Власть поэта заключаетъ въ себя что-то ужасное : толпа удивляется ему, но въ то же время удаляется отъ него. Поэтъ живетъ одинъ ; онъ не божество, но и не обыкновенный человѣкъ ; его подымаютъ на пьедесталъ, чтобъ не касаться руки его. Жизнь поэта — цѣпь страданій.

Модный человѣкъ живетъ въ розовой атмосферѣ ; передъ нимъ являются все улыбающіяся лица ; онъ окруженъ всеобщимъ благо-расположеніемъ, внимательностью : это воздухъ, безъ котораго онъ не прожилъ бы ни минуты ; свѣтъ его уважаетъ, только какъ олицетвореніе себя, своихъ качествъ, своихъ пороковъ, своихъ сумасбродствъ, своей роскоши. Это увѣреніе — почти что любовь, и эта любовь весьма близка къ самолюбію ; модный человѣкъ — это свѣтскій человѣкъ.

И что за волшебная бесѣда создавалась подѣ влияніемъ лорда Чаттертона ! Сколько въ немъ жару, и ни капли притязаній ; сколько въ немъ оригинальности, но безъ парадоксовъ ; сколько остроты

и такту, тонкости и простодушія; слава его заставляла умолкать всѣхъ, и слово его легко и цвѣтисто, какъ крыло бабочки.

Какими тайнами любезности обладаетъ лордъ Чаттертонъ! Подъ самой гадкой маской онъ видитъ скрытую красоту. Онъ умѣетъ подвѣтвить, въ каждой особѣ, именно то, что въ-самомъ-дѣлѣ имѣетъ некоторое право на похвалу, а это гораздо труднѣе, чѣмъ хвалить безъ всякаго разбору. Онъ умѣетъ открыть во всякомъ характерѣ линію безукоризненную, и смотреть на людей, какъ на картины, съ известной точки.

Чаттертонъ говорилъ такъ хорошо, и былъ такъ любезенъ, что скоро не имѣлъ болѣе времени ни любить ни мыслить.

Мысль — это что-то въ родѣ тѣхъ магическихъ явленій, какія показываются волшебникомъ-фокусникомъ въ зеркалѣ.

Сначала видите легкое облачко. Если взглядъ остается устремленнымъ въ стекло, то облачко растетъ; если вы упорствуете и не отходите, смутное видѣніе принимаетъ наконецъ и форму и цвѣтъ.

Наше воображеніе — зеркало. Надо вглядываться, чтобы уловить отражающіеся въ немъ образы; роль волшебника исполняется тутъ страданіемъ, или любовью, или энтузіазмомъ; все что живо дѣйствуетъ на нашу поэтическую фибру, это и есть такъ называемая муза. Вотъ эта-то муза мало-по-малу и удалялась отъ Чаттертона. Страданіе! Онъ съ нимъ давно разнакомился; жизнь несла его привольно, какъ тихія волны несутъ беззаботнаго пловца.

Энтузіазмъ! Чаттертонъ видѣлъ все слишкомъ изблизи, а это убиваетъ всякій энтузіазмъ. Свѣтскій человекъ обыкновенно чудесно исполняетъ наставленіе мудреца: Nil admirari! и тѣмъ лучше, что пренебрегаетъ всѣми другими наставленіями.

Чаттертонъ утратилъ всѣ недостатки поэта, и заразился всѣми признаками лорда. Въ немъ совершилась двойная метаморфоза: поэтическая мысль превратилась у него въ свѣтское остроуміе, любовь превратилась въ любезность.

Это остроуміе и эта любезность, въ свою очередь, требовали побужденій. Лордъ Чаттертонъ, такой блестящій, такой привлекательный для толпы раута, не могъ найти задушевнаго слова для леди Эдвен, въ домашнемъ уединеніи.

Все его психологическое существо подверглось такимъ же измѣненіямъ.

Гордость его превратилась въ тщеславіе ; жажда славы въ желаніе нравиться ; его чувствительность, столь быстро возбуждаемая страданіемъ или наслажденіемъ, не знала больше ничего, кромѣ забавы или скуки.

Онъ предался круговороту большого свѣта, какъ изысканный всадникъ предается прихотямъ коня. Лордъ Чаттертонъ пудрился, потому что другіе пудрились ; вздѣлъ на балы, потому что другіе вздѣли на балы. Онъ проводилъ два мѣсяца въ Лондонѣ, потому что это было въ модѣ ; потомъ удалялся въ свой замокъ.

Одинъ французскій книгопродавецъ, совершившій въ 1817 году путешествіе въ Лондонъ, съ цѣлью покушать ростбѣну съ своимъ добрымъ пріятелемъ Мурреемъ, знаменитымъ издателемъ Байрона, имѣлъ честь видѣть тамъ лорда Чаттертона.

Муррей принималъ въ то время большое участіе въ судьбѣ одного бѣднаго молодого человека, который писалъ прекрасные стихи, но умиралъ съ голоду.

Французскій книгопродавецъ, имѣвшій случай оказать кое-какія услуги лорду Чаттертону, во время его пребыванія на материкѣ, рѣшился ходатайствовать за несчастнаго поэта передъ благороднымъ лордомъ.

Лордъ Чаттертонъ принялъ просителя въ одномъ изъ своихъ раззолоченныхъ покоевъ. Это былъ маленькій старичекъ, весьма полный, весьма розовый, весьма улыбающійся ; онъ держалъ голову еще очень прямо и игралъ партію въ триктракъ съ племянникомъ, будущимъ наследникомъ его перства. Леди Чаттертонъ между тѣмъ любовалась на молоденькихъ дѣвушекъ, танцовавшихъ подъ звуки фортепіано. Она приняла просителя весьма вѣжливо, припомнила даже его имя, и граціозно представила его лорду Чаттертону. Милордъ выслушалъ его съ учтивою свѣтскою внимательностью, и еще провожая гостя до самыхъ дверей, говорилъ :

— «Очень сожалею, господинъ Б**, что я ничего не могу сдѣлать для вашего друга : у меня довольно своихъ бѣдныхъ, изволите видѣть ; а фермеры нынче платятъ что-то очень плохо, не повѣрите, какъ плохо».

Итальянскіе садоводы. Я долженъ возблагодарить тебя, любезный другъ, писалъ путешественникъ, небольшое огорченіе, испытывавшееся мною при возвращеніи въ долину Бадлерскую.

Рѣка, протекающая внизу деревни Видларъ, съ правой стороны мирно и безмятежно орошаетъ поля земледельцевъ, на лѣво же стремительно разбирается о каменный утесъ, увяянный елями, точно щитъ стрѣлами, и высоко скрывающійся въ небесахъ, потому что онъ составляетъ самую гору, замыкающую долину на югъ. Въ послѣднее мое путешествіе, я очень любилъ это мѣсто за его уединеніе. У меня тамъ любимый уголокъ, увяянный ольховыми деревьями, итальянскими тополями, и покрытый бархатнымъ дерномъ; туда я направлялъ ежедневно шаги свои и предавался мечтамъ. Изрѣдка, орелъ или шелуганный заяцъ посещалъ мое убѣжище. Я срывалъ синіе колокольчики, желтые анютины глазки, и множество другихъ душистыхъ цвѣтовъ, которые растутъ между зеленою травою, въ уединенныхъ мѣстахъ, или проводилъ цѣлые часы въ слѣдующемъ занятіи:

Мой любимый уголокъ, покрытый твнью ольховыхъ и тополевыхъ деревьевъ, отдѣлялся отъ островка, покрытаго зеленою травою, довольно длинною канавкою, дно которой состояло изъ песку и большихъ камней. Во время полноводія, послѣ стаявшаго снѣгу и сильныхъ бурь, эта канавка дѣлалась каналомъ, куда стекалась вода, переполнявшая русло рѣки, тогда островокъ становился неприступнымъ; но во время засухи, рѣка перемѣняла свое теченіе. Тогда я спускался въ канавку, и смотря по фантазіи, дѣлался то пионеромъ, то шлюзникомъ; я прочищалъ канаву для того, чтобы вода опять могла наполнить ее, что дѣлалось чрезвычайно рѣдко, какъ-будто отъ морскаго прилива, и тогда я наслаждался ужасомъ златовидныхъ наевкомыхъ, голубыхъ, розовыхъ, или черныхъ, выгнанныхъ водою изъ ихъ убѣжищъ, между пескомъ и камнями. Бѣглецы въ испугъ бросались въ страшномъ безпорядкѣ на самую высокую площадку какого-нибудь уступа.

Увы! другъ мой, по возвращеніи, я нашелъ что мои ольхи, тополи и ивы были срезаны, безъ всякаго уваженія къ таинственнымъ вензелямъ, которые я вырезалъ на ихъ корѣ; остатки коровы, умершей отъ карбункула, были зарыты въ песокъ канавы. Мое уединенное убѣжище лишилось всѣхъ своихъ прелестей, кромѣ воспоминанія.

На правда ли, мой путевецъ замѣтки самыя мелочныя? Однако, ты

говоришь, что онъ приносить тебѣ нѣкоторое удовольствіе: чего же нужно болѣе, чтобы продолжать ихъ для тебя?

Если бы по-крайней-мѣрѣ я немного болѣе имѣлъ познаній въ естественной исторіи, или ботаникѣ, я рассказалъ бы тебѣ объ альпійской флорѣ, о рододендронѣ, и мнѣ бы не слишкомъ трудно было говорить о разнородныхъ животныхъ и насѣкомыхъ; одна номенклатура ихъ имѣла бы видъ самый достопочтенный. И змѣя занимала бы тутъ свое мѣсто. Не знаю, къ какому роду ящерицодныхъ или живородныхъ она принадлежитъ, знаю только, что она во множествѣ водится въ здѣшней долинѣ и служитъ предметомъ ужаса, по причинѣ ядовитаго жала, почти всегда смертоноснаго. Сейчасъ, какая-то жница прошла мимо моихъ дверей: змѣя ужалила ее въ руку и она должна была прибѣгнуть къ помощи перваго попавшагося цирюльника, который бритвою разрезалъ рану на-крестъ, да еще въ добавокъ прижегъ раскаленнымъ желѣзомъ, въ чемъ и заключается все пособіе врачебной науки при подобныхъ случаяхъ.

Мнѣ рассказывали еще слѣдующій анекдотъ о змѣѣ:

Гаше былъ львовъ, нерадивъ и имѣлъ множество другихъ пороковъ, происходящихъ отъ праздности. Ничего не дѣлать, или пить — таково было занятіе Гаши. Нищета въ домѣ, упреки повсюду, монмейланское вино, все это ежедневно производило сумятицу въ его умѣ. Однако, натошакъ, онъ чувствовалъ угрызеніе совѣсти.

Вотъ что случилось въ одно утро, когда проходилъ онъ по горной тропинкѣ: угрызенія совѣсти терзали его, и именно въ то же время предстала его взорамъ огромная ехидна, которая, свернувшись въ кольцо, спала.

— Вотъ чудесная змѣя, сказалъ Гаши.

Говоря это, онъ сталъ подкрадываться къ ней, притаилъ дыханіе, протянулъ правую руку впередъ, раздвинувъ большой палецъ отъ указательнаго, точно морской ракъ съ своими клещами, и вдругъ этими пальцами схватилъ ехидну за голову.

Пробужденное такимъ неожиданнымъ образомъ, страшное пресмыкающееся едва успѣло ударить хвостомъ мускулистую руку, державшую челюсть ея въ почтительномъ разстояніи, какъ Гаши, вооружась ножомъ, отрезалъ ей голову лѣвою рукою и содралъ съ нее кожу во всю длину.

— Чортъ возьми, сказалъ онъ, немного хитрости надо, чтобы пой-

мать ихъ. Жиръ этихъ животныхъ полезенъ для больного скота. Придется мнѣ охотиться за змѣями, тогда ужъ не скажутъ, что я ни къ чему не годенъ.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Гане отыскиваетъ змѣй въ окрестностяхъ, прислушивается къ малѣйшему шелесту листьевъ, и скоро натѣкается на другую ехидну, также спавшую какъ и первая.

Онъ точно также схватилъ ее пальцами, но слишкомъ поспѣшно на этотъ разъ или слишкомъ смѣло, потому что ехидна, проскользнувъ между большимъ и указательнымъ пальцами, ужалила верхній составъ указательнаго пальца. Гане бросилъ животное въ кустарникъ, и припомнивъ быстрое дѣйствіе яда, думая, что для жестокой боли нужно сильное лекарство, рѣшился самъ помочь себѣ. Приложивъ раненый палецъ къ дереву, онъ лѣвою рукою тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ отрезалъ голову первой змѣи, отрезывалъ глубоко уязвленный членъ.

— Ба! сказалъ онъ заворачивая руку въ платокъ, чтобы остановить кровотеченіе, не совсѣмъ же хороша мысль пришла мнѣ въ голову. Къ чорту змѣи!

Способъ, употребляемый въ Морьенѣ охотниками за змѣями, не былъ извѣстенъ Гане; онъ не имѣлъ понятія объ употребленіи куска полотна, которымъ ихъ раздражаютъ, и потомъ когда онъ вонзаютъ въ него свои зубы, плотно крѣпко страхиваютъ и тѣмъ выламываютъ имъ зубы.

Нѣкто Вильгельмъ Парадинъ, въ Божѣ, написалъ старинную и многотомную лѣтопись Савоин; простодушный слогъ ея доставилъ мнѣ большое удовольствіе въ минуты досуга. *На альпійскихъ горахъ, замѣчаетъ Парадинъ, водятся бѣлые зайцы, которымъ какъ полагаютъ, снѣгъ служитъ пищею въ зимнее время, и дѣйствительно, когда снѣга таютъ, они рыжѣютъ и между прочимъ эти животныя чудеснымъ образомъ питаются нестерпимыми холодами.* Бюффонъ, какъ мнѣ помнится, замѣчаетъ, что въ Лапландіи водится много зайцевъ, которые бѣлы въ продолженіи десяти мѣсяцевъ, и рыжѣютъ только въ продолженіе самыхъ лѣтнихъ жаркихъ двухъ мѣсяцевъ. — Вчера, когда я шелъ по полямъ около ржи, заяцъ пробѣжалъ мимо меня. Можешь себѣ представить, что я невольно вспомнилъ Парадина: увы! снѣга растаяли, заяцъ мой былъ

важнаго цѣля, какъ о томъ упоминаеть Бюффонъ, о чемъ и самъ я пишу.

Нѣсколько дней тому, у насъ былъ слышенъ сильный ударъ землетрясенія. Туземные жители не очень глѣз трепещутся, потому что это явленіе бываеть здѣсь не рѣдко. Мои лошади нѣсколько разъ просыпались ночью отъ звука тарелокъ, ударявшихся одна о другую, и опять спокойно засыпали, безъ опасенія какого-нибудь несчастія.

Но самое страшное бѣдствіе въ здѣшнихъ мѣстахъ — пожаръ. Все дома или по-крайней-мѣрѣ кровли построены изъ сосноваго дерева, высохшаго на солнцѣ, и если не выстроены подъ одну крышу, то соприкосновенны заборами. Въ жаркое лѣто безпрестанно слышится о пожарахъ; выгораютъ цѣлыя деревни, села и города. Помнишь ли савойскій городокъ Саланху? О совершенномъ истребленіи его въ последнее время писали въ журналахъ.

Когда городъ обратился въ груды пепла, то людей, скрывшихся въ погребкахъ для спасенія отъ пламени, найдены были только обгорѣлыя почертѣвшіе трупы. Оставшіеся въ живыхъ, блуждали по горячему пепелищу своихъ жилищъ, блѣдные, безнадежные, мучимые голодомъ. Сосѣдственныя деревни и жители Женевы, присылали цѣлыя фуры съ жизненными припасами, пока всеобщія, многочисленныя пожертвованія содѣйствовали вспоможенію правительства.

Однако нельзя жаловаться, чтобы въ Шавбери, Анси и другихъ городахъ были все деревянные дома. Впрочемъ тебя не удивило бы исключительное употребленіе еловыхъ деревьевъ для постройки домовъ, если бы ты видѣлъ превосходные савойскіе лѣса. За недостаткомъ лѣсовъ, у васъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ должны употреблять не совсѣмъ удобный каменный уголь. Здѣсь же цѣлыя деревья весело пылаютъ на очагъ и горные пыльные заводы могли бы отправлять въ Изеру множество плотовъ съ дровами и досками для Гренобля, если бы сардинское правительство не запретило вывозъ дровъ.

Вчера вечеромъ цѣлое еловое дерево горѣло на очагѣ моего почтеннаго хозяина, бѣсѣдовавшаго со мною, въ ожиданіи ужина. Онъ некогда находился во французской службѣ и любитъ рассказывать о

своихъ походахъ; въ это время, мы именно остановились на этомъ мѣстѣ :

«Вотъ уже сорокъ лѣтъ тому, говорилъ мой хозяинъ, какъ я жилъ въ Парижѣ. Вы знаете, тогда мы еще составляли французскую провинцію. Во время рекрутскаго набора меня не было; отецъ мой выпнулъ за меня билетъ, и мнѣ выпалъ номеръ. Скоро я пошелъ въ военную службу; достаточно было для этого двухъ, трехъ пулъ, которыми мы разбивались съ англійскими плюшками. Вы знаете, какъ мы оставили Булонь, чтобы перейти Рейнъ, разбить Австрійцевъ подъ Ульмомъ, въ чемъ я содѣйствовалъ какъ могъ, не потерявъ ни одной капли крови. Не стану описывать вамъ подвиги прусской кампаніи, оконченной въ два недѣли іенскимъ сраженіемъ. При Эйлау я получилъ неравную рану; стрѣлялъ въ десяти шагахъ, подъ падающимъ снѣгомъ, не видя другъ друга: пуля попала мнѣ въ лѣвую ногу, когда мы прикрывали батарею. Другую пулю я былъ раненъ при Гельсбергѣ, за четыре дня до фридландскаго сраженія, и такъ хорошо она попала, что и до-сихъ-поръ можно ее ощущать вотъ тутъ въ груди. Забудьте еще, что она попала мнѣ въ спину, и вотъ какимъ образомъ. Я былъ застрѣльщикомъ передъ неприятелемъ. Вдругъ раздаюся барабанный бой въ ретирадъ. Я поворачивалъ назадъ бѣгомъ, когда эта проклятая пуля, пробивъ мой ранецъ, вошла мнѣ въ спину и проникла въ грудь; я упалъ лицомъ на землю. Мнѣ казалось, что я почувствовалъ страшную тягость, потерялъ много крови, и вѣдался безропотно смерти. Однако вспомнивъ, что одинъ изъ товарищей моихъ подвергся такому же несчастію и остался въ живыхъ, я ободрился. Три раза я пробовалъ приподняться, и три раза снова надалъ на землю. Тяжелая кавалерія должна была проѣхать по моему тѣлу, я слышалъ уже глухой шумъ приближающейся тяжести, употребилъ послѣднее усиліе и всталъ. Я шелъ на удачу, ничего не видя, готовый броситься въ ту или другую сторону. Я встрѣтилъ эскадронъ французскихъ драгунъ; увидавъ меня всего въ крови, квартирмейстеръ приказалъ пропустить меня, и я кое-какъ хватаясь за сапоги и стремяна, присоединился къ двумъ товарищамъ, не такъ тяжело раненымъ какъ я; они привели меня въ походный госпиталь. Оттуда меня отправили въ Страсбургъ. Пуля невозможно было вынуть; мнѣ дали отставку, и

маленькую пенсію : она никогда не лишняя для бѣднаго чловѣка , и я возвратился сюда засѣвать свои поля и косить сѣно.»

Исторія многихъ горныхъ жителей похожа на исторію моего хозяина..

Ты вѣрно думаешь, мой милый, что я живу почти безвыходно дома. Я брожу по окрестностямъ деревни, одному боярышнику, растущему по дорогѣ, известны все вѣтви, покрытыя цвѣтами, и сорванные мною. Нынѣшнимъ утромъ, по обыкновенію прогуливаясь, я услышалъ исторію о медвѣдѣ отъ погонщика муловъ, рассказавшаго мнѣ ее слѣдующимъ образомъ :

«Надобно прежде всего сказать вамъ, что я изъ окрестностей Бургъ-Сенъ-Морисъ въ Тарантерахъ, бѣдной и печальной странѣ, въ которой снѣгу болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Прежде нежели я сдѣлался погонщикомъ муловъ и сталъ ѣздить по дорогамъ, лѣтъ десять тому, я жилъ у моего отца, гдѣ лѣтомъ пасъ коровъ. Вотъ въ одинъ день пріѣхали къ намъ двое Англичанъ, двое молодцовъ, начиненныхъ золотомъ; Англичанамъ, видно, нечего дѣлать, потому что они повсюду шатаются и покупаютъ за наполеондоръ разныя глупыя рѣдкости, не стоящія десяти копѣекъ. Наши пріѣзжіе хотѣли перейти черезъ малый Сенъ-Бернаръ и отправиться въ Пиемонтъ. Какъ это было весною, когда уже таяли снѣга, то путешествіе было сопряжено съ опасностями; не было средства найти проводника, даже на четверть часа. Надобно было ждать. Но Англичанинъ не можетъ оставаться на мѣстѣ. Они спрашивали, нѣтъ ли чего достойнаго любопытства въ окрестностяхъ и хотѣли снова пуститься въ путь одни, безъ проводниковъ. Только что на канунъ лавина засыпала путешественниковъ, и потому проводники совѣтовали имъ еще подождать. Но это казалось имъ нестерпимымъ. Въ одно прекрасное утро, они уже рѣшились уйти одни, во что бы то ни стало, когда пастухъ пришелъ сказать въ Бургъ-Сенъ-Морисъ, что медвѣдица съ медвѣжатами, пришедши изъ Морьена, завли ночью корову въ горахъ.

«Тогда Англичане задумали дѣло. Они испросили позволеніе освободить страну отъ этихъ хищныхъ животныхъ, и забрали оружіе и нѣкоторыя справки, отправились. Наши охотники располагались за ними слѣдовать.

«Я уже съ ведѣлю жилъ на овинѣ съ нашимъ стадомъ, и именно

за четверть мили отъ того мѣста, гдѣ была заведена корова. Однако я ничего не зналъ и нисколько не беспокоился.

«Въ этотъ день я водилъ свой скотъ на пастбище между высокими утесами; съ утра лежа на одномъ изъ нихъ на солнышкѣ, я мечталъ, закрывъ глаза какъ сурокъ.

«Около одиннадцати часовъ я услыхалъ ружейный выстрѣлъ, потомъ другой; я поднялъ голову: наши Англичане убили въ пещерѣ двухъ медвѣжатъ. Я думалъ, что какой-нибудь охотникъ на фазановъ стрѣлялъ по близости, и спокойно оставался на мѣстѣ, устремивъ глаза по направленію вѣтра, донесшаго до меня звукъ выстрѣла.

«Спустя пять минутъ, я вижу, что человекъ бѣжитъ изъ всѣхъ силъ; это былъ Англичанинъ. Онъ остановился на площадкѣ, находившейся надъ утесомъ, гдѣ я лежалъ, быстро оглядывъ высокія еловыя деревья, стоявшія напротивъ, и повѣсивъ свое ружье на ремень, полвзъ на одно изъ нихъ.

«Въ эту минуту я взглянулъ на своихъ коровъ. На пастбищѣ, окруженномъ утесами, въ которыхъ былъ выходъ только съ одной стороны, я увидалъ что они стали метаться и мычать какъ сумасшедшія, бросаясь во всѣ стороны. Потомъ вдругъ вѣтеръ донесъ до меня дьявольскій ревъ, заставившій меня вздрогнуть.

«И было отчего: медвѣдица бѣжала во всю прыть.

«Я не изъ трусливаго десятка; но у меня не было другаго оружія, кромѣ палки, а въ испугъ я оторвалъ огромный камень отъ утеса, на которомъ расположился какъ на платформѣ замка, приготовившись съ помощью Божьею убить неприятеля.

«Когда медвѣдица приблизилась, мои коровы уже не мычали; онѣ дрожали какъ листъ; только два быка, наклонивъ головы, стали у входа пастбища.

«Медвѣдица остановилась возлѣ сосновыхъ деревьевъ и стала обнюхивать воздухъ, какъ будто для того, чтобы увѣриться, не перемѣнилъ ли дорогу ея неприятель, и приподнявъ голову, увидала меня.

«Въ два прыжка она уже стояла у подошвы моего утеса.

«Протянувъ руку, чтобы бросить въ нее камень, я поручилъ себя Богу.

«Англичанинъ, усѣвшись на деревѣ, видѣлъ все и просунувъ дуло ружья между вѣтвями, выстрѣлялъ. Раненая медвѣдица съ ревомъ бросилась къ нему. Все это произошло въ одно мгновеніе. Не имѣ

времени снова зарядить ружье, Англичанинъ вооружился небольшою топоромъ, которые обыкновенно носятъ при себѣ охотники на медвѣдей, и когда зверь, взобравшись на ель, гдѣ укрывался охотникъ, вѣлся подлѣ него, я видѣлъ что онъ ударилъ въ него изъ всѣхъ силъ. Вероятно ударъ былъ слишкомъ силенъ, и далъ промахъ, потому что Англичанинъ закачался и я слышалъ, какъ вѣтвь затрещала. Медвѣдь упалъ съ дерева въ одно время съ нимъ.

«Тогда уже я ничего не могъ различить. Я стоялъ блѣдный какъ смерть, съ выпученными глазами; мнѣ казалось, будто воздухъ ступилъ ся около меня, и я смотрѣлъ ничего не видя.

«Спустя двѣ минуты, медвѣдица бросилась ко входу на пастбище, съ такимъ ревомъ, какъ будто вся гора принялась вѣть; я думалъ что настала моя очередь.

«Однако мои быки, ставшіе, какъ я уже сказалъ, впереди, какъ будто для того, чтобы защищать стадо, видя приближеніе медвѣдицы, наклонили головы.

«Въ ту минуту когда однимъ скачкомъ она бросилась на одного быка, тотъ храбро подхватилъ ее на рога и откинулъ на десять шаговъ назадъ съ распоротымъ брюхомъ.

«Я сходилъ съ утеса, чтобы доканать ее, когда услышалъ, что другой Англичанинъ пустилъ въ нее послѣдній выстрѣлъ.

«Мы подняли его товарища: медвѣдица растерзала его.

«Онъ приказалъ похоронить его въ Буръ-Сенъ-Морисъ, и вѣсто того, чтобы перейти черезъ Сенъ-Бернаръ, на другой день уехалъ по дорогѣ во Францію».

ЛАЗУРЕВАЯ ПЕЩЕРА. Первое чудо въ мірѣ, кажется я могу сказать это утвердительно, не опасаясь возраженій, первое чудо въ мірѣ — Неаполитанскій заливъ, разсматриваясь ли его съ вершины Везувія, или съ оконечности Мизенскаго мыса, или съ высоты остроковетной скалы, посящей названіе Капрен.

Среди потока надутаго пусторѣчія одного изъ самородныхъ поэтовъ подлѣ открытымъ небомъ, восхищающихся каждый вечеръ публичку состоящую изъ лаццарони, собирающихся на плоскомъ берегу, замѣтилъ очень поэтическое сравненіе, въ особенности поражающее своею истинною. Онъ сравнивалъ Неаполитанскій заливъ съ великолѣпнымъ ожерельемъ, состоящимъ изъ неопценныхъ рубиновъ и брилліантовъ, ожер-

рельефъ, достойнымъ служить украшеніемъ самой Венеры, еслибъ она сдѣлалась женщиной и явилась на землю. Бриллианты и рубины, это—мысль Мизенскій, Байя, Пуццуоло, пещера того же имени, Неаполь, Портичи, Везувій, Каstellамаре, Сорренто, и Капрея.

Но онъ не сказалъ, что рубинъ, именуемый Капрея, заключаетъ въ недрахъ своихъ драгоценную маленькую жемчужину, такой чистой воды, такого совершенства формы, что не смотря на свою малость, она одна стоитъ всѣхъ драгоценныхъ камней въ ожерелья. Жемчужина эта — Лазуревая пещера.

Лѣтъ пятьдесятъ тому, одинъ Англичанинъ, упряжась въ искусство плаванія у подножія утесистыхъ стѣнъ, служащихъ основаніемъ острова Капрея, замѣтилъ родъ разсѣлины, довольно широкой, чтобы пропустить человека, но такой низкой, почти въ уровень съ моремъ, что волна, хотя и не сильная, почти замыкала ее. Изъ капризу ли или изъ желанія явиться героемъ въ глазахъ своихъ гондольеровъ, нашъ островитянинъ приблизился къ разсѣлинѣ, нырнулъ и исчезъ подъ водою: минуя десять спустя, онъ снова появился на поверхности воды, выражая свое удивленіе безчисленными восклицаніями: онъ открылъ Лазуревую пещеру, слава которой, черезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалась известна цѣлому міру.

Ежегодно многочисленные путешественники отправляются въ Неаполь, привлекаемые только однимъ желаніемъ — видѣть эту пещеру. Входъ въ нее такъ малъ, что только лежа на днѣ микроскопической лодочки, можно туда прескользнуть, цѣпляясь руками за сводъ, чтобы не потерять равновѣсія; но если морская поверхность не такъ гладка какъ зеркало, проходъ невозможенъ; вотъ почему изъ двадцати виллгримовъ, девятнадцать возвращаются какъ пришли. Правда, есть еще возможность обратиться въ тритона и пробиться головою въ разсѣлину утеса; но не всякій чувствуетъ ранительное призваніе къ такому роду упражненій.

Три недѣли прожилъ я въ Неаполь, все ожидая, что море утихнетъ и возволитъ мнѣ совершить поѣздку въ знаменитую пещеру: каждое утро бѣгалъ я на плотину, въ надеждѣ, что за ночь волненіе утихло, и каждое утро возвращался домой еще безнадежнѣе, нежели наканунѣ.

Крайне нужное дало призывало меня въ Палермо; отъѣздъ мой былъ назначенъ 13 іюня, а 10 я все еще взывалъ къ морю, умоляя

его превратиться въ безмятежное озеро, хотя бы то было на полсутки.

За день до моего отъезда, во время обѣда за общимъ столомъ въ моей гостинницѣ, я громко жаловался на безпокойное море, никакъ не хотѣвшее затихнуть, какъ вдругъ молодой Римлянинъ, по имени Ферруджіа, который былъ моимъ застольнымъ товарищемъ съ самаго пріѣзда моего въ Неаполь, обратился ко мнѣ съ вопросомъ :

— Умѣете ли вы плавать?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Такъ нѣтъ ничего легче посѣтить Лазуревую пещеру, возразилъ мой Римлянинъ. Еслибъ я нашелъ отважнаго товарища, который рѣшился бы вмѣстѣ со мною на это предпріятіе, я ни на одну секунду не поколебался бы отправиться въ Капрею.

— Зачѣмъ же вы не сказали того прежде? Я вашъ товарищъ.... если только вы на это согласны.

— Можете ли вы сомнѣваться? Когда же мы отправимся?

— Сегодня вечеромъ.

— Хорошо, сегодня вечеромъ. Эй, мальчикъ! Чтобы черезъ часъ была готова коляска, стояла у воротъ гостинницы!

И чудная вещь! коляска именно въ назначенное время стояла у воротъ, и часъ спустя мы оставили гостинницу.

Не въѣхавъ еще изъ Неаполя, мы захватили двухъ маленькихъ лаццарони, которые, не спрашивая нашего позволенія, вскарабкались одинъ на козлы, а другой сзади коляски, и такимъ образомъ проѣхавши Портичи и Каstellамаре, мы въѣхали во дворъ гостинницы Данта, въ Соррентъ.

Намъ отвели двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ: сначала меня это очень раздосадовало, потому что мнѣ хотѣлось изъ окна своей комнаты любоваться восхожденіемъ солнца, поднимающагося изъ Средиземнаго моря, а вообще изъ оконъ нижняго жилья, невозможно наслаждаться подобными зрѣлищами; но товарищъ мой, лукаво улыбаясь, увѣрялъ, что завтра поутру я могу изъ окна моего любоваться восхожденіемъ солнца и еще множествомъ другихъ вещей.

Я не настаивалъ болѣе, ушелъ въ свою комнату и очень утомившись послѣ шести часовъ, проведенныхъ въ экипажѣ, тотчасъ легъ въ постель и скоро заснулъ. При первыхъ лучахъ утренней зари я

вскочилъ съ постели, подбѣжалъ къ окну отворить его, и съ живою отступилъ назадъ, пораженный удивленіемъ и благоговѣніемъ.

Гостинница Данте построена на вершинѣ остроконечной скалы въ четыреста футовъ высоты, такъ что нижній этажъ на дворъ составляетъ четырнадцатый или пятнадцатый этажъ на фасадъ, обращенномъ къ морю; изъ нижняго этажа удивительнаго дома, глазамъ моимъ открывался весь Неаполитанскій заливъ; съ верху взоръ могъ бы обнимать все пространство до Капуи или даже можетъ-быть до Рима. Въ минуту величайшаго моего изумленія, Ферруджіа вошелъ въ мою комнату.

— Поспѣшимъ, сказалъ онъ, гондольеры ждутъ насъ; позавтракаемъ, и поѣдемъ не теряя ни минуты: отсюда до Капрен не далеко, а мы сегодня же вечеромъ должны возвратиться въ Неаполь.

Мы позавтракали, сошли на песчаный берегъ и вскорѣ шесть моряковъ со всею силою весель увлекли насъ къ давно-желанному острову.

Послѣ трехъ-часоваго переезда, наша лодка качалась передъ входомъ въ Лазуревую пещеру; наступила минута показать мои способности въ плаваніи.

Признаюсь, что сначала я колебался: волна сильно билась объ утесистые стѣны, съ шумомъ пѣвилась въ узкомъ отверстіи, черезъ которое намъ нужно было пройти. Я не чувствовалъ опредѣленнаго страха, но предпочелъ бы полноводіе въ Сенъ этому путешествію вилавъ въ пещеру.

Ферруджіа отгадалъ мою нерѣшимость.

— Вижу, сказалъ онъ смѣясь, что я долженъ буду подать вамъ примѣръ. Больше ничего не нужно было, чтобъ изгладить всякій слѣдъ чувства инстинктивнаго страха, заставляющаго меня колебаться.

— Вы дурно видите, сію саго, отвѣчалъ я: въ доказательство, я держу пари на десять піястровъ, что прежде васъ буду въ пещерѣ.

— Я принимаю пари, возразилъ Ферруджіа. И мы усердно принялись сбрасывать съ себя шляпы, жилеты, галстуки и сапоги.

Въ одно мгновеніе мой лукавый Римлянинъ вскочилъ на скамью лодки, принялъ свои предосторожности и нырнулъ головою внизъ, не скидая ни рубашки ни панталонъ.

Я послѣдовалъ его примѣру, одною секундою послѣ него ощутилъ

ся въ пещерѣ, съ разительнымъ намѣреніемъ поссориться съ нимъ; но гнѣвъ мой тотчасъ же исчезъ, уступивъ место безграничному удивленію.

Лазуревая пещера имѣетъ точно такое же устройство, какъ и всѣ пещеры въ мірѣ; и не стоило бы труда посѣщать ее, еслибъ не было тутъ феномена изумительнаго свѣту, поражающаго своею неожиданностью, достойною удивленія.

Лучи солнечнаго свѣту, проникая въ пещеру черезъ отверстіе для черезъ незамѣтныя щели и подвергаясь какому-то оптическому закону, которыхъ никто еще не могъ пока объяснить, освѣщаютъ пещеру голубымъ цвѣтомъ; такимъ нежнымъ, сладостнымъ, что нѣтъ возможности приискать названія, которое могло бы дать понятіе о всей его прелести. Стѣны, сводъ, вода бассейна — голубые; мы сами, Ферруджіа и я, были до того голубые, что не могли безъ смѣху смотреть другъ на друга. Въ продолженіе десяти минутъ мы плавали по всемъ направленіямъ и не думали о возвращеніи.

Но правда ли, сказалъ мнѣ Ферруджіа, взглядомъ окидывая гротъ, какое граціозное и прелестное зрѣлище?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ я.

— А между-тѣмъ кровавая и страшная драма совершилась въ этихъ мѣстахъ; эта вода была окровавлена, мы плаваемъ надъ трупомъ.

Въ послѣднихъ словахъ Ферруджіа выразилась такая горькая ненависть, что я пристально посмотрѣлъ на него и дрожь пробѣжала по всемъ жиламъ моимъ.

— И клянусь вамъ, сказалъ Ферруджіа, это странная исторія, я вамъ разскажу ее, возвращаясь въ Соренто.

Не отвѣчая ему я пошелъ къ входу и вскорѣ, вскользя въ лодку, сильно и глубоко вздохнулъ: по милости этого проклятаго Римлянина съ его кровавой драмой и трупомъ, меня прошила дрожь. Онъ не замедлялъ присоединиться ко мнѣ, гребцы согнулись надъ веслами, мы уселись на кормѣ и пока солнечные лучи сушили мокрое наше платье, Ферруджіа разсказалъ мнѣ обѣщанную исторію. Вотъ она: — Три года тому въ Римѣ жили двое молодыхъ людей, соединенныхъ узлами самой искренней и постоянной дружбы: я назову ихъ Фернандомъ и Леопольдомъ. Воспитывались они вмѣстѣ, въ одно время вышли изъ іезуитской школы и въ одинъ и тотъ же день вступили

въ свѣтъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ они вели праздную и безпорядочную жизнь, по обычаю молодыхъ, знатныхъ Римлянъ, и наконецъ кончили тѣмъ, что влюбились оба; судьба хотѣла чтобы и любовь ихъ устремилась на одинъ и тотъ же предметъ: оба они полюбили одну дѣвушку и вскорѣ увидали, что были соперниками. Фернандо пришелъ однажды къ своему другу.

— Леопольдо, сказалъ онъ ему, мы оба любимъ Сантину.

— Знаю, отвѣчалъ послѣдній мрачно.

— Наша дружба, подорванная ревностью, скоро превратится въ ненависть: это было бы ужаснымъ несчастіемъ и намъ слѣдуетъ во что бы ни стало избѣжать его.

— Согласенъ! что же ты хочешь предложить мнѣ?

Фернандо, ничего не отвѣчая, взявъ потухшіи уголь въ жаровнѣ, подошелъ къ двери и начертилъ на одной половинкѣ кругъ, величиною въ римскую скуду, потомъ обратился къ своему другу.

— Мы станемъ, сказалъ онъ, въ десяти шагахъ отъ двери, и бросимъ наши кинжалы; тотъ, кто больше приблизится къ центру начертаннаго круга, тотъ будетъ признанъ женихомъ Сантины; побѣжденный же удалится и постарается преодолѣть свою любовь.

— Согласенъ, отвѣчалъ Леопольдо.

Молодые люди стали въ назначенномъ разстояніи и Леопольдо первый бросилъ въ дверь свой кинжалъ, который вонзился въ черный кругъ

Настала очередь Фернандо, и кинжалъ его съ свистомъ вонзился почти въ самый центръ круга.

— И такъ я побѣжденъ! сказалъ Леопольдо; тебѣ принадлежитъ Сантина и счастье, мнѣ покорность судьбъ, мужество и можетъ-быть отчаяніе.

Оба друга крѣпко пожали руки другъ другу и разстались.

Черезъ два мѣсяца послѣ того страннаго происшествія Фернандо былъ супругомъ Сантины: спустя годъ, сердце молодой женщины было увлечено; она не любила Фернандо, и скоро забыла свои обязанности для того, кто долженъ былъ питать къ ней только братскую привязанность. Въ одно утро Фернандо и Леопольдо встрѣтились въ Корео, они сошлись съ улыбкой на устахъ и подали другъ другу руки:

— Я очень радъ, что встрѣтился съ тобою, сказалъ Фернандо, я шель къ тебѣ.

— А я, отвѣчалъ недостойный другъ; я тоже прямо шель въ твой палаццо.

— Я хотѣлъ просить тебя, сопутствовать мнѣ въ Неаполь, куда призываетъ меня важное дѣло.

— Странно... я тоже самое хотѣлъ предложить тебѣ.

— Такъ все къ лучшему.... Мы поѣдемъ вмѣстѣ, сегодня же, если ты согласишь.

— Черезъ четыре часа я буду къ твоимъ услугамъ.

Оба друга отправились вмѣстѣ въ почтовой каретѣ, прѣехали въ Неаполь, провели тамъ нѣсколько дней, занимаясь своими дѣлами, потомъ въ одинъ вечеръ согласились посвятить Лазуревую пещеру. Они отправились въ Соренто, взяли тамъ барку безъ гребцовъ и направили парусъ къ пещерѣ. Время было сумрачное, грозное, море бушевало и сильно вздымало волны. Они подѣхали къ отверстию пещеры, привязали барку къ желѣзному кольцу, вбитому въ скалу и бросились въ плавь полуодѣтые, какъ и мы теперь. Приплывъ въ пещеру, одною рукою они вынули свои кинжалы, спрятанные въ поясъ, а другою плавая приблизились другъ къ другу. Они очутились лицомъ къ лицу и страшный отвратительный смѣхъ исказилъ ихъ лица, поглубѣвшія отъ пещеры.

— Мы разгадали другъ друга, сказалъ насмѣшливо Фернандо, симпатія не совсѣмъ еще угасла между нами; потомъ прибавилъ: другъ преступный, змѣя, уязвившая меня своимъ жаломъ, ты не выйдешь отсюда живымъ.

— Другъ, отвѣчалъ Леопольдо: ты, счастье котораго разбило душу мою, ты который непреодолимымъ препятствіемъ сталъ между любимую женщиною и мною.

Онъ не успѣлъ кончить своихъ словъ, защищаясь отъ кинжала, направленаго на него Фернандомъ. Фернандо былъ пораженъ въ самую грудь, Леопольдо тоже. Вооруженныя руки снова поднялись, чтобы повторить ударъ, но побѣжденные жестокою болью, которую причиняла соленая вода, проникавшая въ раны, они обезсились и въ судорожномъ движеніи выронили кинжалы, исчезнушіе въ водѣ. Но они превозмогли кратковременную слабость, бросились другъ на друга, крѣпко задыхаясь сжали себя въ объятіяхъ, и наконецъ оба исчезли.

Вода взволнованная этою страшною борьбою, мало-по-малу успокоилась, сравнялась и когда одинъ изъ сразившихся показался на поверхности, всякій слѣдъ двойкаго преступленія, окровавившаго волны ея, изгладился. Фернандо задумилъ на золотомъ пескѣ, покрывающемъ дно пещеры, чудовище, отравившее его существованіе. Онъ имѣлъ силы достигнуть своей лодки, отвязалъ ее, перевязалъ свои раны, направилъ паруса, потомъ увлеченный жестокимъ и неукротимымъ вѣтромъ, исчезъ посреди урагана. Но онъ не погнѣ во время бури. Послѣ осьми-часовой страшной опасности онъ присталъ къ Искіи, оттуда достигъ Неаполя, потомъ пустился путешествовать, стараясь забыть прошедшее и только думать о будущемъ. Ферруджіа остановился. Разсказъ этотъ заинтересовалъ меня.

— Чтѣ сдѣлалось съ женою Фернандо, спросилъ я?

— Спустя четыре дни послѣ отъѣзда мужа, она умерла отъ странной болѣзни, которую доктора никакъ не могли опредѣлить: наука Борджіи имѣетъ еще нѣсколькихъ послѣдователей въ Римѣ.

Мы скоро вышли на берегъ у подошвы скалы, на которой возвышалась гостинница Данта; въ эту минуту пробило двѣнадцать часовъ на колокольнѣ соррентскаго монастыря; солнце палило, воздухъ былъ тяжелый, удушливый; мы рѣшились отдохнуть до самаго обѣда; послѣ чего должны были ѣхать въ Неаполь.

Я проснулся чезезъ нѣсколько часовъ безпокойнаго и лихорадочнаго сна, въ продолженіе котораго меня мучили страшные сны; въ моей комнатѣ было такъ мучительно жарко, что я съ трудомъ могъ дышать; сначала я приписалъ это страшному разсказу Ферруджіа и волненіе и болѣзненное стѣсненіе, ощущаемое мною при пробужденіи: но дыханіе мое все болѣе и болѣе стѣснялось, я чувствовалъ горячій потъ по всему тѣлу, и вынужденъ былъ отнести къ болѣзненному волненію причину, болѣе положительную, чѣмъ воспоминаніе простаго разсказа, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ: очевидно въ воздухъ, вдыхаемомъ мною происходило что-то необыкновенное.

Я открылъ окно, въ надеждѣ, что морской вѣтерокъ освѣжитъ нѣсколько мою горящую внутренность: но во внѣшней атмосферѣ было еще менѣе возможности дышать; я отправился тотчасъ же въ комнату Ферруджіа, просить его объяснить мнѣ странный феноменъ. Когда я пошелъ къ его двери, онъ выходилъ изъ комнаты.

— Ёдемъ, сказалъ онъ мнѣ, какъ можно скорѣе ѣдемъ, пока широко не во всей своей силѣ.

Широко, полуденный вѣтеръ, пробъжавъ палаяіе пески Африки, заставляетъ чувствовать свое удушливое вліяніе до самаго центра Италіи. Я часто слышалъ о широко, но въ первый еще разъ испытывалъ его гибельное дѣйствіе. Мы послышно приказали запрягать лошадей и поѣхали: увы! было уже поздно: едва только мы проѣхали послѣдніе дома Сорренто и повернули на неаполитанскую дорогу, проведенную по скату горы, стоящей надъ моремъ, какъ наши лошади отказались бѣжать рысью и потащились нога за ногою. Ферруджіа предложилъ мнѣ возвратиться и провести ночь въ Сорренто. Но въ слѣдующій день я долженъ былъ ѣхать въ Палермо, мѣсто на пароходѣ было уже взято, и я принужденъ былъ отказать отъ его предложенія. Мы продолжали дорогу, проклиная кучера, не умѣющаго заставить своихъ лошадей ѣхать скорѣе, проклиная лошадей, все медленно тащившихъ насъ, наконецъ проклиная самихъ себя, за то, что изъ-за сна потеряли пять часовъ, когда могли бы уже быть въ Неаполь. А широко все усиливался и разыгрывался; товарищ моего бѣдствія и я спрашивали другъ друга, пріѣдемъ ли мы живыми къ мѣсту нашего назначенія? Небо было мрачно, покрытое черными и густыми облаками: скоро наступила ночь и настала уже совершенный мракъ, когда послѣ двухъ-часовой пытки мы пріѣхали въ Каstellамаре. Мракъ былъ такъ непроницаемъ, что фонари нашей кареты въ трехъ шагахъ отъ насъ не могли свѣтить. Мы послали двухъ маленькихъ лаццарони, привезенныхъ нами противъ воли изъ Неаполя, купить смоляные факелы, приказали зажечь ихъ и занять прежнія мѣста, одному подлѣ кучера, другому стать сзади откинутаго верху коляски, тогда наши лошади, послѣ многихъ разнообразныхъ опытовъ, снова пошли своею медленною поступью. Мы выѣхали изъ Каstellамаре, я сидѣлъ впереди, Ферруджіа разлегся противъ меня, такъ что свѣтъ факеловъ лаццарони отвѣсно падалъ на наши лица, обезображенные страданіемъ и дурнымъ расположеніемъ духа, и потому мы не могли скрыть ни одной гримасы, которыми искривлялись наши лица. Вдругъ мой сосѣдь, у котораго страданіе вѣроятно превзошло всякое терпѣніе, съ отчаяннымъ усиліемъ разстегнулъ воротъ своей рубашки. Я примѣтилъ тогда на груди его широкий и глубокий рубецъ. Я ужъ не сомнѣвался болѣе, что мой Ферруджіа и Фернандо

Лазуревой пещеры былъ одинъ и тотъ же человекъ. Я не могу объяснить чувства, овладѣвшаго мною при этомъ открытіи: я не ощущалъ ни опредѣленнаго ужаса, ни яснаго отвращенія отъ Ферруджіо, и не смотря на то, я бы все отдалъ, чтобъ только очутиться далеко отъ него; его присутствіе стѣсняло, раздражало меня, если только можно употребить это слово, едва выражающее мысль мою. Но я принужденъ былъ вѣхать съ нимъ въ Неаполь и потому покорился судьбѣ и когда, пріѣхавъ въ гостиницу, мы разстались, я оставилъ его, не давъ замѣтить, ни словомъ, ни движеніемъ, что проникнулъ его тайну.

На другой день утромъ, я находился на берегу Палермо, тремя часами ранѣе назначеннаго времени для отъезда; такимъ-образомъ я избѣгнулъ новой встрѣчи съ Ферруджіо.

Дядя изъ Америки. Хотя въ началъ нынѣшняго столѣтія Діеппъ много потерялъ въ своей значительности, однако морскія экспедиціи его сохраняли еще величіе, какого ограниченная торговля нашихъ дней и подозревать не можетъ. Времена баснословнаго богатства тогда еще не совсѣмъ вышли изъ памяти и время отъ времени изъ отдаленныхъ странъ возвращался какой-нибудь неожиданный миллионеръ, которымъ театръ черезъ чуръ уже воспользовался и можно было еще безъ особеннаго простодушія вѣрить возможности *дядюшекъ изъ Америки*. Въ самомъ дѣлѣ, въ Діеппъ тогда считали болѣе одного негодянта, корабли которыхъ наполняли гавань, и которые лѣтъ двадцать тому назадъ уехали въ простой курткъ матроса. Эти примѣры ободряли предприимчивыхъ и обнадеживали не имѣвшихъ наслѣдства, эти примѣры дѣлали невѣроятное возможнымъ и невозможное вѣроятнымъ. Несчастные утыкали себя въ действительности надеждою на чудо.

Это чудо, казалось, готово было совершиться въ пользу одного бѣднаго семейства деревушки Омонвиль, находящейся въ четырехъ лье отъ Діеппа.

Вдова Моверъ подвергалась жестокииъ испытаніямъ. Старшій сынъ ея, единственная подпора семейства, утонулъ, оставихъ четырехъ дѣтей на попеченіе старой женщины. Это несчастіе отсрочило, а можетъ-быть и совсѣмъ разрушило свадьбу ея дочери Клеменція, и въ то же вре-

мя разстроило планы сына ея Мартына, принужденнаго бросить учение, и заняться работами на фермѣ.

Но среди такихъ безпокойствъ и заботъ бѣдной семьи, вдругъ блеснула имъ лучъ надежды. Письмо изъ Діенна извѣщало о возвращеніи деверя вдовы, уѣхавшаго двадцать лѣтъ тому назадъ. Дядя Бруно возвращался *съ предметами, достойными любопытства изъ Новаго Свѣта*, какъ онъ самъ выразился въ письмѣ своемъ; извѣщалъ ихъ также о намѣреніи поселиться въ Діенпѣ.

Съ того же вечера письмо сдѣлалось предметомъ всевозможныхъ размышленій. Хотя оно не заключало въ себя ничего опредѣлительнаго, однако Мартынь, знавшій толкъ въ чтеніи, по слогу отгадывалъ въ немъ челоуѣка веселаго. Очевидно морякъ возвращался съ многими бочками золота и не откажетъ удѣлить частичку роднымъ.

Дайте волю воображенію, оно какъ разъ расправитъ свои крылья. Каждый подбавилъ свои предположенія къ Мартыновымъ: даже Юліана крестница вдовы, жившая на фермѣ не столько какъ служанка, но какъ родная, даже Юлинька тоже старалась придумать, что дядюшка изъ Америки могъ бы подарить ей.

— Я выпрошу у него каракъ изъ сукна и золотой крестикъ, сказала она выслушавъ письмо, снова прочтенное Мартыномъ во всеуслышаніе.

— Ахъ! сказала вздыхая вдова, еслибъ мой бѣдный Дидіѣ былъ живъ, у него былъ бы теперь покровитель.

— За то у него остались дѣти, крестная, замѣтила молодая дѣвушка, не говоря уже о Клеменціи, которая вѣроятно не откажется отъ приданаго?

— Къ чему? сказала Клеменція, склонивъ печально голову.

— Какъ, къ чему? повторила Юліана, да къ тому, чтобы родственникамъ господина Марка нечемъ было отговариваться. Эка бѣда, что они послали своего сына за море за тѣмъ, чтобы помѣнать свадьбу, если дядя Бруно захочетъ, то женихъ тотчасъ воротится.

— Надобно еще знать, захочетъ ли онъ возвратиться, замѣтила молодая дѣвушка въ полголоса.

— Не онъ, такъ будетъ другой, сказалъ Мартынь, думавшій о замужествѣ сестры, тогда какъ она думала только о мужѣ; съ дядюшкой изъ Америки всегда найдешь хорошую партію. Кто знаетъ? можетъ-быть съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ какой-нибудь товарищъ до

богатству, какой-нибудь миллионеръ, который захочетъ быть его племянникомъ.

— О! надѣюсь, что нѣтъ, воскликнула испуганная Клеменція; къ чему сплнить моимъ замужествомъ?

— Нужно сплнить найти мѣсто твоему брату, сказала съ грустью вдова.

— Его сѣятельство все объщаетъ мнѣ управленіе своихъ фермъ, возразилъ Мартынъ.

— Но до-сихъ-поръ онъ не рѣшилъ еще, сказала старуха; а между-тѣмъ время уходитъ, а хлѣбъ съдается. Люди не понимаютъ того; умъ ихъ занять удовольствіями и когда они вспомнятъ объ обѣщанномъ кускѣ хлѣба, тогда вы уже умерли съ голоду.

— А теперь намъ нечего бояться этого, при дядюшкѣ Бруно, сказалъ Мартынъ; тутъ не въ чемъ ошибаться; въ его письмѣ ясно сказано: «Завтра я приѣду въ Омонвилъ со всемъ своимъ имѣніемъ». Это значить, что онъ не думаетъ насъ забыть.

— Онъ долженъ быть уже въ дорогѣ, прервала его вдова, онъ каждую минуту можетъ приѣхать. Все ли ты приготовила, Клеменція?

Молодая дѣвушка встала и растворила шкафъ, убранный съ необыкновеннымъ изобиліемъ. Подлѣ бараньей лепатки, только что вынутой изъ печи, стоялъ огромный окорокъ, по бокамъ двѣ тарелки съ пшеничными лепешками и большая чаша свѣжихъ сливокъ. Нѣсколько горинковъ сидру дополняли эти приготовления, возбуждшія радостные крики дѣтей. Кромъ этого Юліана поговаривала о яблочной похлебкѣ и ломтикахъ хлѣба съ масломъ, поджаренныхъ на сковородѣ.

Вдова вынула тогда изъ своего комода скатерть и салфетки, пожелтѣвшія отъ неупотребленія. Молодая прислужница выбрала тарелки менѣе зазубренныя и стала накрывать столъ, положивъ на почетномъ мѣстѣ единственную серебряную ложку всей семьи.

Всѣ приготовления кончались, какъ вдругъ ребенокъ, стоявшій на стражѣ, вбѣжалъ въ комнату съ крикомъ:

— Вотъ онъ! вотъ онъ!

— Кто это? спрашивали со всѣхъ сторонъ.

— Кто же какъ не дядя Бруно, отвѣчалъ громкій и веселый голосъ.

Все семейство обернулось. Матросъ остановился на порогѣ и оста-

вѣлся у двери, внезапно отворенной; на правой рукѣ онъ держалъ зеленого попугая, а въ лѣвой обезьяну средней породы.

Испуганные дѣти влезли на колѣна бабушки, которая тоже не могла не вскрикнуть. Мартынъ, Клеменція, и служанка оставались въ оцѣпѣнѣннѣи.

— Какъ! развѣ вы боитесь моего звѣринца? сказалъ Бруно со смѣхомъ. Полноте, родные мои, успокойтесь и поцѣлуйтесь со мной, я прѣхалъ для этого три тысячи миль.

Мартынъ отважился на то первый; потомъ подошли Клеменція, вдова и самый старшій внукъ; но никакъ не могли заставить подойти ни внучку, ни младшаго внука.

— Бруно вознаградилъ себя, поцѣловавъ Юліану.

— Я думалъ уже, что никогда не дойду къ вамъ, сказалъ онъ; знаешь ли, невѣстунка Моверь, вашъ домъ отстоитъ отъ Діенна на добрый пушечный выстрѣлъ.

Мартынъ замѣтилъ тогда, что сапоги моряка совершенно покрыты пылью.

— Развѣ дядюшка Бруно пришелъ прыжкомъ? сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Вотъ тебѣ разъ! Развѣ ты хотѣлъ, чтобы я прѣхалъ на лошади по вашимъ полямъ? весело отвѣчалъ матросъ.

Мартынъ обернулся къ двери:

— Но... ваша поклажа?... прибавилъ онъ.

— Моя поклажа? да она со мною, сказалъ Бруно. Морякъ, дружокъ мой, не имѣетъ нужды ни въ чемъ, кромѣ трубки и ночнаго колпака.

Вдова и дѣти переглянулись.

— Простите, замѣтилъ молодой человекъ, но по вашему письму я думалъ....

— А что ты думалъ? Что я прѣхалъ на трехъ-мачтовомъ кораблѣ?

— Нѣтъ, не то, отвѣчалъ Мартынъ, принуждая себя пріятно улыбнуться, но я думалъ что вы привезли съ собою и чемоданы свои... для того, чтобы долго пробыть съ нами, потому что вы сами заставляли насъ надѣяться, что поживете съ нами подольше.

— Я?

— И въ доказательство тому вы писали, что придете къ намъ со всѣмъ своимъ и мнѣмъ.

— Ну чтожь? вотъ тутъ все мое мнѣніе! воскликнулъ Бруно: обезьяна и попугай.

— Какъ, только-то? воскликнула все семейство въ одинъ голосъ.

— Да еще мой матросскій сундукъ, въ которомъ не мало чулокъ безъ пятокъ и рубахъ безъ рукавовъ. Но отъ этого не бываетъ печальнѣе, дѣти. Была бы совѣсть да желудокъ въ хорошемъ состояніи, а прочее все дрянь, гиль! Извините невѣстушка, я вижу сидръ, а чѣтыре мѣли, сдѣланные по сухому пути, высушили мнѣ гордо. Эй! Рощабо, кланяйся жѣ роднѣ.

Обезьяна сдѣлала три прыжка, потомъ услыхавъ подальше и начала чесать морду. Морякъ подошелъ къ столу и налилъ себѣ пить.

Семейство было въ смущеніи. Видя накрытый столъ, Бруно безъ церемоніи усаяся, объявляя, что умираетъ съ голоду. Волею или неволею надо было подать яблочный супъ и окорокъ ветчины, которую онъ успѣлъ замѣтить; но все остальное вдова Моверъ припрятала въ шкафъ.

Матросъ, котораго Мартынь не переставалъ спрашивать, разсказалъ, какъ онъ въ продолженіе двадцати лѣтъ объѣхалъ всѣ моря Индіи подъ разными флагами, не имѣя другой прибыли, кромѣ жалованья, тотчасъ же истраченного. Словомъ, не прошло часу, а уже очевидно было, что дядя Бруно вмѣсто богатства обладалъ удивительно хорошимъ расположеніемъ духа и завиднымъ аппетитомъ.

Обманутая надежда была всеобщая, но обнаруживалась различно по характеру каждаго. Въ Клеменціи она вызвала только удивленіе, смѣшанное съ грустью, у Мартыца досаду, а у вдовы сожалѣніе и негодованіе. Эта перемена расположенія не замедлила выказаться. Обезьяна испугала маленькую внучку, побѣжавъ за нею, а бабушка тотчасъ же настояла, что обезьяну надо запереть въ пустую конюшню; а за то, что попугай осмѣлился клевать въ тарелкѣ матроса, Мартынь объявилъ его нетерпеливымъ. Клеменція ничего не сказала, но вышла изъ комнаты съ Юліаной по хозяйственнымъ заботамъ, вдова же вышла за самопрялкой.

Оставшись наединѣ съ племянникомъ, который усиливался придать наружный видъ разсѣянна своему недовольному лицу, дядя Бруно спокойно поставилъ стаканъ, мало-по-малу опустошаемый днѣ, и

засвисталъ тихонько; потомъ облокотясь обѣими руками на столъ, прямо посмотрѣлъ на Мартына.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ спокойно, что въ этомъ домѣ дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Вся вы смотрите такъ холодно, что не тѣлу дрожь пробѣгаетъ, и никто еще не сказалъ мнѣ здѣсь ни одного привѣтливаго слова: не такъ принимаютъ родственника, съ которымъ не видались двадцать лѣтъ!

Мартынъ отвѣчалъ довольно грубо, что его приняли какъ только могли, и что не отъ нихъ зависѣло угостить его получше.

— Но отъ васъ зависѣло показать, что вы мнѣ рады, отвѣчалъ Бруно и, прости васъ Господи, я, кажется, вамъ точно бѣльмо на глазу. Впрочемъ, дружокъ, перестанемъ говорить объ этомъ; я не люблю семейныхъ раздоровъ. Помни только, племянникъ, что вы все когда-нибудь раскаетесь, больше я ничего не скажу.

Сказавши это, матросъ снова отрывалъ ломоть свинины и принялся вѣсть.

Мартынъ, пораженный этими словами, возмывалъ подозрѣнiе.

— Дядя Бруно никогда бы не имѣлъ этой самоувѣренности, еслибъ, по его словамъ, у него только были, какъ онъ говоритъ, одна эта обезьяна, да попугай! Онъ обманулъ насъ: онъ хотѣлъ испытать насъ и угроза измѣнила ему. Надо поспѣшить исправить нашу глупость и опять привлечь его къ себѣ.

Онъ тотчасъ побѣжалъ къ матери и сестрѣ, сообщать имъ свое открытiе. Объ поспѣшили возвратиться: пасмурныя лица ихъ сдѣлались веселыми и улыбающимися. Вдова извинялась, что только по хозяйственной необходимости принуждена была оставить любезнаго деверя и удивлялась, что на столъ такъ мало кушанья.

— Но гдѣ же пирогъ? воскликнула она, гдѣ лепешки и сливки, которыя я приготовила для брата Бруно! Юлиана, о чемъ ты думаешь, моя милая? А ты, Клеменція, посмотри, не осталось ли въ шкафу сколько-нибудь ореховъ; отъ нихъ зубы наострятся, да и вино охотнѣе пьется.

Молодая дѣвушка повиновалась и когда все было на столъ, она съѣла, улыбаясь, противъ матроса, смотрѣвшаго на нее съ удовольствiемъ.

— Ну, въ добрый часъ! сказалъ онъ; теперь ты смотришь настоящей родней, я опять нахожу дочь моего бѣднаго Егора!

И взявъ ее за подбородокъ, прибавилъ:

— Вѣдь я знаю тебя не съ сегодняшняго дня; мнѣ давно говорили о тебѣ, малютка моя.

— Кто же? спросила съ удивленіемъ молодая дѣвушка.

Прежде, чѣмъ матросъ успѣлъ отвѣчать, громкій и отрывистый голосъ произнесъ имя Клеменція. Она съ изумленіемъ обернулась, но не видала никого.

— А! а! ты не знаешь, кто тебя называетъ? сказалъ матросъ, смѣясь.

— Клеменція, Клеменція! повторилъ тотъ же голосъ.

— Это попугай! воскликнулъ Мартынь.

— Попугай! повторила молодая дѣвушка, да кто же научилъ его говорить мое имя?

— А тотъ, кто не забылъ его, отвѣчалъ Бруно, прищуривъ глазъ.

— Вы, дядюшка?

— Нѣтъ, душенька, не я, но молодой матросъ, родомъ изъ Омонвилля.

— Маркъ!

— Да, кажется его такъ зовутъ!

— Стало быть, вы его видѣли, дядюшка?

— Немножко, вѣдь я возвратился на томъ же корабль, какъ и онъ.

— Онъ возвратился?

— Возвратился, и съ такою прибылью, говоритъ онъ, что теперь можно ему завестись и домикомъ.

— И онъ вамъ говорилъ. . .

— О тебѣ, сказалъ морякъ, договорившій мысль племянницы, и такъ часто, что Жако запомнилъ твое имя, какъ ты сама слышишь.

Клеменція покраснѣла отъ удовольствія и даже вдова не удержалась отъ движенія радости. Предположенный бракъ между ея дочерью и Маркомъ ей всегда нравился и она истинно сокрушалась о недавно возникшихъ препятствіяхъ въ семействѣ молодаго человѣка. Бруно рассказалъ ей, что Маркъ задержанъ въ Діеппъ необходимыми дѣлами по службѣ при отравленіи, и что онъ непременно пріѣдетъ завтра, влюбленный болѣе, нежели когда нибудь.

Это извѣстіе всѣхъ обрадовало, а особливо Клеменцію, бросившуюся обнимать дядю съ истиннымъ восторгомъ благодарности. Бруно на минуту притянулъ ея головку къ себѣ на грудь.

— Не правда ли, мы теперь добрые друзья на жизнь и на смерть? сказалъ онъ смѣясь; а чтобы ты не очень скучала въ ожиданіи матроса, я дарю тебѣ моего попугая; онъ будетъ говорить тебѣ о немъ.

Клеменція снова обняла дядю, тысячу разъ поблагодаривъ его, и протянула руки къ птицѣ, которой ужъ не боялась болѣе; она всерьезъ нула къ ней на руку, говоря: Здравствуй, Клеменція.

Всѣ расхохотались и восхищенная молодая дѣвушка унесла птицу, цѣлуя ее.

— Вотъ братецъ, вы сдѣлали уже одну счастливою, сказала вдова, слѣдуя за ней глазами.

— Я бы желалъ, чтобы не одна она была счастлива, отвѣчалъ морякъ, сдѣлавъ серьезный видъ; и для васъ, невѣстунка, у меня есть тоже кое-что въ подарокъ, но я боюсь возбудить въ вашемъ сердцѣ печальное воспоминаніе.

— Вы хотите сказать мнѣ о сынѣ моемъ, Дидіе? воскликнула старуха съ безошибочнымъ предчувствіемъ матери.

— Вы отгадали, сказалъ Бруно. Въ это время, когда судно ихъ разбилося, по несчастью, я былъ тогда на другомъ. Ахъ, если бы Богу угодно было, чтобы я былъ съ нимъ на одномъ кораблѣ, какъ знать? я такъ плаваю, что могу потягаться съ морской свиньей, можетъ-быть, я могъ бы спасти его; какъ это было въ дѣлѣ при Трепорѣ.

— Да, вы разъ уже спасли ему жизнь! воскликнула вдова, мгновенно вспомнивъ давно минувшее; я никогда не должна забывать этого, братецъ.

Она протянула руку матросу и онъ пожалъ ее.

— Ба! это ничего не значитъ, сказалъ онъ съ добродушіемъ, это простая услуга по сосѣдству; но въ Индіи не было возможности: когда нашъ корабль пришелъ, судно, на которомъ находился Дидіе, уже два недѣли стояло у береговъ. Я только могъ узнать, гдѣ онъ былъ погребенъ и поставить надъ нимъ бамбуковый крестъ.

— Вы сдѣлали это! воскликнула мать, обливаясь слезами; о! благодарю, Бруно; благодарю, братецъ!

— Это еще не все, отвѣчалъ матросъ, растроганный противъ воли; я узналъ, что негодяи продали въ Ласкарѣ имущество утопавшихъ; съ большимъ трудомъ я отыскалъ часы племянника, перекушавъ

ихъ, отдавъ все, что имѣлъ въ наличности и привезъ ихъ вамъ, невзвѣстна; вотъ они.

Говоря это, онъ показалъ старухѣ большіе серебряные часы на обрывкѣ просмоленнаго снурка. Вдова схватила ихъ съ крикомъ, и нѣсколько разъ поцѣловала. Все женщины плакали, даже Мартынь казался растроганнымъ; что касается до Бруно, онъ кашлялъ и принуждалъ себя пить, чтобы преодолѣть свое умиленіе.

Когда вдова Моверъ могла говорить, она обняла честнаго матроса и съ жаромъ благодарила его. Неудовольствіе ея исчезло; она не думала уже о томъ, что такъ занимало ее до-сихъ-поръ; она совершенно предалась благодарности за драгоценный даръ, напоминающій ей сына, столь жестоко потеряннаго. Разговоръ съ Бруно сдѣлался свободнѣе и дружественнѣе. Объясненія его не позволяли болѣе сомнѣваться на счетъ его истиннаго положенія: дядя изъ Америки возвратился такимъ же бѣднякомъ, какимъ и похвалъ. Объявивъ своему племяннику, что онъ и вся его домашнія раскаятся въ своей холодности, онъ думалъ только о ихъ печали, которую они рано или поздно должны испытать, не признавши добраго родственника; все остальное было вымышленное заключеніе Мартына.

Не смотря, что это открытіе совершенно разрушало надежды матери и дочери, оно не перемѣнило ихъ расположенія. Объ, всѣмъ сердцемъ привязавшись къ дядѣ Бруно, сохранили къ нему доброе расположеніе, выказанное ими прежде изъ выгодъ, и окружили его самымъ нѣжнымъ расположеніемъ.

Матросъ, для котораго истощили весь запасъ бѣднаго хозяйства, всталъ наконецъ изъ за стола, какъ вдругъ Мартынь, только что вышедшій, опять вошелъ спрашивая у Бруно, не продастъ ли онъ обезьяну?

— Продать Рошанбб? отвѣчалъ морякъ, нѣтъ, ни за что не продамъ; я воспиталъ его, онъ слушается меня; это мой слуга и товарищъ; я не отдамъ его, еслибъ мнѣ въ десятеро больше давали за него, нежели онъ стоитъ. Но кто хочетъ купить его?

— Его сіятельство графъ, отвѣчалъ молодой человекъ, онъ проходилъ мимо, видѣлъ обезьяну, она ему такъ понравилась, что онъ просилъ меня чтобы я самъ назначилъ цѣну и принесъ бы ее къ нему.

— Такъ скажи, что они обитаетъ у насъ, стаяла Бруно, набивая трубку.

Мартынь сдѣлала огненное движеніе.

— Это истинное несчаствіе, сказала она. Кто сѣнтябрьско пожелалъ себе обидѣннѣе, она сказала, что если у насъ будетъ обидѣннѣе, то она дастъ нѣтъ нѣтъ управителю.

— Ахъ! Боже мой! ты была бы пристроена, воскликнула. Клянусь огорченіемъ.

Бруно потребовалъ объясненія.

— И такъ, сказалъ онъ, подлиннаго размышленія, ты надежда, доставить графу Рованбо, получить желаемое мѣсто?

— Я была въ этомъ увѣренъ, отвѣтила Мартынь.

— Ну такъ вотъ что, съ грубостью сказалъ Бруно, я не продаю обидѣннѣе, но дарю ее тебѣ! Предложи ее графу и онъ ужь не только долженъ поблагодарить тебя за твою участливость.

Тутъ съ вѣсѣмъ стороны возмущалась благодарность, которую имѣешь мочь прервать, только чѣмъ, что услава племянница въ замѣнъ ее Рованбо. Графъ хорошо принялъ Мартынь, переговорилъ съ нею, увѣрился, что онъ можетъ замѣнить желаемую должность и тотчасъ же далъ ему нѣтъ управителю.

Понятно радость всего семейства, когда Мартынь возвратилась съ этой новостью. Вдова, желая взглянуть вблизи своей, привезла мѣрку на кармановъ надеждахъ, которыя возродили его возвращеніе. Бруно расхохотался.

— Клянусь, воскликнула она, и събрала съ себя славные шутку! Вы надѣялись на мѣрку, а я привезъ вамъ только двухъ безполезныхъ животныхъ.

— Вы ошибаетесь, дядюшка, сказала кротко Клеменція: мы привезли намъ три безцѣпныхъ сопровожденія: хотѣну, что не шло въ нашей, у мѣрку есть теперь вселенныя: у брата мѣсто, а у меня... надежда.

МР. МР. Эрестия де-Въ разсматривала въ бою Фредерика. Тысячи складокъ розовыхъ, клещище желозера, роскошно окружали стаясь, небрежно покончили въ плутивать мѣскаго дѣсна; вытеснялась только одна хорошенькая головка, украшенная маленькимъ дивевающимся чепчикомъ съ зубчатыми ленточками.

Передъ нею стоялъ Фредерикъ, съ нежностью любивъ ея. Лампа мѣль-самаго лучшаго и бѣлаго алебастра, угасла на столѣикъ.

— О какіе прелестныя рисунки! вы мнѣ обѣщали точно такіе же, Фредерикъ; помните, что я требую точнаго исполненія вашего обѣщанія. Вотъ пейзажи, морскіе виды, прибавила она, продолжая перелистывать; а! портретъ мадамозель д'Анжвиле.... О! какъ ей польстили! я хочу, чтобы вы сдѣлали когда-нибудь мой портретъ, другъ мой, только на память, а не прямо съ меня.

Мадамъ де В** никогда не хотѣла, чтобы иначе дѣлали портретъ ея. Въ эту минуту, вниманіе ея устремилось на послѣдній листокъ альбома, на которомъ нарисованъ былъ карандашомъ видъ мельницы посреди луга, набросанный небрежно и котораго простота несколько не выкупалась новизною выполненія. Мадамъ де В** посмотрѣла на Фредерика съ удивленіемъ.

— Что значитъ это пачканье?... мельница.... равнина....

Говоря это она вертѣла, и перевертывала рисунокъ со всѣхъ сторонъ, и столь внимательно разсматривала его, что наконецъ открыла маленькую, граціозную головку женщины, въ одномъ изъ оконъ мельницы.

— Разгадайте же мнѣ эту загадку, Фредерикъ?

Фредерикъ не отвѣчалъ и только задумчиво улыбнулся.

— Это тайна? спросила она съ живостью.

— Можетъ-быть.

— О! расскажите мнѣ, сказала она приближаясь къ нему и положила на его плечо дрожащую руку.

— Къ чему?

— Я васъ прошу о томъ.

— Ну, а если это только капризъ, фантазія.... женская головка въ мельницѣ! это почти аллегорія!

Мадамъ В** посмотрѣла на него.

— Плохая шутка! сказала она открыто; что это за женщина?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ онъ принужденно.

— Опять, сударь.... опять!

— Такъ вы непрерывно хотите знать?

— А вы непрерывно не хотите?

Настала минута молчанія, которую мадамъ В** старалась увеличить смущеніемъ Фредерика.

— Боже мой ! сказалъ онъ наконецъ принужденно улыбаясь ; напротивъ , я хочу все рассказать вамъ ; хочу открыть одну изъ тѣхъ очаровательныхъ тайнъ , которыми иногда поддерживается жизнь артиста . Будете ли за то благодарны , я не знаю ; но вы хотите и я повинуюсь , потому только , что вы желаете этого , прибавилъ онъ верьшительно .

— Я хочу , отвѣчала она стыдливо , но рѣшительно .

— Это случилось года два тому назадъ . Я оканчивалъ мою картину *Маргариты* ; въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ я работалъ съ жаромъ , и въ одинъ вечеръ , наскучивъ бесполезно топтать нескончаемую парижскую грязь , я увидѣлъ на поворотѣ улицы , на почтовой дворъ , дилижансъ , около котораго происходилъ шумъ и суматоха : онъ былъ на готовъ отправиться . Одна скамья была пустая , я взялъ на нее потихоньку , посреди прощаній и махающихъ платковъ . Кондукторъ самымъ оглушительнымъ образомъ протрубилъ на своемъ рожкѣ и мы отправились .

Я спалъ три или четыре часа и ничего не видалъ во снѣ . Меня разбудилъ яркій лучъ луны , прямо падавшій мнѣ на лицо . Въ эту минуту въ полѣ было светло , какъ среди бѣлаго дня ; кузнечики и лягушки изо всѣхъ силъ распѣвали въ болотахъ . Предо мною была настоящая цѣмецкая картина , печальная , пасмурная , угрюмая ; пруды , степи , пустоши съ высокими трепещущими тополями , длинными , блѣдными маргаритками , выступающими по краямъ рововъ ; странные крики въ отдаленіи , кустарники , молодые рощи . Мы въехали въ лѣсокъ ; оробѣвшія лошади шли медленнѣе и не съ такимъ уже шумомъ .

Наконецъ въехали мы въ прекраснѣйшую деревню , какую только я видѣлъ въ жизни . Вы вѣрно знаете , что обыкновенно значить деревня : ферма , хуторъ , опрокинутая тележка колесами вверхъ на навозъ , дѣти на порогъ и бѣгущія утки . Эта же деревенька состояла изъ дюжины домишекъ различнаго цвѣту , раскинутыхъ въ лонцнѣ ; кругомъ кудрявыя яблони , на лугахъ прекрасныхъ , зеленыхъ , повсюду видѣлись коровы . Впрочемъ ни малѣйшаго признака развалинъ какого-нибудь замка . Церковь находилась за четверть мили : шпиль колокольни выглядывалъ изъ-за старыхъ дѣвъ .

Все вмѣстѣ было такъ отрадно , такъ светло , что невольно я положилъ руку свою на руку кондуктора . Онъ дернулъ спурокъ , точ-

но какой-нибудь привратникъ въ столицѣ, и я веселый, бодрый, очутился на большой дорогѣ, солнце сіяло надъ моею головою, длинная долина раскидывалась предо мною. Но увы! моя восхитительная деревенка была уже далеко : она исчезла въ голубомъ туманѣ. Съ минутою я былъ въ нервности, не вернуться ли мнѣ туда, какъ вдругъ въ концѣ аллеи, по которой шелъ, я замѣтилъ женщину сидящую на камнѣ. Приближеніе свое я возвѣстилъ такъ шумно, что она встала и удалилась; я послѣдовалъ за нею; по временамъ она оборачивалась, и позволяла рассмотреть лице полуулыбающееся и полусерьезное. Должна начинала нечувствительно суживаться и скоро сдѣлалась самою узенькою тропинкою. Тогда она побѣжала и я потерялъ ее изъ виду. Однако жъ я не отчаялся и примель къ перекрестку, гдѣ сходились четыре дороги. Въ недоумѣніи я не избиралъ никакой дороги и пошелъ по обширному лугу испещренному яркими махровымъ лютикомъ и макомъ, наполченному жужжаціемъ и упительнымъ благоуханіемъ. Оставленная мельница, небольшая и сѣрватая, полу-разрушенная, возвышалась по срединѣ, неподвижно распростирая свои четыре кыла. Скорая ходьба утомила меня, я сдѣлалъ себя постель изъ травы подъ тѣнью дубовъ, окружавшихъ лугъ.

Вдругъ я услышалъ тихій шелестъ и открылъ глаза; мое мимолетное видѣніе быстро проходило въ педальшемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ я лежалъ. Она подошла и села именно на томъ же краю рва, у котораго я находился и посмотрѣвъ вокругъ себя съ безпокойствомъ, снова принялась читать.

Я привсталъ и это довольно смѣшное положеніе возбудило въ ней желаніе пошутиться, по-крайней-мѣрѣ я такъ предполагаю, потому что она поднесла платокъ свой къ губамъ и слегка мнѣ поклонилась. Я хотѣлъ сказать ей пѣсколько словъ, но она не дала мнѣ времени, и прежде чѣмъ я успѣлъ встать на ноги покрытый землею и травою, она исчезла, но какой дорогой, вотъ чего я никакъ не могъ понять, какъ вдругъ взглянувши на мельницу, о которой я говорилъ уже, я примѣтилъ въ главномъ отверстіи хорошенькую головку жещины, свѣженькую, умную головку, съ улыбкой на губахъ, съ жемчужиной въ глазахъ.

День начиналъ склоняться; странная мысль мелькнула у меня въ головѣ: я вынулъ изъ кармана альбомъ и сѣвши въ небольшомъ

разотолпи отъ женщины, стала набрасывать очеркъ. Молодая женщина, казалось, прежде вздумалась; но потомъ съотвѣшкернулась къ ему катреноу; улыбка ея исчезла, она приняла величавое прощанье, непринужденное, безъ всякаго жеманства, исключенное достоинство, чего я и не подозревалъ въ ней. Она долго стояла въ такомъ положеніи, можетъ-быть дѣлае, нешли сколько нужно было; но кто бы изъ насъ подумалъ на это жаловаться? Прекрасная, тихая ночь забрисывала на насъ своей покровъ такъ медленно, что мы почти не замѣтили; альбомъ и карандашъ упали изъ рукъ моихъ на землю, голова склонилась на руки и я внималъ мелодіи души моей; глаза мои орошены были уюнительными слезами.

Вотъ исторія рисунка, которую вы требовали отъ меня, Эрнестина. Вы видите, что это безумная исторія, составленная изъ отрывковъ ума и сердца, что-то простое и грустное, сказка безъ конца, которая оканчивается такимъ образомъ: *никогда было....* Въ этотъ же вечеръ я ночевалъ въ ближней гостинницѣ «Золотого льва», или кажется «Бѣлой лошади»....

— Гдѣ вы постарались развѣдать о своей прелестной незнакомкѣ?

— Къ чему же? На другой день я остановилъ провзжавшій дилижансъ и возвратился въ Парижъ.

— И безъ сомнѣнія, чтобы докопчить свой романъ, три мѣсяца спустя, вы увидѣли ее прекрасную и нарядную въ Итальянской оперѣ, подлѣ стараго мужа, украшеннаго орденомъ почетнаго легіона. Подите! всѣ ваши исторіи походятъ одна на другую; каждой изъ нихъ имѣють право сказать: я тебя знаю, прекрасная маска!

И мадамъ В** захохотала.

— Плохая шутка, сказалъ въ свою очередь Фредерикъ съ важными видомъ; подлѣ я никогда уже не встрѣчалъ ее и, вѣроятно никогда не увижу.

— О чемъ вы очень сожалеете, не правда ли?

Фредерикъ не отвѣчалъ.

— Вы не совсемъ свѣдѣливы, Фредерикъ!

— Я чистосердеченъ.

— Вы любите эту женщину?

— А если бы я такъ?

— Больше чѣмъ мѣся?

Фредерикъ прошлаго дня или вчера по комматъ, какъ-будто не смывая вопроса мадамъ В**.

Тогда она бросила на него ужасный взглядъ и быстрою рукою открыла альбомъ, лежащій у нея на коленяхъ, и вырвала листокъ съ миниатурой, сдѣлала его и затопала ногами....

Фредерикъ поблѣднѣлъ, но не оказалъ ни слова. На другой день онъ отослалъ въ отцовъ замокъ В** своею миниатюру и картинку, на которой карандашомъ были написаны буквы: *Пр. Пр.* (Пріятель прощайся).

КАРЕТА АВСТРІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА. Карета, въ которой австрійскій императоръ поедетъ на коронованіе, и которую теперь поправляютъ, хранится съ царствованія императора Карла, заказавшаго ее для замужства своей дочери Маріи Терезіи. Съ-тѣхъ-поръ эта карета служила для коронованія австрійскихъ императоровъ въ Франкфуртъ. Одна позолота стоила сто осемьдесятъ тысячъ флориновъ; картины, украшающія двери, работы Рубенса, и цѣнятся въ шестьдесятъ тысячъ флориновъ.

ВОСТОЧНЫЙ ПОДАРОКЪ. Между сокровищами, привезенными англійской королевою нипальскимъ посланникомъ, находятся двѣнадцать коровьихъ хвостовъ, оправленныхъ въ серебро. Раджа нипальскій считаетъ этотъ подарокъ знакомъ глубочайшаго уваженія. У самого раджи только семь хвостовъ, а какъ обладаніе ими означаетъ самое высокое званіе, то подарокъ двѣнадцати хвостовъ считается неопыненнымъ. Вся цѣнность присланныхъ хвостовъ возвышается до двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

УСМИРИТЕЛЬ ПЧЕЛЪ. Въ Оксфордѣ живетъ человекъ, обладающій странной способностью дѣлать ручными пчелъ и осъ. Недавно, въ присутствіи многихъ джентльменовъ, онъ производилъ замѣчательные опыты: вызвалъ изъ улья рой пчелъ, по его звуку усѣвшійся на шляпу одного изъ зрителей, который, разумется, не могъ удержатъ верхаго движенія ужаса, потомъ онъ онустился на голую руку усмирителя, обинивъ ее какъ мутою, а тамъ на голову и лица, которое покрыли совершенно, не причинивъ ему никакого вреда. После того онъ заставилъ ихъ ходить по столу. Всего страшнѣе то, что онъ производитъ тѣ же опыты съ ульемъ осъ и пчелъ и осъ, какіе ему представляютъ, и дѣлаетъ ихъ ручными черезъ пять минутъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Музыка въ Петербургѣ обнаруживаетъ свое существованіе только въ публичныхъ концертахъ на островахъ и въ Павловскѣ. Мы не считаемъ себя обязанными слѣдить за этимъ родомъ музыки съ нашимъ обыкновеннымъ вниманіемъ; все, что мы сказали въ последнемъ отчетѣ о господахъ Юсифѣ и Іоаннѣ Гунгляхъ, также какъ и о господинѣ Лумби, кажется намъ достаточно характеризующимъ исполненіе этихъ совсемъ различныхъ оркестровъ. И мы не возвратились бы къ нимъ, если бы не случилось одно замѣчательное событіе, которое въ нашъ промышленный, а следовательно и эгоистическій вѣкъ принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ исключеніямъ. Каждый вѣроятно догадывается, что дѣло идетъ о безкорыстіи.

Іоаннъ Гунгль, такъ долго и самовластно процвѣтавшій въ Павловскѣ, приводившій въ восторгъ всѣхъ любителей, и образовавшій собою центръ, вокругъ котораго привыкъ обращаться весь модный свѣтъ Петербурга, — Іоаннъ Гунгль вдругъ видитъ себя свергнутымъ съ высоты своей; другой Гунгль, котораго известность едва достигала до насъ, пріѣхалъ изъ Берлина, чтобы въ одно мгновеніе затмить блестящую звезду своего предшественника. Правда, что Юсифъ дядя Іоанна, по позвольте спросить, когда знаютъ свѣтъ и въ особенности свѣтъ музыкальный, не должно ли было ожидать страшнаго соперничества? Но тутъ совсемъ другое. Два Гунгля, — кажется, что мы уже сказали прежде, а теперь повторимъ еще разъ, — не только не въ соперничествѣ, но, напротивъ, они обходятся другъ съ другомъ, какъ лучшіе друзья, какъ самые вѣжные родственники. Намъ возразятъ можетъ-быть, старой поговоркой, что наружность часто обманчива и что никто не можетъ читать въ сердцахъ другаго! Отвѣчаемъ, что не наше дѣло читать въ сердцахъ дирижеровъ оркестра, и что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не о наружности, по объ обстоятельствахъ, случившемся открыто и при всѣхъ.

Оба Гунгля, недовольные тѣмъ, что отдають справедливость и предпочтеніе другъ другу, играя одинъ сочиненія другаго, — захотѣли показать изумленному и невѣрующему свѣту еще большее доказательство ихъ дружественныхъ и безкорыстныхъ чувствъ. Это, безпримѣрное въ нашихъ музыкальныхъ лѣтописяхъ, обстоятельство, случилось въ бенефисъ Іоанна Гунгля. Въ программѣ было сказано,

что Юсифъ Гунгль съ полнымъ оркестромъ прїѣдетъ нарочно изъ Павловска въ Новую Деревню, чтобы принять дѣятельное участіе въ праздникъ, даваемомъ въ пользу его племянника. Нечего и говорить, что весь городъ собрался сюда; этого также нужно было ожидать въ подобномъ случаѣ, гдѣ приводится въ движеніе столько чувствъ, начиная отъ простаго любопытства до самаго благороднаго филантропическаго чувства. И такъ отборная и многочисленная толпа кружилась по саду заведенія Минеральныхъ Водъ, когда вдругъ распространилась неприятная новость. Одно изъ непредвидѣнныхъ препятствій, замедлило прибытіе павловскаго оркестра. Но самъ Юсифъ Гунгль явился; полководецъ не хотѣлъ пропустить сраженія; армія его покинула и онъ прибылъ на мѣсто битвы одинъ, чтобы сражаться съ войскомъ, ему неизвѣстнымъ. Эта новость, сначала казалось долженствовала разрушить весь прекрасный предположенія этого праздника, произвела вскорѣ совершенно особенный интересъ; потому что оба Гунгля, въ ожиданіи прибытія павловскаго оркестра, дирижировали по очереди однимъ оркестромъ. Трудно изобразить все любопытство и вниманіе, съ какимъ публика слѣдовала за этими, одинаково искусными, двумя дирижерами, а также невозможно дать вернаго понятія о тысячахъ жаркихъ и занимательныхъ спорахъ, возникшихъ вскорѣ между приверженцами дяди и племянника. Очевъ замѣтно было, что когда дирижировалъ Юсифъ, рукоплесканія были громче и одушевленнѣе, нежели когда дирижировалъ Юганпъ. Нужно ли выводить изъ этого, что публика находила Юсифа лучшимъ дирижеромъ нежели Юганна, или она хотѣла признать его искусство въ дирижированіи, безъ приготовленія, чужимъ оркестромъ! Вопросъ трудный для рѣшенія! Но было обстоятельство, которое еще болѣе запутывало вопросъ, и которымъ въ особенности воспользовались приверженцы Юганна. Это то, что Юсифъ, получившій столько рукоплесканій, дирижировалъ одними пьесами Юганна, тогда какъ Юганнъ, получившій мало рукоплесканій, дирижировалъ также одними произведеніями Юсифа. Отсюда новый вопросъ: рукоплесканія эти относились ли къ дирижеру, или къ исполняемымъ произведеніямъ? На обширномъ поприщѣ, открываемомъ этими вопросами, приверженцы двухъ партій начали свое состязаніе и неизвѣстно, до чего бы дошли ихъ ревность и одушевленіе, если бы не отвлекъ ихъ прїѣздъ въ концѣ вечера павловскаго оркестра. И такъ теперь

каждый дирижеръ управлялъ своимъ оркестромъ, и нѣсколько шло, непоколебимыхъ этии двумя оркестрами вмѣстѣ, соединили мѣтнія и рукоплесканія, темъ сильно предубѣжденные и одушевленные до-тѣх-перъ.

Мы смотрѣли на этотъ праздникъ какъ на доказательство взаимнаго почтенія Гунглей, въ этомъ можетъ-быть мы зашли немного далеко. Все шествіе казано было со стороны Іесона. Нельзя думать, чтобъ такое прекрасное начало осталось безъ послѣдствій, и мы увѣрены, что этотъ прелестный праздникъ будетъ не разъ еще повторенъ не только въ Новой Деревнѣ, но и въ Павловскѣ.

Въ Новой Деревнѣ и въ Павловскѣ постоянно возбуждастъ истинныя рукоплесканія пѣса подъ заглавіемъ «Valse d'Adèle», сочиненная Іоганномъ Гунглей, и посвященная Госпожѣ Сошковой. Мы уже говорили объ этой прекрасной пѣснѣ.

Теперь скажемъ, что дѣлается въ музыкальномъ мѣрѣ въ Западной Европѣ :

Всѣ журналы кричатъ о представленіи на театрѣ Ея Величества въ Лондонѣ итальянскими пѣвцами новой оперы, слова которой написаны Скрибонъ, а музыка Галеви. Лѣтъ осемь или десять тому назадъ, журналы распространили молву, которая вездѣ и въ особенности въ Германіи, возбуждала всеобщее вниманіе. Мендельсонъ въ то время достигнулъ верха своей славы; его ораторія «Paulus» совершила путешествіе вокругъ свѣта; его гимны и псалмы были высоко оценены всеми знатоками серіозной музыки; его квартеты и симфоніи приводили въ восторгъ всѣхъ. Похвалы и энтузіазмъ къ Мендельсону были единодушны. И однако всѣ обожатели великаго композитора, какъ будто сговорившись, упрекаютъ его въ одномъ, и то въ такой степени, что послѣ каждой похвалы, можно быть увѣреннымъ, что найдешь упрекъ творцу ораторіи «Paulus», выраженный почти въ такихъ словахъ: «Почему такой великій композиторъ не рѣшается приняться за родъ сочиненія самый достойный его таланта, за драматическую музыку? Почему Мендельсонъ, доказавшій въ столькихъ превосходныхъ твореніяхъ, всю остроту ума, чистоту чувства и глубинну знанія, почему онъ, достойный преемникъ Моцарта, отказывается написать партитуру для оперы?» — И такъ эта молва, о которой мы говоримъ, казалось, точно была отвѣтомъ на этотъ упрекъ. Говорили и писали, что Мендельсонъ обѣщавъ сочинить для Лондона

близкую оперу, что самъ онъ выбралъ для нея великолѣпный сюжетъ, «Бурю» Шекспира, которую Скрибъ, самый искусный изъ всѣхъ либреттистовъ либретто, переделалъ для лирической сцены. Долгое время эта новость интересовала всѣхъ. Не тѣсно друзьямъ Мендельсона ждали осуществленія ихъ самаго живѣйшаго желанія; братерія «Elie» важна; смерть внезапно похитила молодого композитора и объ оперѣ «Буря» уже не было и помину. Впрочемъ, въ вѣрной воспоминаній молвѣ было нѣсколько и правды; какой-то лондонскій театръ предлагалъ Мендельсону написать оперу изъ одной изъ самыхъ знаменитыхъ драмъ величайшаго англійскаго поэта. Либретто было написано Скрибомъ, но сначала неравнинность композитора, а потомъ смерть его были причиною, что ему всегда недоставало либретто. Но Англичане упрямы, разъ мысль вошла въ ихъ голову сдѣлать изъ «Бури» оперу и поручить сочинять ее какому-нибудь знаменитому иностранному композитору, и они уже не хотѣли отказаться отъ нея, во чтобы то ни стало; имъ нужна была опера, и какъ Англичане кромѣ упрямства имѣютъ еще другія средства, средства, какъ кажется, превосходныя и непогрѣзительныя, то дѣло копчилось тѣмъ, что они добились оперы «Буря». Только вместо Мендельсона, уже умершаго, музыку написалъ Галеви и такую большую и такъ скоро!

И такъ поэма написана Скрибомъ по Шекспиру. *Шекспиръ* и *Скрибъ* — какая странная паралель! Скрибъ, великій трансляторъ маленькихъ общественныхъ интригъ, и Шекспиръ, великій поэтъ того, что есть самаго высокаго въ мирѣ — истории. Скрибъ, толкователь общественныхъ мнѣній девятнадцатаго вѣка, и Шекспиръ, который обширнымъ гениемъ своимъ, обнималъ все, что было самаго величественнаго на землѣ! Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ болѣе думаешь, тѣмъ болѣе находишь страннымъ сотоварищество этихъ двухъ именъ!

Какъ сумѣлъ Скрибъ подвести одну изъ самыхъ фантастическихъ драмъ подъ уровеньъ итальянской оперы? Онъ долженъ былъ обращаться съ этою необъятною и поэтической поэмою — «Бурею», какъ съ двусмысленнымъ лѣсомъ, гдѣ вѣковые дубы растутъ перемѣшиваясь тѣмъ и слѣтъ съ кедрами, платанами, пальмами и все это перемешанное чужездными лианами. Съ топоромъ и веревкою въ рукѣ, онъ долженъ былъ не жалѣя рубить, уравнивать и извлекать съ корнями, чтобы этотъ роскошный и очаровательный лѣсъ превратить въ

модный наркъ, съ правильными аллеями, покрытыми пескомъ стѣжъ, съ перспективами, искусно рассчитанными.

Краткій разборъ либретто докажетъ нашимъ читателямъ, сколько Скрибъ былъ искусенъ, чтобы понизить этого гиганта Шекспира до своего уровня.

Прологъ начинается инструментальной интродуціей, къ которой скоро присоединяется хоръ невидимыхъ духовъ. Потомъ появляется корабль, везущій короля неаполитанскаго, похитителя престола у своего брата Просперо, со всею свитою. Похититель погруженъ въ сонъ; ему видятся грѣзы и хоръ духовъ упрекаетъ его въ преступленіи. Въ это время является и исчезаетъ Аріель: онъ даетъ сигналъ молніямъ, грозъ и вѣтрамъ. Скрибъ не счелъ нужнымъ оставить силу Аріелю этотъ таинственный и гармоническій голосъ, который далъ ему Шекспиръ. Скрибъ, видѣвшій чрезвычайную выгоду танца въ своей «Нѣмой изъ Португи» (въ Фенелль), находилъ что роль Аріеля превосходна для танцовщицы. И такъ Карлотта Гризи вызываетъ бури и грозы. Путники поютъ молитву, но небо не внимлетъ ей, — корабль разбивается и поглощается волнами; Аріель и хоръ духовъ, сдѣлавшійся видимымъ, улетаютъ; занавѣсъ падаетъ. Постановка на сцену этого пролога была чрезвычайно великолѣпна.

Первое дѣйствіе вводитъ насъ въ гротъ Просперо, котораго такъ занимала любовь къ наукамъ, что онъ допустилъ своему брату свергнуть себя съ престола. Но знаніе всегда къ чему нибудь пригодится. Если Просперо не повелѣваетъ болѣе людьми, за то онъ имѣетъ власть надъ духами. Первымъ подданнымъ онъ имѣетъ Аріеля, чудесно избавленнаго имъ на островъ, на которомъ онъ обитаетъ теперь. Аріель бодрствуетъ надъ Мирандою, любимой дочерью Просперо, единственнмъ утѣшеніемъ его въ уединеніи. Хоръ гнѣвъ и духовъ усыпляетъ сладкимъ пѣніемъ молодую дѣвушку. Миранда, представляемая госпожею Зонтагъ, поетъ большую арію, встрѣченную громкими рукоплесканіями. Является Просперо въ чертахъ Коллети, и Калибанъ въ образъ Лаблаша. Лаблашъ въ Калибанъ — это идеалъ смѣшнаго. Самъ Шекспиръ остался бы доволенъ такимъ осуществленіемъ своей мысли. Необыкновенно длинные и всклокоченные волосы, медвѣжья шкура на плечахъ, руки и ноги обнаженные, и при всемъ этомъ физиономія и взглядъ Лаблаша! Это чистый Калибанъ, какимъ воображалъ его Шекспиръ. Для усаха

этой оперы достаточно уже одного Лаблана-Калибана. Миранда, Просперо и Калибанъ поютъ трю. Потомъ Просперо поетъ своей дочери романсъ и даетъ порученія любезному Ариелю.

Сынъ похитителя престола, племянникъ Просперо, является въ свою очередь, въ сопровожденіи послушнаго и вѣрнаго сальва Фернандо (роль котораго играетъ новый теноръ Бокардо), примѣчаетъ Миранду; воспламеняются другъ къ другу любовью и они, какъ это обыкновенно бываетъ во всехъ возможныхъ операхъ, поютъ большой дуэтъ.

Во второмъ дѣйствіи (здѣсь французскій поэтъ прибавилъ много своего), Калибанъ разговариваетъ съ своею матерью Сикораксою, заключенною въ скалы. Пльнница указываетъ ему на букетъ волшебныхъ цвѣтовъ, съ помощью которыхъ могутъ исполниться три его желанія.

Калибанъ спышитъ получить талисманъ, посредствомъ котораго надѣется завладѣть Мирандой. Чтобы навѣрно похитить ее, онъ дѣлаетъ такъ, какъ дѣлалъ Ловеласъ съ Кларисою Гарловъ: онъ усыпляетъ ее, и вотъ сдѣлано употребленіе волшебнаго букета.

Когда Миранда уснула, Калибанъ унесъ ее на своихъ рукахъ, но на пути онъ встрѣчается съ матросами и ихъ капитаномъ, спасшимися отъ кораблекрушенія. Тринкуло (капитанъ) не такой человекъ, который бы могъ оставить въ жертву чудовищу Калибанъ, красавицу Миранду. Онъ приглашаетъ Калибана пить съ нимъ; Калибанъ пьетъ до пьяна и запѣваетъ бакхическую пѣсню какимъ-то вѣсестественнымъ голосомъ. Волшебные цвѣты выпадаютъ изъ рукъ его. Миранда овладѣваетъ ими и поражаетъ Калибана неподвижностью.

Въ «Бурѣ» Шекспира развязка дѣлается гораздо проще. Воспламенивъ любовь, чрезъ посредство Ариеля, въ сердца Миранды и Фернандо, возвративъ отъ своего брата отнятое имъ герцогство, Просперо отдаетъ ему сына, котораго тотъ считалъ потеряннымъ. Открывается гротъ и видны Фернандо и Миранда, играющіе въ шахматы. «Мой вѣжный господинъ, вы меня обманываете (*mon doux seigneur, vous me trichez!*)» говоритъ наивная Миранда, и Фернандо отвѣчаетъ: «нѣтъ, моя любовь, я не захочу этаго сдѣлать ни за что въ мірѣ» (*non, mon cher amour, je ne le voudrai pas pour le monde entier.*) Скрибъ, разувается, оканчиваетъ иначе свою пѣсню.

Третье действие начинается сценой, где почитаемый соиздается на своих преступлений и примиряется съ Просперо. Неогдннй-ушастн о похищеніи своей дочери и освобождает Аріэля, заключеннаго чудовищамъ въ дупло дерева. Возвращается Миранда, постоянно мечтающая о Фернандо; но раздаются голоса Сижараксы, совѣтующей ей убить того, кого она любитъ, потому что онъ замѣнялъ зароломннй и чте отецъ тоже ей приказываетъ. Убѣжденная Миранда возвращается въ гротъ, гдѣ находитъ Фернандо, слящаго на дерновой скамейкѣ. Она заноситъ на него кинжалъ, но въ эту минуту входятъ матросы и Калибанъ. Матросы признаютъ герцогомъ Фернандо, къ удивленію чудовища. Фернандо указываетъ самъ на Миранду, говоря: «вотъ ваша герцогиня». Талисманъ играетъ еще свою роль; театръ перемѣняется и блестящій апотеозъ открываетъ предъ нашими взорами Фернандо на тронѣ, по сторонамъ его Антоніо, его братъ и Альфонсъ, король неаполитанскій. Просперо въ наказаніе оставляетъ Калибана одного на островъ.

Вотъ содержаніе либретто! Мы представили его съ такою подробностью, что читателямъ не трудно будетъ судить объ немъ. Что же касается до музыки Галевн, то чрезвычайно трудно дать о ней столь же ясное понятіе. Никакъ невозможно было составить вѣрное понятіе о ней, до того различествуютъ во мнѣніяхъ иностранные журналы. Большая часть французскихъ журналовъ кричатъ, что Галевн написалъ эту новую и очень полную партитуру въ самое короткое время, не болѣе какъ въ три мѣсяца, и что онъ превзошелъ въ «Бури» всякую новѣйшую музыку. Они находятъ, что это новое сочиненіе составляетъ средину между итальянскимъ и французскимъ родомъ музыки. «Галевн показалъ въ партитурѣ «Бури» говорятъ эти журналы, «что Италия всегда была его второю матерью, чте его голнй, существенно французскій, могъ лучше нежели когда-нибудь наслаждаться въ области чистой мелодіи и удовольствоваться строгостью, необходимой въ дѣлѣ инструментовки. Вы ее встрѣтите во многихъ частяхъ «Бури», гдѣ онъ довелъ оркестръ до самаго престаго выраженія. Въ другихъ частяхъ, и особенно въ прологѣ, онъ рсточилъ съ особеннымъ умѣньемъ все великолѣпіе новѣйшаго искусства, озрвынаго подъ солнцемъ трехъ великихъ школъ музыки: итальянской, французской, нѣмецкой. И такимъ образомъ музыка обрзава ему однимъ образцовымъ произведеніемъ болшае.»

блестящ. и не враны, которую смотрять на сужденія парижскихъ журналовъ, какъ на непогрязимость орacula. Недоброжелательность въ отношеніи къ нимъ всегда справедлива. Господинъ Галеви, это дело уже известно, въ дружбѣ съ французской журналистикой, и притомъ въ такой степени, что мы не смеемъ даже рать вполнѣ ни одному сужденію о немъ французскихъ журналовъ. На этотъ случай имеемъ, впрочемъ, лондонскіе журналы для противоположности нарисовкимъ; и намъ кажется, что они гораздо свободнѣе, а следовательно болѣе безпристрастны въ своихъ посядущихъ сужденіяхъ. Эти англійскіе журналы отнюдь не раздвигаютъ восторга французскихъ; они отдають справедливость многимъ красотамъ, заключеннымъ въ новой партитурѣ, но судя по нимъ, «Буря» не имѣла того успѣха и не произвела такою восторгу, какъ это подробно изображаютъ французскіе журналы. Очень естественно, и мы хотимъ вполне вѣрить французскимъ журналамъ, что городъ, столь гостеприимный какъ Лондонъ, сдѣлалъ великодушный пріемъ двумъ знаменитымъ и столь же известнымъ лицамъ, какъ Сирибъ и Галеви. Давали празднества и особенные пиры въ честь французскихъ гостей. Много эдак (французскіе журналы представляютъ вѣрную и подробную карту востокъ блюду) много пили и не мало было оныхъ; и такъ мы вполне увѣрены, что ведевиастъ и композиторъ веселился много въ столицѣ этой perfide Albion, противъ которой онъ прежде кричалъ и плакалъ. Можетъ быть, благодаря лондонскимъ пирамъ, ихъ политическія мнѣнія стануть гораздо миролюбивѣе, въ отношеніи къ Англии.

Одно литературное изданіе, вышедшее въ Парижѣ, надвѣвало довольно шуму не въ одной Франціи. Это книга господина Скудо подъ заглавіемъ: «Critique et littérature musicales». Имя автора съ вѣкотораго времени пользуется довольно выгодною извѣстностью; по его музыкальнымъ статьямъ, помѣщаемымъ время отъ времени въ «Revue de deux mondes» и въ некоторыхъ другихъ французскихъ журналахъ. Произведеніе, изданное имъ, заключаетъ въ себя статьи вышедшія уже прежде; съ прибавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ; но послѣднія не такъ важны. Не лучше сдѣлалъ бы Скудо, еслибы выпустилъ статью подъ заглавіемъ — «Franz List». Эта статья, написанная съ кротостью и съ жалкою азвительностью, смѣлалась помянуть и унизить первую изъ знаменитостей современной музыки, не только не достигла своей цѣли, но, какъ часто случается съ плохими ору-

жизнь, которое иногда осмеливаются употреблять личные чувства, упало на самого автора и вполне разрушило все хорошее дѣйствіе, производимое некоторыми статьями, заключающимися въ этой книгѣ. Читая эту статью прежде всего замѣчаемъ, что авторъ хотѣлъ написать ее не о Листѣ, но *противъ* Листа; замѣчаемъ, что все, что читаемъ, написано не судью, но врагомъ. И чтобы насытить свою ненависть, къ какимъ жалкимъ средствамъ прибѣгнулъ авторъ! Даже, какъ открытый врагъ, онъ не смѣлъ отрицать необыкновеннаго таланта въ Листѣ, и потому обращается къ человеку, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать артисту. Онъ хотѣлъ бы увѣрить читателей, что чудная жизнь Листа есть больше ничего какъ шарлатанство, что личный успѣхъ великаго пианиста есть больше ничего какъ успѣхъ искуснаго комедіанта, что нѣтъ ничего истиннаго, дѣйствительнаго въ жизни Листа, и даже въ его благотворительности! Какъ вездѣ, гдѣ ни былъ Листъ (а гдѣ только онъ не былъ!), всѣ могли его знать, — какъ частная жизнь его повсюду была столько же почти общественна какъ и его концерты, то мы считаемъ совершенно бесполезнымъ опровергать статью Скудо, которая, мы вполне увѣрены, будетъ повсюду принята съ негодованіемъ. Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить нашимъ читателямъ мнѣнія хорошей и здравой критики изъ сочиненія, недавно явившагося въ «Revue et gazette musicale». Сказавъ объ оскорбительномъ, колкомъ, и язвительномъ стилѣ, отъ котораго желчное перо писателя не могло кстѣти удержаться противъ современныхъ артистовъ, эта критика заключаетъ такъ: «Если Скудо надѣется этими нападками и этимъ постоянствомъ насмѣшки, увлечь опытнаго, свѣдущаго и знающаго свѣтъ читателя, то онъ ошибается; этотъ тонъ, поддерживаемый насмѣшливою живостью и горькою ироніею ведетъ всегда къ недоувѣрчивости; онъ можетъ иногда прибавить силу доказательствамъ, но чаще всего служитъ прикрытіемъ слабой стороны. Если же, напротивъ, господинъ Скудо думалъ только о томъ, чтобы приобрести большинство читателей, которыхъ необходимо плѣняетъ язвительное жало насмѣшки, то онъ разсуждалъ справедливо: книгу его будутъ читать, но прочтутъ не лучшія главы, но тѣ, въ которыхъ преобладаетъ раздраженная личность. Это жалъ. Есть довольно достоинства въ остальномъ сочиненіи, чтобы обойтись безъ подобнаго средства къ успѣху.»

— Въ Лондонѣ, Фреңцоллини дебютировала въ «Lucrezia Borgia» на театрѣ Ея Величества. Успѣхъ этой пѣвицы былъ полонъ; во второмъ и третьемъ актахъ вся зала рукоплескала ей. Дѣвица Ида Бертрадъ пѣла въ небольшой роли Орсини, изъ которой она сдѣлала важную роль, и должна была повторить куплеты: «Il segreto per esser felice».

На Ковентгарденскомъ театрѣ недавно давался «Робертъ»; въ прошломъ году его пѣли: Сальви, Марини, Лавиа, госпожи Дорюсъ-Грасъ и Корбари, а теперь поютъ: Тамберликъ, Форнестъ, Марио, госпожи Гризи и Кастелланъ. Произведеніе, кажется не потеряло ничего отъ этой переменны! Диллетанты Парижской оперы дорого бы дали, чтобы увидѣть Гризи въ роли Алисы, и Марио въ роли Реймбода, гдѣ онъ выказывается въ самой восхитительной простотѣ, и въ самой остроумной грубости.

Двадцать перваго іюня былъ здѣсь годовой концертъ Бенедикта. Вотъ имена, украшавшія программу этого торжества: госпожи Зонтагъ, Фреңцоллини, Пароди, Джулиани, Ида Бертрадъ, Гай (Hayes), Ф. Руммель; господа Гардони, Кальцорали, Бокардо, Колетти, Веллетти, Лаблашъ отецъ и сынъ, Галлѣ, Осборнъ, Слоперъ, Бенедиктъ, Эрнстъ, Моликъ, Пятти и Вивьо. Сверхъ всего этого былъ еще огромный оркестръ и многочисленный хоръ.

— Виардó-Гарсія оставила Берлинъ; передъ отъездомъ она получила въ подарокъ брилліантовый браслетъ въ двѣ тысячи талеровъ отъ принцессы Луизы, дочери принца Карла-Прусскаго, которая брала уроки пѣнія у знаменитой артистки. На прощаніи, Виардó показывалась на сценѣ въ «Гугенотахъ», такимъ-образомъ Берлинцы гораздо счастливѣе Парижанъ, которые видѣли ее только въ «Пророкѣ».

Отъездъ Виардó не прекратилъ представленій образцоваго произведенія Мейербера. Мѣсто ея заняла дѣвица Вагнеръ, исполнявшая уже роль Фидесы въ Дрезденѣ. Вагнеръ имѣетъ важную и гордую осанку; она владѣетъ сильнымъ и звонкимъ органомъ, но еще не совершенна въ отношеніи легкости и гибкости голоса. Она превосходна особенно въ третьемъ и четвертомъ актахъ. Роль «Jean de Leid» исполняетъ Тихачекъ. Но Вагнеръ и Тихачекъ пробудутъ здѣсь не долго; мѣсто первой займетъ франкфуртская пѣвица госпо-

на Берендъ-Брандъ, а на мѣсто втораго поставитъ вѣнскій артистъ Андоръ.

Изъ концертовъ въ Берлинѣ, особенно замѣчательнъ былъ придворный концертъ, гдѣ исполнено новое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Falkentanz» (danse aux flambeaux), написанный знаменитымъ композиторомъ на день бракосочетанія принцессы Саксенъ-Мейнингенской. Эта пьеса очень оригинальна и производитъ очаровательный эффектъ. Ею наполняли двѣсти музыкантовъ, выбранныхъ изъ оркестровъ кавалерійскихъ полковъ, подъ дирижерствомъ Випрехта.

— Въ *Веймарѣ*, благодаря дѣятельности Франца Листа, нынѣшній музыкальный сезонъ былъ самый блестящій. Въ числѣ самыхъ интересныхъ пьесъ, которые исполнялись на Велико-Герцогскомъ театрѣ, мы назовемъ: «Июгенію», — Глюка; «Графа Ори», — Россини; «Приключеніе при Карлѣ-Второмъ» (Une aventure sous Charles II) — Кювона (Küwen) и «Танхаузеръ» — Р. Вагнера. Въ эту минуту находимъ тамъ знаменитый скрипачъ Іоакимъ и датскій композиторъ Саломонъ. Іоакимъ игралъ на вечерѣ у Листа. «Еліе» Мендельсона былъ исполненъ въ соборной церкви оркестромъ придворнаго театра и хоромъ общества пѣвца, подъ дирижерствомъ Листа. Теперь изуститъ дѣятельно хоры изъ «Ищевія» — новой оперы Саломона и изъ «Антигоны» Генделя.

— Въ *Кассель* Споръ (Spohr) вполне поправившійся отъ слѣдствій паденія, окончилъ свою девятую симфонію; она называется «Les Saisons», и будетъ исполнена придворною капеллою.

— Жюлли-Линдъ прибыла въ концѣ мая въ Стокгольмъ. Молодая дѣвушка, одѣтая въ бѣлые платья, встрѣтила ее и поднесла ей вѣтки и вѣнки. Карета, запряженная четверкой бѣлыхъ лошадей, посланная филармоническимъ обществомъ, доставила ее въ отель, гдѣ приготовлено было для нея нѣсколько комнатъ. Вечеромъ, въ всѣхъ комнатахъ дома были иллюминированы; были серенады и гулянья съ факелами въ честь ея. Знаменитая пѣвица дастъ шесть концертвовъ на Королевскомъ театрѣ и, по обыкновенію, билеты уже разбираются заранее. Жюлли-Линдъ согласилась принять главную роль въ новой оперѣ, написанной Изидоромъ Жолонъ; музыка сочинена къ ней Шерри-Гартманомъ. Опера будетъ исполнена, на большомъ театрѣ, по слу-

чаю предстоящаго бракосочетанія королевскаго принца съ принцессою Луизою Нидерландскою. Ангажементъ Женин-Линдъ въ Америку начнется съ перваго октября, но она отправится въ Нью-Йоркъ не раньше сентября мѣсяца.

— Знаменитый теноръ Гайтцингеръ, приглашенный уже три года тому назадъ въ Карlsruэ, оставляетъ сцену, чтобы поселиться въ своемъ имѣннн въ Штирии. На прощаннн отъ мнн въ «Robert-ю-diable» Мейербера. По этому случаю дамы въ Карlsruэ послали Гайтцингеру лавровый вѣнокъ изъ серебра и пивцы отъ артистами оркестра велико-герцогскаго театра подвесили ему большой серебряный вызолоченный этандъ, на одной сторонн котораго была слѣдующая надпись: *Гайтцингеру, нашему другу и товарищу*, 24 мая 1880; а на другой сторонн названн ролей, въ которыхъ знаменитый певецъ имнн самый большой успнхъ, а именно: Робертъ, Линдоръ изъ «Севильскаго Цирюльника»; Мазаниелло изъ «Ивмой изъ Портучи» (Фееллы); Балмонть изъ «Востаннн въ Сераль». — Моцарта; довъ Оттавіе изъ «Донъ-Джювани»; Страделло, Флористанъ, Адоларъ, и Эдгардо.

— Въ Дюссельдорфъ было великое музыкальное торжество: состязанн въ пвнн сорока трехъ филармоническихъ обществъ Германн. Музыкальная комсснн назначила шесть призовъ, которые и были розданы. Главный призъ, состоящн изъ огромнаго серебрянаго вызолоченнаго бокала, украшеннаго рельефными гирландами, былъ присужденъ Кельнскому обществу мужскаго пвнн, собравшагося на состязанн въ числн шестидесяти пяти членовъ и исполнившихъ двн псесы; «Signalement» — Францоа Куккена («Kucken») и «Gai marcheur», Мендельсонъ-Бартольди. Второй призъ, серебряный бокалъ въ готическомъ вкусн, достался обществу Concordia изъ Бонна. Остальные четыре приза получили общества Рейса, Геффарта, Лоббената и Греца.

— Призы и подарки теперь вошли въ большое употребленн; вотъ и въ Лейпцигн, Ферзингн, директоръ театра, поднесъ великолнпную серебряную стопу Видоманну, въ награду ревности и таланта, оказаннаго артистомъ въ роли «Jean de Leyde». На стопн находится надпись: «Au chanteur du Prophète».

— Въ Нидерландахъ, отдвленин Общества преподаванн музыкальнаго искусства, соперничаютъ въ ревности къ классической музыкн,

исполнили, — амстердамское отделение общества: «Вторую мессу» Бетгоvena; «115 псаломъ» — Мендельсона и «Paulus» того же автора; — гагское отделение: «Destruction de Jérusalem» — Гиллера, «Machabees» — Гепделя; «Первую мессу» — Бетгоvena; «Lauda Sion» Мендельсона и «Walpurgis-Nacht» того же автора; — отделение роттердамское: «Elie» — того же автора.

— Нидерландскій король издалъ повелѣніе, которымъ объявлялось, что каждый годъ на французскомъ театрѣ въ Гагъ будетъ представляться новая комическая опера, написанная нарочно для этой сцены знаменитыми французскими драматическими поэтами. Музыка этой оперы будетъ предметомъ состязанія; только голландскіе композиторы будутъ имѣть право состязаться, и побѣдитель получитъ золотую медаль первой величины, на одной сторонѣ которой будетъ находиться бюстъ короля, окруженный дубовымъ вѣнкомъ и лаврами, съ латинскою надписью: *Vene merentibus*; съ другой стороны, — лира окруженная лучами и въ низу латинскія слова: *Arti et ingenio*. Подобная медаль будетъ каждый годъ назначаться за сочиненіе лучшей комедіи или трагедіи на голландскомъ языкѣ.

— Дѣвица Ниссенъ, шведская пѣвица, поочереди поетъ то въ Амстердамѣ, то въ Гагѣ, то въ Роттердамѣ. Вездѣ она имѣла самый лестный и полный успѣхъ.

— Въ Парижѣ по прежнему безпрестанно даютъ «Пророка» и Альбони приводитъ всѣхъ въ восторгъ; она чудна въ роли Фидесы; роль «Jean de Leyd» играетъ Рожеръ.

— Черная Малибранъ или, если хотите, покоющая Урика, о которой съ котораго времени начинаютъ поговаривать, поетъ иногда въ небольшомъ кругу въ салонѣ директора оперы. Госпожа Мартинецъ (это ее настоящее имя) владѣетъ самымъ тонкимъ и превосходнымъ органомъ. Она поетъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ съ большимъ искусствомъ, даже съ изяществомъ, и сопровождаетъ мимикой, достойной превосходной артистки. Голосъ ея, немного испортившійся въ слѣдствіе перемѣны климата, имѣетъ болѣе выразительности, нежели блеску; и если онъ не слишкомъ обширенъ, за то повинуется всей игривости быстрыхъ движеній и разнообразію радостныхъ или печальныхъ, насмѣшливыхъ или задумчивыхъ акцентовъ. Мало того чтобы

слушать вѣнцу, нужно ее видѣть: это въ одно время и спектакль и музыка. Королева испанская очень справедливо помѣстила ее между своими придворными артистами.

— Большое торжество, продолжавшееся нѣсколько дней, происходило въ Анжеръ, вмѣстѣ съ собраніемъ общества артистовъ-музыкантовъ. Ужасная катастрофа, опечалившая этотъ городъ и всю Францію, замедлила это празднество, и только въ концѣ маія оно было исполнено съ такимъ великолѣпиемъ, что на долго оставитъ по себѣ память. Первый день былъ посвященъ исполненію «Мессы», сочиненной Нидермейеромъ для праздника святой Цециліи. Эффектъ этого прекраснаго сочиненія былъ не менѣе полонъ въ Анжеръ, какъ и въ Парижъ. Алексисъ Дюпонъ пѣлъ «O Salutaris» своимъ чистымъ голосомъ и какъ пинетъ одинъ изъ просвѣщенныхъ слушателей: «Такъ хорошо созданнымъ для храма, котораго онъ дышетъ святостью и котораго наполняетъ обширное пространство. Между Credo и Sanctus, тотъ же артистъ пѣлъ «Esse panis» Керубини, аккомпанируемый однимъ только органомъ. Предметомъ втораго дня былъ духовный концертъ, программа котораго была великолѣпна. Отрывки изъ «Création» Гайдена, изъ «Stabat mater» — Россини, изъ «Моисея» того же композитора, изъ симфоніи въ «la» Бетговена, смѣшаны были съ аріями и съ соло, исполненными лучшими артистами. Особенно замѣчательно то, что хоры, въ церкви и въ духовныхъ концертахъ, почти вполнѣ были составлены изъ однихъ любителей, и что они отличались не столько красотой голоса, сколько вѣрностью цѣлаго.

Въ Поатѣ была пропѣта месса въ fa-mineur — Керубини въ церкви Saint Jean-de-Montierneuf. Соло поручены были госпожѣ Дорюсъ, Эспинасъ и какому-то господину Д***. Прибавлено было «O salutaris» — Адольфа Адана, пропѣтое госпожею Дорюсъ. Во второй день господинъ Делявольтъ исполнялъ отрывки изъ одной оперы и аудиторія приняла ихъ съ особенною благосклонностью. Потомъ были исполнены симфонія въ «la» Бетговена, хоръ изъ «Ruines d'Athènes», увертюра изъ «Оберона», триумфальный маршъ Риса; концертъ дирижируемый господиномъ Лефоромъ, окончился финаломъ перваго акта «Жидовки», этого безсмертнаго произведенія Галеви.

— Въ «Gazette musicale de Milan» находится статья подъ заглаві-

омъ «Robert-le-Diable», изъ которой мы изыскали слѣдующія подробности: одинъ богатый Голландецъ составилъ библиотеку въ тысячу томовъ, содержащихъ афиши представлений лучшихъ оперъ во всѣхъ значительныхъ городахъ свѣта, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ. Между-прочимъ въ нихъ находятся указанія на всѣ дебюты, бенефицы, на жизнь артистовъ, на подарки, которые они получили и прочая. Въ началѣ оперы стоятъ «Robert-le-Diable». Всемирный успѣхъ этого образцоваго произведенія кажется въ-самомъ-дѣлѣ баснословнымъ. Опера давалась на семидесяти театрахъ во Франціи, на пятидесяти-двухъ театрахъ въ Германіи. Наконецъ, ея восхищались въ Венгріи, Богеміи, Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Англии, Россіи, Дании, Швеціи, Молдавіи, Польшѣ, Португаліи; въ Новомъ-Орлеанѣ, Нью-Йоркѣ, на островѣ Бурбонѣ, на Иль-де-Фраснѣ, въ Алжирѣ, въ Перу и прочая.

«Пророкъ» не смотря на недавнее свое происхожденіе, не многимъ уступитъ «Роберту». Мы уже говорили о путешествіи его по Европѣ, а теперь онъ уже отправляется въ Новый Свѣтъ, въ Америку. Въ Новомъ-Орлеанѣ, въ день закрытія французскаго театра давали «Пророка» съ необыкновеннымъ богатствомъ и великолѣпіемъ въ декорацияхъ и костюмахъ, безпримѣрныхъ въ театральныхъ лѣтотнискѣ! Объ успѣхѣ оперы разумется и говорить нечего: гдѣ его не было! Роль Фидесы пѣла голландская артистка дѣвица Van Pries, и заслужила громкія рукоплесканія.

В. ДАМКЕ.

=

ОГЛАВЛЕНИЕ

СТО-ВТОРАГО ТОМА.

—

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Путевыя замѣтки въ Сиріи и Палестинѣ. Статья первая.

Н. Ст — на..... 3

Недоумьніе. Повесть *Е. Г—ва*..... 37 ✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Эрнестъ Мальтреверсъ. Романъ Эдуарда Ляттона Бульвера.

Книга первая..... 1 ✓

То же. Книги вторая, третья и четвертая..... 63 ✓

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Яковъ Борисовичъ Княжининъ. Статья третья и последняя. <i>Вл. Стаюнина</i>	1
↪ Бетховенъ.....	53
✓ Древнія историческія саги Персіи.....	59
Испанскіе обычаи и нравы.....	79
✓ Живопись во Франціи въ осемнадцатомъ столѣтіи. Статья седьмая. <i>Натъ. Д. Мацкевича</i>	117
Музыкальныя воспоминанія. Статья вторая. <i>Б. Дамке</i>	131

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

✓ Историческо-статистическое обозрѣніе черноморской и азовской торговли отъ начала осемнадцатаго столѣтія до новѣйшихъ временъ. Періодъ первый. <i>Г. Н — а</i>	1
Хлѣбъ въ Англіи, при пониженномъ тарифѣ.....	19

V.

КРИТИКА.

Греческія стихотворенія Николая Я. Щербинны. Одесса, 1850.	1
--	---

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Июнь, 1850. Новыя книги.....	1
Июль, — Новыя книги.....	43
— — Разныя извѣстія.....	43

VII.

С М Ъ С Ъ.

ИЮЛЬ.

Кулики и Бекасы	1
Плинній естествоиспытатель.....	11
Женни Линдъ.....	23
Россиин и первыя представленія Севильскаго цирюльника.....	28
Аль-Арби, барышникъ. Марокскіе нравы.....	36
Карета министра.....	47
Слѣпой отъ рожденія.....	57
Музыкальныя новости.....	78
Новыя музыкальныя сочиненія.....	96
Моды.....	101

АВГУСТЪ.

Народное просвѣщеніе въ Россіи.....	111
Почтовая дѣятельность въ Россіи.....	113
Воздухо-паровыя машины.....	115
О восточныхъ розахъ и объ открытіи розовой эссенціи	117
Островъ Куба.....	121
Островъ Черепаха.....	125
Людовикъ Филиппъ и Галеви.....	129
Сэръ Робертъ Пиль.....	130
Сэръ Робертъ Пиль и Скрибъ.....	135
Джонъ Пари.....	136
Лордъ Чаттертонъ.....	137
Путевыя записки.....	151
Лазуревая пещера.....	158
Дядя изъ Америки.....	168
Пр. Пр.....	176

Карета австрийского императора.....	185
Восточный подарок.....	185
Усмиритель пчелъ.....	185
Музыкальныя новости.....	186
Новыя музыкальныя сочиненія.....	201
Моды	207

=

